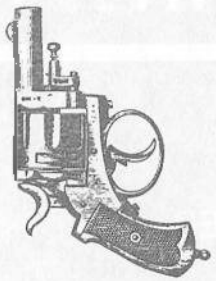
Юрген Торвальд

СТО ЛЕТ КРИМИНАЛИСТИКИ



Jürgen Thorwald

DAS JAHRHUNDERT DER DETEKTIVE

WEG UND ABENTEUER
DER KRIMINALISTIK

ZÜRICH 1964

Юрген Торвальд

СТО ЛЕТ КРИМИНАЛИСТИКИ

ПУТИ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

Перевод с немецкого *М. Б. Колдаевой*
Под редакцией Н. С. *Алексеева*

АЛМАТЫ
"ЖЕТІ ЖАРҒЫ", 1995

ББК 67.99 (2) 8
Т 59

Печатается по изданию: М., изд-во "Прогресс", 1974 г.

Художник *Гиният Лукманов*

Торвальд Ю.
Т 59 Сто лет криминалистики: Пер. с нем. М. Б. Колдаевой/ Под редакцией Н. С. Алексеева. — Алматы: "Жеті жарғы", 1995 — 432 с.

ISBN 5-7667-3087-X

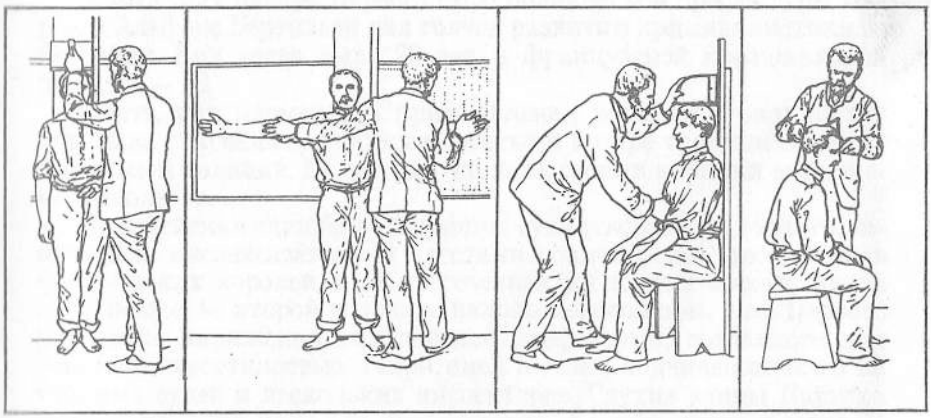
Предлагаемая вниманию читателей книга Ю.Торвальда — это не научный трактат или учебник, не детективная повесть и не псевдонаучное сочинение, смакующее пикантные подробности страшных преступлений. Это книга о длительных и упорных поисках путей использования в борьбе с преступностью данных науки, о победах и поражениях, об ошибках и достижениях исследователей в области криминалистики и судебной экспертизы.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

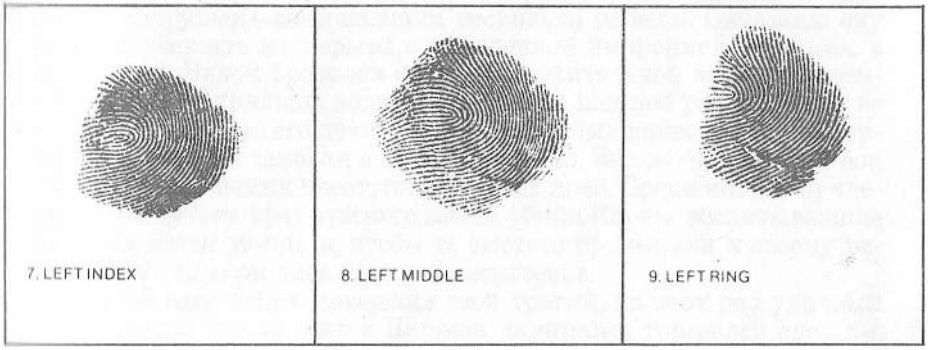
Т $\frac{1203021100 - 009}{419 (05) - 95}$ без объявления — 95 ББК 67.99 (2) 8

ISBN 5-7667-3087-X

I. Неизгладимая печать, или приключения с идентификацией



Бертильонаж или дактилоскопия?



1. Париж 1879 года. История французской криминальной полиции (Сюртэ) от Эжена Франсуа Видока до Гюстава Масе

В 1879 году писарь Первого бюро полицейской префектуры Парижа Альфонс Бертильон дал толчок развитию криминалистики во Франции. Ему тогда было 26 лет, а французской криминальной полиции — 70.

Сюртэ, как называлась криминальная полиция Франции тех лет, была старейшей, с самыми богатыми в мире традициями криминальной полиции. Ее история уходила своими корнями во времена Наполеона.

Полицейская служба во Франции, существовавшая до этого, занималась выслеживанием и арестами политических противников французских королей, а не пресечением уголовных преступлений. Но и позже, во второй половине наполеоновской эры, шеф Первого отделения парижской полицейской префектуры, созданного для борьбы с преступностью, Генри имел в своем подчинении всего 28 мировых судей и нескольких инспекторов. Глухие улицы Парижа были настоящим раем для многочисленных разбойников и воров. И лишь в 1810 году, когда волна преступлений готова была затопить Париж, пробил час рождения Сюртэ, а также решилась судьба ее основателя Эжена Франсуа Видока.

До 35 лет Видок вел беспорядочную жизнь, полную приключений. Сын пекаря из Арраса, он был артистом, солдатом, матросом, кукольником, арестантом (он избил офицера, соблазнившего одну из его подружек), совершившим несколько побегов. Однажды ему удалось убежать из тюрьмы в украденной им форме жандарма, в другой раз Видок бросился с головокружительной высоты тюремной башни в бурлящие воды протекавшей под ней реки. Но ему не везло: каждый раз его ловили. Наконец он был приговорен к каторжным работам и закован в цепи. В тюрьмах Видок годами жил бок о бок с опаснейшими преступниками тех дней. Среди них были члены пресловутого французского клана убийц Корню, воспитывавшие из своих детей убийц, и, чтобы те быстрее привыкали к своему ремеслу, им для игры давали головы мертвецов.

В 1799 году Видок совершил свой третий, на этот раз удачный побег. Десять лет он жил в Париже, занимаясь торговлей одежды.

Но все эти годы бывшие соседи по тюрьмам шантажировали его и угрожали выдачей властям. Возненавидев их, Видок сделал решительный шаг в своей жизни. Он отправился в полицейскую префектуру Парижа и предложил использовать его знание уголовного мира для борьбы с преступностью. За это Видок просил, чтобы ему простили уголовное прошлое.

Спустя 70 лет некоторые чиновники Сюртэ испытывали неловкость, когда речь заходила о Видоке и о возникновении криминальной полиции Франции. Это было связано с тем, что жизнь Видока до 1810 года противоречила всем преставлениям об образе жизни полицейского служащего, не говоря уже о шефе криминальной полиции. Все забыли, в каком тяжелом положении были тогда шеф Первого отделения парижской полицейской префектуры Генри и префект парижской полиции барон Паскье, когда они в 1810 году приняли необычное решение, поручив Видоку борьбу с преступностью в Париже. В целях конспирации он был вновь арестован, а последующее освобождение прошло под видом нового успешного побега. Свою резиденцию Видок расположил вблизи полицейской префектуры, в мрачном здании на улице Святой Анны. Сотрудники подбирались им по принципу: "Только преступник сможет побороть преступление". Сначала на Видока работали всего 4, затем 12, а позднее 20 бывших арестантов, которым он платил из особого тайного фонда и которые прошли у него железную выучку. За год Видок с 12 сотрудниками арестовал 812 убийц, воров, взломщиков, грабителей и мошенников, ликвидировал притоны, в которые до него не рискнул сунуться ни один мировой судья, ни один инспектор.

Вскоре организация Видока получила название "Сюртэ" ("Безопасность"). Несмотря на враждебное отношение к ней, именно она и явилась зародышем французской криминальной полиции. Тысячи мистификаций, тайное проникновение в районы, где проживают преступники, мнимые аресты, водворение сотрудников Сюртэ под видом заключенных в тюрьмы, их мнимые побеги или даже инсценированная смерть, после того как они выполнили свое задание, — все это обеспечивало Видоку огромный поток информации.

Близкое знакомство с преступным миром, привычками и методами "работы" уголовников, терпение, интуиция, умение вживаться в образ, редкая зрительная память и архив, в котором были собраны сведения о всех знакомых Видоку преступниках, обеспечивали успех его работы. Когда уже нельзя было больше скрывать свою роль шефа Сюртэ, Видок стал систематически появляться в тюрьмах, где осматривал заключенных, запоминая их лица и внешность.

В 1833 году Видок вышел в отставку, так как новый префект полиции Генри Гиске возражал против того, чтобы вся криминальная полиция состояла из бывших арестантов. В 1857 году Видок умер. Он интересно прожил остаток своей жизни, имел частное сыскное бюро (видимо, первое в мире), был зажиточным коммерсантом, писателем, другом великого Бальзака, которому не раз подсказывал темы будущих романов.

На посту шефа Сюртэ Видока сменили представители буржуазии: Аллар, Канлэ, Клод, а в 1879 году — Гюстав Масе. Сюртэ пережила пять политических переворотов: от Наполеона — к Бурбонам, от Бурбонов — к июльской монархии Луи-Филиппа Орлеанского, от июльской монархии — к империи Наполеона III и от Наполеона III — к Третьей республике. Из бывшей мрачной резиденции на улице Святой Анны она переехала в не менее мрачное здание на Кэ д'Орлож, а затем — в здание префектуры на Кэ д'Орфевр. Вместо 28 подчиненных Видока здесь уже работало несколько сотен инспекторов. Его служащие с уголовным прошлым постепенно уступили место почтенным буржуа. Но ни Аллар, ни Канлэ, ни Клод, ни Масе не изменили принципам работы Видока — многие бывшие преступники состояли у них на службе в качестве филеров и сотрудников. Уголовники, высланные из Парижа и тайно вернувшиеся, при повторном аресте стояли перед выбором: либо работать на Сюртэ, либо сесть за решетку. Сюртэ также никогда не отказывалась от подсадки своих провокаторов (носивших название "мутоны") в камеры для получения информации от заключенных. А сами инспекторы систематически посещали тюрьмы и приказывали водить вокруг себя арестантов, чтобы, подобно Видоку, развить у себя память на лица ("фотографическую память") и знать преступников в лицо. "Парад" был самым распространенным методом выявления заключенных, имевших ранее судимость, или идентификации разыскиваемых преступников, отбывающих срок по другому делу. Архив Видока превратился в колоссальный бюрократический аппарат, горы бумаг загромождали неприветливые, пыльные, освещенные газом залы префектуры. На каждого преступника здесь была заведена карточка. В ней значилось его имя, количество судимостей, была описана внешность. В архиве насчитывалось около пяти миллионов таких карточек. А число их все увеличивалось, так как проверке стали подвергаться даже иностранцы, селившиеся в отелях и гостиницах Парижа.

В 40-х годах в одной из брюссельских тюрем стали фотографировать заключенных. Этот новый метод регистрации и идентификации преступников был использован и в Париже. В префектуре накопилось 80 000 фотографий. Но как ни удивлялись иностранцы быстрому разоблачению преступников, бежавших с их родины в Париж, как ни содействовало это удивление легендарной славе парижской полиции, все же она переживала в 1879 году глубокий кризис, который и выдвинул на арену истории развития криминалистики Альфонса Бертильона.

2. Бертильон — писарь полицейской картотеки

Альфонс Бертильон был молодым человеком с бледным, худым, печально холодным лицом, замедленными движениями и невыразительным голосом. Он страдал несварением желудка, носовыми кро-

вотечениями, ужасными приступами мигрени и был столь замкнутым человеком, что производил отталкивающее впечатление. Его замкнутость сочеталась с недоверчивостью, сарказмом, злобностью, назойливой педантичностью и полным отсутствием чувства прекрасного.

Когда весной 1879 года одному посетителю префектуры сказали, что Бертильон — сын уважаемого врача, статистика и вице-президента Антропологического общества Парижа доктора Луи Адольфа Бертильона, а также внук естествоиспытателя и математика Ахилла Гайара, тот разразился неудержимым смехом.

И в самом деле, трудно было представить, как могло случиться, что сын и внук таких незаурядных людей был трижды исключен из лучших школ Франции за неуспеваемость и странное поведение, через несколько недель уволен из банка, куда был взят учеником. Позднее Бертильон безуспешно подвизался в качестве домашнего учителя в Англии и только благодаря связям отца получил место писаря в полицейской префектуре.

Рабочее место Бертильона находилось в углу одного из больших залов, в которых громоздились картотеки на уголовников Франции. Летом здесь было невыносимо жарко, а зимой — так холодно, что коченели ноги и приходилось писать в перчатках. Здесь, несколько в стороне от других, Бертильон заполнял карточки.

Холодной весной 1879 года он сидел в своем углу и замерзшими пальцами вносил в карточки описания личности преступников. В них то и дело повторялось: "высокого", "низкого", "среднего" роста, "лицо обычное", "никаких особых примет". Все эти описания подходили к тысячам людей. На карточках были приклеены фотографии, выполненые "фотографами-художниками". Поэтому фотографии были скорее "художественными" и часто "искаженными", так как арестованные противились фотографированию.

Весь материал, проходивший через руки Бертильона, служил наглядным примером кризиса, в котором находилась Сюртэ. Со времен триумфа Видока и создания его методов изменились и мир и общество, а вместе с ними — и сущность преступности. Но эти изменения еще не коснулись сознания общественности. До 1879 года лишь единицы предпринимали попытки осветить социологические, биологические и психологические истоки преступного мира. К ним относится бельгийский математик и статистик Адольф Кетле, который пытался подсчитать количество уголовных преступлений за последние десятилетия и высчитать процент уголовных элементов в человеческом обществе. С другой стороны, итальянский психиатр Чезаре Ломброзо провел изучение физиологии и психологии преступников. В тюрьмах и в психиатрических больницах Павиа он производил измерения черепов преступников и в результате пришел к выводу, что каждый преступник имеет определенные аномалии в строении черепа, которые делают его в большей, чем других людей, степени похожим на животное. Преступник, утверждал он, атавистическое явление, так сказать, рецидив человеческой истории; пре-

ступником рождаются. Вышедшая в свет в 1876 году книга Ломброзо "L'uomo delinqiente" нашла определенное признание за пределами Италии и привлекла внимание ученых к личности преступника. В остальном же преступность по-прежнему оставалась неисследованной областью, воспринималась просто как факт, с котором нужно бороться. Однако нельзя не отметить, что в 1879 году все выглядело иначе, нежели в начале века. Следует также подчеркнуть, что с ростом населения и дальнейшим развитием промышленного производства увеличивалось и число преступлений.

Феноменальная память на лица преступников, которой обладал Видок, была единственной в своем роде. Но теперь не хватило бы и ста Видоков, чтобы запомнить лица бесчисленного множества преступников всех рангов, всплывших на поверхность болота преступлений в 80-х годах XIX столетия. С ростом общего уровня развития и образования вырос и уровень развития преступников. Провокаторам в тюрьмах редко удавалось перехитрить и что-либо выведать у заключенных, изменивших имена и внешность для сокрытия прежних судимостей. Преступники все реже попадались на крючки инспекторов, которые приветствовали их как старых знакомых. Что же касалось премий, установленных за идентификацию заключенных, то это все чаще приводило к тому, что жадные до денег инспектора и арестанты заключали сделки: арестант выдавал себя за разыскиваемого преступника и получал свою долю премии от инспектора. Все это вело к судебным ошибкам и тяжелым последствиям.

Картотека, служившая Видоку лишь опорой для памяти, стала теперь главным средством идентификации преступников. Но она переросла по своим размерам все границы и практически потеряла из-за этого смысл. Классификация по именам стала бессмысленной, так как воры, взломщики, фальсификаторы, мошенники и убийцы меняли свои имена. Классификация по возрасту, способу совершения преступления не оправдывала себя, потому что не удалось создать удобные для пользования разделы. Фотографии тоже мало помогали в работе: при наличии 80 000 фотографий было нелегко сличить вновь арестованных с фотографиями ранее судимых. В отдельных важных случаях инспектора и писари целыми днями рылись в этих фотографиях, чтобы разыскать одного-единственного преступника, имевшего ранее судимость.

В это время и сложились первые впечатления Альфонса Бертильона о работе полиции и Сюртэ.

3. Впервые наука приходит в уголовную полицию, но не находит поддержки

Пост писаря Бертильон занял 15 марта 1879 года. Спустя четыре месяца стало ясно, что история сделала удачный выбор, посадив именно его в пыльный угол полицейской префектуры Парижа.

Бертильон вырос в доме, где стремление к познанию закономер-

ностей природы было невероятно сильно. Уже с детства ему было знакомо имя Чарльза Дарвина, революционная книга которого "О происхождении видов" опровергла догму библейской сказки о сотворении мира и доказала, что все живые существа являются результатом длительного процесса биологического развития. Бертильон слышал также о Луи Пастере, открывшем мир бактерий; о Дальтоне, Гей-Люссаке, Берцелиусе, которые развивали химию; он узнал об анатомах, физиологах и биологах. Часто Бертильон сидел у ног деда, когда тот исследовал растения, подразделял их на виды и семейства, систематизируя по алфавиту. Он был свидетелем того, как дед и отец производили измерения черепов людей разных рас, чтобы установить, имеется ли связь между формой головы и духовным развитием человека. Много раз он слышал имя Кетле — человека, стремившегося доказать, что строение человеческого тела подчинено определенным законам. Еще ребенком он стоял вместе с отцом и дедом перед "кривыми Кетле", которые показывали, что размеры человеческого тела имеют определенную закономерность. Отец и дед проверяли утверждение Кетле, что нет на земле двух человек, у которых совпадали бы размеры отдельных частей тела, и что шанс встретить двух совершенно одинаковых по росту людей расценивается как один к четырем.

И вот в июле 1879 года, когда Бертильон, изнемогая от парижской жары, сидел и до одурения заполнял трехтысячную или четырехтысячную карточку, его вдруг осенила идея, которая родилась, как он позднее признавался, от сознания абсолютной бессмысленности его работы и одновременно из воспоминаний детства. Почему, спрашивал он себя, напрасно тратятся время, деньги и усилия людей на установление тождества уголовников? Почему цепляются за старые, грубые, несовершенные методы, когда естествознание установило возможности безошибочно отличать одного человека от другого по размерам тела?

Бертильон не знал, что еще 19 лет назад, в 1860 году, директор тюрьмы Луван, Стивенс, безуспешно предлагал, ссылаясь на учение Кетле, измерять части тела всех взрослых преступников. При этом он рекомендовал производить следующие измерения: объем головы, длину ушей, длину стопы, рост и объем груди. Он был уверен, что полученные таким путем данные можно будет использовать при розыске преступников вопреки их переодеваниям, маскировке, смене имени.

Бертильон вызвал удивление и насмешки других писарей, когда в конце июля стал сравнивать фотографии арестантов. Он сравнивал форму ушей и носов. Громкий смех вызвала просьба Бертильона разрешить ему обмерять регистрируемых заключенных. Ко всеобщей потехе ему это позволили. С мрачным ожесточением он за несколько недель обмерил довольно большое число арестованных. Измеряя их рост, длину и объем головы, длину рук, пальцев, стоп, он убедился, что размеры отдельных частей тела разных лиц могут совпадать, но размеры четырех, пяти частей тела одновременно никогда не будут одинаковы.

Душная жара августа вызвала приступы мигрени и носовые кровотечения, но Бертильона, казалось бы, никчемного и бесцельного, захватила "власть идеи". В середине августа он написал доклад, в котором изложил, как можно безошибочно идентифицировать преступников. Этот доклад он направил Луи Андрие, занимавшему с марта 1879 года пост префекта полиции Парижа, но не получил никакого ответа.

Бертильон продолжал работать. Каждое утро, до начала работы, он посещал тюрьму Ла Сантэ. Там тоже насмехались над ним, хотя и разрешали производить измерения. Когда 1 октября его повысили в должности, он передал префекту второй доклад, в котором, ссылаясь на закон Кетле, отмечал, что размеры костей взрослого человека всю жизнь остаются неизменными. Он утверждал: если вероятность совпадения роста людей представляет собой соотношение 4 : 1, то рост плюс еще одно измерение, например длина тела до пояса, уменьшает вероятность совпадения до 16 : 1. Если же сделать 11 измерений и зафиксировать их в карточке уголовника, то по исчислениям вероятности шанс найти еще одного уголовника с такими же данными составит 4 191 304 : 1. Если оперировать четырнадцатью измерениями, то этот шанс снизится до соотношения 286 435 456 : 1. Набор частей тела, которые можно подвергнуть измерению, очень велик: кроме роста человека, можно измерить длину и ширину его головы, длину пальцев, предплечья, стоп и т.д. "Все имеющиеся способы идентификации поверхностны, ненадежны, несовершенны, порождают ошибки", — писал он. Его же метод вселяет абсолютную уверенность и исключает ошибки. Кроме того, он, Бертильон, разработал систему регистрации карточек с данными измерений преступников, благодаря которой за несколько минут можно установить, имеются ли данные арестованного в картотеке.

Бертильон сослался на своего отца, который при систематизации антропологических измерений всегда различал три группы: большие, средние и мелкие. Очень просто, объяснял он дальше, разделить, например, 90 000 различных карточек так, что любую из них можно будет легко найти: если на первом месте в карточке обозначена длина головы и эти данные подразделены на большие, средние и мелкие, то в каждой группе будет по 30 000 карточек; если на втором месте в карточке обозначена ширина головы, то, согласно тому же методу, будет уже девять групп по 10 000 карточек. При учете одиннадцати данных в картотечном ящичке окажется от трех до двенадцати карточек.

То, что казалось Бертильону само собой разумеющимся и простым, непосвященному представлялось на первый взгляд запутанным и непонятным. Вследствие пробелов в образовании Бертильон не умел четко выражать свои мысли. Будучи убежденным в правоте своего дела, он с нетерпением ожидал ответа, так как вдруг понял, что нашел "смысл жизни и сможет доказать, что он не безнадежный случай и не белая ворона в семье".

Бертильон ждал ответа почти две недели. Затем наступил долгожданный день, когда префект вызвал его к себе. Бледный и взволнованный, сгорая от нетерпения, переступил Бертильон порог кабинета Луи Андрие, но вынужден был пережить большое разочарование. Луи Андрие был политиком из числа республиканцев, которого судьба случайно сделала префектом полиции. Он никогда не интересовался ни статистикой, ни математикой и очень слабо разбирался в работе полиции. Так как сам он ничего не понял в докладе Бертильона, то передал его Гюставу Масе — шефу Сюртэ.

Масе был опытным работником, но питал отвращение ко всякого рода теоретикам и теориям. Он был практиком и начал свою службу в Сюртэ низшим чином. Будучи инспектором, Масе прославился благодаря успешному расследованию одного парижского убийства, так называемого дела Вуарбо, в 1869 году.

В колодце были найдены части расчлененного тела, тщательно зашитые в коленкор. Весь Париж пришел в волнение. Масе благодаря своей наблюдательности и сообразительности не только смог проследить путь от ужасной находки к портному по имени Вуарбо, но и доказать, что тот в своей комнате расчленил труп. Способ, которым ему удалось блестяще провести это доказательство, свидетельствовал о дедуктивных способностях Масе. Исходя из предположения, что при расчленении трупа проливается много крови, Масе обследовал деревянный пол в жилище портного Вуарбо. Но на тщательно вымытом полу подозрительных следов обнаружено не было. Он лишь заметил, что пол неровный. В присутствии Вуарбо Масе налил на пол воды и велел поднять доски в тех местах, где вода скапливалась и просачивалась в щели. Под досками пола было обнаружено много крови. Вуарбо пришлось признаться, что он ограбил, убил и затем расчленил труп своего приятеля по имени Бодасс.

Масе раскрыл много дел дедуктивным методом, играющим в криминалистике и сейчас большую роль. Но он верил исключительно в опытность, интуицию и в "фотографическую память", поэтому, естественно, отклонил предложения Бертильона. В своем докладе на имя Андрие Масе писал, что полиция, по его мнению, не место для экспериментов теоретиков, и Андрие с ним согласился.

Префект встретил Бертильона словами: "Бертильон! Я полагаю, вы — писарь двадцатого сорта и лишь восемь месяцев работаете у нас. Так? И вы уже хотите делать открытия?... Ваш доклад — это же анекдот..." Бертильон нерешительно ответил: "Господин префект, если вы разрешите..." Андрие разрешил. Но Бертильон не умел вразумительно выражать свои мысли, тем более когда волновался. Префект грубо прервал его и предупредил, чтобы он больше не надоедал своими идеями, иначе его моментально уволят. В то время как Бертильон, убитый горем и злой, возвращался в свой "угол", Андрие просил его отца позаботиться о том, чтобы сын занимался порученной ему работой и не вмешивался в дела, которые его не касаются. Иначе он будет вынужден уволить писаря.

Доктор Луи Адольф Бертильон пережил столько разочарований

и горьких минут из-за сына, что вызвал его немедленно к себе и потребовал объяснений. С раздражением взял он доклад сына, но, когда прочитал, тут же успокоился. "Прости меня, я уже не надеялся, что ты сможешь найти себя. Но этот доклад — твой собственный путь. Это примененная на практике наука. Это означает для полиции революцию. Я сам все объясню Андрие... Он должен понять... Должен..."

Луи Адольф Бертильон на следующий же день посетил префекта и попытался его переубедить. Андрие заколебался, но из-за своего престижа не отменил принятого решения. Есть только один шанс: Андрие не вечно будет префектом, придется подождать до его отставки.

Луи Адольф Бертильон не раз посылал к префекту людей, состоящих в одной партии с Андрие, с ходатайством на эксперимент, но префект не отменил своего решения. Итак, нужно подождать нового префекта. Не так уж долго. Но что значило "недолго" для Бертильона? Один год? Два, пять, десять лет? Снова работа писаря, в бессмысленности которой он был глубоко убежден. Он знал правильный путь и не имел возможности идти им. Альфонса Бертильона вновь охватило безразличие, которое и ранее губило всю его жизнь. Только благодаря отцу на этот раз он выстоял и доказал свою правоту.

Луи Адольф Бертильон не мог предполагать, что в это же время на другом краю земли еще два человека пытались разрешить ту же проблему, которую так неожиданно разрешил его сын Альфонс Бертильон.

Настало утро рождения научной криминалистики...

4. Бенгалия 1877 года. Многолетние эксперименты Хершеля с отпечатками пальцев

5 августа 1877 года в Хугли, столице одноименного района Индии, лежа на кушетке в своем служебном кабинете, Вильям Хершель, служащий британской администрации, диктовал письмо, адресованное генеральному инспектору тюрем Бенгалии: "С этим письмом я посылаю вам свою работу о новом методе идентификации личности. Она заключается в отпечатках указательного и среднего пальцев правой руки с использованием обычной штемпельной краски. Способ получения такого отпечатка едва ли труднее получения обычного штемпеля. Я проверял этот способ в течение нескольких месяцев на заключенных, а также при выплате жалований и практически не столкнулся ни с какими трудностями. У всех лиц, получающих в Хугли официальный документ, берут отпечатки пальцев. Еще никто не противился этому. Я думаю, что можно положить конец всякому жульничеству при идентификации, если ввести этот способ повсюду. За последние двадцать лет я изготовил тысячи карточек с отпечатками пальцев и теперь почти всегда могу на их основе идентифицировать личность..."

И действительно, 20 лет, а точнее, 19 прошло с тех пор, как совсем еще молодым секретарем Хершель прибыл в высокогорный район Хугли и здесь познакомился со странными отпечатками рук и пальцев, которые оставались на древесине, стекле и бумаге. Это были отпечатки, представляющие собой картину своеобразных линий, изгибов, петель и завихрений. После Хершель не мог объяснить, почему это привлекло его внимание. Может быть, он видел, как китайские торговцы, приезжавшие тогда в Бенгалию, при заключении своих сделок ставили на документах отпечаток большого пальца? А может быть, до него дошли сведения о китайском обычае, по которому разводы удостоверялись отпечатком руки мужа и у подкидышей в сиротских домах брали отпечатки пальцев?

Во всяком случае, еще в 1858 году Хершель потребовал от индийца Редьяра Конаи, поставлявшего ему материал для строительства дороги, удостоверить контракт отпечатком своих пальцев.

В то время Хершель еще не был посвящен в тайну линий отпечатков. Он просто хотел этой процедурой дать почувствовать индийцу ответственность взятого на себя обязательства, так как индиец, как и многие его земляки, часто забывал о сроках поставки. Но вскоре тайна линий отпечатков взяла его в плен.

Когда Хершель диктовал письмо, рядом с ним лежала пожелтевшая записная книжка, на обложке которой было написано: "Знаки руки". Эта книжка была заполнена отпечатками его собственных пальцев и пальцев многих индийцев, которые он систематически снимал в течение 19 лет через определенные промежутки времени. С удивлением Хершель заметил, что отпечатки пальцев одного человека никогда не были идентичны отпечаткам пальцев другого. Он научился различать их по рисунку и узнавал многих людей по "картинке их отпечатков пальцев". Из одного учебника анатомии Хершель узнал, что они называются папиллярными линиями, и перенял это название. 15 лет Хершель выплачивал большому, с каждым годом увеличивающемуся числу индийских солдат жалованье. А это было проблемой, потому что для европейца все они были на одно лицо. Все они были похожи друг на друга, имена их часто повторялись, а писать они не умели. Часто, получив жалованье, индийские солдаты снова приходили и утверждали, что денег еще не получали. Иногда они посылали друзей или родственников, чтобы те еще раз получили их жалованье. И так как Хершель не мог отличить их друг от друга, он стал заставлять их ставить отпечатки двух пальцев как на списки с именами, так и на квитанции. Таким образом он получил возможность отличить истинных служащих от мнимых. Жульничеству был положен конец.

В последующие годы он пришел к выводу, что рисунок линий на пальцах не меняется ни через 5, ни через 10, ни через 15, ни через 19 лет. Записная книжка Хершеля свидетельствовала об этом. Человек мог постареть, его лицо, фигура могли измениться из-за старости и болезни, но рисунок кончиков пальцев оставался неизменным.

Это был личный неизменный знак человека, по которому его всегда можно было узнать, даже после смерти, даже если ничего от него не осталось, кроме кусочка кожи с пальцев. Это чудо? Это случай или воля создателя, желавшего иметь возможность безошибочно отличить одного человека от другого?

В тюрьме своего района Хершель распорядился, чтобы к списку заключенных прилагали отпечатки их пальцев. Как бы невероятным это ни казалось, но он внес порядок в тот хаос, в котором с незапамятных времен вместо осужденных появлялись подставные лица, а опасные преступники проходили по малозначительным делам, и нельзя было установить, доводилось ли новому осужденному уже ранее стоять перед судом.

Хершель стал осознавать будущее своего открытия. Мысленно он был уже в Англии, в Лондоне. Разве на его родине мог полицейский безошибочно определить, имел ли преступник ранее судимость, если он изменил свое имя, что никому не запрещалось? Даже на фотографию нельзя положиться! Разве не были жертвой ошибок идентификации невиновные люди? Разве не делались попытки найти способ, исключающий подобные ошибки? Хершелю не пришлось долго искать необходимого примера уголовного дела. В это время в Лондоне в течение ряда лет шла борьба за идентификацию одного человека. Слух об этом процессе дошел до Бенгалии.

Речь шла о миллионном наследстве лорда Джеймса Тычборна.

С 1866 по 1894 год весь Лондон следил за этим процессом. Один мошенник выдал себя за пропавшего в 1854 году единственного сына лорда Джеймса, за его наследника. Грубый, безобразно полный человек по имени Кастро, Кастро из Вага-Вага в Австралии, мастерски обманул полуслепую мать Тычборна, ее родственников, врачей и даже знаменитых лондонских адвокатов. Этот аферист в 1874 году был приговорен к четырнадцати годам каторги, после того как судебные издержки составили сумму в несколько миллионов фунтов. Сколько свидетелей опознали его как настоящего Роджера Тычборна! Сколько свидетелей поклялись, что это он! Сколько, казалось бы, верных примет на его теле ввели суд в заблуждение! А как бы выглядел этот процесс, думал Хершель, ели бы можно было воспользоваться его открытием? Разве Роджер Тычборн не был солдатом? Если бы регистрировали всех солдат при помощи отпечатков пальцев! Тогда этот колоссальный процесс закончился бы за несколько минут. Штемпельная подушечка, отпечатки пальцев Кастро, сравнение, и ясно: Кастро обманщик!

"Примером, сколь полезен может быть мой способ, — продолжал диктовать свое письмо Хершель, — является дело Тычборна. Я думаю, нет надобности объяснять, как необходима идентификация в тюрьмах. Отпечатки пальцев в любое время помогут установить личность заключенного, ранее осужденного судом. Нужно только снять отпечаток пальца и сравнить.

Будьте так добры разрешить мне использовать мой способ также в других тюрьмах..."

На этом Хершель закончил свое письмо. Он приложил к нему собранные им за 19 лет оттиски пальцев и дописал: "Очень прошу сберечь приложенные образцы отпечатков". Заклеивая конверт дрожащей рукой, он был все же внутренне твердо убежден, что его письмо вызовет интерес и одобрение.

Через десять дней он получил ответ генерального инспектора тюрем. Письмо было написано в любезном тоне, но свидетельствовало лишь о том, что генеральный инспектор, зная о плохом состоянии здоровья Хершеля, принял его предложение за плод больной фантазии. Ответ поверг Хершеля в уныние и на несколько лет полностью парализовал его волю. Он уже не предпринимал больше никаких шагов в защиту своего открытия. Хершель жил только одной мечтой: вернуться на родину, в Англию, и восстановить свое здоровье. В конце 1879 года он отправился в путь.

5. Токио 1879 года. Идея Генри Фулдса об использовании отпечатков пальцев для проверки подозреваемых в преступлении уголовников

В то время, когда в Хугли Вильям Хершель писал свое важное, но не принесшее пользы письмо генеральному инспектору тюрем Бенгалии, в Токио в больнице Дзукийи работал шотландский врач Генри Фулдс. Он преподавал японским студентам физиологию. Фулдс был полной противоположностью Хершеля: боевой пресвитерианец, умный, полный идей, но в то же время с холерическим темпераментом, раздражительный, эгоцентричный, упрямый до ограниченности.

Он ничего не слышал ни о Хершеле, ни о его экспериментах в Индии. В начале 1880 года Фулдс послал письмо в Лондон в журнал "Природа". В письме содержалось такое предложение: "Я рассматривал в 1879 году несколько найденных в Японии черепков глиняных сосудов и обратил внимание на некоторые отпечатки пальцев, которые возникли, видимо, когда глина была еще мягкой. Сравнение этих отпечатков с вновь сделанными побудило меня заняться этой проблемой. Рисунок линий кожи не изменяется в течение всей жизни и может лучше фотографии служить средством идентификации".

Не известно, так ли произошло знакомство Фулдса с отпечатками пальцев, как он писал в своем письме. Позднее он упомянул, что китайцы знали особенности отпечатков пальцев и что он слышал об этом. Никогда он не говорил о том, что и в Японии они были известны. Древнейший оригинал японского отпечатка руки с отчетливыми папиллярными линиями находится, как выяснилось позже, в храме Киото. Речь шла о документе, на котором отчетливо видна рука императора Гошива. До 1860 года на японских документах часто встречались отпечатки рук, сделанные черной или красной краской. На постоялых дворах существовал обычай выдавать постояльцам, не имевшим принятого в Японии именного штемпеля, почту

под расписку с отпечатком большого пальца. В те времена, когда Фулдс жил в Японии, там был обычай ставить на дверях домов отпечатки рук, сделанные красной и белой краской. Фулдс писал в своем письме в журнал "Природа", что отпечатки пальцев не изменяются в течение всей жизни. Это и породило сомнение в правдивости его утверждений, так как было не ясно, как можно за один год прийти к такому выводу, не опираясь на опыт японских и китайских традиций.

Как бы там ни было, с 1879 по 1880 год Фулдс собрал многочисленную коллекцию отпечатков пальцев и изучал их папиллярные линии. Сначала его интересовали только этнографические проблемы — имеются ли различия в отпечатках папиллярных линий у разных народов? Затем он изучал вопрос наследственности папиллярных линий. Вскоре случай натолкнул его на мысль, которая с тех пор не покидала его. Вблизи дома Фулдса через побеленный забор перелез вор. Фулдсу, интерес которого к отпечаткам пальцев был известен, сказали, что на заборе остался хорошо видный след человеческих пальцев, измазанных сажей. Пока Фулдс изучал отпечатки, стало известно, что вор арестован. Он попросил у японской полиции разрешения снять отпечатки пальцев арестованного. Сравнив их с отпечатками пальцев на заборе, Фулдс установил, что они различны. Так как отпечаток на заборе мог принадлежать только вору (убегая, тот споткнулся об остывшую жаровню), то Фулдс сделал вывод, что задержан другой человек. И он оказался прав. Через несколько дней арестовали настоящего вора. Фулдс и на этот раз взял отпечатки пальцев. Они точно соответствовали отпечатку на заборе. Богатая фантазия Фулдса натолкнула его на мысль: не следует ли на месте каждого преступления искать отпечатки пальцев преступника? Что, если таким образом можно будет уличать воров и убийц?

Идея Фулдса получила свое подтверждение, когда произошла вторая кража. На этот раз его опять позвали на помощь. На бокале он обнаружил отпечаток целой руки. Теперь Фулдс узнал, что отпечаток можно оставить также и неокрашенной рукой, так как потовые железы на кончиках пальцев имеют жировые выделения, которые делают отпечаток таким же четким, как сажа или краска. Но все же сначала не это было главным. Решающую роль сыграла невероятная случайность. Во время своих ранних исследований Фулдс собирал отпечатки пальцев также у слуг в разных домах. Теперь он сравнил отпечатки пальцев на бокале с имеющимися в его коллекции. И то, что он обнаружил, показалось ему просто невероятным. Отпечаток на бокале полностью совпадал с отпечатками пальцев одного слуги. Привлеченный к ответу слуга признался в совершенной краже.

Теперь Фулдс не сомневался, что открыл метод разоблачения преступников, который усовершенствует работу полиции во всем мире. Он обнаружил возможность использования отпечатков, о которой Хершель даже не помышлял. Фулдс не был полицейским. Но

после того, как случай столкнул его с полицией и преступлением, все мысли его были заняты теми же проблемами, которые не давали покоя тяжелобольному Хершелю. Все свои наблюдения и выводы он изложил в письме, направленном в английский журнал "Природа".

Журнал опубликовал письмо Фулдса в октябре 1880 года.

Спустя несколько дней Вильям Хершель (уже вернувшийся в Англию и постепенно выздоравливающий) читал его доклад.

Так скрестились пути двух людей, которым было суждено независимо друг от друга прийти к идее использования отпечатков пальцев для идентификации. Как только Хершель прочитал доклад Фулдса, он также послал письмо в "Природу", в котором сообщал, что еще за 20 лет до Фулдса собирал отпечатки пальцев и использовал их в различных случаях для идентификации. И лишь позиция его начальства и болезнь помешали ему сообщить об этом. Хершель не касался оригинальной идеи Фулдса о роли отпечатков пальцев, оставляемых на местах преступления.

Можно понять чувства Хершеля, когда он прочитал, что кто-то другой якобы за один год сделал открытие, над которым он трудился два десятилетия. Понятно также, что, настаивая на своем приоритете, он не обратил внимания на безусловно оригинальную мысль Фулдса. Во всяком случае, Хершель сначала ограничился ссылкой на свою собственную работу.

Для воинствующей натуры Фулдса письмо Хершеля стало вызовом, вызовом человека, который хотел умалить его приоритет. Разве это его вина, что Хершель не обратился к общественности и махнул на все рукой? Только он, Фулдс, обратил внимание всего мира на отпечатки пальцев. Он один. Фулдс решил вернуться в Англию. Но прежде чем отправиться в путь, он написал бесчисленное множество писем, чтобы познакомить со своими идеями знаменитых людей того времени и гарантировать себе приоритет.

Фулдс написал также и во Францию префекту парижской полиции Луи Андрие. Фулдс не мог знать, что Андрие меньше всего можно вдохновить такими революционными идеями. Он не мог предвидеть также, что Андрие стоял на пороге отставки, что новый политик, Жан Камекасс, уже был готов вступить на пост префекта парижской полиции и что при этом откроются двери для другой идеи идентификации, для другого человека, о существовании которого он и не подозревал, — для Альфонса Бертильона.

6. Париж 1881 года. Бертильонаж, или антропометрический метод идентификации

Если позднее когда-нибудь утверждали, что Жан Камекасс был дальновидным человеком, сразу уловившим идею Альфонса Бертильона, то это одна из легенд, которыми вымощен путь истории.

Камекасс был таким же политиком, как и Андрие. Как префект полиции, он получил некоторую известность тем, что основал пер-

ные полицейские школы. Идеи же Бертильона он понимал не лучше, чем его предшественник. До 1881 года, до своего вступления на пост префекта, он никогда не слышал о титулярном писаре Первого бюро.

Доктор Луи Адольф Бертильон был тяжело болен артритом и не мог использовать в интересах сына смену префектов, о которой так мечтал. Но он писал письма, телеграммы и не раз посылал своих друзей в префектуру. Как врач, он понимал, что не может рассчитывать на выздоровление, что у него осталось очень мало времени для помощи сыну в карьере. И лишь в ноябре 1882 года одному из его друзей, парижскому адвокату Эдгару Деманжу, удалось убедить Камекасса, чтобы он испытал Бертильона, если не хочет упустить случай прослыть новатором в деле подавления преступности.

Спустя несколько недель Камекасс вызвал к себе Бертильона. Тот был уже подготовлен отцом. И все же неловкость Бертильона омрачила первую встречу с префектом. Может быть, и на этот раз ничего бы не вышло, но Камекасс дал слово Деманжу, что поможет сыну Луи Адольфа Бертильона.

Поэтому Камекасс заявил: "Хорошо, вы получите возможность проверить свои идеи. Со следующей недели мы для пробы введем ваш метод идентификации. Для этого вы получите двух помощников. Я даю вам срок три месяца. Если за это время вы с помощью своего метода распознаете преступника, имевшего судимость, то..." Если говорить о предоставленном с таким условием шансе, то его трудно назвать шансом: едва ли за три месяца могло случиться, чтобы один преступник был задержан, осужден, отбыл наказание, выпущен и снова арестован. Бертильон, конечно, отлично понимал, что только чрезвычайно счастливая случайность могла ему помочь выполнить условие Камекасса. Но он безропотно согласился с этим. Наверное, он правильно сделал, потому что Гюстав Масе пришел в ярость, услышав, что должен дать Бертильону двух писарей. Система Бертильона может быть действенной, заявил он, если измерения будут производиться самым надежным образом. Но нельзя же забывать о рутине, о невнимательности, с которой работает большинство служащих. В этом сказывалось глубокое недоверие практика к теоретику и ко всему, что называлось наукой. Но в его протесте была доля истины, которая позднее дала себя знать. На этот раз Масе не удалось настоять на своем. По всей видимости, и Камекасс все же не ожидал успеха от опытов Бертильона.

В зале, в котором Бертильон до сих пор работал, стали официально проводить измерения и регистрацию. Но в каких условиях! Его коллеги наблюдали за ним по-прежнему с усмешкой. Обоим писарям нельзя было доверять, потому что они никак не могли постичь смысла всего происходящего. Они пытались уклониться от мрачной и упорной педантичности, с которой Бертильон контролировал их. Конечно, они знали об отрицательном отношении Масе ко всему происходящему и шушукались за спиной Бертильона с другими служащими, но слушались его, потому что боялись той ярости,

с которой он набрасывался на них, как только замечал их невнимательность.

Бертильон работал с каким-то остервенением. Он измерял, проверял, записывал. Каждый вечер он спешил в маленькую квартирку, где с зимы 1881 года стал частым гостем. Квартирка принадлежала молодой австрийке Амелии Нотар, незаметной близорукой женщине, которая еле-еле зарабатывала себе на жизнь, работая учительницей. Из-за своей близорукости она однажды попросила Бертильона помочь ей перейти дорогу, и стеснительный, необщительный Бертильон быстро нашел контакт с такой же стеснительной и необщительной женщиной, которая с тех пор стала его преданным помощником.

Он не настолько доверял писарям, чтобы допустить их к составлению регистрационных карточек. Это делала Амелия Нотар. Она писала своим ровным почерком с утра до ночи. В начале января 1883 года картотека Бертильона насчитывала уже 500, в середине января — 1000, в начале февраля — около 1600 карточек. Система регистрации функционировала. Но что это давало?

С наступлением февраля пришел последний месяц испытательного срока. К 15 февраля картотека насчитывала 1800 карточек. Но до сих пор еще не приводили ни одного заключенного, которого бы Бертильон уже обмерял и мог узнать по своей картотеке. Февраль был мрачным, небо темным, и не менее мрачным было настроение Бертильона. Он стал еще более раздражительным и во время работы шептал что-то про себя. 20 февраля незадолго до конца рабочего дня Бертильон сам обмерял заключенного, который назвался Дюпоном. Заключенный был последним и шестым Дюпоном за этот день. С давних пор имя Дюпон служило любимым псевдонимом для не слишком богатых фантазией уголовников. Бертильон измерял: длина головы 157 мм, ширина головы 156 мм, средний палец 114 мм, мизинец 89 мм... В предыдущие дни он не раз ловил себя на том, что черты лица заключенного казались ему знакомыми. Дрожащими руками он листал карточки в надежде найти наконец то, что ему было крайне необходимо. Каждый раз его подводила ненадежность глаз, против которой его системе и надлежало бороться. Когда закончился обмер, ему вновь показалось, что он имеет дело со знакомым лицом, но Бертильон отогнал эти мысли прочь.

Размер длины головы заключенного Дюпона относился к категории "средний", что привело в соответствующий отдел картотеки. Ширина головы уменьшила число ящиков, где следовало искать, до девяти. Длина среднего пальца — до трех. Длина мизинца — до одного. Здесь было 50 карточек. Через несколько минут одну из них Бертильон держал в своих холодных руках. Она содержала те же цифры, которые он сверял. Но фамилия человека, которому они принадлежали, была не Дюпон, а Мартин, арестованный 15 декабря 1882 года за кражу пустых бутылок.

Бертильон повернулся к арестованному. "Я вас уже раньше видел, — заявил он, едва сдерживая себя от волнения. — Вы были аре-

стованы 15 декабря за кражу пустых бутылок. Тогда вы назвали себя Мартином".

Несколько минут царило напряженное молчание. Полицейский, сопровождавший арестованного, растерялся. Тут арестант раздраженно закричал: "Ну и прекрасно! Ну и прекрасно, да, это был я".

Другие служащие, свидетели этой сцены, уставились на Бертильона. Некоторые подумали, что ему помогла счастливая случайность. Другие чувствовали, что осмеянный пережил в эту минуту мгновение триумфа. Бертильон взял себя в руки и ответил надменным вглядом. Не сказав ни слова, он пошел к своему письменному столу и составил доклад префекту. На улице Бертильон нанял извозчика и поехал к Амелии Нотар. Он рассказал слушавшей его, как всегда преданно, Амелии о своем успехе. Затем он поехал к отцу. Сообщение сына было последней радостью для больного, который вскоре скончался.

21 февраля парижские газеты опубликовали первые статьи по делу Дюпона (Мартина) и сообщения о новой системе идентификации Бертильона. А через 24 часа Камекасс вызвал Бертильона к себе и продлил срок его опытов на неопределенное время.

Заманчивая мысль прослыть человеком, который ввел прогрессивное новшество, захватила Камекасса. И он решил поддержать Бертильона.

В течение следующих трех месяцев Бертильон идентифицировал еще 6, в августе и сентябре — 15 и до конца года — 26 заключенных, при идентификации которых старые методы и "фотографическая память" отказали. К тому времени число карточек регистратуры достигло 7336. Ни разу размеры регистрируемых не повторились.

Успех Бертильона все еще был внутренним делом префектуры полиции. Служащие бюро изменили свое отношение к Бертильону. Насмешники умолкли и встречали его с большой предупредительностью. Но за долго переносимые им насмешки он мстил холодностью и сарказмом. Как и прежде, Бертильон вел себя оскорбительно резко. К середине 1884 года писари были им так выдрессированы, что он мог доверить им обмеривание и заполнение карточек. У него появилось время для занятий новыми проблемами.

Снова, как и прежде, он часами сидел за своим столом и колдовал над фотографиями тех же заключенных, которых обмерял. Эти фотографии изготовляло расположенное на чердаке ателье полицейской префектуры. Бертильон сам приобрел себе фотооборудование и стал по-своему фотографировать заключенных. Он разрезал фотографии и наклеивал десятки ушей, носов и глаз. С усердием муравья искал он способ описания различных форм носов и ушей. Списки описания различных форм были бесконечны. Например, нос описывался так: спинка носа в виде буквы S, сплющенная спинка носа, смятая спинка носа, кривая спинка носа, сжатая левая или правая ноздря, толстая ноздря и т.д. У каждого заключенного он описывал цвет глаз, различая внешнюю и внутреннюю зоны рогови-

цы, их оттенки: желто-пигментированный, оранжевый, карий, серо-голубой...

Что побуждало его делать все это? Все тот же иронический вопрос людей из Сюртэ: "Как же нам при помощи карточек выследить разыскиваемого преступника и арестовать его? Уж не с сантиметром ли в кармане?" Бертильона поглотили новые идеи, преследовавшие его постоянно. Он хотел дополнить свои карточки хорошими фотографиями и описаниями, чтобы каждый полицейский в короткое время мог представить себе внешность преступника так, чтобы на основании этого мог бы его арестовать. А затем можно было бы проконтролировать правильность ареста путем обмеривания. Бертильон разрабатывал такой способ фотографирования, который запечатлел бы неизменяемые или трудно изменяемые черты человеческого лица. Он пришел к выводу, что это наилучшим образом достигается при фотографировании в профиль.

За 1884 год он идентифицировал 300 лиц, имевших ранее судимость, большая часть которых не была бы обнаружена старыми методами идентификации. И за весь год он не встретил ни разу повторения всех размеров обмеривания. Нельзя было не признать, что его система функционировала. Камекасс стал приводить к Бертильону политических деятелей и зарубежных гостей и знакомить их с методом обмеривания. В конце 1884 года здесь появился англичанин Эдмунд Р. Спирмэн, который интересовался работой полиции и имел связи в британском министерстве внутренних дел. Спирмэн, о котором пойдет речь несколько позднее, проявил большой интерес к новому способу идентификации, и Бертильон, вдохновившись, с большим энтузиазмом продемонстрировал англичанину свою систему. Одновременно его посетил также директор управления французскими тюрьмами Эбер, быстро смекнувший, какая предоставляется возможность навести порядок в регистрации заключенных во Франции, где, как и в архиве полиции, полно фальшивых имен и ошибок. Спустя несколько дней он заявил французским журналистам, что намерен ввести метод Альфонса Бертильона в практику французских тюрем. Это вызвало много вопросов о том, кто же такой этот Бертильон. На следующий день имя Бертильона появилось во всех больших парижских газетах: "Молодой французский ученый совершенствует идентификацию преступников", "Французская полиция снова возглавляет прогресс во всем мире", "Гениальный метод Бертильона".

В 1885 году Камекасс ушел в отставку, и его место занял новый префектор Граньон. В это время во всех тюрьмах Франции вводилась антропометрия — так Бертильон назвал свой метод.

Граньон добился для бюро полицейской службы идентификации нескольких помещений на чердаке Дворца юстиции. 1 февраля Бертильон, произведенный в "директора полицейской службы идентификации", въехал в это чердачное помещение.

В день открытия здесь собрались представители министерств, палаты депутатов и сената, журналисты Парижа и провинции.

Молча слушал Бертильон поздравительные речи. Сразу после последней речи, не поблагодарив и не попрощавшись, он скрылся в своем кабинете — первом в его жизни собственном кабинете. Наконец-то у него были свои владения. На следующее утро парижские журналисты придумали новое слово, которое быстро вошло во французский, а также во многие иностранные языки, слово "бертильонаж".

"Бертильонаж, построенный на измерении определенных неизменных частей скелета, — писал Пьер Брюллар, — самое великое и гениальное открытие XIX века в полицейском деле. Благодаря французскому гению скоро не только во Франции, но и во всем мире не будет больше ошибок идентификации, а следовательно, и ошибок юстиции по вине идентификации. Да здравствует бертильонаж! Да здравствует Альфонс Бертильон!"

Через несколько недель Бертильон потребовал передать в его распоряжение фотоателье. Он сконструировал кресло, на котором можно было поворачивать заключенных для производства двух снимков: один в фас, другой в профиль, чтобы исключить возможные ошибки. Сразу же к карточкам измерений прикрепляли фотографии, изготовленные новым способом. Хотя картотека приближалась к "невероятному числу" в полмиллиона карточек, Бертильон сам пополнял их "описанием преступника словами", формы выражения которого он так долго вырабатывал. Вместе с новыми фотографиями весь этот "устный портрет" должен был создать точное описание внешности правонарушителя, какого ни один полицейский еще не получал в руки. Любая видимая примета головы имела теперь свое точное определение, каждое из которых обозначалось своей буквой, а ряд таких букв составлял формулу, то есть совокупность характерных примет. Бертильон сразу же начал обучать своих подчиненных. Он заставлял их заучивать формулы определенных заключенных, которых они лично не знали, и затем отправляться в тюрьму Ла Сантэ на "парад арестантов", где и следовало определить, чья это формула. Благодаря выучке, которую организовал Бертильон, они действительно узнавали большую часть заключенных.

Устный портрет был незамедлительно введен во французской полиции. К началу 1889 года слава Бертильона достигла своего апогея. Не хватало лишь какого-либо особого случая, чтобы его имя навсегда осталось в истории Франции.

7. 1892 год. На пороге мировой славы

11 марта 1892 года бульвар Сен-Жермен в Париже потряс взрыв. Облако дыма вырывались из распахнутого окон дома N 136. Когда на место происшествия прибыли полиция и пожарники, они подумали, что взорвался газ. Но в развалинах второго этажа были обнаружены остатки бомбы.

В этом доме жил президент суда Бенуа, который в мае 1891 года возглавлял судебный процесс над несколькими анархистами. Поэтому не могло быть никакого сомнения, что именно они совершили это покушение и подложили бомбу.

С 1878 года анархизм (радикальное движение фанатиков, отрицающих какую бы то ни было государственную власть и форму правления, рассматривающих их как главное препятствие обществу социального равенства) стал привидением в Европе. 11 мая 1878 года лейпцигский жестянщик Макс Хедель стрелял в Берлине в кайзера Вильгельма I, но не попал. 2 июня на улице Унтер-ден-Линден кайзер был ранен в голову и руки двумя выстрелами из дробовика. Человек, совершивший это покушение, Карл Нобилинг, изучавший экономику и сельское хозяйство и работавший в саксонском Статистическом бюро в Дрездене, был анархистом. Затем последовали покушения на королей Испании и Италии. Страх перед неожиданными покушениями анархистов был так велик, что когда в Италии проходил процесс против 68 анархистов, то даже в зале суда их держали за решеткой.

Центром анархизма стал Париж. Пауль Брусс и русский князь Кропоткин проповедовали здесь чуждые миру анархистские идеи и готовили почву для активных фанатиков, для которых теория была ничем, а действие — всем. В 1892 году анархистская агитация и крупная кража динамита в каменоломне в Суари-су-Этуаль создали такую нервозную обстановку в Париже, что взрыв на бульваре Сен-Жермен вызвал в полицейской префектуре панику.

Попытки найти виновных вначале не увенчались успехом. Беспокойство общественности росло. Наконец 16 марта женщина — осведомитель Сюртэ сообщила некоторые интересные подробности. Она была знакома с супругой профессора Шомартена, преподавателя технической школы парижского пригорода Сен-Дени. Шомартена знали как сторонника анархизма. Он без устали мог читать лекции об эпохе социальной справедливости, которая наступит с уничтожением всех правительств. Шомартен считался неопасным, потому что совершенно не умел обращаться с бомбой. Однако его жена заявила, что Шомартен подготовил покушение, чтобы отомстить президенту суда Бенуа за осуждение нескольких его товарищей. Исполнителем же был некий Леон Леже. В тот же день Шомартена арестовали. Он сразу сник и во всем признался, но вину свалил на Леже, который, как утверждал Шомартен, был прислан к нему из пригорода как человек, способный разделаться с враждебными анархистам судьями, фанатически ненавидящий богатых и на все готовый. Его разыскивает полиция, но Леже — это псевдоним, настоящее же его имя Равашоль. Он же украл и динамит в Суари-су-Этуаль. Бомба для покушения на бульваре Сен-Жермен сделана на Кэ-де-ла-Марин, где Равашоль снимает комнату.

Когда служащие Сюртэ прибыли на Кэ-де-ла-Марин, они нашли убежище Равашоля покинутым. Был обнаружен лишь материал для изготовления бомб. Шомартена допросили еще раз. Но вскоре

стало ясно, что он не знает нового места пребывания Равашоля. Шомартен смог лишь описать внешность виновника покушения. Описание было нечетким: худощавый, рост приблизительно 1,6 м, желтый цвет лица, темная борода. Через несколько часов имя Равашоля появилось в заголовках всех газет. Сотни полицейских разыскивали преступника. Улицы Парижа охранялись, все поезда контролировались, мужчины с темной бородой и желтым цветом лица задерживались. Известные анархисты были арестованы. Консьержам домов приказали сообщать о каждом человеке, похожем по описанию на Равашоля. Все безрезультатно.

"Франция в руках беспомощных людей, — писала "Ле галуа", — которые не знают, что предпринять с варварами внутри страны". Префект полиции (теперь это был Анри Лозе) пригласил на помощь Бертильона. Опрос полицейских управлений за пределами Парижа выявил, что в Сент-Этьене и Монбризоне известен человек, живший там под именем Равашоль. Но его настоящее имя Франсуа Кёнигштайн. Дома боялись его жестокости. Он избивал свою мать и угрожал ей убийством. В 1886 году Кёнигштайн оставил работу и стал заниматься спекуляцией и воровством. Уже почти год его разыскивали за совершение ряда тяжких преступлений. В ночь на 16 мая 1891 года была ограблена могила баронессы Роше Файе под Сент-Этьеном. Грабитель открыл гроб, похитил крест и медальон и безуспешно пытался содрать кольца с пальцев умершей. Имелось достаточно данных предполагать, что это дело рук Равашоля. 19 июня того же года нелюдимый старик, одиноко проживавший в своей лагуче в Форе-Гебирге, был найден задушенным. 35 000 франков, которые скупой старик накопил за всю свою жизнь, были украдены. Кёнигштайн-Равашоль, которого подозревали и в этом преступлении, был арестован, но ему удалось вырваться из рук полицейских и скрыться. Спустя шесть недель, вечером 27 июля 1891 года, молотком были убиты две владелицы скобяной лавки на Рю-де-Роанн в Сент-Этьене. Убийца захватил лишь 48 франков. В этом преступлении также подозревали Кёнигштайна-Равашоля.

Все эти факты были интересны и важны. Но решающим было другое. В 1889 году в Сент-Этьене ввели бертильонаж. И когда Кёнигштайна арестовали как соучастника одной кражи, то его обмеряли. 24 марта 1892 года Бертильон уже держал в руках карточку с данными измерений Кёнигштайна Клода Франсуа из Сент-Этьена: рост — 1,663 м, размах рук — 1,780, ширина груди — 0,877, длина головы — 0,186, ширина головы — 0,162, длина левой стопы — 0,279, средний палец руки — 0,122, левое ухо — 0,098 м, шрам на левой руке у большого пальца.

Описательная часть была недостаточно полной, что вызвало возмущение Бертильона. Но, несмотря на это, он держал в руках единственное в то время точное описание Равашоля. Если Кёнигштайн-Равашоль и Равашоль Шомартена были одним и тем же лицом, то полиция сделала большой шаг вперед в розыске пре-

ступника. Если бы его арестовали, то для Бертильона не составило бы труда его идентифицировать. Если же разыскиваемый убийца и подложивший бомбу Равашоль одно и то же лицо, это было бы тяжелым моральным ударом по анархизму. Можно было бы сообщить общественности, что анархисты, проповедующие высокие идеалы о преобразовании человеческого общества, используют для достижения своей цели профессиональных преступников!

После опубликования 26 марта примет Равашоля беспорядки и нервозность достигли своего апогея. В "Фигаро" Альберт Мильхуд писал: "Равашоль, кто его знает? Это живое существо или миф? Человек ли он? Все найдено, даже динамит. Но никто не знает, где найти Равашоля". Все выглядело так, будто Равашоль выдуман. Но вот в воскресенье 27 марта, около восьми часов утра, в доме № 39 на Рю-де-Клиши взорвалась еще одна бомба. Жители дома "вылетели" из своих постелей. Они взывали о помощи через разбитые окна, так как лестничная клетка была разрушена. Пять человек были тяжело ранены. В доме жил генеральный прокурор Бьюло, который выступал обвинителем в процессе против анархистов. Нет сомнения, взрыв — дело их рук.

Если и существовали какие-либо сомнения, то их рассеяла бы на следующее утро статья редактора одной из парижских газет, который получил в воскресенье письменное приглашение встретиться на площади Бастилии с незнакомым человеком. Незнакомец во фраке и цилиндре представился как Равашоль и предложил редактору интервью при условии, что тот не будет публиковать подробное описание его внешности. Газетчику сенсация была важнее, чем оказание помощи полиции. Он сообщал: "Равашоль сказал следующее: "Нас не любят. Но следует знать, что мы, собственно, ничего не желаем, кроме счастья для человечества. Путь революции кровав. Я вам точно скажу, чего мы хотим. Мы хотим терроризировать богачей. Когда мы уничтожим тех, кто нас судит, мы примемся за финансистов и политиков. Есть достаточно динамита, чтобы взорвать каждый дом, в котором живет судья..."

Новая волна возмущения охватила Париж. Безмолвно шли толпы людей по Рю-де-Клиши, чтобы посмотреть на место последнего покушения. Премьер-министр Эмиль Лубе часами совещался с военным министром и префектом полиции. Все известные зарубежные анархисты были выселены из страны. В Риме, Лондоне, Берлине, Петербурге говорили о Равашоле. Газеты анархистов чествовали его как героя, как "непобедимого".

Два дня спустя, 30 марта, владелец ресторана "Вери" на бульваре Можента сообщил, что у него завтракает тридцатилетний мужчина со шрамом около большого пальца левой руки, который еще утром разговаривал с его официантом и пропагандировал анархистские лозунги. Полицейский комиссар Дреш и четыре сержанта прибыли к ресторану, когда подозрительный тип как раз покидал его. Он выхватил револьвер, но, несмотря на отчаянное сопротивле-

ние, был схвачен. По дороге в полицейский участок он еще несколько раз пытался бежать. Пока задержанного доставляли в Сюртэ, он беспрерывно кричал на всю улицу: "Братья, за мной! Да здравствует анархия! Да здравствует динамит!"

Всего в крови его привезли к Бертильону. Но ни обмерить, ни сфотографировать его было невозможно, потому что он все еще продолжал сопротивляться. Лишь через несколько дней задержанный успокоился. Настроение его изменилось, и он встал в позу героя. Он позволил Бертильону обмерить и сфотографировать себя. Его данные: рост — 1,663 м, размах рук — 1,780, ширина груди — 0,877, длина головы — 0,186, ширина головы — 0,162, длина левой стопы — 0,279, средний палец левой руки — 0,122, левое ухо — 0,098 м. Итак: Равашоль — революционный "идеалист" и в то же время ограбивший могилу убийца из Сент-Этьена.

Когда на следующее утро это сообщение было опубликовано, некоторые левые газеты выражали возмущение и иронизировали. Разве можно всерьез утверждать, что Равашоль — тот самый низкий преступник, убийца и грабитель? Полиция хочет всерьез доказать населению, что она якобы поймала настоящего Равашоля? Всеобщая неуверенность и страх, что истинный Равашоль на свободе, достигли невероятных размеров, когда за два дня до начала процесса над Равашолем, назначенного судом присяжных на 27 апреля, вновь взорвалась бомба. Под страшный грохот развалился ресторан "Вёри", в дверях которого был арестован Равашоль. Среди развалин обнаружили труп хозяина и одного посетителя.

Но Бертильон оказался прав.

Когда Равашоль предстал перед судом как совершивший взрывы на бульваре Сен-Жермен и на Рю-де-Клиши, он все еще отрицал свое участие в убийстве в Сент-Этьене. Судьи же были, видимо, под впечатлением угроз, поступивших в адрес парижской юстиции, и вели дело неуверенно.

Но 20 июля Равашоль предстал перед судом присяжных департамента Луар в Монбризоне по обвинению в убийстве и ограблении в районе Сент-Этьен. Президент суда Дарриган, приехавший из Лиона, не испытывал неуверенности и страха своих парижских коллег. Когда Равашоль понял, что его игра проиграна, он сорвал свою маску, шумно и цинично признал, что Кёнигштайн одна из его фамилий. Он рассказал об ограблении трупа баронессы Роше-Файе и об убийстве одинокого Жака Брюкеля. То было признание одержимого человека, для которого действия анархистов были лишь оправданием его преступлений.

Вместе с сообщениями о разоблачении Равашоля, которые сразу же облетели весь мир, за пределами Франции стала известна и история его идентификации, осуществленная Бертильоном. Во всех столицах обратили внимание на бертильонаж. Казалось, что нет больше преград для его победного марша по всему миру.

8. Лондон 1884 года. Фрэнсис Гальтон

Лондонская международная выставка 1884 года принесла с собой много сенсаций, больших и малых, незабываемых и быстро забытых, печальных и потешных. Развлекательным был и павильон, в котором каждый посетитель за три пенса мог измерить и оценить свои физические возможности.

Уплатив за вход, посетитель попадал в длинное помещение, у стены которого стоял стол с различными инструментами и аппаратами. Там молодой человек ожидал посетителей, готовый подвергнуть их испытаниям. Он измерял размах рук посетителей, рост, длину тела до пояса, вес, силу рук, быстроту реакции, объем легких, умение различать цвета, проверял зрение и слух. При выходе испытуемый получал карточку, содержавшую результаты обследований. Павильон пользовался большой популярностью.

Иногда здесь можно было встретить важного господина лет шестидесяти, обращавшего на себя внимание узким венком волос на совершенно голом черепе. Это был сэр Фрэнсис Гальтон.

Будучи материально независимым человеком, он посетил множество стран. В 1840 году Гальтон побывал в Гисене, чтобы познакомиться там с немецким химиком Юстусом Либигом. Затем он посетил Будапешт, Белград, Константинополь, Афины, Венецию, Милан и Женеву. Беспокойное путешествие закончилось физическим и духовным переутомлением (в общем-то, не единственным в жизни Гальтона, что, впрочем, не помешало ему дожить почти до 90 лет).

Произведение его родственника Чарлэа Дарвина "О происхождении видов", в котором очень подробно рассмотрены проблемы наследственности, побудило Гальтона в 60-х годах прошлого столетия заняться вопросами наследования физических и умственных особенностей и способностей. Для решения этих проблем ему нужны были статистические данные о мужчинах, женщинах и детях многих поколений. Год за годом он собирал эти данные. Для получения более обширного материала и был создан этот развлекательный павильон на международной выставке. Копии всех полученных там данных поступали в архив Гальтона. Когда в 1885 году выставка закрылась, Гальтон был в восторге от результатов своей идеи и не успокоился до тех пор, пока не открыл в знаменитом лондонском музее Саут-Кенсингтон постоянную лабораторию для подобных измерений. Некоторое время даже считалось хорошим тоном подвергнуться измерениям, которые проводил ассистент Гальтона, сержант Рэндл. Вскоре Гальтон прослыл самым выдающимся английским специалистом в области антропометрии.

Такова была ситуация, когда в 1888 году в Лондоне стало известно о назначении Альфонса Бертильона шефом полицейской службы идентификации Парижа. Научное общество "Ройял инститьюшн" заинтересовалось методом Бертильона. Оно обратилось к Фрэнсису Гальтону с просьбой выступить по этому вопросу на од-

ной из знаменитых пятниц общества и не предполагало, какие это будет иметь последствия.

Гальтон сразу же принял приглашение и незамедлительно отправился в Париж, чтобы получить информацию лично от Бертильона. О своем визите он докладывал: "Я виделся с мосье Бертильоном во время моего краткого пребывания в Париже и имел возможность ознакомиться с его системой. Ничто не может превзойти ту тщательность, с которой его ассистенты производят обмеривание преступников. Их приемы быстры и точны. Все хорошо организовано..."

Но Гальтон не ограничился одним сообщением об открытии Бертильона. Раз уж он занялся вопросом идентификации, то решил осветить эту тему основательно.

До доклада, который Гальтон сделал 25 мая 1888 года, у него не было достаточно времени, чтобы вплотную заняться новой идеей. Но он использовал возможность и во время своего выступления заметил, что, по всей видимости, кроме системы Бертильона, существует еще один метод идентификации, а именно отпечатки пальцев, на который пока не обращали внимания.

Сразу же после доклада Гальтон принялся за работу. Сначала его интересовал вопрос, действительно ли отпечатки пальцев не изменяются в течение всей жизни человека. Коллекция отпечатков пальцев Хершеля, содержащая материал тридцатилетнего наблюдения, казалось, была тому веским доказательством. Несмотря на это, Гальтон распорядился также брать отпечатки пальцев у посетителей лаборатории музея Саут-Кенсингтона.

Хотя сержант Рэндл и продолжал производить измерения посетителей музея, Гальтона же интересовали теперь только отпечатки пальцев. Он делал увеличенные фотокопии всех отпечатков, чтобы удобнее было их сравнивать. Через три года у Гальтона была такая большая коллекция пальцев, какой Хершель никогда не имел. Ни разу отпечатки десяти пальцев одного человека не совпали с отпечатками другого. На основании математического вычисления вероятности совпадения, которое сделал Гальтон, получалось, что один палец одного человека может оказаться идентичным пальцу другого человека в отношении 1:4. Если же брать отпечатки десяти пальцев, то получалось невероятное число вариантов: 1 : 64 000 000 000. В сравнении с общей численностью населения на земле совпадение отпечатков пальцев двух людей казалось невозможным. Гальтона занимал еще и другой вопрос, о котором ни Фулдс, ни Хершель даже не подумали.

Если вместо бертильонажа для идентификации использовать отпечатки пальцев, то нужно создать систему их регистрации и каталогизации. И Гальтон вместе со своим сотрудником Коллинзом принялся за работу. При изучении исторических работ он неожиданно установил, что вопросами классификации многие занимались еще задолго до него. В 1823 году, например, чешский профессор физиологии и патологии в Праге Иоганн Пуркинье в своей работе "К вопросу об исследовании физиологии и кожного покрова челове-

ка" предпринял попытку классифицировать бесчисленное множество отпечатков пальцев, которыми он заинтересовался во время своих обследований. Пуркинье обратил внимание на большое число основных типов рисунков, которые все время повторялись: спирали, эллипсы, круги, двойные завихрения и кривые полосы.

После многочисленных опытов Гальтон убедился, что есть четыре основных типа, от которых происходят все прочие рисунки. Он постоянно встречал треугольное образование из папиллярных линий, находившееся на отпечатке либо слева, либо справа. Другие отпечатки имели по два или по нескольку треугольников. Были отпечатки, вообще не имевшие треугольников в своих рисунках.

Итак, существовали четыре основные группы: без треугольников, треугольник справа, треугольник слева, несколько треугольников. Не явится ли это базой для создания системы регистрации? Конечно, если брать у каждого человека только по одному отпечатку, тогда можно поставить этот отпечаток в один из ящиков картотеки. Но в короткое время каждый ящичек будет переполнен. Если у каждого человека брать по два отпечатка на одну карточку, то получается уже 16 различных комбинаций. Если же брать отпечатки всех десяти пальцев, то это дает уже 1 048 570 возможных комбинаций и соответственно классов отличия.

Гальтон ликовал. Не разрешена ли проблема упорядочения отпечатков пальцев? Не поставить ли об этом в известность общественность? В 1891 году он написал доклад в "Природу". В нем Гальтон выражал благодарность Вильяму Хершелю. Статья не вызвала большого интереса, если не считать того, что Фулдс предъявил свое право считаться автором открытия отпечатков пальцев в целях полицейской идентификации. Но на заявление Фулдса, как и на малый интерес к этому вопросу читателей, Гальтон не обратил особого внимания. Борьба за приоритет выходила за рамки его представлений. Мысли Гальтона были заняты самим предметом. Он стал работать над книгой, в которой рассматривал не что иное, как отпечатки пальцев в качестве способа идентификации. В 1892 году она была закончена и издана под названием "Отпечатки пальцев".

9. История Скотланд-ярда

В те дни, когда вышла в свет книга Гальтона, на берегах Темзы уже возвышались два новых больших комплекса зданий с остроконечными фронтонами и крепостными башнями по углам. В них разместился новый Скотланд-ярд — главная резиденция лондонской полиции.

Если парижская Сюртэ к этому времени имела уже восьмидесятилетнюю историю и свои традиции, то Скотланд-ярд не мог этим похвастаться. В 1829 году первые лондонские полицейские комиссары Майн и Роуэн заняли бюро в нескольких старых зданиях, принадлежавших когда-то Уайтхолл-паласт. Позднее лондонская

полиция заняла комплекс зданий, в котором раньше останавливались шотландские короли при посещении лондонского двора, Скотланд-ярда (шотландский двор). Отсюда и происходит название английской криминальной полиции — Скотланд-ярд.

То, что английская полиция моложе французской, имеет свои причины. Кажущиеся многим иностранным наблюдателям преувеличенно болезненные представления англичан о гражданских свободах привели, естественно, к тому, что английская общественность до тех пор усматривала в любом виде полиции угрозу этим свободам, пока в 30-х годах XIX века лондонцы не стали буквально тонуть в болоте преступлений, насилия и беззакония. Из-за такого понимания гражданских свобод Англия столетиями не имела ни общественных обвинителей, ни настоящей полиции. Поддержание порядка и охрана собственности считались делом самих граждан. Может быть, такая точка зрения и оправдывала себя, пока граждане имели возможность не только бесплатно брать на себя роль мировых судей, но и нести полицейскую службу. Но никто больше не хотел заниматься этим делом. Англичане предпочитали за деньги нанимать кого-либо на эти роли. Нанимали тех, кто подешевле: инвалидов, полуслепых, бродяг, часто даже воров. А многочисленные мировые судьи использовали свое положение для наживы путем взяток и укрывательства. Видока у Англии не было. Неизбежный конфликт с преступностью породил еще более нежелательные фигуры: доносчиков и тайных сыщиков — добровольных детективов ради наживы, мести или из любви к приключениям. При поимке вора и его осуждении они получали вознаграждение из суммы денежного штрафа, а в делах об убийствах или грабежах — вознаграждение в виде премии.

Каждый мог взять на себя роль доносчика, задержать преступника, привести его к мировому судье и обвинить. Если это приводило к осуждению, то он получал свое вознаграждение, что часто вызывало месть сообщников осужденного.

Каждый мог взять на себя роль тайного сыщика и приводить в суд разбойников, взломщиков и убийц. Считалось, что приняты все необходимые меры, если преступники несли жестокое наказание (за совершение почти двухсот большей частью неопасных преступлений наказанием был смертный приговор). Тюрьмы были лишь пересылочными пунктами по пути на виселицу или в ссылку.

Сорок фунтов, оружие и имущество осужденного — вот плата государства и общины за поимку вора. Эти "кровавые деньги" являлись большим соблазном для всякого рода странных "детективов", а следствием была сильно развитая коррупция. Тайные сыщики толкали молодых людей на преступление и волокли их потом в суд, чтобы заполучить "кровавые деньги". Они открыто предлагали свои услуги для возвращения украденного имущества за выплату им премии в размере стоимости украденного. Премией им, разумеется, приходилось делиться с ворами, если они не сами совершали кражу. Последнее случалось довольно часто. Самый знаменитый предста-

витель таких "детективов" Джонатан Вильд был жуликом и уличным разбойником, организатором преступного мира Лондона, предшественником более поздних гангстерских боссов Северной Америки. "Тайный сыщик, генерал Великой Британии и Ирландии" — так называл себя Вильд. Он всегда носил с собой трость с золотой короной, владел в Лондоне конторой и имел виллу с большим штатом прислуги. Вильд отдал под суд и послал на виселицу около сотни уличных воришек, но только тех, которые не хотели ему подчиниться. В 1725 году Вильд сам был повешен в Тибурне за ограбление.

Лишь спустя 25 лет один из лондонских мировых судей со всей серьезностью выступил против беззакония, принимавшего все большие размеры. Это был писатель Генри Филдинг. Он написал памфлет на Джонатана Вильда. Филдинг был тяжело болен, но обладал огромной силой воли. Будучи мировым судьей Вестминстера, он беспомощно наблюдал, как поднимается волна преступности. Однако он сумел доказать министру внутренних дел, что Лондон становится позором цивилизованного мира, являясь единственным городом на всей земле, где нет полиции. Филдингу отпустили средства из фонда Сикрет сервис для оплаты труда дюжины его помощников. Он снабдил их красными жилетами, под которыми они носили пистолеты. Так как суд Филдинга находился на Боу-стрит, то его люди получили название боу-стрит-раннеры, то есть полицейские с улицы Боу. И неожиданно они стали, по всей видимости, первыми криминалистами в мире. Филдинг платил им по одной гинее в неделю. Но каждый гражданин, которому нужна была охрана или который хотел расследовать преступление, мог получить полицейского за одну гинею в день. Через пятнадцать минут они были готовы приступить к своим обязанностям.

Их методы не многим отличались от методов Видока. Переодевшись, они посещали притоны, имели платных филеров, старались запоминать лица, умели терпеливо выслеживать, были напористыми и мужественными. Они имели успех, а некоторые даже прославились. Самым знаменитым был Петер Таунсенд, служивший одно время тайным охранником у короля Георга IV. В анналы истории вошли также имена: Джозеф Аткин, Виккери, Рутвэн и Сейер. Каким образом боу-стрит-раннеры нажили значительные состояния (Таунсенд оставил 20 000, Сейер — 30 000 фунтов стерлингов), история умалчивает. Между тем не является тайной, что они имели общих знакомых с Джонатаном Вильдом. Ограбленные банкиры отказывались преследовать грабителей. Они использовали боу-стрит-раннеров для того, чтобы за высокое вознаграждение (полицейским и грабителям) получить украденное имущество обратно. Банкиры предпочитали возвратить хотя бы часть украденного имущества, чем когда-нибудь увидеть перед судом вора, но не увидеть больше похищенного. Полицейские получали также, где только могли, "кровавые деньги". Некоторые из них не гнушались и тем, что "изобличали" перед судом невиновных, если виновные им хорошо заплатили.

Но во времена, когда никто не мог быть уверен в безопасности своей жизни и имущества, даже такие продажные боу-стрит-раннеры были лучше, чем ничего. И Генри Филдинг с такими полицейскими достиг по тем временам больших успехов. Он достиг этих успехов не только потому, что он, как Видок, вел регистр известных ему преступников. При розыске грабителей, убийц и воров Филдинг переписывался с другими мировыми судьями, публиковал в газетах Англии списки и приметы разыскиваемых преступников.

Когда в 1754 году Генри Филдинг умер, шефом полиции стал его сводный брат Джон. Он был слепым. История, а может быть, легенда, рассказывает, что к концу своей жизни (Джон умер в 1780 году) он мог различать 3000 преступников по их голосам. Джон Филдинг создал вооруженные боу-стрит-патрули и конные разъезды, которые должны были патрулировать проезжие дороги. Конная полиция, правда, просуществовала недолго, потому что у Филдинга не хватило денег на ее содержание. Зато боу-стрит-раннеры существовали еще очень долго. В течение девяноста лет они были единственными лондонскими криминалистами. Их число никогда не превышало пятнадцати, а поэтому их роль в борьбе со всевозрастающей преступностью была очень мала. В 1828 году в Лондоне существовали целые районы, где обворовывали даже днем. На 822 жителя приходился один преступник. 30 000 человек существовали исключительно за счет грабежей и воровства. Ситуация была столь серьезна, что министр внутренних дел Роберт Пил решил наконец создать полицию вопреки общественному мнению. Ему предстояло выдержать жестокий бой в нижней палате парламента. Но 7 декабря 1829 года тысяча полицейских в голубых фраках и серых полотняных брюках с черными цилиндрами на головах проследовала в свои полицейские участки, расположенные по всему городу. Цилиндры должны были продемонстрировать лондонцам, что не солдаты, а граждане взяли на себя их охрану. И все же мрачные прозвища, такие, как Пилер, Коппер или Бобби, дожили до наших дней.

Полиция Пила в конце концов обеспечила внешнюю безопасность на улицах Лондона. Но через несколько лет стало ясно, что охранная полиция, носившая полицейскую форму и действовавшая официально, была не в состоянии на деле побороть преступность, а тем более раскрыть уже совершенное преступление. И только казалось, что волна преступлений схлынула. Грабители, воры и убийцы делали теперь свое черное дело тайно. Преступность распространялась из их убежищ, принимая тысячи самых разных форм. С уголовниками боролась лишь кучка боу-стрит-раннеров, весьма потрепанная, пораженная как никогда коррупцией, ставшая объектом для насмешек журналистов и карикатуристов. Понадобилось несколько особо жестоких убийств, чтобы министр внутренних дел в 1842 году набрался мужества сделать еще один шаг. 12 полицейских сняли свою форму и стали детективами. Они занимали три маленьких помещения в Скотланд-ярде. Некоторые из них пользовались большим авторитетом (Филд, Смит, Джонатан

Уичер). Писатель Чарлз Диккенс увековечил их деятельность. В 1850 году он написал первый значительный английский криминальный роман "Холодный дом". В главном его герое, детективе Скотланд-ярда инспекторе Баккете, писатель изобразил жившего в действительности инспектора Филда. Впервые в английской литературе герой романа представлялся словами: "Я — Баккет, детектив, детектив-полицейский, разведчик, следователь". Слово "детектив" для криминалиста стало термином и распространилось во всем мире.

В самой же практике раскрытия преступлений сначала почти ничего не изменилось. Оплата работы новых детективов была лучше, соблазн коррупции — меньше. Но все еще каждый гражданин мог для себя лично нанять детектива. То была вынужденная уступка английскому общественному мнению, зараженному подозрительностью. Разве из Франции не приходили устрашающие слухи? Разве французская криминальная полиция не являлась на самом деле учреждением для шпионажа за гражданами? Такие подозрения делали борьбу детективов с преступным миром еще труднее. Эти подозрения порождали ограничения, которых не было во Франции и которые шли на пользу лишь уголовникам. Детективы не имели права никого арестовывать без достаточных доказательств. Им запрещалось уговаривать кого-либо дать показания, привлекать кого-либо в качестве свидетеля. Всех подозреваемых они должны были предупреждать, что каждое их высказывание может быть использовано против них. Не удивительно, что работа английских детективов имела меньший успех, чем работа их коллег во Франции.

Инспектор Джонатан Уичер стал жертвой враждебного полиции общественного мнения, когда 15 июля 1860 года его пригласили в Траубридж в Сомерсетшир для расследования одного убийства.

За две недели до этого, 29 июня, на даче "Роуд хилл Хаус" был найден убитым трехлетний ребенок. Это был младший сын фабричного инспектора Самюэля Кента, проживавшего там со своей второй женой, тремя детьми от первого брака и тремя детьми от второго брака. Убитый ребенок Сэвиль был сыном от второго брака, любимцем Самюэля и его жены. Ночью Сэвиль исчез из своей кроватки. Его нашли в садовой уборной с перерезанным горлом. Местная полиция под руководством самовлюбленного и ограниченного суперинтендента Фаули оказалась абсолютно бессильной. Больше того, Фаули предпринял шаги, которые спустя несколько десятилетий показались бы криминалисту непостижимыми, даже нарушением закона. Он нашел окровавленную дамскую рубашку среди грязного белья, но не обеспечил ее сохранности, и она исчезла. Он стер с оконного стекла кровавый отпечаток руки, "чтобы не испугались члены семьи". На всякий случай Фаули арестовал няню Элизабет Гоу. Но Элизабет вскоре освободили, потому что для ее ареста не было никаких оснований.

Когда Уичер прибыл в Траубридж, Фаули встретил его крайне враждебно. Он не сказал ему ни слова ни об окровавленной ночной рубашке, ни об отпечатке руки. Работа Уичера по своим способам и методам была типичной для первых английских детективов. Он не имел ни малейшего представления о каком бы то ни было научном методе расследования. Уичер обладал лишь тремя достоинствами: наблюдательностью, знанием людей и способностью к комбинированию. За четыре дня он пришел к убеждению, что преступление мог совершить только один человек: шестнадцатилетняя дочь Самюэля Кента Констанция, ребенок от первого брака. Констанция ненавидела свою мачеху и обижалась, считая, что ее третируют и плохо к ней относятся. Уичер полагал, что она убила своего сводного брата, любимца мачехи, чтобы отомстить ей. Ночное убийство, считал он, вряд ли могло произойти, не оставив следов на одежде девушки. Когда Уичер установил, что одна из трех ночных рубашек Констанции бесследно исчезла, он потребовал ее ареста, что вызвало бурю возмущения общественности.

Через несколько дней девушку освободили. Какая наглость обвинить ребенка в убийстве беспомощного брата! Какой развращенный ум мог выдумать такое обвинение! Уичер стал объектом жестокой травли. Ричард Майн, один из комиссаров лондонской полиции, тотчас уволил Уичера с работы, чтобы оградить полицию от нападок общественности. Спустя четыре года, в 1864 году, Констанция Кент призналась в убийстве своего сводного брата. Она действительно убила его, чтобы отомстить своим родителям.

В том же 1864 году, однако, общественность превозносила до небес одного из первых детективов, Дика Таннера, за удачное расследование первого в Великобритании убийства на железной дороге. 9 июля 1864 года в купе Северо-Лондонской железной дороги неизвестный убил и выбросил на ходу из поезда семидесятилетнего банковского служащего Бригса. Убийца ограбил его, забрав золотые часы с цепочкой, очки в золотой оправе и, что очень странно, шляпу убитого. Свою же шляпу он оставил в купе. За поимку преступника были назначены высокие суммы вознаграждений, опубликованы сенсационные сообщения в прессе. Спустя 11 дней Таннер нашел ювелира, у которого убийца обменял часы с цепочкой на другие часы. Коробочка, в которую были запакованы обмененные часы, навела Таннера на след немецкого портного по имени Франц Мюллер, проживавшего в Лондоне. Найденная на месте преступления шляпа оказалась шляпой Мюллера, а из его письма домохозяйке стало ясно, что он находится на пути в Северную Америку на борту парусника "Виктория".

20 июля Дик Таннер, имея в кармане ордер на арест Франца Мюллера, вместе с несколькими свидетелями отправился в путь на борту парохода "Сити оф Манчестер". Пароход прибыл в Нью-Йорк на 14 дней раньше парусника "Виктория". Когда в порту наконец появился парусник "Виктория", ему навстречу поплыла лодка с любопытными людьми, которые кричали: "Как поживаешь, убийца

Мюллер?..“ 16 сентября Таннер привез арестованного в Англию, а спустя два месяца Мюллера повесили. В последний момент, незадолго до казни, он признался в своем преступлении.

Но даже такой шумный успех не помог лондонской криминальной полиции поднять свой авторитет. Когда в 1869 году новый президент полиции Эдмунд Гендерсон вступил на свой пост, он заявил: "Большие трудности лежат на пути развития детективной системы. Многие англичане смотрят на нее с недоверием. Она абсолютно чужда привычкам и чувствам нации. Детективы работают фактически тайком“. Однако именно Гендерсон увеличил детективный отдел Скотланд-ярда до 24 человек. Начальником отдела он назначил бывшего ассистента Джонатана Уичера, суперинтендента Вильямсона, по прозвищу Философ, который предпринял первые попытки объединить детективов, работающих разрозненно и каждый своими методами.

Уже практически за пятьдесят лет до этого пришлось отказаться от ссылки уголовников в колонии. Отсидев свой срок в английских тюрьмах, они выходили на свободу. И так как их никто не контролировал, большинство из них возвращалось к своим старым "занятиям“. Лишь в 1871 году парламент принял закон, предусматривавший регистрацию рецидивистов с помощью фотографии и описания их личности. Но этот реестр вскоре перевели из Скотланд-ярда в министерство внутренних дел, где он потерял всякое практическое значение. Тогда Вильямсон вновь предпринял регистрацию в Скотланд-ярде. Лишь спустя восемь лет он смог увидеть результаты своих усилий, но тут Скотланд-ярду был нанесен тяжелый удар. Трое из самых старых и уважаемых сотрудников Вильямсона, Майклджон, Дружкович и Кларк, были разоблачены как взяточники.

Скандал в Скотланд-ярде породил новую волну недоверия. Поставленный перед выбором быть или не быть, Скотланд-ярд наконец-то получил твердую организационную структуру. Его возглавил любитель новшеств адвокат Говард Винсент, который поспешил в Париж, чтобы изучить работу Сюртэ. Винсент перенял все, что можно было заимствовать у французов. Вскоре из все еще разрозненной группы детективов он создал отдел криминалистического расследования, который определил лицо будущего Скотланд-ярда.

Одним из его нововведений была также организация надзора за уголовниками. По примеру Масе он с большим размахом начал коллекционирование фотографий преступников, собирал их в альбомы и трижды в неделю посылал тридцать детективов в тюрьму Холлоуэй, чтобы проверить, нет ли среди вновь поступивших знакомых лиц. Постепенно дело пошло успешнее. Как презрительно в Англии относились к Скотланд-ярду, видно из такого случая. Когда суперинтендент Вильямсон спросил одного незнакомца, который был очень похож на сотрудника Скотланд-ярда, вышедшего на пенсию: "Мы не знакомы? Вы у нас не работали?“, — то получил ответ: "Нет. Слава богу, так низко я еще не опустился...“

В 1884 году на пост начальника отдела криминалистического расследования был назначен новый человек, Джеймс Монро, долго

работавший в Индии в британской полиции. Ему также довелось познать шаткие позиции Скотланд-ярда.

С 6 августа по 9 ноября 1888 года преступления неизвестного убийцы потрясли английскую общественность. Убийства происходили между одиннадцатью часами ночи и четырьмя часами утра в районах Уайтчэпл, Спайтлфилд и Стэпни. Все убитые были проститутками. За жестокость, с которой совершались преступления, убийцу прозвали Джек Потрошитель. Преступления прекратились так же неожиданно, как и начались, и остались нераскрытыми.

Конечно, возмущение лондонской общественности было закономерным. Но разве возмущение не должно было быть направлено на саму общественность? Разве убийства Джека Потрошителя не показали общественности с самой страшной стороны, куда ведет упорная неприкосновенность личных свобод (среди них, в частности, бесконтрольная свобода перемещения любого человека и право называться любым именем)? Разве парижские газеты не были правы, когда они с национальной гордостью иронизировали, что, мол, в Париже Джек Потрошитель не смог бы неделями совершать убийства?

Во всяком случае, над Лондоном витала тень Потрошителя, когда Гальтон работал в своей лаборатории над тысячами отпечатков пальцев. В 1892 году была издана его книга "Отпечатки пальцев". И несмотря на большой авторитет Гальтона, понадобился целый год, чтобы министерство внутренних дел обратило на нее внимание. Но и в 1893 году было еще не поздно, взяв на вооружение систему отпечатков пальцев, начать решительный бой с преступностью.

10. Бертильонаж или дактилоскопия?!

Со времени своего посещения Альфонса Бертильона в 1887 году Эдмунд Р. Спирмэн не переставал письменно и лично обращать внимание министра внутренних дел на бертильонаж. Он нашел себе союзника в лице честолюбивого вице-президента лондонского Антропологического института доктора И.Гарсона.

Борьба за бертильонаж стала для Спирмэна своего рода идеей-фикс. Он глубоко изучил методы идентификации, которыми пользовались в Скотланд-ярде, и описал их министерству в самых мрачных тонах.

Списки рецидивистов и освобождение заключенных, которые министерство внутренних дел составляло в конце каждого года, попадали в руки полиции лишь спустя девять месяцев. К этому времени события их намного опережали. Описания внешности были так же поверхностны, как когда-то во Франции. Особые приметы упоминались очень редко. Приблизительно так: "Татуировка на левом безымянном пальце". В те времена эта примета могла относиться к сотням людей, так как такая татуировка была очень распростране-

на. Альбомы с фотографиями преступников в Скотланд-ярде постигла та же судьба, что и французскую картотеку преступников. В альбомах Скотланд-ярда насчитывалось около 115 000 фотографий. Предпринималось все, чтобы упорядочить их, но хаоса было ничуть не меньше, чем в Париже. Сотрудники отдела надзора за преступниками в Скотланд-ярде днями рылись в картотеке, чтобы найти карточку одного преступника. Не лучше обстояло дело с аппаратом идентификации в тюрьмах. Три раза в неделю 30 сотрудников встречались в тюрьме Холлоуэй для опознания заключенных. За одно посещение тюрьмы они идентифицировали в среднем около четырех заключенных. На каждую такую идентификацию уходило 90 рабочих часов, причем нередко опознания оказывались впоследствии ошибочными.

Книга Гальтона "Отпечатки пальцев" уже вышла в свет, когда весной 1893 года Спирмэну удалось уговорить двух руководящих работников министерства внутренних дел Чарлза Рассела и Ричарда Вебстера, которые с официальным визитом направлялись в Париж, посетить Бертильона. В Париже оба были торжественно приняты в "царстве" Бертильона, и, восторженные, вскоре они возвратились в Лондон. Вебстер сделал несколько позже заявление, что он видел самую лучшую систему идентификации, какую только можно себе представить. Теперь Рассел и Вебстер также требовали от исполнявшего обязанности министра внутренних дел Эскита ввести в Англии бертильонаж. Эскит уже собирался так и поступить, но произошел один из тех случаев, которые иногда кажутся самой судьбой. Член "Ройял сосайэти" лично вручил Эскиту книгу Гальтона. Эскит, ознакомившись с ней, отложил введение бертильонажа и назначил комиссию, которой предстояло изучить как бертильонаж, так и систему отпечатков пальцев и решить, какую из систем следует ввести в Англии.

В октябре 1893 года комиссия приступила к работе. Она состояла из Чарлза Эдварда Трупа, сотрудника министерства внутренних дел, майора Артура Гриффита и Мелвилла Макнэттна. Гриффит был инспектором британских тюрем и, кроме того, известным писателем, который в то время работал над двухтомным произведением "Тайны полиции и преступлений". Макнэттн представлял Скотланд-ярд. В мрачные времена, вскоре после убийств Потрошителя, он занял пост шеф-констебля уголовного розыска. Для постоянного напоминания об этих временах в его письменном столе лежали жуткие фотографии убитых женщин. Холеный человечек маленького роста, распространявший вокруг себя "атмосферу жизни индийского плантатора" и получивший позднее прозвище "добрый старый Мак", стоял на рубеже старого и нового Скотланд-ярда. Он сменил на посту шеф-констебля уголовного розыска Вильямсона, который встретил его словами разочарованного человека: "Мой милый, вы пришли в сумасшедший дом. Если вы исполняете свой долг, вас ругают, если не исполняете, то все равно ругают".

Макнэттн знал еще детективов-ветеранов, которые, как суперинтендент Шор, не умели правильно писать. Он также познал выражение: "Лучшими детективами являются случай и удача". Макнэттн был склонен к консерватизму, но из Индии он вернулся с достаточно широким кругозором и понимал, что криминальная полиция не может пройти мимо новых достижений науки.

Члены комиссии Трупа сначала отправились в лабораторию при музее Саут-Кенсингтон, чтобы ознакомиться с методом отпечатков пальцев. Простота идентификации при помощи отпечатков пальцев была столь поразительной, что комиссия не раз еще повторила свое посещение.

Однако введение этого метода в практику вызывало затруднения. После выхода в свет книги "Отпечатки пальцев" неутомимый Гальтон понял, что он слишком рано праздновал победу своего метода регистрации, так как его система обнаружила несколько существенных недостатков. Если бы четыре основных группы рисунков отпечатков пальцев (без треугольника, треугольник слева, треугольник справа и несколько треугольников, или, как Гальтон их еще называл: дуги, петли слева и справа, а также завихрения) встречались в равных количествах, то можно было бы легко распределить 100 000 карточек с десятью отпечатками пальцев в каждой так, чтобы найти любую из них без особого труда. Но подобной равномерности, к сожалению, не наблюдалось. Дуги встречались значительно реже, чем все остальные рисунки. Наблюдалась тенденция, когда один и тот же тип отпечатка повторялся на определенных пальцах. Когда Гальтон распределил 2645 карточек, то выяснилось, что в один из ящиков картотеки попали 164 карточки, в то время как в других ящиках было всего по одной-единственной карточке. Это приводило к такому скоплению карточек в некоторых ящиках, что быстро найти нужную среди них было невозможно.

Когда комиссия появилась в лаборатории Гальтона, он как раз работал над усовершенствованием своей системы регистрации. Ему казалось, что он нашел правильный путь, но цели еще не достиг. Гриффит требовал от него установления срока, к которому система регистрации будет завершена. Но Гальтон не мог этого сделать. Может быть, ему потребуется год, а может быть, два или три. Комиссия попала в "мучительную ситуацию". Она видела перед собой исключительно простой метод идентификации, от использования которого приходилось отказываться только из-за того, что еще не продумана система регистрации. Значит, отдать предпочтение бертильонажу — методу еще более сложному, чтобы спустя некоторое время узнать, что Гальтон все же решил проблему классификации?

Когда Труп, Гриффит и Макнэттн отправились в Париж, их не покидала мысль о методе отпечатков пальцев.

В столице Франции они попали в атмосферу триумфа французской полиции. Пост префекта полиции занял новый человек, Луи Лепин, маленький, темпераментный, всегда жестикулирующий. Ему было суждено стать самым популярным префектом Парижа.

Лепин получил прозвище Префект улицы, потому что всегда находился среди людей. Всех своих служащих он подбирал сам. Полицейские в форме были у него видными и высокими. Для криминальной же полиции подходили лишь те, чья внешность совершенно не бросалась в глаза. Кто был выше среднего роста, с рыжими волосами, большим животом или шрамом на лице, не подходил для работы в криминальной полиции. Лепин любил Бертильона не больше своих предшественников, но, понимая, какую роль играет Бертильон для славы парижской полиции, широко пропагандировал его метод идентификации. Восхваляя гениальность Бертильона, он выступал перед англичанами с программой, которая продемонстрировала службу идентификации в самом выгодном свете.

Так же обстояло дело и при Горонеследующем шефе Сюртэ. Выходец из Бретании, Горон стал легендарной личностью. Маленький, полный, короткорукий, с напомаженными усами и в пенсне, он производил едва ли более приятное впечатление, чем Бертильон. Преследование преступников было его страстью. Никто точно не знал, в какой мере он пользуется традиционными средствами работы шпиков. Во всяком случае, у него было много сыщиков, которым выдавались документы лиц, имевших ранее судимость, и которые под видом всевозможных преступников проникали в их притоны, снабжая Горона ценной информацией. Вместе с осужденными они попадали в разные тюрьмы, подслушивали, "умирали" и продолжали свою "работу" уже в других местах с другими документами и под другими именами. При допросах Горон использовал попеременно темные камеры, голод и вкусную пищу, обещал заключенным женщин, если они все расскажут. Это называлось "Харчевней монсеньера Горона". И ему действительно удалось ликвидировать целые банды, которые, обитая в старых крепостных сооружениях и в лачугах по берегам Сены, терроризировали Париж. Будучи таким же хорошим пропагандистом, как и Лепин, Горон умел заставить прессу работать на себя. Он был достаточно умен, чтобы, как и Лепин, понимать значение бертильонажа, ценить международное внимание к Бертильону. Он тоже в самых ярких красках расписывал англичанам достижения Бертильона.

Бертильон вел себя самым лучшим образом. Сбросив мрачную замкнутость, он сопровождал англичан даже при их посещении тех районов Парижа, где проживали и укрывались преступники. Бертильон не успокоился, пока гости не выпили с ним грога, полагая, что доставит этим большое удовольствие гостям, а потом расплатился за это сильной мигренью. В своем "царстве" на чердаке префектуры Бертильон, как заметил Макнэттн, "никогда не уставал говорить о своих успехах, которыми он по праву гордился". Бертильон продемонстрировал англичанам такие вещи, о которых они еще не слышали, и среди них фотоаппарат на высоком штативе, с помощью которого можно было точно сфотографировать место преступления. Аппарат был снабжен метрической шкалой, которая пе-

реносилась на фотографию. По ней точно устанавливались размеры предметов и расстояние до отдельных деталей места преступления, например, расстояние от трупа убитого до двери, стены и т.д. Не нужно было больше делать трудоемких зарисовок места преступления.

Бертильон показал помещение, оборудованное им для фотографирования и физических экспериментов. И лишь потом как наивысшее достижение продемонстрировал бертильонаж.

Ввели заключенных. Гриффит и Макнэтти получили измерительные инструменты. Бертильону удалось убедить гостей, что его система в самом деле означала колоссальный шаг вперед по сравнению со старыми методами идентификации. Но, несмотря на все его старания, он не разубедил практически мыслящих англичан в том, что его метод довольно трудоемкий. Они боялись не только трудоемкости, но и ошибок при обмеривании, когда эта работа будет протекать вне контроля такого педантичного энтузиаста своего дела, каким был Бертильон. Меньше всего на них производил впечатление "устный портрет". Они считали его слишком сложной словесной конструкцией, с которой будет трудно справиться среднему полицейскому.

Последовавшие затем заседания комиссии Трупа, которые длились до февраля 1894 года, проходили под знаком прямо-таки неразрешимой дилеммы. Спирмэн и доктор Гарсон использовали все свое влияние, добиваясь введения в Лондоне бертильонажа, а также "устного портрета". Оба выступали такими ярыми сторонниками антропометрии, что не видели преимуществ, которые давала система отпечатков пальцев. В представленном комиссией 19 февраля 1894 года министру внутренних дел обширном документе с рекомендациями отразились разногласия членов комиссии. Комиссия искала выход в компромиссе и предлагала в Скотланд-ярд ввести метод Бертильона, но в форме, облегчающей его применение, а именно регистрировать 5 вместо 11 принятых измерений, а от "устного портрета" совсем отказаться. Вместо него комиссия предложила ставить на каждую карточку отпечатки десяти пальцев заключенных. Регистрацию карточек следовало проводить по методу Бертильона, так как не было возможности классифицировать их по отпечаткам пальцев. Британское министерство внутренних дел присоединилось к мнению комиссии в июле 1895 года, и инспектор детективов Стэдман, а также детективы сержанты Коллинз и Хант получили задание создать в Скотланд-ярде картотеку по методу Бертильона с отпечатками пальцев.

Спирмэн активно протестовал. Раз бертильонаж, при котором точность каждого отдельного измерения так же важна, как совокупность всех измерений, оказался урезанным на шесть важных измерений, то шанс его успеха значительно снизился, если вообще не сводился на нет. Отпечатки пальцев казались ему бессмысленной затеей.

Ожесточившись, он поехал в Париж, чтобы сообщить об этом Бертильону. Во французской столице Спирмэн попал в обстановку, во многом изменившуюся. Тот факт, что англичане искалечили бертильонаж, задел Бертильона за живое и вызвал у него раздражение. Но в это время произошли события, отодвинувшие неприятности с англичанами на второй план. Спирмэн встретил в Париже специалистов по вопросам полиции со всех концов Европы, ожидавших приема у Бертильона для ознакомления с его системой. Здесь были ученые — от доктора Бехтерева из Санкт-Петербурга и Сергея Краснова из Москвы до доктора Штокиса из Льежа и шефа службы идентификации берлинской криминальной полиции фон Гюллесема.

Пока в Лондоне шли споры, Париж и чердак Дворца юстиции превратились, как выразился один современник, в "Мекку полицейской администрации". Система Бертильона победным маршем шествовала по континентальной Европе. Шефы полиции европейских стран, сознавая несовершенство своих систем идентификации, отправлялись к Бертильону, не имея никакого представления о дактилоскопии. В 1896 году доктор Штокис и доктор Делавалье создали в Бельгии частное бюро идентификации, которое работало по системе Бертильона. Испания оборудовала в своих тюрьмах антропометрические кабинеты. В Италии первый такой кабинет создал профессор Диблазио в Неаполе. Профессор Оттоленги, судебный медик в Сиене, ставший одним из первых крупных криминалистов в Италии, преподавал методы Бертильона. Он был таким страстным приверженцем "устного портрета", что одно время регистрировал даже "произвольные и непроизвольные формы движения" заключенных, а также "психические приметы", как, например, "память". Для установления таких примет он предлагал сложные аппараты — динамометры и пластисмографы. Бертильонаж ввели также в Португалии, Дании и Голландии. В 1896 году антропометрию начали вводить в городах и землях Германской империи: шеф дрезденской криминальной полиции, член правительственного совета Кёттинг оборудовал в столице Саксонии антропометрическое бюро, чем выделил свое имя на довольно бесцветной картине, какую представляла собой разрозненная криминальная полиция Германии тех лет. Прошло три четверти века с тех пор, как в Берлине, столице самой крупной немецкой земли Пруссии, из малополезной группы ночных сторожей и служащих полиции была создана унифицированная полиция.

В 1822 году в Берлине расследованием преступлений занимались трое полицейских в гражданском платье. С тех пор, однако, в Германии не появлялись ни Сюртэ, ни Скотланд-ярд, ни какая-либо криминальная полиция, с именем которой были бы связаны слава или легенды. Это произошло не только из-за отсутствия идей и рассудительности у прусского чиновничества. Кто из немецких криминалистов написал бы мемуары, подобные мемуарам Масе, или сделался бы героем сенсационных уголовных приключений, как Горон! Это зависело также от того, что в Германии тех лет не было

почти ни одного писателя, который бы избрал детективную тему для своих произведений, как то сделали англичане Чарлз Диккенс, Уилки Коллинз и позднее Конан Дойль или француз Эмиль Габорио.

"Молькенмаркт" — этот древний, мрачный угловатый комплекс зданий, в котором до 1891 года помещался берлинский полицей-президиум, и его новое здание на Александерплатц не вдохновляли фантазию. Это относилось и к Четвертому отделу, который с 1854 года приблизительно соответствовал Сюртэ или лондонской криминальной полиции. Не лучше обстояло дело и в других немецких землях.

Когда советник Кёттинг ввел в Дрездене бертильонаж, он не знал, как, впрочем, и все другие шефы немецких криминальных полиций, что уже восемь лет назад, в 1888 году, один берлинский ветеринар, доктор Вильгельм Эбер, подал в прусское министерство внутренних дел докладную записку, которой суждено было стать интереснейшим документом в истории дактилоскопии. Если бы к этой докладной записке отнеслись с большим вниманием, то на долю прусской полиции, может быть, выпала бы роль участника создания дактилоскопии. Эбер почти так же, как доктор Фулдс, открыл криминалистические возможности отпечатков пальцев на месте преступления. Благодаря отпечаткам окровавленных рук, которые оставляли на полотенцах мясники и ветеринары берлинской бойни, Эбер обратил внимание на папиллярные образования на руках и пальцах. Многочисленными опытами он также установил, что рисунок их различен. Через некоторое время по отпечатку на полотенце Эбер уже мог установить, кто им пользовался. Он, как и Фулдс, пришел к выводу, что по отпечаткам рук и пальцев, оставленным на месте преступления, можно было бы уличать преступников. К своей докладной записке в министерство внутренних дел он приложил ящичек с принадлежностями для снятия отпечатков пальцев рук, заметив при этом, что он получал предметы, которых касались неизвестные ему люди, и по отпечаткам на них мог определить этих людей. С помощью паров йода, добавлял он, можно сохранить отпечаток руки, в котором отчетливо видны папиллярные линии.

8 июня 1888 года президент берлинской полиции фон Рихтхофен возвратил докладную записку Эберу и сухо заметил: "Насколько компетентные служащие помнят, никогда не удавалось реконструировать отпечатки руки по следам на дверных ручках, стаканах и других подходящих для этого предметах". И когда Саксония первой из германских государств ввела бертильонаж, предложения Эбера были забыты.

Советник Кёттинг пытался пригласить в Дрезден полицейских президентов всех германских земель, чтобы заинтересовать их методом Бертильона. Он боролся за проведение Всеобщей конференции немецкой полиции, но его усилия пропали даром из-за местнических интересов земель и их полицейских учреждений. Между тем

шеф гамбургской криминальной полиции Рошер ввел антропометрию, за ним последовал Берлин. В 1897 году собралась наконец конференция немецкой полиции. К радости Кёттинга, она приняла решение о введении бертильонажа во всех немецких землях и о создании в Берлине центральной картотеки. "Покорение всей Германии" явилось для Бертильона одним из величайших его триумфов. Прошел еще год, и Австрия также "покорилась" (как говорили в Париже) бертильонажу.

Пятью годами раньше, в 1892 году, австриец Ганс Гросс выступал за введение антропометрии. Это был один из первых криминалистов Австрии. Ганс Гросс родился в Граце в 1847 году. Еще студентом он понял все несовершенство методов идентификации прежде всего сельской криминальной полиции, служащие которой, бывшие унтер-офицеры, исполняли свои обязанности, полагаясь на доносы сыщиков, и старыми утвердившимися методами добивались признаний от обвиняемых. И когда после 1869 года Гросс стал работать следователем в промышленном районе Верхнего Штайермарка, знакомство с деятельностью криминальной полиции привело его в ужас. Если вообще велась какая-нибудь работа по расследованию преступлений, то только следователями. Гросс же, хотя и изучал законодательство в университете, о криминалистике не получил ни малейшего представления. Зато он в противоположность другим следователям тех лет обладал даром воображения. Гросс чувствовал, как необходимо создать для криминалистики новый моральный и прежде всего научно-технический фундамент. При этом он, будучи юристом, не имел специальных знаний в области чистого и прикладного естествознания. Но, увлеченно изучая все имевшиеся в его распоряжении журналы и книги, он пришел к выводу, что едва ли есть такое техническое или естественно-научное достижение, которое не могло бы способствовать раскрытию преступлений. Гросс занимался основами химии и физики, фотографией и микроскопией, ботаникой и зоологией и через 20 лет упорного труда написал книгу "Опыт следователя", которая стала первым учебником по научной криминалистике и сделала имя Гросса известным во всем мире. Он называл ее "настольной книгой следователя". В 1888 году Гросс впервые узнал о бертильонаже. Само собой разумеется, он тотчас приступил к обмериванию. И в первом издании своего учебника 1892 года он решительно выступил за введение антропометрии в Австрии.

Когда министр внутренних дел Австрии 3 апреля 1893 года распорядился о создании в Вене антропометрического бюро, он был убежден, что обеспечил свою страну новейшим техническим достижением в области полицейской службы. Он так же, как и министры внутренних дел и шефы полиции других европейских государств, не мог предполагать, что за тысячи километров от Европы, в другом полушарии тем временем происходили события, которым суждено было в корне подорвать это убеждение. Но кто в Европе думал в те времена о Южной Америке, кто думал о такой

стране, как Аргентина, когда заходила речь об использовании достижений науки в работе полиции?

11. Первая в мире картотека отпечатков пальцев. Аргентина. Жуан Вучетич

Жуану Вучетичу, служащему полицейского управления провинции Буэнос-Айрес, было 33 года, когда 18 июля 1891 года его вызвали к шефу полицейского управления в Ла-Плата. Капитан флота Гвилермо Нунец сообщил Вучетичу, что ему постоянно говорят о какой-то новой системе идентификации в Париже. Один из его друзей, доктор Драго, вернувшийся недавно из Франции, рассказал много удивительных вещей и убедил его испытать французский метод, чтобы навести порядок при идентификации бродяг, уголовников и политических преступников. Короче говоря, Вучетичу поручили оборудовать антропометрическое бюро.

Нунец без длинных объяснений вручил Вучетичу специальные журналы из Парижа, где речь шла о бертильонаже, и пожелал ему скорого успеха. Когда Вучетич был уже на пороге, Нунец окликнул его и достал из кармана газету. "Вот еще кое-что, — сказал он мимоходом, — французская газета, которую здесь забыл вчера один посетитель, газета "Ревю сьантифик" от 2 мая. В ней сообщают об экспериментах англичанина по имени Гальтон. Он занимается отпечатками пальцев. Может быть, это вам тоже пригодится?.."

Будучи родом из Хорватии, из села Лезина, Жуан Вучетич на аргентинскую землю ступил лишь в 1884 году, окончив народную школу в своей родной деревне. Имея врожденные способности к математике и статистике, Вучетич восторженно относился ко всему новому. После года пребывания в Аргентине он стал полицейским служащим, еще через пять лет — директором так называемого статистического бюро при полиции Ла-Плата. Для Вучетича не составляло особого труда создать что-либо подобное тому, что было сделано Бертильоном.

Через восемь дней после приказа Нунеца уже функционировало маленькое антропометрическое бюро: заключенных обмеряли и регистрировали. Но каким бы новым для Вучетича ни был антропометрический метод, он, как выразился его биограф, "не затронул клеточек мозга Вучетича, в которых покоились его творческие силы". В большей степени его заинтересовала статья из парижской газеты "Ревю сьантифик".

Помощники Вучетича едва лишь овладели до некоторой степени приемами бертильонажа, а он уже смастерил примитивное приспособление для снятия отпечатков пальцев и стал дактилоскопировать всех арестованных, которых доставляли в бюро. Его так заинтересовала проблема неизменяемости папиллярных линий, что он ночи напролет проводил в морге и под конец изучил даже пальцы мумий, выставленных в музее Ла-Плата. Открытие, что папил-

лярные линии на пальцах мумий пережили века, если не тысячелетия, вдохновило его. Не прошло и шести недель, как к 1 сентября 1892 года Вучетич уже ясно представлял себе "принцип практической регистрации и классификации отпечатков пальцев". "Ревю сьантифик", хотя и писала о попытках Гальтона найти способ классификации отпечатков пальцев, ничего не сообщала об их результатах и его разочарованиях.

Совершенно самостоятельно Вучетич пришел к четырем группам, которые соответствовали группам Гальтона:

1) отпечатки, состоящие только из дуг;
2) отпечатки с треугольником с правой стороны;
3) отпечатки с треугольником с левой стороны;
4) отпечатки с треугольником с обеих сторон.

Группы отпечатков для большого пальца он обозначил буквами A, B, C, D, а для других пальцев — цифрами.

Итак, если он брал отпечатки одной руки, где большой палец имел дуги, указательный — треугольник слева, средний — треугольник справа, безымянный — два треугольника, а маленький палец — опять дуги, то особенности отпечатков пальцев этой руки можно было выразить формулой: A, 3, 2, 4, 1. Формула для двух рук была в два раза длиннее и имела приблизительно такой вид: A, 3, 2, 4, 1/C, 2, 2, 3, 3. Так как каждый палец может относится к различным четырем группам, то Вучетич высчитал общее число возможных вариантов: четыре в десятой степени. Вышло 1 048 576 вариантов различных формул. Вучетич устроил картотеку так, что распределение карточек шло по буквам и цифрам формулы. Если возникала необходимость установить, снимал ли он отпечатки пальцев у данного заключенного, то ему нужно было вывести формулу десяти пальцев и посмотреть в соответствующем ящичке картотеки. Восторг Вучетича был так велик, что он на свои деньги приобрел регистрационный шкаф и карточки, истратив при этом большую часть своих сбережений. Дальнейшее развитие антропометрии и основание антропометрических бюро в других городах провинций Долорес, Мерседес и Сьерра-Чика стали для него обременительным трудом, который все меньше и меньше интересовал его.

Сначала у Вучетича была такая маленькая коллекция отпечатков пальцев, что он обходился 60 ящичками. С ростом картотеки появились трудности, на которые ранее натолкнулся Гальтон, и Вучетич в свою очередь стал искать характерные детали, чтобы подразделить отпечатки внутри самих групп. При этом он пришел к мысли пересчитывать папиллярные линии и таким образом получил действительно дополнительные возможности классификации, которых для его коллекции оказалось достаточно.

Нунец и другие полицейские чины с недоверием наблюдали за работой Вучетича или совсем не признавали ее. Но, казалось, сама

судьба хотела помочь ему преодолеть отрицательное отношение окружающих. 8 июля 1892 года в Ла-Плата поступило сообщение из Некохеа, маленького городка на побережье Атлантического океана, что 29 июня в одной из бедняцких хижин на окраине местечка совершено убийство. Жертвами явились два внебрачных ребенка некой двадцатишестилетней Франциски Ройас. Обстоятельства дела, насколько можно было понять из сообщений комиссара полиции Некохеа и из дальнейшего расследования, были таковы: поздним вечером 29 июня Франциска Ройас с искаженным лицом и растрепанными волосами ворвалась к своим ближайшим соседям, сбивчиво произнося лишь отдельные слова: "Мои дети... Убил моих детей... Веласкес..." Веласкес, пожилой рабочий с близлежащего ранчо, был крестным детей Ройас. Говорили, что он настаивал, чтобы Франциска вышла за него замуж. В общем, он считался добродушным, несколько ограниченным человеком. Сосед послал своего сына на лошади в Некохеа, чтобы поставить в известность тамошнего комиссара полиции. Сам же он с женой побежал к хижине Ройас, где увидел шестилетнего мальчика и четырехлетнюю девочку, лежавших в кровати с размозженными головами, залитых кровью.

Прибывший вскоре комиссар недолго занимался осмотром места преступления. Он не искал ни следов, ни орудия преступления, а заставил говорить бросившуюся на пол и плакавшую Франциску Ройас. Она сказала, что Веласкес преследовал ее день и ночь своими домогательствами. Но она любит другого, который хочет на ней жениться. В полдень Веласкес пришел к ней и еще настойчивее домогался ее любви, чем раньше. Но она ему сказала, что никогда не выйдет за него замуж. Тогда он страшно разозлился и пригрозил убить того, кто ей всего дороже, и убежал. Вернувшись с работы, она застала дверь распахнутой настежь. Веласкес пробежал мимо нее, а в спальне она нашла мертвых детей.

Комиссар приказал в ту же ночь арестовать Веласкеса. Веласкес не защищался, но утверждал, что не дотрагивался до детей. Да, он любит Франциску и хочет на ней жениться. Да, он ей угрожал, но никогда не думал об этом всерьез. Комиссар приказал избить Веласкеса. Когда и после этого тот стал отрицать свою вину, его заковали в кандалы и оставили на ночь в освещенной комнате рядом с убитыми детьми, которые все время были у него перед глазами.

Но и на следующее утро, как и все последующие 8 дней усиленных допросов, Веласкес отрицал свою вину. Тем временем выяснилось, что возлюбленный Франциски Ройас не раз говорил, что он женился бы на "дикой Франциске", если бы у нее не было назойливых детей. Поэтому комиссар стал подозревать мать. Ночью он отправился к ее лачуге, стал стучать в окна и двери и кричать глухим голосом: "Духи явились покарать убийцу детей!" В течение нескольких часов он изображал привидение в надежде, что женщина испугается, выбежит из дому и признается. Но ничего подобного не

произошло. На рассвете Франциска Ройас открыла ему дверь, ничуть не тронутая ночным привидением. Комиссар избил ее, но она продолжала обвинять Веласкеса.

8 июля инспектор полиции Альварес из Ла-Плата поехал в Некохеа, чтобы основательно расследовать это дело. Альварес был одним из немногих, кто интересовался экспериментами Вучетича с отпечатками пальцев. Он много раз наблюдал за процедурой снятия отпечатков пальцев. Когда Альварес прибыл в Некохеа, ситуация, которую он застал, оказалась до предела запутанной. Во всяком случае, он установил, что во время убийства Веласкес совсем не мог находится около дома Ройас. Имелось алиби, о котором Веласкес в силу своей ограниченности просто не подумал. Только сама мать была вблизи детей. Но как без малейшего доказательства обвинить мать в убийстве своих детей?

Альварес отправился в дом, где произошло убийство, чтобы предпринять хоть и запоздалую, но все же попытку найти следы преступления. Проискав безуспешно несколько часов, он уже хотел оставить это занятие, как вдруг солнечный луч, упавший на полуоткрытую дверь спальни, осветил серо-коричневое пятно на деревянной двери. В ту же минуту Альварес вспомнил обо всем, что видел и узнал у Вучетича. Пятно было явным отпечатком большого пальца человека. Альварес раздобыл пилу и не долго думая выпилил кусок дерева с отпечатком пальца. Затем он поспешил в полицейский комиссариат Некохеа. Местный комиссар недоуменно смотрел, как Альварес взял штемпельную подушечку, вызвал к себе Франциску Ройас, приложил попеременно большие пальцы ее рук сначала к штемпельной подушечке, а затем к листу бумаги и стал, рассматривая их через лупу, сравнивать с отпечатком большого пальца на куске дерева. У Альвареса еще не было большого опыта, но он смог все же определить, что кровавый отпечаток большого пальца правой руки является отпечатком пальца арестованной. Он показал Франциске кусок дерева от двери с отпечатком ее большого пальца и заставил ее рассмотреть свой палец сквозь лупу. И тут, не испугавшаяся ни побоев, ни ночного привидения, она вдруг растерялась и признала свою вину. Да, она убила своих детей, потому что они препятствовали ее браку с молодым возлюбленным. Да, она убила детей камнем. Да, она бросила камень в колодец и тщательно вымыла руки. Только об одном она забыла. Забыла, что касалась окровавленной рукой двери.

Дело Ройас было одной из драм среди тысяч других, которые происходили в то время во всем мире. И все же оно стало событием: это было первое убийство, раскрытое при помощи отпечатка пальца, оставленного на месте преступления. Когда Альварес вернулся в Ла-Плата со своим чудесным кусочком дерева и с отпечатками пальцев Ройас, то его сообщение вызвало большой интерес как у руководства полиции, так и у прессы. "Я просто боюсь этому верить, — писал Вучетич своему другу в Долорес, — но это так. Наверняка мои

противники будут говорить, что это случайность. Но у меня в руках есть хороший козырь, которым я их встречу. Надеюсь, что вскоре у меня будет много козырей..."

Он был прав. Вскоре Вучетич смог этим способом идентифицировать одного неизвестного самоубийцу. Сняв у него отпечатки пальцев, он за пять минут установил по своей картотеке, что речь идет о человеке, имевшем судимость, отпечатки пальцев которого были сняты несколько месяцев тому назад в тюрьме Сьерра-Чика. Затем удалось уличить уголовника Аудифразио Конзалеса, убившего купца дона Риваса в Ла-Плате за прилавком. Отпечатки пальцев Конзалеса остались на столе. В это же время Вучетич идентифицировал при помощи отпечатков пальцев за один день 23 преступника, имевших ранее судимости. Во всех этих случаях бертильонаж отказал.

Теперь Вучетич предпринял попытку убедить свое начальство в преимуществе дактилоскопии. Но в те годы царило мнение, что все исходящее из Парижа является совершенством. Считали так и в Ла-Плате. Вучетич писал докладные записки. За свой счет он издал книгу "Общее введение к антропометрии и дактилоскопии", в которой доказывал превосходство дактилоскопии перед антропометрией. Все напрасно. В июле 1893 года полицейское руководство запретило ему дальнейшую работу с отпечатками пальцев. Ему предписывали пользоваться только антропометрией. Разочарование от того, что его не хотят понять, так задело Вучетича, что он заболел язвой желудка, которая мучила его до последних дней жизни.

Тайно он все же продолжал работать и писал в очень удрученном состоянии свою следующую книгу — "Система идентификации". Его обвинили в том, что он забросил, мол, антропометрию, и грозили уволить. Вучетичу пришлось продать свою небольшую библиотеку, чтобы на вырученные деньги издать вторую книгу. Он непоколебимо верил в свое дело. Глубоко верили в его правоту жена и дети. Когда они из-за отсутствия денег должны были отказывать себе в самом необходимом, он говорил им: "Люди будут таскать деньги мешками в наш дом, когда моя система начнет приносить пользу во всех странах".

Спустя четыре месяца полицейское руководство возглавил новый директор Нарцис Лозано. Он разрешил Вучетичу продолжить свою работу. В 1894 году преимущество дактилоскопии было столь очевидным, что пришлось ее признать.

Палата депутатов провинции Буэнос-Айрес своим решением от 22 июня 1894 года выделила особый фонд в размере 5000 золотых песо для возмещения убытков, которые понес Вучетич при разработке дактилоскопии. И все же сторонники Бертильона вскоре добились того, что сенат отменил решение о выплате этой суммы. А спустя два года, в июне 1896 года, пришлось отменить бертильонаж в полиции всей провинции и заменить его дактилоскопией.

Это решение сделало Аргентину первым в мире государством, в котором отпечатки пальцев стали единственным средством идентификации в полицейской службе. Тридцативосьмилетний Вучетич самостоятельно преодолел первую ступеньку успеха. В 1901 году, после пяти лет успешной работы над дактилоскопией, Вучетич смог выступить на Втором научном конгрессе Южной Америки в Монтевидео в качестве делегата полиции Буэнос-Айреса и рассказать о примуществе дактилоскопии. Не встретило возражения его заявление: "Я могу вас заверить, что все те годы, в которые мы применяли антропометрию, мы, несмотря на все наши старания, не могли при помощи измерений доказать тождественность человека. Всегда имели место какие-нибудь различия в данных измерения одного и того же лица. Это явилось причиной, заставившей нас ввести дактилоскопию".

Выступления Вучетича на этом конгрессе, а также на следующем Южноамериканском полицейском конгрессе в 1905 году явились причиной того, что южноамериканские государства одно за другим ввели в полицейскую практику его систему: в 1903 году — Бразилия и Чили, в 1906 году — Боливия, в 1908 году — Перу, Парагвай и Уругвай.

Вучетич даже и не подозревал, какой это триумф. Он получал слишком мало информации из Европы, чтобы осознать, как он опередил Старый Свет. У него было мало шансов донести свои идеи до Европы. Пути, по которым научные открытия достигали другие континенты, шли все еще в противоположном направлении — из Старого Света в Новый. Чтобы проложить путь своему открытию в Европу, Вучетичу потребовались бы сила и средства, которыми он никогда не располагал. Сведения о его достижениях не дошли даже до Соединенных Штатов.

Между тем, сам он видел уже иные возможности, о которых в других странах будут задумываться лишь спустя десятилетия. Он думал о регистрации всего населения с помощью отпечатков пальцев. Такая регистрация должна была облегчить раскрытие преступлений, которое возможно лишь при условии, что преступник, оставивший отпечаток своего пальца на месте преступления, уже ранее был зарегистрирован. Регистрация должна иметь более широкое значение, играть не последнюю роль при идентификации жертв катастрофы, при идентификации умерших и пострадавших от несчастного случая. Его фантазия рисовала ему еще более далекую картину. Задолго до европейцев он размышлял о международном полицейском сотрудничестве, о межконтинентальном бюро идентификации в Южной Америке, в Северной Америке, в Европе. Эти бюро должны находиться в распоряжении любого полицейского учреждения, преследующего преступника за границами своего государства или разыскивающего пропавших без вести. Вучетич не предполагал, что впереди его еще ждет много огорчений и разочарований.

12. Метод Эдварда Генри

В конце 1896 года молодой британский офицер, ехавший скорым поездом в Калькутту, наблюдал за своим попутчиком, который обратил на себя внимание необычным поведением.

Попутчик был высоким, стройным, холеным человеком лет сорока пяти, с удлиненной головой красивой формы, пышными волосами на пробор и темными усами. Он почти час не шевелясь смотрел в окно, затем вдруг сунул руку в верхний карман, достал золотой карандаш и стал искать что-то во всех карманах своего костюма, но безуспешно. Тогда он вытащил из левого рукава своего пиджака накрахмаленную манжету и стал на ней что-то писать. Самым поразительным было то, что он не только писал, но и рисовал какие-то дуги. Несколько раз он прерывал свою работу и задумывался, затем добавлял новые рисунки к старым. К концу пути его манжета была вся разрисована и исписана. В Калькутте он вышел из поезда, был встречен несколькими слугами и уехал в элегантном экипаже.

Молодой офицер не предполагал, что присутствовал при чрезвычайно важном событии, и, разумеется, не знал, кто перед ним сидел. Это был генеральный инспектор индийско-британской полиции Бенгалии Эдвард Генри. На своей манжете Генри изобразил в тот день основы своей всеобъемлющей системы классификации отпечатков пальцев.

Генри был сыном врача родом из Шэдвелла, в восточной части Лондона. В 1873 году, когда ему было 23 года, он прибыл в Индию и поступил на работу в индийское гражданское управление. С 1891 года он занимал должность генерального инспектора полиции Бенгалии. Умный, образованный, вежливый, одаренный живой фантазией и в то же время хороший организатор и математик, Генри, заняв высокий пост в Калькутте, тотчас же ввел в полиции бертильонаж. Учитывая очень низкий уровень образования служащих индийской полиции тех лет и их неопытность в области европейских систем мер, ему пришлось ограничиться шестью измерениями. В соответствии с заключением лондонской комиссии Трупа на карточку ставились также отпечатки пальцев как особая примета.

Нельзя отрицать пользы бертильонажа, если сравнивать положение дел в предшествующие ему годы. В 1893 году в Бенгалии путем идентификации удалось установить судимость у 23 вновь арестованных. В 1894 году их было уже 143 и в 1895 году — 207. К этому году число карточек бертильонажа в Калькутте достигло 100 000. Но при этом обнаружились причины угрожающих ошибок способа обмеривания. Было трудно индийских полицейских и тюремный персонал обучить так, чтобы хоть до некоторой степени полагаться на данные их измерения. Заполнение каждой карточки занимало почти час. Каждое измерение производилось трижды. Допустимой ошибкой считалась разница в два миллиметра. Но так как данные отдельных людей довольно часто отличались друг от друга на два миллиметра, то, чтобы не пропустить нужную карто-

чку, приходилось искать ее в различных ящичках картотеки. И на поиски одной карточки уходило также не менее часа.

Интересно, что Генри работал в Бенгалии, то есть в той же провинции, в которой полтора десятка лет назад проводил свои эксперименты с отпечатками пальцев Хершель. Генри жил в том же окружении. Во всяком случае, уже в 1892 году (то есть до того, как комиссия Трупа приняла решение относительно отпечатков пальцев) Генри, независимо от Хершеля, обратил внимание на отпечатки пальцев. В 1893 году в его руки попала изданная за год до этого книга Гальтона "Отпечатки пальцев". В 1894 году, узнав из сообщения комиссии Трупа, что Гальтону не удалось найти практического способа классификации, Генри задал себе вопрос: неужели эта проблема действительно неразрешима?

Спустя несколько месяцев Генри отправился на родину в отпуск. По прибытии в Лондон он тотчас посетил Гальтона в его лаборатории в Саут-Кенсингтоне.

Гальтон, которому было уже больше семидесяти лет, принял его охотно, без претензий на свой приоритет или потерю престижа и рассказал о всех своих усилиях. Генри загорелся жаждой узнать таинственный мир папиллярных линий. Он вернулся в Калькутту с чемоданом, полным фотографий отпечатков пальцев, постоянно думая о них. В Калькутте он продолжал собирать и фотографировать отпечатки пальцев, сравнивая и классифицируя их до декабря 1896 года. И вот, когда он ехал в поезде, ему и пришла идея решения проблемы регистрации отпечатков пальцев, дававшая возможность без особого труда найти в самое короткое время необходимые отпечатки. Эта идея родилась из сочетания глубоко научного исследования Гальтона и организаторского таланта практика Генри.

Генри всегда подчеркивал, какой благодарности заслуживает Гальтон. Когда он лучше узнал историю вопроса, то не забывал сказать также о заслугах Хершеля и Фулдса.

Генри установил пять видов основных рисунков и точно охарактеризовал каждый из них. Имелись: простые дуги, дуги, подобные ели, радиальные петли, ульна-петли и завихрения. Радиальная петля обращена в ту сторону руки, где находится радиус предплечья, то есть в сторону большого пальца; ульна-петля обращена в сторону ульна, то есть в сторону мизинца. Рисунки, как мы уже видели у Вучетича, можно обозначить формулами с определенными буквами. Затем, что было решающим для массовой регистрации, шло дальнейшее подразделение рисунков. Основой этого явилось уточнение рисунка, который Гальтон обозначил как треугольник или дельта. Этот треугольник мог быть образован раздвоением одной-единственной папиллярной линии или двумя разбегающимися линиями. Генри установил определенные отправные точки, которые он назвал "внешними пределами". В так называемых петлях имелись также определенные точки, получившие название "внутренних пределов". Если же соединить точку внутреннего предела с точкой внешнего предела прямой линией и посчитать папиллярные линии,

пересеченные этой прямой, то число их будет различно, и это образует подгруппы, которые можно выразить цифрами. Эти цифры вместе с буквами для обозначения рисунка составляют формулу, по которой можно классифицировать карточки с отпечатками пальцев.

Что несведущему человеку может показаться очень сложным, на самом деле было простым и легким. Для овладения новым методом требовалось увеличительное стекло, игла для подсчета линий и совсем немного времени.

Еще в январе 1896 года Генри отдал распоряжение полиции Бенгалии прилагать к карточкам бертильонажа лист с отпечатками пальцев. Теперь же Генри решил испробовать свою систему на большом количестве листов с отпечатками пальцев. Он писал: "Если этот способ регистрации окажется надежным, то я считаю вполне вероятным, что от антропометрии можно будет со временем отказаться..."

В январе 1897 года Генри был уже уверен в правоте своего дела и обратился к британскому генерал-губернатору Индии с предложением назначить нейтральную комиссию, которая решила бы вопрос о замене бертильонажа дактилоскопией. Несмотря на свойственную ему сдержанность, Генри бурно ликовал, когда генерал-губернатор принял его предложение. Под председательством генерал-майора Шахана 29 марта 1897 года комиссия собралась в Калькутте в служебной резиденции Генри. Два дня спустя комиссия сделала отчет, выводы которого благоприятствовали успеху Генри. "Рассмотрев антропометрическую систему и ее ошибки, мы так же тщательно изучили систему дактилоскопирования. Первое, что нам бросилось в глаза, — это простота снятия отпечатков пальцев и их четкость. Не требуются ни инструменты, ни специально обученные люди. Затем нам объяснили созданный мистером Генри метод классификации. Он так прост, что мы смогли легко и уверенно найти оригиналы двух самых трудных карточек. Случай, казавшийся особенно трудным из-за нечетких отпечатков, удалось решить за две минуты..."

Уже 12 июля 1897 года генерал-губернатор отменил бертильонаж и во всей Британской Индии ввел дактилоскопию. За 1898 год с ее помощью были идентифицированы только в Бенгалии 345, в 1899 году уже 569 уголовников, две трети которых при системе бертильонажа идентифицировать не удалось. Тем временем Генри уже занимался разработкой метода использования отпечатков пальцев, обнаруживаемых на местах преступлений, в качестве вещественных доказательств. Так же как и Вучетичу, ему помог случай.

Август 1898 года. Место действия — отдаленный пограничный район между Бенгалией и Бутаном. Когда шеф британской полиции района Юлпугури в сопровождении двух индийцев пришел в конце месяца на чайную плантацию, то застал ее подозрительно тихой и опустевшей. Никто не вышел ему навстречу из дома управляющего, дверь которого была распахнута. В спальне он нашел управляющего в кровати с перерезанным горлом. Все документы в

письменном столе в полном порядке, но денежная шкатулка вскрыта, деньги украдены. Выяснилось, что слуги от страха разбежались. Туземка, возлюбленная управляющего, тоже исчезла. Наконец нашли ее и повара. В момент совершения преступления женщины дома не было. Повар же в вечерних сумерках видел, как какой-то мужчина выбежал из дома, но не узнал его. Шеф полиции из Юлпугури наконец обнаружил портмоне управляющего. Деньги отсутствовали, но в одном отделении остался помятый бенгальский календарь. На его светло-голубом переплете было едва заметное коричневое пятнышко. У полицейского чиновника не было с собой увеличительного стекла, но ему показалось, что это отпечаток пальца, и он сообщил об этом в Калькутту.

Генри дал указание снять отпечатки пальцев убитого и всех людей, с которыми тот имел дело, и доставить их в Калькутту. Здесь в течение нескольких минут установили, что грязное пятнышко — это отпечаток пальца правой руки, по всей вероятности большого пальца, но не отпечаток убитого или кого-либо из окружающих. В результате допросов в Юлпугури выяснилось, что в конце 1895 года управляющий изобличил своего слугу Харана в воровстве. Харана арестовали и осудили в Калькутте. При аресте он поклялся отомстить.

Генри приказал поискать отпечатки пальцев Харана. Он надеялся найти их в картотеке, которую завел параллельно с картотекой антропометрических измерений в начале 1896 года. Если же там ничего нет, то есть надежда найти их на более старых антропометрических карточках, в которых уже отмечались отдельные отпечатки пальцев. При помощи поименного регистра можно было найти карточку Харана. Карточка была найдена, и на ней действительно имелся отпечаток большого пальца его правой руки, который соответствовал отпечатку большого пальца на календаре!..

Правительство по случаю бриллиантового юбилея королевы Виктории в 1897 году слугу амнистировало вместе с большим числом других заключенных. С тех пор он исчез. Прошли недели, прежде чем удалось его арестовать и предать суду в Калькутте. Это был первый процесс, в котором судьи встречались с отпечатками пальцев как средством доказательства. Харан упорно отрицал свою вину. Мучаясь сомнениями, суд пошел на компромисс. Харана осудили не за убийство, а за воровство. Суд не решился вынести смертный приговор, основываясь на отпечатке пальца. Все это было слишком ново, слишком неопределенно, слишком революционно для судей, которые до сих пор выносили приговоры лишь на основании показаний свидетелей.

Когда выносили этот приговор, Генри занимался уже новыми проектами. Он написал книгу "Классификация и использование отпечатков пальцев", которая издавалась на деньги британского управления, и одновременно разрабатывал новый способ регистрации отпечатков пальцев, используя опыт по делу Харана. Он хотел собрать и систематизировать отпечатки пальцев так, чтобы легче бы-

ло проводить идентификацию отдельных отпечатков, подобных тому, который был найден в Юлпутури.

К этому времени за пределами Индии никто не знал о прогрессивных преобразованиях в Бенгалии.

Далек путь из Индии в Лондон, и медленно работала бюрократическая машина, но все же она работала, и вот доклад комиссии генерала Шахана прибыл из Калькутты в Лондон. Он попал в министерство внутренних дел как раз в тот момент, когда Скотланд-ярд переживал кризис, вызванный последствиями англо-бурской войны. Демонстрации безработных будоражили Лондон. Поднималась волна преступлений. Занимающий 13 лет пост президента полиции сэр Эдвард Брэдфорд был бессилен что-либо предпринять. Шеф отдела криминальной полиции Роберт Андерсон уходил на пенсию. Что касается службы идентификации, то Мелвилл Макнэттн не мог сообщить ничего утешительного. Не то чтобы бертильонаж полностью провалился, напротив, он принес с собой прогресс, но нерешительность комиссии Трупа отрицательно сказывалась на работе измерительного бюро. В это время Гальтон издал новую книгу — "Дактилоскопический справочник", которая приблизила решение проблемы регистрации отпечатков пальцев. Поэтому столь своевременными были сообщения из Индии.

5 июля 1900 года в Лондоне собралась новая комиссия под председательством лорда Бельпера. Генри вызвали в Лондон, где он должен был сделать доклад. В качестве эксперта пригласили Гальтона и всех сотрудников Скотланд-ярда, работавших уже пять лет по методу Бертильона. Это были Макнэттн, Штедман, Коллинз, а также доктор Гарсон, который в 1895 году настойчиво отстаивал антропометрию.

Выступление Генри вызвало сенсацию. Фрэнсис Гальтон признал систему Генри практическим решением вопроса. Его поддержал доктор Гарсон, который вдруг понял, что необходимо вводить дактилоскопию. Совершенно неожиданно он стал расхваливать систему классификации, которую сам собирался создать. Но его система была такой несовершенной, что комиссия просто не стала ею заниматься. После тщательного обсуждения лорд Бельпер предложил с ноября 1900 года отменить в Англии бертильонаж и построить всю идентификацию преступников по дактилоскопической системе Генри. Больше того, министр внутренних дел назначил Генри заместителем президента полиции Лондона и шефом криминальной полиции. В марте 1901 года Генри занял свой новый пост в скромном помещении Скотланд-ярда, где работали инспектор Штедман, сержант Коллинз и его ассистент Хант. Штедман был уже очень больным человеком. Всю работу в основном осуществляли Коллинз и Хант. Имея опыт, привезенный из Калькутты, Генри нашел их работу из рук вон плохой. Отпечатки, собранные ими, были технически плохо выполнены, нечеткие, с ошибками в систематизации; они находились в тесных ящиках обыкновенного хозяйственного шкафа. Но Генри был человеком, который сумел заинтересовать дактилоскопией и Коллинза и Ханта. Предоставив в

их распоряжение надежные образцы из Индии, он сам показал им, как различать узоры папиллярных линий. Дидактические способности Генри помогли Коллинзу в кратчайший срок стать крупнейшим специалистом в области дактилоскопии тех лет. За один год, к маю 1902 года, новый дактилоскопический отпечаток идентифицировал 1722 рецидивиста. Это превосходило в четыре раза самые лучшие показатели бертильонажа. Но Генри знал, что этого мало для победы дактилоскопии в Англии. Ему нужны были достижения, которые нашли бы признание суда и тем самым проникли в сознание общественности.

Первые незначительные возможности представились еще в 1902 году в дни ежегодных скачек в Эпсоме. Мелвилл Макнэттн вспоминал позднее: "Когда наступил первый день скачек, мы едва поспевали. В шесть или семь часов вечера полиция отправила в тюрьму всех уголовников (жуликов и карманников), которых ей удалось арестовать во время скачек. Уже на следующее утро они были осуждены. Поэтому мы послали в Эпсом нескольких специалистов. Они взяли отпечатки пальцев у 45 арестованных и привезли их в Скотланд-ярд. Два сотрудника отдела дактилоскопии сверили отпечатки в ту же ночь и установили, что 29 человек из арестованных привлекались ранее к уголовной ответственности. Карточки преступников шеф-инспектор Коллинз привез ранним утром в Эпсом. Когда преступники предстали перед судьей, их уличили в том, что они уже имели судимости, и наложили на них двойное наказание. Первый из них утверждал, что он Грин Клаусестер и никогда не стоял перед судом. Ипподром он видит впервые. Когда шеф-инспектор сообщил ему, что его настоящее имя Беньямин Браун и что он из Бирмингема и имеет довольно большой список прежних судимостей, арестованный разразился проклятиями: "Чертовы отпечатки пальцев! Я так и знал, что они меня выдадут..."

В том же году представился еще один, более значительный случай. На этот раз речь шла об отпечатке пальца, обнаруженном на месте преступления. В августе 1902 года после кражи со взломом в Дэнмарк-Хилл на свежевыкрашенном подоконнике Коллинз нашел отчетливые отпечатки пальцев человека, который, как стало тотчас ясно из картотеки, лишь недавно отбыл наказание за другое преступление. Его имя Джексон. Джексона арестовали и отправили в тюрьму Брикстоун. Там Коллинз для гарантии снял у него еще раз отпечатки пальцев. Несомненно, Джексон во время взлома находился в доме в Дэнмарк-Хилл.

Кража со взломом — это дело, которое рассматривается не одним судьей, а центральным лондонским уголовным судом Олд-Бейли перед лицом присяжных заседателей. Генри решил воспользоваться этим и сделать все, чтобы добиться успеха. Он знал, что только исключительно способный прокурор, пользующийся большим авторитетом, мог преодолеть барьер недоверия и предрассудков у консервативных английских судей и присяжных заседателей.

Лучшим прокурором для Генри был Ричард Муир. Муир достиг к этому времени наибольшего авторитета среди молодого поколения лондонских прокуроров.

Муир проделал путь от продавца лавки до юриста. Он был упорным тружеником, не знавшим ни отдыха, ни покоя. С раннего утра до поздней ночи сидел он в своем бюро и собирал материал, записывая факты разноцветными карандашами на маленьких карточках. Одним цветом для простого допроса, другим — для перекрестного. Его выступления перед судом называли "карточной игрой". Он никогда не спал больше пяти часов в сутки. Его боялись не только подчиненные, но и служащие Скотланд-ярда, собиравшие для него вещественные доказательства. Муир никогда никого не хвалил. Горе тому, кто осмелился произнести слово "невозможно". "Невозможно? — вопрошал он. — Я не знаю этого слова!" Он питал глубочайшее недоверие к идентификации путем свидетельских показаний и всегда чувствовал угрозу судебной ошибки, если единственным уличением в преступлении обвиняемого была подобная идентификация.

Переговорив с Генри, Муир сам отправился в Скотланд-ярд, где в течение четырех дней экзаменовал Коллинза со свойственной ему беспощадностью, проверяя методику дактилоскопирования, регистрации и имевшиеся доселе результаты. После этого он стал убежденным сторонником Генри и так глубоко поверил в дактилоскопию, что был готов взять даже менее значительное дело, чем дело Джексона, чтобы только помочь Генри завоевать признание общественности.

2 сентября 1902 года Джексон предстал перед судом в Олд-Бейли. В архивах нет точного отчета об этом процессе. Истории известен лишь результат. Муир сумел убедить недоверчивых присяжных в абсолютной надежности отпечатков пальцев. Они признали Джексона виновным. Судья приговорил его к шести годам каторжных работ.

Это был первый общественный успех Генри в Англии. Но он знал, что это лишь начало. Полной победы можно было ожидать лишь от большого процесса, способного привлечь интерес всей страны. Но прежде чем это случилось, в Лондоне произошла человеческая драма, показавшая ненадежность старого метода идентификации. Пролог этой драмы начался много лет назад, еще в последнее десятилетие прошлого столетия, 16 декабря 1896 года. Драма вошла в историю криминалистики как дело Бека.

13. Семь лет в тюрьме за чужие преступления (дело Адольфа Бека)

Во второй половине дня, около четырех часов, из подъезда дома N 139 по улице Виктория в Лондоне вышел усатый, седовласый мужчина лет пятидесяти. Он был в сюртуке и цилиндре. В дверях он

задержался на несколько секунд, как бы решая, в какую сторону пойти. Неожиданно ему преградила путь незнакомая женщина. "Господин, я вас знаю!" — воскликнула она.

"Простите, что вам угодно?" — спросил он.

"Мне угодно получить обратно двое моих часов и кольца..."

Мужчина отстранил навязчивую особу и перешел на другую сторону улицы. Женщина последовала за ним. Тогда он подошел к констеблю и объяснил ему, что к нему пристает посторонняя женщина, которую он никогда раньше не видел. Тем временем женщина приблизилась и в большом возбуждении сообщила полицейскому, что разговаривающий с ним мужчина обманул и обокрал ее. Она потребовала тотчас арестовать его. Полицейский доставил обоих в участок.

Мужчина назвался Адольфом Беком. Имя женщины — Оттилия Майсонье. Если верить ее гневным обвинениям, то три недели назад Бек заговорил с ней на улице Виктория. Она, преподавательница английского языка, направлялась в тот день на выставку цветов. Бек окликнул ее и спросил, не леди ли она Эвертон. Услышав отрицательный ответ, он извинился и добавил, что выставка цветов не стоит того, чтобы ее смотреть. Он сам, мол, кое-что понимает в цветах, так как в его поместье в Линкольншире работают не менее шести садовников. Когда Оттилия Майсонье сказала, что она тоже большая любительница цветов и ухаживает дома за своими хризантемами, Бек спросил, нельзя ли ему взглянуть на ее цветы. Так они договорились встретиться на другой день у нее дома на улице Фоулхэм. Бек был точен. Он представился, продолжала Оттилия Майсонье, лордом Сэлисбери, сказал, как бы между прочим, что доход его составляет 180 000 фунтов, и пригласил ее совершить с ним на борту его яхты прогулку на Ривьеру. При этом он поставил условие, чтобы она приобрела себе более элегантный гардероб.

Оттилия согласилась, и ее гость перечислил вещи, которые ей следовало купить. Он даже написал собственной рукой список необходимых нарядов и для их приобретения выписал на имя Майсонье чек на 40 фунтов. Затем он попросил Оттилию отдать ему ручные часы и кольца, чтобы по их размерам приобрести более дорогие украшения. Через полтора часа после ухода Бека учительница заметила, что вторая пара ее часов тоже исчезла. У нее возникло подозрение, и она побежала в банк, чтобы получить по чеку деньги. На имя лорда Сэлисбери счета не существовало. Оттилия Майсонье поняла, что попалась на удочку жулику. Она пыталась найти лорда Сэлисбери. И вот в этот неприветливый вечер 16 декабря она встретила его. Потерпевшая утверждала, что может поклясться в том, что Адольф Бек именно тот человек, который представился ей как лорд Сэлисбери.

Отчет о допросе в тот же вечер доставили в Скотланд-ярд. Расследование поручили инспектору Вальдоку, хорошо знавшему местные условия. Выяснилось, что с декабря 1894 года поступило много заявлений от одиноких женщин на пожилого, седовласого мужчи-

ну, который, называясь либо лордом Уилтоном, либо лордом Уиллоубай, пользовался при жульничествах тем же приемом, что и лорд Сэлисбери.

В общем, с подобными заявлениями обратились 22 женщины. Выяснилось, что этот "лорд" взял в начале декабря 1894 года у некоей Фанни Нутт два кольца и брошь, в начале января 1895 года у Эвелин Миллер — кольцо, 18 февраля того же года у Алисы Зинклер — два кольца, 7 марта у Анны Товнсэнд — кольцо и два браслета, 23 июля у Кэт Брэкфилд — два кольца, 6 июля у Дэзи Грант — два кольца и другие украшения. Иногда, прощаясь, "лорд" брал деньги в долг на дрожки, объясняя, что его слуга забыл положить ему в карман мелочь.

Бека предъявили всем женщинам. Для этого его ставили в ряд с десятью, пятнадцатью мужчинами, которых просто приглашали с улицы, и, как всегда, без учета того, похожи ли они хоть отдаленно на Бека. Большей частью Бек был единственным седым человеком с усами в этом "параде идентификации", так что внимание женщин сразу же концентрировалось на нем. Все они заявили, что Бек именно тот человек, который их обманул.

Бек клялся, что никогда в жизни не видел ни одной из этих женщин, что живет на доходы от медного рудника в Норвегии и ему нет нужды обманывать и обворовывать. Согласно его документам, он родился в Норвегии в 1841 году и в 1865 году переехал в Англию, где работал маклером судоходной компании. С тех пор он много разъезжает. В Абердине он выступал в качестве певца, в 1868 году поехал в Южную Америку, давал концерты, был посредником в торговых сделках в Буэнос-Айресе, нажил состояние на военных поставках в Перу и в 1884 году снова уехал в Норвегию, где и купил медный рудник. Спустя год он вернулся в Лондон, жил сначала в отеле "Ковент-Гарден", а затем в меблированной квартире на улице Виктория. Секретарь подтвердил, что Бек действительно владеет медным рудником. Но одновременно выяснилось, что в отеле "Ковент-Гарден" он остался должен 600 фунтов. И у секретаря он тоже брал деньги в долг. В женщинах был не очень разборчив. Все эти обстоятельства свидетельствовали против Бека. Однако он клялся в своей невиновности.

И тут 18 декабря в Скотланд-ярде получили анонимное письмо, где говорилось, что еще в 1877 году в Олд-Бейли был осужден на пять лет тюрьмы некий Джон Смит, который, как и Бек, обманывал женщин. Смит, так же как и лорд Уиллоубай, предлагал женщинам место экономки в своем большом замке, выдавал фиктивные чеки и забирал их драгоценности. 20 апреля 1877 года его опознала и передала полиции одна из обманутых им женщин Луиза Говард. После того как присяжные признали его виновным, судья Форрест Фултон 10 мая 1877 года приговорил его к пяти годам тюремного заключения. Спустя четыре года, 14 апреля 1881 года, он вышел из тюрьмы и с тех пор исчез. По всей вероятности, заключал автор анонимного письма, Бек и есть тот самый Смит, который возобновил

свою жульническую деятельность. В Скотлад-ярде нашли материалы Джона Смита. И действительно, способ совершения преступлений, которые инкриминировались Беку, полностью совпадали со способом совершения преступлений Джоном Смитом. Более того, оба полицейских, которые в 1877 году арестовали Смита и работали по его делу — констебль Спарл и инспектор Рэдстон, — были еще живы. Бека представили им. Со времени их встречи со Смитом прошло 19 лет, но Спарл заявил перед полицейской судебной палатой Вестминстера (которая должна была вынести определение, подсуден ли Бек), что Бек идентичен Смиту, что это одно и то же лицо. Он поклялся в правоте своего показания. "Обвиняемый — тот же человек, в этом нет никакого сомнения. Это он. Я знаю, решение какого вопроса зависит от моих показаний, и я без колебания могу сказать, что это он".

Инспектор Рэдстон также не видел Смита с 1877 года, но и его показания совпали с показаниями коллеги. Бек побледнел, всплеснул руками и воскликнул в отчаянии, что в 1877 году его вообще не было в Англии, что он может привезти из Южной Америки свидетелей, уважаемых людей, которые присягнут, что он в 1876 и 1877 годах занимался своими делами в Южной Америке. Женщины ошиблись. Он понятия не имеет, кто такой этот Смит. Он никогда о нем не слышал и ни одного дня не провел в английской тюрьме. "Клянусь создателем. Женщины и полицейские ошибаются".

Гуррин, эксперт по почерку, сравнил, между прочим, почерк списка предметов одежды, который жулик оставил в 1894-1895 годах у женщин, с подобными же списками, составленными Смитом в 1877 году, и с почерком Адольфа Бека. Его заключение: почерк жулика 1877 года совпадает с почерком жулика 1894-1895 годов. Почерк Бека имеет отличительные признаки, но все же эти списки написаны Беком, правда "измененным почерком".

Идентификация Бека путем опознаний потерпевшими и двумя полицейскими казалась столь убедительной, что секретарь прокуратуры Симс, готовивший обвинение для суда в Олд-Бейли, не счел нужным сравнить внешность Адольфа Бека с описанием личности Джона Смита, которое должно было находиться в картотеке преступников. Инспектор Вальдок обратил внимание Симса на то, что, как ему известно, в описании Смита указаны карие глаза, в то время как у Бека глаза голубые. Но Симс не обратил на это внимания. Личное опознание казалось ему важнее описания личности, которое зачастую было весьма поверхностным. Когда же Вальдок стал настойчиво высказывать свои сомнения, его просто отстранили от расследования и заменили шеф-инспектором Фростом.

Фрост был представителем старой школы. В те времена не существовало международного сотрудничества при поимке преступников. Розыск их за границей стал специальностью Фроста. В его бюро при Скотланд-ярде лежал револьвер одного американского железнодорожного грабителя, которого он начал преследовать за океаном и наконец арестовал в ресторане "Китти" в Лондоне. Он же

арестовал пресловутого "ковбоя-убийцу" Кюне, который всегда носил черное платье и каждое свое убийство отмечал зарубкой на револьвере. Фрост глубоко верил "фотографической памяти" полицейского как лучшему способу идентификации и был убежден, что Спарл и Рэдстон правы.

Обвинителем в деле Бека выступал Гораций Авори. Это был маленький, худощавый человек, не способный на какое-либо сочувствие. Позднее его иногда называли Вешателем и говорили про него: "Авори экономит на жире, экономит на комплиментах, но никогда — на числе осужденных".

Вполне возможно, Авори сам никогда не верил в то, что Бек идентичен Джону Смиту. В подготовленном обвинительном акте было несколько пунктов с ссылкой на то, что Бек (он же Смит) имел судимость в 1877 году. Но Авори не сделал их, как говорят юристы, "предметом судебного разбирательства" на процессе 3 мая 1896 года в Олд-Бейли.

В роли судьи выступал Форрест Фултон, который судил в 1877 году Джона Смита. Если ему верить, то старое дело он забыл. Защитником Бека был опытный адвокат Ф. Гилл, который надеялся на успех при перекрестном допросе эксперта по почеркам Гуррина, если тот выступит в качестве свидетеля обвинения. Если Гуррин засвидетельствует, что почерк преступника 1877 года и почерк преступника 1894-1895 годов идентичен и в обоих случаях речь идет об одном и том же человеке, то Гилл с помощью свидетелей из Южной Америки докажет, что в 1877 году Бек находился не в Лондоне, а в Южной Америке и поэтому не мог совершить преступления 1877 года, а следовательно, и 1894-1895 годов. Но Авори предусмотрел это. Он не спрашивал Гуррина о почерке записок дела 1877 года. Гуррин сказал лишь, что списки предметов одежды, оставленные в 1894-1895 годах у обманутых женщин, написаны Беком измененным почерком.

Гилл вскочил и попросил у судьи разрешения задать Гуррину вопрос по поводу почерка автора записок 1877 года. Но особенностью британского суда было правило, запрещающее упоминание прежних поступков и судимостей человека, стоящего перед судом, пока присяжные не объявят свой приговор по новому преступлению. Тем самым хотели, по крайней мере теоретически, предотвратить предубеждение, которое могло возникнуть у присяжных по отношению к обвиняемому, имевшему уже судимость. Этим и воспользовался Авори, когда защитник Бека предложил допросить эксперта. Авори заявил протест и объяснил, что просьба защитника должна быть отклонена, так как она затрагивает события прошлого и не относится к данному разбирательству. Гилл страстно протестовал: прошлое имеет прямое отношение к этому делу, на нем построена вся его защита. Но Фултон властью британского судьи запретил поднимать вопросы, связанные с событиями 1877 года. Правда, и обвинению пришлось отказаться от свидетельских показаний полицейских Спарла и Рэдстона. Но оно могло себе это позволить, так

как Авори, проведя опознание Бека обманутыми женщинами, достиг решающего воздействия на присяжных. На суд явились 10 из 22 потерпевших, которые уже во время предварительного следствия опознали Бека как обманщика. Указывая на Бека, они одна за другой давали показания: "Это он! Это он! Это он!" Никто не обратил внимания на некоторую неуверенность отдельных потерпевших. Так, Анна Товнсэнд заявила: "Это тот же человек, но когда я слышу его речь, я не очень в этом уверена. У меня в квартире он говорил с американским акцентом". А Лилли Винчетт сказала: "Когда он был у меня, его усы были длиннее и напомажены". Напрасно защитник пытался обратить внимание присяжных на эти показания. Безуспешен был его протест и тогда, когда Оттилия Майсонье сказала: "Преступник имел шрам на правой стороне шеи под ухом. Маленький шрам, похожий на родинку". Гилл потребовал, чтобы свидетельница показала этот шрам. Тогда она заявила, что теперь не видит его...

Английское право тех дней запрещало обвиняемому самому выступать в качестве свидетеля по своему делу. Гилл добился лишь того, чтобы Беку позволили дать личное объяснение и доказать, что он говорит без акцента, о котором упоминали почти все свидетельницы. Бек использовал эту возможность, чтобы страстно заявить: "К этим страшным обвинениям я не имею никакого отношения. Я абсолютно не виновен..."

Все напрасно. 5 мая присяжные признали Бека виновным, и судья Фултон приговорил его к семи годам тюремного заключения. Бек еще раз встал и громогласно заявил: "Я не виновен, абсолютно не виновен". Но его никто не слушал.

На следующий день Бек сидел уже в тюрьме. Хотя на суде не была установлена связь "преступления" Бека с преступлением Джона Смита в 1877 году, все же Бек получил тот же арестантский номер, который в свое время носил Смит — Д 523. И больше того, к этому номеру прибавили букву В — знак имевшего ранее судимость. С 1896 по 1901 год Бек подал 10 заявлений с просьбой повторно рассмотреть его дело. Но в Англии еще не было апелляционной инстанции, и Беку предоставлялась лишь возможность писать петиции, беспрерывно повторяя, что в 1877 году он находился в Южной Америке и не мог совершить преступления Джона Смита. Может быть, этот Смит и в 1895 году обманывал женщин, а по его вине Бек сидит в тюрьме.

Адвокат Бека просил разрешения ознакомиться с приметами Смита, указанными в обвинительном акте. Его просьба была отклонена. Но сотрудник министерства внутренних дел 12 мая 1898 года все же навел справки в управлении тюрьмы о внешности Смита.

При этом он установил, что Смит — еврей и подвергался обрезанию. В отношении Бека об этом не могло быть и речи. Министерство обратилось к судье Фултону с просьбой высказать свою точку зрения по этому вопросу. Но Фултон, находясь под давлением опознания личности жулика многими женщинами, ответил весьма странно: "Пусть Бек и не является Смитом, но я все же не верю, буд-

то Бек был в Южной Америке". И ничто не изменилось; лишь тюремный номер Бека потерял букву В. Только 8 июля 1901 года Бека отпустили на поруки.

Тщетно пытался он доказать свою невиновность, потратив остаток своих средств на адвокатов и не подозревая, что судьба готовила ему новый удар.

15 апреля 1904 года Бек вышел из дома на Тоттенгэм-Кортроуд, в котором поселился незадолго до этого. Когда он ступил на тротуар, к нему подбежала молодая женщина: "Вы тот самый человек, который взял мои драгоценности и соверен". Бек непроизвольно отшатнулся. Он чуть не упал. "Нет, — закричал он, охваченный паникой, — нет, это не я. Я вас не знаю. Я вас не видел никогда в жизни!.." На это женщина сказала: "Вы тот человек, который взял у меня драгоценности, и там вас ждут". В панике Бек бросился бежать от своей непостижимой судьбы, которая снова преследовала его. Но путь ему преградил детектив — инспектор Вард. Бека арестовали и доставили в полицейский участок Паддингтон.

Что послужило поводом для нового ареста? 22 марта 1904 года в полицию явилась домработница Паулина Скотт и подала заявление. Пожилой седовласый мужчина с приличной внешностью обратился к ней на улице, сказал ей несколько комплиментов и наконец предложил ей место экономки в своем доме. Все остальное протекало по знакомой полиции с 1896 года схеме. Из всего этого инспектор Вард сделал вывод, что Бек возобновил привычные авантюры. Поэтому он послал Паулину Скотт в полдень к ресторану, где Бек имел обыкновение обедать. Хотя у нее была возможность в течение часа разглядывать Бека на близком расстоянии, она не опознала его. Но Вард не сдавался. Он приказал Паулине Скотт явиться к дому Бека как раз в то время, когда он обычно выходил на улицу.

Потерпевшая стала сдедить за Беком и, когда он проходил мимо, заговорила с ним. Так Бека арестовали во второй раз.

Бек ничего не понимал. Он отчаянно повторял: "Клянусь богом, моим создателем, я не виновен! В обвинении против меня нет ни одного слова правды! Я могу привести много свидетелей, которые подтвердят, что я честно занимался своими делами. Все это просто непостижимо..." Как только газеты сообщили о его аресте, в полицию явились еще четыре женщины: Роза Рис, Грейс Кампбалл, Лили Кинг и Королина Зингер, которые тоже аналогичным путем лишились драгоценностей и денег. Все они были готовы поклясться, что Бек — тот самый человек, который их обманул. Теперь Беку ничто не могло помочь: ни уверения в невиновности, ни заклинания, ни заявление, что он никогда ни с одной из этих женщин не виделся и не разговаривал.

27 июня 1904 года Бек снова предстал перед судом в Олд-Бейли. Теперь у него уже не было средств нанять опытного защитника. А Лайсестер, его адвокат, располагал лишь четырьмя днями, чтобы поверхностно ознакомиться с материалами дела. Бек же был слишком подавлен и сбит с толку, чтобы суметь правильно проинформи-

ровать Лайсестера. Итак, трагедия повторилась еще раз. Свидетели опознали его под присягой: "У него характерный нос, — заявила Роза Рис, — я узнала бы его по носу из тысячи других". И на этот раз никто не обращал внимания на неясности и противоречия в показаниях женщин. Одна из них заявила, что жулик носил монокль, другая — что не видела ничего подобного. Но эти детали ничего не значили на фоне утверждений: "Это он... это он... это он..."

С 1896 года в британском судопроизводстве кое-что изменилось. Теперь Бек мог давать показания по своему делу. Но могли ли ему помочь мольбы и заверения в том, что он не знает этих женщин, что он, видимо, жертва двойника. Присяжные в первый же день суда признали Бека виновным. Но судья Грантхэм, который на этот раз судил Бека, почувствовал некоторые сомнения. Он отложил вынесение приговора и велел отвести Бека в тюрьму предварительного заключения.

И наверное, Беку не удалось бы избежать своей печальной участи, если бы через 10 дней после суда не произошел случай, который по-новому осветил дело Бека и вызвал бурю возмущения в Лондоне.

Вечером 7 июля 1904 года инспектор Кане вошел в полицейский участок Тоттенгэм-Корт-роуд. Это было обычное посещение. Дежурный полицейский рассказал ему, что они задержали одного человека, продававшего два кольца, которые он выманил у двух артисток. Кане, которому дело Бека было более или менее знакомо, попросил сообщить подробности. К своему великому удивлению, он услышал такую же историю, какую рассказывали все свидетельницы по делу Бека. В ней были и богатый лорд, ищущий экономку, и список туалетов, и фальшивый чек...

Кане пошел в камеру, где сидел арестованный. При виде заключенного у него захватило дух. Стоявший перед ним мужчина был сед, так же сед, как Бек, они были приблизительно одного роста, и черты его лица напоминали лицо Бека. Но Бек был моложе и не так крепок, как этот мужчина.

Арестованный назвался Вильямом Томасом и утверждал, что никогда раньше не жульничал. Но Кане был уверен, что перед ним Джон Смит, человек, вместо которого судят Бека.

Он тотчас же поставил об этом в известность Скотланд-ярд. Пяти женщинам, опознавшим Бека, предъявили для опознания Вильяма Томаса. Они растерялись. Затем Роза Рис, упорно утверждавшая, что узнала обманщика по носу, выдавила из себя: "Бог мой, ведь это он, это он..." К ее показанию присоединились все остальные.

Мелвилл Макнэттн сам побежал к единственной женщине, которая в 1896 году утверждала, что ее обманул не Бек. Узнав, в чем дело, она сразу же пошла в полицейский участок на Боу-стрит, куда тем временем привезли Томаса. И она заявила, что это тот самый мерзавец, который обманул ее девять лет назад.

Другие свидетельницы 1896 года тоже были приглашены. Они признались в своем заблуждении, извиняясь и оправдываясь. У То-

маса действительно под ухом был шрам, которого не могли найти у Бека. У него было обрезание. Все особые приметы внешности Джона Смита, описанные в 1877 году, совпали.

Когда хозяин дома, в котором Джон Смит проживал в 1877 году, опознал своего бывшего жильца, Вильям Томас сломился. Через несколько часов стала известна вся его история, а следовательно, и причина страшнейшей ошибки идентификации и юстиции, происшедшая в Англии на пороге нового столетия.

Да, Томас был Джоном Смитом, совершившим жульничества, за которые был осужден в 1877 году. Он рассказал, что родился в Ланкашире в 1839 году, изучал медицину в Вене, служил генеральным врачом короля Гавайи и, наконец, заимел плантацию в Гонолулу. Проверкой его показаний удалось установить, что Томас, он же Джон Смит, проживал в 1876 году в Лондоне под именем Вильяма Вайса и выдавал себя за австрийского военного на пенсии. Отсидев свой первый срок, в 1881 году он уехал в Южную Австралию. После возвращения в Лондон в 1894 году он вскоре был арестован под именем Майера по обвинению в незаконном получении 300 фунтов по фальшивому кредитному письму. Однако для осуждения не было доказательств. А то, что мнимый Майер и Джон Смит одно и то же лицо, установлено не было. В 1894 году Смит возобновил свои аферы с женщинами и занимался ими до тех пор, пока не узнал из газет, что Адольф Бек арестован вместо него. Он взял себе имя доктора Марча и уехал в Америку. До 1903 года он работал врачом в США. Шестидесятилетним стариком в 1903 году он вернулся в Лондон, намереваясь возобновить свое старое занятие. И он возобновил его в масштабах, которые лишь сейчас стали обозримы. Те пять женщин, которые дали показания 27 июня 1904 года, были лишь незначительной частью всех обманутых и обворованных. В Союзный банк, на который жулик выписывал свои фальшивые чеки, было предъявлено до 25 подобных чеков. Большинство женщин стеснялись заявлять, боясь, как бы их имена не стали достоянием прессы. Несомненно, Смиту (он же Майер, он же Вайс, он же Марч, он же Вильям Томас) и на этот раз удалось бы уйти от наказания, если бы он не допустил оплошности и после вторичного ареста Бека не продолжал бы совершать преступления.

Министерство внутренних дел поторопилось освободить Бека. 19 июля 1904 года он был реабилитирован и получил компенсацию в размере 5000 фунтов. Но этот случай так возмутил общественность, что дело дошло до открытого обвинения Скотланд-ярда, министерства внутренних дел, прокурора Авори и судьи Фултона. Обвинения носили столь резкий характер, что судье Фултону пришлось оправдываться в открытом письме через газету "Таймс". Правительство назначило комиссию по расследованию этого дела, которая в своем докладе, несмотря на осторожные формулировки, резко осудила случай, связанный с делом Бека и Смита. Перед комиссией Бек сказал прокурору Авори: "Я не имел удовольствия видеть этого почтенного господина с 1896 года, с тех пор, когда в Олд-Бейли он взирал

на меня с веселой иронической улыбочкой, как будто хотел сказать: "Ты виновен". Но смысл слов Бека наверняка не дошел до толстокожего Авори.

Зато на британское правительство все это произвело большое впечатление. Впервые за всю историю британского права был создан апелляционный суд.

Но прежде всего дело Бека поколебало и без того шаткое доверие к старым методам полицейской идентификации. Вопрос предотвращения подобных ошибок стал общенациональной проблемой. Генри и Коллинз могли решить эту проблему... путем дактилоскопии. Не прошло еще и года после скандала по делу Бека, как представился случай (как оказалось решающий) доказать надежность дактилоскопии, притом опять в Олд-Бейли. На этот раз рассматривалось дело об убийстве. Это событие вошло в историю как дело "Дептфордский убийца".

14. 1905 год. Впервые отпечатки пальцев являются уликой в деле об убийстве

"Отвращение, отвращение и еще раз отвращение" — вот что испытывал прокурор Ричард Муир по отношению к убийцам из Дептфорда. Такое же чувство испытывал каждый человек в Лондоне, прочитавший 27 марта 1905 года первые сообщения газет об этом убийстве.

Улицы Дептфорда, мрачного района восточной части Лондона на южном берегу Темзы, вблизи Гринвича, были еще безлюдны, когда около 7.15 утра продавец молока увидел на Хай-стрит двух парней, выбежавших из маленькой лавочки дома N 34, где торговали красками, и скрывшихся в одном из переулков. Они так торопились, что даже не закрыли дверь магазина.

Продавец молока не обратил внимания ни на парней, ни на распахнутую дверь. В Дептфорде все старались как можно меньше вмешиваться в чужие дела.

Спустя 10 минут по Хай-стрит прошла маленькая девочка. Ребенок видел, как из лавки с красками показалась окровавленная голова человека, который тотчас снова скрылся за дверью и запер ее изнутри. Но подобное зрелище не вызвало удивления у ребенка. На бойнях Дептфорда кровь лилась реками, окровавленные лица и одежда были здесь повседневным явлением. Лишь в 7.30 один молодой человек поднял тревогу. Он работал учеником в этой лавке. Фарров, хозяин лавки, пожилой добродушный человек лет за семьдесят, вставал всегда очень рано, чтобы обслужить маляров, которые часто еще по дороге на работу заходили в магазинчик и покупали краски и прочие малярные принадлежности. Поэтому, когда приходил ученик, дверь лавки была уже открыта. Однако в это утро она оказалась заперта. Никто не откликнулся на звонок ученика. Тогда мальчик проник во двор старого домика через сосед-

ский земельный участок. Взглянув в выходящее во двор окно, он в ужасе отпрянул, стал громко звать на помощь и бросился в ближайший магазин.

Инспектор уголовной полиции Фокс с несколькими своими сотрудниками через 20 минут прибыл на Хай-стрит. Спустя некоторое время к дому № 34 приехал также Мелвилл Макнэттн.

Маленькое помещение во внутренней части магазина, служившее складом и конторой, представляло собой картину полного опустошения. Вся мебель была опрокинута, ящики стола выдвинуты. Повсюду кровь. Изуродованное тело старика Фаррова лежало на полу так, что его окровавленная голова находилась в камине. На Фаррове под пиджаком и брюками была его ночная рубашка. По многочисленным следам крови в магазине и на узкой лесенке, которая вела в верхнее помещение, Фокс пришел к заключению, что Фарров спустился из спальни, чтобы обслужить своего предполагаемого клиента. На него напали и сбили с ног сначала в магазине. Однако старик нашел в себе силы подняться и загородить преступнику (или преступникам) дорогу наверх, где спала миссис Фарров. Большая лужа крови на лестнице свидетельствовала о том, что здесь его снова били. И как это ни покажется невероятным, старик еще раз поднялся, уже после того, как убийца или убийцы ушли. Он дополз до открытой двери и выглянул на улицу. Может быть, он хотел позвать на помощь. Но так как на улице никого не было, он запер изнутри дверь, опасаясь, по-видимому, что бандит или бандиты могут вернуться. Затем он, видно, добрался до конторы, где его настигла смерть.

На верхнем этаже, в спальне, лежала миссис Фарров, слабая, седая женщина. Она лежала в постели с размозженным черепом и еще дышала. Ее доставили в гринвичскую больницу, где она скончалась спустя четыре дня, так и не сказав ни слова.

Между тем Фокс обнаружил две маски, изготовленные из старых дамских черных чулок. Из этого он сделал вывод, что убийц было двое. Сначала казалось, что они не оставили больше никаких следов. Но несколько позже под кроватью миссис Фарров была обнаружена небольшая денежная шкатулка. Она была вскрыта и опустошена до последнего пенса. По расчетной книжке установили, что добыча составляла не более девяти фунтов. Макнэттн, уже хорошо знакомый с дактилоскопией, исследовал шкатулку с внешней и внутренней сторон с целью обнаружения на ней отпечатков пальцев. Он замер, когда на лакированной поверхности внутренней части шкатулки заметил пятно, оставленное потной рукой. Тотчас он вызвал к себе Фокса, его сотрудников, а также ученика Фаррова, который все еще сидел на первом этаже и не мог прийти в себя от пережитого. Макнэттн спросил, не трогал ли кто-нибудь шкатулку. Один сержант смущенно сказал, что он задвинул шкатулку подальше под кровать, чтобы санитары, уносившие миссис Фарров, не споткнулись об нее.

Макнэттн приказал осторожно запаковать шкатулку и побыст-

рее доставить ее шеф-инспектору Коллинзу. Сержанта также послал в дактилоскопический отдел. Для верности Макнэтти велел взять отпечатки пальцев у ученика и у обоих убитых. Это был первый в Лондоне случай, когда снимали отпечатки пальцев у трупов. Затем Макнэтти проинформировал своего начальника Генри. Оба с нетерпением ожидали результатов дактилоскопической экспертизы.

Лишь на следующее утро Коллинз доложил, что пятно на шкатулке является отпечатком большого пальца, который не принадлежит ни ученику, ни пострадавшим, ни кому-либо из принимавших участие в расследовании. Сравнение его с восемьюдесятью тысячами имевшихся к этому времени зарегистрированных отпечатков пальцев позволило установить, что этот отпечаток большого пальца регистрации не подвергался. Коллинз составил докладную, которая кончалась словами: "Увеличенная фотография отпечатка пальца на шкатулке очень отчетливая. Не представит ни малейшего труда идентифицировать личность, оставившую этот отпечаток, как только будет арестован подозреваемый в преступлении человек".

Тем временем Фокс стал изучать соседей Фаррова. Он встретился с молодой женщиной по имени Этель Стантон, которая почти одновременно с продавцом молока видела двух убегавших по Хай-стрит незнакомых ей молодых людей. На одном из них было коричневое пальто. Один из сотрудников Фокса сообщил, что в пивной Дептфорда он подслушал разговор, в котором шла речь об убийстве и ограблении. Упоминались два брата, Альфред и Альберт Страттоны, по-видимому, совершившие это преступление.

Альфред и Альберт Страттоны были до некоторой степени известны Скотланд-ярду, хотя их никогда не арестовывали и не регистрировали. Одному было 22 года, другому — 20 лет. Они слыли исключительными лентяями, никогда не имели постоянной работы и жили на содержании девушек и женщин, беспрерывно меняя свои адреса. Но Фокс вскоре выяснил, что Альберт Страттон живет в старом темном доме на Кнотт-стрит, снимая комнату у миссис Кэт Вадэ — пожилой женщины, которая живет тем, что сдает комнаты. Во время допроса выяснилось, что она боялась Альберта Страттона. Убирая однажды в комнате парня, она нашла под его матрацем несколько масок, изготовленных из черных чулок. Фокс узнал еще больше: Альфред, брат Альберта Страттона, имеет любовницу по имени Ганна Громарти. Фокс нашел девушку в убогой комнатке на первом этаже дома по Брюкмилл-роуд. Единственное окно выходило на улицу. Было видно, что ее недавно избили. Видимо, это дело рук Альфреда Страттона. Желая отомстить ему, Ганна "выложила" все: да, она знает Альфреда Страттона. Да, он приходил, когда ему хотелось, и заставлял ее делать, что ему хотелось. Да, ночь с воскресенья на понедельник он провел у нее. В воскресенье вечером в окно заглянул мужчина. Альфред с ним о чем-то говорил. Позднее кто-то постучал в окно, и Альфред Страттон оделся. Потом она заснула. Когда проснулась, было уже светло, а Альфред стоял в комнате оде-

тый. Альфред Страттон, как рассказала Громарти, часто среди ночи покидал комнату через окно и тем же путем возвращался. На этот раз он ей строго-настрого приказал всем говорить, кто будет спрашивать, что ночь с воскресенья на понедельник он провел в ее кровати и ушел лишь в понедельник после девяти часов. Ганна рассказала также, что со вторника коричневое пальто Альфреда исчезло. Когда она спросила, где оно, Альфред грубо ответил, что подарил его приятелю. Кроме того, он перекрасил свои коричневые башмаки на черные.

Макнэттн дал указание арестовать братьев Страттонов, где бы они ни были. Первая попытка задержать их во время футбольного матча оказалась безуспешной. Они исчезли. Ганна Громарти тоже исчезла. Но уже в следующее воскресенье в пивной удалось задержать Альфреда, а в понедельник — его брата Альберта. Оба — широкоплечие парни с жестокими лицами — бурно протестовали, когда их доставили в полицейский участок Тауэр-бридж.

Макнэттн понимал, что обвинительного материала, собранного Фоксом, абсолютно недостаточно для того, чтобы отдать обоих под суд. Но ему нужны были отпечатки пальцев. Если отпечаток большого пальца на денежной шкатулке Фаррова не совпадет с отпечатком большого пальца ни одного из них, то их придется освободить. Ну, а если совпадет?..

Полицейского судью, от которого зависело решение, содержать ли братьев Страттонов под арестом или нет, не очень-то убедили аргументы Фокса. Что это за аргументы? Разговоры старухи, сдающей комнаты! Болтовня мстительной любовницы!

После долгих "да" и "нет" судья все же согласился держать их под арестом в течение 8 дней и разрешил взять их отпечатки пальцев, хотя с дактилоскопией он был знаком лишь понаслышке. Коллинз поспешил явиться со всеми принадлежностями. Братья Страттоны умирали со смеха, когда он красил черной краской их пальцы и делал отпечатки на регистрационной карточке. Ничего не подозревая, они смеялись потому, что им было, мол, очень уж щекотно. Коллинз же тотчас отправился в Скотланд-ярд.

В своих мемуарах Макнэттн рассказывает: "В полдень я возвратился в свое бюро и никогда не забуду того драматического момента, когда Коллинз ворвался ко мне в кабинет со словами: "Великий боже! Я установил, что отпечаток на денежной шкатулке полностью совпадает с отпечатком большого пальца старшего Страттона".

Старшим был Альфред Страттон. Генри, ставший тем временем президентом лондонской полиции, был тотчас же поставлен об этом в известность и связался с Ричардом Муиром. Генри прекрасно понимал, что настало время помочь отпечатку пальцев обрести силу вещественного доказательства. Процесс над братьями Страттонами следовало провести на глазах всего Лондона, всей Англии. Отпечаток пальцев в центре этого процесса! Трудно себе представить более подходящий случай для борьбы за признание дактилоскопии!

Ричард Муир, как и в случае с Джексоном, сам отправился в Скотланд-ярд и попросил Макнэттна и Коллинза ознакомить его с результатами экспертизы. Он прибыл как раз к моменту предъявления братьев Страттонов для опознания продавцу молока, который видел утром в день убийства выбежавших из магазинчика Фаррова двух парней. Продавец молока не опознал их. Этель Стантон, напротив, готова была поклясться, что Альфред Страттон был одним из убегавших парней. Одно показание подкрепляло, другое ослабляло доказательства, имевшиеся в распоряжении следствия помимо отпечатка большого пальца Альфреда Страттона.

Муир еще яснее, чем Макнэттн, представил себе, как плохо обстоит дело с доказательствами. Основу всего составлял отпечаток пальца. Лишь на нем держалось все обвинение. От признания или непризнания присяжными отпечатка пальца в качестве достаточного доказательства зависело вынесение приговора. Муир обдумывал свое решение в течение двух дней. Затем дал согласие выступить обвинителем в процессе над Альфредом и Альбертом Страттонами.

То, что вокруг отпечатка пальца разгорится борьба, было ясно уже тогда, когда 18 апреля в полицейском суде Тауэр-бридж проходило принятое в Англии предварительное слушание дела о предъявлении окончательного обвинения. На столе Муира стояла взломанная денежная шкатулка. Ее охраняли два полицейских. Он знал, что судьи и присяжные слишком мало разбираются в технике снятия отпечатков пальцев, чтобы признать в качестве доказательства фотографию отпечатка пальца. Ему нужен был оригинал. "Не дотрагиваться! — гремел его голос. — На ней отпечатки пальцев!"

Рядом с Муиром восседал Коллинз, готовый дать необходимые разъяснения. Защитник Страттонов заявил, что, если состоится суд, он пригласит в качестве свидетелей двух экспертов. Они докажут, что система отпечатков пальцев Генри ненадежна. Имена экспертов сначала не были названы. Муир и Коллинз ломали себе голову, кто же может быть их тайным противником. И само заявление о якобы имеющихся экспертах заставило их подготовиться к любым неожиданностям.

5 мая Альфред и Альберт Страттоны появились на скамье подсудимых в Олд-Бейли. Процесс вел судья Шаннель. Он никогда не занимался дактилоскопией. Присяжные заседатели также никогда не имели дела с новым феноменом. Адвокат обвиняемых Бот заполучил для них еще двух защитников — Куртиса Беннета и Гарольда Морриса. Первому из них суждено было стать в ближайшее время яркой личностью в британском судопроизводстве. Их появление, однако, не очень взволновало Муира. Его взор был направлен на двух других мужчин, сидевших среди свидетелей. Тайна об экспертах защиты не была больше тайной. Одним из них был доктор Гарсон, долго выступавший за бертильонаж, затем пытавшийся создать свою собственную классификацию отпечатков пальцев, которая оказалась абсолютно неудовлетворительной и не выдержала кон-

куренции системы классификации, созданной Генри. Может быть, он хотел отомстить Генри? Может быть, он хотел объявить войну классификации, которая оказалась лучше его собственной?

Там же восседал доктор Генри Фулдс. В силу ряда неблагоприятных обстоятельств имя этого человека, впервые использовавшего отпечаток пальца, обнаруженный на месте преступления, для идентификации преступника и раскрытия преступления, было оттеснено именами Хершеля, Гальтона и Генри. С тех пор как Гальтон торжественно назвал Хершеля человеком, раскрывшим тайну отпечатков пальцев, Фулдс вел ожесточенную борьбу за свой приоритет. Все больше и больше он верил в существование заговора, целью которого было лишить его чести первооткрывателя. В своих статьях, открытых письмах и брошюрах он отстаивал не только свой приоритет в использовании отпечатков пальцев для раскрытия преступлений, который, без сомнения, принадлежал ему, но и само открытие отпечатков пальцев. Может быть, он тоже из чувства мести имел намерение выступить против Генри и тем самым, собственно говоря, против своего открытия?

Муир бросал в их сторону мрачные взгляды, красноречиво свидельствовавшие о его готовности скрестить с ними клинки. Когда он взял слово, зал замер. Биограф Муира впоследствии писал: "В сотнях дел об убийствах, в которых Муир выступал обвинителем, он ни разу не проявлял такого отвращения в обвиняемым, как в деле Страттонов. В их поступке он видел самое жестокое преступление, с которым ему когда-либо приходилось сталкиваться. Он заявил, что один вид изуродованных лиц стариков не оставляет сомнения в том, что убийцы не способны ни на какие человеческие чувства. Он говорил, видимо, медленнее и осмотрительнее, чем обычно, но потрясающе убедительно. Обвиняемые уставились на него, точно на судью, который в любую минуту может приговорить их к смертной казни".

Муир так вел борьбу в зале суда, что все свидетели изобличали Страттонов. Их показания помогли ему дать законченную картину убийства, его подготовку и последовательность событий. Лишь теперь, как выразилась одна газета, "появился перед судом отпечаток пальца".

Муир показал на шкатулку и заявил: "Нет и тени сомнения в том, что отпечаток большого пальца на шкатулке, которая когда-то принадлежала убитому мистеру Фаррову, оставлен большим пальцем обвиняемого Альфреда Страттона". Затем в качестве свидетеля он пригласил Коллинза. В зале суда установили большую доску, на которой можно было так объяснить принцип сравнения отпечатков пальцев, чтобы каждому присяжному все стало ясно и понятно. Выступление Коллинза было еще убедительнее, чем три года назад по делу взломщика Джексона. Он показал сильно увеличенные фотографии отпечатка большого пальца на шкатулке и оригинала большого пальца Альфреда Страттона и доказал 11 совпадений в обоих отпечатках. "Весь зал притих, затаив дыхание, слушая разъяснения Коллинза во время перекрестного допроса, которому подверг-

лась его защита", — писал позднее суперинтендент Черрилл, самый известный из последователей Коллинза в дактилоскопическом отделе Скотланд-ярда.

Перекрестный допрос Бота и Беннета еще в начале показал слабость их позиции. Им не бросились в глаза ни ненависть Фулдса, не лжеученость Гарсона. Не имея опыта в области дактилоскопии, они, ничего не подозревая, с самыми добрыми намерениями делали упор на то, на что им указал Фулдс, а именно на различия в фотографиях Коллинза, которые якобы каждому внимательному наблюдателю бросаются в глаза и свидетельствуют о безответственном легкомыслии Скотланд-ярда.

Различия, на которые указывала защита, являлись не чем иным, как неизбежными мелкими отклонениями, которые возникают при снятии отпечатков пальцев, так как невозможно снимать отпечатки всегда с одинаковым нажимом. Муир и Коллинз сразу отреагировали на это обвинение. Коллинз несколько раз подряд сделал отпечатки большого пальца присяжных и показал им те "различия", на которые ссылалась защита.

Каждый присяжный мог лично убедиться в том, что эти "различия" не имеют ничего общего с характерными узорами отпечатков, которые и составляют суть дела. Необоснованный аргумент защиты был разбит. Это привело к ожесточенным спорам между Ботом и Фулдсом, взиравшим с мрачным видом на все происходящее. Потеряв уверенность в надежности и объективности своих экспертов, Бот и Беннет, казалось, засомневались, стоит ли приглашать в качестве свидетеля эксперта доктора Гарсона. А может быть, они по глазам Муира поняли, что он приготовил сюрприз и готов уничтожить Гарсона путем перекрестного допроса. Когда же из-за отсутствия других способов борьбы защита все же решила пригласить Гарсона, то она действительно потерпела еще худшее поражение, чем в тот момент, когда следовала советам доктора Фулдса.

Муир вытащил имевшееся у него письмо и спросил, не Гарсон ли написал ему, обвинителю, это письмо? Не предложил ли доктор Гарсон себя в качестве эксперта по отпечаткам пальцев обвинению, прежде чем предложить свои услуги защите? Как Гарсон объяснит это двурушничество? Каждый присутствовавший воспринял эти слова как обвинение Гарсона в том, что он готов был выступить свидетелем обвинения и утверждать противоположное тому, что он только что говорил, если бы обвинение захотело воспользоваться его услугами и удовлетворило его жажду быть признанным. Гарсон побледнел, посмотрел вокруг себя и упрямо сказал: "Я независимый свидетель". Но больше он ничего не успел сказать, потому что вмешался судья Шаннель. "Я бы сказал, — заявил он сердито, — абсолютно не заслуживающий доверия свидетель", — и потребовал, чтобы тот покинул зал.

"Это была победа Муира", — писал один обозреватель тех лет. Защитники в борьбе с отпечатками пальцев потерпели поражение. Судья Шаннель при всей своей сдержанности был вынужден кон-

статировать, что отпечаток пальцев, без сомнения, в определенной степени служит доказательством. Поздно вечером, около десяти часов, присяжные вернулись в зал суда после двухчасового совещания. Опять воцарилась мертвая тишина. Затем присутствующие услышали их вердикт. Альфред и Альберт Страттоны были признаны виновными. Приговор вынес судья Шаннель: "Смерть через повешение". Поток взаимных обвинений из уст осужденных доказал, сколь справедливым было обвинение. Страттонов казнили.

Процесс над Страттонами был первым этапом к полному признанию дактилоскопии в судопроизводстве.

Система Генри нашла свое распространение в Великобритании, Шотландии, Ирландии, в британских доминионах и колониях. В это же время она начала распространяться в Европе и во всем мире.

15. Конец бертильонажа. Дактилоскопия на пути в Новый Свет

Безусловно, можно назвать человеческой трагедией, когда изобретатель, достижение которого едва только завоевало мир, чувствует, что есть уже новое открытие, которое сводит на нет все его успехи. Именно такая судьба ожидала Альфонса Бертильона в тот момент, когда дактилоскопия уже глубоко укоренилась в Англии.

Кто-нибудь другой, может быть, и проявил бы такт и не только понял, но и приветствовал бы прогрессивное явление, тем более что его роль и имя и без того стали достоянием истории. Бертильон был и остался человеком, проложившим науке путь в криминалистику. Он был и остается создателем криминалистической фотографии и первой в мире криминалистической лаборатории. Но его упрямому характеру не хватало благоразумия. На глазах Бертильона рушились позиции, которые, казалось бы, в победоносном марше завоевала себе его система измерений.

Он бы еще мог пережить, что от его системы отказались Аргентина и другие страны Южной Америки. Но вот дактилоскопия Генри проникла через Англию в европейские бастионы бертильонажа. Уже в 1902 году отпал Будапешт и в Венгрии антропометрия уступила место дактилоскопии. В том же году, начиная с Вены, дактилоскопию стали вводить в Австрии. Правда, прошло еще несколько лет, прежде чем антропометрия перекочевала в архив, но было уже ясно, что она пройденный этап. В том же 1902 году Дания перешла на систему Генри. За ней последовала Испания, где по вине системы Бертильона наблюдалось много судебных ошибок. Морис Аквилера, профессор анатомии в Мадриде, получил задание усовершенствовать испанскую систему идентификации. В Женеве, где был оборудован лучший в Швейцарии антропометрический кабинет, еще некоторое время производились измерения, но параллельно регистрировались также отпечатки большого и указательного пальцев левой руки и большого, указательного, среднего и безымянного

пальцев правой руки. Вскоре возникли картотеки отпечатков пальцев в Аарау, Базеле, Женеве, Люцерне и Цюрихе.

В Германии переход к дактилоскопии возглавил Дрезден; его решительный шеф полиции (ставший впоследствии полицай-президентом Германии) Кёттинг в 1895 году своим примером способствовал быстрому распространению антропометрии по всей стране.

Как раз в это время студент юридического факультета в Мюнхене Роберт Гейндл, который впоследствии стал выдающейся личностью в германской криминалистике, случайно прочитал в одном английском журнале статью о работе Генри в Индии. Он написал в Калькутту, попросил ознакомить его с основами дактилоскопии и, как только получил ответ, послал в полицию всех крупных немецких городов подробные меморандумы. В них он предлагал отказаться от бертильонажа и обратиться к дактилоскопии.

Кёттинг усиленно пропагандировал дактилоскопию, для чего использовал представившуюся ему возможность на выставке в Дрездене. В одном из павильонов была изображена группа людей в натуральную величину, которая снимала отпечатки пальцев. Гейндл назвал эту группу впоследствии "надгробным памятником антропометрии". Когда во время работы выставки удалось арестовать вора, который украл сладости и оставил отпечатки своих липких от сахара пальцев, общественный интерес к дактилоскопии значительно возрос.

Уже 24 октября 1903 года по всей Саксонии ввели дактилоскопию. В том же году были организованы дактилоскопические картотеки в Гамбурге и Берлине. В Баварии первым был Нюрнберг. А в Мюнхене дактилоскопию ввели лишь спустя два года, пока несколько дел об убийствах не доказали несовершенство существующей системы идентификации. После этого Гейндл получил задание оборудовать первый дактилоскопический кабинет в баварской столице.

Разумеется, то тут, то там еще раздавались возражения. Прежде всего можно было услышать утверждение, что вряд ли отпечаток пальцев станет ценным средством идентификации, так как уголовный элемент найдет способ изменять папиллярные линии на своих пальцах. Подобные аргументы исчезли лишь после того, как практическими опытами было доказано, что на регенерирующей после тяжелых ожогов огнем, кипятком или кислотой коже кончиков пальцев восстанавливаются прежние папиллярные линии.

Гейндл имел обыкновение демонстрировать бородавку на кончике одного из своих пальцев. Даже на бородавке отчетливо были видны папиллярные линии.

Тем временем уже во всей Европе отказались от антропометрии. В Бельгии дорогу дактилоскопии проложил доктор Штокис. Развитию дактилоскопии послужил арест бельгийского анархиста, которого в 1904 году выдали отпечатки пальцев, оставленные им на анонимных письмах. Еще более впечатляющим было разоблачение

преступника, который вскоре после убийства своей жены, чувствуя угрызения совести, проник в морг, чтобы попросить прощения у покойницы. В морге он оставил отпечатки пальцев. В Норвегии в 1906 году город Кристиансанн возглавил введение дактилоскопии. В Швеции она появилась в апреле того же года. В Италии, несмотря на свою длительную приверженность к бертильонажу и "устному портрету", за дактилоскопию выступил профессор Оттоленги. Россия во всех крупных тюрьмах оборудовала дактилоскопические кабинеты к 30 декабря 1906 года. В министерстве внутренних дел в Санкт-Петербурге возник центр дактилоскопической картотеки, а в октябре 1912 года суд присяжных русской столицы осудил первого убийцу, выявленного при помощи отпечатков пальцев, которые он оставил на куске дерева. В конце концов, кроме Монако и Люксембурга, осталась еще одна страна, сохранявшая верность антропометрии. Это была Румыния.

Бертильонаж процветал лишь во Франции; в стране, где он появился и которой он принес славу пионера в создании научной криминалистики. То, что в Европе отказались от антропометрии, многими политическими и научными кругами в Париже воспринималось не только как поражение Бертильона. В эти годы, когда национализм во Франции (впрочем, как и в Германии и России) достиг своего наивысшего развития, отказ от бертильонажа воспринимался как оскорбление нации. С этих позиций Бертильон упорно отстаивал антропометрию.

Останется тайной, до каких пор Бертильон серьезно верил в то, что "маленькое пятнышко", как он называл отпечатки пальцев, никогда не станет надежным средством идентификации.

Когда Ф. Гальтон предложил ему испытать дактилоскопию, он отнесся к предложению несерьезно и возразил, что снятие отпечатков пальцев, мол, слишком сложно для полицейских служащих и поэтому практически неосуществимо. (К трудностям он относил также очистку пальцев от краски, применяемой при снятии отпечатков пальцев). В 1893 году он писал в своем учебнике по антропометрии: "Несомненно, узоры папиллярных линий кожи не так четко отличаются друг от друга, чтобы их можно было использовать для регистрации". С 1894 года он все же тайком стал снимать отпечатки некоторых пальцев на карточки своей картотеки в качестве "особых примет", а именно отпечатки большого, указательного, среднего и безымянного пальцев правой руки. Он не мог не придавать определенного значения отпечаткам пальцев, обнаруживаемым на местах преступлений, и пытался упомянутым образом возместить недостаток своей системы идентификации, который даже он не мог отрицать. Бертильон считал иронией судьбы, когда в 1902 году именно ему пришлось стать участником расследования первого убийства на контитенте, раскрытого путем случайной проверки отпечатков пальцев, изъятых с места преступления.

Довольно неохотно 17 октября 1902 года Бертильон отправился по просьбе следователя Жолио на улицу Фобур Сан Оноре, в

дом № 157, чтобы сфотографировать место происшествия. Ни Жолио, ни участвовавшие в расследовании криминалисты сначала и не думали об отпечатках пальцев. Их интересовала лишь фотография места происшествия.

В опустошенном салоне зубного врача по имени Ало был обнаружен труп его слуги Жозефа Райбеля. Взломанными оказались письменный стол и стеклянный шкаф. Но пропажа была столь незначительной, что сразу возникала мысль об инсценировке ограбления с целью сокрытия других мотивов убийства. Как бы там ни было, но во время фотографирования Бертильон наткнулся на осколок стекла, на котором отчетливо виднелись жирные отпечатки пальцев (большого, указательного, среднего и безымянного). Взяв это стекло с собой в лабораторию, Бертильон и не думал об идентификации при помощи отпечатков пальцев. Его заинтересовало, каким способом можно лучше всего сфотографировать такие отпечатки. В конце концов он сфотографировал стекло на темном фоне при электрическом освещении.

Когда же перед ним лежали снимки, на которых отчетливо была видна каждая папиллярная линия, ему захотелось сравнить отпечатки с имевшимися в его картотеке. Может быть, это была своеобразная игра с врагом детища всей его жизни? Может быть. Но не было ни малейшей надежды найти отпечатки пальцев убийцы на немногих антропометрических карточках, снабженных также отпечатками пальцев. Так как карточки были систематизированы не по отпечаткам пальцев, а по размерам тела, то Бертильону и нескольким сотрудникам пришлось несколько дней сравнивать одну карточку за другой с отпечатками пальцев, найденными на месте происшествия. При этом произошло неожиданное: они нашли отпечатки пальцев, полностью совпадавшие с отпечатками, найденными на месте преступления. Будто сама судьба толкала Бертильона на путь дактилоскопии. Только большой, указательный, средний и безымянный пальцы правой руки имелись на карточках Бертильона. И убийца оставил на стекле отпечатки именно этих пальцев! Они принадлежали рецидивисту Генри Леону Шефферу. Через некоторое время Шеффер явился в марсельскую полицию с повинной и дал подробные показания.

В сообщении Бертильона об этой находке не говорилось, что он осознал значение отпечатков пальцев. Правда, он указал на "убедительное совпадение отпечатков в ряде пунктов...", но отметил, что не обнаружил решающих совпадений, а к правильному результату пришел благодаря счастливой (но и вероломной) случайности.

Дело Шеффера словно в насмешку породило во Франции легенду, будто Бертильон — автор открытия особенностей отпечатков пальцев, о котором во всем мире столько говорят. Бертильон вышел из себя, когда один парижский карикатурист изобразил его человеком, повсюду ищущим отпечатки пальцев.

Дело Шеффера было для Бертильона нежелательным эпизодом, не повлиявшим на его взгляды. Безрассудно отказывался он слу-

шать советы некоторых просвещенных и благожелательных к нему французов, таких, как доктор Лакассань и доктор Локар, о которых мы еще будем говорить как о судебных медиках и пионерах криминалистики. Доктор Локар уже несколько лет проводил эксперименты с отпечатками пальцев в Лионе. Он подверг себя тяжелым испытаниям, обжигая свои пальцы раскаленным металлом и маслом, чтобы доказать неизменяемость узоров папиллярных линий. Ученик доктора Лакассаня, Форжо, разработал отличные химические и физические методы, позволяющие более отчетливо фиксировать отпечатки пальцев на месте преступления. Для Бертильона отпечатки пальцев по-прежнему оставались лишь терпимым приложением в антропометрии, пока 1911 год не привел его к поражению, которое потрясло бы любого другого на его месте. Но его ничто не тронуло.

22 августа 1911 года парижские газеты опубликовали сообщение, которое в глазах многих французов выглядело как весть о национальной катастрофе. Накануне из салона Карре в Лувре исчезло всемирно известное произведение Леонардо да Винчи — портрет Моны Лизы (считается, что это портрет супруги богатого флорентийца Франческо Джокондо, и называют его "Джоконда"). Сначала пытались найти безобидные объяснения случившемуся (будто бы картину отнесли к фотографу), но вскоре дирекция музея вынуждена была объявить, что уникальное произведение искусства, гордость Лувра, украдено.

Чтобы подчеркнуть невероятность какого-либо события, в Париже одно время даже говорили: "Это то же самое, что украсть портрет Моны Лизы". Похищение картины превратилось на некоторое время в политический скандал. Дело дошло до абсурднейших обвинений, жалоб, предположений. Так, подозревали германского императора Вильгельма II в том, что он организовал кражу, чтобы отомстить Франции. Немецкие газеты, такие, как "Берлинер локальанцайгер", платили той же монетой, когда они писали: "Кража "Джоконды" не что иное, как прием французского правительства с целью ввести в заблуждение население путем германо-французского кризиса".

Вся французская полиция была на ногах, все границы и порты строжайше контролировались.

На место преступления прибыли министр внутренних дел, генеральный прокурор Лескувье, президент полиции Лепин, шеф Сюртэ Амар и Бертильон. Картина оказалась снятой со стены вместе с рамой. Сама рама лежала на боковой лестнице, которой пользовались только работники Лувра и мастеровые. Казалось невероятным, как вору удалось пронести мимо сторожей картину.

Проверке подвергались сотни подозреваемых. Проверяли даже психиатрические клиники, потому что там находились больные, выдававшие себя за любовников Моны Лизы. Даже художники подозревались в этой краже. Но вдруг пришло известие: Бертильон нашел отпечаток человеческого пальца, оставленного на стекле музейной витрины.

Это была правда.

Бертильон действительно нашел отпечаток пальца. Казалось, будто повторяется история с Шеффером, происшедшая в 1902 году. Но история не повторилась. Первые надежды, связанные с Бертильоном и отпечатком пальца, оказались напрасными. Дактилоскопическая проверка многочисленных подозреваемых не дала результатов. Тогда об отпечатке пальца перестали говорить, и Сюртэ, подгоняемая возмущением общественности и всеобщим волнением, бросалась то по одному следу, то по другому, а результатом ее усилий были лишь издевательские насмешки.

2 декабря 1913 года, спустя почти 28 месяцев после кражи, один неизвестный, назвавшийся Леонардом, предложил флорентийскому антиквару Альфредо Гери купить у него портрет Моны Лизы. Неизвестный заявил, что он преследует только одну цель: вернуть Италии произведение искусства, украденное Наполеоном (что не соответствует истине). Через некоторое время он сам лично появился во Флоренции с картиной. Когда его арестовали, он раскрыл тайну кражи, что вызвало новый скандал, который, достигни он ушей французской общественности, должен был бы подорвать все еще чрезвычайно глубокую веру в Бертильона.

"Леонард" сам украл картину. Его настоящее имя Винченцо Перруджиа. Он итальянец и в 1911 году работал некоторое время в Лувре маляром.

В тот роковой понедельник 1911 года, когда пропал портрет Моны Лизы, он посетил в Лувре рабочих-маляров. Музей в этот день был закрыт, но сторожа знали Перруджиа и впустили его. Никто о нем больше и не вспомнил. Некоторое время он спокойно ждал, находясь один в салоне Карре, затем снял со стены картину вместе с рамой, прошел на боковую лестницу, вынул картину из рамы и спрятал ее под одеждой. Так он и прошел мимо сторожей, а затем спрятал картину под кроватью своей жалкой комнатушки на улице Госпиталя Сан-Луи, где она пролежала два года, пока не улеглась буря общественного возмущения.

То, что вор не встретил никаких трудностей, было позором для охраны Лувра. Еще большим позором явилось то, что вора не могли так долго разыскать. Выяснилось также, что Перруджиа бездельник и психопат, которого в предшествовавшие краже годы неоднократно арестовывала французская полиция. Последний раз его арестовали в 1909 году за покушение ограбить проститутку. Тогда, согласно установленной Бертильоном в 1894 году схеме, у него были сняты отпечатки некоторых пальцев. Они в качестве "особых примет" помещались в антропометрической карточке Перруджиа. Но так как в 1911 году количество снабженных отпечатками пальцев антропометрических карточек было слишком велико, чтобы их можно было просмотреть, как это сделали в случае с Шеффером, то Бертильон оказался не в состоянии провести сравнение отпечатков пальцев, обнаруженных на месте преступления, с имевшимися у него дактилоскопическими данными. Кража, которую можно было

раскрыть в течение нескольких часов, почти два года оставалась непостижимой тайной.

Лепин, опасавшийся новой вспышки упреков, которыми полицию буквально забросали после кражи портрета Моны Лизы, провел основательную реорганизацию системы идентификации. Он, заявлявший, что его целью является создание популярности парижской полиции у населения, ничего так не опасался, как упреков. Их он опасался даже больше, чем мысли об утрате национальной славы о Бертильоне. Но пока он взвешивал свое решение, выяснилось, что Бертильон смертельно болен. Лепин решил подождать. К старым болезням Бертильона, болезням желудка и кишечника, к его тяжелым мигреням в 1913 году присоединились еще и другие недуги, вызывающие опасения, — общая слабость и понижение температуры. Его постоянно знобило, и даже когда печи раскаляли докрасна, Бертильон кутался в пледы. Когда он стал слепнуть, врачи уже не сомневались, что у него белокровие. Предчувствие скорой кончины делало для больного поражение антропометрии еще более невыносимым. Он чувствовал, что его смерть будет означать также конец антропометрии во Франции.

В 1913 году судьба уготовила ему встречу, которая вывела его из себя. Секретарь передал Бертильону визитную карточку желавшего поговорить с ним человека. Это была одна из тех "веселеньких" визитных карточек с множеством завитушек, которые столь распространены в Южной Америке. Имя, стоявшее в этих завитушках, было Жуан Вучетич.

Лицо Бертильона потеряло последние краски. Вучетич! Человек, который 17 лет назад нанес первый удар бертильонажу! Вучетич, который в 1901 году произнес оскорбительные для Бертильона слова: "Я могу вас заверить, что с 1891 по 1895 год, когда мы использовали антропометрическую систему, мы, несмотря на все усилия, не могли с уверенностью установить тождество личности!" В озлобленном Бертильоне зародилось подозрение, что Вучетич не случайно посетил его именно в этот мрачный 1913 год, посетил, чтобы насладиться его поражением и своим триумфом. И он посмел появиться у его дверей! Вучетич желает быть принятым! Бертильон заставил Вучетича ждать, надеясь этим оскорбить его, ждать до тех пор, пока он не научится уважать Бертильона. Затем он подошел к двери, ведущей на лестницу, и открыл ее дрожащей рукой. Вучетич, ничего не подозревая, пошел ему навстречу и протянул для приветствия руку. Но Бертильон окинул его взглядом, полным ледяного презрения. Затем он выдавил из себя: "Сударь, вы пытались сделать мне уйму гадостей", — и захлопнул перед носом Вучетича дверь. Может быть, Бертильон сдержался бы, если бы знал, что человека, молча покидавшего Дворец юстиции, ждет большое разочарование в жизни.

В этот день в Париже Вучетич еще был твердо уверен в своей судьбе. Не за горами, казалось, был день осуществления его мечты о дактилоскопировании всего населения Аргентины.

В 1911 году правительство провинции Буэнос-Айрес издало закон № 8129 — закон о регистрации всего взрослого населения. В основу регистрации предусматривалось положить систему отпечатков пальцев, и Вучетич получил задание оборудовать регистратуру. В начале 1913 года задание было выполнено. Испытывая удовлетворение от сделанного, он решил совершить путешествие в Европу, Северную Америку и Восточную Азию, чтобы стать свидетелем того, о чем он раньше узнавал лишь из газет и журналов, свидетелем успешного развития дактилоскопии. Безусловно, его интересовало также, как далеко распространилась его слава.

Вучетич отказался от положенной ему как государственному служащему пенсии взамен на единовременное пособие в сумме 25 000 песо, чтобы иметь возможность оплатить путевые расходы, и отправился в неведомое.

Он посетил Индию, Японию и Китай. С удовлетворением Вучетич констатировал, что его имя известно даже в Китае. Увенчанный славой и награжденный орденом, поехал он в Европу и в тот печальный день оказался перед дверью Бертильона с одним лишь желанием пожать руку человека, которого он лично глубоко уважал, хотя и не был его последователем.

Поведение Бертильона нанесло ему удар, который глубоко ранил его сердце. Покинув Европу, он вернулся домой. В январе 1915 года он вновь ступил на аргентинскую землю. Его охватило чувство радости, когда он узнал, что правительство Буэнос-Айреса уже приняло решение о всеобщей регистрации населения, основанной на дактилоскопии. Осуществлялась его заветнейшая мечта. Ему поручили представить проект, и 20 июля 1916 года, в день 58-летия Вучетича, парламент принял этот проект и распорядился о проведении его в жизнь.

Занятый исключительно мыслями о завершении дела всей своей жизни, Вучетич не обращал внимания на протесты общественности против регистрации. Аргументы не отличались от сегодняшних: "Жители Буэнос-Айреса, вы хотите подвергнуться регистрации, словно преступники?"

В мае 1917 года аргентинское правительство поставило провинцию Буэнос-Айрес под государственный надзор. 28 мая был отменен закон о создании генеральной регистратуры. Вучетичу запретили продолжать работу и приказали передать полиции все документы, аппараты и даже мебель его бюро. С жалованьем в 300 песо ежегодно он был сослан на родину его жены в город Долорес.

Преследуемый бедностью, Вучетич обратился за материальной помощью к правительствам южноамериканских государств, которые ввели его дактилоскопическую систему. Но он ничего не получил от них, кроме пространных ответов. Страдающий от туберкулеза, он продолжал работать над своей книгой "Всеобщая история идентификации". Но в 1921 году в припадке ярости уничтожил рукопись. Разочарование и болезнь сопутствовали ему в последние годы жизни. Рак желудка окончательно доконал его, и 28 июня 1925 года Жуан Вучетич скончался.

После посещения Вучетичем Бертильона силы последнего стали быстро таять, но по привычке он продолжал ходить в свое бюро. С чувствительностью тяжелобольного человека Бертильон догадывался, что некоторые его сотрудники отказываются от антропометрии. Его раздражение выливалось в приступы ярости, которые еще больше ослабляли его. Когда ему стала грозить полная слепота, врачи прибегли к последнему в то время средству — переливанию крови. В 1913 году переливание крови считалось опаснейшей операцией. Сначала Бертильону стало значительно лучше. Исчезла утомляемость, температура стала нормальной, он стал лучше видеть и снова вернулся в бюро. Но выздоровление было кажущимся... Через три месяца все началось снова. И 13 февраля 1914 года Бертильон скончался.

Спустя несколько недель в Монако собралась Международная конференция полиции, которая лишь до некоторой степени оправдывала свое название. В ее работе принимали участие главным образом французские криминалисты, адвокаты и судьи. В те дни, накануне первой мировой войны, в националистическом угаре они не хотели слушать никого, кто пытался говорить на каком-либо другом языке, кроме французского. В центре обсуждения стоял вопрос об ускорении и упрощении розыска международных преступников-гастролеров. Когда при этом стали говорить о способе идентификации, слово взял сотрудник Бертильона, Дэвид, который в качестве международного способа идентификации предложил не антропометрию, а дактилоскопию.

Со смертью Бертильона ушла из жизни и его система измерений. Вместо нее по всей Европе, включая Францию, полицейским средством идентификации стала дактилоскопия.

16. Постановка полицейского дела в США

В 1887 году Джордж Уэллинг, суперинтендент нью-йоркской полиции, опубликовал свои мемуары. В них можно было прочитать: "Я слишком хорошо знаю силу столь распространенного у нас союза политиков и полицейских. Я пробовал выступать против этого, но дело кончалось в большинстве случаев для меня катастрофически. Общинное управление осуществляется в Соединенных Штатах не так, как во всем цивилизованном мире. Оно базируется на всеобщих выборах, которые проводятся не с учетом нужд городов, а исходя из целей двух политических партий... Я не верю, что хотя бы один человек из пятисот в состоянии объяснить идеальные цели каждой из двух партий. Их единственным принципом, по крайней мере в Нью-Йорке, является сила и эксплуатация. Пока такие политики будут оказывать влияние на полицию, они будут парализовать полицейский аппарат, которому следовало бы охранять имущество и честь наших граждан. Город Нью-Йорк практически находится в подчинении у тысяч обладателей служебных "постов", большинство кото-

рых получено из рук самых отвратительных элементов и контролируется ими. Настоящие джентльмены отстранены от участия в политике. Среди политиков нет ни честных крупных коммерсантов, ни известных журналистов, ученых, ни спокойно работающих граждан. Зато здесь можно увидеть жестокие лица тех, кто при помощи силы, не испытывая угрызений совести, преследует свои корыстные цели. В действительности господствующий класс в Нью-Йорке правит подобно тому, как в стране Хинду Туги правят путем насилия и шантажа, хотя мы полагаем, что имеем избранное народом и служащее народу правительство. Наши прокуроры, юристы и полицейские служащие в основном назначаются и контролируются теми же элементами, обезвреживание и наказание которых возложено на них по долгу службы. Служащие в Нью-Йорке, естественно, не осмеливаются трогать тех, от кого зависит их существование. Нередко наши полицейские судьи так малограмотны, что не могут написать даже простейших слов. Политики вынуждают отпускать на свободу признанных виновными заключенных, и часто заключенные покидают зал суда как свободные люди, хотя их приговорили к длительному тюремному заключению. У нас все возможно, но я никогда не поверил бы, что может быть повешен один из наших миллионеров, какое бы тягчайшее преступление он ни совершил. Все, кто был казнен, не имели ни денег, ни друзей среди политиков. Как нация мы имеем лучшую форму правления в мире, но наша система городского правления меньше гарантирует безопасность порядочных граждан, чем в большинстве городов Европы, не исключая и русских городов. Общественность в большинстве своем так запугана, что видит в полицейском не своего защитника, а общественного врага. Единственная надежда на спасение в будущем заключается в том, что образованные классы проснутся, поймут всю опасность и положат конец злоупотреблениям и использованию гражданских прав в своих собственных корыстных интересах всеми этими политиками, мошенниками, ворами и мерзавцами, которые засели в каждом отделе городского правления. Мы сыты по горло господством этих хищников. Нам хотелось бы испытать власть джентльменов.."

Слова Уэллинга справедливы не только в отношении Нью-Йорка и нью-йоркской полиции. Они справедливы в большей или меньшей степени и для других штатов, городов и учреждений все еще бурлящей, не сложившейся колоссальной страны. Ее мыслящие, ответственные слои общества лишь начали осознавать, что американский идеал стал угрозой для всех, потому что он означает также свободу политического, экономического и уголовного гангстеризма, какого по масштабу еще не знал мир. Положение нью-йоркской полиции дает отчетливое и яркое представление о положении полиции в Новом Свете.

На порядки в полиции влиял пиратский дух, царивший в политике и экономике. Политиканы незаконными способами — от мошенничества во время выборов до шантажа — не только

обеспечивали свое влияние на распределение налогов, но и боролись за право контроля над полицией, чтобы иметь возможность беспрепятственно заниматься своими бессовестными спекуляциями. Открыто или едва завуалированно полицейских служащих подкупали или развращали участием в доходах от азартных игр и проституции. Границы между правом и бесправием стирались арестом невиновных, устранением докучливых свидетелей и грубым нажимом на добросовестных полицейских. Действительно, успешная работа полиции была невозможна из-за местнических интересов городов, провинций и штатов, так как назначенные здесь шефы полиции были большей частью надежными партнерами, но редко способными полицейскими служащими. Не было никакого сотрудничества полиции разных штатов, так что преступнику достаточно было переехать из одного штата в другой, и он мог чувствовать себя в полной безопасности. И ко всему прочему — полнейшая беспомощность федеральных органов, включая министерство юстиции в Вашингтоне, и отсутствие какого-либо центрального аппарата полиции.

Только этим можно объяснить, что неподкупное частное сыскное агентство Аллана Пинкертона с середины XIX столетия не только приобрело беспрецедентно большое влияние в районе между Атлантическим и Тихим океанами, но и достигло мировой славы, а в глазах европейцев стало представителем американской криминальной полиции.

Аллан Пинкертон родился в 1819 году в Глазго в семье бедного ирландского полицейского. Когда он приехал в Новый Свет, то работал бондарем в Данди и Висконсине. В 1850 году случай вывел его на путь криминалистики. Остатки костра на близрасположенном острове позволили ему напасть на след банды жуликов. В мгновение ока он прослыл великим детективом в государстве, где самая сильная полиция в Чикаго насчитывала одиннадцать в высшей степени сомнительных полицейских.

Он не упустил своего шанса и основал Национальное сыскное агентство Пинкертона. Эмблемой фирмы стало изображение широко открытого глаза и слова: "Мы никогда не спим".

Пинкертон и девять его служащих с самого начала своей деятельности доказали справедливость этой фразы. Они были коммерсантами, но неподкупными и усердными в работе. Беглых преступников они преследовали и верхом на лошади, и на крышах железнодорожных поездов, мчавшихся на "Дикий Запад". Они были на "ты" с револьвером и скорострельным оружием, в то же время являлись знатоками психологии, мастерами маски, были неустрашимы и смелы. За несколько лет пинкертоны стали самыми результативными криминалистами Северной Америки.

Еще больше прославился Аллан Пинкертон, когда зимой 1861 года, преследуя банду фальшивомонетчиков в костюме биржевого маклера, раскрыл заговор против американского президента Линкольна. Но это был всего лишь эпизод на его полном приключений пути. То же самое можно сказать о роли его бюро во время Граж-

данской войны в Америке, когда оно функционировало в качестве разведывательной организации северных штатов. Однако полем деятельности Пинкертона все же была и осталась криминалистика.

После Гражданской войны на запад Соединенных Штатов хлынул мощный поток переселенцев в погоне за золотом и серебром, в поисках плодородных земель и пастбищ, и этот запад был действительно "Диким Западом". Переселенцы прибыли в страну, в которой десятилетиями царил лишь один закон: закон сильного и быстро стреляющего. Повседневными были уличный грабеж, нападения на почтовые кареты и железнодорожные поезда, конокрадство, ограбление банков и наемное убийство. Существовали шерифы, которые исполняли эту роль лишь потому, что убийство под прикрытием закона было менее опасным.

В этом мире пинкертоны заслужили свои первые лавры. Для находившихся под угрозой ограбления железнодорожных обществ и компаний они были единственной полицейской силой, на которую можно было положиться. Пинкертоны пользовались методами своего времени. Правда, доносчиков из преступного мира они не признавали. Зато сами под различным видом проникали в центры крупных банд, в города, где царила их власть. Так, в центре Сеймара, в цитадели банды Рено, которая совершила первое в Западной Америке нападение на железную дорогу 6 октября 1866 года, поселился агент Пинкертона Дикк Уинскотт, устроился там барменом и сдружился за длительное время работы с бандитами Рено. Затем он заманил Джона Рено на железнодорожную платформу Сеймара точно к тому моменту, когда туда маленьким спецпоездом прибыл Пинкертон с шестью своими агентами. Джона Рено схватили, и поезд с пленником уехал, прежде чем бандиты поняли, что произошло.

В 1878 году пинкертоны ликвидировали одно из опаснейших тайных обществ Пенсильвании — ирландское Молли Мэджвай. Под влиянием этого общества в результате социальной борьбы в угольном районе Пенсильвании возникла кровавая тирания главарей банд. Один из лучших агентов Пинкертона Мак-Палэнд стал членом общества и оставался им (под постоянной угрозой смерти, так как за предательство полагалась смерть) в течение трех лет, пока не смог выступить как свидетель против главаря Молли Мэджвай. Многие люди Пинкертона за свою работу поплатились жизнью. Джеймс Уичер проник в кровожадную банду Джейса Джеймса, по следу которой пинкертоны прошли тысячи миль, но был разоблачен и убит. Сам Джейс Джеймс месяцами охотился в Чикаго за Алланом Пинкертоном, чтобы поймать на мушку своего врага номер один.

В городах Востока пинкертоны чувствовали себя так же уверенно, как и на "Диком Западе". По всей видимости, они были первыми в Америке, кто использовал в процессе раскрытия преступлений фотографию. Когда Дикк Уинскотт в 1866 году получил задание уничтожить банду Рено, он взял с собой фотоаппарат. Во время одной попойки он уговорил Фреда и Джона Рено сфотографироваться. От-

печатки снимков он тотчас тайно послал Аллану Пинкертону. Это были первые фотографии братьев Рено, которые вскоре появились в объявлениях Пинкертона о розыске преступников. Аллан Пинкертон создал первый в Америке фотоальбом преступников. Он и его сыновья заложили основу для самой подробной специальной картотеки воров ювелирных изделий и их укрывателей, какая когда-либо существовала в мире. Когда в 1884 году Аллан Пинкертон скончался, его агентство возвышалось над хаосом американской полиции как надежная скала.

Спустя 14 лет, в 1898 году, посетителям Международной выставки в Сан-Луи показывали необычный аттракцион из Лондона. Человека, демонстрировавшего этот аттракцион, звали Ферье, сержант Ферье из Скотланд-ярда. Никто впоследствии не смог сказать, кому в Лондоне пришла в голову мысль послать сержанта в Миссисипи. Во всяком случае, название "Скотланд-ярд" привлекло большое число зрителей к выставочному стенду, стены которого были украшены увеличенными фотографиями отпечатков пальцев некоторых заключенных из британских тюрем. Ферье старался, как мог, разъяснить новый феномен. Аттракцион заключался в том, что каждый мог оставить свой отпечаток пальцев на памятной карточке.

Если миссия Ферье заключалась в том, чтобы вызвать к дактилоскопии интерес американской полиции, то все было напрасно. Ни один полицейский, даже ни один полицейский репортер, рыщущий в поисках сенсаций, не нашел дактилоскопию достаточно интересной, чтобы серьезно заняться ею.

Почти никто не знал, что американский железнодорожный инженер Гильберт Томпсон еще в 1882 году в Нью-Мехико, чтобы избежать подделок, ставил отпечаток своего большого пальца на ведомостях выдачи зарплаты рабочим. Почти никому не было известно, что тремя годами позже жители Цинциннати предложили ставить отпечаток большого пальца на железнодорожные билеты и что фотограф из Сан-Франциско по имени Тейбор стал регистрировать китайских переселенцев при помощи их отпечатков пальцев. И только читающие книги американцы могли бы вспомнить, что их знаменитый соотечественник Марк Твен в 1882 году написал книгу "Жизнь на Миссисипи", где рассказал историю одного человека по имени Карл Риттер, жена и ребенок которого во время Гражданской войны в Америке были убиты грабившими население солдатами. Убийца, как можно прочитать у Марка Твена, оставил кровавый отпечаток своего большого пальца. С этим отпечатком пальца Риттер под видом человека, предсказывающего по руке судьбу, отправился на поиски убийцы. Он ходил от лагеря к лагерю, предсказывая по руке судьбу солдатам и изучая узор линий на их больших пальцах. Так он в конце концов нашел убийцу. Свой метод он объяснил так:

"...есть одно у человека, что никогда не меняется от колыбели до могилы, — это линии подушечки большого пальца... Нет двух людей

с точно похожими линиями... Портреты не годятся, потому что переодевание с гримом могут их сделать бесполезными... Отпечаток пальца — вот единственная достоверная примета... его уже не замаскируешь". Осталось тайной, как Марк Твен открыл это. Было ли это случайностью, вдохновением, интуицией писателя?

Ферье из Скотланд-ярда не наблюдал у полицейских Нового Света интереса к дактилоскопии. Один репортер сказал по этому поводу: "В Америке трудно найти человека, у которого можно было бы вызвать интерес к научным полицейским методам". Некоторые шефы американской полиции и тюрем пытались с 1890 года навести хоть какой-то порядок во всеобщем хаосе полицейских служб, применяя метод Бертильона. Когда в 1896 году несколько дальновидных шефов полиции по собственной инициативе собрались в Чикаго, чтобы обсудить совместные меры по преследованию гастролирующих из одного штата в другой уголовных преступников, то выяснилось, что по крайней мере 150 различных полицейских учреждений и тюрем имеют антропометрические кабинеты. Имелись они и в таких крупных местах заключения, как Синг-Синг и Ливенуорт.

Но все начальники полиций и директора тюрем жаловались на сложность и неточность системы Бертильона. Здесь наблюдалась та же картина, что и в Южной Америке, и в Индии, то есть, если антропометрический метод осуществлялся не под строгим надзором самого Бертильона, а попадал в руки менее опытных людей, он порождал много ошибок. К тому же директора тюрем Синг-Синг и Ливенуорта ради экономии поручили эту работу заключенным, которые, естественно, не проявляли интереса к работе, направленной против им подобных, и использовали каждую возможность для регистрации неправильных измерений. Все осталось бы по-прежнему, если бы спустя несколько лет в Ливенуорте не произошло из ряда вон выходящее событие.

Весной 1903 года, через пять лет после "экспедиции" Ферье в Миссисипи, директор Ливенуорта Мак-Клаут получил от своего английского друга книгу Генри о дактилоскопии и ящичек со всем необходимым для снятия отпечатков пальцев. Мак-Клаут, почитывая книгу Генри, экспериментировал с цинковой пластинкой и краской, но поначалу не понял всей ценности открытия. Однажды в тюрьму был доставлен негр по имени Уилл Уест и подвергнут обмериванию. Когда его сфотографировали и заполнили карточку за № 3246 результатами измерения, тюремщик стал листать картотеку, чтобы поставить карточку на соответствующее место. И вдруг он удивленно воскликнул: "Зачем тебя дважды обмеряли?" — и вытащил другую карточку.

Негр клялся, что его никогда не обмеряли, не говоря уже о том, что он впервые находится в тюрьме. Но тюремщик показал ему карточки № 3246 и № 2626, последнюю он только что вытащил из картотеки. "Уилл Уест, — повысил голос тюремщик, — Уилл Уест! Дважды. Взгляни на фотографии. На этой карточке ты и на этой

ты. И мерки практически совпадают. Ты № 2626 и уже восемь месяцев находишься в нашей тюрьме. Будешь дальше лгать? Или сознаешься, что придумал этот проклятый трюк, чтобы не работать?" У негра, как сообщалось, глаза полезли на лоб. Действительно, в обеих карточках стояло его имя и на фотографиях изображен как будто бы один человек. И все же он утверждал, что никогда до сегодняшнего дня не бывал в Ливенуорте.

Тюремщик грозил ему наказанием. Все напрасно. Тогда он связался с надсмотрщиком, и ответ, который он получил, лишил его дара речи. Оказывается, заключенный Ливенуорта Уилл Уест № 2626 находился в данный момент на работе в мастерской тюрьмы и никак не мог быть лицом, зарегистрированным под № 3246. Мак-Клаут, которому сообщили о случившемся, через несколько минут появился в антропометрическом бюро. Он велел привести Уилла Уеста № 2626 и устроил ему очную ставку с Уиллом Уестом № 3246. Они были похожи как близнецы. Мак-Клаут еще раз обмерил их обоих.

Правда, не все одиннадцать данных измерений совпали, но их различие было в рамках допустимых при обмеривании отклонений. Под впечатлением случившегося Мак-Клаут воскликнул, что это конец системы Бертильона. Он тотчас приказал доставить ему дактилоскопические принадлежности и сделать отпечатки пальцев обоих негров. Затем он сравнил отпечатки; конечно, он не был знатоком дактилоскопии, но в данном случае не требовалось никакого мастерства. Отпечатки были абсолютно разными. Никогда раньше превосходство дактилоскопии не было доказано столь наглядно. На другой же день Мак-Клаут отказался от системы Бертильона и перешел в Ливенуорте на дактилоскопию, хотя министерство юстиции отпустило ему лишь 60 долларов на приобретение необходимого дактилоскопического оборудования.

История с двумя Уестами из Ливенуорта стала известна всем шефам полиции. Система Бертильона потерпела крах. Но это еще не обеспечило зеленую улицу дактилоскопии. Для этого Америке была нужна настоящая сенсация, крупные заголовки в массовых газетах, способные привлечь внимание общественности.

Такую сенсацию принес малоизвестный полицейский, работавший в бюро идентификации на Мальбери-стрит, 300, расположенном в чердачном помещении и пользовавшемся скандальной славой главной резиденции нью-йоркской полиции. Это был сержант Джозеф Фаурот. Фаурота уже давно не удовлетворял бертильонаж. Нью-йоркские полицейские больше доверяли старым методам идентификации, созданным главным образом человеком, которого журналисты долгое время называли величайшим детективом Нью-Йорка и всей Америки. Этой легендарной личностью был детектив-инспектор Томас Бёрнс.

Бёрнс родился в 1842 году в Ирландии и ребенком приехал со своими не имевшими средств родителями в Нью-Йорк. Позднее он работал монтажником газопровода и рядовым полицейским. Когда

же в 1896 году в возрасте 54 лет после неслыханного скандала, потрясшего привычную к скандалам полицию Нью-Йорка тех лет, Бёрнс ушел в отставку, он был не скромным пенсионером с пенсией 3000 долларов в год, а богатым человеком с колоссальным для полицейского состоянием. На знаменитой Пятой авеню он имел также доходный дом стоимостью 500 000 долларов. Бёрнс, этот широкоплечий усатый великан, так и не смог справиться с английской грамматикой, да и его общее образование было ничтожным. Но как полицейский он изучил за годы с 1863 по 1880 самые темные уголки Нью-Йорка: Сейтенс, Сёкес, Хэллс Китчен, Файв Пойнтс, Боуэри и так называемый Уотерфронт. Кто пересчитывал их, эти рассадники пороков и убежища банд воров, взломщиков, грабителей и жуликов, превративших Нью-Йорк после Гражданской войны в Америке в современную Гоморру? Бёрнс знал имена, лица главарей и их соучастников. Ему были известны районы, из мрачных лачуг которых приходило молодое пополнение уголовников, с детских лет научившихся ценить человека по его способностям подчинять себе других людей. Он точно ориентировался в местах, где политики собирали людей, продававших свои голоса, обеспечивавшие им победу на выборах, и где они вербовали мошенников, помогавших им грабить город и трудовое население. Бёрнс был знаком с "Ма", Мандельбаум, стодвадцатипятикилограммовой королевой скупщиков краденого. В ее незаметном магазинчике на Клинтон-стрит можно было встретить как представителей деклассированного общества, так и политиков. С 1864 по 1884 год здесь было сбыто товаров почти на десять миллионов долларов! Он знал о специальной школе воров, которую содержала Ма, и был в курсе того, каким образом Ма финансировала ограбления поездов известными бандитами, такими, как Шэнг Дрэпер и Баньо Эмерсон. С первых шагов он познакомился с известными Биг Билл — Хоуемом и Литтл Эйб — Хуммелем, пресловутыми нью-йоркскими адвокатами, которые с 1869 года под фирмой "Хоуем и Хуммель" ничем другим не занимались, как только спасением от заслуженного наказания тысячи убийц, воров, картежных шулеров, бандитов, содержателей борделей, грабителей банков, фальшивомонетчиков и их закулисных хозяев, прибегая к изощренным трюкам, подкупу свидетелей и наглому шантажу.

Когда в 1878 году Бёрнсу удалось арестовать в Манхэттене банду, грабившую сберкассы, он сменил форму полицейского на цилиндр и стал шефом отдела уголовного розыска нью-йоркской полиции, сотрудники которого влачили еще более жалкое существование, чем первые детективы Скотланд-ярда. История этого отдела начинается с 1850 года и связана с именем констебля Джекоба Хэйза, по прозвищу Старый Хэйз, который в первые годы создания нью-йоркской полиции, на протяжении первой половины XIX столетия, выступал в качестве детектива и в 1836 году приказал двенадцати полицейским в гражданской форме вести наблюдение за ворами (также и внутри самой полиции). Хэйз был героем многих забавных историй. Убийство капитана одного корабля он раскрыл,

устроив в морге "очную ставку" хозяину матросской гостиницы, где исчез капитан, с убитым. Испугавшись, хозяин признался в убийстве. Одного взломщика Хэйз разоблачил, потому что преступник оставил на месте преступления свой старый костюм. По одежде Хэйз узнал человека, две недели назад прибывшего из Балтиморы в Нью-Йорк. За несколько часов он смог его арестовать. Как уже было сказано, это всего лишь забавные истории, но легенды о Хэйзе витали над многими поколениями нью-йоркских детективов.

Бёрнс, этого не могли отрицать даже его враги, создал в 1880 году успешно работавший отдел уголовного розыска Нью-Йорка, насчитывающий сорок сотрудников. Уже первое "достижение" сразу разоблачило его как человека, решившего использовать добытый тяжким трудом рядового полицейского опыт не только для успешной работы на стезе криминалистики, но и для личного обогащения. Зная, что район финансистов и ювелиров на Уолл-стрит является любимым полем деятельности воров и взломщиков, он посадил девять своих детективов в комнату на Уолл-стрит и создал запретную зону, так называемую мертвую линию. Каждый известный преступник, переступивший эту линию и проникший в район Уолл-стрит, тут же арестовывался. Естественно, особая забота о крупных финансистах щедро вознаграждалась. Плата за работу, которая и без того была его служебным долгом, ловко объявлялась как выигрыш на бирже. Но Бёрнса интересовали не только деньги, ему хотелось потягаться с Сюртэ и Скотланд-ярдом. Поэтому он оценивал работу своих детективов по числу арестов и успешных идентификаций преступников. Это явилось одной из причин того, что идентификации всегда уделялось большое внимание. Бёрнс также проводил "утренние парады" в тюрьме на Мальбери-стрит. Каждое утро в 9 часов перед собравшимися сотрудниками Бёрнса проходили все арестованные за предыдущие сутки. Детективы должны были запоминать их лица и уметь узнавать преступников, имевших прежде судимости.

Бёрнс ввел также фотографирование преступников. Если же уголовник сопротивлялся фотографированию, то его "успокаивали" мощные кулаки детективов. Бёрнс любил показывать одну фотографию, на которой была изображена подобная процедура. В 1886 году он опубликовал сборник "Профессиональные преступники Америки", в котором дал фотографии всех известных ему уголовников и описал методы их работы. Сборник, бесспорно, был важной для Америки попыткой создать своего рода "настольную книгу преступного мира", а также еще одной вехой на пути Бёрнса к славе. Напротив своего бюро, в большом зале, он оборудовал своеобразный музей и назвал его "таинственной палатой", которую умело рекламировал, приглашая туда журналистов и показывая публике. Стены музея были увешаны портретами преступников, ранее арестованных отделом уголовного розыска. В шкафу находились орудия взлома, оружие, отмычки, маски; с потолка свисала веревочная петля. Бёрнс любил проводить допросы в своем музее, чтобы арестованный

видел безвыходность своего положения. Через четыре года после вступления на пост начальника отдела Бёрнс заявил: "В течение четырех лет до создания мною отдела уголовного розыска полицией было арестовано 1943 человека, которые были осуждены в общей сложности на 505 лет тюремного заключения. За четыре года нашей работы было арестовано 1324 человека, и приговорены они к 2428 годам заключения". Когда Скотланд-ярд оказался не в силах раскрыть преступления Джека Потрошителя, Бёрнс гордо заявил, что он-то наверняка поймал бы Джека Потрошителя, если бы убийца показался в Нью-Йорке. В 1894 году, попав в водоворот уже упомянутого скандала, Бёрнс говорил, защищаясь, что именно он позаботился об осуждении американских преступников почти на 10 000 лет тюремного заключения. Это, мол, больше, чем смогли когда-либо достичь Сюртэ и Скотланд-ярд, вместе взятые.

Скандал разразился из-за возмущения пресвитерианина Паркхурста по поводу участия нью-йоркской полиции в доходах от борделей и притонов. Результатом явилось создание в 1894 году независимой комиссии, одной из первых подобного рода, которым в последующие годы довелось сыграть значительную роль в борьбе "лучшей части Америки" против деклассированных элементов в политике и полиции. Перед этой комиссией (носившей название Лексоукоммити) Бёрнс, хотя и сумел оправдать свое собственное необычное богатство, все же был вынужден признать, что в полиции существует правило терпеть притоны и бордели при участии в доходах от них и лишь тогда подвергать их ликвидации, когда деньги в полицию не поступают. Нью-йоркская газета "Уорлд" писала по этому поводу: "Если Бёрнс не знал, что годами происходило у него под носом, то, видимо, он слишком плохой детектив, чтобы идентифицировать лимбургский сыр, не попробовав его на вкус".

После этого скандала Бёрнсу пришлось покинуть свой пост. Его преемник, капитан Мак-Класки, заново организовал отдел уголовного розыска, но придерживался методов идентификации Бёрнса, если не считать некоторых попыток ввести бертильонаж. Однако в 1904 году президент нью-йоркской полиции Мак-Аду, услышав о событиях в Ливенуорте, решил глубоко изучить проблему дактилоскопии, "чтобы Нью-Йорк не плелся в хвосте прогресса". Сержант уголовной полиции Фаурот получил задание поехать в Лондон, чтобы ознакомиться с работой Скотланд-ярда, куда он и отправился весной 1904 года. Шеф-инспектор Коллинз оказался хорошим учителем. Но когда Фаурот вернулся в Нью-Йорк, Мак-Аду уже не был президентом полиции. Его преемник не придавал значения "научным идеям". Он советовал Фауроту в его же собственных интересах как можно скорее забыть об отпечатках пальцев. Но Фаурот загорелся в Лондоне этой идеей и, как несколько лет назад Вучетич, стал экспериментировать на свой страх и риск. У арестованных, которые регистрировались частично по методу Бёрнса, частично по методу Бертильона, он снимал отпечатки пальцев. Даже когда его перевели на другую работу, он не забывал о своих лондонских впе-

чатлениях и создал свою частную коллекцию отпечатков пальцев. Так наступил решающий 1906 год.

16 апреля 1906 года во время ночного патрулирования Фаурот подошел к отелю "Вальдорф-Астория". Он решил проинспектировать здание, которое благодаря своим богатым постояльцам всегда привлекало внимание нью-йоркских взломщиков и воров. Случай или судьба? На третьем этаже он наткнулся на человека в вечернем костюме, но босиком выходившего из чужих апартаментов. Несмотря на яростные протесты, Фаурот арестовал этого гражданина и доставил его в полицию. Там арестованный продолжал протестовать. Говоря с английским акцентом, он заверял, что его имя Джеймс Джонс, что он почтенный английский гражданин и просто искал любовного приключения. Он потребовал, чтобы ему разрешили поговорить с британским консулом, и угрожал Фауроту репрессиями, если тот его тотчас не отпустит. Поведение было таким самоуверенным, что коллеги Фаурота советовали ему не связываться с этим типом. Но внутренний голос Фаурота дал ему, как он потом рассказывал, другой совет. Он снял у Джонса отпечатки пальцев, положил карточку с отпечатками в конверт и отправил, помня об английском акценте Джонса, инспектору Коллинзу в Скотланд-ярд. Это произошло 17 апреля, а 1 мая Фаурот нашел на своем столе письмо из Лондона. В нем лежали отпечатки пальцев Джонса и фотография дактилоскопической карточки из картотеки Скотланд-ярда. В письме говорилось: "Отпечатки пальцев Джонса идентичны зарегистрированным у нас отпечаткам пальцев Даниэля Нолана, он же Генри Джонсон, имеющего двадцать судимостей за кражи в отелях, разыскиваемого по делу о краже 800 фунтов со взломом в доме одного знаменитого английского писателя. Предполагают, что он сбежал в США". На приложенных фотографиях был изображен арестованный Фауротом человек.

Когда Джонсу предъявили материал, поступивший из Лондона, он прекратил сопротивление и признался, что он, Генри Джонсон и Даниэль Нолан — одно и то же лицо. Его осудили на семь лет тюремного заключения.

Уже 2 мая в нью-йоркских газетах появились сообщения о необычном случае с Фауротом под заголовком: "Полицейская наука из Индии". Впервые американские полицейские репортеры признали, что отпечаток пальцев может стать сенсацией. Их сообщения достигли Сан-Франциско и Лос-Анджелеса, Сиэтла и Нью-Орлеана. И все же понадобилось четыре года, прежде чем дактилоскопия проложила себе путь в Нью-Йорк.

После того как имя Фаурота появилось на страницах газет, репортеры не забывали его и постоянно требовали от него новых историй. В 1908 году они получили то, чего так долго ждали. В одной из меблированных комнат верхнего этажа дома по Сто восемнадцатой Ист-стрит был найден труп хорошенькой девушки, обезображенный и окровавленный. Это была Нэлли Квин, медсестра из Уэлфор Ислэнд. Когда Фаурот прибыл на место преступления, он застал

там множество репортеров. Так как в те времена еще не существовало правил, что только полиция имеет право производить какие-либо действия на месте преступления, то вся комната была уже перевернута вверх дном в результате поисков следов преступника. Большинство предметов было буквально сплошь покрыто отпечатками пальцев журналистов. Но, заглянув под кровать убитой, Фаурот обнаружил не замеченную репортерами бутылку из-под виски, на которой имелись отпечатки пальцев.

У Нэлли Квин было много молодых друзей. Фаурот собрал их отпечатки пальцев, но они не были идентичны отпечаткам, оставленным на бутылке, и он продолжал свои поиски, пока не натолкнулся на жестянщика по имени Джордж Крэмер. Сравнив его отпечатки пальцев с отпечатками на бутылке, он понял: Крэмер тот, кто ему нужен. Крэмер был так поражен неожиданным арестом, что, не опомнившись от первого испуга, признался, что убил девушку в приступе алкогольного буйства. От своих показаний он не отказался, и история потеряла вскоре для репортеров всякий интерес.

Зато некоторые из них часто использовали возможность освежить в памяти читателей одно нераскрытое нью-йоркское убийство, совершенное в душную ночь с 27 на 28 июля 1870 года в аристократическом доме на Двадцать третьей улице. Тайна убийства, жертвой которого стал Беньямин Натан, богатый банкир, из-за странных обстоятельств случившегося продолжала и сейчас, спустя 40 лет, волновать многочисленных читателей. Натан провел ту ночь в своем городском особняке с сыновьями Фредом и Вашингтоном, а также с экономкой — миссис Кэлли. Остальные члены семьи задержались в его загородном доме в Нью-Джерси. Оба сына вернулись домой очень поздно. Прежде чем отправиться в свои спальни на четвертый этаж, они видели отца спящим на раскладушке на третьем этаже дома. Рано утром он был найден убитым. Его изуродовали каким-то железным предметом до неузнаваемости. Сейф был взломан, деньги, драгоценности и золото — украдены. Парадная дверь оказалась открытой. На стенах комнаты, где произошло убийство, имелось много кровавых отпечатков пальцев, даже целой руки. На место преступления прибыли Джон Джордан, суперинтендент нью-йоркской полиции тех лет, и Джеймс Дж. Кэлсо, который до Бёрнса возглавлял отдел уголовного розыска Нью-Йорка.

За раскрытие преступления было назначено большое вознаграждение. Со всей Америки приходили письма с советами и бессмысленными самообвинениями. Было подвергнуто проверке 800 бродяг и прочих подозрительных лиц. Самое большое подозрение пало на Вашингтона Натана — второго, неудачного сына убитого, который часто вращался в сомнительном обществе. Но ничто не свидетельствовало против него. Когда Вашингтону должны были делать операцию, хирург согласился на допрос его под наркозом. Но Вашингтон отказался от операции, и тайна убийства осталась неразгаданной.

Теперь, в 1908 году, репортеры снова вспомнили это дело, в котором их привлекло то обстоятельство, что убийца был бы непременно найден, будь тогда Джозеф Фаурот с его "ящичком для отпечатков пальцев". Детектив Кэлсо в 1870 году по поводу отпечатков пальцев в комнате, где произошло убийство, смог лишь заметить: "Длинные, тонкие, женственные пальцы. Убийца был джентльменом". И это все. Теперь американцы узнали из газет, что метод идентификации при помощи отпечатка пальцев открывает необозримо широкие горизонты.

Мы уже говорили, что окончательное признание дактилоскопического метода идентификации пришло несколько позже, в 1911 году. В мае этого года перед нью-йоркским судом предстал взломщик, некий Цезарь Целла. Его обвиняли в том, что ночью он совершил кражу из ателье мод в центре города. Друзья Целлы уплатили его адвокату 3000 долларов. Защита представила пять свидетелей его алиби, которые показали под присягой, что Целла в ночь совершения кражи был на ипподроме, после чего лег с женой спать и до утра не выходил из дому. Все попытки прокурора уличить свидетелей в противоречиях ни к чему не привели. Оставалось лишь одно: уличить Целлу. В качестве свидетеля вызвали Фаурота. И вот суд узнал следующие обстоятельства дела: на одном из окон ателье мод, через которое вор проник в помещение, Фаурот обнаружил много отпечатков грязных пальцев и сфотографировал их. Затем он сравнил их с отпечатками своей картотеки и установил: это отпечатки Цезаря Целлы! Впервые в Америке отпечаток пальца выступал в качестве единственного доказательства перед судом, "свидетелем" против человека, который не только все отрицал, но, казалось, имел неопровержимое алиби. Решение вопроса, сколь убедительным доказательством может быть отпечаток пальца в подобном деле, зависело, как и девять лет назад в Англии, от судьи и присяжных, которые никогда ничего не слышали о дактилоскопии. Не успел Фаурот закончить свои показания, как на него обрушился защитник, стремясь высмеять и его, и дактилоскопию. Он знал, что присяжные отрицательно относятся ко всему, что называется научным, и будут на его стороне. Пять лет назад Фаурот не выдержал бы его атак, но сейчас он был во всеоружии. Как когда-то Коллинз, он принес с собой увеличенные фотографии отпечатков и выступал очень уверенно. Закончив свое выступление, он все же сомневался, удалось ли ему убедить присяжных заседателей. А когда Фаурот собрался покинуть зал, судья остановил его и приказал служащему суда: "Отведите этого человека в мой кабинет и держите его там под стражей". Фаурота увели.

После того, как за ним закрылась дверь зала суда, судья пригласил 15 посторонних лиц из публики, каждый из которых должен был оставить на одном из окон зала отпечаток своего правого указательного пальца и точно запомнить место. Одному из приглашенных предложили также приложить указательный палец к стеклу на письменном столе. После этого привели Фаурота. "Хорошо, — за-

явил судья громовым голосом, — покажите нам, какой из отпечатков на окнах соответствует отпечатку на стекле письменного стола..."

Фаурот облегченно вздохнул, поняв, что его всего лишь хотят испытать. С "открытыми ртами" присяжные наблюдали, как Фаурот, вооружившись увеличительным стеклом, принялся за дело. Через четыре минуты он смог дать правильный ответ. Зал замер от восхищения, как после удачного фокуса. Потом раздались аплодисменты. Целла и его защитник о чем-то зашептались. Спустя несколько минут Целла признал свою вину. Обвиняемые в американском суде, видя безвыходность положения, охотно поступали так в расчете на более мягкий приговор. Да, он действительно лег спать, но, дождавшись, когда жена уснула, покинул дом через окно. После кражи он тем же путем вернулся домой и вновь лег спать. Жена его не просыпалась.

Исторический момент и истинная сенсация! Впервые также и на американской земле судья признал отпечаток пальца доказательством. Репортеры поспешили в редакции. Газеты сделали историю Фаурота и дело Целлы достоянием всей Америки и тем самым обратили всеобщее внимание на таинственное новшество, пришедшее из-за океана, из Европы. Некоторые журналисты считали успех Фаурота результатом счастливого стечения обстоятельств. Поэтому они продолжали испытывать сержанта. Шутки ради несколько репортеров нашли двух неразличимых близнецов Фрэнка и Чарлза Тэрри, выступавших в одном из нью-йоркских варьете. Однажды утром журналисты появились в бюро Фаурота с Фрэнком Тэрри. "Ну, Джо, как делишки с отпечатками пальцев?" — спросили они с той наглостью, от которой европейские полицейские тех лет возмутились бы или растерялись. "Как вы думаете, — продолжали журналисты, — вы узнали бы этого человека, если бы встретили его еще раз?"

"Пусть оставит свои отпечатки пальцев", — ответил Фаурот, снял отпечатки пальцев Тэрри и вновь принялся за свою работу. К вечеру того же дня репортеры вернулись. На этот раз они привели с собой Чарлза и спросили Фаурота, не узнает ли он этого человека. Фаурот осмотрел пальцы Чарлза и сухо сказал: "Нет, это не тот человек, которого вы мне показывали сегодня утром. Отпечатки пальцев разные. Должно быть, это близнецы..."

События 1911 года были лишь скромным началом. Даже самые лучшие коллекции отпечатков пальцев в Нью-Йорке, Чикаго, Ливенуорте и в Синг-Синге оставались, собственно говоря, бесполезными, пока большинство полицейских учреждений не располагало картотекой отпечатков пальцев, пока не существовало объединяющего все Соединенные Штаты сотрудничества в области идентификации, а вся страна была во власти преступников. Характерно, что американские судьи рассматривали снятие отпечатков пальцев у арестованных против их воли как посягательство на их личную свободу, выражали протест против полицейских учреждений, применяющих

дактилоскопию, и тем самым играли на руку преступникам. (Так продолжалось до 1928 года, пока штат Нью-Йорк не принял закона, признававшего правомерным снятие отпечатков пальцев у всех арестованных). Больше 10 лет многие преступления оставались нераскрытыми, потому что полицейские службы либо не владели системой дактилоскопии, либо высмеивали ее как любой другой "научный метод". С другой стороны, появились "специалисты", которые наживались на дактилоскопии, предлагая свои услуги полиции, прокурорам и адвокатам в качестве "экспертов по отпечаткам пальцев", хотя чаще всего имели в дактилоскопии весьма примитивные познания. Имели место также случаи, когда полицейские подделывали отпечатки пальцев, чтобы таким способом свалить вину на неугодных им лиц.

В 1905 году президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт предпринял попытки создать центральное учреждение, которое должно было бы контролировать соблюдение федеральных законов. Рузвельт глубоко изучил состояние американской полиции за годы своей службы в Нью-Йорке. Будучи президентом с 1901 по 1908 год, он вел ожесточенную борьбу с крупными дельцами, которые в союзе с государственными служащими приобретали колоссальные земельные участки и затем продавали их, зарабатывая на этом миллионы. Но министр юстиции правительства Рузвельта, генеральный прокурор Чарлз Джозеф Бонапарт, не имел ни одного следователя, способного разоблачить эти крупнейшие махинации. После окончания Гражданской войны большое число следователей занималось лишь разоблачением почтовых грабителей и фальшивомонетчиков. Генеральный прокурор попытался "взять взаймы" сыщиков казначейства. Но этому помешал Лобби, известный делец-преступник, имевший большое влияние на конгрессменов и добившийся проведения закона, запрещающего судебным органам использовать служащих других ведомств. Взбешенный Рузвельт бросил конгрессу обвинение, что он потворствует преступным элементам, и в 1905 году отдал Бонапарту приказ создать свой собственный следственный отдел с персоналом, имеющим криминалистическое образование. Эти криминалисты находились всегда в распоряжении генерального прокурора. Отдел получил название Бюро расследований.

Почти десять лет это бюро было источником сплошных разочарований. Казалось, в Вашингтоне невозможно найти людей, не подверженных коррупции. И в годы после первой мировой войны бюро чуть было не погибло в своем собственном болоте продажности, торговли должностями и бездеятельности.

Махинации в борьбе за власть и связи приводили к тому, что во главе Бюро расследований стояли люди типа Дж. Бирнса, имевшего частное сыскное агентство с сомнительной репутацией под названием Международное сыскное агентство Бирнса. Ни его самого, ни его друзей не трогало даже то, что их обвиняли в подкупе свидетелей и присяжных. Сотрудником Бирнса была одна в высшей степени подозрительная личность из числа американских частных

детективов того времени — Гастон Б. Минс, человек, которого обвиняли в убийстве богатой вдовы и в подделке завещания. Минс не гнушался ничем, если речь шла о том, чтобы за хорошее вознаграждение убрать с дороги противников политиканов и денежных магнатов.

В 1924 году президент Калвин Кулидж назначил на пост генерального прокурора Харлэнда Фиске Стоуна, заслужившего славу "неподкупного". Стоун отстранил Бирнса и поставил во главе Бюро расследований двадцатидевятилетнего Эдгара Гувера, адвоката, не связанного в то время ни с одним политиканом. Полный решимости навести порядок, он обязал Гувера порвать все связи с политиканами и безоговорочно увольнять всех служащих, проникших в бюро благодаря подобным связям. Принимать на работу разрешалось лишь тщательно проверенных юристов и экономистов. Фундаментом бюро должны были стать знание дела и неподкупность.

Гувер обладал не только достаточной решительностью, но также гибкостью и терпением, чтобы внутри политического аппарата проложить путь новым принципам, таким, как знание и трудолюбие, считавшиеся в том мире смешными пережитками. Гувер превратил Бюро расследований в четко действующий криминалистический аппарат, если учесть царивший в американской полиции хаос. Он не спешил вмешиваться в ревниво охраняемые компетенции полиции городов и отдельных штатов. Благодаря принятым конгрессом законам Бюро Гувера получило право вмешиваться во внутренние дела штатов и стало называться Федеральным бюро расследований, сокращенно ФБР. Все большее число преступлений — от хищений до ограблений банков — объявлялись федеральными преступлениями и передавались для расследования в ФБР.

Первой заботой Эдгара Гувера после его назначения на пост главы ФБР стала идентификация преступников. Прежде всего он покончил с разбросанностью коллекций отпечатков пальцев по всей стране. Сначала в Вашингтон перевели коллекции отпечатков пальцев из федеральных мест заключения, например из Ливенуорта. Это не представляло трудности. Труднее было добиться перевода коллекций отпечатков пальцев из полиции отдельных городов и штатов, которые использовали дактилоскопию с 1911 года. Долгое время не удавалось преодолеть их враждебности ко всякого рода централизации. Лишь в 1930 году Гувер получил официальное согласие конгресса на создание мощного, охватывающего все Соединенные Штаты Бюро идентификации.

В результате возникла служба идентификации такого масштаба, так четко работавшая, что она казалась европейским наблюдателям неповторимой и недосягаемой. Соединенные Штаты стали величайшим экспериментальным полем для дактилоскопии, и на этом экспериментальном поле значение и практичность отпечатка пальцев получили такое подтверждение, о каком не могли и мечтать пионеры этого метода идентификации.

17. Преступник и отпечатки пальцев

Мощная волна преступности захлестнула Соединенные Штаты Америки в период с 1924 по 1936 год. То, что в те годы творилось в США, затмило по разгулу уголовщины все, что когда-либо довелось пережить Старому и Новому Свету.

Многим европейским наблюдателям объяснение этого явления не казалось сложным. Они относили его за счет трех причин. Первой причиной они считали преувеличенный американский либерализм, приведший ярко выраженный человеческий эгоизм к борьбе за господство законов джунглей. Вторую причину они видели в так называемом "сухом законе", принятом в Америке 16 января 1920 года. Мнение, что такую колоссальную страну, как США, можно отучить от употребления алкогольных напитков путем законов и постановлений, было наивным и противоречило естественным слабостям человека. Поэтому заранее можно было ожидать нарушения этого закона.

Запрет провоцировал и создавал возможности путем нарушения "сухого закона", то есть путем спекуляции и тайного производства алкоголя, заработать сотни тысяч, миллионы и миллиарды долларов. И наконец, третьей причиной они считали социальное и экономическое потрясение, которое пережила Северная Америка после первой мировой войны. Оно углубило пропасть между бедными, обездоленными, с одной стороны, и богатыми — с другой. Последние в борьбе за прибыли придерживались принципа "хватай как можешь".

Аль Капоне, Франк Костелло, Джон Диллинжер, Элвин Карпис — это имена спекулянтов спиртными напитками, главарей банд грабителей, разбойников, шантажистов, убийц, получивших своего рода мировую известность, какой доселе не знал ни один преступник. Временами казалось, что политические устои Соединенных Штатов пошатнулись и преступность готова захватить власть в целых городах и районах страны.

Все происходившее было действительно угрожающим. В 1926 году статистики зарегистрировали, по далеко не полным данным, более 12 000 убийств, в 1933 году — 1 300 000 тяжких преступлений, грабежей и убийств, две трети которых остались нераскрытыми. Ежедневно совершалось два нападения на банки. В 1934 году было зарегистрировано 46 614 грабежей, 190 389 взломов, 142 823 крупных кражи, 380 000 случаев воровства. Наблюдатели утверждали, что число вооруженных преступников превысило число американских солдат в годы первой мировой войны. Бутлегеры организовали производство, спекуляцию и сбыт алкогольных напитков в колоссальных масштабах. Они подкупали не только полицейских и прокуроров, но и многочисленных агентов государственных организаций, которые должны были проводить в жизнь и контролировать выполнение "сухого закона". Конкурируя между собой, бутлегеры устраивали на глазах общественности кровопролитные

сражения с пистолетами, пулеметами и бомбами. Пышные похоронные процессии гангстеров с драгоценными украшениями на гробах, с бронзовыми урнами, цветами и десятками тысяч зрителей вдоль улиц были повседневным явлением. Наиболее образованные среди гангстеров (часто это были нелегально приехавшие итальянцы) находили все новые преступные способы обогащения. Получил широкое распространение так называемый рэкет. Рэкетиры угрожали уничтожением целому ряду легальных, полулегальных и нелегальных борделей, притонов, ресторанов и даже прачечных, но за определенное вознаграждение предлагали свои услуги в качестве защитников от им подобных. Таким образом в их карманы стекались миллионы от систематически выплачиваемой дани. В случае невыплаты дани виновные расплачивались своим имуществом, а иногда и жизнью. Это еще не все. Бутлегеры и рэкетиры организовали также торговлю наркотиками, принявшую невероятный размах.

Аль Капоне, родившийся в 1899 году в семье парикмахера из Неаполя, был сначала членом банды Файв Пойнтс в Нью-Йорке, затем телохранителем одного из рэкетиров Колосимо в Чикаго, а в 1925 году стал королем империи гангстеров, занимавшихся контрабандой спиртных напитков и наркотиков, жульничеством, вымогательством и насилием. Жадные до денег юристы и многочисленные полицейские состояли у него на службе. С 1927 года он правил своей империей из Флориды, имея миллионное состояние. А ведь он был лишь одним из многих. Банда Баркер — Карписа, долгое время руководимая женщиной Кэт Баркер, которая своих детей с раннего возраста приучала к насилию, с 1931 по 1936 год заработала путем грабежа и сбора выкупов за украденных детей семь миллионов долларов. Эта банда совершила семь убийств и оставила в местах своих "операций", прежде всего в Чикаго, большое число тяжелораненых. Джон Диллинжер и его банда, "Бэбифейс", Нельсон, Гомер ван Митер, Джон Гамильтон и другие за короткое время — с сентября 1933 по июль 1934 года — совершили во время нападений и ограблений банков десятки убийств. Много раз они бежали из мест заключения. 17 июля 1934 года ради освобождения арестованного Фрэнка Нэша, одного из членов своей банды, они убили перед вокзалом в Канзас-Сити четырех полицейских и агентов ФБР, открыв среди бела дня пулеметный огонь.

Этот разгул преступности волновал общественность больше, чем все сообщения о коррупции в политике и полиции. Именно это и дало Гуверу возможность открыть широкий фронт ФБР по борьбе с преступностью. Если в борьбе с преступностью какое-нибудь оружие и доказало свою особую эффективность, то это была дактилоскопия и построенная на ней служба идентификации. В стране, где каждый мог назваться любым именем, где не существовало удостоверений личности и прописки, не было регистрационных книг в отелях, где преступники пользовались такой свободой перемещения, какой не знала Европа, отпечатки пальцев стали единственным надежным средством идентификации. Число гангстеров, опознанных

службой идентификации, вскоре перевалило за тысячу. Проверка отпечатков пальцев служащих государственных учреждений привела к разоблачению большого числа преступников, проникших в эти учреждения. Благодаря отпечаткам пальцев, обнаруживаемым на местах происшествий, все большее число преступников несло заслуженную кару. Никогда раньше дактилоскопия не доказывала столь неоспоримо свое значение и свою безошибочность, пока в январе 1934 года не произошел случай, повлекший ряд драматических событий.

Во второй половине дня агент чикагской полиции Хили и три агента ФБР спрятались в бунгало в Бэллвуде. С приготовленными к стрельбе пулеметами они четыре часа подкарауливали главаря одной банды, который в очень короткий срок стал обладателем 500 000 долларов и имел на совести большое количество убийств. Это был Джек Клутас, по прозвищу Красивый Джек. Клутас, бывший студент университета в Иллинойсе, специализировался на похищении и шантаже лиц из среды деклассированных элементов, будучи уверенным, что они не обратятся за помощью в ФБР. Но в начале января член его банды Джулиус Джонс выдал место пребывания своего босса, а именно это бунгало. Сержант Хили и агенты ФБР не напрасно прождали четыре часа. К вечеру на машине подъехал Клутас. Когда он приблизился к двери своего бунгало, она вдруг открылась, и Клутас увидел перед собой дула пулеметов. Он сделал попытку вытащить пистолет, но Хили опередил его, и пулеметная очередь заставила Клутаса замертво упасть на землю.

Правилами уголовной полиции было предусмотрено снимать отпечатки пальцев убитых гангстеров, чтобы удостовериться, какого преступника можно вычеркнуть из списка живых. Когда снимали отпечатки пальцев Клутаса, то работнику службы идентификации кончики его пальцев показались несколько необычными. Вскоре стало ясно почему: пальцы Клутаса не дали отпечатков папиллярных линий.

Мы помним, в начале XX столетия, когда отпечаток пальцев пробивал себе дорогу в европейскую полицию, его противники часто выдвигали аргумент, что, мол, преступники могут изменить папиллярные линии или уничтожить их на своих пальцах. Но эти предположения вскоре были забыты, потому что европейские преступники не предпринимали в этом направлении никаких шагов. Не нависла ли в эти январские дни 1934 года в Чикаго страшная, непреодолимая угроза над дактилоскопией? И как раз сейчас, когда никто в мире больше не сомневался в надежности дактилоскопического метода? Не доказывает ли случай с Джеком Клутасом, что отпечатки пальцев действительно можно изменить? Или есть люди, вопреки всем ожиданиям не имеющие папиллярных линий?

О случившемся срочно сообщили в Вашингтон. Поставили в известность Гувера, который тут же отдал распоряжение дерматологам Северо-западного университета в Чикаго тщательно обследовать пальцы убитого. С нетерпением ожидали в Вашингтоне результатов обследования.

Через два дня результаты были готовы. Они вызвали большое облегчение. Джек Клутас поручил какому-то неизвестному врачу снять кожу со своих пальцев, чтобы избежать идентификации в случае, если он будет вновь арестован. Однако на новой коже, образовавшейся на месте ран, стали вырисовываться, правда слабо, но вполне различимо старые папиллярные линии. Угроза, способная, казалось, в первый момент, разрушить все здание дактилоскопии, была предотвращена. Действительно ли предотвращена?

Спустя несколько недель, в мае 1934 года, банда Баркер — Карписа в районе Чикаго подверглась усиленному преследованию агентами ФБР, и Кэт Баркер решила со своими телохранителями на некоторое время скрыться. Члены банды разъехались в разные стороны, перекрасили волосы, надели темные очки. Но верным признаком того, что в дактилоскопии они видели для себя большую угрозу, было решение Карписа и Фрэди Баркера изменить кончики своих пальцев.

Знакомый гангстер порекомендовал им доктора Джозефа П. Морана, который работал врачом в Ирвинг-парк-отеле. Моран, в прошлом способный ученик Медицинской школы Тафта, отличный солдат в годы первой мировой войны, имел уже сам много судимостей. В погоне за наживой в 1928 году в Спринг-Вэлли он занимался криминальными абортами. Отбывая наказание в тюрьме Джолиэт, он познакомился с Олли Бергом, известным гангстером, и благодаря связям последнего получил разрешение снова заниматься врачебной практикой. Но одновременно тайно он лечил гангстеров, которые получали ранения в стычках с полицией или конкурентами. Многих он спас, других, кого не удалось спасти, выбрасывали в чикагские сточные каналы или в озеро Мичиган. Моран получал большие деньги, но так разрушил свое здоровье алкоголем и морфием, что к 1934 году был уже полной развалиной. Ему-то и доверились Карпис и Фрэди Баркер.

Когда Моран срезал им кожу с кончиков пальцев, от дикой боли они неистово кричали. Кэт Баркер ухаживала за обоими на тайной квартире в течение четырех недель и облегчала их страдания морфием. К своему ужасу, они, однако, обнаружили, что все их мучения были напрасны. С заживлением ран появлялись старые папиллярные линии. Доктора Морана отвезли в пьяном состоянии на озеро Мичиган и утопили.

В мае 1934 года был вынужден прятаться также и Джон Диллинжер. Но он не мог долго находиться в убежище. Страстный любитель кино, он решил сделать пластическую операцию, чтобы иметь возможность покидать свое убежище. Так как отпечатки пальцев могли выдать его при первой же полицейской проверке, как бы он ни изменил свою внешность, то он в первую очередь хотел изменить кончики пальцев. Продажный юрист Луи Пигет за 5000 долларов связался с двумя хирургами, которые согласились сделать Диллинжеру операцию. Это были доктор Вильгельм Лезер и доктор Гарольд Кэсседи. 27 мая они оперировали его в помещении,

которое за 40 долларов в день сдавал им бывший спекулянт спиртными напитками некий Пробэско. Диллинжер едва не умер во время операции. То, как эти врачи изменили его лицо, страшно взбесило Диллинжера, и он чуть было не пристрелил их. Испугавшись, врачи ограничились в дальнейшем тем, что обожгли кончики его пальцев серной кислотой, и папиллярные линии исчезли. Это был новый метод. Но когда 22 июля 1934 года агенты ФБР застрелили его при задержании, то его папиллярные линии уже снова были отчетливо видны. Еще одно доказательство, что "неизгладимая печать" действительно неизгладима.

Но доказано ли это? В октябре чикагский полицейский, патрулировавший по пригородным улицам, наткнулся на изрешеченный пулями труп. Лицо убитого показалось ему знакомым. Это был Гас Винклер, которого разыскивали за убийства, а также ограбления банков и почт. Не пришлось долго ломать голову над тем, как оборвалась жизнь Винклера: просто его противник выстрелил раньше него. Как и в случае с Клутасом, полиция, по своему обыкновению, должна была снять отпечатки пальцев Винклера и послать их в Бюро идентификации. Тут-то и поджидала полицию неожиданность. Отпечатки пальцев Винклера были безупречны, а их рисунок резко отличался от прежних его отпечатков. Но Винклер был слишком хорошо знаком полиции, чтобы можно было предположить, что это не он. Снова в Вашингтоне тревога. Что случилось? Неужели имеется метод изменения отпечатков пальцев и вся с таким трудом созданная система идентификации летит ко всем чертям? Какое волнение царило в Вашингтоне, можно понять из приказа держать в строжайшей тайне происшедшее и для выяснения обстоятельств, как это было и в случае с Клутасом, привлечь хирургов и дерматологов.

На этот раз врачам пришлось повозиться дольше. Один сотрудник службы идентификации подал им наконец правильную мысль. Ранее зарегистрированные отпечатки пальцев Винклера показывают на левом среднем пальце два треугольника (две дельты). Теперь же вместо одного из треугольников — шрам. Производивший операцию ограничился тем, что изменил лишь одну, совсем маленькую деталь рисунка папиллярных линий и этим достиг значительно большего эффекта, чем другие врачи, сдирая с пальцев всю кожу или выжигая ее кислотой.

Итак, проблема решена: нужно обращать внимание на шрамы. Но примененный в данном случае метод был столь искусным, что представители ФБР встретились в Лонг-Риде, в Калифорнии, с известными хирургами, имеющими опыт по пересадке кожи, чтобы обсудить с ними возможности изменения папиллярных линий. Конференция происходила при закрытых дверях. Хирург доктор Говард Аппдерграф из Либанон-госпиталя в Голливуде предпринял многочисленные эксперименты, которые показали, что метод, примененный Винклером, дает лишь временный результат. Даже и в этом случае первоначальный рисунок папиллярных линий восста-

навливается. Имеется лишь один способ, с помощью которого можно на длительное время изменить кончики пальцев, а именно — сделать пересадку кожи на кончики пальцев, использовав кожу ладоней. Для этого можно использовать кожу только этого же человека. Но службу идентификации это не введет в заблуждение, потому что на пальцах неизбежно остаются легко обнаруживаемые следы операции. Необходимо только подготовить работников службы идентификации к возможностям подобных случаев.

Предположения доктора Аппдерграфа нашли свое подтверждение. Правда, его пришлось ждать до 1941 года, когда улегся дикий разгул американского гангстеризма, уступивший место менее шумной, замаскированной под экономическое предпринимательство, организованной преступности.

Это произошло 31 октября 1941 года вблизи Остина в Техасе. В тот день полицейский патруль задержал высокого блондина интеллигентной внешности, назвавшегося Робертом Питтсом. Хотя он был явно призывного возраста, у него не оказалось регистрационной карточки Сэлектив сервис, организации, проводящей в жизнь закон о воинской повинности. Для проверки его доставили в Остин. Сотрудник местного дактилоскопического бюро стал снимать отпечатки его пальцев на обычную сравнительную карточку: первый, второй, третий, четвертый, пятый палец. Затем пальцы второй руки. Тут он беспомощно взглянул на Питтса и увидел его ироническую усмешку. Человек, назвавшийся Питтсом, вообще не имел папиллярных линий на пальцах!

Последнее волнение с отпечатками пальцев ФБР пережило семь лет назад в случае с Винклером. Теперь Вашингтон уже был подготовлен. На сделанных отпечатках с пальцев Питтса тотчас обнаружили шрамы, свидетельствовавшие о пересадке кожи. Питтса тем временем перевели в государственную тюрьму Рэлай и тюремному начальству поручили проверить, нет ли на теле Питтса шрамов. Не прошло и нескольких часов, как результат обследования был готов: на обеих сторонах груди у арестованного отчетливо видны шрамы, по пяти с каждой стороны. Не может быть сомнений, что именно оттуда взяли кусочки кожи, которые пересажены на кончики его пальцев.

Кем же был Питтс на самом деле? Какой преступник скрывается под видом молодого человека, подвергшего себя такой сложной операции? Питтс молчал. Очевидно, он был убежден, что установить его прошлое не удастся.

Как его имя? Где Питтс родился? Где он был 1 мая 1934 года, 1 сентября 1939 года, 15 июня 1937 года? Молчание! Ироническое молчание. Кто был хирург? Где он жил? Где оперировал? В ответ на эти вопросы раздавался издевательский смех.

ФБР проверило все списки разыскиваемых и беглых преступников, проконтролировало все нераскрытые взломы, нападения, убийства и соответствующие отчеты о преступлениях и преступниках. Девять лет назад в Виргинии за кражу автомашины был арестован

некий Роберт Дж. Филиппс, двадцатитрехлетний парень. Описание внешности, фотографии и возраст полностью совпадали с Питтсом. Отпечатки пальцев, снятые тогда у Филиппса, повторялись в последующие годы у молодого человека, носившего разные имена, подвергавшегося аресту за разбойные нападения и отбывавшего сроки наказания в местах заключения в Атланте и Алькатраце. Дата последнего ареста 28 марта 1941 года, место — Майами. Тогда его были вынуждены освободить. Если это был один и тот же человек, то операция на его пальцах была предпринята между 28 марта и 31 октября 1941 года, днем его теперешнего ареста. Агенты ФБР допросили заключенных, которые отбывали свой срок в одной камере с человеком, носившим так много имен, но имевшим одни и те же отпечатки пальцев. Один из них, наконец, заговорил. Он вспомнил, как однажды зашла речь о враче, к которому в случае необходимости можно обратиться, докторе Бранденбурге. Жил он якобы в штате Нью-Джерси. И действительно, удалось найти доктора Леопольда Уильяма Августа Бранденбурга в Юнион-Сити в Нью-Джерси. Это был чрезвыйно полный человек с маленькими, утопающими в жире глазками, в очках без оправы, с нездоровым цветом лица и с прихрамывающей походкой. Он имел уже несколько судимостей: один раз за криминальный аборт, другой — за участие в ограблении почты, при котором преступники завладели 100 000 долларов. Но каждый раз он ускользал от наказания. Теперь это ему не удалось. Он показал, что Роберт Питтс является действительно Робертом Дж. Филиппсом и что последний обратился к нему в мае 1941 года с просьбой изменить кончики его пальцев. Он предпринял пересадку кожи в своем доме сначала на одной, затем на другой руке. На операцию потребовалось три недели.

Питтс и врач были приговорены к длительному заключению.

Дело Питтса было последним в истории отпечатков пальцев, когда делалась попытка перехитрить природу и дактилоскопию.

С этого времени дактилоскопическая служба идентификации при ФБР успешно развивалась и стала самой крупной и технически самой оснащенной в мире. В 1956 году картотека в Вашингтоне насчитывала 141 231 713 карточек. Специальная картотека, в которой собраны карточки не с десятью отпечатками, как обычно, а с отпечатком каждого пальца в отдельности, позволяет идентифицировать отпечатки отдельных пальцев или даже их частичные отпечатки, найденные на месте преступления. С помощью машин, запрограммированных перфокартами, за несколько минут можно найти любую нужную карточку. И опыт этой колоссальной картотеки свидетельствует о том, что каждый человек имеет свою собственную, неизменную печать на кончиках пальцев.

Эдгару Гуверу удалось с большим размахом осуществить то, о чем в Аргентине мечтал Жуан Вучетич и из-за чего так трагически сложилась его жизнь. Благодаря стараниям Гувера и пониманию, которое проявили многие ведомства, удалось достичь поразительных результатов: из общего числа карточек с отпечатками пальцев

141 231 713 по меньшей мере 112 096 777 принадлежали не преступникам, а честным гражданам с безупречной репутацией, постоянно или временно проживающим в Соединенных Штатах. Эта хотя еще и не всеобъемлющая, но невероятно большая картотека позволяет использовать ее не только в узких целях идентификации преступника, имевшего ранее судимости. Она не только облегчает идентификацию отпечатков пальцев, обнаруженных на месте преступления, но оказалась бесценным вспомогательным средством опознания жертв несчастных случаев, катастроф и войны.

18. Убийство в детской больнице

Казалось, сама история отпечатков пальцев задалась целью еще раз неопровержимо доказать, какое значение имеет всеобщая дактилоскопическая регистрация населения для раскрытия преступлений. Снова она выбрала для этого дело об убийстве. Местом действия опять явилась Великобритания, где дактилоскопия проделала столь долгий путь своего развития.

В ночь на 15 мая 1948 года в городе Блэкбурне в Ланкашире была убита Джюн Энн Деванси. Джюн была милой четырехлетней девочкой, дочерью рабочего из Блэкбурна. За несколько дней до случившегося заболевшего воспалением легких ребенка поместили в детское отделение госпиталя. Болезнь была уже позади, и 15 мая Джюн должна была вернуться домой. Накануне этого дня девочка спала в кроватке детской палаты № 3. Палата помещалась на первом этаже, с одной стороны примыкая к кухне и ванной комнате детского отделения, с другой — к пристройке с туалетами, окна которой в целях вентиляции не закрывались. 14 мая вечером их также распахнули настежь.

В начале двенадцатого сестра Гвендолин Хамфриз успокоила плачущего ребенка, кровать которого стояла рядом с кроватью маленькой Джюн Деванси. Джюн крепко спала. Сестра снова ушла на кухню. В 11.30 она услышала какой-то шорох, ей показалось, что в коридоре прозвучал детский голосок. Выйдя в коридор, она обнаружила, что ведущая в парк дверь распахнута. Погода была ветреная. Сестра решила, что дверь распахнул сквозняк, и вернулась в кухню.

Спустя минут пятнадцать она вновь зашла в палату № 3. Подойдя к кроватке Джюн, она обнаружила, что та была пуста. Сестра поспешила в туалет. Но и там девочки не было. Возвращаясь в палату, сестра заметила на свеженатертом полу какие-то пятна. Казалось, это были следы ног, но не детских ножек, а взрослого мужчины, который пробежал по палате босиком или в тонких носках. След вел от окна туалета к различным кроваткам и кончался у кровати исчезнувшего ребенка. Под кроватью стояла большая бутылка с дистиллированной водой, которая в начале двенадцатого стояла в другом конце палаты на столике. В 12 часов сестра подня-

ла тревогу. Весь ночной персонал госпиталя стал искать ребенка. Когда к двум часам Джюн все еще не удалось найти, один из дежурных врачей сообщил о случившемся в полицию Блэкбурна. Спустя час полиция обнаружила в высокой траве около забора госпиталя труп Джюн Деванси. Видимо, ребенок был изнасилован, после чего преступник, это чудовище, схватил свою жертву за ноги и ударил головой о каменную стену забора. Уже светало, когда прибыли первые сотрудники ланкаширской уголовной полиции, среди них шеф-констебль Лумс и шеф-инспектор Кэмпбэлл, работник дактилоскопического бюро графства Ланкашир в Хуттоне, под Престоном. Шеф местной полиции тотчас обратился в Скотланд-ярд за помощью. Ребенок, перед трупом которого он стоял, был за короткое время уже третьей жертвой одного или нескольких детоубийц. Два других убийства произошли в Лондоне и в Фарнворте (последнее недалеко от Блэкбурна). Жертвами явились пятилетняя Элен Локкарт, задушенная в подвале разрушенного бомбой дома, и одиннадцатилетний Джон Смит, заколотый кинжалом. Оба дела были еще не раскрыты. После этого, третьего, случая возмущенная общественность потребует принятия решительных мер. Лумсу это было прекрасно известно. Утром 15 мая в Блэкбурн прибыли шеф-инспектор Кэпстик с двумя сотрудниками Скотланд-ярда и принялись за работу.

Всю территорию госпиталя оцепили. Никто не смел покинуть здание больницы. Сначала ясно было только одно: убийца проник в помещение между 11.15 и 11.45 через открытое окно туалета, сняв предварительно обувь. Очевидно, он здесь хорошо ориентировался. Осторожными шагами он сначала ходил у кроваток различных детей, прежде чем выбрал Джюн. Затем он вылез с ней через то же окно, надел башмаки и потащил свою жертву к забору. На полу детской палаты остались отчетливые следы его ног. Бутылку, которая стояла под кроватью Джюн, он, видимо, взял, войдя в палату, чтобы использовать ее в случае чего как оружие. На одном из окон в туалете нашли несколько ниточек ткани. Такие же ниточки обнаружили на трупе ребенка. Но все это так же мало продвинуло расследование дела, как и допрос всех служащих и больных госпиталя.

Тем временем шеф-инспектор Кэмпбэлл обследовал палату в надежде обнаружить отпечатки пальцев. Контролю подверглись все стены, столы, окна, кровати, стулья, бутылочки с лекарствами и игрушки. Были зафиксированы сотни отпечатков пальцев. Одновременно снимали отпечатки пальцев всех служащих госпиталя, входивших в детскую палату за последнее время. Выяснилось, что все обнаруженные отпечатки принадлежат врачам, сестрам, детям и их посетителям, за исключением нескольких отпечатков пальцев и целой руки на бутылке под кроватью Джюн.

Криминалисты пришли к выводу, что это отпечатки убийцы ребенка. Но на всякий случай они составили список лиц, которые в

последние месяцы входили в палату или разливали дистиллированную воду. Их отпечатки также сравнили с отпечатками на бутылке... Безрезультатно.

Отпечаток на бутылке явно принадлежал неизвестному убийце.

Кэмпбэлл разослал фотографии этих отпечатков в Скотланд-ярд и во все местные дактилоскопические бюро Великобритании. Но все бесполезно. Воздушной почтой фотографии отпечатков послали также в дактилоскопические бюро за пределы Великобритании. Не исключена возможность, что преступником мог оказаться какой-нибудь матрос или иностранец, временно оказавшийся в Блэкбурне. Но и эти усилия не увенчались успехом. Наиболее вероятным все же было предположение, что убийца из Блэкбурна или его окрестностей. В пользу такого мнения свидетельствовало хорошее знание им местности и привычек ночных сестер больницы.

20 мая Кэмпбэлл предложил собрать отпечатки пальцев всех взрослых мужчин Блэкбурна, а также рабочих, приезжающих в Блэкбурн на работу. Город насчитывал 110 000 жителей и около 35 000 семей. Кэмпбэлл считал, что придется собрать 50 000 отпечатков пальцев, чтобы сравнить с ними отпечаток с места преступления. Его предложение было столь необычным, что он сам не смел надеяться на его осуществление. Было известно, что по крайней мере в Англии ничего подобного не предпринималось. И никто не мог гарантировать, что эта грандиозная работа приведет к положительным результатам.

Не было закона, который мог бы принудить население подвергнуться дактилоскопированию. Едва ли в какой-нибудь другой стране, кроме Англии, так прочно укоренилось мнение, что регистрация отпечатков пальцев всегда связана с преступлением и унизительна для свободного гражданина. Сколько граждан уклонится от дактилоскопирования и поставит под сомнение успех дела? И все же решили попробовать. Чтобы облегчить осуществление этого плана, инициатива исходила не от полиции, а от мэра Блэкбурна, который обратился к жителям за добровольной помощью. Он заверил, что после сравнения все отпечатки будут уничтожены и ни в коем случае не будут переданы в дактилоскопическую картотеку. Мэр также официально гарантировал, что отпечатки пальцев граждан будут сравнивать только с отпечатком на бутылке и ни с какими другими отпечатками разыскиваемых преступников. Это означало, что полиция сознательно отказывалась от шанса обнаружить других разыскиваемых преступников. И наконец, было решено, что полицейские, которые будут снимать отпечатки, пойдут сами из дома в дом, чтобы никому не пришлось ходить в полицейский участок.

Когда 23 мая, спустя восемь дней после убийства, началась эта операция, в полиции Блэкбурна царило невероятное волнение. Но первый день прошел без затруднений. Всеобщее возмущение пре-

ступлением, жгучее желание найти преступника заставили отступить на задний план все прочие соображения. Избирательные списки помогли охватить все население. Для приезжавших в город на работу использовали платежные ведомости предприятий. Некоторые дома приходилось посещать по нескольку раз, но в конце июня, то есть через шесть недель, было собрано 20 000 отпечатков.

20 000! Но разыскиваемых отпечатков среди них не было. Напряжение росло изо дня в день. К середине июля уже были охвачены 30 000 жителей. Но и теперь цель не была достигнута. 30 000! Страшная трата времени и средств — и никаких видов на успех. Но отступать нельзя. К началу августа было уже собрано и изучено 45 000 отпечатков. Надежда получить желаемый результат казалась неосуществимой, так как практически все жители города и все живующие за городом рабочие были уже дактилоскопированы. А все ли на самом деле? Не уехал ли кто-нибудь из Блэкбурна незаметно?

В момент наступавшего разочарования один из полицейских высказал идею проверить последние списки выдачи продовольственных карточек, существовавших в течение трех лет после второй мировой войны. Их проверка обнаружила факт, дававший розыску последний шанс. Почти 800 мужчин, несмотря на все старания, остались неохваченными. Скрывается ли среди них тот, кого ищут?

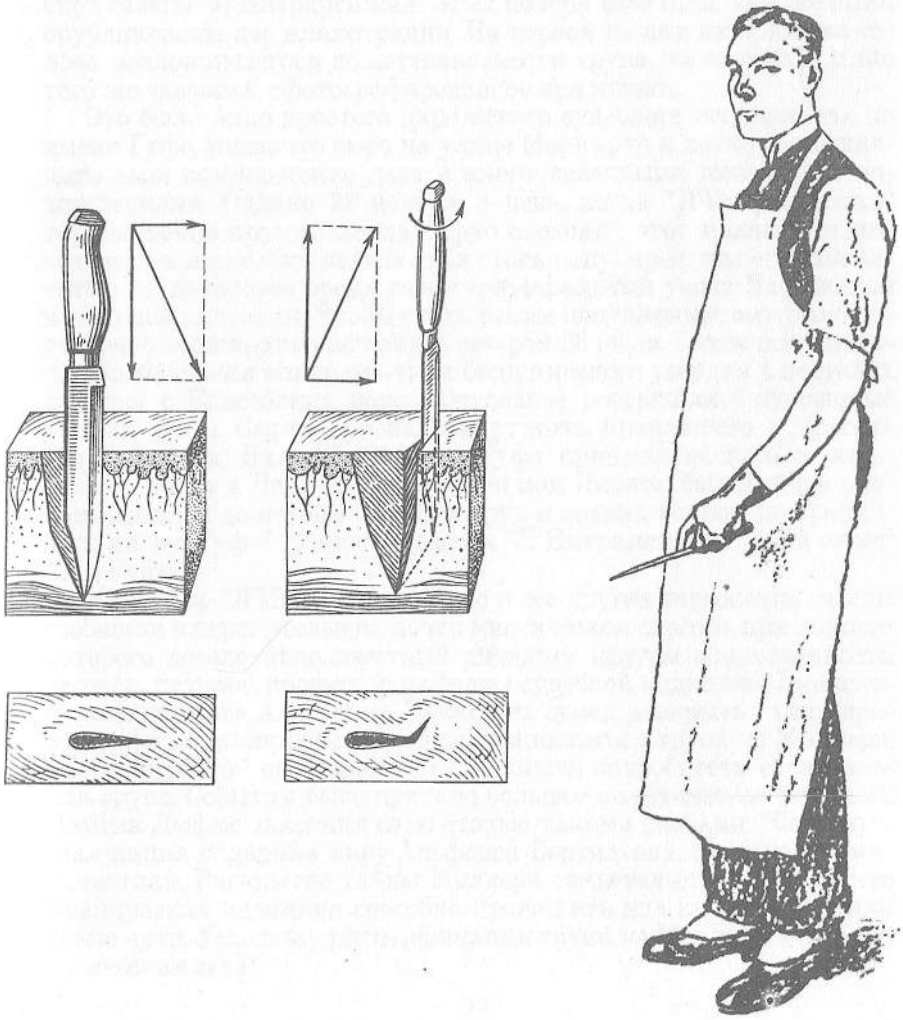
11 августа констебль Кольверт, посещая оставшихся 800 человек, вошел в дом № 31 по Бирлей-стрит. Он застал дома миссис Гриффит и ее двадцатидвухлетнего сына Петера. Петер Гриффит, худощавый парень с довольно приятной наружностью, слыл человеком, любящим детей. Кольверт спросил, готов ли он дать свои отпечатки пальцев. Гриффит молча протянул руки. Отпечатки Петера Гриффита вместе с другими, собранными за день, отправили в Хуттон. Спустя сутки, в 3 часа дня 12 августа, один из сотрудников, занимавшийся сравнением, непроизвольно воскликнул: "Я его нашел! Вот он..." Указательный и большой пальцы левой руки Гриффита совпали с отпечатками на бутылке. Это был успех!

Позади сомнения, позади разочарования. Допросы и дополнительное расследование ближайших дней показали, что охота за отпечатками привела к цели. Гриффит, сын психически больного, в детстве долгое время находился в госпитале Квинз-парк. Он точно ориентировался на месте преступления. Когда у него не осталось выхода, он признался в убийстве. Молодой человек с детским выражением лица, неработоспособный и не склонный к нормальным половым отношениям с женщинами. Возможно, он убил не только Джюн Деванси, но и одиннадцатилетнего Джона Смита в Фарнворте. Но не было достаточно веских улик, которые заставили бы Гриффита признать второе убийство.

Петер Гриффит был уличен в убийстве Джюн Деванси только благодаря "неизгладимой печати" на его пальцах. Достигнутый с таким трудом успех привлек внимание миллионов к идентификации при помощи дактилоскопии, к столетней ее истории и к ее возможностям. Он как в самой Англии, так и за ее пределами укрепил уверенность в необходимости проведения дактилоскопического регистрирования всего населения стран и континентов и помог в преодолении сопротивления таким мероприятиям. После окончания дела Гриффита криминалистика имела веские аргументы. Если бы в Великобритании была введена всеобщая дактилоскопическая регистрация, то убийцу Джюн Деванси нашли бы за несколько дней.

Но преодоление предубеждений, как показала история, — дело длительного времени. Осуществление так далеко идущих планов — дело будущего. Но когда бы это ни случилось, основой такой регистрации будет дактилоскопия.

II. О чем рассказывают мертвые, или этапы развития судебной медицины



1. Сенсационное начало

"Труп опознан" — гласил заголовок на второй странице парижской газеты "Л'Интрансижан" от 22 ноября 1889 года. Там же были опубликованы две иллюстрации. На первой из них изображена голова разложившегося до неузнаваемости трупа, на второй — лицо того же человека, сфотографированное при жизни.

Это было лицо простого парижского судебного исполнителя по имени Гуфе, имевшего бюро на улице Монмартр и ловко совмещавшего свои коммерческие дела с многочисленными любовными похождениями. Однако 22 ноября, в день, когда "Л'Интрансижан" торжественно провозгласила: "Труп опознан", этот малоизвестный человек за несколько недель стал столь популярен, что его имя затмило на некоторое время даже триумфальный успех Парижской всемирной выставки. Чтобы стать таким популярным, ему было достаточно неожиданно исчезнуть вечером 26 июля. Затем последовали разоблачения его прямо-таки беспримерного усердия в постелях дамочек с Елисейских полей. Остальное довершили безуспешные усилия шефа Сюртэ Горона обнаружить пропавшего и пресечь поток слухов. Наконец, поиски Гуфе приняли несколько иной оборот, когда в Ла-Тур-де-Миллери под Лионом был найден разложившийся до неузнаваемости труп и возник вопрос, не пропавший ли это Гуфе? 22 ноября газета "Л'Интрансижан" дала ответ: "Это Гуфе!"

Не только "Л'Интрансижан", но и все другие парижские газеты сообщили о поразительном, почти мистическом способе, при помощи которого доселе малоизвестный широким кругам общественности человек, патолог, профессор кафедры судебной медицины Лионского университета Александр Лакассань сумел раскрыть тайну происхождения жалких останков разложившегося трупа из Миллери. "Пети-журналь" опубликовал мельчайшие подробности обследования трупа. Событию было придано большое политическое звучание. Мартин Дюфюс закончил свою статью такими словами: "Французская нация подарила миру Альфонса Бертильона, пионера криминалистики. Раскрытие тайны Миллери свидетельствует о том, что французская медицина способна проложить для криминалистики новые пути. Успешная идентификация трупа из Миллери — это историческая веха".

Английский патолог Пеппер высказал позднее сомнение, действительно ли имели такое большое значение события, связанные с трупом из Миллери. Пока речь шла о развитии специальной области медицины, получившей название "судебной медицины", он, бесспорно, был прав. Но если иметь в виду атмосферу проникновения сравнительно молодой судебной медицины в сознание общественности и в мир криминалистики, то нельзя оспаривать истину, содержащуюся в словах Дюфюса. В первые годы развития криминалистики не было дел, которые бы так наглядно демонстрировали французской и европейской общественности значение медицины для криминалистики, как это имело место в деле Гуфе.

Вечером 27 июля 1889 года, когда родственник Гуфе, некий Ландри, сообщил в полицейский участок района Бонн-Нувиль об исчезновении судебного исполнителя, дежуривший тогда комиссар Брисан не придал этому событию большого значения. Ландри сообщил, что Гуфе, сорокадевятилетний вдовец, проживает со своими дочерьми и имеет по меньшей мере 20 любовниц и что он, должно быть, "пустился в очередное любовное приключение". Лишь 30 июля, когда Гуфе все еще не появлялся, дело попало в руки Горона и следователя Допфера. Горон посетил бюро Гуфе. На полу перед сейфом он обнаружил 18 обгоревших спичек. Консьержка рассказала, что вечером в день исчезновения Гуфе какой-то мужчина ключом открыл бюро, пробыл там некоторое время, а затем снова прошел мимо нее. Сначала она приняла мужчину за Гуфе, и лишь когда тот уходил, заметила, что это посторонний человек. Горон сделал вывод, что этот человек овладел ключами Гуфе и пытался проникнуть в сейф. Он приказал осмотреть район бульвара Осман и знаменитого кафе "Англэ". Но, несмотря на то, что сотрудники Горона побеседовали с сотнями девушек, след исчезнувшего найти не удалось. Финансовые дела Гуфе были в порядке. О бегстве от какого-нибудь судебного преследования не могло быть и речи. Учитывая жизнелюбие Гуфе, нельзя было предположить самоубийство. Описания внешности Гуфе были разосланы во все полицейские участки Франции. Там указывалось: стройный, рост 1,75, одет элегантно, пышные каштанового цвета волосы и квадратная борода. Кроме того, Горон поручил секретарям просмотреть все газеты для выявления сообщений об обнаружении неопознанных трупов.

До 16 августа Сюртэ не продвинулось ни на шаг. Гуфе словно провалился сквозь землю. Горон уже стал опасаться за свою легендарную славу. Но тут ранним утром 17 августа на своем письменном столе он нашел по одному номеру "Котидьен-Провансаль" и "Лантерн". В обеих газетах была помещена одна заметка. В ней сообщалось, что жители деревни близ Лиона на берегу Роны обнаружили мешок с трупом мужчины. Еще не опознанный труп отправлен в лионский морг. Горон торопил следователя Допфера тотчас телеграфом направить запрос в Лион. Допфер медлил. Ему казалось, что они и так уже проверили достаточно много ложных сведений. Но наконец он все же согласился. В ответе следователя Бастида из Ли-

она чувствовался явный протест провинциала против вмешательства из Парижа. Он писал, что лионская полиция уже сама почти раскрыла это дело и что здесь ни в коем случае не может идти речь о Гуфе. Признаки внешности трупа абсолютно не совпадают с описанием разыскиваемого.

Допфер считал вопрос исчерпанным. Горон — нет. Он телеграфировал в редакцию газеты "Лантерн" и просил местного корреспондента прислать ему подробное описание происшествия. 20 августа Горон получил сообщение о случившемся. В начале августа жители Миллери обратили внимание на отвратительный запах, исходивший из кустов ежевики на берегу Роны. Наконец 13 августа дворник Гофи обнаружил в кустах джутовый мешок. Когда он ножом разрезал мешок, то из него показалась полуразложившаяся черноволосая голова мужчины. Испугавшись, Гофи со всех ног бросился в жандармерию. Через несколько часов из Лиона прибыли сотрудник прокуратуры Берар и врач Поль Бернар. Бернар был одним из тех врачей, которые с некоторых пор, согласно закону, привлекались в качестве судебных медиков каждый раз, когда судьи или прокуроры нуждались в них. Так как было уже темно, а свет факелов был недостаточным для осмотра на месте, мешок с трупом отвезли в Лион. 14 августа доктор Бернар произвел вскрытие трупа. Из его отчета явствовало, что оголенный труп был засунут в мешок головой вперед. Тело было завернуто в клеенку и обвязано шнуром семи с половиной метров длиной. Мужчине было от тридцати пяти до сорока пяти лет, рост 1,70. Волосы и борода черные. Гортань имела два перелома, поэтому Бернар сделал вывод, что неизвестный был задушен.

Доктор Бернар закончил обследование, когда из Сэн-Жени-Лаваль, соседней с Миллери деревни, пришло в Лион новое тревожное известие.

Крестьянин, собиравший улиток, обнаружил на берегу Роны какие-то подозрительные куски досок. Жандарм Томас, побывавший на месте обнаружения досок, пришел к выводу, что это части чемодана и что от них исходит "типичный трупный запах". Он связал эту находку с находкой около Миллери и отправил все в Лион. Там на крышке чемодана были обнаружены два ярлыка французской железной дороги. На них было написано: "Станция отправления: Париж 1231-Париж 27.7.188. Экспресс 3. Станция назначения: Лион — Перраш 1".

Последнюю цифру, обозначавшую год, 188, было трудно прочесть. Но комиссар лионской криминальной полиции Ремонданси пришел к заключению, что это цифра 8 и что чемодан, следовательно, отправлен больше года назад. То, что чемодан имеет отношение к трупу, выяснилось 16 августа, когда дворник Гофи на месте, где лежал мешок с трупом, нашел ключ от чемодана.

Все это содержалось в сообщении лионского корреспондента.

Горон интуитивно почувствовал, что напал на след Гуфе. Он знал судебных медиков тех дней и не очень доверял доктору Бернару. В тот же вечер он вырвал у сопротивлявшегося следователя До-

пфера разрешение послать родственника Гуфе, господина Ландри, в Лион вместе с сотрудником Сюртэ. Ландри предстояло определить, не Гуфе ли это. 21 августа бригадир Судэ и Ландри отправились на юг. Судэ, так же как и Допфер, был убежден в бессмысленности поездки. Прием, оказанный ему следователем Бастидом, еще больше утвердил его в этом мнении. Лишь ради соблюдения формальности он настоял на осмотре трупа. Был поздний вечер. Морг находился на старой барже, которая стояла на якоре напротив отеля "Дьё де Суфло". Летом она распространяла страшную вонь, зимой же на ней было так холодно, что у врачей, вскрывавших трупы, выпадывали из рук инструменты.

Сторож, папаша Дёленю, борода и волосы которого свисали до самого пояса, грязное, курящее трубку существо, проводило Судэ и Ландри по деревянному помосту на баржу. В трюме на полу лежали трупы. Папаша Дёленю осветил своим фонариком труп из Миллери. Ландри, зажав нос платком и бросив беглый взгляд на изменившиеся до неузнаваемости останки человека, отрицательно покачал головой и в ужасе бросился к выходу. Судэ убедился, что волосы неизвестного — черного цвета, черные, а не каштановые, как у Гуфе. На следующее утро он телеграфировал Горону, что поездка окончилась безуспешно. Больше того, бригадир узнал, что один лионский извозчик сделал неожиданное сообщение и что следователь Виаль только что допросил его. Извозчик по имени Лафорж, показал: 6 июля он ожидал у вокзала пассажира. Подошедший к нему мужчина велел погрузить большой, тяжелый чемодан. Кроме него, сели еще двое мужчин и приказали отвезти их в сторону Миллери. Там они сгрузили чемодан и попросили Лафоржа подождать их. Через некоторое время они вернулись без чемодана и снова поехали в Лион. Лафорж по найденным частям опознал чемодан. Когда ему показали альбом с фотографиями лионских преступников, он узнал по ним трех своих пассажиров. Это были фотокарточки Шатэна, Револя и Буванэ. С 9 июля они находились под арестом за разбойное нападение.

Виаль, принявший к расследованию дело Миллери, уполномочил Судэ передать своему шефу, что в Лионе обойдутся без его вмешательства. Дело, мол, уже раскрыто. Труп завтра будет похоронен на кладбище де-ла-Гиётьер. Не имея возможности еще раз вмешаться в расследование лионского дела, Горон форсировал расследование в столице. В сентябре он получил донесение от своего агента, в котором сообщалось: "25 июля Гуфе видели в обществе некоего Мишеля Эйро, выдававшего себя за коммерсанта. Эйро сопровождала его любовница, молодая Габриелла Бомпар. Эйро и Габриелла 27 июля бесследно исчезли из Парижа, с того самого дня, когда поступило сообщение об исчезновении Гуфе". Весь октябрь Горон вел безуспешный розыск обоих.

Тем временем в парижских газетах все чаще стали появляться статьи о деле Гуфе, а критика в них принимала все более острый характер. Привыкший к успеху Горон был вне себя. Но прежде чем

капитулировать, к неописуемому удивлению своих сотрудников, в начале ноября он снова вернулся к версии, что неизвестный из Миллери не кто иной, как Гуфе. Следователь Допфер отказывался поддержать его. Но Горон так упорно настаивал, что он согласился узнать, чем кончилось дело Миллери в Лионе. Из донесения Виаля стало известно, что трое арестованных за грабеж категорически отрицают, что имеют какое-либо отношение к чемодану и трупу из Миллери. Извозчик тем временем дал новые показания: что якобы он был очевидцем, как чемодан с трупом бросили в кусты. На этом основании его арестовали и содержали под стражей как соучастника. Виаль считал, что со временем арестованные все расскажут и назовут имя убитого. А вообще-то, писал в заключение Виаль, он ничего не имел бы против помощи из Парижа. К своему сообщению он приложил ярлыки от чемодана.

Когда Допфер передал все это Горону, тот, изучая ярлыки, сразу обратил внимание на дату 27 июля — день, когда поступило заявление об исчезновении Гуфе, и поспешил на Лионский вокзал. Служащий багажного бюро просмотрел регистрационную книгу и установил, что 27 июля 1888 года багаж под номером 1231 не сдавали. Сгорая от нетерпения, Горон потребовал, чтобы проверили номер багажа в регистрационной книге за 1889 год. Эта книга была очень большой, так как из-за Всемирной выставки транспортировка грузов чрезвычайно возросла. Наконец, квитанция была найдена. В ней сообщалось: "27 июля 1889, поезд 3, отправление 11.45 утра, N 1231. Станция назначения: Лион — Перраш. Одно место, вес 105 кг".

Горон поспешил к Допферу. Нужны еще какие-нибудь объяснения? Чемодан с трупом был отправлен из Парижа 27 июля 1889 года, в день исчезновения Гуфе. Если бы Ландри даже сто раз не опознал в неизвестном из Миллери своего родственника, а судебный врач из Лиона тысячу раз утверждал бы, что убитый не может быть Гуфе, он, Горон, готов дать голову на отсечение, что речь идет только о Гуфе и ни о ком другом.

Следователь встретил это заявление скептически, но неожиданное развитие событий заставило его все же дать согласие на поездку в Лион лично Горона, который прибыл туда 11 ноября в сопровождении инспектора Сюртэ. Горон набросился на следователя Виаля. Зачем, возмущался он, Виаль много месяцев держит под стражей извозчика Лафоржа, если чемодан, в котором тот перевозил труп 6 июля, только 27 июля 1889 года был отправлен из Парижа? Как мог Лафорж отвезти этот чемодан уже 6 июля? Он был лжецом, одним из тех хвастунов, которые часто встречаются при расследовании уголовных дел.

Привезенный из тюрьмы Лафорж признался, что свои показания он выдумал. Из-за какого-то проступка он боялся лишиться лицензии и полагал, что своим рассказом расположит к себе полицию Лиона. Возмущенный Горон потребовал, чтобы труп был немедленно эксгумирован и еще раз обследован. Он, Горон, докажет всем, что в Лионе похоронен Гуфе.

Виаль противился эксгумации, приводя самые разнообразные доводы. Прокурор Берар тоже пытался возражать, но сделать они ничего не могли. 12 ноября 1889 года прокурор был вынужден отдать распоряжение об эксгумации трупа, которая была поручена сорокашестилетнему профессору Александру Лакассаню, заведовавшему недавно организованной кафедрой судебной медицины в Лионском университете.

2. Немного истории

В тот сыгравший столь важную роль день, 12 ноября 1889 года, судебная медицина, или, как ее называл немецкий профессор Менде, медицинская вспомогательная наука права, оглянулась на сравнительно короткую историю своего развития. Отдельные историки трактовали некоторые места из произведений греко-римского врача Галена, жившего во II веке н. э., как заметки по судебной медицине. В частности, они уделяли большое внимание сообщению Галена об интересном заключении одного врача, который спас какую-то гречанку от осуждения за нарушение супружеской верности. Гречанка родила ребенка, который совершенно не был похож на ее мужа. Врач объяснил это тем, что в спальне женщины висел портрет мужчины и на всем протяжении беременности она, ничего не подозревая, любовалась им. Цитируется также древнеримский врач Антистий, обследовавший труп убитого Юлия Цезаря и давший заключение, что из двадцати трех колотых ран на теле Цезаря лишь одна рана на груди была смертельной.

Подобные утверждения врачей очень ненадежны. Первое достойное внимания свидетельство того, что в медицине появилась специальная отрасль, помогающая правосудию, относится к XIII веку. Пришло оно из Китая. Там в 1248 году появилась объемистая книга под названием "Hsi Juan Lu", которую действительно можно рассматривать как учебник по применению медицинских знаний при расследовании преступлений и при судебных разбирательствах. Многие из предлагаемых ею методов расследования были чистой фантазией. Но в книге содержались важные сведения по вопросам обследования трупа, отличительные признаки ранений, нанесенных различными видами оружия, описывались способы, как определить, был ли пострадавший задушен или утоплен. В книге уделялось большое внимание тщательному осмотру места преступления, а лейтмотивом книги могли бы служить следующие слова: "Различие между двумя волосками может решить все".

Европейское средневековье не породило ничего похожего на этот китайский учебник. Во времена, когда главным средством допроса подозреваемых и преступников были пытки, а медицина воздерживалась от вскрытия трупов, не было причин для ее превращения в помощника правосудия. Лишь в 1507 году в епископстве Бамберга, в Германии, появился уголовный кодекс "Бамбергское судопроизвод-

ство", который требовал до вынесения приговора по делам о детоубийстве и телесных повреждениях привлекать для консультации врачей. Образцом уголовного права стал "Уголовный кодекс", или "Применение пыток в судопроизводстве кайзера Карла V и Священной Римской империи". Императоръ Карл V издал этот закон в 1532 году, и он действовал на всей территории его огромной империи. Но о тщательном медицинском осмотре или вскрытии трупа при сомнительной смерти речь здесь не шла. В лучшем случае обследовали раны и устанавливались их приблизительная глубина и направление. Значительную часть деятельности врачей составляла обязанность определить, выдержит ли подсудимый пытки. Прошло еще более полувека, пока появились первые предшественники судебной медицины. К ним относятся: Амбруаз Паре, француз, живший с 1509 по 1590 год и вошедший в историю как пионер хирургии, а также итальянцы Фортунато Фиделис из Палермо и Паоло Цахия из Рима. Они были последователями Андрея Везалия, который уже в первой половине XVI века подготовил почву для их деятельности. Он начал вскрывать трупы и вместо умозрительного давал вполне научное описание внутреннего строения человеческого организма. Паре описал легкие детей, задушенных родителями. Он изучал следы сексуальных преступлений. Фиделис устанавливал признаки, которые помогали определить, случайно ли утонул человек или же его утопили. В произведениях Цахия были затронуты многие вопросы, которые отличали судебную медицину XIX и XX веков. Среди путаницы суеверий, сообщений о "самовоспламенении людей", об "одновременном рождении одной женщиной 365 детей" можно найти обзоры по вопросам: "Раны, причиненные огнестрельным, колющим оружием, или раны от удара тупым предметом", "Насильственное удушение или несчастный случай", "Признаки убийства и самоубийства", "О скоропостижной смерти по естественным причинам", "Сексуальные преступления и психические нарушения", "Аборт, детоубийство и вопросы о том, живым или мертвым родился ребенок".

Спустя четыре года после смерти Цахия в 1663 году датчанину Томасу Бортолину пришла в голову мысль, что решение вопроса о том, рожден ли ребенок мертвым или имело место детоубийство, зависит от наличия в его легких воздуха. Воздух в легких он считал доказательством того, что ребенок рожден живым. В 1682 году врач Шрайер из Прессбурга впервые опустил в воду легкие якобы мертворожденного ребенка. Если они не тонут, то в них есть воздух, следовательно, ребенок рожден живым. Так возник первый, пока еще сырой, но основанный на опыте и разуме метод судебно-медицинского исследования. В 1640 и 1687 годах два немецких врача, Михаелис и Бон, начали преподавать студентам Лейпцигского университета методику определения насильственной смерти и летаргии. Их последователями были немцы Тайхмайер, Альберти, Пленк, Метцгер и французы Фодере, Луи, Лафосс. Фодере в 1796 году опубликовал в Страсбурге фундаментальный труд под названием "Вопросы судебной медицины и общественной гигиены".

Подобную же работу в Вене опубликовал Иоган Петер Франк — "Система совершенной медицинской помощи". Обе работы отражали слияние двух направлений медицины: с одной стороны, усилия медиков дать медицинское направление и толкование событий, которые играют роль при определении преступлений и всякого рода нарушений — от убийств до изнасилования, от телесных повреждений до симуляции болезни. С другой стороны, процесс скопления большого числа людей в городах приводил к эпидемиям и мору и ставил перед медициной новые задачи по контролированию гигиенического состояния городов. В обоих случаях речь шла о государственно-общественных проблемах. На рубеже XVIII и XIX столетий в Германии и Австро-Венгрии возникла единая государственная медицина, занимавшаяся как вопросами судебной медицины, так и вопросами гигиены населения. В городах и селах были созданы медицинские пункты, которые должны были оказывать населению помощь и производить медицинские освидетельствования для судов. Одновременно в нескольких университетах (в Эрлангене, Праге и Вене) был введен курс государственной медицины, который давал врачам государственной администрации основы специальных знаний. Французская революция в значительной степени способствовала развитию этой тенденции. Уголовно-процессуальный кодекс Наполеона, всесокрушающее творение 1808 года, положил конец инквизиторским тайным судебным процессам, где для доказательства вины применялись пытки. Во Франции и Европе он подготовил почву для создания новой системы судебного разбирательства, которая вывела деятельность судей и медицинских экспертов из прежней замкнутости и поставила ее под контроль общественности.

Если бы в ноябре 1889 года, в день, когда Лакассань отправился на лионское кладбище, чтобы эксгумировать труп из Миллери, кто-нибудь оглянулся на этот ранний период развития судебной медицины, то ему представилось бы жалкое зрелище. Все, чему к началу века учила государственная медицина, было проникнуто стремлением решать проблемы не путем эксперимента, а посредством теоретических построений. Развитие судебной медицины, так же как системы Бертильона и дактилоскопии, было тесно связано с резкими скачками развития естествознания, с отказом от умозаключений в пользу эксперимента и изучения фактов жизни и смерти. Наилучшим образом эту тенденцию характеризуют слова скончавшегося в 1864 году берлинского врача, преподавателя государственной медицины Иоганна Людвига Каспера, который в предисловии к своей книге "Настольная книга по судебной медицине", вышедшей в 1857 году, писал: "Пусть не будет упреком то, что судебной медициной в Германии занимались люди, глубокое научное образование и начитанность которых не могли заменить отсутствия наблюдательности". Эпоха Дарвина, Гальтона и Квэтлэ помогла медицине совершить быстрый скачок в своем развитии. Хотя история анатомии, история вскрытия человеческого тела уже насчитывала более 300 лет, лишь теперь она добралась до истинных тонкостей строения

организма. Еще на рубеже XVII и XVIII веков итальянец Морганьи начал вскрывать трупы умерших и сравнивать изменения, появившиеся в различных органах вследствие болезни. Он основал патологию, науку об изменении органов, характерных для определенных болезней. Но своего истинного расцвета патология достигла лишь во второй половине XIX столетия. Правда, уже в XVII веке голландец Левенгук использовал изготовленную им линзу для изучения мышц человека, невидимых невооруженным глазом. Но лишь в XIX веке началась действительно эпоха микроскопии, микроскопической анатомии, открытие клетки как мельчайшей частицы человеческого организма и всех органических структур, эпоха микроскопической гистологии, изучающей частицы тканей человека под микроскопом, при помощи красок делающая невидимое видимым, и, наконец, эпоха микроскопической патологии.

В первой половине XIX века во Франции, Германии и Австро-Венгрии можно было по пальцам пересчитать врачей, которые пытались использовать в государственной медицине достижения естествознания. Это были Кромхольц и Попель в Праге, Фитц и Бернт в Вене, а также основавшие в Берлине и в Париже "новую школу судебной медицины" Иоганн Людвиг Каспер (родившийся в 1796 году в Берлине), Матьё Жозеф Бонавантур Орфила, создатель науки о ядрах (родившийся в 1787 году на острове Минорка), и Мари Гийом Альфонс Девержи (родившийся в Париже в 1798 году). Их жизненные пути были так же различны, как и условия, в которых они работали. Большинство представителей медицины считали их выскочками, иждивенцами истинной медицины, поборниками второстепенной науки, на которую бросало тень преступление. Патологи, которым для исследования никогда не хватало трупов, оспаривали право на вскрытие не только умерших в больницах, но и всех погибших насильственной смертью, от несчастного случая или скоропостижно. Рокитанский, признанный авторитет австрийских патологов, с 1832 по 1875 год был полным хозяином всех трупов, которые науке могла предоставить Вена. А Бернт, преподаватель государственной медицины, и его последователь Длоди должны были довольствоваться тем, что присутствовали на вскрытиях, производимых патологами. В 1830 году была даже сделана попытка запретить им и их ученикам присутствовать на вскрытиях под предлогом, что "среди учеников могут быть подозреваемые в убийстве".

Каспер работал сначала в ужасных моргах столетних берлинских анатомичек. Затем ему пришлось перебраться в один из подвалов Шарите (центральный больничный комплекс Берлина). Отсюда спустя два года под давлением выдающегося патолога Рудольфа Вирхова он вынужден был уйти в подвал на Луизенштрассе. Но, несмотря ни на что, он не прекращал своих исследований. И когда в 1835 году появилась работа Девержи "Судебная медицина, теория и практика", в 1850 году — работа Каспера "Судебное вскрытие трупа", а в 1856 году — его же "Практический справочник по судебной

медицине", открылся новый мир. Это был ужасный мир. Но заглянуть в него было необходимо. Темы, над которыми работали Каспер и Девержи, не отличались существенно от тем, разработанных их предшественниками в прошлом столетии. Важнейшие лейтмотивы судебной медицины не изменились. Они охватывали учение о различнейших видах насильственной и естественной смерти, а также установление болезненного психического состояния преступников. Но способ, которым Каспер и Девержи освещали эти темы, заключал в себе революцию, корни дальнейшего развития. Их девизом были: "Вскрытие трупа, микроскопический и химический анализ и тщательное изучение".

В полдень 12 ноября 1889 года, когда Горон, Жом и Александр Лакассань ждали на лионском кладбище, пока извлекут гроб N 216, в котором покоились останки трупа из Миллери, со дня смерти Каспера прошло уже 25 лет, со дня смерти Орфилы — 36 лет и со дня смерти Девержи — 10. Но судебная медицина все еще вела борьбу за признание и предоставление ей права на самостоятельность. Государственная медицина ушла в прошлое. Гигиена стала областью медицины. Труды Каспера, Орфилы, Бернта и Девержи не пропали даром. Их ученики и последователи продолжали начатое ими дело и накопили уже большой опыт, о возможностях которого общественность пока еще имела очень смутное представление.

3. Идентификация трупа Гуфе по костям

В полдень 12 ноября 1889 года на столе для препарирования в лекционном зале Лакассаня на медицинском факультете Лионского университета лежали останки трупа из Миллери.

Пустым и покинутым выглядел обычно заполненный студентами зал. На последнем ряду сидел инспектор Жом. Лакассаня окружали Горон, прокурор Берар, зять Лакассаня доктор Этьен Ролле, его ассистент доктор Сэн-Сир, а также едва скрывавший волнение доктор Поль Бернар, который первым обследовал труп из Миллери еще в августе.

Александр Лакассань был человеком среднего роста. Из-за своих больших усов этот сорокашестилетний мужчина казался гораздо старше. Он был страстным поборником судебной медицины. В те времена резиновые перчатки были так же мало известны, как и холодильники, поэтому он обычно работал голыми руками. Ему редко удавалось избавиться от трупного запаха, исходившего от его рук. Лакассань был родом из Каор и учился сначала в военной школе в Страсбурге. Затем работал военным врачом в Северной Африке и уже там заинтересовался судебной медициной. Среди солдат и сброда преступников Туниса и Алжира были очень распространены татуировки. Это побудило Лакассаня заняться изучением татуировок с целью использования их для идентификации. Так все началось. Лакассань чувствовал, что судебная медицина открывает

окно в новый мир, который в эпоху индустриализации и социальных потрясений со всеми вытекающими отсюда последствиями для медиков и криминалистов должен быть тщательно изучен. В 1878 году появился его "Очерк по судебной медицине" и, когда в 1880 году в Лионском университете была создана кафедра судебной медицины, Лакассань стал первым профессором этой кафедры. Жизнелюбие, личное обаяние, обширные медицинские, биологические и философские познания сделали его за несколько лет серьезным соперником корифеев парижской школы судебной медицины — Орфилы и Девержи.

Лакассань внес существенный вклад в разработку основных вопросов судебной медицины и гигиены. Он работал над методами определения причин смерти. Он знавал еще морги, оборудованные колокольчиками для вызова сторожа, которыми могли воспользоваться принятые за умерших, а на самом деле заснувшие летаргическим сном. Самым распространенным "методом определения смерти" было зеркало или перышко, которое подносили к носу и рту умирающего, чтобы определить, дышит ли он еще. Полной уверенности в диагностике смерти не было. Девержи иногда прибегал к отчаянному средству. Он делал надрез груди в области сердца, просовывал палец и таким образом проверял, бьется ли оно. Лакассань же разработал вопрос о трупных пятнах. Их возникновение он объяснял тем, что после прекращения кровообращения кровь опускается вниз, что ведет к появлению серо-фиолетовых пятен на коже. Криминалистическое значение этого явления трудно переоценить. Этот процесс происходит в течение определенного времени и начинается обычно через полчаса после смерти. В первые десять-двенадцать часов появляющееся пятно может исчезнуть, если на него надавить, потому что кровь уйдет из-под кожи под действием нажима. Лишь позднее кровь проникнет в саму ткань кожи, и удалить ее нажимом уже не удастся. Эта особенность позволяла установить время наступления смерти. В течение нескольких часов после смерти трупные пятна могут переместиться, если изменить положение трупа. Кровь опустится в расположенные внизу части тела. Потом этот процесс прекращается. Если трупные пятна обнаружены на теле и сверху, это свидетельствует о том, что на протяжении определенного времени положение трупа было изменено. Лакассань старался точно определить это время.

Аналогичные явления возникали в связи с окоченением трупа, на которое впервые в 1811 году обратил внимание Пьер Нистэн из Бельгии. Он точно описал процесс окоченения трупа, который до него на протяжении столетий порождал бесконечные домыслы. По системе Нистэна окоченение начиналось с мышц челюстей, распространялось на шею и руки и, наконец, на ноги и стопы, чтобы спустя некоторое время в обратном порядке исчезнуть. Обычно оно исчезало на третий или четвертый день. Окоченение трупа также оказалось важным признаком для определения времени наступления смерти. Лакассань установил, что окоченение начинается не с

челюстей, а с сердца. Он изучил также вопрос охлаждения трупа. Уже пионеры судебной медицины пытались изучить, сколько времени занимает процесс охлаждения трупа, потому что при несчастных случаях или убийствах это позволяло бы установить время наступления смерти. Так было установлено, что в течение первых четырех часов после смерти температура тела понижается на один градус по Цельсию в час. Но и здесь было много неясного. Все это породило знаменитую фразу Лакассаня: "Нужно уметь сомневаться". Потому что именно загадки и сомнения толкали его на их разрешение.

Когда Лакассань приступил к вскрытию трупа из Миллери, его лицо покрылось красными пятнами от возмущения. Причин для возмущения было более чем достаточно. Известно его изречение: "Плохо проведенное вскрытие трупа нельзя исправить". Лакассань обнаружил грубую работу первоначального вскрытия, проведенного доктором Бернаром. Сколько ненужных повреждений на шее! Какое варварское обращение с черепом и грудной клеткой! Черепная коробка просто разбита. Большие куски черепной коробки вообще отсутствуют. Кости грудной клетки варварски выломаны. Чего не смог уничтожить Бернар, сделало время. Не осталось ничего, что можно было бы использовать для идентификации трупа, разве что кости да волосы. Но даже и на костях остались следы небрежной работы Бернара. Однако возмущение Лакассаня длилось недолго. Страстное желание разгадать тайну личности умершего завладело им полностью. Он приступил к работе.

То, что происходило этим вечером, было лишь началом большой одиннадцатидневной работы. Так как, кроме костей и волос, ничего нужного не осталось, то Лакассань постарался прежде всего освободить скелет от разложившейся массы. Шесть лет отделяли Лакассаня от открытия рентгеновских лучей, ставших впоследствии незаменимыми спутниками судебной медицины при исследовании частей скелета. Лакассаню же приходилось доверять только своим глазам. Но по его заданию доктор Этьен Ролле уже несколько лет занимался проблемой определения роста человека по отдельным сохранившимся от трупа костям. И небезуспешно. В 1889 году, как раз в год идентификации трупа из Миллери, вышла в свет его работа "Об измерении длинных костей конечностей и их взаимосвязи с антропологией, клиникой и судебной медициной". Эта работа положила начало дальнейшим изысканиям многих исследователей, среди которых были американцы Дюпертуа, Хадден, Троттер и Глезер. Изучив пятьдесят трупов мужчин и пятьдесят трупов женщин, Ролле пришел к выводу, что между размером тела и размером отдельных его частей существует довольно точное соотношение. Ключице длиной в 35,2 см соответствует в основном длина тела в 1,8 м. Определение роста было в значительной степени приблизительным, если имелась только одна кость. Но чем больше костей было в распоряжении, тем точнее были результаты. Если, например, имелись обе ключицы, то Ролле измерял их, вычислял среднее арифметическое и

использовал его для определения роста. Если же у него еще была кость бедра, большая и малая берцовые кости, то он получал удивительно точные результаты. Он разработал формулы вычисления и таблицы, в которые и позднее не пришлось вносить существенных изменений.

Доктор Бернар определил рост (длину) трупа из Миллери на глазок. Лакассань же, препарировав кости рук и ног, измерил их специальными приборами. Подсчеты позволили предположить, что рост человека был 1,785 м. Когда результат стал известен Горону, тот было разочаровался, так как по описанию членов семьи Гуфе рост его был 1,75 м. Но настойчивость, с которой Горон шел по следу Гуфе, побудила его уточнить эти данные, и он позвонил в Париж, в военное ведомство. 5 ноября выяснилось, что во время прохождения военной службы рост Гуфе измеряли и он составлял 1,78 м. Навели справки также у портного Гуфе, данные которого полностью совпали с результатами вычислений Лакассаня. Первый мостик был перекинут.

Тем временем Лакассань начал исследования, которые дали еще более важные результаты. Препарируя кости правой ноги, он обратил внимание на то, что те части костей, где прикрепляется мускулатура ноги, имеют странные изменения. От мышц в результате разложения ничего не осталось, что позволило бы судить об их состоянии. Но изменения на костях давали возможность предположить, что мускулатура правой ноги была слабее, чем левой. Это нарушение было ярче выражено на голени, чем на бедре. Лакассань сделал вывод, что это результат болезни. Тщательно сравнивая кости ног, он обнаружил деформацию коленной чашечки правой ноги, что являлось следствием воспалительного процесса в колене. Голеностопный сустав правой ноги носил следы перенесенного в детстве туберкулеза костей. Вес всех костей правой ноги немного отличался от веса костей левой ноги. Кости левой, очевидно здоровой, ноги весили на 39 граммов больше. Имелось много признаков того, что правая нога имеет изменения в результате болезни. Лакассань сообщил Горону, что человек, труп которого он исследовал, в юные годы, видимо, болел туберкулезом голеностопного сустава правой ноги. По всей видимости, он прихрамывал или по крайней мере подтягивал правую ногу. В зрелые годы он страдал водянкой коленного сустава.

По телефону Горон тотчас связался с Парижем и навел справки у дочери Гуфе, у его врача и сапожника. Сведения Лакассаня нашли поразительное подтверждение. Гуфе слегка прихрамывал, но из-за его характера никто никогда не осмеливался даже намекнуть ему об этом. Мускулатура его правой ноги была ослаблена. Отец Гуфе и одна парижанка, некая Луиза Доминик, знавшая Гуфе ребенком, подтвердили, что после падения с горы он годами страдал воспалением голеностопного сустава. В 1885 году Гуфе лечился от водянки коленного сустава. Врач направил его на лечение в Экс-ле-Бен к доктору Гийо. Гийо подтвердил не только заболевание колена, но и всей правой ноги. Горон понял, что одержал победу.

Лакассань же продолжал дальнейшее исследование трупа. При осмотре костей рта и горла им были обнаружены признаки насильственного удушения. Он также старался более точно, чем это сделал Бернар, определить возраст умершего. В те дни учение об определении возраста по зубам находилось на самом раннем этапе своего развития, как, впрочем, и лечение зубов. Имелись лишь сведения о развитии зубов у молодых людей, что позволяло судить о возрасте до двадцати пяти лет. Установление возраста более пожилых людей представляло большие трудности. Поэтому нужно отметить особую заслугу Лакассаня, что он по стиранию основного вещества зубов (дентина), по эмали и по образованию на корнях цемента, а также по утончению корней смог сделать вывод, что убитый человек был старше, чем указал Бернар. Лакассань определил возраст словами: "Около пятидесяти". Учитывая, что Гуфе было сорок девять лет, это лишний раз убеждало Горона в его правоте.

Но Лакассань дал ему еще одно доказательство. Одной из причин, почему следователи, а также Судэ и Ландри оспаривали идентичность Гуфе и трупа из Миллери, было утверждение Бернара, что это был черноволосый человек. Гуфе же, как утверждали его родственники, парикмахер и все его знакомые, имел каштановые волосы. Лакассань относился к группе судебных медиков, которые пытались помочь криминалистическому расследованию, используя волосы подозреваемого преступника. Он годами проводил многочисленные исследования волос под микроскопом и убедил химика, профессора Лионского университета Югунанга заняться химическим исследованием волос. По указанию Горона из Парижа была доставлена головная щетка Гуфе. Лакассань нашел в ней достаточно волос для сравнения. Он часто наблюдал, как могут изменяться в гробу волосы. И все же, прежде чем сравнить волосы Гуфе с волосами с трупа, он тщательно вымыл последние. Этого было достаточно, чтобы волосы стали каштановыми, а не черными. Чтобы убедиться, что ни волосы Гуфе, ни волосы с трупа не окрашивались, он подверг их химическому обследованию. Югунанг пытался найти основные вещества, входящие в красители для волос: медь, ртуть, свинец, висмут и серебро. Все анализы были отрицательными. Следовательно, Лакассань мог быть уверен, что обе пробы имеют натуральный цвет. Тогда он под микроскопом сравнил толщину волос и установил их полную идентичность. 21 ноября с некоторой театральностью, которая ему была не чужда, он заявил Горону и Жому: "Господа, я передаю вам мосье Гуфе".

4. Розыск убийц Гуфе

Когда Горон на следующий день вернулся в Париж, ему бросились в глаза крупные заголовки газеты "Л'Интрансижан": "Труп опознан!" Газета подробно освещала работу Лакассаня. Так впервые судебно-медицинское исследование стало сенсацией дня. Мо-

жет быть, слава Лакассаня, отодвинувшая Горона на второй план, раздражала его, но тем сильнее было его желание раскрыть дело об убийстве Гуфе.

К 25 ноября по поручению Горона была изготовлена копия чемодана, в котором был обнаружен труп Гуфе. На следующий день чемодан выставили для обозрения в морге Парижа. Горону необходимо было установить, где был изготовлен чемодан и где он мог быть продан. За три дня чемодан осмотрели двадцать пять тысяч человек, как будто речь шла о гробнице какой-нибудь знаменитости. 26 ноября сундучник с улицы Басфуа заявил, что чемодан изготовлен и куплен за границей. Это английский чемодан. Горон прислушался к его мнению, тем более, что он получил в это время из Лондона от проживающего там француза Шевона письмо. Шевон писал, что 24 июня 1889 года к нему в гостиницу по рекомендации живущей в Лондоне француженки, мадам Веспрэ, приехал из Парижа господин Мишель и снял для себя и своей дочери комнату. Спустя четыре дня Мишель приобрел в фирме "Цванцигер" на Истон-роуд чемодан, точно такой же, какой выставлен в парижском морге. В середине июля Мишель и его дочь уехали, взяв с собой чемодан. В тот же день Горон велел сфотографировать чемодан и послал в Лондон инспектора Сюртэ Юльера. Продавец фирмы "Цванцигер" опознал чемодан. Не может быть сомнения, он продал его 11 июня приблизительно пятидесятилетнему коротконогому французу, которого сопровождала молодая дама. Да, он хорошо помнит: у покупателя были удивительно большие руки и грубое, бородатое лицо. Горон решил поехать в Лондон, захватив остатки чемодана. 19 декабря он прибыл в английскую столицу. В знаменитом полицейском суде на Боу-стрит чемодан показали продавцу фирмы "Цванцигер" Лаутенбаху и обоим французам, мосье Шевону и мадам Веспрэ. Все утверждали, что это чемодан Мишеля. Теперь Горон заинтересовался мадам Веспрэ. Знала ли она Мишеля раньше? Откуда она его знала? Что она о нем знала? Почему в Лондоне он обратился именно к ней?

По всей видимости, мадам Веспрэ имела основания бояться полиции. Во всяком случае, она рассказала все, что знала о Мишеле и его дочери. Девушка? Девушку она плохо знала. Но наверняка она не дочь Мишеля, а его подружка. Ее имя — Габриелла Бомпар. А Мишель? Его она знала несколько лучше. 14 лет назад в Париже она была его любовницей. Его имя? Его настоящее имя? Француженка колебалась. Но потом она назвала его. Мишель Эйро! В этот момент, как потом сказал Горон, у него "открылись глаза на дело Гуфе". Он вспомнил пару из среды знакомых Гуфе, которая покинула Париж в день исчезновения судебного исполнителя. Это были Мишель Эйро и Габриелла Бомпар.

22 декабря Горон уже был снова в Париже, полный решимости найти убийцу. Еще до рождественских праздников он получил от своего агента подробные данные об Эйро. Эйро был авантюристом и жуликом первой руки. Несмотря на свои 56 лет, уродливые черты

лица и прикрытую париком лысину, до своего исчезновения он пользовался большим успехом у женщин. История его жизни? Он родом из Сент-Этьена, но с детских лет жил со своими родителями в Испании, поэтому свободно говорил по-испански. Изучал красильное дело, но, убежав от мастера, отправился в Мексику с французским экспедиционным корпусом и дезертировал. После амнистии 1869 года отважился вернуться во Францию, женился на зажиточной женщине, растранжирил ее деньги, бросил жену, детей и уехал в Южную Америку. В 1882 году вновь появился во Франции, приобрел винный завод, но вскоре обанкротился. Потом он стал совладельцем одной фирмы, которая в июле 1889 года также была на грани банкротства. С лета 1888 года Габриелла Бомпар была его любовницей, уличная девка, дочь ремесленника из Мили, убежавшая из дому и утверждавшая, что еще ребенком была изнасилована.

Горон уже представлял себе картину преступления. Эйро, видимо, был знаком с Гуфе, так как последний в качестве судебного исполнителя мог принимать участие в ликвидации обанкротившегося винного завода. Наверняка Эйро было известно и то, что дела Гуфе процветают, и то, что он неравнодушен к молоденьким женщинам. Возможно, своей любовнице Габриелле он поручил роль приманки? Снял меблированную квартиру и велел Габриелле заманить туда Гуфе? Убил Гуфе в надежде завладеть ключами от сейфа? Запаковал труп в чемодан тут же или пришел к этой идее после неудачи с сейфом? Когда он решил отправить чемодан в Лион и выбросить его на берегу Роны? Вопросы за вопросами! Но Горон был уверен, что ответы на них он найдет. На Габриеллу Бомпар и Эйро был объявлен розыск по их фотографиям. Уже в начале января 1890 года у Горона в руках было все, что касалось Эйро. Инспектор Гарэ посетил бывшую жену Эйро, Лауру Буржуа, и нашел у нее несколько фотокарточек мужа. Горон послал письма во все французские посольства, представительства и консульства по эту и ту сторону Атлантического океана, вложив в письма фото и описание Эйро, а также просьбу о содействии в его розыске, обращенную к полиции стран Европы, Северной и Южной Америки. Французские, а вскоре английские и американские газеты опубликовали новые сообщения о захватывающем розыске Эйро.

Утром 16 января на стол Горона положили письмо, отправленное из Нью-Йорка 8 января. Прочитав имя отправителя, Горон вначале не поверил своим глазам. Он сравнил почерк письма с почерком на бумагах Эйро, которые были найдены в его квартире, и убедился, что письмо написано им. Эйро в письме на двадцати страницах возмущенно писал о том, что его во всем мире обвиняют в убийстве. Он бежал из Парижа из-за финансовых неурядиц, Габриелла Бомпар разорила его. Что же касается Гуфе, то он, Эйро, всегда был его другом. Если кто и мог убить Гуфе, то это Габриелла Бомпар. "Она могла, — так писал Эйро, — заставить одного из своих многочисленных любовников сделать это!" Горон еще раздумывал и пытался найти

мотивы, побудившие Эйро написать такое предательское письмо, как вдруг 18 и 20 января из Нью-Йорка прибыли от Эйро еще два послания. Однако самый большой сюрприз его ожидал 22 января, когда ему доложили: "Вас в приемной дожидается посетительница. Ее имя Габриелла Бомпар".

Разыскиваемая предстала перед ним такой, какой ее и описывали: маленькая, нежная, элегантная. И только лицо двадцатилетней женщины носило следы бурной жизни. "Чувственностью и испорченностью проникнуто все это существо", — так характеризовал ее Горон. Габриелла Бомпар пришла в сопровождении американца, "ярко выраженного представителя светских кругов", который назвался Джорджем Геранджером и тотчас стал рассказывать. Горон узнал, что во время деловой поездки в Ванкувер Геранджер познакомился с французским коммерсантом по имени Ванаэр, которого сопровождала его дочь Берта. Страстно влюбившись в Берту, Геранджер стал ее любовником. Вместе с Ванаэром он основал фирму и с восторгом согласился сопровождать его дочь в Париж. В пути Геранджер узнал, что Ванаэр не кто иной, как разыскиваемый Эйро, и что последний использовал его поездку для того, чтобы ликвидировать их фирму и скрыться с деньгами. Конечно, он также узнал, что Берта — это Габриелла Бомпар. Но он любит ее и верит, что она лишь жертва Эйро. Эйро — жулик и убийца. Это Эйро убил Гуфе, а ее использовал как приманку для судебного исполнителя. На улице Тронсон-Дюкудрэй в Париже он снял для нее маленькую квартирку. Туда 26 июля она пригласила Гуфе на любовное свидание. А почему бы и нет? Гуфе был не первым, кому она отдавалась по приказу Эйро ради денег, когда у него не было больше ни цента. Так почему бы не Гуфе? Но в назначенный для свидания день Эйро сообщил ей, что Гуфе занят и свидание не состоится. Когда она поздно вечером вернулась домой, то вместо Эйро застала там какого-то рыжего мужчину, который надел свой пиджак и молча исчез. Лондонский чемодан стоял в углу спальни. На следующий день Эйро предложил ей съездить на юг. Чемодан отвезли на вокзал. В Лионе Эйро взял напрокат экипаж, которым он правил сам, и они поехали в сторону Миллери. Там снова появился рыжий и взял чемодан. Эйро говорил о крупных сделках и отправился с ней в Америку. Американец был уверен в невиновности Габриеллы Бомпар. Сейчас же по прибытии в Париж он уговорил ее явиться в полицию и положить конец ложным подозрениям. Габриелла Бомпар кивала головой, подтверждая каждое его слово. "Очевидно, — докладывал Горон, — она уверена, что я такой же легковерный, как и ее любовник".

Однако Горон иначе представлял себе случившееся. По его мнению, в Америке Габриелла Бомпар поняла, что настало время расстаться с Эйро и спасать свою шкуру. Она использовала американца, чтобы ее "признание" имело более правдоподобный вид. Эйро же тем временем написал свои письма, чтобы предупредить это "признание". На глазах растерявшегося американца Габ-

риелла Бомпар была арестована и водворена в следственную тюрьму, которую в шутку называли "знаменитая харчевня Горона". Там Горон морил ее голодом, допрашивал день и ночь и подсаживал в ее камеру своих шпионов. Он повел ее на улицу Тронсон-Дюкудрэй, и хозяйка дома ее сразу же узнала. Она помнила день 26 июля и утверждала, что Габриелла в тот день возвратилась домой рано. Она вспомнила и о большом чемодане, и о мужчине, похожем на Гуфе, которому открывала дверь. Горон также узнал, что 25 июля Габриелла посетила соседнего кузнеца и поручила ему обить чемодан прочными железными полосками. К началу февраля Горон постепенно добился от нее правдивых показаний. Конечно, призналась она, Эйро хотел ограбить Гуфе, и она об этом знала. Но, несмотря на это, она была лишь орудием в его руках.

Кровать в ее квартире граничила с альковом, который находился за занавеской. Эйро ввинтил в потолок алькова металлическое кольцо и пропустил через него веревку с крюком на конце. 26 июля, когда она принимала Гуфе, Эйро спрятался в алькове за занавеской. Одетая только в пеньюар, подпоясанный шелковым шнуром, она легла на кровать к трепетавшему от страсти Гуфе. Заигрывая, она развязала шнур и обвила им шею Гуфе. В этот момент Эйро закрепил концы шнура на веревке и потянул за нее. Гуфе стал вырываться и кричать. Тогда Эйро задушил его руками. Так и предполагал Лакассань. Затем Эйро завернул труп в клеенку, перевязал и засунул в чемодан. Не в состоянии якобы от потрясения двинуться с места, Габриелла несколько часов провела в комнате рядом с трупом, пока Эйро обшаривал сейф Гуфе. Возвратился он злой из-за неудачи, избил ее и сразу же после этого, "потеряв стыд, в нескольких метрах от убитого" овладел ею. Затем они отвезли чемодан на вокзал и поехали в Лион, в Миллери. Оставили труп на берегу реки, а потом бросили и разломанный чемодан. Вот и вся история. Горон несколько раз ездил с Габриеллой на улицу Тронсон-Дюкудрэй, где действительно обнаружил в балке потолка железное кольцо и части веревки, которой пользовался Эйро.

Со времени ареста Габриеллы Бомпар весь Париж находился в лихорадочном состоянии. Дом на улице Тронсон-Дюкудрэй, где произошло убийство, посещали целыми семьями. Когда следователь Допфер 7 февраля послал арестованную под охраной двух инспекторов в Лион для осмотра местности, лишь кавалерия сдержала натиск желавших взглянуть на преступницу. Были даже люди, которые под влиянием извращенного восхищения убийцей бросали ей цветы. К 10 февраля Горон больше не сомневался, что вся история с убийством Гуфе ему известна. Разве что одна деталь. Он был убежден, что Габриелла Бомпар была активным участником убийства, а не играла роль жертвы, принужденной к соучастию.

Снова Горон разослал во все французские посольства запросы о розыске Эйро по ту сторону Атлантического океана. Запросы еще были в пути, когда Эйро снова дал о себе знать. Признания Габриеллы Бомпар вынудили его послать в "Л'Интрансижан" свое объяс-

нение случившегося. "Л'Интрансижан" опубликовала эти материалы. Написанные отвратительным французским языком, продиктованные чувством мести, сообщения Эйро перекладывали всю вину на Габриеллу Бомпар и ее таинственного любовника. В дни, когда "Л'Интрансижан" публиковала части послания Эйро, он был замечен одним французом в Гаване. 20 мая полиция Кубы арестовала его, когда он выходил из публичного дома. 24 мая Судэ и Гайар уже плыли на пароходе "Ла Бургонь" в Гавану, чтобы доставить Эйро в Париж. Когда 30 июня пароход "Лафайет", на котором инспектора привезли арестованного, причалил к берегам Франции, его встречала огромная толпа зевак. Один из них принес с собой попугая, который беспрерывно выкрикивал имя Эйро. Журналисты висели на ступеньках поезда, доставлявшего Эйро в Париж. В тот же день дошлые пройдохи сняли дом на улице Тронсон-Дюкудрэй, чтобы заработать деньги на демонстрации комнаты, где произошло убийство. Все вместе взятое было проявлением жажды сенсаций, самых низменных инстинктов.

16 декабря 1890 года наконец начался последний акт этой трагедии — процесс над Эйро и Бомпар. Положение Эйро с первой же минуты было безнадежным. Габриелла же разыгрывала роль "невинно пострадавшей". Ее защитник, адвокат Генри Роберт, использовал заявление обвиняемой, что, еще будучи ребенком, она была изнасилована под гипнозом, и представлял ее жертвой гипноза и на этот раз. Это вызвало спор, решение которого возложили на специальную область медицины — невропатологию. Был поставлен вопрос: можно ли загипнотизировать человека, чтобы он совершил убийство? Невропатологи и гипнотизеры, приглашенные в суд, внесли еще один мистический элемент в заключительный акт этой драмы. 20 декабря спектакль кончился. Пробило девять часов вечера, когда председатель суда провозгласил приговор: "Смертная казнь для Эйро, 20 лет принудительных работ для Габриеллы Бомпар". Спустя десять недель, 2 февраля 1891 года, Эйро был казнен. А в это время торговцы продавали на бульварах маленькие чемоданчики, в которых лежал оловянный труп. На каждом было написано: "Афера Гуфе".

5. Фальсифицированное обвинение еврейской общины в убийстве христианской девочки в Тисаэслар

Дело Гуфе заставило общественность обратить внимание на судебную медицину и оценить значение новой науки. Но это было не единственное дело, способствовавшее ее развитию и признанию. Еще в 1882 году в Австро-Венгрии имел место сенсационный процесс, в котором судебной медицине была отведена важная роль.

Ареной событий стала маленькая венгерская деревушка Тисаэслар в районе Соболч, расположенная на берегу Тисы, неподалеку от Ньекладхазы. Тисаэслар состояла из трех хуторов: Уйфалу — "но-

вая деревня", Торфалу — "словацкая деревня" и Офалу — "старая деревня". Здесь жили католики, православные и евреи.

На Пасху, 1 апреля 1882 года, четырнадцатилетняя служанка Эстер Шоймоши отправилась из Уйфалу в Торфалу к купцу Кольмайеру за краской. Эстер купила краску и на обратном пути встретилась со своей старшей сестрой Софьей. Но домой она больше не вернулась. Ее мать, родственники и хозяйка искали девочку до позднего вечера, но безрезультатно. Когда заплаканная мать Эстер пробегала мимо синагоги, ей встретился служитель синагоги Иосиф Шарф с супругой. Шарф, желая ее успокоить, сказал, что девочка, мол, обязательно найдется, что несколько лет назад в деревне Нанаш тоже исчез ребенок. Обвиняли евреев, будто они убили ребенка, а он просто заблудился и вскоре вернулся домой здоровым и невредимым.

Когда же Эстер не обнаружили и через неделю, комисср Речки из Надьфалу предпринял розыск во всем районе. Безрезультатно. В начале мая по деревне поползли первые слухи, распространившиеся вскоре как ураган по всей округе. Пятилетний сын служителя синагоги Самуил Шарф якобы рассказал: "Папа зазвал Эстер в дом, помыл ее и отвел в синагогу, где ее убили. Мы с братом Морицем выдели собранную в блюдце кровь". Установить, как появились эти слухи, не удалось. Область, в которую входила Тисаэслар, представлял в рейхстаге оголтелый антисемит Оноди. Он травил евреев, как только мог, не останавливаясь ни перед чем. Чтобы иметь "основание" для еврейских погромов, он распространил выдуманную в средневековье историю о ритуальных убийствах. Якобы евреям для богослужения необходима кровь христиан, и они убивают детей, чтобы замесить на крови тесто для мацы.

Мать пропавшей девочки позднее вспомнила, как Иосиф Шарф 1 апреля рассказал ей о ребенке из Нанаш, в исчезновении которого обвинили евреев. В ограниченном, мнительном существе зародилось подозрение: должно быть, у Шафера не чиста совесть, что он заговорил с ней об этом. Она рассказала о Шарфе комиссару Речки. Тот в свою очередь доложил Оноди, который посоветовал нескольким жителям Тисаэслар поручить своим детям расспросить Самуила Шарфа, заманить пятилетнего ребенка сладостями и внушить ему слова, смысл которых малыш не мог постичь.

19 мая в Тисаэслар появились из Ньекладхазы следователь Бари с секретарем Пицели, комиссары безопасности Речки, Пай и несколько конных полицейских, чтобы учинить расследование по делу Иосифа Шарфа. Бари был ограниченным неудержимым карьеристом и приспешником Оноди. Он прибыл в Тисаэслар с твердым убеждением, что Эстер Шоймоши убили евреи и что его задача — заставить их признаться в этом. Он допросил маленького Самуила Шарфа и запротоколировал высказывания, которые тот якобы, а может быть и в самом деле, сделал благодаря своей детской фантазии.

Истории, рассказанные ребенком, были так противоречивы, что в них трудно было разобраться. Но это не смутило Бари. Он велел привести Иосифа Шарфа и его четырнадцатилетнего сына Морица в так называемый Каллайский замок, где расположились приехавшие.

Иосиф Шарф, образованный человек, объяснил рассказы Самуила как результат специально инспирированной фантазии ребенка. Мориц тоже утверждал, что никогда не был свидетелем изображенных его братом событий. Но Бари обладал интуицией, позволявшей ему определять слабости людей, что, впрочем, характерно для многих недалеких людей. Он почувствовал, что Мориц имеет неустойчивый, поддающийся влиянию психопатический характер. 21 мая он передал Морица секретарю Пицели и комиссару Речки, которые увезли парня в Ньекладхазу, чтобы там добиться от него "необходимых признаний". По дороге они остановились переночевать в доме Речки в Надьфалу, где заперли Морица в темный сарай и пригрозили, что он до конца своих дней останется в этом сарае, если не признается, что был свидетелем убийства Эстер Шоймоши. К полночи они так избили Морица, что он был готов дать любые показания. Служанка Речки все это видела и рассказала соседям, за что ее по приказу хозяина полицейские пороли до тех пор, пока она не поклялась никогда ничего не говорить о ночи с 21 на 22 мая.

Пицели в ту же ночь сообщил в Тисаэслар следователю Бари о признании Морица Шарфа, и последний, приехав на рассвете, запротоколировал показания Морица. Протокол гласил: "Мой отец, служитель синагоги, позвал Эстер Шоймоши с улицы в наш дом. Живущий в нашем доме нищий еврей Вольнео отвел ее в синагогу, положил ее на пол и раздел до рубашки. Кроме моего отца и Вольнера, там были также мясник Шварц, Буксбаум и Браун, а потом пришли Адольф Юнгер, Авраам Браун, Самуил Люстиг, Лазарь Вайсштайн и Эммануил Тауб. Браун и Буксбаум крепко держали Эстер, а мясник Шварц ножом перерезал ей горло. Кровь собрали в кастрюльку. Я подглядывал в замочную скважину, и мне было все видно... Эстер Шоймоши, которую я хорошо знал, несла краску в старом желтом платочке... Мой брат Самуил ничего не видел. Я ему уже потом все рассказал..."

Бари так глубоко верил в существование еврейского кровавого ритуала, что нисколько не сомневался в правдоподобности описанной Морицем картины. Он велел доставить мальчика в Ньекладхазу и поместить его в доме охранника местной тюрьмы Хантера. Хантеру поручили охранять Морица от общения с людьми и напоминать ему ежедневно, что он тотчас попадет в тюрьму, если вздумает отказаться от своих показаний. Затем Бари арестовал всех упомянутых Морицем граждан еврейского происхождения. Все они без исключения клялись, что ни о чем подобном не имеют ни малейшего представления. Шварц, Буксбаум и Браун пришли 31 марта в Тисаэслар, потому что претендовали на освободившееся место шахтера. 1 апреля они присутствовали на богослужении, длившемся до

10 часов, и, покинув синагогу, больше туда не возвращались. Вольнер же был нищим, который случайно 31 марта нашел приют в доме Шарфа. После богослужения он ушел. Иосиф Шарф тоже присутствовал на богослужении, а потом отправился домой. Там он пообедал с тремя своими детьми, среди которых находились также Самуил и Мориц. После богослужения он лично запер синагогу, и больше туда никто не входил. Шарф не верил, что Мориц мог дать такие показания. Он упорно отрицал предъявленные ему обвинения. Все другие арестованные также утверждали, что покинули синагогу сразу после богослужения, то есть в то время, когда Эстер Шоймоши была еще в пути по направлению к Торфалу. Показания арестованных засвидетельствовали члены их семей.

Первые же сообщения из Тисаэслар попали на благоприятную почву распространенного в Австро-Венгрии антисемитизма. Газеты пестрели сообщениями и комментариями. Над евреями издевались, их дома грабили, слуги-христиане покидали еврейские дома из страха быть убитыми. Бари получил уйму писем, в которых выражалось восхищение его действиями. Неизвестные лица посылали ему даже рецепты, по которым евреи якобы замешивают тесто на крови молодых христианок. Бари приобщил эти рецепты к делу. Отряды полиции обыскали все синагоги в поисках трупа Эстер Шоймоши, взломали подвалы в домах арестованных и разломали даже винные бочки.

Но 18 июня 1882 года произошло событие, которое превзошло по своей сенсационности все, что уже было известно. Утром в этот жаркий июньский день пастух из деревни Тисадада обнаружил в реке Тисе женский труп, в левой руке которого был зажат платок с голубоватой краской. Пастух знал, что Эстер Шоймоши в день ее исчезновения покупала краску. С быстротой молнии распространилось сообщение, что найден труп Эстер и что на шее у нее нет никакого пореза.

Бари поспешил в Тисадада. Если это действительно Эстер Шоймоши и на ее шее нет ранений, то все здание его обвинения рассыплется как карточный домик. Он велел привести в Тисадада мать девочки, их соседей и родственников. Мать Эстер подтвердила, что на трупе такое же платье, какое носила Эстер. Но, к великому счастью Бари, она заявила, что это не ее дочь. Некоторые соседи выразили свое согласие с ее мнением. Другие же утверждали, что это Эстер и никто другой. Утром 19 июня на место обнаружения трупа прибыли хирурги Трайтлер и Киш, а также будущий медик Хорват. Им поручили установить, является ли утопленница девочкой четырнадцати лет и мог ли труп находиться в воде с 1 апреля, то есть со дня исчезновения Эстер.

Трайтлер и Киш были сельскими врачами, которым лишь несколько раз приходилось производить вскрытие трупов. А Хорват вообще еще не окончил учебу. 20 июня они составили протокол вскрытия, в котором констатировали следующее: 1. Утопленница была в возрасте восемнадцати или двадцати лет. Это доказано об-

щим развитием тела, состоянием зубов и тем, что венечный шов лобной кости черепа уже зарос. 2. Половые органы свидетельствуют о том, что женщина жила половой жизнью. 3. "Найденная" умерла не более 10 дней назад. Ее кожа бела и не имеет следов разложения. Внутренности хорошо сохранились. 4. Сердце и вены умершей абсолютно обескровлены. Смерть наступила от малокровия. 5. Кожа очень нежная. Особенно кожа рук и ног, ногти чистые. Умершая никогда не ходила босиком и не выполняла тяжелой работы.

Все это доказывало, что найден труп не Эстер Шоймоши. Эстер было 14 лет, она не страдала малокровием, не жила половой жизнью, была загорелой, ходила босиком и имела привыкшие к тяжелой работе руки. Кроме того, она исчезла не 10 дней назад, а больше двух с половиной месяцев. Во всем этом Бари нашел подтверждение правильности своих действий. Но он на этом не успокоился. Его злобное и ненавистное отношение к евреям натолкнуло его на мысль о связи факта по обнаружению трупа, выловленного из Тисы, с евреями из деревни Тисаэслар. Тот факт, что на трупе было платье, как у Эстер, а в руке платок с краской, дал ему повод предположить, что друзья арестованных "костюмировали" какой-то труп, чтобы создать впечатление, будто Эстер утонула, и тем самым спасти своих единоверцев от обвинения в убийстве. За эту идею он ухватился, когда получил анонимное письмо, в котором сплавщик на Тисе еврей Смилович обвинялся в том, что он участвовал в подмене трупа. Анонимщик писал, что подмену трупа придумал Амзель Фогель из Тисаэслар. Потом два неизвестных еврея привезли труп на телеге в Тисамартон и передали его Смиловичу. А Давид Хершко переправил его на своем плоту в Тисаэслар. Тут какая-то еврейка принесла платье, как у Эстер, и мешочек с краской. Христианин Игнац Мати продался евреям и помогал им переодевать труп.

Бари арестовал Фогеля, Смиловича и Хершко и доставил их в Каллайский замок. Они отрицали свою вину. Тогда комиссар Пай заставил Фогеля пить литрами холодную воду, пока тот не взвыл от боли, а затем гнал его перед лошадью до тех пор, пока тот не потерял сознание. В конце концов он признался во всем, чего от него хотели. Смилович из страха перед пытками тоже признался. Так как он не был в состоянии назвать имена двух евреев, которые якобы привезли ему труп в Тисамартон, то Бари приказал перед зданием общинного правления выстроить всех евреев деревни Тисаэслар и потребовал, чтобы Смилович нашел среди них тех двух. Дрожа от страха, Смилович указал на первых попавшихся двух человек в начале строя. Ими оказались Мартин Гросс и Игнац Клайн. Обоих били и заставляли пить воду, пока они не закричали: "Приказывайте, что я должен сказать. Я все скажу..." Хершко под пытками был вынужден подписать протокол, составленный на венгерском языке, который ему был непонятен. Христианин Мати был единственным, кого не арестовывали, но его при допросе били палками по пяткам до тех пор, пока он не признался, что знал обо всем.

Все это стало известно общественности и вызвало возмущение и жаркие споры далеко за пределами Австро-Венгрии. Дело Тисаэслар стало темой парламентских дебатов в Будапеште и Вене. Прокуратура Будапешта была вынуждена начать новое расследование по делу и поручила его прокурору Сцайферту. Несколько известнейших венгерских адвокатов предложили свои услуги в качестве защитников арестованных, среди них был депутат рейхстага Карл фон Ётвёш.

Когда в октябре 1882 года Ётвёш ознакомился с материалами дела и поговорил с несколькими заключенными, он убедился, что обвинение не располагает ни одним доказательством "убийства в синагоге", что все дело сфабриковано на основании слухов. Что представлял собой главный свидетель обвинения Мориц, этот не заслуживающий доверия психически неполноценный ребенок, которому внушили его показания? Что значили имевшиеся признания? Ничего. Каждый обвиняемый откажется от них, как только его перестанут подвергать пыткам. Особое внимание Ётвёша привлек труп, извлеченный из Тисы. Он прочитал протокол, составленный Трайтлером, Кишем и Хорватом. Так как ему приходилось участвовать во многих судебных процессах, то он был знаком с пионерами венгерской судебной медицины, обучавшимися в Париже. Это были Айтай и Белки. Ётвёш бывал также в Вене и был свидетелем зарождения там венской школы судебной медицины профессора Эдуарда Гофманна. Гофманн обратил на себя внимание, сумев идентифицировать по зубам и особенностям скелета совершенно обгоревшие трупы многих мужчин и женщин, ставших жертвами пожара в театре. Итак, Ётвёш имел представление о работе судебных медиков. Изучая протокол вскрытия, он не мог отделаться от впечатления, что вскрытие проведено неквалифицированно. Ну а если хирурги ошибались и это труп Эстер Шоймоши? Что тогда остается от обвинительного акта?

Ётвёш привлек к себе в помощь профессора судебной медицины из Будапешта Йоганна Белки. Так как Белки был молодым (ему исполнилось лишь тридцать два года), то Ётвёш считал необходимым пригласить еще двух опытных патологов, которые, не будучи судебными медиками, своим авторитетом могли бы придать солидность и убедительность выводам обследования. 3 ноября 1882 года Ётвёш предложил Бари эксгумировать труп для повторного вскрытия и обследования профессором из Будапешта. Бари отклонил это предложение. И тут неожиданно Ётвёшу на помощь пришел прокурор Сцайферт, поддержавший его требование. Ётвёш и не подозревал, что в процессе ознакомления с материалами дела Сцайферт тоже пришел к выводу, что они не содержат оснований для обвинения. 3 декабря 1882 года профессора Шойтхауер, Микалкович и Белки получили задание эксгумировать труп и еще раз проверить, не идентична ли утонувшая Эстер Шоймоши. Спустя четыре недели прокурор и судья получили их заключение, в котором было зафиксировано следующее: 1. Найденная ни в коем случае не может быть старше четырнадцати-пятнадцати лет. 2. Она могла находиться в

воде Тисы два-три месяца. 3. Хирурги Трайтлер и Киш, а также студент Хорват стали жертвой незнания, каким изменениям подвергается кожа утопленника, когда утверждали, что утонувшая никогда не ходила босиком. 4. Не может быть и речи о том, что девушка жила половой жизнью. 5. Вполне вероятно, что это Эстер Шоймоши. Кроме Эстер, во всем районе не известны случаи исчезновения людей. Этот факт лишний раз подтверждает, что потерпевшая не кто иная, как Эстер, которая при неизвестных обстоятельствах могла стать жертвой несчастного случая и упасть в реку.

Бари отказался приобщить к делу заключения будапештских врачей. Тогда в мае 1883 года Ётвёш решил привлечь для обследования трупа из Тисы самый крупный авторитет в судебной медицине Австрии, венского профессора Эдуарда фон Гофманна.

6. Экспертиза профессора Гофманна из Вены

Эдуарду фон Гофманну было в то время сорок пять лет. Это был коренастый, энергичный человек. Если Австро-Венгрия в конце XIX столетия слыла второй родиной судебной медицины после Франции, то это была заслуга в первую очередь Гофманна. Выросший в чешской части Австро-Венгерской монархии, в Праге, он был учеником местных пионеров судебной медицины, Машка и Попеля, и с 1865 года преподавал судебно-медицинскую патологию в немецком и чешском университетах города. В 1869 году, тридцати лет от роду, он был приглашен в Инсбрук в качестве профессора государственной медицины. Там он имел очень примитивные условия для работы: ни своего инструмента, ни даже собственного учебного помещения.

В Инсбруке Гофманн сдержанно, но настойчиво стал "бороться с ошибочным мнением, что хорошего знания медицины вполне достаточно для того, чтобы справиться с задачами криминалистического обследования". За шесть лет он создал фундамент, на котором его ученики Краттер, Диттрих, Ипсен, Майкснер создали Инсбрукскому университету славу одного из важнейших учебных заведений судебной медицины в Австрии.

Когда в 1875 году Гофманн в качестве профессора судебной медицины переехал в Вену, так называемая Учебная канцелярия судебной медицины, знаменитая в первой половине столетия, находилась в абсолютно запущенном состоянии. В борьбе с венскими патологами он отвоевал для Института судебной медицины право вскрывать все трупы в целях судебного расследования, а также право на вскрытие трупов при неустановленных причинах смерти в целях санитарно-полицейского надзора.

Когда он в июне 1883 года взял на себя проведение экспертизы по делу Тисаэслар, рядом с моргом общественной больницы уже строилось здание с большим учебным залом для судебной медици-

ны, которому через несколько лет суждено было стать своего рода Меккой для огромного числа студентов из Европы и всего мира.

Гофманн был деловым, сухим человеком, лекции его содержали одни факты и были поэтому несколько монотонными. Никто не заметил его волнения, когда он 19 и 20 июня читал заключение врачей Трайтлера, Киша и студента Хорвата. Оно содержало в себе как раз то, с чем он боролся уже полтора десятка лет: ошибочное мнение, что любой врач в состоянии проводить судебно-медицинские экспертизы. Это заключение было такой страшной ошибкой, что должно было бы служить предостережением для каждого прокурора и судьи. Гофманн находился в затруднительном положении, ведь ему приходилось судить о том, чего он не видел сам лично. Надежными данными были лишь протоколы будапештских врачей, составленные тщательно и со знанием дела. Но ошибки врачей из Тисадада были столь грубыми, а незнание предмета столь очевидным, что Гофманн мог оценить их, не производя личного осмотра трупа. Его опыта работы в Праге и Вене по вскрытию утопленников было достаточно, чтобы иметь возможность доказать, что заключение врачей из Тисадада является сплошным заблуждением, сплошной ошибкой и свидетельствует о полном отсутствии у этих врачей каких бы то ни было знаний судебной медицины.

Например, вопрос о возрасте утонувшей. Хирурги из Тисадада определили возраст по "общему впечатлению", основываясь на поверхностной оценке зубов и окостенении шва лобной кости черепа. Гофманн, так же как и Лакассань, мало был осведомлен о возрастных изменениях скелета. Это дело будущего развития судебной медицины. Но опыт, которым он обладал, был по тем временам наивысшим достижением. Если врачи констатировали, что окостенение шва лобной кости умершей является доказательством ее более зрелого возраста, то это свидетельствовало лишь об их необразованности. Было уже тысячу раз доказано, что шов лобной кости человека срастается ко второму году жизни. При повторном обследовании состояния зубов профессорами из Будапешта было констатировано, что зубы были все, за исключением зубов мудрости. Коренные зубы, которые появляются к двенадцати-тринадцати годам, были полностью развиты. Значит, погибшая была старше этих лет. Но так как зубы мудрости обычно развиваются к шестнадцати-семнадцати годам, а в данном случае они отсутствовали, то можно предположить, что она еще не достигла этого возраста, то есть ей было от двенадцати до семнадцати лет. Гофманн, однако, не ограничился при определении возраста пострадавшей только состоянием зубов. Он использовал также подробное описание всего скелета, сделанное профессором Белки. Врачам из Тисадада вообще не пришло в голову заняться скелетом. Согласно имеющимся данным, в детских хрящевидных лопатках только к четырнадцати годам появляются окостенения. Их не было в трупе из Тисы. Три тазовые кости также срастаются лишь к шестнадцати-восемнадцати годам. У погибшей этого не наблюдалось. Много других мелких признаков

развития скелета доказывали, что пострадавшая была скорее тринадцати, чем восемнадцати лет. Гофманн пришел к выводу, что труп, выловленный в Тисе, принадлежит молодой девушке в возрасте Эстер Шоймоши.

По утверждению врачей из Тисадада, тело находилось в воде не больше десяти дней. Гофманну не раз приходилось иметь дело с трупами, пробывшими в воде по нескольку недель и месяцев и сохранившими поразительную свежесть. Это имело место не с теми трупами, которые вскоре всплывали, а с теми, что из-за каких-то препятствий долгое время находились под водой. В то время как трупы, плавающие на поверхности, подвергаются разлагающему влиянию воздуха, с трупами, находящимися под водой, особенно если это холодная, проточная вода, такого явления не наблюдается. Вода предохраняет внутренние органы трупа от разложения. Она отбеливает кожу, верхний слой которой отделяется от нижнего. Через несколько недель верхний слой кожи на руках и ногах слезает вместе с ногтями. Из оголенного нижнего слоя кожи сочится кровь, и тело становится обескровленным.

Все эти естественные процессы сбили с толку врачей из Тисадада. Из "свежести" трупа они сделали вывод, что смерть наступила несколько дней назад. Отсутствие крови в теле погибшей дало им повод утверждать, что смерть наступила от малокровия. Самым примечательным было их утверждение, что погибшая никогда не занималась физическим трудом, не ходила босиком, что такая кожа на руках и ногах, а также холеные ногти могли принадлежать только даме из общества. Ногтевое ложе, на котором уже не было ногтей, они приняли за холеные ногти. Профессора из Будапешта не обнаружили ногтей ни на ногах, ни на руках трупа. В конце своего заключения Гофманн написал: "Судебная медицина имеет свои тайны. Их приходится исследовать и распознавать. События в Тисадада кажутся мне ярким примером того, какими непоправимыми ошибками грозит широко распространенное пренебрежение к необходимости специальных знаний..."

Когда в июле 1883 года Гофманн передал Карлу фон Ётвёшу окончательное заключение экспертизы, он не решился утверждать, что труп, выловленный из Тисы, это Эстер Шоймоши. Он только констатировал, что здесь речь идет о девушке в возрасте Эстер и что труп несколько месяцев пробыл в Тисе. К этому времени суд по делу Тисаэслар уже начался.

Судебный зал в Ньекладхазе превратился в место борьбы между разумом и ненавистью, за объективный приговор против невежества. Были разоблачены методы расследования Бари. Секретарь Пицели оказался бывшим убийцей и каторжником. Уже никто не сомневался, что Мориса Шарфа принудили дать ложные показания. Ни предубеждение и беспринципность президента суда Корниса, ни рев возмущенных зрителей, ни беспрецедентные выпады депутата Оноди против прокурора Сцайферта не смогли помешать установлению того, что дело сфабриковано с помощью слухов, лжи

и шантажа. Они не смогли помешать также тому, чтобы профессора из Будапешта, заключение которых не вошло в материалы дела, выступали на суде в качестве свидетелей, а Ётвёш имел на руках еще и выводы Гофманна по их судебно-медицинской экспертизе. Выводы Гофманна были заключительным аккордом в семичасовой защитной речи Карла фон Ётвёша, содержащей неопровержимые доказательства невиновности подсудимых. 3 августа 1883 года суд освободил всех обвиняемых.

Гофманн радостно приветствовал решение суда, но для него важным был тот факт, что события в Тисаэслар доказали общественности правильность цели его борьбы и утверждения, что врачу, делающему судебно-медицинские заключения, необходимы специальные знания. Гофманн, без устали работавший всю свою жизнь, умер летом 1897 года в возрасте шестидесяти лет. Смерть пришла слишком рано. Гофманн так и не добился отделения судебной медицины от общей медицины и патологии. Ученик Гофманна Альбин Хаберда казался руководству Венского университета слишком молодым, чтобы занять его пост. На его место назначили патолога Колиско и тем самым свели на нет все, чего с таким трудом сумел добиться Гофманн. Это положение продолжалось до 1916 года, когда венскую школу судебной медицины возглавил Альбин Хаберда. Гофманн же остался в истории как выдающаяся личность, как отец венской судебной медицины, как символ борьбы за выделение судебной медицины в самостоятельную науку.

7. Кровь человека или животного?

"Особый интерес представляет то, что мне удалось диагностировать человеческую кровь среди разведенной в физиологическом растворе сухой четырехнедельной давности крови человека, лошади и коровы при помощи моей сыворотки. Факт, который, должно быть, особенно важен для судебной м[illegible]цины..." Так сообщалось в научной работе, опубликованной в 1901 году журналом "Немецкий медицинский еженедельник", о новом методе определения наличия человеческой крови. Работа называлась "Метод определения различных видов крови и дифференциально-диагностическое доказательство наличия человеческой крови". Имя автора — Пауль Уленгут, ассистент Гигиенического института при университете в Грейфсвальде.

Работа была короткой. Но какой бы скромной она ни казалась по сравнению с газетной шумихой по делу Гуфе или Тисаэслар, в ней говорилось о величайшем открытии, имевшем место в истории судебной медицины на рубеже XIX и XX столетий.

Пионеры судебной медицины уже давно искали способ определения, являются ли кровью пятна и прочие следы, которые обнаруживались на месте преступления или на принадлежащих подозреваемому вещах. Они заметили, что высохшая или старая

кровь быстро теряет свой цвет. Из красной кровь превращается в коричневую, затем становится желто-зеленой и по виду совсем не напоминает кровь. Кровь, которая могла бы стать косвенной уликой в делах об убийствах, в покушении на убийство, в нанесении телесных повреждений, в насилии, грабеже или краже скота!

Еще в ранние годы судебной медицины предпринимались многочисленные попытки найти способ, который бы помог доказать, что совершенно неразличимые пятна являются следами крови. Но в связи с этой проблемой тотчас возникла другая. Тысячи раз в истории криминальной полиции и юстиции отмечались случаи, когда у подозреваемых и обвиняемых находили свежие, несомненно кровяные пятна, но их не могли уличить в преступлении. Каждый раз подозреваемые утверждали, что следы крови, которые, по мнению обвинения, являются кровью убитого или раненого, имеют совсем другое происхождение: это кровь животных. Как можно опровергнуть подобное утверждение? Часто такие отговорки ставили перед судебной медициной тех лет непреодолимую преграду. Она оставалась непреодолимой до тех пор, пока нельзя было отличить кровь человека от крови животного.

В тот день, 7 февраля 1901 года, когда судебные медики Германии и Австрии недоверчиво и в то же время с надеждой читали работу Уленгута в "Немецком медицинском еженедельнике", они уже умели определять наличие крови.

В 1853 году анатом Людвиг Тейхманн-Ставларский, работавший в польском городе Кракове, который в те времена принадлежал Австро-Венгрии, обратил внимание на то, что достаточно растворить засохшую кровь капелькой соленой воды с уксусом и довести до кипения, как под микроскопом можно будет обнаружить своеобразные кристаллы. Они получили название гем-кристаллов, потому что представляют собой вещество гем, которое является составной частью гемоглобина, придающего крови красный цвет. К сожалению, образование кристаллов не происходит, если речь идет о кровяных пятнах на ржавом металле или на материалах, подвергавшихся горячей обработке при температуре 140 градусов и больше. Таким образом, если кристаллы и не образовались, все же нельзя утверждать, что это не кровь. Но зато если они образовались, то можно быть уверенным, что найдена кровь. Под именем тейхманновской гемпробы открытие из Кракова уже давно было взято на вооружение всеми судебными медиками.

Спустя несколько лет, в 1861 году, голландцу ван Дину удалось разработать другой метод определения крови в давно засохших, не похожих на кровь пятнах. Он использовал способность гемоглобина связывать кислород и освобождать его. Ван Дин обнаружил в опытах со спиртовыми вытяжками западноиндийского растения гваяка, что эти вытяжки окрашиваются в синий цвет, если их смешать с превратившимся в смолу насыщенным кислородом терпентином (скипидаром) и кровью. Посинения не было при отсутствии крови. Следовательно, гемоглобин крови освобождал из терпентина кисло-

род и переносил его на гваяк. При этом достаточно было микроскопического количества крови, чтобы вызвать посинение. Даже когда ван Дин в своих опытах использовал кровь многолетней давности, совершенно выцветшую, все равно посинение наступало мгновенно. Хотя в ближайшее десятилетие было установлено, что такое же действие на раствор гваяка оказывает калий, хлор и йод, все равно проба ван Дина стала признанным методом определения наличия крови.

Еще через два года, в 1863 году, немец Шёнбайн разработал другой метод определения крови. Этим методом можно было обнаружить наличие крови даже там, где ее следы были уничтожены. Шёнбайн обратил внимание на то, что гемоглобин содержит фермент, который под действием перекиси водорода давал белую пену. Если обработать перекисью водорода подозрительные предметы или одежду подозреваемого, то на местах, где была кровь, тотчас образуется пена. Со временем выяснилось, что перекись водорода реагирует не только на кровь, но и на мокроту, слюну и иногда на ржавчину. Кроме того, слишком интенсивная обработка кровяных пятен перекисью водорода уничтожает вещественное доказательство. Но, несмотря на эти недостатки, пробе Шёнбайна придавалось особое значение. Она указывала на возможное наличие крови в следах, которые потом можно было подтвердить пробами Тейхманна и ван Дина.

Учитывая то, что кровь состоит из красных и белых кровяных телец, исследователи стали рассматривать подозрительные пятна под микроскопом в поисках красных кровяных телец, которые представляли собой своеобразные маленькие диски с углублением посредине. Чтобы их можно было увидеть в кусочках засохшей крови, нужно было развести кровь в жидкости — тогда засохшие кровяные тельца набухали. Для этой цели использовали раствор соли, буры или щелочной раствор калия. Правда, иногда процесс набухания длился несколько дней и очень старые следы невозможно было исследовать под микроскопом.

В 1859 году параллельно с микроскопическим возник новый, физический метод исследований в естествознании, который сыграл чрезвычайно большую роль в судебной медицине. Речь идет о спектральном анализе, открытом немцами Кирхофом и Бунзеном в 1859 году.

Свет, пропущенный сквозь призму, рассеивался, образуя на экране спектр, похожий на радугу от красного до фиолетового цвета. Бунзен и Кирхоф установили, что каждое излучающее свет вещество имеет свой спектр. В 1861 году эти ученые сообщили, что при помощи их спектроскопа можно с большой точностью определить трехмиллионную часть грамма соли натрия по характерной для нее желтой линии спектра. Выяснилось, что различные твердые, жидкие и газообразные вещества, если при помощи нагревания или электрического заряда заставить их излучать свет, имеют каждое свой спектр. Так стало возможным определять различные субстан-

ции по виду их спектров. Кроме спектров самосветящихся веществ, Бунзен и Кирхоф нашли так называемые спектры поглощения, которые возникали, если свет раскаленного вещества пропускали сквозь более холодное газообразное или жидкое вещество. Просвечиваемое вещество поглощало (абсорбировало) часть света, и на спектре появлялись черные полосы. Положение и вид этих полос характеризовали вид просвеченной субстанции. Наконец, выяснилось, что, кроме видимых человеческим глазом, имеются еще невидимые ультрафиолетовые и инфракрасные лучи, которые образовывали невидимые спектры по ту сторону красной и фиолетовой полос. Их можно было сделать видимыми при помощи фотографии, что имело чрезвычайное значение для идентификации незнакомых веществ.

При применении спектрального анализа растворов, содержащих кровь, выяснилось, что гемоглобин дает в спектре темные абсорбционные штрихи и полосы, которые расположены на типичных для него постоянных местах. Для проведения спектрального анализа свежую кровь достаточно добавить в соляной раствор, а старую обработать спиртом, уксусной или соляной кислотой. Растворители, конечно, вызывают определенные изменения гемоглобина, но их можно учесть. Наконец, удалось создать микроспектрограф, который можно было соединять с микроскопом, что позволяло производить анализ самых незначительных следов крови.

Так судебная медицина к концу века создала себе арсенал средств и методов для обнаружения следов крови. Попытки научиться различать кровь человека и кровь животных, что было не менее важно, оставались безуспешными. С 1829 по 1901 год прошла полоса неудачных экспериментов и горьких разочарований. Орфила, Дюма, Каттанео, Барруель, Фридберг, Мизурака, Дворниченко, Магнанини — французы, итальянцы, японцы, русские, голландцы, немцы, австрийцы — все они пытались решить проблему отличия крови человека от крови животных.

Позднее пытались достичь положительных результатов путем микроскопического исследования крови. Все млекопитающие (за исключением верблюда и ламы) имеют красные кровяные тельца в форме диска, человек тоже. Все другие позвоночные имеют красные кровяные тельца овальной формы с ядром, чего нет в крови млекопитающих и человека. Итак, если в крови были круглые кровяные тельца, то это кровь млекопитающего или человека; если овальные, то речь шла о рыбах, птицах или других позвоночных животных. Это уже было кое-что, но не все. Чтобы научиться отличать кровь человека от крови коров, лошадей, собак, свиней и других домашних животных, на следы крови которых обычно ссылаются в уголовных делах подозреваемые, попытались измерить кровяные тельца. Но это не дало результата.

Наконец, итальянец Роберто Магнанини — позднее профессор судебной медицины в Модене — разработал в 1898 году метод, основанный на спектральном анализе. В результате трудоемких опытов он установил, что гемоглобин человека и животных по-разному ве-

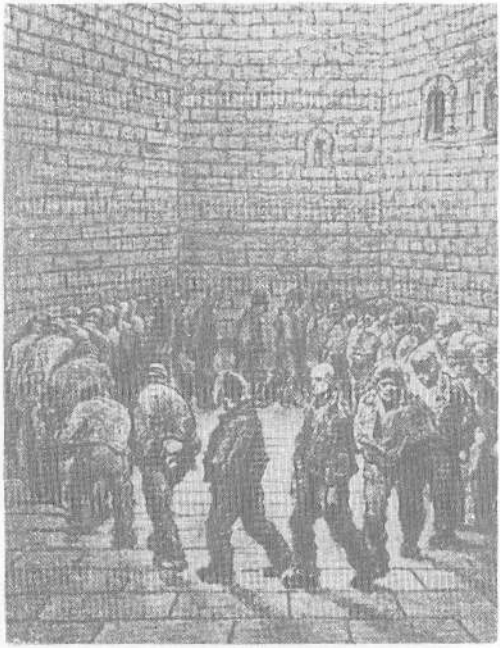
дет себя при обработке щелочным раствором калия. Под действием щелочного раствора образуется особое вещество, получившее название гематин. Оно образуется в свежей крови человека за 2 минуты, в крови собаки — за 6 минут, в крови лошади — за 31 минуту, в крови теленка — за 135 минут. Различия довольно значительные. Но метод был пригоден только для анализа свежей крови, а не ее следов. Таким образом, практически он не решал проблемы. Итак, в 1901 году судебная медицина не могла отличить кровь человека от крови животного. Когда появилась работа Пауля Уленгута о новом методе, многие читатели скептически отнеслись к ней: уж очень много было разочарований. Что может предложить Уленгут? Новая надежда — мыльный пузырь, который лопнет при первом испытании? Или, может быть, все же великое открытие, которое положит конец беспомощности века и обеспечит судебной медицине значительный прогресс?

8. Исследование сыворотки крови — решающее открытие. Пауль Уленгут

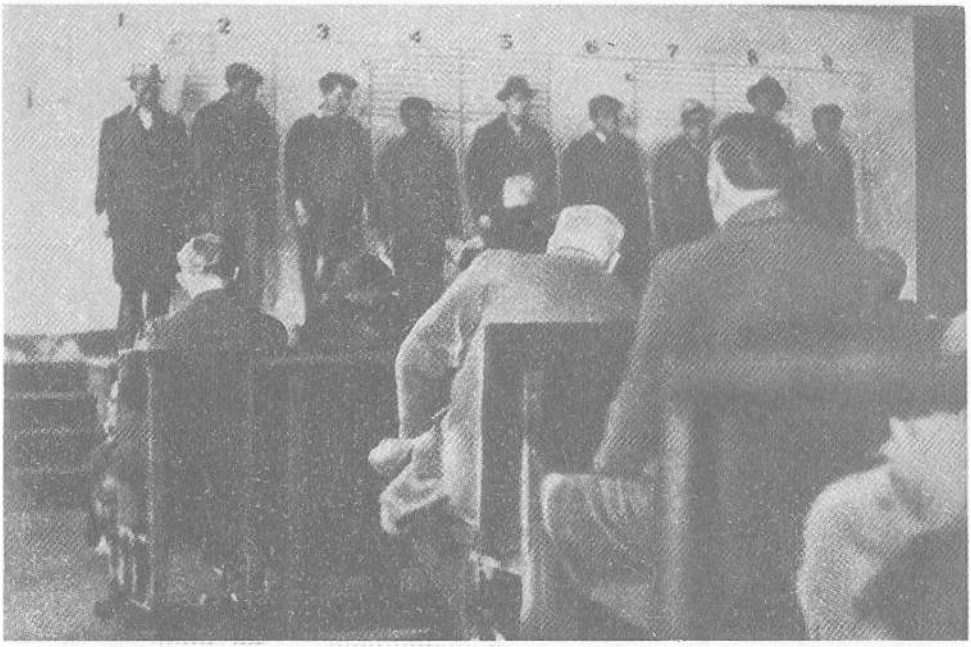
В 1901 году Паулю Уленгуту едва исполнилось тридцать лет. Как военного врача его командировали в Берлинский институт инфекционных заболеваний — знаменитый медицинский центр того времени.

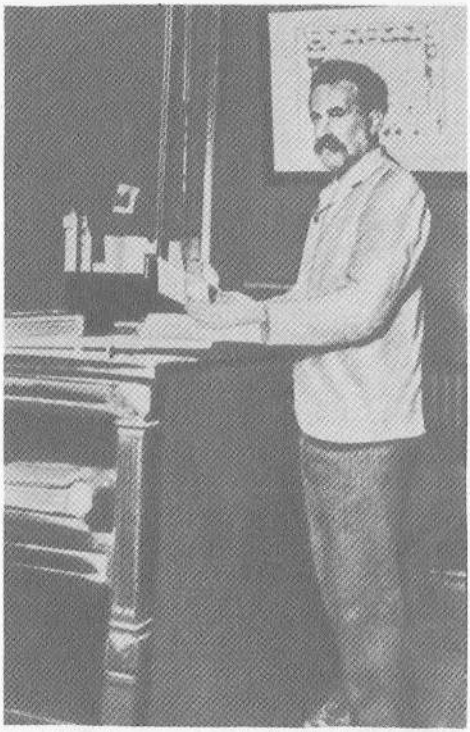
Директор Берлинского института инфекционных заболеваний Роберт Кох был всем хорошо известен. Он открыл один из возбудителей туберкулеза, чем сделал свои имя бессмертным. Будучи учеником Коха, Уленгут сделал первые шаги в исследовании таинственного мира бактерий, изучал причины распространения инфекционных заболеваний, познал удивительную способность крови оказывать сопротивление проникающим в нее зародышам болезни да и вообще чужеродным телам. В институте Коха он встретился с единственным в то время его ассистентом Фридрихом Лёфлером, открывшим впоследствии возбудителя дифтерии. Лёфлер стал профессором гигиены при университете в Грейфсвальде. В Берлине он возглавлял государственную комиссию по изучению ящура. В 1899 году Лёфлер приглашал к себе в ассистенты Уленгута и забрал его с собой в Грейфсвальд, потому что берлинские помещения для подопытных животных были малы для его работы. В Грейфсвальде в поисках сыворотки против невидимого в микроскоп возбудителя ящура Уленгут добрался до вещей, которые позволили ему сделать самостоятельное открытие. Это было изучение тех таинственных свойств крови, благодаря которым она обезвреживала проникающие в нее посторонние тела.

В 1890 году немец Эмиль фон Беринг обнаружил, что в водянистой составной части крови, в так называемой сыворотке животных, которым осторожно малыми дозами вводили дифтеритный яд, образовывались защитные вещества против дифтерии, очень

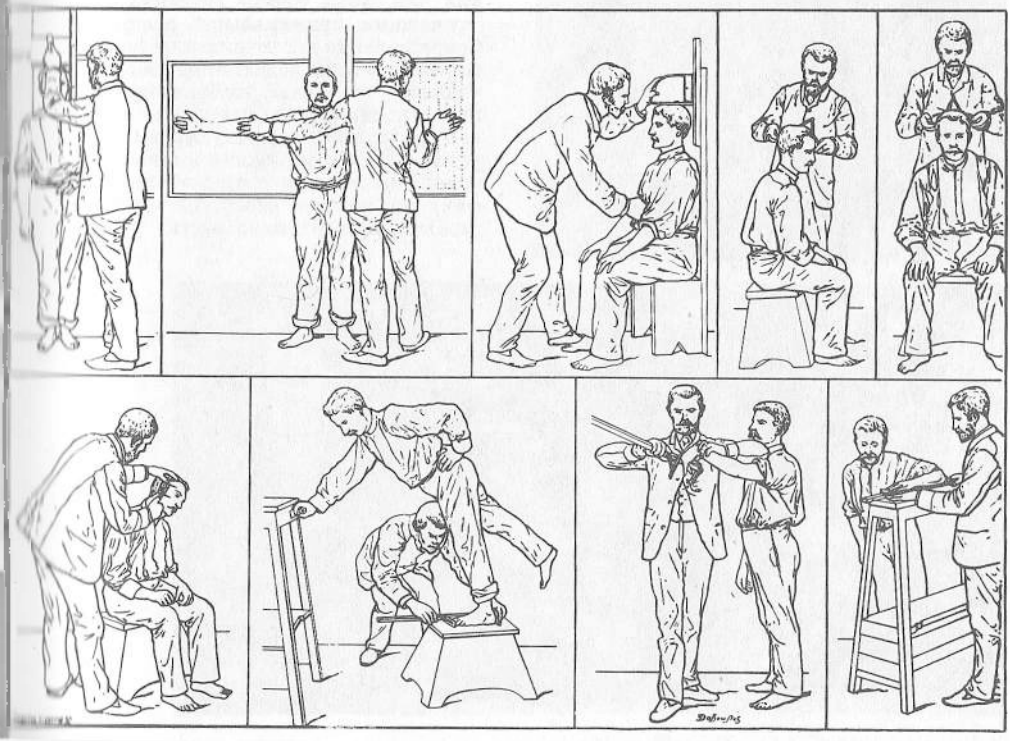


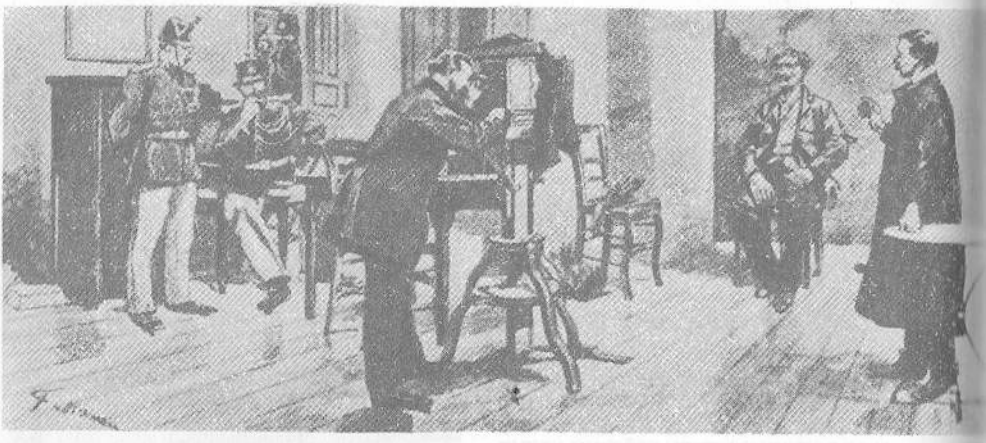
Перед Эженом Франсуа Видоком (вверху слева), основавшим в 1811 году французскую криминальную полицию Сюртэ, и перед криминалистикой вообще стояла проблема идентификации преступников. Детективам необходимо было запомнить как можно больше лиц уголовников. Изо дня в день они посещали тюрьмы, чтобы присутствовать на так называемых парадах заключенных (вверху справа). В несколько измененной форме (внизу, США, 1951 год) "парад" сохранился до наших дней.



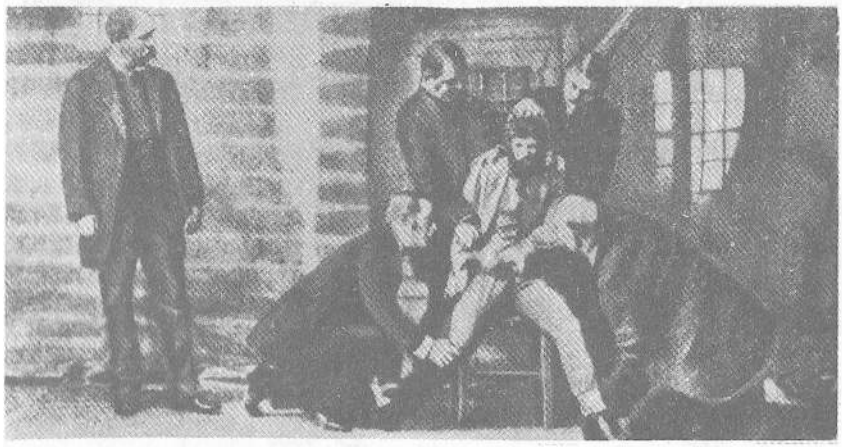


Альфонс Бертильон, которому из милости предоставили возможность работать писарем полицейской префектуры, в 1883 году первым в мире ввел научные методы работы в криминалистику. Он использовал научные данные антропологии и статистики, согласно которым размеры тела одного человека никогда полностью не совпадают с размерами тела другого. Он измерял уголовников, заносил их размеры тела в карточки и таким образом получал возможность распознать уже зарегистрированных. Сам процесс обмеривания был очень сложным, требовалось измерять различные части тела с точностью до миллиметра, но он оказался самым надежным из всех известных ранее способов идентификации.

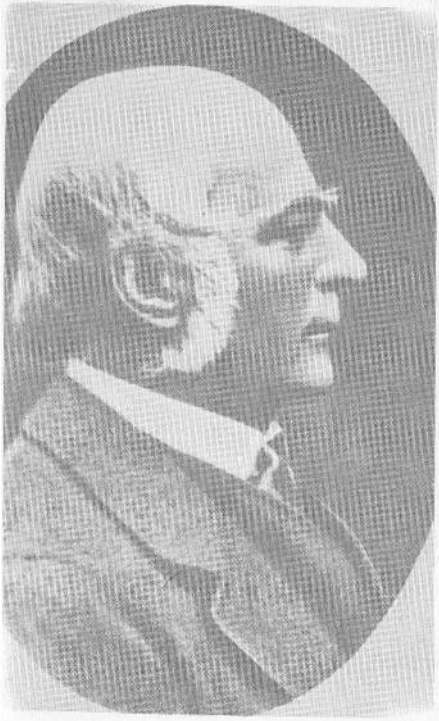


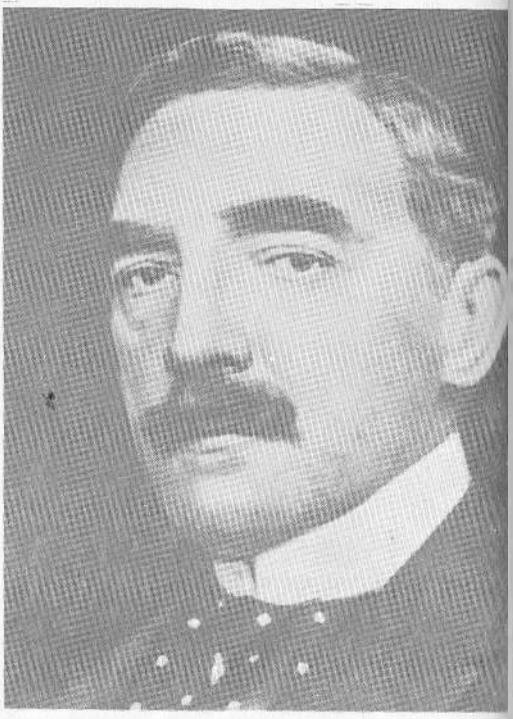


Кроме способа обмеривания, Бертильон создал все необходимое для точного фотографирования преступников (вверху). Фотографии их он прилагал к карточкам обмеривания. Им также были предложены способы фотографирования мест происшествий (слева). Такие фотографии давали более точное представление о месте происшествия, чем самые точные описания его служащими криминальной полиции. Сопротивление заключенных фотографированию было подчас столь ожесточенным, что, как изображено на иллюстрации (внизу), преступника силой приходилось держать перед аппаратом. Фотографирование имеет свои преимущества как средство идентификации, но лишь отпечаток пальцев гарантировал ее правильность.



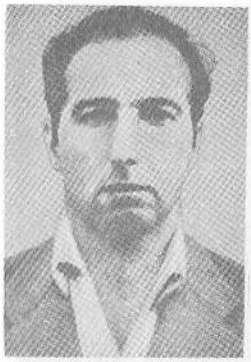
Первые шаги дактилоскопии: китайский документ от 1839 года (вверху слева) с отпечатком большого пальца вместо подписи. Вильям Хершель (1833–1917, вверху справа), будучи служащим колониальной инспекции в Индии, изучал возможность идентификации при помощи отпечатков пальцев. Внизу: отпечатки его левой руки. Второй отпечаток сделан через тридцать лет после первого, чтобы доказать их неизменяемость.

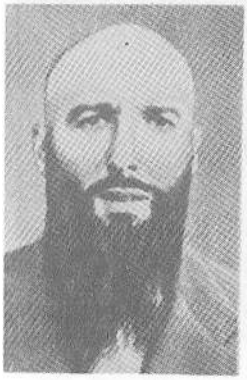




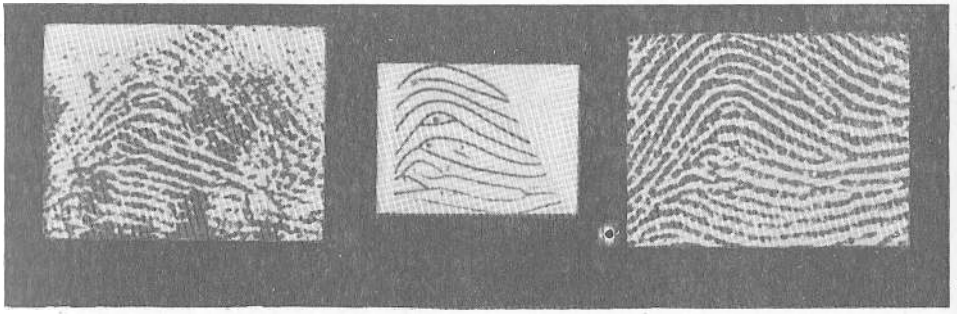
Фрэнсис Гальтон (1822–1911, вверху слева) обратил внимание в Лондоне на преимущества дактилоскопии перед бертильонажем. Но ему не удалось найти приемлемой системы регистрации отпечатков пальцев. Эту задачу решил Эдвард Генри (1850–1931, вверху справа), генеральный инспектор полиции в Бенгалии. В 1901 году, став президентом лондонской полиции, он заменил бертильонаж дактилоскопией.

Жуан Вучетич (1858—1925), служащий аргентинской полиции, человек трагической судьбы. В 1891 году, то есть раньше, чем Генри, ему удалось найти первую в мире приемлемую систему регистрации отпечатков пальцев и применить ее на практике. В 1892 году Вучетич впервые уличил убийцу по кровавым следам отпечатков пальцев на месте преступления. В 1894 году появилась его книга "Дактилоскопия", в которой он описал свое открытие. За пределами Южной Америки о его работе никто не знал.

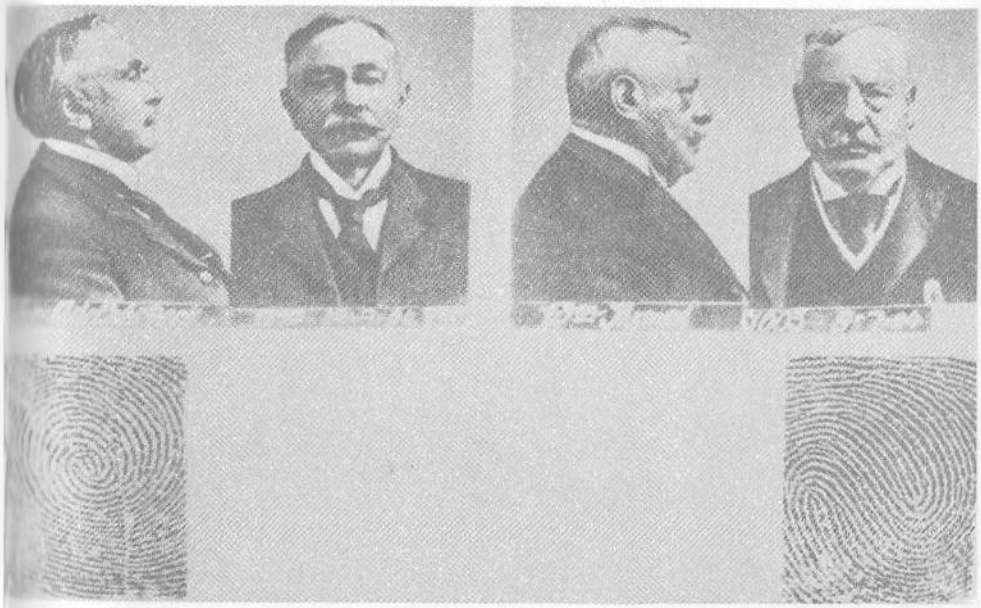




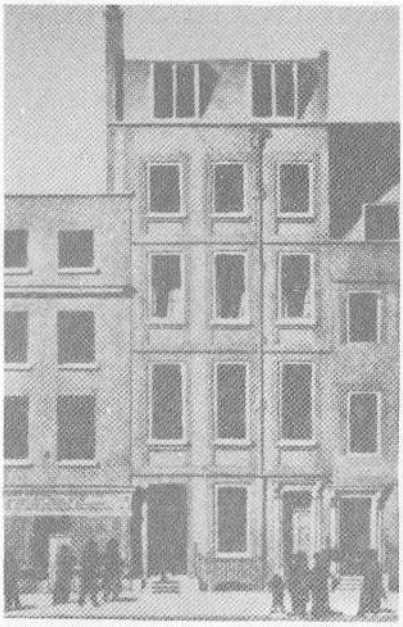
Фотографии и отпечатки пальцев из картотеки криминальной полиции. Они свидетельствуют о том, сколь обманчивыми могут быть фотографии и каким прогрессом является дактилоскопия. Здесь изображен один и тот же человек, но возраст, прическа и борода создают впечатление, что это два разных лица. Их идентичность выдает отпечаток пальца.

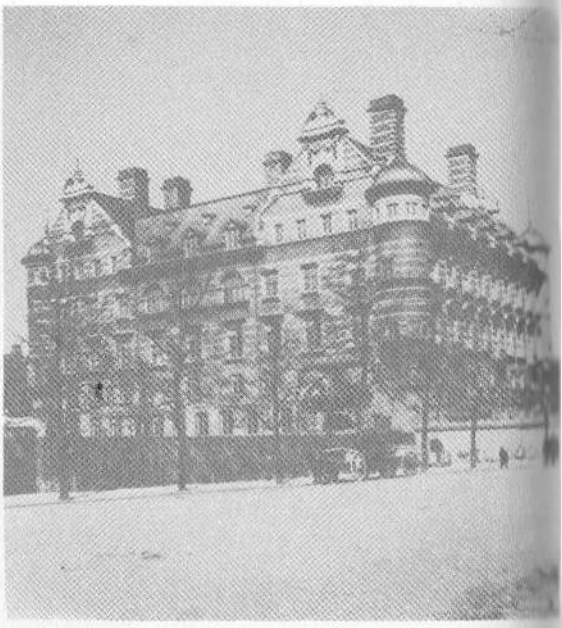


Разбойное нападение в Дептфорде, где преступник оставил отпечатки своих пальцев на денежной шкатулке, привело в 1905 году к сенсационному процессу, на котором отпечатки пальцев впервые фигурировали в качестве вещественного доказательства. Слева: отпечаток пальца на шкатулке. В середине: его характерные признаки. Справа: отпечаток пальца подозреваемого по имени Страттон.

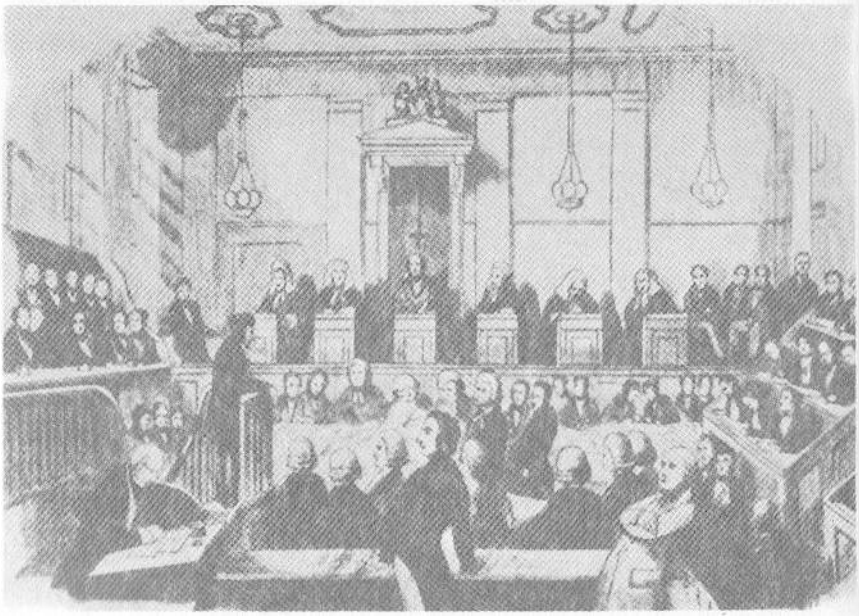


Большую роль в развитии дактилоскопии в Англии сыграло скандальное дело по обвинению Бека, когда Адольфа Бека (слева) дважды путали с преступником Томасом (справа) и приговаривали к тюремному заключению. И только отпечатки пальцев внесли ясность в это дело.

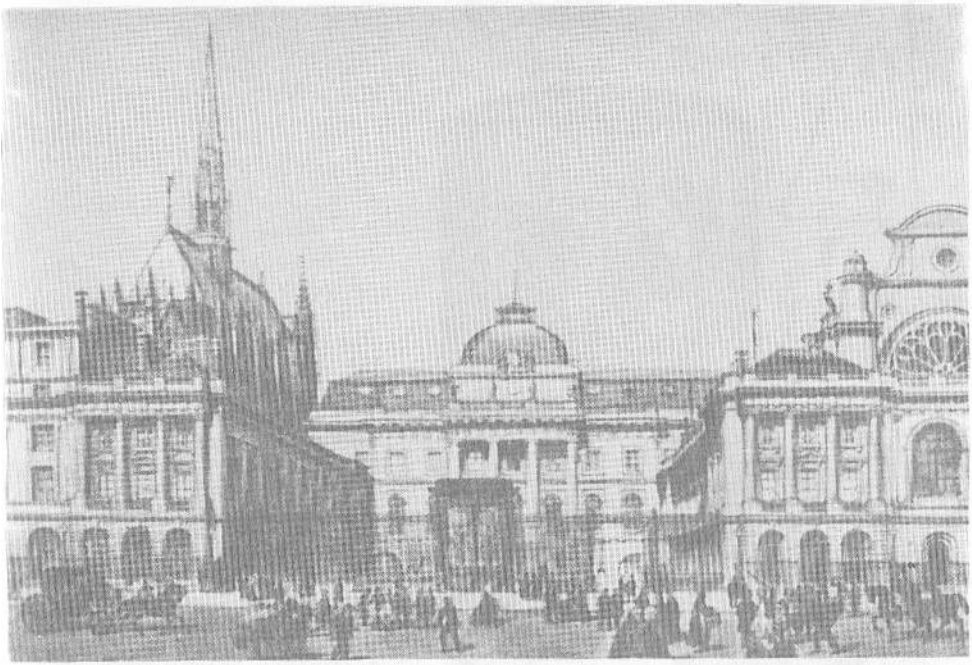


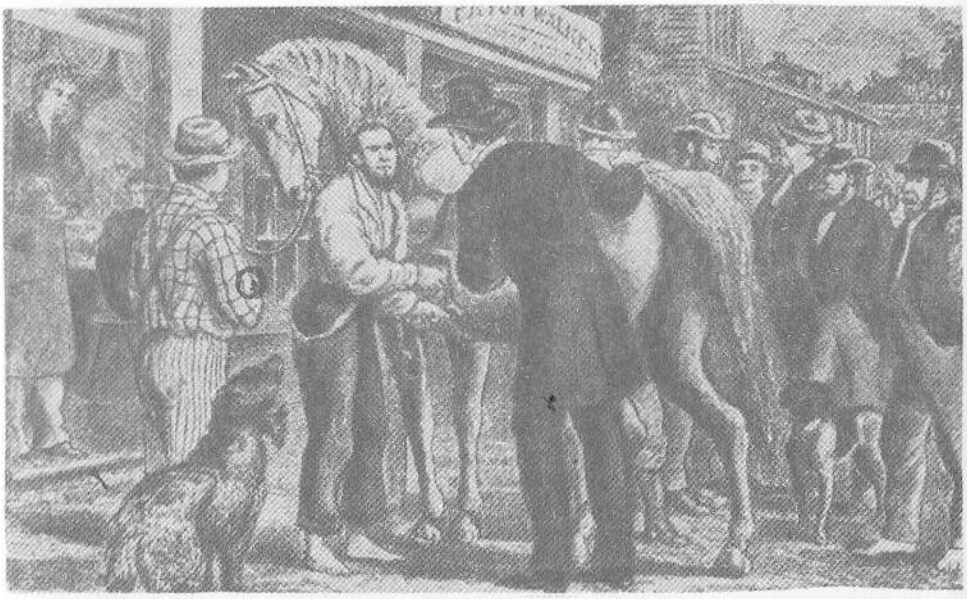


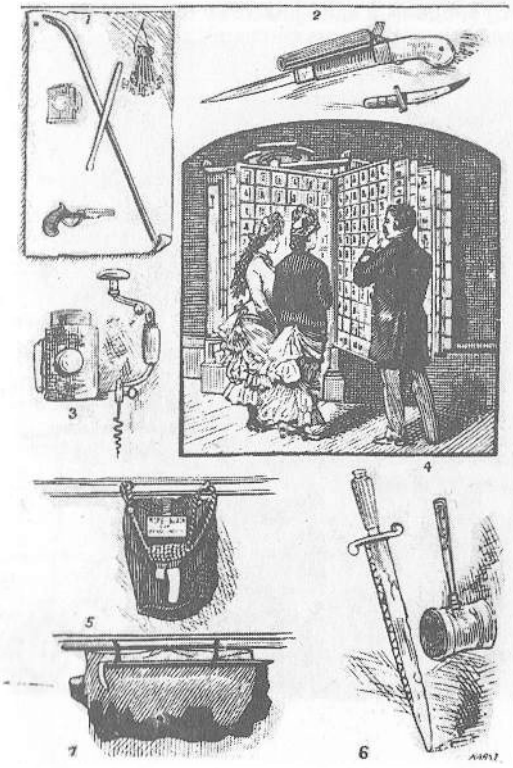
Полицейский суд на Боу-стрит в Лондоне (1825 год, слева). Отстроенное в 1892 году здание нового Скотланд-ярда в Лондоне (справа), и Олд-Бейли — арена крупнейших процессов над уголовниками в Лондоне (внизу).



Полицей-президиум на Александерплатц — с 1885 по 1945 год резиденция криминальной полиции в Берлине (вверху) и парижский Дворец юстиции (внизу).



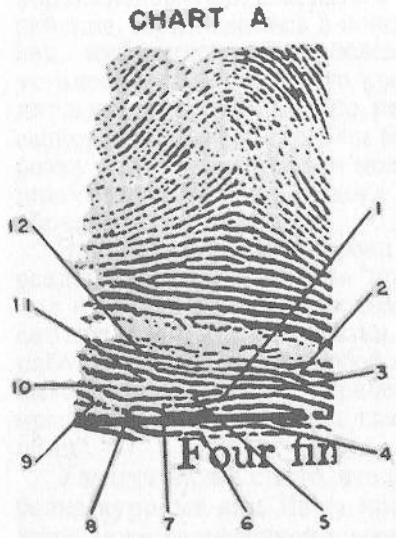


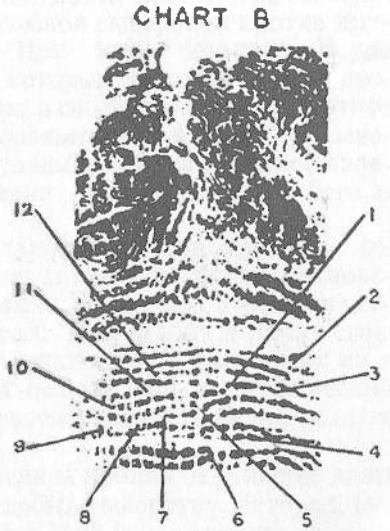


В Соединенных Штатах Америки введение научных методов идентификации затруднялось из-за раздробленности полиции. Характерно, что представление об американской криминалистике в мире формировала не работа полиции, а работа частных детективов Аллана Пинкертона (вверху, босой Пинкертон в начале своей деятельности). Большим достижением криминалистики в США считалась коллекция фотографий преступников, созданная инспектором Бёрнсом в Нью-Йорке (внизу слева).

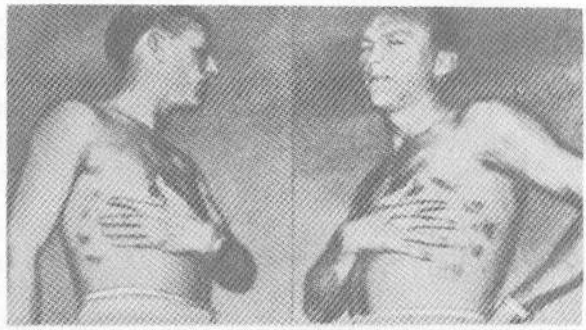
Террор американского гангстеризма в тридцатых годах.

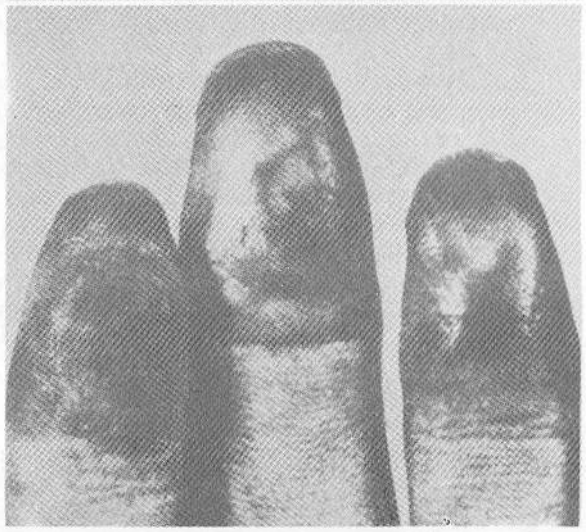
Здание ФБР в Вашингтоне. В 1956 году центральная дактилоскопическая картотека ФБР насчитывала 140 миллионов отпечатков пальцев. Любой из них быстро отыскивался при помощи электронных приборов.





В борьбе с гангстеризмом отпечатки пальцев выдержали самое суровое испытание. Преступники поняли, откуда им грозит опасность, и всеми средствами пытались изменить папиллярные линии своих пальцев или ликвидировать их. Они платили баснословные суммы за пластические операции, пытаясь изменить свои папиллярные линии хирургическим путем, трансплантировать кожу с груди на пальцы. Но все их усилия были напрасны.





благотворно действовавшие на болевших дифтерией детей. С тех пор исследователи, в первую очередь немецкие, французские и бельгийские, соревновались в поисках лечебной сыворотки против других инфекционных заболеваний. При этом бельгиец Борде установил в 1899 году, что кролики, которым некоторое время вводят в кровь коровье молоко, развивают в своей сыворотке защитное свойство против чуждого им белка коровьего молока. Если их сыворотку смешать с коровьим молоком, то наблюдается странное явление: белок коровьего молока — казеин — "выпадает" из него и образует мутный осадок.

Защитные свойства крови благодаря их способности выделять осадок получили название "преципитины". Феномен их возникновения и действия привлек к себе внимание Уленгута. Спустя пятьдесят лет, в конце своей жизни, он писал: "В 1900 году я начал свою работу, поставив перед собой задачу установить, развиваются ли в сыворотке животных, обработанных белком яиц, специфические преципитины и нельзя ли таким образом различать белки разных птиц".

Уленгут начал с того, что стал вводить кроликам большие дозы белка куриных яиц. Из их крови он добыл сыворотку, которая, будучи даже разведенной в соотношении 1:100 000, выделяла из раствора куриного яйца белок и придавала ему серый оттенок. Эта сыворотка, однако, не оказывала никакого действия на белковые растворы другого происхождения. Уленгут использовал для опытов яйца различных птиц: чаек, цесарок, чибисов, голубей, гусей, уток, индеек. Оказалось, что во всех яйцах были различные виды белка и в крови кроликов образовывались соответствующие преципитины. Только у родственных животных, таких, как куры и цесарки, преципитины оказывали одинаковое действие на оба вида яиц, но с разной интенсивностью. С помощью сывороток из крови кроликов Уленгут мог вскоре определить, каким животным принадлежат растворы белка, которые он анализировал, не зная их происхождения. Сама собой напрашивалась мысль, есть ли разница между белком куриного яйца и белком крови того же животного, то есть курицы? Можно ли это различие установить с помощью кроличьей сыворотки?

Спустя несколько недель, летом 1900 года, в руках Уленгута был ответ на эти вопросы. Кроличья сыворотка, полученная в результате инъекции белкового вещества куриного яйца, не оказывала действия на раствор крови курицы. И наоборот, образованная путем инъекции куриной крови сыворотка не оказывала действия на белок яйца. Кроличью сыворотку, дающую выпадение белка в крови курицы, Уленгут добавил в кровь коровы, и никакого действия она не произвела. Итак, существуют принципиальные отличия между белком различных видов крови. Уленгут повторил свой опыт с растворами крови других животных: лошади, овцы, свиньи. Результаты подтвердили выводы.

Спустя пятьдесят лет Уленгут, знаменитый профессор гигиены и бактериологии во Фрейбурге, писал: "Это интересное наблюдение было исходным пунктом разработки биологического способа определения различных видов крови". Эти слова не передают волнения того момента, когда перед ним открывалась возможность отличить кровь человека от крови животного и тем самым решить одну из самых жгучих проблем судебной медицины. Не медля ни минуты, он приступил к опытам. Он ввел кролику кровь осла, получил обычным путем сыворотку кролика и смешал ее с сывороткой крови осла. Тотчас начался процесс выделения белка и помутнения. Но эта же сыворотка кролика не действовала на кровь ни лошади, ни коровы, ни козы, ни кур. Когда Уленгут проделал тот же опыт с сывороткой кролика, которому ввели коровью кровь, и она действовала только на кровь коровы, он сообщил о своих наблюдениях профессору Лёфлеру. Лёфлер был слишком хорошо осведомлен о проблемах судебной медицины, чтобы не понять значения открытия Уленгута. Но он знал коварство всех научных открытий, не хотел верить на слово и требовал доказательств. Были приготовлены растворы крови различных животных: коровы, лошади, собаки, кошки, лани, морской свинки, свиньи, гуся, индейки и мыши. Затем Лёфлер добавил в эту коллекцию раствор крови человека. Перед Уленгутом он поставил задачу определить, какой из всех этих растворов содержит кровь коровы.

"Через несколько минут, — писал Уленгут многими годами позже, — я решил задачу. Только раствор, содержащий коровью кровь, помутнел и дал в осадке белок, в то время как другие растворы остались прозрачными".

Этот эксперимент убедил Лёфлера. Он создал Уленгуту все условия для работы и поручил ему изготовить сыворотки кроликов, оказывающие действие на различные виды крови, и в первую очередь на кровь человека. Недели прошли, прежде чем Уленгут выполнил задание, но зато теперь за пару минут он мог отличить кровь человека среди дюжины других. Большие серии опытов неопровержимо доказали, что можно теперь отличать не только кровь человека от крови животных, но и кровь различных животных друг от друга. Сыворотки, действующие на кровь родственных животных, таких, как лошадь и осел, не давали точного различия. Сыворотка лошади оказывала действие также на кровь осла. Сыворотка человека действовала на кровь обезьяны так, что различить эти виды крови было невозможно. Но эти исключения были незначительны по сравнению с возможностями определения крови.

В декабре 1900 года об экспериментах Уленгута узнал профессор судебной медицины при Грейфсвальдском университете Отто Баумер. Он принял активное участие в работе Уленгута, посоветовал ему продолжить эксперименты и попытаться доказать, что кроличьи сыворотки могут действовать также на старую, засохшую кровь многомесячной или многолетней давности, с тем чтобы его открытие стало решающим для судебной медицины. Баумер сам предоставил в распоряжение Уленгута несколько дюжин проб старой крови, сам делал кровяные пятна из крови человека и животных,

высушивал их, разводил раствором соли и давал Уленгуту на определение. Лёфлер устраивал Уленгуту различные ловушки и пытался ввести его в заблуждение — все было напрасно. Сыворотки Уленгута были надежны даже в пробах с очень старой кровью и в пробах, содержащих незначительное количество крови.

Оглядываясь на историю своего открытия, Уленгут вспоминал о волнениях тех январских дней 1901 года: "Хотя и не было больше сомнения, что проблема определения крови в судебной медицине в принципе решена, все же чувство огромной ответственности, что с этим будет связано решение суда, удерживало меня сначала от опубликования манускрипта, который уже давно был подготовлен к печати. И тут, ничего не ведая, моя молодая жена посоветовала мне не откладывать больше опубликование работы". "Ничего не ведая" потому, что она не знала о работах Августа фон Вассерманна в Берлине, который в это время тоже напал на след решения проблемы. Уленгут еще раз посоветовался с Фридрихом Лёфлером, получил его одобрение и в тот же вечер отправил работу в журнал. "Уже через неделю я получил корректуру, а вскоре, 7 февраля 1901 года, работа была опубликована под названием "Метод определения различных видов крови и дифференциально-диагностическое доказательство наличия человеческой крови".

9. Убийца-садист

Для судебных медиков и криминалистов, которым сегодня реакция Уленгута кажется повседневной, непостижимо то волнение, с которым судебная медицина и суды после некоторого сомнения стали использовать метод Пауля Уленгута. За несколько недель Грейфсвальд стал местом паломничества немецких и иностранных судебных врачей, которые лично хотели ознакомиться с опытом Уленгута. Приходилось отвечать на многочисленные запросы и обрабатывать пробы крови, присылаемые прокурорами и следователями с просьбой определить, человеческая ли это кровь или кровь животного. Но всеобщий интерес открытие вызвало тогда, когда Уленгут успешно применил свой метод в уголовном деле об убийстве детей на острове Рюген в Балтийском море.

Вечером 1 июля 1901 года пропали оба сына извозчика из Зеебад-Гёрена, местечка в юго-восточной части острова Рюген в Балтийском море. Старшему из них, Герману Штуббе, было восемь лет, младшему, Петеру Штуббе, — шесть. Оба не появились к ужину. Когда с наступлением темноты они все еще не возвратились, отец, несколько соседей и жандарм отправились на поиски. Местечко Гёрен граничило с лесной местностью, и Штуббе предположил, что дети, играя, заблудились в лесу и не могут найти дорогу. Громко выкрикивая имена детей, Штуббе и сопровождавшие его разбрелись по лесу. Но, никого не обнаружив, через несколько часов они вернулись домой и решили продолжить поиски на другой день.

2 июля, однако, принесло сообщение, вызвавшее возмущение всего Рюгена. Один из соседей, помогавших в поисках, нашел спрятанные в густых зарослях трупы обоих мальчиков. Головы мальчиков были разбиты и отделены от тела, руки и ноги отрезаны, животы вспороты. Внутренние органы убийца разбросал по всему лесу. Сердце старшего мальчика не удалось найти. Возможно, его взял убийца. В кустах нашли большой окровавленный камень. Им были убиты дети. Все свидетельствовало о том, что имело место убийство на почве полового извращения. Полиция искала очевидцев, которые могли видеть детей в сопровождении постороннего человека. К вечеру 2 июля одна торговка фруктами, знавшая детей извозчика, сообщила, что видела, как вечером 1 июля с мальчиками разговаривал подмастерье столяра Людвиг Тесснов из Баабе на Рюгене. Тесснов был странным. Он долго слонялся по всей Германии и лишь недавно появился на острове. Вечером же 2 июля один дворник видел возвращавшегося домой Тесснова. Костюм на нем был весь в коричневых пятнах.

Тесснова тут же арестовали. На нем была его рабочая одежда: рубаха, штаны и голубой фартук. А в его шкафу нашли костюм, новую шляпу и также новый галстук. Некоторые места костюма казались только что застиранными, в других местах виднелись едва засохшие пятна: на рубашке, на ленте шляпы, на пиджаке, на подкладке брюк и жилета. Тесснов отрицал свое причастие к убийству детей. Он объяснял, что пятна на шляпе — это очень старая коровья кровь, а другие пятна — от столярной протравы, с которой он изо дня в день имеет дело.

Ссылка Тесснова на столярную протраву напомнила следователю из Грейфсвальда о другом детоубийстве, происшедшем 9 сентября 1898 года в деревне Лехтинген, вблизи города Оснабрюк. Там из школы на обед не вернулись две девочки: Ханелора Хайдеманн и Эльза Лангемайер. Когда родители спросили о них в школе, то узнали, что они в этот день в школе не появлялись. В Лехтингене родители и жители деревни тоже обыскали весь лес и в кустарнике обнаружили труп Ханелоры Хайдеманн. А вечером был найден и второй труп. Убийца расчленил тела девочек на мелкие куски и разбросал их по лесу. Подозрение пало на какого-то столяра, которого видели в Лехтингене. Его костюм был в пятнах. Полицейские из города Оснабрюк так мало были знакомы с судебной медициной, что удовлетворились объяснениями подозреваемого, что пятна, мол, от столярной протравы, и отпустили его.

Следователь из Грейфсвальда направил в Оснабрюк запрос и узнал, что столяра, которого арестовали и отпустили в сентябре 1898 года, звали Людвигом Тессновом. Убийство детей в Лехтингене так и не было раскрыто. Когда следователь в Грейфсвальде получил эту справку из Оснабрюка, он был уверен, что Тесснов — убийца детей. При этом он вспомнил еще об одном сообщении: в ночь с 11 на 12 июня 1901 года на одном пастбище под Гёреном были заколоты шесть или семь овец, которым вспороли животы и туши порезали на

куски. Хозяин овец пришел слишком поздно, но видел убегавшего злоумышленника и заверил, что узнает его, если тот ему встретится. Следователь предъявил Тесснова хозяину овец. Тот сразу же опознал его как лицо, зверски уничтожившее овец. Он узнал его по походке, жестикуляции и по профилю, который отчетливо видел, несмотря на вечерние сумерки. Тесснов не признавался. Никогда, клялся он, я не касался безобидных животных, никогда не убивал детей. Он утверждал, что пятна на его одежде не имеют ничего общего с кровью, что это столярная протрава.

23 июля после утомительного и безрезультатного допроса следователь встретился с главным прокурором Грейфсвальда Хюбшманном, обсудил с ним дело и доложил, что следствию будет трудно уличить Тесснова в преступлении. Хюбшманн как раз только что познакомился с работами Уленгута. "Послушайте, — сказал он, — по методу Уленгута можно определить и кровь человека, и кровь овцы. Если вы найдете на одежде Тесснова оба вида крови, вы преодолеете решающий барьер. Кровь овцы на одежде и опознание его пастухом не оставит сомнения, что Тесснов заколол овец. А доказательство, что многочисленные пятна на его одежде являются пятнами человеческой крови, разоблачит его ложь окончательно и останется лишь одно объяснение, что он так или иначе замешан в зверском убийстве человека".

Когда 29 июля и 1 августа 1901 года Уленгут получил из Грейфсвальда два пакета с одеждой Тесснова и окровавленный камень, среди населения и в газетах уже царило недовольство по поводу того, что не могут заставить Тесснова признаться. Уленгут отлично понимал, что означало успешное выполнение поставленной задачи в этом деле для него и для его метода дифференциального диагностирования крови человека. Со своим единственным помощником Ширмахером он обследовал почти сто пятен и пятнышек. Сначала он установил, кровь ли это вообще, использовав пробы Тейхманна и гваяковые пробы. При этом выяснилось, что на рабочей одежде Тесснова крови нет. Но совершенно иначе обстояло дело с выходной одеждой. Классические пробы показали кровь. Где только было возможно, Уленгут соскоблил маленькие частицы кровяных пятен с костюма Тесснова. 5 августа 1901 года Уленгут подвел итоги своим расследованиям. Он доказал наличие крови человека в шести местах на пиджаке Тесснова, в семи местах на его брюках, в четырех местах на шляпе, в одном месте на рубашке и четырех местах на жилете. Кроме того, он обнаружил, что было не менее важно, кровь овцы в шести местах на пиджаке Тесснова и в трех местах на его брюках.

Роль, которую сыграла экспертиза Уленгута в процессе над Тесновым и вынесении ему смертного приговора в конце 1902 года, сделала его метод известным за пределами Германии. Возникшие у некоторых ученых сомнения относительно надежности метода Уленгута были им успешно опровергнуты. Все возможные ошибки происходили от неумения изготовлять сыворотку. При тщательном

ее изготовлении ошибки были исключены. Уленгут требовал, чтобы изготовление сывороток осуществлялось несколькими государственными институтами под контролем специалистов, и обращал внимание на то, что некоторые материалы, такие, как древесная кора и кожа, образуют осадки с сывороткой кролика, даже если нет крови. Он выразил уверенность, что найдутся еще подобные материалы. И действительно, спустя десять лет директор Института судебной медицины при Гамбургском университете Эрих Фриц доказал, что состав пропитки некоторых плащей, подозрительные пятна которых подвергались исследованиям, порождал ошибочные результаты. Уленгут с самого начала в своем методе застраховался от подобных ошибок, требуя, чтобы при проверке пятна на кровь проводилась проверка материала с помощью той же сыворотки.

К 1904 году, когда был казнен Тесснов, не существовало больше препятствий успешному применению преципитина в судебно-медицинских институтах всего мира.

10. 1888 год. Новое поколение криминалистов

В Германии ко времени открытия Уленгута в судебной медицине царило затишье. Правда, организация учреждений судебной медицины в различных землях Германии была лучше, чем во многих других странах. Специально уполномоченные районные или областные врачи всегда были в распоряжении прокуроров и следователей, участвуя в раскрытии преступлений. Но уровень их знаний зависел от развития науки и институтов, где они получали свою подготовку по судебной медицине. Здесь Германия безнадежно отставала от Франции и Австро-Венгрии. Правительства отдельных земель, полиция и медицинские факультеты университетов все еще не признавали за судебной медициной права считаться самостоятельной наукой, без которой в недалеком будущем не сможет осуществляться никакая полицейско-криминалистическая и юридическая работа. Все это было причиной длительного затишья в развитии судебной медицины в Германии.

В 1888 году, когда профессор Унгар на собрании естествоиспытателей в Кёльне выступил с речью "О значении судебной медицины и ее месте в высших учебных заведениях Германии", все убедились в неприглядности существующего положения. Сам Унгар не был судебным медиком, он работал педиатром в Бонне. Ему часто приходилось делать экспертизы при сомнительных случаях смерти детей, что заставило его понять значение и необходимость судебной медицины и сделаться ее страстным защитником. По собственной инициативе он стал читать лекции на судебно-медицинские темы. У него не было ни института, ни лаборатории, и свои эксперименты он был вынужден проводить в институте, где у него были друзья, предоставившие в его распоряжение свои лаборатории. Уже в 1883 году он обратил на себя внимание, доказав, что проба с погружением

легкого в воду, которая еще с давних пор служила определением того, рожден ли ребенок живым или мертвым, и опорой судебных медиков в их экспериментах, не гарантирует полной надежности. Прежде всего газы разложения приводили к ошибкам: заполняя легкие рожденного мертвым ребенка, они придавали им плавучесть. Этим Унгар вызвал интерес к широкому научному изучению вопроса, который в ближайшие десять лет займет свое место в судебной медицине и сделает эту пробу надежной.

Выступление Унгара в 1888 году было выступлением человека, авторитет и имя которого были известны далеко за пределами государства. Он сообщил, что только в двух немецких университетах из двадцати лекции по судебной медицине читают штатные профессора. В десяти университетах вообще не преподавалась судебная медицина, а в восьми остальных лекции читали от случая к случаю судебные медики параллельно со своей основной работой. Нигде по судебной медицине не было экзаменов, и, таким образом, как и студентам-медикам, так и студентам-юристам предмет казался малозначительным, ненужным приложением. Научно-исследовательских институтов фактически не было. Когда преподавание вели судебные медики, то временами имелась возможность проведения практических занятий на трупах, попадавших им в руки в результате убийств, самоубийств, нераскрытых причин смерти и т. д. Но и по сей день приходилось за каждый труп сражаться с патологами.

Условия, в которых пришлось работать племяннику Каспера и его последователю профессору Лиману, он сам описал в 80-х годах: "В грязном, темном, непроветриваемом подвальном помещении были выставлены опознанные и неопознанные трупы, одежда последних была развешана тут же на веревках... Отсюда начинались погребальные процессии, и очень часто приходилось наблюдать, что священник обращался к собравшимся на похоронах в том же подвале, где стоял жуткий запах и где проводили свои обследования судьи, врачи и студенты". Только в 1886 году в Берлине был построен новый морг, в восточном флигеле которого находились помещения для вскрытия трупов, где могли работать все семь берлинских судебных медиков. В этом же флигеле профессор Лиман получил несколько комнат для занятий по судебной медицине.

Лишь в последнее десятилетие XIX столетия постепенно исчезло пренебрежение к судебной медицине. Молодые патологи во многих странах поняли, что здесь имелась целина, предоставлявшая много возможностей для научной деятельности. В Берлине старого профессора Лимана сменил тридцатитрехлетний Фриц Штрассманн, бывший терапевт и патолог. Он был готов добиться для судебной медицины в Германии ведущей роли во всех судебно-криминалистических расследованиях. Еще больше это было характерно для Рихарда Кокеля, который стал в Лейпциге первым "внеплановым преподавателем судебной медицины". Так как он не был судебным медиком, ему пришлось добиваться разрешения саксонского мини-

стерства юстиции "присутствовать" на вскрытиях, довольно часто по-дилетантски производимых судебными медиками. Расходы на эти "присутствия", происходившие вне Лейпцига, он вынужден был оплачивать сам.

Адольф Лессер, который начал свою деятельность патологом берлинской школы Рудольфа Вирхова, переехал в 1886 году в Бреслау и год спустя уже начал читать судебную медицину в Бреслауском университете. В Кёнигсберге бурную деятельность развил молодой приват-доцент Георг Пуппе, ученик Штрассманна. Он способствовал основанию германского общества судебной медицины и объединению с ней социальной медицины, нового спецпредмета. Социальная медицина изучала те врачебные проблемы, которые ставила промышленная эпоха: оценка производственных несчастных случаев, трудоспособности, вопросы социального обеспечения и пенсий.

В Галле впервые услышали голос Эрнста Цимке, которому суждено было стать одним из изобретательнейших судебных медиков. В качестве районного врача-ассистента и портового врача в Данциге свой первый опыт в области диагностики смерти утопленника собрал тридцатилетний Карл Берг. Все они — от Кокеля до Берга, от Штрассманна до Цимке — явились теми людьми, кто создал немецкую судебную медицину 20—30-х годов нового столетия. Но в 1901 году они еще вели утомительную борьбу за признание судебной медицины. Не случайно в том же году еще один пионер судебной медицины, Эрнст Гизе, начал свою деятельность в качестве приват-доцента в Иене со вступительной лекции на тему "Умение определять кровь на современном этапе". Открытие Уленгута дало развитию судебной медицины в Германии необходимый толчок. А за пределами Германии, особенно во Франции, возможность отличить кровь человека от крови животного способствовала росту доверия к теперь уже неограниченным возможностям судебной медицины. Может быть, не случайно именно в Париже спустя несколько лет судебная медицина пережила один из самых скандальных кризисов. Лакассань сказал по этому поводу: "История напоминает нам об ограниченности наших знаний и умений всякий раз, как только мы забываем об этом".

11. Дело Жанны Вебер

В полдень 5 апреля 1905 года у входа госпиталя Бретоно в Париже появилась молодая женщина. В полном отчаянии она показала привратнику едва дышавшего ребенка с посиневшим лицом. Испугавшись вида ребенка, привратник направил женщину, назвавшуюся Чарлез Вебер, в детское отделение, а сам вызвал ассистента доктора Сайана. После первого поверхностного осмотра Сайан нашел, что у ребенка явления, свидетельствующие о перенесенном приступе острого удушья. От матери он услышал странную историю.

Мадам Чарлез Вебер проживает в Гут-д'Ор, грязном, мрачном районе города, между психиатрической больницей и госпиталем Сальпетриер. Там живет множество породнившихся друг с другом Веберов: рабочих, извозчиков, мелких ремесленников. В полдень мадам Чарлез Вебер со своим шестимесячным ребенком и свояченицей, мадам Пьереттой Вебер, была в гостях у родственницы — Жанны Вебер. После обеда Жанна попросила своих гостей пойти что-либо купить для нее, потому что она плохо себя чувствовала. Обе согласились. Ребенок Морис остался с Жанной. Вернувшись менее чем через пять минут, мадам Пьеретта Вебер застала Мориса лежащим с посиневшим лицом с пеной у рта на кровати, мальчик хрипел. А Жанна Вебер сидела около кровати, держа руки под рубашечкой ребенка на его груди. Когда спустя несколько минут появилась мать Мориса, она еле вырвала ребенка из рук родственницы. В панике она бросилась к ближайшему врачу, доктору Муку, а от него — в Бретоно.

Сайан вторично обследовал Мориса. На этот раз он обнаружил на шее ребенка красноватый след величиной с палец, который с боков был отчетливее, чем спереди. Непроизвольно у него мелькнула мысль, не душил ли кто ребенка. Мориса положили в детскую палату. Мать осталась с ним. Около девяти часов Сайан снова навестил их. Он застал ребенка в хорошем состоянии. Мать уже успокоилась, и Сайан поинтересовался подробностями происшествия. Из рассказа Чарлез Вебер он узнал, что за период, меньший чем четыре недели, начиная со 2 марта, в семьях Веберов с признаками удушья умерло четыре ребенка. И в каждом из этих случаев так или иначе была замешана Жанна Вебер. Жанне тридцать лет, она родом из рыбацкого поселка Керитри на севере, четырнадцати лет приехала в Париж и в 1893 году стала женой Жана Вебера.

Сначала умерли две дочери Пьера Вебера: Жоржет и Сюзанна. Жоржет умерла, пока мать стирала в домовой прачечной, а Жанна Вебер присматривала за детьми. Она умерла от приступа удушья в то время, когда Жанна наклонилась над ней, держа руки под рубашкой умирающего ребенка. 11 марта последовала смерть ее сестры Сюзанны, не достигшей трехлетнего возраста. Пока родители были на работе, Жанна вызвалась посидеть с ребенком. Лицо девочки почернело, и соседка, расстегнув воротничок рубашки, заметила на шее темную бороздку. Врач квартала бедняков не придал этому никакого значения и указал причину смерти: судороги. Двумя неделями позже Жанна была в гостях у Леона Вебера и его жены. Здесь она также оставалась с семимесячной Жермен, пока родители временно отсутствовали дома. Утром Жермен стала задыхаться. Бабушка, которая жила в этом же доме, услышав крики Жермен, пришла и застала ребенка задыхающимся на коленях у Жанны. За ночь девочка успокоилась. А 26 марта, когда ее снова оставили с Жанной, она умерла от приступа удушья. И снова руки Жанны видели под рубашкой у шеи ребенка. Жермен похоронили 27 марта, и в тот же вечер странным образом заболел сын Жанны Вебер, семи-

летний Марсель. Через несколько часов он неожиданно задохнулся якобы из-за последствий дифтерии.

Доктор Сайан знал Гут-д'Ор. Жизнь ребенка там не дорого стоила. Ею не дорожили и врачи. Они относились к смерти детей, как к явлению природы, против которого не было смысла бороться. Но если все было так, как рассказала мадам Чарлез Вебер, то до какого идиотизма нужно дойти, чтобы раньше не заподозрить в этой серии смертей насилие! Какая глупость доверять своих детей свояченице, в руках которой они умирали!

Сайан поинтересовался, приходило ли мадам Чарлез Вебер и ее родственникам на ум, что их дети умирали не от каких-то таинственных болезней, а от рук их родственницы? Неужели никто не подозревал ее? Мадам Вебер тупо посмотрела на него. Да, у них было подозрение, когда умерда Жермен. Но ведь потом умер собственный сын Жанны — Марсель.

Утром 6 апреля Морис совсем выздоровел. Фиолетовый оттенок на лице исчез. Зато отчетливо обозначились подозрительные синяки на шее. Сайан не был судебным врачом. Но он был убежден, что синяки на шее были результатом сдавливания. Осматривая Мориса, главврач отделения Севестр пришел к тому же выводу. О странных обстоятельствах смерти детей Веберов Севестр сообщил комиссару полиции района Гут-д'Ор. Час спустя Жанна Вебер, маленькая, кругленькая женщина с невыразительными чертами лица, была арестована, и два инспектора приступили к допросу всех свидетелей смерти детей. Установленные обстоятельства гибели детей во многих отношениях были загадочными.

7 апреля инспектор Куарэ узнал, что еще в 1902 году на руках Жанны Вебер за короткое время умерли два ребенка: Люси Александр и Марсель Пуато. Вызванные врачи смогли высказать крайне неопределенные предположения о причине смерти.

Жанна Вебер, помимо умершего 28 марта семилетнего Марселя, имела еще двух девочек, которые также умерли несколько лет назад. Все Веберы сочувствовали ей, и ее настойчивые предложения посидеть с детьми они воспринимали как "неудовлетворенное чувство материнства", которого она была лишена из-за смерти своих детей.

Однако события, происшедшие 2 марта 1905 года в доме Пьера Вебера, едва ли можно объяснить проявлением этого чувства. В тот день, когда умерла полуторагодовалая Жоржет, ее мать вовремя получила сигнал, который должен был ее насторожить. Спустя час после того, как Жоржет была оставлена на попечении Жанны Вебер, в прачечную, где стирала мать девочки, прибежала ее соседка мадемуазель Пуш. Услышав душераздирающий плач Жоржет, она вошла в спальню Веберов, увидела ребенка в руках Жанны и побежала сказать об этом матери. Когда мадемуазель Пуш вместе с испуганной матерью прибежали в дом, Жоржет лежала на постели. Язык вывалился изо рта девочки, на губах была пена. Жанна наклонилась над постелью, лицо ее имело странное, отчужденное вы-

ражение. Мать попыталась взять на руки ребенка, но руки Жанны вцепились в грудь Жоржет, она якобы "хотела оживить сердце". С трудом удалось отобрать ребенка. Когда мать поднесла его к окну, девочка стала дышать ровнее. Затем, считая, что приступ кончился, она отдала ее свояченице, отказавшись от предложения соседки побыть с ребенком, и снова пошла стирать. Не прошло и часа, как ее опять позвала соседка. На этот раз они застали Жоржет уже мертвой. Вызванному врачу Ашеру мадемуазель Пуш показала синяки на шее умершей, но он не обратил на это внимания. Привыкший к тому, что дети умирают здесь очень часто, он едва ли тратил одну минуту, чтобы ставить диагноз: "Судороги".

Инспектор Бовэ, расследовавший обстоятельства смерти Сюзанны Вебер, которая умерла 11 марта в том же доме, даже в той же комнате, узнал, что на этот раз отец ребенка, Пьер Вебер, был своевременно предупрежден. После обеда супруги Вебер отправились на работу. Пьер работал вблизи своего дома. Сюзанну, как и раньше Жоржет, оставили с Жанной. Около двух часов соседка, мадам Микель, сломя голову прибежала за Пьером и притащила его домой. Как и Жоржет, он застал Сюзанну лежащей на кровати с почерневшим лицом, стиснутыми челюстями и скорченными конечностями. Руки Жанны лежали на груди ребенка. Так как утром Сюзанне давали лекарство от кашля, он решил, что доза была слишком большой, поднес девочку к окну и, когда та стала дышать ровнее, отдал ее опять свояченице. Через десять минут его позвала домой мадемуазель Пуш, но Сюзанна была уже мертва. Жанна повязала на шею девочки платочек и не разрешила мадемуазель Пуш снять его, когда та хотела это сделать. Соседка сообщила инспектору, что ей все же удалось приподнять платок и она видела на шее ребенка отчетливую бороздку.

Доктор Ашер, вызванный и на этот раз, поверхностно осмотрел труп и, не обратив внимания на шею ребенка, поставил тот же диагноз: "Судороги".

Инспектор Бовэ сам родился в Гут-д'Ор. Он знал этот мир, где царили грязь и нужда, он знал, как часто смерть собирала здесь свой урожай, как бесчувственны были люди и как велико было их невежество. Но когда он узнал, что пережила 25 и 26 марта маленькая Жермен Вебер, дочь Леона Вебера, прежде чем умерла, то все это показалось ему просто непостижимым. Ребенок только что поправился после воспаления легких, когда утром 25 марта появилась Жанна Вебер и предложила свои услуги по уходу за девочкой. Едва мать девочки ушла на рынок, как бабушка Жермен услышала крики ребенка. Это было около полудня. Она поспешила в комнату и застала девочку на руках Жанны. Девочка задыхалась. Ничего не подозревая, считая лишь, что Жанна была недостаточно внимательна, бабушка взяла ребенка к себе, пока не настало время и ей идти на работу. К этому времени вернулась мать Жермен. Но Жанна попросила ее пойти купить продуктов для нее. Как только она осталась одна, соседи тотчас услышали крик ребенка. Они поспешили в

комнату и увидели Жермен на коленях у Жанны. Девочка задыхалась. Обе руки Жанны были под платьем на груди ребенка. Соседи позвали доктора Лабеля, который находился поблизости. Врач не нашел никаких признаков судорог или дифтерии, но обнаружил на шее ребенка повреждения кожи. Так как ребенок стал дышать легче, он попрощался и обещал на другой день зайти еще раз. Жанна Вебер тоже ушла, но явилась на следующий же день. Жермен чувствовала себя хорошо. Доктор Лабель, посетивший девочку, был уверен, что ей ничего не угрожает. После обеда, около 4.30, Жанна, как и накануне, попросила мать Жермен выполнить кое-какие ее поручения. Не прошло и нескольких минут после ухода матери Жермен, как соседи снова услышали странные звуки. Они застали Жанну склонившейся над коляской. Ребенок и руки "няни" были под подушкой. Маленькое личико посинело. Глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. В панике соседи бросились искать доктора Лабеля и мать. Когда они вернулись, ребенок был мертв. Так как доктора Лабеля не смогли найти, пришел снова доктор Ашер и написал: "Смерть от судорог".

8, 9 и 10 апреля Бовэ докладывал следователю Лейдэ о ходе расследования. Он установил, что не только соседи Пуш, Навэ и Микель после смерти Сюзанны не доверяли Жанне Вебер. Бабушка Жермен тоже почувствовала антипатию к Жанне. Но когда умер родной сын Жанны Вебер, Марсель, недоверие и антипатия как-то рассеялись. Свидетелями смерти сына были сама Жанна Вебер и ее пьянчужка-муж. Доктор Мун дважды поверхностно осматривал мальчика, хотел было сделать ему укол, но не успел, а его смерть объяснил "воспалением головного мозга". Отец сказал, что мальчик задыхался и у него была температура.

Жанна Вебер молчала, не отвечая на вопросы Лейдэ. Но Лейдэ подозревал, что здесь произошло нечто ужасное: убийство собственного ребенка с целью усыпить подозрительность родственников и соседей, чтобы продолжать убивать и дальше.

К 9 апреля Лейдэ закончил предварительную проверку. Как и все его инспектора, он был глубоко убежден, что ни один из детей не умер естественной смертью, что все они были жертвами Жанны Вебер и лишь Морису случайно удалось избежать такой же участи. Лейдэ размышлял о причинах, толкавших ее на убийство. Может быть, ее преступления были местью после смерти ее двух детей? Зависть и ненависть к счастливым матерям? Или ею двигало то удовлетворение, которое многие убийцы находят в самом акте убийства?

Как бы то ни было, Лейдэ было ясно одно: нужно доказать, что Жанна Вебер убивала, что ни Жоржет, ни Сюзанна, ни Жермен, ни Марсель не умерли естественной смертью.

Лейдэ поручил доктору Леону Анри Туано обследовать оставшегося живым Мориса Вебера, а также эксгумировать и вскрыть трупы детей: Жоржет, Сюзанны, Жермен и Марселя. Лейдэ не сомневался, что доктор Туано даст ему научное доказательство насильственной смерти детей путем удушения.

12. Бруардель, Туано и слава парижской школы судебной медицины

Туано тесно сотрудничал с Паулем Камиллем Бруарделем, человеком, который с 1877 года представлял знаменитую парижскую школу судебной медицины. Он знавал еще Амбруаза Тардьё, предшественника Бруарделя на кафедре судебной медицины с 1861 по 1877 год, прославившего парижскую школу как во Франции, так и за ее пределами. Теперь сорокасемилетний Туано слыл верным последователем Бруарделя. Его часто приглашали в суд в качестве эксперта, где он пользовался большим авторитетом.

Когда Туано получил задание, судебная медицина уже восемьдесят лет занималась изучением случаев смерти, связанных с повешением и удушением, и состояния человека в этот момент. Изучались прежде всего патологические изменения, порожденные этими видами насильственной смерти. Тридцать лет назад Тардьё рассмотрел эти проблемы в своей книге "Повешение, задушение и удушение" и открыл так называемые пятна Тардьё — точкообразные кровоизлияния в легочной плевре и на сердце у быстро задохнувшихся. Впервые Тардьё исследовал удушение с помощью подушки, которую прижимают к лицу ребенка или беспомощного взрослого, и удушение сжатием грудной клетки, как бывает в давке.

У всех была в памяти сенсация, которую вызвал Лангрёте в 1888 году, изучая в лаборатории гортань и горло трупа. Его помощник душил мертвого человека руками, веревкой, шнуром и т.п., а Лангрёте регистрировал, что происходит в это время в области гортани, трахеи, языка, шейных артерий и вен. Еще свежее в памяти были опыты, проделанные румыном Миновичем в 1904 году на самом себе, чтобы проследить ощущения, переживаемые человеком во время повешения. Минович установил, через сколько секунд и при каких обстоятельствах появляется свист в ушах, потеря зрения, изменение цвета лица, блокирование кровеносных сосудов и потеря сознания. Он прекратил свои эксперименты лишь тогда, когда у него появились нестерпимые боли в основании языка, продержавшиеся почти двенадцать дней. Бруардель опубликовал свою книгу в 1897 году. В ней подытожен его многолетний опыт и изложены результаты изучения мгновенной смерти, которая может наступить, если поразить определенные нервные узлы шеи. Он установил также, что веревка при повешении оставляет странгуляционную борозду, вид которой зависит от расположения узла веревки на затылке или сбоку. Странгуляционная борозда представляет собой затяжку на коже, которая засыхает и принимает темно-коричневый цвет. Встречались также мягкие странгуляционные борозды, когда вместо веревки использовали шаль или чулок. Такие борозды были менее отчетливо выражены и могли через некоторое время исчезнуть. Нельзя только путать со странгуляционной бороздой образующиеся на шее мертвого человека складки кожи, которые могут принять

синеватый оттенок. Это же относится и к морщинам, которые образуются на старых трупах от закрытого воротника. Часто петля при повешении соскальзывает наверх. Тогда образуется двойная странгуляционная борозда, а в середине между линиями — кровоподтеки на коже. С тех пор как стали наблюдаться случаи, при которых преступник вешает свою жертву уже после убийства, чтобы имитировать самоубийство, делались попытки на основе кровоподтеков судить, прижизненное ли это повешение или после наступления смерти. Перед судебной медициной возникла новая проблема, которая, как мы увидим, даже спустя полвека еще не будет окончательно решена: проблема свертывания крови при жизни и после наступления смерти. Обычно лицо повешенного бледно, потому что доступ крови к голове молниеносно прекращается. Часто под давлением петли ломались хрящи гортани и подъязычная кость.

При удушении веревкой или "инструментом" типа веревки (что редко встречается при самоубийствах и большей частью свидетельствует об убийстве) на шее остается след удушения. Он образует линию вокруг шеи. Лицо в таких случаях приобретает лиловый оттенок, потому что часть артерий, по которым кровь поступает к голове, не блокирована, а вены блокированы. Появляются синяки на шее и точечные кровоизлияния на лице и щитовидной железе. Чаще, чем при повешении, встречаются сломанные хрящи гортани. Удушение руками также оставляет характерные следы: переломы хрящей гортани и подъязычной кости и едва заметные царапины от ногтей. Подкожные кровоизлияния, засохшие места и кровоизлияния в мышцах встречаются чаще слева от гортани, где лежит большой палец убийцы. Еще ярче выражен застой крови в голове, лицо может почернеть. Глаза вылезают из орбит. При вскрытии часто обнаруживается большое скопление крови в мозгу, в легких и правой стороне сердца, а также уже известные пятна Тардьё.

10 апреля 1905 года Туано принял мадам Чарлез Вебер с сыном Морисом в госпитале Сан-Антуан для обследования. Он попросил мадам Вебер рассказать о событиях, происшедших 5 апреля в пассаже Гут-д'Ор. При этом он узнал, что следы на шее Мориса постепенно бледнели и накануне, 9 апреля, исчезли. Затем ассистент обследовал мальчика, пока Туано просматривал записи врачей Сайана и Севестра о состоянии Мориса 5 и 6 апреля. Наконец он сам обследовал ребенка и продиктовал свое заключение для следователя: Морис — полный, здоровый ребенок. На его шее нет никаких следов насилия. Это может быть результатом того, что следы "предполагаемого покушения" за прошедшее с того момента время исчезли. Не исключено также, что показания матери Мориса ложны и что удушье было результатом судорог голосовой щели, часто встречаемых у детей. Врачи госпиталя Бритоно предполагали, что нашли следы удушения, но мы, писал в своем заключении Туано, такого вывода сделать не можем.

14 апреля выкопали гробы Жоржет, Сюзанны и Жермен Вебер. Туано нашел, что труп Жоржет хорошо сохранился и может дать

необходимые данные. С привычной уверенностью он приступил к вскрытию. Выводы: на шее нет никаких патологических изменений, синяки отсутствуют. В мышцах шеи нет кровоизлияний. Подъязычная кость и сосуды шеи не нарушены. В левом легком небольшой туберкулезный очаг. Все прочие органы здоровы.

Шея Сюзанны тоже была "чистой", на ней не было повреждений. Лишь вскрытие груди помогло обнаружить небольшое, но явное кровоизлияние в большой мышце сердца. Туано констатировал: "Это прижизненное повреждение". Но, несмотря на это, его заключение было отрицательным. Никаких повреждений подъязычной кости, гортани, трахеи. Никакого застоя крови в легких, никаких пятен Тардьё. Все органы здоровы.

Труп Жермен сохранился лучше всех. Результат обследования гласит: "На поверхности шеи никаких следов насилия. Никаких повреждений гортани и языка. В легких — незначительный застой крови. Все прочие органы здоровы".

Вечером того же дня Туано передал свое заключение Лейдэ. Он описал также, какие патологические изменения встречает судебная медицина в случаях удушения. "Но чтобы поставить судебно-медицинский диагноз удушения, — писал он, — нужны хотя бы некоторые из перечисленных признаков". Так как ни у Жоржет, ни у Жермен таковые не найдены, то нельзя предположить, что они были задушены. Что касается Сюзанны, то на ее шее обнаружен синяк. Но было бы авантюризмом на основании этого утверждать, что ее задушила Жанна Вебер. Туано продолжал: вскрытие не обнаружило патологических изменений, позволивших судить о причине смерти. Но ведь известны случаи естественной смерти, не оставляющей в органах никаких изменений. Например, типичные для детей судороги голосовой щели, или псевдодифтерит. Туано резюмировал: "Сюзанна, Жоржет и Жермен могли стать жертвой естественного удушья, которое не оставило патологических изменений в организме".

На следующее утро Туано закончил свой отчет о вскрытии Марселя Вебера. Он не нашел никаких болезненных изменений в его организме. Тем более признаков удушья. Вывод был таким: "Результаты вскрытия исключают гипотезу насильственной смерти путем удушения".

Разочарование следователя Лейдэ, наступившее после первого экспертного заключения Туано о причине смерти Марселя Вебера, перешло в своего рода неуверенность по мере поступления последующих заключений. Непостижимы были противоречия между результатами расследования и заключениями Туано. Хотя Лейдэ относился к тем, кто глубоко верил в прогресс медицины, а следовательно, и в судебную медицину, все же в апреле и июне 1905 года он допросил еще раз всех свидетелей. Повторное расследование еще больше убедило его в том, что Жанна Вебер причастна к смерти детей. Следователь Лейдэ еще раз изучил книги Тардьё и Бруарделя об удушении. 21 июля он передал Туано все следственные материа-

лы для производства новой экспертизы с учетом показаний всех свидетелей. Лейдэ особенно просил учесть показания врачей Сайана, Севестра и Лабеля. И наконец, он спросил, о чем могут свидетельствовать упорные показания очевидцев, что руки Жанны Вебер каждый раз находились под одеждой детей, на их груди?

С нетерпением Лейдэ ожидал результатов нового исследования. В конце августа был получен ответ Туано. Это был подробный отчет, но, уже прочитав его первые страницы, Лейдэ понял, что он ни на шаг не продвинулся вперед. Туано слово в слово повторил свое первое заключение. Причиной смерти Жоржет были судороги голосовой щели, Жермен — судороги голосовой щели, Сюзанны — судороги, Марселя — псевдодифтерит. Показания свидетелей о следах в виде борозды на шее, о фиолетовых и почерневших лицах детей, о вылезших из орбит глазах он категорически отклонил как "ненаучные". Он писал: "Подобные утверждения лиц, не имеющих медицинского образования, абсолютно не убедительны". Туано коснулся вопроса о возможности удушения детей Жанной Вебер путем сдавливания груди, но он сделал это, не разобравшись лично в этом вопросе, а лишь ссылаясь на опыт Тардьё 1870 года, который рассматривал возможность смерти от сдавливания груди в случаях контузии или при большой давке. Тардьё отмечал в таких случаях множественные ранения на теле потерпевшего. "Вскрытие же, — писал Туано, — не показало нам никаких ранений, которые сопровождают удушение путем сжатия груди". Он заявил, что предположение, будто можно удушить ребенка, стиснув его грудь, авантюристично. Квинтэссенцией его заключения было: "Предположение о насильственной смерти Жоржет Вебер научно не обоснованно". Это относилось также и к Жермен, Сюзанне и Марселю. В самом конце Туано написал: "Только Морис был обследован медиками в госпитале Бретоно, и их наблюдения дают возможность предположить об имевшей место попытке удушить ребенка". Но отчетливо чувствовалось его недоверие к свидетельствам Сайана и Севестра, потому что они исходили не от судебных медиков.

Лейдэ принял заключение к сведению. Как бы Туано ни настаивал на своей точке зрения, Лейдэ был убежден, что Жанна Вебер виновна в смерти детей. Прокурор Зеелигман возбудил против нее дело об убийстве и покушении на убийство. Но с самого начала судебное разбирательство проходило под влиянием противоречий между результатами следствия и судебно-медицинской экспертизы. Президент суда Бертолюс, глубоко веривший в науку и прогресс, все же под впечатлением от показаний свидетелей перенес заседание суда с декабря 1905 года на январь 1906 года. 18 января он поручил профессору Бруарделю совместно с Туано просмотреть дело и имеющиеся заключения.

Бруарделю было уже 78 лет, лишь шесть месяцев отделяли его от смерти. Позднее вообще сомневались, что он лично смог заниматься порученным ему делом. Другие же обвиняли его в том, что он под влиянием славы потерял самокритичность.

Так или иначе, спустя несколько дней суд получил заключение, подписанное Бруарделем и Туано. Оно подтверждало мнение Туано во всех деталях и кончалось словами: "Наши познания в судебной медицине позволяют констатировать, что в области шеи, рта и носа нет никаких следов насилия. Мы не можем научно подтвердить гипотезу удушения путем сдавливания груди..."

Когда 29 января 1906 года начался процесс над Жанной Вебер, прокурора Зеелигмана и президента суда Бертолюса беспокоили противоречия между личной убежденностью в вине подсудимой и глубокой верой в науку. Над ними витала тень Туано и Бруарделя. Что значили имена врачей Сайана и Севестра или Лабеля по сравнению с именем Бруарделя? Что значили имена простых госпитальных врачей по сравнению с именем, с которым связана слава французской судебной медицины? Что значили другие свидетели, простые люди из Гут-д'Ор? Что останется от их показаний при очной ставке с Туано и защитой, которая сумеет так их запутать и использовать их невежество, что они в конце концов начнут отрицать то, что видели собственными глазами?

Утром 29 января у ворот здания суда собралась толпа матерей и отцов, для которых обвиняемая под именем "убийца из Гут-д'Ор" стала исчадием ада, пожирающим детей. Их инстинкт взывал к мести убийце, сидящей с тупым выражением лица на скамье подсудимых. Но можно было быть уверенным, что инстинкт людей там, на улице, и здесь, в зале суда, так же быстро восстанет против прокурора и суда, если защите удастся с помощью Бруарделя и Туано из проклятой убийцы сделать невинно преследуемую, потерявшую родных детей мать. Можно было не сомневаться, что защита только эту цель и ставила перед собой. Пройдя мимо толпы у ворот суда, в зал вошел мэтр Генри Роберт, ставший видной фигурой со времени дела Гуфе и Габриеллы Бомпар. Роберт взял на себя защиту Жанны Вебер. Он был человеком, который не мог упустить случая стать участником такой сенсации.

Уже через день сбылись худшие предположения Зеелигмана.

Роберт запутал свидетелей обвинения, в том числе и врачей, запутал в противоречиях и высмеял якобы имевшиеся следы удушения. На этом фоне выступил Туано со своими тезисами, самоуверенный, снисходительный, ни в чем не сомневающийся.

Уже вечером 30 января Зеелигман был вынужден предложить оправдать Жанну Вебер. Впервые проявились какие-то чувства на лице подсудимой. Она поцеловала руку Роберта и крикнула своему мужу, чтобы он подошел. "Скажи, что ты признаешь мою невиновность!" — потребовала она. В массах произошла перемена, которую предвидел Зеелигман. Мужчины и женщины аплодировали и пытались вынести Жанну Вебер на руках.

Уже в январском номере журнала "Анналы общественной гигиены и судебной медицины", издаваемого под редакцией Бруарделя, появилась статья Бруарделя и Туано "Дело Жанны Вебер". Она содержала все протоколы расследования и экспертиз, а также вступ-

ление авторов, которое заканчивалось словами: "Открытое слушание дела в суде все выяснило. Противоречия и заблуждения свидетелей произвели такое глубокое впечатление на судей и присяжных заседателей, что нашим заключениям было легко отмести оставшиеся пункты обвинения..."

Ни Бруардель, ни Туано не ведали в тот момент, что дело Жанны Вебер лишь начинается и что им и парижской судебной медицине предстоят испытания, избежать которых Бруарделю помогла лишь смерть. Он умер 23 июля 1906 года.

13. Жанна Вебер в Шамбри. 1907 год

Вечером 16 апреля 1907 года в общине Виледью департамента Индре девочка, охваченная паникой, звонила в дверь врача Папазоглу. На вопрос врача, что за причина поднимать такой шум, девочка ответила: "Я из Шамбри. Меня зовут Луиза Бавузэ. Мой брат Огюст очень болен. Приходите скорей". У отца Луизы было жалкое хозяйство. В маленькой лачужке он жил со своими тремя детьми и сожительницей по имени Мулине, которая появилась в этой местности несколько недель назад как бродяжка и нашла приют у Бавузэ. Расспросив у девочки о болезни брата, врач дал ей для него слабительное и послал домой, а сам пошел на свадьбу к соседу.

Ранним утром 17 апреля к врачу явился отец мальчика, грязный и смущенный. По его поведению Папазоглу понял, что с ребенком приключилось что-то серьезное, и поехал в Шамбри. Когда он приехал, девятилетний Огюст был уже мертв. Рядом с постелью ребенка врач застал сожительницу Бавузэ, полную, круглолицую женщину с черными, ничего не выражающими глазами. Папазоглу заметил, что ребенок уже помыт и одет в новую рубашку, воротник которой туго облегал шею. "Зачем это?" — спросил он. Равнодушным, ленивым голосом она сказала: "Его вырвало, он был грязным". Врач, однако, настоял, чтобы рубашку сняли. При этом ему бросилось в глаза покраснение, которое более или менее отчетливо просматривалось вокруг всей шеи. Явление это было столь необычным, что врач отказался засвидетельствовать смерть и сообщил о случившемся в полицию. Дежурный следователь Белло поручил доктору Шарлю Одья поехать в Виледью и в качестве судебного медика установить причину смерти. 18 апреля к вечеру Одья прибыл в Виледью. Труп ребенка был уже в часовне на кладбище, куда Одья велел принести несколько досок и на этом импровизированном столе произвел вскрытие. Доктор сразу же заметил странные метки на шее, которые могли свидетельствовать об удушении. Но линия проходила как раз по верхнему краю воротника, что немного поколебало его уверенность. Из литературы ему было известно, что давление воротника после смерти может вызвать образование следа на шее, который похож на странгуляционную борозду. Когда же он услышал, что Огюст Бавузэ некоторое время болел, то решил, что маль-

чик умер естественной смертью. Доктор Одья доложил: "Смерть ребенка естественна. Она произошла, видимо, из-за судорожных явлений, вызванных раздражением мозговой оболочки, так как уже две недели мальчик жаловался на головную боль".

19 апреля худенькое тело Огюста Бавузэ поглотила земля. Мадам Мулине с тупым выражением лица стояла у гроба ребенка.

Никто не заметил, что старшая сестра Огюста, Жермен, во время похорон стояла в стороне. Она не доверяла посторонней женщине, которая проникла в их дом и спала на постели умершей матери. В последующие дни девочка просмотрела содержимое мешка, в котором мадам Мулине хранила свои вещи. При этом она нашла связку газетных вырезок за 1906 год о процессе по делу Жанны Вебер, где были напечатаны ее портреты. И тут Жермен поняла, что мадам Мулине не кто иная, как Жанна Вебер. Спрятав вырезки под фартук, она отправилась в Виледью, где положила вырезки на стол инспектору жандармерии Офана и с трудом пролепетала: "Это она. Она задушила Огюста".

23 апреля следователь Белло возбудил дело. Он приказал доктору Одья перепроверить свое заключение от 18 апреля. В то же время он поручил другому врачу, патологоанатому Фредерику Брюно, произвести повторное вскрытие. Второй раз, 23 апреля, жалкая часовенка кладбища в Виледью превратилась в помещение для вскрытия трупов. Картина прояснилась, когда на другой день следователь Белло держал в руках протокол повторного вскрытия. Доктор Брюно констатировал (а доктор Одья с ним соглашался) наличие странгуляционной борозды шириной в два с половиной сантиметра. Слабей всего она была выражена сзади. Ниже кольцевого хряща просматривались ранения, которые могли быть нанесены ногтями рук. Кожа борозды была засохшей, как пергамент. Кровоизлияния в гортани и в мышцах шеи исключали предположение Одья о давлении воротника. Сердечный мешочек был полон крови. Следы на шее ребенка свидетельствовали об удушении, возможно, с помощью носового платка, который предполагаемая преступница обернула вокруг шеи мальчика и закрутила спереди. Это объясняет царапины на шее в области гортани и плохо выраженную странгуляционную борозду в области затылка. Это объясняет также первоначальную ошибку в заключении относительно воротника. Оба врача не нашли ни малейших причин естественной смерти.

4 мая жандармы арестовали Жанну Вебер-Мулине и доставили в Бурж. На следующий день газеты Парижа распространили сообщение о новом аресте "убийцы из Гут-д'Ор". В них сообщалось, что Жанна Вебер ночью в июне 1906 года покинула своего мужа и Гут-д'Ор, потому что, несмотря на оправдательный приговор, ей не верили. Все прятали от нее своих детей. Через сутки появились первые комментарии прессы. Они вопрошали: "Что означают события в Шамбри? Не означают ли они, что парижский суд 30 января признал невиновной убийцу? Не означают ли они, что профессор Бруардель и Туано создали для преступницы новую возможность

убивать? Не означают ли они, наконец, что Генри Роберт, опытный и хваленый Роберт, в январе 1906 года одержал победу не над преступлением, а над правосудием?"

Не надо быть особо дальновидным, чтобы предсказать, что такой честолюбивый человек, как Роберт, пустит в ход все, лишь бы доказать, что он сражался только за справедливость, за эту "святыню человечества", как он выразился. Уже 8 мая Роберт предложил себя в качестве адвоката Жанны Вебер. 11 мая он вызывающе посоветовал следователю Белло не очень-то полагаться на экспертизу провинциальных врачей. Он требовал, чтобы преемник Бруарделя, Леон Туано, был уполномочен установить причину смерти Огюста Бавузэ. Туано, как ему известно, всегда готов к этому. 17 мая он повторил свое требование, а газеты поддержали его.

Следователь Белло всячески пытался избежать давления со стороны столицы. Но он хорошо знал, что ему придется уступить, если он не хочет подвергать себя общественному осуждению за то, что отдал Жанну Вебер под суд, не использовав добровольно предложенную помощь наивысшей инстанции французской судебной медицины. В начале июня он сдался. Правда, он уклонялся от эксгумации и переслал Туано заключение Одья и Брюно, понимая, однако, что это только начало полной капитуляции.

Итак, Туано вторично появился на сцене. Он стоял перед выбором: либо объективно рассмотреть заключения врачей из Шатору и, если они правы, признать, что и знаменитая парижская школа судебной медицины может ошибаться, либо доказать свою правоту и непорочность науки.

1 июля Туано направил следователю письмо, в котором заявлял, что находит экспертные заключения Одья и Брюно слишком дилетантскими. Свою точку зрения он может изложить лишь после того, как ему будет разрешено эксгумировать и заново обследовать труп. Случилось то, что предвидел Белло, и он уступил авторитету и власти Туано.

27 июля, ровно три месяца спустя после смерти Огюста Бавузэ, в Виледью появился Туано со своим ассистентом Сокэ. Одья и Брюно отказались присутствовать на вскрытии в качестве свидетелей, потому что "бессмысленно искать на разлагавшемся трупе трехмесячной давности следы, которые они видели сразу после смерти". Кому нужно, чтобы повторился парижский спектакль, ибо то, что видели своими глазами врачи Сайан и Севестр, все равно не сыграло никакой роли?

5 августа Туано передал суду свое заключение. Он был вынужден признать, что "процесс разложения сильно изменил ткань на шее трупа...". Это означало, что решить основной вопрос, имело ли место удушение, не представлялось возможным. Туано констатировал, что вскрытие произведено врачами Одья и Брюно неумело, а поэтому следует поставить под сомнение их судебно-медицинское заключение. Они недостаточно глубоко обследовали ткань под странгуляционной линией, чтобы иметь возможность судить о кро-

воизлияниях, а это доказывает, что их вывод об удушении недостоверен. Затем следовало: некомпетентность врачей Одья и Брюно не позволяла им установить настоящую причину смерти ребенка. Они утверждали, что не нашли во внутренних органах ничего, что могло бы вызвать смерть. На самом же деле они не вскрыли пищеварительный тракт и не увидели из-за этого истинной причины смерти Огюста Бавузэ. В заключении Туано писал: "Полное вскрытие трупа позволило нам обнаружить в кишечнике так называемые пятна Пэйе, а это позволяет предполагать, что причиной смерти был брюшной тиф. О насильственной смерти поэтому речи вообще не может идти".

Прочитав заключение Туано, Белло страшно возмутился, так как здесь была неприкрытая попытка дискредитировать его врачей и во что бы то ни стало найти естественную причину смерти. Из Виледью до него дошли слухи, что доктор Сокэ случайно во время вскрытия поранил тонкую кишку и при этом наткнулся на маленькое пятнышко, которому он обрадовался и определил его как язвенно измененное пятно Пэйе. Белло пригласил к себе Одья и Брюно и попросил их прокомментировать все это. Они объяснили, что при наличии определенного следа удушения не было надобности в дальнейшем вскрытии каждой кишки. Прощупывание кишок позволило им установить, что причин столь внезапной смерти из-за болезни не существует. Что же касается пятен Пэйе, то Туано не мешало бы иметь учебник Вибера, где написано: "Важно знать, что у детей почти всегда можно обнаружить много белых пятнышек, внешне похожих на пятна Пэйе. Наличие их еще не свидетельствует о заболевании брюшным тифом". Но Туано нашел другое высказывание в книге Вибера, где говорилось, что если пятна Пэйе имеют вид язвочек, то можно предположить тиф. А именно такое пятно они и нашли в трупе Огюста Бавузэ.

Следователь по-прежнему был уверен, что Жанна Вебер виновна и что Туано спасал свою репутацию. Но в глазах общественности он был лишь пленником научного спора. В конце августа следователь предложил высказать свою точку зрения трем видным судебным медикам и патологам: профессору Ландэ из Бордо, профессору Бриссо из Парижа и профессору Мэрэ из Монпелье.

Ландэ, Бриссо и Мэрэ высказали свои суждения, не видя трупа. Они опирались на заключения Туано, с одной стороны, и на заключения врачей Одья и Брюно — с другой, но поддержали Туано. В декабре 1907 года следователь Белло сдался.

Жанну Вебер освободили. Газеты писали с сарказмом: "Жанна Вебер свободна, господа Туано и Сокэ тоже". Но что стоили эти слова? 13 января 1908 года судебно-медицинское общество Парижа собралось на свое первое заседание этого года, чтобы послушать речь Генри Роберта о деле Жанны Вебер. Роберт чувствовал себя победителем. Его речь — это страстное осуждение невежества врачей Одья и Брюно и восхваление достижений Туано, Ландэ, Бриссо и Мэрэ. "Заключение последних, — сказал Роберт, — было по всем пунктам

первоклассным подтверждением правильности экспертизы Туано и Сокэ. Жанна Вебер после восьми месяцев заключения в следственной тюрьме снова на свободе. Теперь вы знаете, кто несет ответственность за ее арест".

Туано предлагал изменить правила судебно-медицинских экспертиз, чтобы впредь избежать подобных ошибок. Раздавались требования наказать докторов Одья и Брюно. Президент общества заверил: "Мы сделаем свои выводы из сенсационного дела Жанны Вебер". Никто из присутствующих не подозревал, что это был последний час триумфа в деле Вебер. Лишь четыре месяца отделяло их от того дня, когда они будут горько сожалеть о своем ликовании.

14. Конец Жанны Вебер

Это было как гром среди ясного неба. 9 мая 1908 года заголовки парижских газет сообщили: "Ограбление с убийством в Коммерси! Марсель Пуаро, сын трактирщика Пуаро, задушен! Жанна Вебер схвачена на месте преступления!"

Это было непостижимо. Вспомнилось все: и ненависть к убийце, и сомнения в правильности научных экспертиз, и сочувствие к дважды невинно пострадавшей. Но если газеты сообщают правду, то что же остается от триумфа науки? Что стало с верой в ее силу и непогрешимость?

В это время в больнице Коммерси профессор Паризо, декан факультета судебной медицины университета в Нанси, его сын Жан и доктор Тьерри склонились над трупом семилетнего Марселя Пуаро. Позади них стоял следователь Ролен из Сан-Миеля. Он был полон решимости не допустить повторения ошибок следователя Белло и не оставить Туано даже малейшей лазейки, которая помогла бы ему выкрутиться.

Ровно за шестнадцать часов до этого, вечером 8 мая, в Коммерси прибыл штукатур Эмиль Бушери с кругленькой, невзрачной, по-видимому, любящей детей женщиной, которую он представил как свою жену. Он поселился в трактире Пуаро на Рю-де-ла-Паруас. Вечером Эмиль ушел на работу и намеревался вернуться домой поздно. Его жена играла с сыном трактирщика Марселем. Когда настало время спать, она попросила Пуаро, чтобы его сын Марсель лег спать сегодня в постель ее мужа, так как она очень боязлива.

Пуаро беззаботно согласился. Около 10 часов постоялец, живший на втором этаже, услышал крик ребенка. Он позвал Пуаро. Несколько минут спустя они вошли в комнату мадам Бушери, и их глазам предстала ужасная картина. Марсель с посиневшим лицом, бездыханный лежал на постели: Из его рта шла кровь. Рядом с ним лежала на постели жена нового постояльца. Ее руки и рубашка были в крови. Под кроватью лежали окровавленные носовые платки.

Через несколько минут пришел доктор Гишар, но он опоздал. Марсель был уже мертв. Отчетливо различались следы сдавлива-

ния на шее. Ребенок прикусил язык, и это вызвало кровотечение. Вымазанная в крови ребенка убийца спокойно заявила, что она не виновата и ничего не знает. Пришедшие из Сан-Миеля жандармы нашли в ее вещах спрятанное письмо мэтра Генри Роберта. Оно было адресовано Жанне Вебер в тюрьму Бурж и датировано декабрем 1907 года. Роберт поздравлял ее со скорым освобождением. Так же тупо, как она твердила о своей невиновности, мадам Бушери призналась, что ее зовут Жанна Вебер.

Труп ребенка под охраной доставили в больницу. Следователь приказал сфотографировать ребенка в том ужасном виде, в каком его обнаружили. "Никакой Туано не сможет у меня скрыть следы преступления", — заявил он. Затем он телеграммой вызвал профессора Паризо из Нанси.

Утром 9 мая Паризо приступил к вскрытию. Каждый разрез фотографировали. Вывод был один: странгуляционная борозда проходила вокруг всей шеи. Особенно ярко она была выражена сбоку, менее отчетливо — под подбородком. На шее и лице множественные следы ногтей и маленькие синячки. На языке следы зубов Марселя. Ролен пригласил в Коммерси также профессора Мишеля, патолога университета в Нанси, который смог приехать лишь вечером 11 мая. Тем временем Ролен с помощью телефона и телеграфа пытался проследить путь, который проделала Жанна Вебер с декабря 1907 года.

Сначала она жила в ночлежке в Фокомболе. Затем Жорж Бонжо, президент Общества защиты детей, будучи уверен в ее невиновности, из сочувствия к "невинно пострадавшей" принял Жанну Вебер на работу в детский дом Оргевиля в качестве няни. Теперь он признался, что эта якобы несправедливо преследуемая через несколько дней попыталась задушить больного ребенка. Ее тотчас уволили. Бонжо не сообщил об этом властям только потому, что боялся поставить себя в смешное положение. В марте 1908 года Жанну Вебер арестовали за бродяжничество. При аресте она заявила, что она та самая Жанна Вебер, которая убила детей в Гут-д'Ор. Когда ее доставили к префекту полиции Лепину, она отказалась от своих слов и заявила, что оговорила себя, чтобы пожить в теплом помещении. Лепин поручил невропатологу Тулузу обследовать ее психическое состояние. Доктор Тулуз нашел ее совершенно здоровой. Так в апреле 1908 года она появилась в Бар-ле-Дю и, наконец, сошлась с Эмилем Бушери.

Когда 12 мая профессора Мишель и Паризо закончили свою работу, сотни людей стояли у ворот госпиталя. В совместном заключении врачи констатировали: "Смерть наступила в результате удушения при помощи носового платка, закрученного вокруг шеи и затянутого под подбородком".

По всей Франции поднялась волна возмущения, разгорелись жаркие споры. Как получилось, что светила парижской судебной медицины по меньшей мере пять раз не смогли обнаружить следы насилия и тем самым содействовали дальнейшим убийствам? Чем это можно объяснить?

От Туано и из парижской школы судебной медицины не последовало никакого ответа, никакого признания совершенных ошибок. Туано и некоторые его коллеги упорно (что, кстати, не свойственно истинно великим людям) продолжали утверждать, что, несмотря ни на что, они были правы. Они прибегли к помощи психиатрии, этому любимому детищу судебной медицины, пока еще ковыляющему от заблуждения к заблуждению.

Жанна Вебер не была отдана под суд и теперь. 25 октября 1908 года парижский психиатр Лато признал ее невменяемой, в чем немалая заслуга самого Туано. Вебер исчезла в сумасшедшем доме Марсеваля и спустя два года покончила с собой, задушив себя собственными руками. И, умирая, она, может быть, испытывала то чувство наслаждения, которое, как предполагают, являлось движущей силой ее преступлений. У Туано и Роберта хватило смелости (нахальства) утверждать, что она совершила лишь одно убийство, убийство в Коммерси. Невероятный ажиотаж вокруг убийства в Париже и в Шамбри гипнотически подействовал, мол, на нее, и она наконец совершила то, в чем ее напрасно обвиняли.

В период, когда вера и восхищение величием и непогрешимостью парижской школы судебной медицины достигли своего апогея, дело Жанны Вебер послужило предостережением и научило всех, кто хотел быть объективным, различать пределы возможностей судебно-медицинской науки. Выяснилось, что многие следы преступления во время вскрытия могут остаться незамеченными даже для опытного глаза. К роковым ошибкам могут привести произведенные через длительное время после смерти эксгумации и вскрытия. Это было призывом к скромности, к осторожности, к пониманию того, что судебная медицина призвана не к тому, чтобы самой решать вопросы расследования уголовного дела. Не всегда ее слову можно придавать большое значение, ибо она играет вспомогательную функцию при расследовании уголовных дел.

Что казалось Бруарделю и Туано надежной основой их выводов, было на самом деле лишь фундаментом для дальнейшей работы многих поколений судебных медиков над выяснением проблем, связанных с определением следов насильственного удушения.

Новые поколения судебных медиков изучают процессы, происходящие в человеческом организме во время удушения. Изменение химического состава крови, изменение обмена веществ, возникновение новых химических веществ, повреждения в мозгу, печени и сердце — все это через пятьдесят лет оставит далеко позади представления Бруарделя и Туано.

Работа новых поколений исследователей приведет к констатации того печального факта, что удушение детей при эластичности их горла и шеи оставляет мало следов и что следы эти к тому же быстро исчезают. Стало известно, что часто не удается обнаружить следов при удушении путем сдавливания грудной клетки, о чем Бруардель и Туано вообще не имели понятия.

Используя достижения гистологии, новые поколения ученых исследовали под микроскопом малейшие изменения, происходящие в тканях при удушении. В своих работах венгр Орзос исследовал процессы растворения жира в мельчайших жировых клетках в области странгуляционной борозды. Японцы Кубоява и Огата путем окрашивания научились отличать неповрежденную ткань от ткани странгуляционной борозды, следы сдавливания которой из-за удушения мягким способом (например, шалью) были почти незаметны. В работах немецкого ученого Вальхера и южноафриканского — Макинтоша исследовалось тончайшее расслоение тканей, а также давалось описание результатов гистологического анализа лимфатических узлов, тончайших стенок кровеносных сосудов и нервных клеток шеи.

В поисках верного способа отличить самоубийство от убийства с последующей инсценировкой самоубийства сыграли большую роль исследования слюны и эксперименты немца Берга с фосфатидами, то есть с веществами, которые при быстром удушении выделяются печенью и селезенкой, увеличивая содержание этих веществ в крови. Если при повешении или удушении обнаруживалось повышенное содержание фосфатидов во всем теле, кроме головы, то речь шла о самоубийстве. Перетяжка кровеносных сосудов шеи препятствовала проникновению в область головы крови с повышенным содержанием фосфатидов. При повешении или удушении после убийства этого нельзя было наблюдать.

Короче говоря, появился целый арсенал доказательств, о которых Бруардель или Туано не могли и мечтать, и все же их не хватает, чтобы безапелляционно судить о каждом случае. Призыв к величайшей осторожности, который в истории судебной медицины породило дело Жанны Вебер, нельзя забывать.

15. Дело Криппена. Лондон, 1910 год

Дело Харви Криппена, убившего в Лондоне в ночь на 1 февраля 1910 года свою жену Кору, имело все предпосылки стать классическим примером в истории криминалистики. Романтически-приключенческий побег убийцы с любовницей, переодетой мальчиком, вызвал не меньший интерес, чем тот факт, что Криппен был арестован на борту парохода "Монтроз" благодаря новому открытию — беспроволочному телеграфу. Однако за этим приключенческим фасадом скрывалось то, из-за чего дело Криппена оказало большое влияние на развитие судебной медицины в Англии.

Дело Криппена началось 30 июня 1910 года, когда в Скотланд-ярд обратился господин по фамилии Нейш и попросил выяснить судьбу его приятельницы, артистки, которая бесследно исчезла 1 февраля. Ее сценическими именами были Кора Тарнер или Бель Эрмо, а настоящее имя — Кора Криппен. Она была супругой американского врача Криппена, представителя американской фирмы патентованных медикаментов "Муньон ремдиз" и зубоврачебной фирмы "Тус спэшиалистс", проживающего в Лондоне с 1900 года.

Нейш поведал шефу-инспектору Вальтеру Дью следующую историю: Криппен занимает небольшой дом в северном районе Лондона на Хиллдроп Крезент, 39. Здесь 31 января он и Кора принимали друзей артистов, известных под именем Мартинелли. Мартинелли ушли в 1.30 ночи. С тех пор Кору Криппен больше не видели. Нейш описал ее как жизнерадостную, здоровую женщину лет тридцати пяти. 3 февраля союз "Мюзик-холл лэйдиз гилд", членом которого была Кора Криппен, получил два подписанных ею письма. В них Кора Криппен сообщала, что из-за болезни одного из ее близких родственников она вынуждена уехать в Калифорнию. Письмо было написано чужой рукой. Мартинелли и другие друзья Коры обратились к Криппену за разъяснением, но вместо разъяснений он вдруг появился на балу со своей секретаршей Этель Леневё. Все обратили внимание, что на молодой особе были драгоценности и меха Коры Криппен и что 12 марта она переехала в дом Криппена. А через десять дней Криппен сообщил друзьям, что жена его умерла в Лос-Анджелесе от воспаления легких.

Шеф-инспектор Дью 8 июля отправился на Хиллдроп Крезент. Дома была только Этель Леневё, симпатичная женщина лет двадцати. Криппен работал на Оксфорд-стрит. Там Дью и застал его. Пред ним был небольшого роста человек лет пятидесяти, с пышными усами, с глазами навыкате, в очках с золотой оправой. Совершенно спокойно он заявил инспектору: "Я думаю, лучше сказать всю правду. История, которую я рассказывал о смерти моей жены, — ложь. Насколько мне известно, она жива". Правдой же было, как рассказал он дальше, то, что жена покинула его с более богатым человеком. Историю с ее смертью он выдумал, чтобы не выступать в роли покинутого мужа.

Криппен охотно рассказывал о своей жизни. Подробности Дью узнал от его знакомых. Криппен родом из Мичигана, получил диплом в Нью-Йорке, работал врачом в Детройте, Сант-Яго, Филадельфии. В 1892 году он женился на красотке, которая называла себя Кора Тарнер или Бель Эрмо, а на самом деле была Кунигундой Макамотски. У Коры был небольшой голос, но зато большая страсть к театру. Влюбленный в нее Криппен оплачивал многочисленные уроки пения и переехал в Лондон, потому что Кора надеялась в британской столице сделать карьеру скорее, чем в Нью-Йорке. Но и в Лондоне Кора не пошла дальше нескольких выступлений в дешевом мюзик-холле. Неуравновешенная по натуре, она срывала злость на Криппене, имела круг сомнительных поклонников, заставляя Криппена вести хозяйство и обслуживать ее гостей. Криппен терпел и не возмущался. Последнее время Кора одаривала своим вниманием американца Миллера.

Такова предыстория. Криппен пригласил инспектора Дью в свой дом на Хиллдроп Крезент, 39 и предложил свою помощь в розыске жены. Рассказ Криппена удовлетворил Дью. Он составил протокол и на этом думал закрыть дело. При составлении протокола ему понадобилось уточнить некоторые обстоятельства. Когда же он

11 июля пришел на Оксфорд-стрит, чтобы поговорить с Криппеном, ему сообщили, что Криппен 9 июля неожиданно покинул Лондон. Дью тотчас проверил дом на Хиллдроп Крезент и застал его брошенным. С Криппеном исчезла также Этель Леневё. Лишь теперь у Дью зародилось подозрение, и он подверг дом тщательному обыску. 13 июля в подвале Дью обнаружил место, где кирпичный пол, казалось, вскрывался. Подняв кирпичи, он увидел кровавое месиво. Это были части тела, в которых нельзя было различить ни головы, ни рук, ни ног, но остались клочки от одежды и среди них — дамская ночная рубашка.

На другой день в дом на Хиллдроп Крезент прибыл Август Джозеф Пэппер, хирург и патолог, чтобы обследовать находку.

Британская судебная медицина того времени во многом отличалась от европейской. Колыбелью британской судебной медицины была Шотландия. Там в конце XVIII столетия, по примеру австрийцев, Андрю Дункан-старший, профессор медицины при Эдинбургском университете, начал читать лекции по полицейской медицине. В 1807 году сын Дункана королевским декретом был назначен на пост профессора судебной медицины. Предмет был для Шотландии так нов, что депутаты парламента и городской совет Эдинбурга считали создание кафедры экстравагантной выходкой правительства. Оно, по их мнению, "хотело показать этим, что может позволить себе все, что угодно". Дункан открыл путь, по которому пошли Кристисон, Трейл, Генри Литтлджон и его сын Харвей Литтлджон. Медицинские школы Англии значительно позже уделили некоторое внимание вопросам судебной медицины. Медицинская школа госпиталя Гайя в Лондоне, с которым связаны такие имена, как Руан и Джон Гордон Смиты, несколько опередила другие школы Англии, назначив в 1844 году преподавателем судебной медицины двадцатипятилетнего хирурга Альфреда Свайна Тейлора. Тейлор изучал свой предмет во Франции. Его двухтомник "Теория и практика судебной медицины" был первым значительным трудом такого рода. Благодаря ему в Англии получили представление о европейской системе судебной медицины. Но в то же время именно Тейлор в 1859 году из-за своей ошибки в процессе об отравлении доктором Сметхарстом способствовал росту недоверия английской общественности к юстиции, полиции, а также к новой науке. Это недоверие чувствовалось и в начале XX века. Оно было причиной того, что почти ни один патолог не хотел заниматься проблемами судебной медицины. Решающей же причиной была веками формировавшаяся и укоренившаяся в Великобритании, за исключением Шотландии, система расследования скоропостижных и загадочных случаев смерти.

Если в Европе расследование подобных случаев осуществлялось полицией, государственными врачами, судебными медиками, то в Англии, согласно древней традиции, главную роль в этом деле играл коронер. Коронер — это свободно избранный человек, который проводит общественное расследование (так называемый инквест) подо-

зрительных случаев смерти и случаев скоропостижной смерти в своем районе вместе с судом присяжных, притом присяжных должно быть не меньше семи и не больше одиннадцати. В давние времена коронер назначался английской короной. Его обязанностью было заботиться о том, чтобы имущество осужденных и самоубийц поступало в распоряжение короля. С течением времени роль коронера изменилась, он превратился в контрольный орган расследования насильственной и скоропостижной смерти. Закон не требовал от него каких-либо специальных знаний, а только одной честности. Коронеры и присяжные суды с незапамятных времен выносили решения о причине смерти без каких-либо медицинских знаний, исключительно на основании результатов осмотра трупа и опроса свидетелей. Там, где коронер считал нужным посоветоваться с врачом, он обращался в первому попавшемуся практикующему врачу. Европейское развитие судебной медицины прошло мимо системы коронеров. Эта система была еще и потому несовершенной, что до 1873 года в Англии вообще не существовало регистрации смертных случаев. Закон о регистрации смерти и рождения появился лишь в 1874 году. Но этого было недостаточно. Несовершенство системы коронеров критиковалось еще во второй половине XIX века. Однако и на рубеже столетий десятки тысяч смертных случаев из-за формальной регистрации и медицинской беспомощности коронера вообще не расследовались или получали ложное освещение. Проверкой в 1899 году установлено, что среди незарегистрированных смертных случаев было 127, свидетельствующих о преступлении. Специальные контрольные комиссии 1893 и 1910 годов констатировали, что "существующий порядок освидетельствования умерших создает условия для сокрытия преступлений". Но по сравнению с европейской английская система коронеров имела одно определенное преимущество. Сообщения о скоропостижных и неожиданных случаях смерти и их расследование не попадали непосредственно в руки полиции и поэтому не приобретали печати преступления. Однако чем больше в Европе развивалась судебная медицина, тем яснее становилось, что коронеру в Англии необходимы медицинские знания, знания патологии или же ему должно быть предписано законом привлекать патологов для расследования сомнительных случаев смерти. Критики понимали, что и это еще не гарантировало раскрытия случаев насильственной смерти. Имевшиеся в распоряжении коронеров патологи привыкли устанавливать естественные причины смерти. Специальная же область судебной медицины, знание признаков насильственной смерти были для них грамотой за семью печатями. Кроме всего прочего, существовавшее представление, что любое вскрытие трупа — это "бесконтрольная оргия убийства", препятствовало какой-либо реформе, а ужасное состояние многочисленных британских моргов способствовало возникновению предрассудков. Уже наступило XX столетие, а привлечение патологов к установлению причин смерти стало правилом лишь для небольшого числа лондонских коронеров. Они поняли, что это

необходимо не только в случаях убийства, но и во всевозрастающем количестве случаев, когда решение проблем страхования и социального обеспечения зависело от установления причин смерти. В 1903 году городской совет Лондона потребовал, чтобы большие больницы столицы всегда имели дежурного патолога, который в любое время был бы в распоряжении коронера для проведения вскрытия. Но большинство этих патологов все же очень поверхностно знали судебную медицину.

И лишь маленькая группа в три человека составляла исключение. Это были ведущие врачи госпиталя святой Марии в Паддингтоне, районе Лондона, изучавшие сначала патологию, затем судебную патологию и анализ ядов. Их имена: доктор А. Лафф, доктор В. Уилсокс и доктор А. Д. Пэппер.

За возможность применить свои знания они должны благодарить отнюдь не коронеров, а Скотланд-ярд. На протяжении долгого времени коронеры, узнав о преступлении, возлагали на суды розыски преступников. Одновременно мировые судьи вели расследования против подозреваемых, которых обвиняли чиф-тейкеры, боу-стрит-раннеры, а позднее полицейские. Очень часто коронеры и мировые судьи работали параллельно, мешая друг другу, а судебная медицина отнюдь не стала еще неотъемлемой частью их работы. В последней четверти XIX столетия Скотланд-ярд и его высшая инстанция — государственный секретариат внутренних дел (что соответствует министерству внутренних дел), а также юристы все чаще и чаще убеждались, что в сложных, расследуемых Скотланд-ярдом делах нельзя собрать доказательства, не предпринимая судебно-медицинского исследования. Однако никому не приходило в голову открыть при университетах факультеты судебной медицины, как это было в Европе. Просто министерство внутренних дел стало подыскивать патологов и химиков, способных проводить соответствующие исследования, когда этого требовал какой-нибудь особый уголовный случай. Их стали называть патологами-аналитиками министерства внутренних дел. Среди этих-то патологов и химиков благодаря успешному раскрытию нескольких убийств и обратили на себя внимание общественности Лафф, Уилсокс и прежде всего Пэппер.

Именно Пэпперу удалось в 1901 году в деле об убийстве на ферме Моат в Эссексе не только идентифицировать жертву, Камилию Холленд, пролежавшую три года в канаве, но и по имевшимся следам насилия на ее теле доказать, что Камилия не покончила жизнь самоубийством, как утверждал преступник, а была убита. Сенсацией для общественности стали также два других крупных дела: дело Дрюса и Деверойкса. Чистая, тщательная работа Пэппера впервые пробила брешь в стене традиционного недоверия к патологам и в особенности к судебной патологии. В 1908 году Пэппер покинул пост первого патолога госпиталя святой Марии и передал его своему тридцатитрехлетнему ученику Бернарду Спилсбери, но остался по-прежнему патологом министерства внутренних дел.

Так приблизительно обстояли дела с судебной медициной в Англии к утру 14 июля 1910 года, когда Пэппер появился в подвале дома Криппена на улице Хиллдроп Крезент, чтобы взглянуть на обнаруженные здесь останки человека. Он сразу же понял, что это сделал человек, хорошо знакомый с анатомией. Убийца не только отделил голову и конечности, но и удалил из тела своей жертвы все кости, уничтожив или спрятав их в другом месте, а это исключало возможность произвести идентификацию по скелету. Все части тела, по которым можно было бы установить пол жертвы, были удалены, исчезла часть мышц и кожного покрова. Пэппер велел аккуратно извлечь из ямы останки и доставить их в морг Ислингтона. 15 июля он предпринял тщательное, длившееся много часов обследование. Среди останков трупа он обнаружил куски ночной рубашки, на воротнике которой сохранилась этикетка фирмы: "Рубашки братьев Джонс Холоувей". Эта при известных условиях разоблачающая находка вселила в Пэппера надежду, что убийца, несмотря на всю свою предупредительность, мог допустить и другие промахи. По состоянию частей тела можно было предположить, что они пролежали под полом подвала не больше восьми недель. Обнаруженные внутренние органы (сердце, легкие, пищевод, желудок, печень, почки и поджелудочная железа) свидетельствовали об отсутствии органических заболеваний. Пэппер передал части этих органов Уилсоксу для определения, не содержат ли они яда. Дальше дело пока не шло. Судя по длине найденных волос и рубашке можно было предположить, что это труп женщины. Но подобные выводы не могли быть доказательством.

Тем временем утром 15 июля руководство дальнейшим расследованием взял на себя Ричард Муир, с которым мы познакомились, рассматривая историю дактилоскопии.

Жесткий и непреклонный, Муир с нетерпением ждал результатов. Он отлично понимал, что это преступление никогда не станет делом Криппена, если ему не удастся доказать, что найденные в подвале останки принадлежат Коре Криппен.

Приятельницы Коры опознали ночную рубашку как принадлежавшую Коре Криппен. Но это едва ли было достаточным доказательством. Вечером 15 июля Пэппер все еще не мог ничем помочь Муиру. Лишь в результате дальнейшей кропотливой работы ему удалось обнаружить кусок кожи размером 14 на 18 см, край которого был покрыт волосами, внешне похожими на лобковые. Это могла быть кожа с нижней части живота. Пэппера особенно заинтересовало странное изменение на поверхности кожи. Оно могло возникнуть от складки, образовавшейся на коже после смерти, но часть этого изменения напомнила Пэпперу, работавшему много лет хирургом, шрам. Муир тотчас опросил друзей Коры и выяснил, что ей делали в Нью-Йорке операцию, в ходе которой удалили матку. Приблизительно к этому времени Скотланд-ярд опубликовал точное описание внешности Криппена и Этель Леневё и объявил их розыск. Публикация Скотланд-ярда была доставлена на все отплы-

вающие корабли. В частности, она попала в руки капитана британского пассажирского парохода "Монтроз" Кэндла, который 20 июля в Антверпене взял на борт мистера Джона Фило Робинзона с сыном Джоном. На второй день плавания капитану Кэндлу бросилось в глаза, что у сына Робинзона женские манеры. Больше того, со временем он сделал вывод, что взаимоотношения между ними больше напоминают отношения влюбленной пары, чем отца с сыном. Свое подозрение он передал телеграфом судовладельцу в Англию. 23 июля шеф-инспектор Дью и сержант Митчел сели на быстроходный пароход "Лаурентик" и 31 июля нагнали "Монтроз" в Квебеке, где арестовали Робинзонов, оказавшихся Криппеном и Этель Леневё. 10 августа они прибыли в Лондон с обоими арестованными. К этому времени Пэппер нащупал "патологический след", который в конце концов привел его к идентификации трупа.

Три недели Пэппер исследовал кусочек кожи, на который он обратил внимание раньше. Не был ли это кусочек кожи с низа живота? Соответствует ли этот шрам шрамам, оставляемым такими операциями, какую перенесла Кора? Ответить на эти вопросы было очень сложно, и Пэппер призвал на помощь своего бывшего ученика Спилсбери. С 1889 года по совету Пэппера Спилсбери посвятил себя изучению микроскопии тканей и прежде всего образования шрамов. Шрамы как средство идентификации и доказательства давнишних повреждений интересовали еще Девержи. Он, например, предлагал подвергнуть трению или ударам участки кожи, на которых не просматривались предполагаемые шрамы, при этом на покрасневшей коже шрамы выступали белыми полосками. Девержи изучал также вопрос, как различить шрамы, вызванные болезнью, от шрамов, образовавшихся при телесных повреждениях. Но основательное изучение этих вопросов стало возможно только со времени появления усовершенствованных гистологических методов. Однако эта область исследований находилась еще в пеленках, когда Пэппер и Спилсбери изучали клочок кожи из подвала дома Криппена. В результате длительного препарирования, микроскопирования и сравнения с нормальной кожей живота Спилсбери удалось доказать, что этот кусочек кожи покрывал именно нижнюю часть живота. Тем самым проблема шрама приобрела особое значение. На первый взгляд, шрам представлял собой подковообразное изменение. Но изучение его под микроскопом показало, что оба "крыла" подковы не одинакового происхождения. Одно из них было складкой кожи, образовавшейся в подвале. Кожа имела здесь нормальную структуру. Были видны корни волос и прежде всего сальные железы, чего нельзя встретить в послеоперационных шрамах. Резко отличалось от этого другое десятисантиметровое "крыло" подковообразного изменения. Оно состояло из бледноокрашенной узкой полоски, которая книзу несколько расширялась. Подобное расширение — частое явление в послеоперационных шрамах. Оно образуется под давлением внутренностей. Наличие операционного шрама доказывало все же следующее: каждый разрез поперек шрама выявлял под

микроскопом справа и слева нормальные сальные железы и корни волос, которые совершенно отсутствовали на линии самого шрама. Это типичный признак хирургического разреза кожи и последующего образования шрама, в котором никогда не появляются ни волосы, ни железы. Пэппер знал, что часто при образовании шрама места уколов от наложения шва на рану со временем совершенно исчезают или оставляют совсем незаметные следы. И действительно, только под микроскопом Спилсбери обнаружил их. 15 сентября, после почти восьминедельной работы, Пэппер и Спилсбери пришли к убеждению, что исследованный ими кусок кожи покрывал низ живота и что шрам по своей форме и положению является следствием хирургического удаления матки.

Пока Пэппер и Спилсбери упорно трудились над разрешением этой проблемы, Уилсокс и Лафф тоже не теряли времени. 20 августа Уилсокс установил методом, который мы будем рассматривать в разделе токсикологии, что найденные части трупа содержат смертельную дозу растительного яда — гиосцина. Сотрудники Скотланд-ярда тотчас выяснили, что Криппен 17 или 18 января приобрел у фирмы "Левис бурровс" 5 граммов гиосцина — количество, которое не могло найти применения в его врачебной практике. Далее выяснилось, что в доме Криппена были две ночные рубашки, подобные той, что нашли на трупе. Фирма братьев Джонс продала Криппену в январе 1909 года 3 такие рубашки. 15 сентября замкнулась цепь доказательств, собранных общими усилиями судебных медиков и криминалистов. Выдвинутое обвинение имело веские доказательства, и миллионы людей с нетерпением ожидали процесса над убийцей Криппеном, который должен был начаться 18 октября 1910 года.

Защитник Криппена Артур Ньютон относился к бесчестнейшим лондонским юристам тех дней. Доказательства, которые представило обвинение, позволяли, по его мнению, защите утверждать, что найденные в подвале Криппена части трупа не являются останками Коры Криппен, а были там еще до того, как Криппен 21 декабря 1905 года снял дом на улице Хиллдроп Крезент. Ньютон был уверен в такой тактике защиты, потому что и он и другой, взявший на себя защиту Криппена в суде, адвокат Альфред А. Тобин, не верили в возможности судебной медицины.

Тобин был уверен, что ему удастся с помощью экспертов опровергнуть эти доказательства или породить сомнения у присяжных относительно высказываний Пэппера и Спилсбери и что присяжные не придадут значения доказательствам идентификации на основании изучения шрама. Таким образом, он надеялся выиграть этот процесс.

Ньютон был знаком с директором Института патологии при лондонском госпитале Хубертом Майтландом Тарнбаллом и его ассистентом Уоллом. Учитывая то, что патологи лондонского госпиталя питали определенную неприязнь к прославившимся коллегам из госпиталя святой Марии, он предложил им взглянуть на кусок ко-

жи со шрамом, якобы принадлежавшей Коре Криппен. Ньютон надеялся, что Тарнбалл и Уолл выскажут свое ни к чему не обязывающее мнение, которое не совпадет с мнением Пэппера и Спилсбери. Затем он хотел "поймать" их на этом высказывании, чтобы они не смогли от него отказаться, и выставить их на суде в качестве экспертов против Пэппера и Спилсбери.

9 сентября оба врача осмотрели кожу со шрамом. После поверхностного обследования они заявили Ньютону, что это кусок кожи не с живота, а с бедра и что никакой это не шрам, а складка на коже. Ньютон уговорил их изложить письменно свое мнение, которое ему было необходимо лишь как основание для защиты. Когда Тарнбалл узнал о действительных намерениях Ньютона, он понял свою оплошность. 17 октября, за день до начала процесса, Тарнбалл попросил разрешения произвести дополнительные микроскопические исследования и с ужасом установил, что его заявление неверно. Но было уже поздно. Он решил ничего не менять, не желая (как в свое время Туано) подорвать свою репутацию, признав ошибку.

Когда 18 октября начался суд над Криппеном, никто не предполагал, что героем процесса станет Бернард Спилсбери — молодой человек, имя которого узнают все англичане, интересующиеся судебной медициной. 19 октября в качестве свидетелей обвинения выступили эксперты Пэппер и Спилсбери. Они продемонстрировали законсервированный кусочек кожи.

21 октября в суде появились Тарнбалл и Уолл, чтобы опровергнуть доказательства Пэппера и Спилсбери. Вот их заключение: 1. Демонстрируемый кусочек кожи — не кожа низа живота. На ней отсутствуют сухожилия, которые в этой части живота соединяют идущие вертикально от груди к тазу мышцы. Не наблюдается линия альба, которая должна была бы проходить по данной части тела от груди до лобка. И наконец, они не обнаружили еще некоторых сухожилий, типичных для низа живота. 2. Предполагаемый шов — вовсе не шов, так как на нем нет следов уколов. Зато можно обнаружить жировые железы, которых не бывает ни в одном шраме. Поэтому речь идет о складке кожи, появившейся под воздействием кофточки. Защитник Тобин добавил, что Пэпперу к моменту исследований было известно, что Кора подвергалась операции по удалению матки. Шрам, "найденный" им, не что иное, как результат предвзятого мнения.

Выдвигая такие возражения по заключению экспертов, адвокат Тобин был уверен, что разногласия между экспертами должны породить у присяжных сомнения. Его уверенность возросла, когда Пэппер заявил, что далее будет выступать его ученик, проводивший решающие микроскопические исследования. Но кто такой Спилсбери? Что значит для присяжных мнение молодого, совершенно незнакомого человека?

20 и 21 октября Бернард Спилсбери выступал свидетелем обвинения в суде Олд-Бейли. Тридцати трех лет, высокий, стройный, с

симпатичным, вызывающим доверие лицом, он меньше всего походил на человека, проводящего большую часть времени в моргах среди трупов. Тщательно одетый, с гвоздикой в петлице, говорящий чистым, приятным голосом — таким он предстал перед судьями, защитниками и присяжными.

В юные годы Спилсбери не отличался особым талантом. Он случайно стал изучать медицину и собирался работать врачом. Замкнутый, не имеющий среди студентов друзей, без страстей, как казалось, без особых интересов и способностей — таким знали его в студенческие годы. Но затем на лекциях и практических занятиях Пэппера, работая с микроскопом, он понял, что не создан быть врачом. Его заинтересовали патология и гистология. С 1902 года он так страстно увлекся патологическими и гистологическими исследованиями, что даже не стал сдавать выпускные экзамены. Лишь в двадцать восемь лет он их сдал. В то время, как его одногодки уже давно работали врачами, он корпел в моргах и лабораториях над изучением изменений в тканях, тайны которых остались нераскрытыми даже для его учителя Пэппера.

Спилсбери не стал, как показало будущее, новатором, проложившим новые пути в судебной медицине. Он был практиком, человеком с необычайно острым взглядом, чрезвычайно искусно проводившим вскрытия трупов и уже к 1910 году распознававшим благодаря своей опытности патологические изменения, которые не могли обнаружить другие даже с помощью микроскопа. Его ни в коем случае нельзя было назвать человеком необычным, деятельным или с размахом. Но он был как раз тем, кто был нужен английской судебной медицине в то время: человеком, соединяющим в себе выдающиеся способности патолога с ясностью изложения мысли и с внешностью, внушающей окружающим веру в его знания. Такая личность должна была произвести впечатление на судей и присяжных. Адвокат Тобин первым понял, какая сила уверенности исходит от показаний Спилсбери, и обратил внимание всех присутствовавших в зале на то, что Спилсбери — ученик Пэппера, который, естественно, придерживается мнения своего учителя. В ответ он услышал: "Тот факт, что я работал с доктором Пэппером, не имеет никакого отношения к мнению, которое я здесь высказываю. То, что я прочитал в газетах об операции Бель Эрмо (Кора Криппен), не оказало на мои выводы ни малейшего влияния. Я занимаю независимую позицию и отвечаю исключительно за выводы, полученные в результате моего личного исследования".

Затем Спилсбери шаг за шагом разбил все доводы Тарнбалла и Уолла, заявив, что экспертам защиты следовало бы знать, что сухожилия не пронизывают кожу, а расположены как раз в тех частях мышц, которые были вырезаны убийцей. Линия альба лишь указывает, где под кожей расположены определенные соединения сухожилий между отдельными мышцами живота. В данном случае соответствующие части мышц и сухожилий удалены. Что же касается особенно типичных сухожилий апоневрозов, которых не смогли

обнаружить Тарнбалл и Уолл, то он их может им показать. Спилсбери поднял пинцетом сухожилие и показал его присяжным.

Судья лорд Альверстон, пораженный, подался вперед. Он спросил Тарнбалла, что тот на это скажет. Тарнбалл пытался отвертеться. Но Альверстон сурово настаивал: "Ответьте прямо на мой вопрос — видите вы сухожилие или нет?" Не найдя выхода, тот ответил: "Да".

Уолл также, не найдя отговорки, изменил свое мнение относительно происхождения кусочка кожи. "По-моему, — сказал он тихо, — это кожа живота".

Но они все еще не соглашались, что на коже имеется шрам. Спилсбери спокойно и холодно возразил: "У меня с собой все микроскопические препараты. Я прикажу сейчас же принести сюда микроскоп". Принесли микроскоп, и Спилсбери объяснял столпившимся вокруг него присяжным все, что они наблюдали в препарате. У Тарнбалла не было больше аргументов. Он стал искать выхода из положения, нападая на Спилсбери. Нельзя, мол, доверять молодым людям, которые и с микроскопом-то не умеют как следует обращаться. Но Муир под аплодисменты присутствующих заставил его замолчать, сказав: "Речь идет не о людях, ничего не смыслящих в микроскопе. Речь идет о таких людях, как мистер Спилсбери".

22 октября после двадцатисемиминутного совещания присяжные признали обвиняемого виновным. Спустя четыре недели, 23 ноября, Криппена повесили. Доказательства Спилсбери стали не только темой для британской прессы, они вызвали в Англии резкий поворот общественного мнения в пользу судебной патологии. Это положило начало новой эпохе развития судебной патологии, которая в течение трех десятилетий — в хорошем и плохом — была связана с именем Бернарда Спилсбери, ставшего легендарным.

16. Утопление без признаков насилия

Почти тремя годами позже, вечером 15 января 1915 года, английский инспектор уголовной полиции Артур Фоулер Нейл просматривал информационные документы, которые полицейским участкам присылало главное управление Скотланд-ярда. Нейл работал тогда в участке Кентиштауна. Среди документов находился лист с надписью: "Подозрительные случаи смерти — принять к сведению". Там были подшиты вырезки из газет. В еженедельной газете "Ньюс оф зе вэлд" ("Всемирные новости") сообщалось: "При расследовании коронером дела в Ислингтоне сегодня были установлены печальные обстоятельства смерти тридцативосьмилетней Маргарет Елизаветы Ллойд из Холлоувея. Супруг заявил, что они только что обвенчались в Басе. По приезде в Лондон его супруга жаловалась на головные боли... Он повел ее к врачу. На следующий день, день ее смерти, она чувствовала себя лучше. Около 7.30 вечера она весело сообщила, что хочет принять ванну. Муж пошел прогуляться... Он был уверен,

что по возвращении застанет жену в гостиной. Не найдя ее там, он обратился к хозяйке квартиры. Оба отправились в ванную комнату, где было темно. Когда зажгли газовый свет, он увидел свою жену в ванне, наполненной на три четверти. Она утонула. Доктор Бейтс, лечивший накануне умершую, заявил, что женщина захлебнулась. У нее был грипп. Грипп и горячая ванна, видимо, вызвали обморок..."

Это было сообщение из свежего номера газеты. Расследование, о котором сообщалось, было произведено 22 декабря 1914 года. 18 декабря Маргарет Елизавета Ллойд умерла. Дом, где все это произошло, находился на Хигейт-Бисмарк-роуд, 14, то есть в районе Нейлса.

Второе газетное сообщение было датировано 14 декабря 1913 года и содержало информацию о расследовании коронером дела от 13 декабря в Блэкпуле: "Неожиданная смерть молодой женщины. Утонула от приступа в горячей ванне. Миссис Смит из Портсмута неожиданно умерла в пансионате в Блэкпуле. Ее муж познакомился с ней три месяца назад и женился на ней за шесть недель до происшествия. Оба прибыли в последнюю среду в Блэкпул и сняли несколько комнат на Регентс-роуд, 16. В дороге его жена жаловалась на головную боль. Так как по прибытии она все еще плохо себя чувствовала, муж показал ее врачу. В ночь с пятницы на субботу она принимала горячую ванну. Когда муж позвал ее, никто не ответил. Войдя в ванную комнату, он увидел жену лежащей в ванне. Она была мертва. Доктор Биллинг, лечивший миссис Смит, высказал мнение, что горячая вода вызвала сердечный приступ или обморок, который и привел к смерти". Кроме газетных вырезок, инспектор Нейл обнаружил письмо из Блэкпула от некоего Джозефа Крослея, хозяина пансионата, где в ванне утонула миссис Смит. Случайно год спустя из газеты "Ньюс оф зе вэлд" он узнал о судьбе Маргарет Елизаветы Ллойд. Он рекомендовал полиции поинтересоваться, нет ли связи между смертью в ванне на Хигейт и в Блэкпуле.

Совпадение обстоятельств на самом деле бросалось в глаза, и Нейл решил лично заняться этим делом. На следующий день он отправился на Бисмарк-роуд, 14. Дом принадлежал миссис Блэтш. В верхнем этаже была спальня. Ванная комната находилась в бельэтаже. 17 декабря 1914 года, как рассказывала хозяйка дома, Ллойд снял спальню с правом пользоваться ванной и гостиной. Ей бросилось в глаза, что, прежде чем снять комнату, Ллойд тщательно осмотрел ванную комнату. Миссис Блэтш описала Ллойда: средний рост, худощавый, мускулистый, лет сорока, с обычным лицом и острым взглядом. Вечером 17 декабря Ллойд узнавал у нее, как можно вызвать врача, так как его жена плохо себя чувствует. Миссис Блэтш направила его к доктору Бейтсу. На другой день миссис Ллойд чувствовала себя лучше. После обеда она заказала на вечер ванну, которая была приготовлена к 7.30. Миссис Блэтш ушла на кухню. Некоторое время спустя она слышала шум воды в ванной комнате. Вскоре послышалась музыка фисгармонии из гостиной. Играть мог только мистер Ллойд, оставшийся в гостиной, пока его жена принимала ванну. Еще через некоторое время раздался зво-

нок у парадного. Это звонил Ллойд. Он объяснил, что ходил за помидорами к ужину и забыл ключ от входной двери. Тут же он поинтересовался, в гостиной ли его жена. Но так как гостиная была пуста, он поднялся наверх. Через несколько минут он позвал на помощь. Когда миссис Блэтш поднималась по лестнице, Ллойд уже поднял голову жены из воды и крикнул, что нужно срочно позвать доктора Бейтса. Но доктор уже не мог ничем помочь. Миссис Ллойд была мертва. Ллойд похоронил жену и уехал. Куда?

Этого миссис Блэтш не знала.

Нейл осмотрел комнату, где стояла ванна. Дно ванны имело длину 1,25 м, а по верхнему краю — 1,65 м. Ему показалось загадочным, как мог взрослый человек утонуть в такой ванне. Затем Нейл направился к доктору Бейтсу. Врач подтвердил, что лечил миссис Ллойд. На приеме у него миссис Ллойд сидела безучастно, пояснения давал муж. Бейтс нашел, что у нее повышенная температура, и прописал ей жаропонижающее. Когда его позвали вечером 18 декабря, было уже поздно. Без всякого сомнения, миссис Ллойд утонула. Осторожно Нейл поинтересовался, не заметил ли врач на теле умершей каких-либо следов насилия. Бейтс ответил отрицательно. Ни малейшего следа. Когда он по указанию коронера произвел вскрытие, то заметил небольшой ушиб над левым локтем. Но нельзя утверждать, что это результат применения силы. Это могло произойти вследствие судороги при сердечном приступе. Инквест заканчивался выводом — "смерть вследствие несчастного случая". Больше Бейтс ничего не мог добавить. И все же одно бросилось ему в глаза: Ллойд не проявил ни малейших признаков огорчения и заказал самый дешевый гроб. Нейл попросил доктора Бейтса сообщить ему тотчас, если что-нибудь станет известно о Ллойде.

Покинув квартиру врача, инспектор Нейл встретился с сержантом уголовной полиции Денисоном. Последний, узнав, что Нейл интересуется делом Ллойда, заявил о своем желании сделать сообщение. Сержант был знаком с некой мисс Локке, которая содержит пансионат на улице Хигейт. Сначала мистер Ллойд хотел поселиться у мисс Локке и осмотрел все помещения. При этом больше всего его интересовала ванна. Она показалась ему слишком маленькой, и он все допытывался, можно ли в ней "свободно лежать". Поведение Ллойда не понравилось мисс Локке, и она выпроводила его из своего дома.

Нейл приказал своим подчиненным разыскать Ллойда. Не прошло и суток, как стали поступать первые сведения о нем. В конторе по вопросам о наследстве имелось завещание Маргарет Елизаветы Ллойд, составленное 18 декабря, за три часа до смерти. Единственным наследником был назван ее муж Джордж Жозеф Ллойд. В тот же день миссис Ллойд посетила в сопровождении супруга сберкассу и сняла все свои деньги. В другом сообщении говорилось, что в начале января Ллойд был у адвоката В. Дэвиса на Уксбридж-роуд и передал ему для дальнейшего оформления завещание умершей жены.

Спустя два дня после этого сообщения доктор Бейтс пригласил к себе инспектора Нейла. Он предъявил ему запрос "Йоркшир инскьюренс компани" в Бристоле. Общество интересовалось обстоятельствами несчастного случая, приведшего к смерти миссис Ллойд. 4 декабря 1914 года миссис Ллойд, в то время еще Маргарет Елизавета Лофти, но уже обрученная с Ллойдом, застраховала свою жизнь на 700 фунтов стерлингов, которые должны были перейти после ее смерти наследнику. Нейл попросил врача помедлить немного с ответом на запрос, так как был уверен, что напал на след преступника.

В тот же день он направил в уголовную полицию Блэкпула сообщение о проводимом расследовании, приложил вырезку из блэкпулской газеты и просил произвести на месте дополнительное дознание. Уже 21 января из Блэкпула поступил ответ, содержавший сведения, о которых Нейл и не мечтал. К вечеру 10 декабря 1913 года в пансионате мистера и миссис Крослей на Регентс-роуд в Блэкпуле остановился прибывший из Портсмута Джордж Джозеф Смит со своей двадцатипятилетней полной очаровательной супругой Алисой, урожденной Бёрнхам. Смит хотел сначала остановиться в другом пансионате, но, узнав, что там нет ванной, отказался и приехал к Крослею. Снял он у них комнату лишь после того, как осмотрел ванну, которая находится на втором этаже, над кухней. Поздно вечером того же дня мистер Смит просил пригласить к его жене врача, так как та плохо себя чувствовала после дороги и жаловалась на головную боль. Врач Джордж Биллинг во время обследования слышал безопасные шумы в сердце. Он прописал немного героина и кофеина. На следующее утро миссис Смит имела вполне здоровый вид и предприняла с супругом длительную прогулку по городу. В 6 часов она заказала вечернюю ванну. В 8 часов Смиты удалились в спальню, а супруги Крослей оставались еще в кухне. Вскоре они заметили в углу на потолке мокрое пятно. Они еще продолжали обсуждать это необычное явление, как у парадного раздался звонок. Это был Смит. Он объяснил, что уходил за продуктами к завтраку. Когда Крослей показали ему пятно на потолке, он бросился в ванную комнату. Тут же раздался его крик: "Позовите врача!.. Позовите доктора Биллинга!.. Он ее знает!" Через несколько минут пришел Биллинг. Он застал Смита держащим над водой голову жены. Вода достигала груди женщины. Так как она была очень тяжелой, то Смит и Биллинг с большим трудом вынули ее из ванны и положили на пол. Биллинг не нашел никаких следов насилия и не уделил обследованию никакого внимания. Он даже не мог потом вспомнить, в каком положении умершая лежала в ванне. Коронер тоже очень торопился, потому что ему нужно было расследовать еще один смертный случай. Он констатировал: "Разрыв сердца в ванне, захлебнулась, несчастный случай". Смит поторговался с Крослеем по поводу оплаты за причиненный ущерб и исчез.

Полиции Блэкпула не было известно место пребывания Смита в настоящее время, но зато она сообщила примечательные подробно-

сти о его женитьбе на Алисе Бёрнхам. Он познакомился с Алисой в Саутси, где она в качестве медсестры ухаживала за одним престарелым господином. У нее на руках было всего лишь 27 фунтов, но после знакомства со Смитом она дала своему отцу Чарлзу Бёрнхаму 100 фунтов в долг. Вскоре Смит обручился с Алисой Бёрнхам. Они поженились там же, в Саутси, 30 октября. За день до свадьбы невеста застраховала свою жизнь на 500 фунтов. Сразу же после свадьбы Смит потребовал от своего тестя возвращения долга вместе с процентами. Как велико было влияние Смита на свою жену, можно судить по тому, что она пригрозила отцу судом, если он не возвратит ей деньги. 8 декабря, за два дня до свадебного путешествия в Блэкпул, Алиса Смит оформила наследство на имя мужа. Спустя четыре дня она уже лежала мертвой в ванне пансионата Крослея.

23 января инспектор Нейл обратился к директору управления публичного обвинения сэру Чарлзу Матьюзу и заявил ему, что Ллойд и Смит, по его глубокому убеждению, одно и то же лицо. Это человек, который определенным способом убивает женщин, чтобы завладеть их имуществом. Матьюз возразил: "Мне не верится, чтобы человек мог убить двух женщин в ванне. За всю мою жизнь я ни разу не слышал о подобных убийствах". И все же он разрешил Нейлу произвести дальнейшее расследование и арестовать Ллойда, если удастся его найти.

Через час Нейл уже был у доктора Бейтса и попросил его послать Йоркширскому страховому обществу соответствующую справку о смерти миссис Ллойд. Он рассчитывал на то, что Смит, или Ллойд, свяжется с адвокатом Дэвисом, у которого находится завещание жены, как только узнает, что страховое общество готово выплатить ему деньги по страховому полису. Бюро Дэвиса охранялось день и ночь. 1 февраля 1915 года к двери бюро приблизился человек, внешность которого совпадала с описанием внешности Ллойда и Смита. Нейл подошел к нему: "Вы Джордж Ллойд?" — "Да". — "Тот самый Ллойд, жена которого утонула в ванне в ночь на 18 декабря на Хигейт-Бисмарк-роуд?" — "Да". — "Я имею все основания предполагать, что вы также Джордж Смит, жена которого утонула в ванне в 1913 году в Блэкпуле, через несколько недель после женитьбы". — "Смит? Я не знаю никакого Смита". — "Я вынужден арестовать вас за ложные сведения".

Арестованный резко повернул к Нейлу свое костлявое лицо и сказал: "О... если вы только из-за этого устраиваете такой театр, то я могу вам сказать, что я действительно Смит".

Нейл понимал, что происходит в душе его собеседника. Убийца боялся разоблачения и был рад признаться в небольшом проступке. Значит, первая цель была достигнута, Ллойд-Смит арестован за ложные сведения. Сэр Чарлз Матьюз был удивлен. Бернард Спилсбери получил задание "осветить таинственный случай с медицинской точки зрения".

Спилсбери было уже тридцать семь лет, и с отставкой Пэппера он стал вторым после Уильяма Уилсокса патологом министерства

внутренних дел. Так как Уилсокс все больше и больше специализировался на токсикологии, то Спилсбери выполнял главную работу в области патологии. Он жил в Лондоне в доме, где мог производить вскрытия в любое время. До поздней ночи горел свет в одном из окон верхнего этажа. Там была небольшая частная лаборатория. Семья почти не виделась с ним. Он работал не только патологом министерства внутренних дел и лондонских коронеров, но и установил непосредственный контакт с уголовной полицией, стремясь приблизить свою работу к месту преступления. Он доказал сотрудникам Скотланд-ярда, что очень важно иметь судебного медика непосредственно на месте преступления.

4 февраля Спилсбери принимал участие в эксгумации трупа Маргарет Елизаветы Ллойд. Он должен был установить, утонула ли молодая женщина или была утоплена. Проблема "утонул или утоплен" — одна из старейших в судебной медицине. Понятие "утонул" попытался определить в Древнем Риме Гален. Предполагая, что утонувший умер, наглотавшись много воды, он считал признаком такой смерти сильно увеличенный желудок. В 1630 году анатом Сильвиус объяснил, что смерть тонущего наступает от проникновения воды в легкие, но его высмеяли. Заблуждение длилось до XVIII столетия, пока патолог Морганьи, экспериментируя на собаках и кошках, не доказал, что легкие утонувшего животного действительно содержат похожую на воду пенистую жидкость. Но в 1892 году француз Кювье, дерзновенно ставя опыты на самом себе, пытался опровергнуть его. К 1915 году точное определение смерти от утопления явилось результатом работ француза Бруарделя, австрийцев Гофманна, Пальтауфа, Вахольца и Гороцкевича, итальянца Каррары, финна Фагерлунда и немца Ревенсторфа. Особенно Ревенсторф путем многочисленных опытов пытался выяснить, чем отличается естественная смерть при купании от смерти при насильственном утоплении. Наконец, в связи с этим был вновь поставлен выдвинутый древними китайцами вопрос, как установить, попал человек в воду живым или мертвым.

Внешними признаками в случае, когда человек утонул, являлись наличие пены у рта и носа, гусиная кожа. Внутренними — прежде всего полное наполнение легких воздухом так, что легкие напоминали воздушные шары. По поводу причины этого явления еще шли споры. Австриец Пальтауф в Праге обнаружил, кроме того, кровоизлияния под плеврой, очевидно, в результате разрывов легочных пузырьков. Гортань и бронхи наполнялись пеной.

Самым важным было знание трех моментов:

1. Вода или другая жидкость, в которой утонул человек, попадала через легкие в легочные вены и отсюда — в левый желудочек сердца. Тут жидкость, казалось, задерживалась, потому что из-за смерти прекращалось кровообращение. В затронутой области кровь содержала большое количество жидкости. При установлении разжижения крови можно было утверждать, что человек утонул, попав в воду живым. Бруардель попытался сравнить количество

кровяных телец в правом и левом желудочках сердца и таким путем установить, не разбавлена ли кровь в левом желудочке.

2. В воде находятся почти всегда микроорганизмы животного и растительного происхождения, видимые лишь под микроскопом. Прежде всего речь шла о водорослях. До 1904 года немецкий ученый Ревенсторф в 95% всех случаев утопления находил под микроскопом в легких утопленников известковые скелеты микроорганизмов. Правда, потом выяснилось, что в легкие людей, которые попали в воду уже после смерти, тоже проникала вода и водоросли. Но они не добирались до глубоких областей легких. Итак, если глубоко в легких обнаруживались водоросли, то можно было с уверенностью сказать, что человек попал в воду живым.

3. Вода была также в желудке утонувших. Помимо водорослей, в желудке обнаруживалась смесь воздуха, пены, воды, которая возникала в результате судорожных движений мышц живота, кашля и захлебывания. Вода могла проникнуть в желудок также и в том случае, когда человек попадал в воду уже мертвым, но у живых она проникала глубоко, до двенадцатиперстной кишки. После того как в 1890 году финн Фагерлунд в тогда еще принадлежавшем России Гельсингфорсе пришел к этому выводу, факт проверялся во многих странах и всегда находил подтверждение.

Итак, были созданы различные приемы определения причин смерти в воде, правда, только при расследовании случаев смерти, происшедших относительно недавно. Гораздо трудней было установить, был ли человек насильственно брошен или опущен в воду. Если утоплению предшествовало убийство, то, обнаружив и обследовав повреждения, приведшие к смерти, можно было это доказать. Но убийство путем насильственного утопления ставило перед следователем свои вопросы. Здесь было только одно обстоятельство, облегчающее решение этого вопроса: жертва насильственного утопления защищалась, в результате чего на теле пострадавшего должны остаться следы борьбы. Правда, и самоубийцы, прыгая в воду или цепляясь за что попало в своей запоздалой попытке спастись, могли нанести себе ранения. Часто расследование подобных случаев было почти невозможным. Помочь могло только проведение расследования причин и обстоятельств происшедшего. Во всяком случае, предполагая утопление, прежде всего искали следы насилия.

Когда Спилсбери обследовал труп последней жертвы Ллойда-Смита, он тоже тщательно искал хоть какие-нибудь следы насилия. Напрасно. Кроме совершенно ничего не значащего синячка на локте, о котором уже говорил доктор Бейтс, он обнаружил лишь два крохотных кровоизлияния на внутренней стороне левой руки. Невооруженным глазом их нельзя было разглядеть и тем более нельзя квалифицировать как след насилия. Сполсбери исследовал все, что могло бы вызвать неожиданное нарушение кровообращения в ванне и привести к смерти. Безрезультатно. Для страховки он исследовал внутренние органы, не содержат ли они яда. С другой стороны, име-

лись признаки, указывающие на то, что, когда женщина захлебнулась, смерть наступила почти мгновенно. Труп был снова похоронен, а Спилсбери продолжал ломать себе голову над тем, как можно было утопить человека в ванне, не оставив следов насилия. Прощаясь с Нейлом, он попросил доставить ему для эксперимента ванну, в которой был обнаружен труп Маргарет Елизаветы Ллойд. В тот же день ванна была доставлена в полицейский участок Кентиштауна.

Инспектор Нейл и Спилсбери постарались произвести эксгумацию как можно незаметнее, но репортеры в последнее время следовали за Спилсбери по пятам. 5 февраля газеты сообщили о таинственном обследовании трупа в Ислингтоне, а 7 февраля история о двух убийствах в ванне стала достоянием всех газет Лондона и Блэкпула. Крупные заголовки "Новобрачные в ваннах" отодвинули на второй план даже сообщения с фронтов первой мировой войны. Вечером 8 февраля Нейл получил письмо из маленького курортного городка Херн-Бей графства Кент. Шеф местной полиции, прочитав сообщения газет, решил послать Нейлу рапорт о происшедшем в их городе 13 июля 1912 года смертном случае, который был аналогичен уже известным и расследуемым теперь делам.

Что же там произошло? 20 мая 1912 года господин по имени Генри Уильямс снял для себя и жены маленький домик на Хай-стрит. Спустя семь недель, 9 июля 1912 года, Уильямс приобрел ванну, заявив продавцу, что его жена не желает больше жить без ванны. На другой день Уильямс появился с женой у врача Френча, которому рассказал, что у его жены был эпилептический приступ. Жена же жаловалась только на головную боль. Френч прописал ей бром. 12 июля среди ночи Френча срочно вызвали на Хай-стрит. Уильямс заявил, что у жены снова был припадок. Было очень жарко, и Френч предположил, что именно жара явилась причиной припадка.

На следующий день в три часа он посетил Бэсси Уильямс и застал ее вполне здоровой. Поэтому он был очень удивлен, когда 13 июля в 8 часов утра его снова вызвали. Ему передали записку, в которой Уильямс писал: "Не могли бы Вы тотчас прийти? Боюсь, что моя жена мертва". Френч застал Бэсси Уильямс лежащей на спине в ванне. Ее голова была под водой. В правой руке зажат кусочек мыла. Ноги вытянуты и подняты вверх так, что стопы торчали над краем ванны. Френч положил тело на пол и попытался сделать искусственное дыхание. Все напрасно. Бэсси Уильямс была мертва. Френч не обнаружил никаких следов насилия. Коронер, адвокат из Даве, удовлетворился беглым осмотром и сообщением доктора Френча, что погибшая страдала эпилепсией, и констатировал: "Смерть в результате несчастного случая. Утонула в ванне во время эпилептического припадка".

Когда пришло письмо из Херн-Бей, Нейл собирался поехать в Блэкпул, чтобы подготовить все для вскрытия трупа второй жены Смита-Ллойда, Алисы Смит. Поэтому он распорядился, чтобы в Херн-Бей послали несколько фотографий Смита-Ллойда, и просил предъявить эти фото всем, кто соприкасался с человеком, называв-

шим себя Уильямсом. 10 февраля Нейл и Спилсбери прибыли в Блэкпул. Спилсбери, избегая преследований газетных репортеров, работал ночью. Первый анализ на яд органов Маргарет Елизаветы Ллойд был отрицательным, смерть наступила от утопления. Труп Алисы сильно разложился. Спилсбери все же мог сделать некоторый вывод. А именно: никаких следов насилия и лишь незначительные признаки утопления. Смерть наступила еще быстрее, чем у Маргарет Елизаветы Ллойд. В системе кровообращения он нашел лишь небольшое изменение сердечного клапана, что обычно является следствием ревматизма суставов. Но оно было столь незначительно, что человек мог считаться совершенно здоровым.

Еще больше, чем прежде, интересовал Спилсбери вопрос, как можно было утопить женщину, не оставив следов насилия. Он тщательно измерил тело пострадавшей и попросил доставить также ванну из Блэкпула в полицию Кентиштауна. Придя в полицейское управление Блэкпула, Нейл узнал, что его по телефону вызывает Лондон. Из Херн-Бей поступило сообщение, что Уильямс, по всей видимости, идентичен Смиту и Ллойду: все свидетели тотчас узнали его.

Нейл направил сначала на побережье Кента двух своих сотрудников, а когда 18 февраля он приехал туда сам, обстоятельства третьего убийства в ванне были уже выяснены. Предыстория его ничем не отличалась от двух других, совершенных позже. Разве что отсутствовала страховка. Но на этот раз она не была нужна Уильямсу-Смиту-Ллойду: его жена была достаточно богата. Летом 1910 года он познакомился в Клифтоне, пригороде Бристоля, с тридцатилетней Бэсси Манди. Отец оставил ей 2700 фунтов стерлингов, которыми распоряжались родственники. Она не имела права трогать это состояние и получала из процентов ежемесячно 8 фунтов. Остальная сумма процентов откладывалась на черный день.

К 1910 году эта сумма составила 138 фунтов и в любое время была в распоряжении Бэсси Манди. Сам капитал переходил в случае ее смерти наследникам. 26 августа 1910 года Уильямс женился на Бэсси Манди и в день свадьбы потребовал все 138 фунтов. Получив деньги, Уильямс исчез и написал своей жене письмо, в котором обвинил ее, что она, мол, заразила его венерической болезнью, и он не желает ее больше видеть. Бэсси не поняла, что случилось. В феврале 1912 года она остановилась в пансионате в Вестонсьюпер-Мар. Здесь на улице она неожиданно повстречала мужа. Просто непостижимо, но она все простила ему и поехала с ним в Херн-Бей. 2 июля Уильямс навел справки, действительно ли состояние жены достанется ему лишь после ее смерти. Ответ был утвердительным. Через шесть дней жена оформила ему в наследство все свое состояние.

Труп Бэсси Уильямс был эксгумирован и доставлен в морг. Несмотря на разложение трупа, Спилсбери обнаружил один из симптомов смерти при утоплении: гусиную кожу. Остальные признаки также свидетельствовали о моментальной смерти. Хорошо сохранившееся сердце и другие органы кровообращения были здоровыми.

Опять не было следов ни насилия, ни яда, ни борьбы. Тщательно были вымерены размеры тела, и снова Спилсбери попросил доставить ему в Лондон ванну, в которой нашла свою смерть на этот раз Бесси Уильямс.

Сотрудники Нейла беспрерывно разъезжали, устанавливая, кем на самом деле является Уильямс-Ллойд-Смит, откуда он родом и не явились ли его жертвами еще другие женщины. Наконец они выяснили, что его настоящее имя Смит, Джордж Джозеф Смит. Родился он в 1872 году в семье агента страховой компании и уже в девять лет оказался в исправительной колонии: обманщик, вор, сидевший во многих тюрьмах и отбывавший срок на каторгах. Постепенно были установлены женщины, которых он лишал всех их сбережений и исчезал. По всей вероятности, именно 2700 фунтов, принадлежавшие Бэсси Манди, толкнули его на убийство, так как другим способом он не мог завладеть ими. Но сколько бы материалов ни собрали Нейл и его люди, ничто не объясняло, как он убивал. Не было ни одного человека, который мог бы сказать перед судом: он убийца. Но раз не было свидетелей убийств, то нужно было по крайней мере хотя бы объяснить суду, каким образом Смиту удавалось утопить свою жертву, не оставив следов насилия. Ни один суд не осудит Смита, не получив удовлетворительного ответа на этот вопрос.

Спилсбери ежедневно появлялся в участке Кентиштауна, где в помещении полиции были установлены ванны. Среди его бумаг позднее были обнаружены зарисовки и схемы, при помощи которых Спилсбери пытался представить себе ситуацию гибели женщин.

Решение было найдено в начале марта, когда Спилсбери еще раз изучил все возможные положения тела такой же женщины, как Бэсси Уильямс, если предположить, что с ней действительно случился эпилептический припадок. Первая жертва Смита была ростом 1,7 м, а ванна лишь 1,5 м длиной. Первая стадия эпилептического припадка вызывает вытягивание всего тела. При этом голова никак не могла попасть под воду. Наоборот, учитывая рост женщины и размер ванны, можно предположить, что верхняя часть тела поднимется по пологому краю ванны и выйдет из воды. Второй этап эпилептического припадка вызывает резкие движения конечностей, сгибание и разгибание их. Опять трудно себе представить, чтобы сидящий в ванне человек мог при этом попасть под воду. Такую возможность можно предположить до некоторой степени при третьем периоде припадка, когда наступает полная расслабленность всего тела. Но и тут вызывали сомнение размеры ванны и тела пострадавшей. Если же учесть показания доктора Френча, что тело погибшей было под водой, а ноги вытянуты над водой и лежали на краю ванны, то Спилсбери вообще не мог себе уяснить, как Бэсси Уильямс могла принять такое положение. Вдруг Спилсбери представил себе всю картину происшествия.

Возможно только одно: Уильямс, стоя в ногах купающейся, заигрывая и шутя, неожиданно хватал ничего не подозревавшую женщину за ноги и резким движением дергал ее на себя вверх.

Мгновенно голова оказывалась под водой. Вода, проникнув в нос и рот, вызывала шок и тем самым потерю сознания. Отсюда отсутствие следов борьбы, слабо выраженные следы утопления и удушения.

Спилсбери поспешил в свой кабинет и стал изучать всю имевшуюся литературу о случаях моментального утопления. Почти никто не занимался этой проблемой. Было не известно, оказывала ли неожиданно проникшая в нос и полость рта вода какое-нибудь влияние на работу сердца и нервную систему. Имелись лишь разрозненные наблюдения такого рода. Но Спилсбери был убежден, что решил поставленную перед ним задачу.

Узнав об этом, Нейл пригласил нескольких ныряльщиц, соответствовавших по росту и весу жертвам Смита. Он решил поставить следственный эксперимент. С купальщицами исследовали всевозможные позы сидения и лежания во всех трех ваннах и различные ситуации, при которых можно было силой опустить под воду голову и верхнюю часть тела женщины. Без борьбы и сопротивления сделать этого не удавалось. Даже неожиданное насильственное опускание головы под воду вызывало мгновенную реакцию жертвы, хватавшейся за края ванны или за насильника. Когда же Нейл схватил пловчиху за ноги и неожиданно потянул на себя, верхняя часть ее тела и голова скользнули под воду и руки не успели за что-либо уцепиться. Через секунду Нейл с ужасом заметил, что его подопытная больше не шевелится. Он выхватил тело молодой женщины из ванны и пришел в отчаяние, увидев, что она без сознания. В течение получаса Нейл, сержант полиции и врач бились, приводя женщину в сознание. Придя в себя, она вспомнила только то, что, оказавшись под водой, услышала шум воды, заливавшей ей нос. Далее она ничего не помнит. Женщина пережила шок, хотя, в отличие от жертв Смита, ждала нападения и — опять же, в отличие от жертв Смита — была мастером по плаванию и нырянию. Нейл тотчас прекратил все эксперименты, так как они могли привести к несчастному случаю. Такой ценой была доказана правота Спилсбери.

22 июня 1915 года Джордж Джозеф Смит предстал перед судом Олд-Бейли. Никогда раньше это старое здание не испытывало такого нашествия со стороны женщин. Это были те самые одинокие неудачницы, полные жажды любви, среди которых Смит выбирал свои жертвы. Двадцатиминутного совещания оказалось достаточно для присяжных, чтобы вынести ему обвинительный приговор, и судья Скьютн объявил: "Смертная казнь через повешение".

События первой мировой войны заслонили собой необычные обстоятельства дела Смита от внимания судебных медиков других стран. Зато после войны им заинтересовались многие исследователи судебной медицины. Появилась новая область медицины, и, в частности, судебной медицины, которая от изучения органического состояния при утоплении перешла к изучению тайн физиологии нервной системы, что позволило познать или хотя бы предположить существование нервных рефлексов, могущих неожиданно вызвать смерть. Это была странная связь лицевых нервов или нервов глазно-

го яблока с дыхательными центрами и центрами сосудов. Скоропостижная смерть наступала в результате раздражения этих зон.

Была обнаружена необъяснимая зависимость между раздражениями, действовавшими на органы слуха, и случаями смерти в воде. Вообще-то к этому времени уже было больше возможностей распознать, утонул ли потерпевший или был утоплен. Так выяснили, что наличие в бронхах водорослей еще не означает, что человек попал в воду живым и утонул. В водах с быстрым течением водоросли проникали даже в легочные пузырьки попавших в водоем мертвецов. Лишь найдя водоросли в мышце сердца или в печени, можно было утверждать, что человек попал в воду живым и утонул.

При исследовании проблемы разжижения крови в левом желудочке сердца с помощью микрохимии и физической химии были найдены новые методы. В этой области новый метод разработал в 1921 году североамериканец, гражданин Нового Света, который до этого времени не внес ни малейшей лепты в историю судебной медицины. Он исследовал солевой состав крови в левом желудочке сердца утонувших в морской воде у берегов Нью-Йорка и установил, что кровь содержит соли больше нормы. У утонувшего в пресной воде содержание соли в крови ниже нормы. Имя этого исследователя — Александр Геттлер. Он был химиком, токсикологом главного медицинского инспектора Нью-Йорка. Его метод в Европе известен не был.

Как бы там ни отнеслись к его методу, во всяком случае, Геттлер обратил внимание европейцев на то, что за Атлантическим океаном появились силы, создающие основу для американской судебной медицины.

17. 1922 год. Состояние судебной медицины в США

Американские журналисты любят называть десятилетие после первой мировой войны "десятилетием беззакония". На протяжении этих десяти лет история преступности в Соединенных Штатах отмечает целый ряд преступлений, названных журналистами "преступлениями века".

Одно из этих преступлений было совершено 16 сентября 1922 года. Едва ли можно себе представить другое расследование убийства, так ярко характеризующее состояние, в котором пребывала или, как сказал американец Уильям Рикит, "дремала судебная медицина Соединенных Штатов Америки".

В тот сентябрьский день молодой рабочий Раймонд Шнайдер гулял со своей подружкой, пятнадцатилетней Пирл Бамер, по узкой улочке, обсаженной с обеих сторон деревьями. Было 9.30 утра. Вдруг Пирл заметила мужчину и женщину, неподвижно лежавших в траве. Шнайдер установил, что они были мертвы. Молодые люди побежали в ближайший дом, хозяин которого сообщил по телефону о случившемся в полицию. На место происшествия прибыл полицейский Эдвард Герриген вместе с Джемсом Гарреном.

Они застали следующую картину. Труп мужчины лежал на спине. На нем была черная, застегнутая на все пуговицы сутана священника. Лицо его было аккуратно прикрыто шляпой. Приподняв шляпу, полицейские увидели, что человек был в очках, глаза закрыты. На его согнутой руке покоилось тело молодой женщины, лицо которой прикрывала шерстяная шаль. Рядом с трупом было обнаружено много листов бумаги — письма, написанные женским почерком, и визитная карточка с надписью: "Преподобный Эдвард Холл, священник евангелической церкви святого Джона, Нью-Брансуик, Нью-Джерси".

Полицейские Герриген и Гаррен как раз приступили к чтению писем, когда из Нью-Брансуика показалась толпа любопытных. Мужчины, женщины и дети затоптали все следы, которые могли бы содействовать расследованию, а полицейские ничего не предприняли, чтобы воспрепятствовать этому. Визитная карточка переходила из рук в руки. Если на ней и были отпечатки пальцев преступника, то теперь их уже нельзя было бы обнаружить. Шляпу и шаль то и дело приподнимали и опускали на лица убитых, чтобы удостовериться, что это действительно Эдвард Холл, пастор местной церкви, и Элеонора Миллз, жена кистера церкви святого Джона. Элеонору Миллз знали как певчую церковного хора и мать двоих детей.

Когда поступило сообщение о происшествии, дежурный полицейский лейтенант Дуайер в Нью-Брансуике был занят решением чрезвычайной проблемы. Нью-Брансуик относится к району Мидлесекс штата Нью-Джерси и расположен у самой границы с соседним районом Самерсет. Место, где находились тела убитых, было в ста метрах западнее границы, то есть на территории района Самерсет. Итак, это было делом прокуратуры и полиции соседнего района. После некоторых размышлений Дуайер связался со своим прокурором Джозефом Штрикером и доложил ему обстановку. Учитывая, что расследование убийства принесет Мидлесексу одни лишь расходы и тем самым увеличение налогов, Штрикер в свою очередь связался с прокурором Самеруила — Азарием Бикманом и потребовал, чтобы тот взял на себя расследование преступления. Дежурному же приказал отозвать своих полицейских.

Спустя два часа после обнаружения трупов на место происшествия прибыли шеф уголовной полиции района Самерсет Джордж Тоттен, шериф Канклинг и врач Уильям Лонг. Лонг был лечащим врачом и лишь иногда при случае производил для коронеров вскрытия трупов.

Англичане, приехавшие в Америку, привезли с собой систему коронеров. Коронера района выбирали на долгие годы и, как и в Англии, на него возлагали обязанность расследовать каждый подозрительный случай смерти, освидетельствовать, вместе с несколькими выбранными присяжными допросить свидетелей и установить причину смерти. Никто не требовал, чтобы он имел медицинские или юридические познания. Коронер сравнительно редко прибегал к помощи врача и за вскрытие трупа платил ему

двадцать, а если же труп был очень разложившимся — сорок долларов.

Тоттен не смог найти коронера Самеруила и приехал с врачом Лонгом. На месте происшествия он отогнал любопытных от трупов и осмотрел их. У Элеоноры Миллз было перерезано горло. Больше Тоттен ни на что не обратил внимания. У Холла была маленькая ранка на правом виске, внешне напоминавшая входное отверстие пули. Шериф наткнулся также на гильзу, чудом не попавшую в руки любопытных. Тоттен забыл визитную карточку и приказал шерифу собрать письма и гильзы. В одном из писем он прочитал: "Я знаю, что существуют более красивые девушки, но меня это не волнует. Я испытываю величайшее счастье от общения с благородным человеком и от глубокой, истинной, вечной любви. Мое сердце и моя жизнь принадлежат ему. Какой бы я ни была, я принадлежу ему навсегда..."

Доктор Лонг ограничился констатацией факта, что в ране на горле Элеоноры уже завелись личинки и что она, должно быть, убита день или два назад. Он не обследовал рану и не попытался обнаружить какие-нибудь другие следы, могущие иметь значение для расследования. Зато он поручил Самюэлю Сатфену, владельцу похоронного бюро, перевезти трупы в Самеруил.

Придя за трупами, Сатфен застал там толпу зевак и по крайней мере две дюжины репортеров. Почти каждый знал пастора Холла. Почти каждый знал, что в 1911 году он женился на Фрэнсис Ноэль Стивенс — женщине малопривлекательной, старше его на семь лет, но единственной дочери в семье Стивенсов, самой влиятельной семьи Нью-Брансуика. Говоря о Стивенсах, их называли "клан Стивенсов". И вот супруг Фрэнсис Ноэль Стивенс, пастор церкви святого Джона, лежит убитый в объятиях своей тайной любовницы, жены кистера его церкви. Событие, как будто специально созданное для злоязычных, жаждущих сенсации фарисеев маленького провинциального городка.

Когда Сатфен, привезя труп пастора в Самеруил, стал раздевать его, на пол упала пуля. Никто ее и не искал. Расстегивая манжеты рубашки, Сатфен заметил синяки на правой руке Холла. На них доктор Лонг не обратил никакого внимания. На лице Элеоноры Миллз Сатфен обнаружил входное пулевое отверстие. Следовательно, Элеонора Миллз имела не только ножевое ранение, но и огнестрельное. Но не его делом было ломать себе над этим голову, тем более что доктор Лонг сказал Сатфену, что труп Холла все же придется отвезти в Нью-Брансуик, так как адвокат клана Стивенсов, бывший сенатор Флоренс, дал понять прокурору, что в его же интересах замять это дело и отправить труп пастора Стивенсам.

В 7 часов вечера появился Джон Хаббард, хозяин похоронного бюро из Нью-Брансуика, и погрузил тело убитого на свою тележку. Труп Элеоноры остался у Сатфена. На следующее утро в конторе Сатфена появился доктор Лонг и сказал, что убитую тоже следует переправить в Нью-Брансуик. Адвокат Стивенсов придерживался

теперь, по всей очевидности, мнения, что нет больше надобности скрывать скандал, связанный с пастором Холлом. Сатфен привык к тому, что прокуроры и коронеры преследовали личные цели, когда речь шла о влиятельных родственниках мертвых, от которых могло зависеть переизбрание их на занимаемые ими посты. И все же он удивился, когда доктор Лонг разрезал живот Элеоноры Миллз, вскрыл матку, посмотрел и снова зашил.

Вскоре появился Хаббард и забрал труп Элеоноры Миллз в Нью-Брансуик. Хаббард был одновременно коронером Мидлесекса. С незапамятных времен в Америке существовал обычай выбирать коронерами владельцев похоронных бюро, потому что "эта должность подходила человеку, имеющему дело с трупами". Улыбнувшись, Хаббард заявил, что трупы разложились и "просятся уже под землю". Когда Хаббард прибыл с трупом Элеоноры Миллз в Нью-Брансуик, он застал в своей конторе врача Мидлесекса — Кронка, который протянул ему уже оформленное разрешение на похороны обоих пострадавших. Хаббард понял: Стивенсы не хотят ни расследований, ни вскрытий, и он не возражал. Он рассчитал, что похороны Холла будут самыми дорогими в Нью-Брансуике за последние годы. Если же он настоит на расследовании, то его могут лишить заказа на похороны и тем самым дохода. Молча он наблюдал, как доктор Кронк вскрыл шов на животе Элеоноры Миллз. Кронк также осмотрел матку. Экс-сенатор Флоренс, объяснил он, интересуется, была ли Элеонора Миллз беременна. Затем он предоставил оба трупа в распоряжение коронера, и тот приступил к бальзамированию.

В понедельник 18 сентября Холл был очень торжественно похоронен в семейном склепе Стивенсов на Гринвудском кладбище в Бруклине. Его вдова, неуклюжая женщина, с достоинством шла за гробом. Похороны Элеоноры Миллз, состоявшиеся на следующий день, были менее пышными. Кроме ее мужа, Джеймса Миллза, тощего, "похожего на смерть" человека, и шестнадцатилетней дочери Шарлотты, можно было увидеть лишь репортеров газет.

Однако особые обстоятельства убийства вызвали большой интерес во всем Нью-Джерси и даже в Нью-Йорке. Визитная карточка в ногах убитого, любовная связь священника и жены кистера, а также любовные письма, содержание которых обещало много пикантного, — вот что может надолго приковать внимание публики.

Нажим прессы был настолько сильным, что прокурор Бикман попытался избавиться от этого неприятного дела. Он выдвинул следующую версию: тела убитых лежали аккуратно уложенные рядышком, а из этого каждому должно быть ясно, что они убиты в Мидлесексе и затем привезены на Рассейз-Лейн. И он отправил прокурору Штрикеру в Нью-Брансуик весь материал расследования. Но верховный судья штата Нью-Джерси решил теперь поручить расследование убийств прокурору Самеруила. Прокурор Штрикер пришел тем временем к убеждению, что ему следует заняться делом лично. Так как в США прокурору для нового переизбрания нужны

голоса избирателей, то Штрикер полагал, что совершит преступление по отношению к своей карьере, если упустит дело Холла, вызвавшее такую сенсацию. И он приступил к самостоятельному расследованию. Так возникло соревнование между двумя прокурорами, вызвавшее массу повторных допросов и через двенадцать дней зашедшее в тупик.

Спустя несколько лет в Нью-Брансуике и Самеруиле дело стало постепенно забываться. Но вдруг в июле 1926 года в новой газете, "Дейли миррор", появилось сенсационное сообщение настройщика музыкальных инструментов по имени Артур Риль, который десять месяцев назад женился на Луизе Гайст, бывшей служанке Фрэнсис Ноэль Холл. В июле Риль потребовал развода и заявил в связи с этим, что убийство Эдварда Холла и Элеоноры Миллз было организовано и совершено семьей Стивенсов. Луиза была посвящена в убийство, и Стивенсы ее подкупили, чтобы она молчала. 14 сентября 1922 года она вместе с миссис Холл и ее братьями, Уиллом и Виллье Стивенсами, ездила на Рассейз-лейн и присутствовала при убийстве. Главный редактор "Дейли миррор" Фил Пейн объявил, что ему известны еще другие случаи подкупа свидетелей убийства, и требовал, чтобы губернатор штата Нью-Джерси снова занялся этим делом. Другие газеты тоже подхватили эту тему. Под давлением общественности расследование было возобновлено и поручено адвокату Александру Симпсону.

Когда Симпсон, маленький честолюбивый человечек, 2 августа прибыл в Самеруил, он обнаружил в материалах дела "беспримерный хаос". Большая часть доказательств, собранных в 1922 году, была утрачена. Протоколов допросов нельзя было найти. 3 августа Маркус Бикман, брат умершего к тому времени прокурора Самеруила, пытался продать протоколы свидетельских показаний 1922 года газете "Дейли миррор". Бикман нашел их в каком-то конверте и решил присвоить. Визитная карточка Холла "невероятным образом" пропала: какой-то эксперт по дактилоскопии якобы взял ее. Симпсону пришлось искать, и в конце концов он изъял ее из архива одной газеты. Подлинники документов о вскрытии трупов найти не удалось.

Первое, что предпринял Симпсон, была эксгумация трупов убитых. Английский журналист Питер Робертсон писал позднее: "Симпсон серьезно верил, что вскрытие трупов даст ему ключ к решению запутанного дела. Ключа он не получил. Он получил подтверждение того, что в 1922 году врачи выполнили задание поверхностно и безграмотно". Симпсон поручил произвести вскрытие врачу из Нью-Йорка Отто Шульце, которого и уважали и ненавидели за то, что он выступал против системы коронеров. Адвокатура Нью-Йорка пригласила его на должность медика-ассистента. В конце октября он уже обследовал останки Холла в Бруклине. 28 октября в Нью-Брансуике в помещении гаража он обследовал то, что осталось от Элеоноры Миллз.

Когда Симпсон после жарких дебатов с многочисленным жюри 5 ноября все же возбудил дело об убийстве против Фрэнсис Ноэль Холл и ее обоих братьев, Шульце выступил свидетелем обвинения.

Он рассказал о вскрытии трупа Элеоноры Миллз, заявив, что верхняя часть трахеи, гортань и язык у нее отсутствовали. То есть не было тех органов, которые необходимы при пении. Их вырезали. Симпсон вызвал в качестве свидетелей докторов Лонга и Кронка. "Почему, — спросил он, — этот факт не был установлен вами в 1922 году? Ведь он мог указать на преступника, ненавидевшего пение Элеоноры Миллз, предполагая, что она очаровала Холла своим голосом". Симпсону пришлось "надавить" на врачей, прежде чем они признались, что вообще не заглядывали в рот убитой.

Все это лишний раз подчеркивало отсутствие судебно-медицинского мышления, полное отсутствие представления о том, какое значение имеет судебная медицина и ее сотрудничество с полицией.

Симпсону ничего не удалось доказать. 3 декабря присяжные признали всех троих невиновными. Дело Холла — Миллз, как и многие другие преступления, совершаемые в Америке, осталось нераскрытым. Оно является ярким примером уровня развития криминалистической науки, в том числе судебной медицины, в Соединенных Штатах Америки в третьем десятилетии XX века.

18. Система коронеров в США – препятствие на пути развития судебной медицины

В том же 1926 году, в котором так бесславно закончилось расследование дела об убийстве Холла и Миллз, американец Уорд Мак-Нил по поручению Национального совета научных исследований работал над докладом о системе коронеров в Нью-Йорке. Хотя он изучал положение дел в самом крупном городе Нового Света, все, что Мак-Нил мог сказать о системе коронеров Нью-Йорка, еще в большей степени относилось ко всей стране. И по мере удаления от восточного побережья страны картина становилась все более удручающей. Если система коронеров вызывала неодобрение и критику в Англии, где порядка было значительно больше, то в Северной Америке она превратилась за годы своего стихийного развития в арену авантюризма. Способ установления причин смерти человека путем опроса свидетелей доходил до абсурда, Из ста подозрительных случаев смерти, которые с 1868 по 1890 год расследовались коронерами в Нью-Йорке, было только восемь случаев, когда предпринималось хоть какое-то вскрытие трупов. Так как вскрытия едва ли проводились патологами, а судебных медиков не было и в помине, то выводы зачастую были неправильными и вводили в заблуждение. Хозяева похоронных бюро, работавшие коронерами, избегали вскрытия трупов, потому что им дороже были интересы своего предприятия. Заключения коронеров содержали массу сентенций, например, такого рода: "Скончался от пистолетной раны. Каким образом — не извест-

но, потому что никто не стрелял". Среди коронеров, избранных в Нью-Йорке с 1898 по 1915 год, было восемь кладбищенских служащих, семь профессиональных политиков, шесть торговцев недвижимым имуществом, два брадобрея, два жестянщика, один мясник, один молочник, два владельца баров и т. д. Врачи, которых в редчайших случаях выбирали коронерами, были либо пьяницами, либо плохими врачами. О коронерах Бруклина говорили, что они платят деньги за то, чтобы трупы утонувших, которые почти каждый день всплывали в Ньютон-Крик между Бруклином и Квинсом, выносили на берег Бруклина, потому что за их освидетельствование коронеры получали от 12 до 50 долларов.

Подобные явления вызвали в 1877 году в Бостоне такое возмущение населения, что от института коронеров пришлось отказаться. На их место стали назначаться самим губернатором сроком на семь лет медицинские инспектора, которые должны были быть патологами и обследовать каждого умершего при подозрении на насильственную смерть. Так как общественность (как и в Англии) была настроена против вскрытия трупов, то медицинский инспектор мог производить его только с разрешения прокурора. Таким образом, постепенно все подозрительные случаи смерти стали подвергаться контролю со стороны специалиста. Какое значение это имело, свидетельствует раскрытие массы убийств, которые раньше остались бы нераскрытыми.

Одним из самых выдающихся медицинских инспекторов был доктор Джордж Бургис Маргрес. Он вступил на пост медицинского инспектора в Бостоне в 1906 году. Маргрес был эксцентриком и великолепным артистом, высоким, солидным мужчиной с ярко-рыжими волосами, которые с годами заменил такой же рыжий парик. Во всем городе знали его черные артистические галстуки, яркие жилеты и зеленоватые костюмы. Будучи холостяком, он жил в старом здании на Бойлстон-стрит над своей конторой. Маргрес ел один раз в день, но зато основательно, и утверждал, что прослушал все симфонические концерты во всем Массачусетсе. Ездил он на древнем "форде", к которому приделал какое-то подобие пожарного колокольчика. Колокольчик трезвонил на всю округу, когда Маргрес спешил на место происшествия или ехал освидетельствовать труп. Это зрелище Маргрес устраивал с определенным намерением. Ассистенту, токсикологу Уильяму Бусу, он говорил: "Билл, вы должны производить впечатление на людей. Это помогает, это помогает". Если не считать давно забытые имена американцев Штринг-Хэма и Ромена Бека, безуспешно пытавшихся с 1815 по 1823 год преподавать европейскую судебную медицину в Нью-Йорке, то Маргрес был первым в Америке медиком, пользовавшимся методами европейской судебной медицины. При этом он придерживался мнения, что судебная медицина должна опираться не только на патологию, но и на все естественные науки. В его записной книжке можно прочесть такую мысль: "Если закон требует, чтобы ты выступил свидетелем, то оставайся всегда человеком науки. В твои задачи не входит отомстить за жертву, спасти невиновного или уничтожить виновного.

Твоя задача состоит исключительно в том, чтобы дать заключение в рамках твоих научных знаний".

Несмотря на поразительные успехи новой системы в Массачусетсе, прошло много времени, прежде чем в 1915 году в Нью-Йорке система коронеров была заменена системой медицинских инспекторов. В 1914 году мэром Нью-Йорка стал Джон Митчелл, который начал "период реформ", пытаясь устранить недостатки предыдущего правления. Митчелл поручил одному из своих служащих, Уолштейну, проинспектировать систему коронеров в Нью-Йорке. В докладе Уолштейна было написано: "Коронеры Нью-Йорка соединяют в себе политическую власть, бездарность и безответственность... Как они обследуют трупы, видно из высказываний работников кладбищ. Обследование, занимающее у коронеров больше пяти минут, — явление чрезвычайно редкое... В районе, где действуют коронеры Нью-Йорка, без всякого риска можно совершать такие преступления, как детоубийство или отравление..."

В результате с 1 июля 1915 года должность коронера была упразднена и введена должность шефа медицинских инспекторов, который опирался в своей работе на большое число ассистентов. Шефу медицинских инспекторов и всем его сотрудникам надлежало быть опытными патологами, имеющими также знания в области микроскопии и исследования крови. В их задачи входило обследование всех случаев смерти, последовавших в результате "уголовного применения силы, несчастных случаев или самоубийств", и всех случаев "скоропостижной смерти ранее здоровых людей или людей, не обращавшихся за медицинской помощью". Шефу медицинских инспекторов вменялось в обязанность лично осматривать "место, где произошла смерть". Он сам должен был решать, необходимо ли вскрытие, лично производить его и сообщать прокурору о всех случаях насильственной смерти.

Коронеры Нью-Йорка защищались, пытаясь сохранить свои посты, и утверждали, что система медицинских инспекторов превратит город в "бойню для врачей". Они воспрянули духом, когда в 1917 году вместо Митчелла на пост мэра был избран Джон Хейлен, пытавшийся "забыть" закон 1915 года. Но под давлением общественности, требовавшей ввести закон в силу, он против своей воли назначил на пост шефа медицинских инспекторов доктора Чарлза Норриса — одного из немногих нью-йоркских врачей, имевших необходимые для этой должности звания.

Норрис явился тем человеком, который первым в Новом Свете создал прочный фундамент для развития судебной медицины. Норрис — великан, весивший больше ста килограммов, с глубокими темными глазами и острой бородкой — родился в Гобокене в 1867 году. Он изучал медицину в Колумбийском университете, а затем уехал в Европу, где проучился два семестра в Киле и зимний семестр в Гёттингене. До 1894 года Норрис работал в Берлине у Вирхова, корифея патологии. И наконец, с 1894 по 1896 год он работал в Вене у Эдуарда фон Гофмана и у Колиско, изучив, таким образом, европейскую

судебную медицину у истоков ее зарождения. С 1904 по 1918 год он был профессором патологии и руководителем химико-бактериологической лаборатории госпиталя в Нью-Йорке. Это был зажиточный, независимый человек. Вступая на пост шефа медицинских инспекторов Нью-Йорка, он лелеял мечту осуществить идеи, привезенные им из Вены. Трудностей на его пути было предостаточно. Норрис не жалел даже личных средств для оборудования лабораторий. Будучи талантливым организатором, он основал в Манхэттене центральное бюро с круглосуточным дежурством. Филиал этого бюро возник в Бруклине. Молодые патологи работали в моргах нью-йоркских районов, в Манхэттене, Бруклине, Бронксе, Квинсе и Ричмонде и всегда были готовы выехать в любое время туда, где был зафиксирован смертный случай.

Одним из ценнейших сотрудников, которого Норрису удалось привлечь к своей работе, был Александр Оскар Геттлер. Он родился в 1883 году в Вене и был привезен в Нью-Йорк пятилетним мальчиком. Необходимые ему для учебы на химическом факультете деньги он зарабатывал ночами, работая билетером на пароме. Теперь он стал химиком лаборатории Норриса и страстно занимался биохимией и токсикологией.

С 1918 года в контору Норриса каждый год поступало от 15 000 до 20 000 сообщений о подозрительных или неясных причинах смерти. Он и его ассистенты ежегодно производили от 4000 до 6000 вскрытий трупов. За год проверялось до 7000 случаев насильственной смерти: 338 убийств из огнестрельного оружия, 120 удушений, 638 отравлений газом, 446 утоплений, 326 смертей от пожара. Когда Норрис вспоминал о Вене, он невольно сравнивал ограниченные возможности практики венских специалистов с тем потоком, который обрушился на него в Нью-Йорке, и сожалел, что весь этот неисчерпаемый материал идет на пользу лишь его немногим сотрудникам. Правда, он тесно сотрудничал с медицинскими факультетами нью-йоркских высших учебных заведений; они были тогда базой американской медицины, которая вскоре станет независимой и из ученицы превратится в учительницу. Но для судебной медицины, для подготовки врачей, способных делать по всей стране то, что он делал в Нью-Йорке, не было ни возможностей, ни признания ее необходимости.

В разговорах с журналистами Норрис иногда возмущался: "В нашей стране больше интеллигенции и культуры, чем где бы то ни было в мире. У нас царит дух предпринимательства, которому Старый Свет может только позавидовать. Но тем не менее мы необразованны! Мы называем себя свободными, но мы свободны только делать из себя ослов... Мы — это даже смешно — просто близоруки и глупы... В каждом городе и в каждом штате должен был бы работать медицинский инспектор. Нам следовало бы тотчас начать подготовку молодых врачей, которые посвятили бы свою жизнь этой работе..." Норрис горько жаловался на непонимание того, что лечащие врачи, даже патологи, не могут быть хорошими медицинскими

инспекторами. "Претендующие на должность медицинского инспектора Нью-Йорка, — говорил он, — должны подвергаться серьезному экзамену. Молодому врачу следует произвести по меньшей мере пятьдесят вскрытий трупов, прежде чем стать ассистентом. Ассистентом, который первое время выполняет лишь незначительные поручения. Вот и сравните его с простым лечащим врачом..."

Лишь за год до смерти, в 1934 году, Норрису удалось создать в медицинском колледже при Нью-Йоркском университете что-то вроде отдела судебной медицины. Но европейский врач Курт Ланде, приехавший в это время в Нью-Йорк и работавший в качестве медицинского инспектора, писал в 1936 году, что в 1935 году интерес к судебной медицине проявили только два студента, а в 1936 — один. Да и откуда мог взяться этот интерес? Кого могла заинтересовать судебная медицина, если, кроме Бостона и Нью-Йорка, по всей обширной стране не было ни одного учреждения подобного рода, никаких возможностей для карьеры?

Когда в сентябре 1934 года на шестьдесят седьмом году жизни от сердечного приступа скончался Норрис, медицинские инспектора работали только в Бостоне, Нью-Йорке и Ньюарке, да Гарвардский университет в 1932 году приступил к строительству Института судебной медицины. Коронеры, как и раньше, были в большей части Соединенных Штатов.

А в Старом Свете тем временем развитие судебной медицины шло своим чередом.

19. Проблема огнестрельных повреждений при выстрелах с дальнего и близкого расстояния

Эдинбург. 17 марта 1926 года.

В этот день домработница семьи Мерреттов, Генриетта Зутерланд, находилась в 9.30 на кухне, когда раздался выстрел. Незадолго до этого она заходила в гостиную проверить камин и видела, что хозяйка Берта Мерретт сидела за столом и писала письма, а ее сын Дональд расположился в другом конце комнаты в кресле и листал какую-то книгу. Открыв кухонную дверь, она увидела идущего ей навстречу восемнадцатилетнего Дональда. Без особых признаков волнения он сказал: "Рита, моя мать застрелилась. — И добавил: — Я потратил ее деньги, и она очень это переживала".

Когда они вошли в комнату, Берта Мерретт лежала на полу между столом и секретером. Кровь сочилась из раны на ее голове. Стул, на котором она сидела, был перевернут. Домработница побежала к ближайшему телефону. Вскоре приехали констебли Мидлмейс и Изат с машиной "скорой помощи". Увидев, что Берта Мерретт еще жива, они отправили ее в королевскую больницу. Мидлмейс и Изат принадлежали к той многочисленной группе полицейских служащих, которые и в 1926 году еще не имели никакого представления о важности охраны места происшествия. Позднее

они не могли даже рассказать, в каком положении была обнаружена пострадавшая. Они давали прямо противоположные показания о том, где был пистолет. Мидлмейс взял его себе, но не мог потом вспомнить, лежал ли он на полу или еще где. Сохранность отпечатков пальцев они не обеспечили. На столе лежало не дописанное Бертой Мерретт письмо, несомненно, свидетельствовшее о ее мыслях и настороении. На него не обратили внимания. Лишь в коридоре (раненую уже унесли) Мидлмейс спросил Дональда, что произошло с его матерью. Тот ограничился ответом: "Денежные неприятности". Так как в Шотландии самоубийство относилось к подсудным происшествиям, то спустя некоторое время в квартире Мерреттов появился инспектор уголовной полиции Флеминг. Он также не позаботился о сохранности следов, не обратил внимания на письмо Берты Мерретт (его сожгли, а потом безуспешно искали) и удовлетворился тем, что нашел разложенные на секретере письма, в которых банк сообщал Берте Мерретт, что ее счет закрыт. Этим Флеминг объяснил причину самоубийства. Он приказал положить раненую в палату с решетками на окнах, так как в случае выздоровления ее ожидает суд.

Тем временем над раненой бились два врача, Бель и Холкомб. Они нашли входное отверстие от пули за правым ухом. Рентгеновский снимок показал застрявшую в основании черепа пулю. Операция была невозможна. Поэтому они занимались раной. На следующий день Берта Мерретт пришла в себя и хотела знать, что с ней произошло. Так как с самоубийцами не разрешалось говорить о случившемся, то ей ответили: "Небольшой несчастный случай". Но она не переставала думать о своем ранении. Доктору Холкомбу она рассказала: "Я сидела и писала письма. Ко мне подошел мой сын Дональд. Я попросила его не мешать мне. В это мгновение раздался выстрел, и, что было потом, я не могу вспомнить".

Рассказ пострадавшей показался врачу странным. Он передал его инспектору Флемингу и спросил, правда ли, что здесь речь идет о самоубийстве. Состояние миссис Мерретт настолько безнадежно, что вскоре будет невозможно спросить ее о чем-нибудь. Но Флеминг ничего не предпринял. Своей приятельнице Берте Хилл, посетившей больную, она сказала: "Не было никакого несчастного случая. Я писала письмо мистеру Андерсону, и в меня кто-то выстрелил". Берта Хилл спросила: "Пистолет был у тебя в руках?" — "Нет", — ответила та.

24 марта в больницу приехала сестра Берты Мерретт, Элиза Пенн. Больная объяснила ей: "Я сидела за столом, и вдруг в моей голове произошел взрыв, как будто Дональд выстрелил в меня". Потом она попросила сестру позаботиться о Дональде. Рано утром 1 апреля Берта Мерретт скончалась.

Когда Элиза Пенн стала "заботиться о Дональде", то обнаружила обстоятельства, потрясшие ее до глубины души. Как только мать была отправлена в больницу, Дональд привел к себе в дом танцовщицу кабаре. Каждую ночь он вылезал из окна своей спальни и

лишь к утру появлялся в доме. Он купил себе большой мотоцикл (Элиза Пенн не могла понять, откуда он взял на это деньги) и в компании двух девушек предпринял поездку в Лондон. Судьба матери интересовала его лишь с одной стороны: жива ли она еще или уже умерла. На полу в гостиной Элиза Пенн нашла не обнаруженную Флемингом стреляную гильзу. В спальне Дональда лежала коробка с патронами 38-го калибра. На вопрос тетки о патронах Дональд ответил, что купил как-то пистолет и патроны, чтобы стрелять в кроликов, но мать все отобрала у него.

Элизе Пенн никогда не нравилось, как Берта Мерретт воспитывала своего сына. Но она сочувствовала сестре, которая в 1907 году вышла замуж за авантюриста Джона Альфреда Мерретта, оставившего ее одну с сыном. Теперь Элиза Пенн узнала, что Дональд уже много месяцев не посещает свой колледж, а встречается с некой Бэтти Кристи, танцовщицей из варьете, делая ей дорогие подарки. По всей видимости, Берта Мерретт ничего не знала обо всем этом. Элиза Пенн ломала себе голову, откуда Дональд берет на все это деньги. Ответа долго ждать не пришлось.

По завещанию Берты Мерретт все ее маленькое состояние, управление которым она поручала общественному опекуну, должно быть употреблено на пользу Дональду. Взявший на себя управление опекун обнаружил, что незадолго до смерти Берты Мерретт банк выплатил Дональду 457 фунтов по чекам, на которых стояла ее подпись. Но подписи оказались подделанными Дональдом. 15 марта банк сообщил Берте Мерретт, что ее счет исчерпан. По всей видимости, письмо попало в руки Дональда, и он понял, что больше обманывать не удастся. Элиза Пенн подозревала, что Дональд убил мать, инсценировав ее самоубийство.

Осенью 1926 года накопилось много фактов, дающих основания подозревать Дональда в убийстве своей матери, и прокуратор-фискал (в Шотландии эта должность соответствовала главному прокурору) возбудил дело. 29 ноября Дональда арестовали и обвинили в подделке чеков и убийстве матери.

Такова предыстория дела Мерретта до того момента, когда в него вмешалась судебная медицина.

20. Ошибка Спилсбери

Проблема пулевого ранения занимала судебную медицину, начиная с Девержи. Она изучалась в комплексе ранений, возникающих от ударов острым и тупым орудием, от укола, толчка, броска. Изучение было сконцентрировано на основных вопросах. Речь шла об определении, смертельна ли огнестрельная рана и при каких обстоятельствах смертельна. Дальше речь шла об определении входного и выходного отверстий и различия между ними. Зондировались пулевые каналы, так как это позволяло при определенных обстоятельствах установить место, откуда был произведен

выстрел. Не в последнюю очередь шла речь об очень важном вопросе, можно ли по ране судить о том, с какого расстояния произведен выстрел. Уже вскоре было установлено, что на основании обследования пулевой раны можно ответить на вопрос, идет ли речь об убийстве или о самоубийстве. Для этого необходимо было установить, произведен ли выстрел с дальнего, ближнего расстояния или в непосредственной близости. Самоубийство исключалось, если выстрел произведен с расстояния, не досягаемого для самоубийцы.

При каждом выстреле из ствола оружия вырывалось пламя, по действию которого можно было судить о виде оружия и о силе заряда. Если выстрел производился с расстояния до 30 см, то одежда, волосы и кожа вокруг входного отверстия были сожжены. Правда, Эдуард фон Гофман из Вены знал по собственному опыту, что здесь нужно быть очень осторожным. Десятки лет изменение цвета кожи у входного отверстия принимали за ожог, следовательно, за признак близкого выстрела. Гофман же доказал, что каждый проникающий в кожу заряд затягивает в рану верхний слой кожи, чем вызывает потемнение краев раны, а это наблюдается также при выстрелах с большого расстояния. Тардьё, Бруардель, Штрассман и Гофман могли по одному запаху определить, произведен ли выстрел с близкого расстояния. Больше значения следовало, однако, придавать другому признаку. Во время выстрела из ствола вместе с пулей вылетали несгоревшие частички пороха. Если выстрел производился с небольшого расстояния, то эти частички можно было обнаружить на коже. Иногда они впивались в кожу. При выстрелах с расстояния до 50 см они хорошо различимы.

Не менее важными являются следы от дыма, возникающего при взрыве пороха. В зависимости от длины ствола следы дыма различны: то в форме кегли, то в форме гриба. Во всяком случае, дым оседает в области входного отверстия. Ярче всего наблюдается он, если выстрелить с расстояния от 2 до 12 см. Но твердых правил не было. В тех случаях, когда ствол оружия непосредственно касался цели, несгоревший порох и дым можно было найти в канале раны, туда же проникали пороховые газы и изнутри поднимали кожу.

С изобретением так называемого бездымного пороха и со времени изготовления пироксилиновых боеприпасов возникли новые проблемы. Следов от пламени почти не оставалось. Прочие следы также не были ярко выражены.

Осенью 1926 года, когда прокуратор-фискал Эдинбурга Уильям Хорн возбудил против Дональда Мерретта уголовное дело, обвинив его в убийстве матери, судебная медицина еще только искала новые методы определения расстояния, с которого произведен выстрел. Множество старых видов оружия с боеприпасами из черного пороха было еще в ходу. Но с каждым днем росло число новых ружей, пистолетов и револьверов, имеющих патроны с бездымным порохом. Приходилось вырабатывать новые методы получения доказательств применительно к новым видам оружия.

Занявшись вплотную делом Берты Мерретт, Уильям Хорн понял, что не имеет никаких веских доказательств убийства. Единственным свидетелем преступления был сам обвиняемый. Инспектор Флеминг упустил возможность допросить и запротоколировать высказывания Берты Мерретт, которая, несмотря на тяжелую рану, помнила ход событий. Таким образом, у Хорна были показания врачей и родственников, которые в суде не являются полноценными свидетелями. Были убедительные моменты, дававшие основания для признания Дональда виновным, но не было доказательств. Оставались косвенные улики. Но и здесь сказалась небрежность Флеминга и полицейских констеблей. Самым досадным было то, что утеряли письмо, не дописанное Бертой Мерретт. Может быть, его содержания было бы достаточно, чтобы установить, думала ли она о самоубийстве. Хорн не видел другого выхода, как попытаться обратиться к помощи судебной медицины. Может быть, удастся доказать, что подобный выстрел нельзя произвести своей рукой.

В материалах дела у Хорна был мало обнадеживающий документ. Дело в том, что 1 апреля после смерти потерпевшей профессор судебной медицины Эдинбургского университета Харвей Литлджон произвел вскрытие трупа Берты Мерретт. В его протоколе можно прочитать: "За правым ухом пострадавшей имеется медицински обработанное входное пулевое отверстие. Пулевой канал проходит резко вперед и немного вверх. Через два — два с половиной сантиметра пуля застряла в основании черепа. Развившееся воспаление мозговой оболочки привело к смерти". Но решающим было следующее: "Не удалось установить, с какого расстояния произведен выстрел. Что касается направления канала пули, то можно предположить самоубийство".

В 1926 году Харвей Литлджон слыл авторитетнейшим медиком Шотландии. С 1906 года он был руководителем, может быть, самой знаменитой кафедры судебной медицины во всей Великобритании и последователем своего не менее знаменитого отца Генри Литлджона. Хорн не знал, что Литлджона мучили сомнения в правильности его заключения по делу Берты Мерретт, когда он узнал об образе жизни ее сына. Эти сомнения усилились в июле, после встречи с врачами Белем и Холкомбом, лечившими Берту. Оба не верили в самоубийство. Они утверждали, что при поступлении Берты Мерретт в больницу ее рана не имела следов ни пороха, ни дыма. Они умели распознавать эти следы, так как им приходилось иметь дело с самоубийцами, и сразу заметили бы их. Литлджон чувствовал, что в шестьдесят пять лет совершил одну из тех ошибок, от которых предостерегал своих студентов. Он настолько поверил в то, что здесь имело место самоубийство, что ему даже в голову не пришло поговорить с врачами еще в апреле о следах на входном отверстии пули. Страдающий от болезней, он увидел в своей ошибке признаки старости и никак не мог придумать, как ее исправить.

За последние двадцать лет Литлджон видел по крайней мере пятьсот случаев самоубийств, совершенных огнестрельным оружи-

ем, но сам, как, впрочем, большинство судебных медиков его поколения, не занимался изучением оружия. Экспертизы, связанные с огнестрельным оружием, долгое время не являлись областью судебной медицины, а были делом оружейников. И лишь молодое поколение судебных медиков, в основном со времен первой мировой войны, в связи со все более увеличивающимся числом ранений огнестрельным оружием, занялось его изучением. К нему относился ученик Литлджона — Сидней Смит. Уроженец Новой Зеландии, предприимчивый молодой человек, но без всяких средств к существованию, он прибыл в Эдинбург в 1908 году и начал изучать медицину. Благодаря случаю он стал ассистентом Литлджона, то есть судебным медиком.

С 1917 года Сидней Смит возглавлял Институт судебной медицины в Каире.

Будучи очень энергичным, к 1926 году он уже имел лаборатории, каких не встретишь ни в Англии, ни в Шотландии, и был опытнее самого Литлджона. Летом 1926 года он проводил свой отпуск в Эдинбурге, где посетил Литлджона в его холостяцком доме. Литлджон не переставал думать о деле Берты Мерретт и поделился своими мыслями со Смитом, который тотчас предложил решение проблемы.

Со Смитом мы еще встретимся как с пионером судебной науки об оружии. А здесь нужно лишь сказать, что за годы работы в Египте он имел дело с большим количеством убийств, самоубийств и покушений на убийства, совершаемых при помощи различных старейших и новейших видов оружия. В 1925 году вышла в свет его книга "Судебная медицина и токсикология", которая вызвала большой интерес у специалистов благодаря тому, что он своеобразно осветил в ней с позиции судебной медицины вопросы, связанные с огнестрельным и другими видами оружия. Когда необходимо было установить, с какого расстояния произведен выстрел, он проводил экспериментальную стрельбу теми же патронами из оружия, которым совершено преступление, по человеческой коже, получаемой им в избытке из хирургической клиники в Каире. Результаты этих сравнительных выстрелов позволяли ему устанавливать, произведен ли выстрел с близкого или с дальнего расстояния, совершено убийство или самоубийство. Длительный опыт научил Смита, что подобные сравнения надежны лишь в тех случаях, когда они производятся из того же оружия и теми же патронами, что и при совершении преступления. При револьверных выстрелах он рекомендовал производить сравнительный выстрел из того же отделения барабана, из которого был произведен выстрел убийцы или самоубийцы.

Смит спросил у Литлджона, сохранился ли пистолет, из которого был произведен выстрел в голову Берты Мерретт, и имеются ли патроны из запасов Дональда Мерретта. Литлджон ответил утвердительно. Тогда Смит заявил: "Я считаю, что это убийство. Почему вы не проведете эксперимент с оружием убийства? Проверьте, оставят ли выстрелы с небольшого расстояния следы на коже..."

Смит вернулся в Каир. Литлджон после некоторого колебания последовал его совету. 6 августа он приступил к эксперименту. Револьвер Мерретта был дешевым испанским оружием. Сначала Литлджон стрелял во влажную бумагу с расстояния в 1,25; 2,5; 7,5; 15; 22,5 и 30 см. С расстояния от 1,25 см до 7,5 см были заметны следы копоти и частицы пороха. Лишь с 22,5 см следы становились менее заметными. Патроны были хотя и бездымными, но не очень высокого качества, а поэтому следы от них можно было видеть невооруженным глазом. Литлджон попытался вымыть свои листы бумаги и убедился, что часть следов легко смылась, другая же часть следов осталась. Ее удалось удалить лишь через несколько дней после многократных усилий. Следы от выстрелов, произведенных из револьвера Дональда Мерретта на близком расстоянии, были бы видны и распознаны опытными врачами, которые много раз имели дело с самоубийствами.

18 августа Литлджон сообщил прокуратору-фискалу результаты своих экспериментов и признался, что в апреле он недостаточно серьезно изучил эту проблему и теперь уверен, что самоубийство исключается. Возможно только одно — убийство. Дональд Мерретт убил свою мать, когда та, склонившись над столом, писала письмо. Дональд, видимо, подошел к ней сзади, с правой стороны, и выстрелил. Этим объясняется и направление канала — вперед наверх.

Хорн предвидел, что изменение выводов в заключении Литлджона вызовет недоверие к нему со стороны защиты, и он, посоветовавшись с Литлджоном, привлек к делу еще одного эксперта, Джона Глайстера, профессора судебной медицины университета в Глазго. Глайстер, как и Смит, относился к группе молодых судебных медиков. 8 декабря Глайстер прибыл в Эдинбург. Вместе с Литлджоном они повторили эксперименты. Кроме бумаги, они на этот раз использовали также человеческую кожу с бедра ноги, только что ампутированной в университетской клинике. Результаты были те же, если не более убедительные. На коже человека невозможно было полностью удалить следы копоти и вкрапления пороха. 10 декабря Глайстер послал прокуратору-фискалу заключение. Через несколько дней свое окончательное заключение дал также Литлджон.

В дни работы над своим заключением Литлджон узнал, что защитнику Дональда Мерретта удалось пригласить в качестве эксперта Бернарда Спилсбери. Легендарному Спилсбери, выступавшему в Англии только в роли патолога обвинения, в Шотландии предоставилась возможность выступить в качестве свидетеля защиты. Раз он на это пошел, он решил опровергнуть все доводы Литлджона. Какая печальная перспектива для больного, сомневающегося в себе, но, с другой стороны, преданного своему делу человека в Эдинбурге! Встреча с самым страшным и авторитетным противником, какого только могла уготовить ему судьба. Наверно, это последняя битва в его жизни.

Процесс над Дональдом Мерреттом начался 1 февраля 1927 года в Верховном суде на Парламент-сквер в Эдинбурге с лордом Альнес-

сом в качестве судьи, шестью женщинами и девятью мужчинами в качестве присяжных. Когда Дональд Мерретт появился на скамье подсудимых, хорошо выглядевший, высокий, широкоплечий, он произвел впечатление человека спокойного, мало интересующегося всем происходящим, как будто речь шла не о нем, не о его жизни. С 1 по 3 февраля перед судом прошли свидетели обвинения — от инспектора Флеминга, Элизы Пенн до докторов Беля и Холкомба. Показания Флеминга больше походили на защиту обвиняемого. То, что Берта Хилл, Элиза Пенн, доктора Бель и Холкомб говорили о рассказах потерпевшей, мало принималось во внимание. Защитник Мерретта, Ачисон, упорно и настойчиво старался свести на нет показания врачей о состоянии раны. Но врачи не сдавались. Они, конечно, не судебные медики, но зато хирурги. А из судебных медиков никто не видел рану в первые дни после ранения. Ведь это не их вина, что на место происшествия не был тотчас доставлен судебный медик. Рана кровоточила, и ее необходимо было расчистить. Но они категорически заявили, что заметили бы следы от выстрела с близкого расстояния.

3 февраля 1927 года наступил решающий момент. Литлджон выступил главным свидетелем обвинения. Он плохо себя чувствовал. Но уже после первых его слов стало ясно, что он имеет силы для защиты своего мнения. Он подробно изложил, как проводились эксперименты и к каким выводам и результатам они привели.

Ачисон записывал каждое его слово. Перед ним лежали книги по судебной медицине, среди них альбом иллюстраций Литлджона "Судебная медицина" и книга Сиднея Смита "Судебная медицина и токсикология". Ачисон предварительно ознакомился с этой литературой, чтобы быть готовым к выступлению Бернарда Спилсбери.

Так он приступил к перекрестному допросу Литлджона. Он спросил, не Литлджон ли написал вступление к книге Сиднея Смита. "Да", — был ответ.

— Литлджон одобряет это произведение?

— Конечно.

И тогда защитник прочитал: "Эксперт должен иметь в виду, что патроны автоматического оружия наполнены бездымным порохом и что отсутствие следов ожога и копоти при выстрелах с близкого расстояния не исключает возможности самоубийства". Литлджону было нетрудно отразить эту атаку. Он предложил продолжить чтение. Там Сидней Смит как раз писал, что установлению истины может помочь только эксперимент с оружием и патронами, которыми произведен выстрел. Он и провел эксперимент, в ходе которого установил, что так называемый бездымный порох в патронах Мерретта оставляет отчетливые следы.

Тогда Ачисон заявил: "А как обстоит дело со следами бездымного пороха при мытье?" Литлджон не будет возражать, если он процитирует книгу "Судебная медицина", которую профессор Литлджон опубликовал в 1925 году? На стр. 120 Литлджон дает иллюстрацию входного пулевого отверстия при самоубийстве до и по-

сле расчистки раны. При этом он пишет: "Губкой можно смыть копоть от порохового дыма". Придерживается ли Литлджон и теперь того же мнения? Конечно, Литлджон не отказывается от своего утверждения. Он предложил и на этот раз продолжить чтение. Дальше сказано, что копоть смывается, но зато невозможно удалить вкрапления пороха, которые отчетливо видны на иллюстрации стр. 120.

Ачисон с ожесточением пытался добиться от Литлджона показаний, что следы могут быть уничтожены при кровотечении или каких-либо других обстоятельствах, но все было напрасно. Литлджон упорно стоял на своем. Наконец Ачисон оставил его в покое.

Глайстеру ничего не оставалось, как только подтвердить правоту Литлджона. Теперь все зависело от Спилсбери. Что он приготовил? Удастся ли ему теперь убедить присяжных, как это случалось в многочисленных процессах в Англии?

7 февраля, после нескольких дней, которые ушли на разбор вопроса о растратах Дональдом Мерреттом денег матери, свидетелем выступил Спилсбери.

Пятидесятилетний Спилсбери привык считать себя непогрешимым человеком, которому присяжные верят безоговорочно. С 1922 года его знания и опыт обогатились еще пятью тысячами вскрытий. И все же 1925 год был годом его кризиса.

В декабре 1924 года бесследно исчезла двадцатитрехлетняя лондонская стенографистка Элиза Камерон. Единственное, что о ней было известно, так это то, что она собиралась навестить своего жениха, некоего Нормана Торна. У Торна была небольшая птицеферма в Гровбору в Суссексе. Он утверждал, что не виделся с Элизой. Однако спустя несколько недель ее труп был найден закопанным на птицеферме. Ни головы, ни ног не нашли. Теперь Торн признался, что расчленил и похоронил труп Элизы. Элиза приехала к нему, чтобы принудить жениться на ней. А он отказывался. Элиза осталась в его комнатушке, в то время как он уехал к другой девушке. Вернувшись, он увидел, что Элиза повесилась на балке крыши. Испугавшись, что его обвинят в убийстве, он захоронил ее у себя на птицеферме.

Спилсбери обследовал останки и нашел многочисленные телесные повреждения. В районе шеи он обнаружил лишь естественные складки кожи, а не следы повешения. Ситуация была ему так ясна, что он не предпринял даже никаких микроскопических исследований. Он сделал заключение: девушка была избита и умерла от шока. Утверждение Торна, что девушка повесилась, — ложь. Кутис Беннет, защитник Торна, пригласил целый ряд других патологов. Среди них были Роберт Брантё, ирландец, долгое время работавший судебным патологом, а также Дэвид Наборро, патолог лондонского госпиталя на Грит-Ормонд-стрит.

В середине февраля Роберт Брантё и Дэвид Наборро еще раз исследовали эксгумированный труп Элизы Камерон, изготовили микроскопические препараты области шеи, исследовали их и заявили,

что гистологические данные свидетельствуют о том, что имело место повешение. Они не оспаривали прижизненное происхождение прочих повреждений на теле Элизы Камерон и не отрицали, что эти повреждения могли явиться причиной ее смерти. Они считали, что девушка могла попытаться повеситься, чтобы вызвать у Торна угрызения совести. Торн мог обрезать веревку и потащить умирающую к кровати. При этом возникли повреждения на ее теле. Тогда Спилсбери тоже изготовил микроскопические препараты и заявил перед судом, что гистологические исследования бесполезно проводить на таком устаревшем материале. Он утверждал, что влажная почва могилы Элизы Камерон не оставила и следа крови в клетках кожи и что Брантё и Наборро приняли кожные железы за следы кровоизлияния.

Может быть, Спилсбери был прав. Он был знаком с изменениями в клетках ткани трупов, пролежавших многие месяцы под землей, в то время как опыт общих патологов опирался на вскрытия только что умерших людей. Мнение Спилсбери опиралось на специальные исследования, проводившиеся судебными патологами как раз в это время. Были изучены как повреждения, наносимые самими повешенными в борьбе со смертью, так и повреждения, причиняемые при неосторожном снятии повешенного. Подвергались изучению также следы, оставляемые на балках веревкой повешенного. На балках крыши в доме Торна подобных следов найти не удалось. Итак, упущением Спилсбери было лишь то, что, понадеявшись на свои визуальные заключения, он не провел гистологических исследований при первом обследовании трупа.

Судья в процессе Торна заявил присяжным: мнение Спилсбери более убедительное и его следует придерживаться. Присяжные признали Торна виновным, и он был казнен. Но еще раньше, чем это произошло, всеобщее преклонение перед авторитетом Спилсбери было поколеблено. Еще на суде защитник Торна крикнул судьям: "Разве не может быть других мнений, кроме мнения сэра Бернарда Спилсбери? Сколько трагических ошибок может совершить суд, полагаясь на мнение одного человека. Можно верить отдельному человеку, но это не гарантирует от ошибок".

Когда Спилсбери появился в Эдинбурге, он, несмотря ни на что, производил впечатление очень самоуверенного человека. Все взоры были устремлены на появившегося в суде в качестве свидетеля защиты Спилсбери, как всегда уверенного в себе, свежевыбритого, с неизменной гвоздикой в петлице.

Узнав об экспериментах, проведенных в Эдинбурге, он тоже поставил опыты. С этой целью он пригласил известного во всем мире оружейника Роберта Черчилля. Спилсбери начал: "Эксперименты проводились с автоматическим оружием, очень близким по типу к тому пистолету, из которого в данном случае был произведен выстрел. У нас было описание этого пистолета, и мы выбрали оружие, длина ствола и калибр которого полностью совпадают. Мы выбрали также наиболее похожие патроны".

Большинство присутствующих были так заворожены легендарным образом Спилсбери, что не заметили, как уже эти слова вступления сводили на нет все, что он может сказать дальше. Ведь примененное им для экспериментов оружие имело лишь приблизительное сходство с пистолетом Мерретта и уже поэтому было непригодным для сравнительного эксперимента. То же можно сказать и о патронах. Но кому это было известно? Все, затаив дыхание слушали рассказ Спилсбери о его опытах, приведших к прямо противоположным результатам по сравнению с опытами Литлджона.

Спилсбери и Черчилль тоже сначала стреляли в бумагу, затем в человеческую кожу и в результате обнаружили незначительное оседание копоти и вкрапления пороха, которые легко смылись и стали незаметны для невооруженного глаза. Итак, Спилсбери считал, что кровотечения и обработки раны было достаточно, чтобы ликвидировать все следы. Те незначительные следы вокруг раны Берты Мерретт могли исчезнуть даже при транспортировке ее в больницу.

Спилсбери продолжал. Он проделал также опыты с пистолетом Мерретта в Эдинбурге, правда, патроны были те же, что и в Лондоне. Экспериментальные выстрелы производились только по бумаге, а не коже человека.

Каждому внимательному слушателю должно было броситься в глаза, что, говоря об экспериментах в Эдинбурге, Спилсбери заметил, что следы копоти и пороха были более заметными, чем это имело место в Лондоне. Итак, использование оригинального оружия (без использования оригинальных патронов) уже привело к другим результатам.

И все же Спилсбери заключил, что разницы в легкости удаления следов в опытах, проведенных в Лондоне и Эдинбурге, нет.

На вопрос Ачисона: "Можете ли вы утверждать, что опыты в Эдинбурге подвердили выводы, сделанные из опытов в Лондоне?" — последовал ответ: "Они не изменили моих выводов".

Прокурор заметил поверхностность экспериментов, проведенных Спилсбери. Путем перекрестного допроса он пытался доказать противоречивость его показаний и спросил Спилсбери, не считает ли тот, что подобные эксперименты следует проводить только тем оружием и теми патронами, которыми совершено преступление. Ответ был утвердительным.

Прокурор напомнил, что эксперименты Спилсбери на коже человека проводились в Лондоне другим оружием и патронами, в то время как Литлджон проделал их с оружием и патронами Мерретта. Спилсбери подтвердил правоту утверждения. Тогда прокурор спросил, не правильнее ли было бы положить в основу экспертизы (выводов) результаты опытов, проведенных Литлджоном. Не задумываясь, Спилсбери бросил: "Нет". Единственное, чего удалось прокурору добиться от Спилсбери, так это признания, что результаты опытов Литлджона тоже могут быть приняты во внимание.

Но это высказывание Спилсбери прошло мимо присяжных. Они были готовы положить в основу своего вердикта показания челове-

ка, пользовавшегося наивысшим авторитетом в судебных кругах, показания Спилсбери. Ачисон почувствовал это. "Не приходится напоминать о том, что в этом деле мы получили помощь сэра Бернарда Спилсбери, самого опытного судебного медика. Я не хочу отрицать, что профессор Литлджон и профессор Глайстер — крупные специалисты. Но я ни минуты не сомневаюсь и заявляю, что ни в Великобритании, ни в Европе нет в области судебной медицины имени, равного имени сэра Бернарда Спилсбери. Ясно, что медицинское заключение целиком и полностью говорит в пользу обвиняемого!" — крикнул он присяжным.

8 февраля суд признал Дональда Мерретта виновным в подделке чеков, а обвинение в убийстве отклонил как недоказанное.

Когда Сидней Смит услышал в Каире о решении суда, он заявил: "Мы еще услышим о молодом Мерретте". Однако Литлджону не довелось услышать о Меррете. Несколько месяцев спустя, в августе 1927 года, он скончался. А Сидней Смит покинул Каир и сменил умершего учителя на его посту. Спилсбери тоже не дожил до дня, который показал бы его заблуждения. 19 декабря 1947 года семидесятилетнего Спилсбери нашли мертвым в лаборатории колледжа Лондонского университета. После двадцатилетней неустанной работы, после 25 000 произведенных им вскрытий, накопив ценнейший опыт, который ему, практику, так и не удалось обобщить в учебнике, Спилсбери покончил с собой, отравившись газом. Пережив личную трагедию и два серьезных приступа болезни, подавленный сознанием, что теряет работоспособность, он избрал путь добровольной смерти.

Семью годами позже, 16 февраля 1954 года, в лесу под Кёльном был найден труп мужчины, приехавшего в Западную Германию после второй мировой войны вместе с британскими войсками. Он использовал свой военный пост для совершения всяких незаконных сделок. Приятели знали его под именем Рональда Чеснея. Но это был не кто иной, как Дональд Мерретт. Отбыв наказание за подделку чеков, он стал наследником отцовских 50 000 фунтов и принял фамилию Чесней. Какая-то семнадцатилетняя девушка, покоренная его обаянием, вышла за него замуж, и ей удалось получить с Мерретта на личные расходы до конца жизни 8400 фунтов. Остальные деньги Чесней растратил за несколько лет и стал шантажировать, воровать, обманывать. То он сидел в тюрьме, то выходил на волю. Во время войны он оказался в военно-морском флоте и использовал корабль, на котором служил, для контрабандных перевозок. В 1950 году, находясь в Западной Германии, он вспомнил о состоянии, оставленном когда-то жене. Она уже давно не жила с ним и содержала вместе с матерью дом для престарелых в Илинге. В феврале 1954 года Мерретт-Чесней решает убить жену, чтобы завладеть ее деньгами. Он изготовил себе фальшивый паспорт на другое имя, посетил свою жену сначала под своим именем, вернулся в Западную Германию с тем, чтобы уже на следующий день полететь снова в Англию с фальшивым паспортом. Тайно он пробрался в дом

для престарелых, где утопил жену в ванне. Неожиданно наткнувшись на тещу, он после жестокой борьбы убил и ее. В окровавленной одежде, с исцарапанными руками Мерретт улетел обратно в Кёльн. Но соседи видели высокого, плотного человека с черной бородой. Спустя несколько дней Скотланд-ярд уже шел по его следу. Поняв, что на этот раз ему не уйти от возмездия, он застрелился. Но прежде чем покончить с собой, рассказал своей приятельнице, что зовут его Дональд Мерретт и что более двадцати пяти лет назад он застрелил свою мать.

Неожиданный конец Мерретта напомнил судебным медикам о суде над ним в 1927 году и произвел на них большое впечатление. Стали глубже изучать проблемы, связанные с повреждениями от огнестрельного оружия, накапливались новые познания в этой области. Когда в 1912 году Юлиус Краттер из Граца опубликовал свой "Учебник по судебной медицине", то описание огнестрельных повреждений заняло у него всего шесть страниц (из 608 содержащихся в книге). Спустя пятьдесят лет познания в этой области можно было изложить уже в отдельной книге. Нельзя не учитывать, что огнестрельные повреждения самых различных органов человека могут привести к смертельному исходу. Если сначала бесспорно смертельными считались только повреждения сердца, определенные ранения головы, брюшной полости и легких, то изучение нервной системы показало, что даже касательные ранения, раздражая вегетативную нервную систему, могут привести к смерти вследствие шока. Уже давно прошли те времена, когда огнестрельные повреждения обследовались визуально, невооруженным глазом. Теперь этим целям служили спектроскопический, химический и биологический анализы. Многие годы и десятилетия специально потратили на изучение этих проблем французские ученые Гериссель, Хаусер, Грильон и Пиделье, немецкие — Мюллер, Эльбель, Шёнтаг, Крауланд и русские ученые Молчанов и Скопин.

21. Научные достижения на службе криминалистики. Лейпциг, 1929 год

К концу 1929 года наиболее ощутимые успехи в развитии судебной медицины были достигнуты в Германии. Самым ярким представителем судебной медицины в Германии в это время был Рихард Кокель.

Из дела Мерретта там сделали вывод о необходимости совместного осмотра происшествия судебными медиками и полицией, о необходимости их тесного сотрудничества вообще. Именно за это боролся Кокель. Он также боролся за то, чтобы привлечь к сотрудничеству с судебными медиками очень важных для криминалистики специалистов в области естественных наук и техники. Всесторонние познания Кокеля позволили ему перешагнуть границы чистой медицины. Новая техника судебной медицины позволяла

охватить большую область исследований: от огнестрельного оружия, следов пыли, биологических следов самого разнообразного характера до сравнения нитей ткани и почерков. Как в свое время в Австро-Венгрии шла борьба между сторонниками судебной медицины, ограниченной патологией, и сторонниками более энциклопедического ее вида, включавшего в себя токсикологию и психиатрию, так и Кокель боролся за современную судебную медицину, которая использовала бы все достижения естественных и технических наук.

У Кокеля были противники, желавшие ограничить судебную медицину традиционными рамками. Но у него было и много сторонников и последователей. Он был уверен, что будущее за ним, даже если со временем естественно-научные и технические методы превратятся в самостоятельные дисциплины. Правда, до этого было еще далеко.

Что касается других сторон тесного сотрудничества с уголовной полицией, то Кокель не без основания заявил в своем докладе на 16-м заседании Всегерманского общества судебной и социальной медицины в сентябре 1927 года в городе Граце: "Вы знаете, что влияние полиции на все вопросы, связанные с правом, растет. Полиция стала фактором, с которым нельзя не считаться. Я думаю, что необходимо достичь соглашения с полицией о привлечении нас для собирания важных вещественных доказательств..." Идея Кокеля была проведена в жизнь, и в 30-е годы присутствие судебных медиков на месте преступления стало обычным явлением при расследовании убийств. Среди сторонников Кокеля был, например, берлинский судебный врач Курт Штраух, самая популярная личность в берлинской уголовной полиции между первой и второй мировыми войнами, который сумел убедить советника уголовной полиции Эрнста Генната в том, что место судебных медиков не только в моргах и лабораториях, но и "на фронте". Пусть профессор Штраух предпочитал белым халатам старые пиджаки и работал (как Спилсбери) самыми грубыми инструментами, зато он знакомил с миром судебной медицины и ее возможностями всех, даже самых простых сотрудников уголовной полиции. То же самое можно сказать о более молодом, но глубоко образованном Вальдемаре Ваймане, который в 1930 году создал врачебный чемодан для дежурной автомашины берлинской комиссии по расследованию убийств, где было все необходимое судебному медику для осмотра места происшествия. Это был человек такого же масштаба, как и Кокель.

Такова была обстановка, при которой произошли события, начавшиеся 30 ноября 1929 года. В полдень в институте судебной медицины Лейпцигского университета появился служащий германского страхового общества "Нордштерн". Он попросил Кокеля принять его по очень важному и неотложному делу и заявил следующее: в капелле лейпцигского кладбища Зюдфридхоф лежит труп человека, который через час будет похоронен. Документы умершего свидетельствовали, что это Эрих Тецнер, торговец из Лейпцига, 1903 года рождения. Из данных полиции и прокуратуры

Регенсбурга следовало, что 27 ноября во время служебной поездки на зеленом "опеле" Тецнер потерпел аварию, налетев на столб. Машина загорелась, и обгоревший труп Тецнера был извлечен с места водителя. Прокуратура разрешила похоронить труп.

Это предыстория.

Вся проблема, волновавшая страховое общество, заключалась в том, что Тецнер застраховался от несчастного случая не только в "Нордштерн", но и в страховых обществах "Фатерлендише" и "Алианц", притом на такую неимоверно большую для его материального положения сумму, как 145 000 марок. Страховые договоры вступили в силу только несколько недель назад. Вдова Тецнера, Эмма Тецнер, сразу же после смерти мужа потребовала выплаты страховых сумм. Все эти обстоятельства, вызвали у страхового общества подозрения. Представитель страховой фирмы заявил, что не исключена возможность сердечного заболевания у Тецнера, которое и явилось причиной его смерти. Можно предположить и самоубийство. Так или иначе, он добился разрешения вдовы на вскрытие трупа. И теперь от имени "Нордштерн" просил Кокеля произвести вскрытие. Возможности доставить труп в институт Кокеля не было, и вскрытие пришлось произвести в капелле кладбища.

Как и у большинства судебных медиков, у Кокеля за время работы развилось определенное чувство интуиции. Несмотря на обеденное время, он отправился вместе со своим посетителем на Зюдфридхоф. В гробу лежал, как он писал позднее, "сильно обугливший ся торс, к которому были приставлены: шейная часть позвоночного столба с основанием черепа, верхние части обоих бедер, нижняя часть сустава правого бедра и части рук. Кроме того, при трупе была часть мозга с кулак величиной. Верхняя часть головы отсутствовала, поэтому волос обнаружить не удалось. Как ни бесперспективно выглядело вскрытие трупа в таком состоянии, все же его провели. То, что это труп мужчины, установить было нетрудно".

Кусок мозга был в удивительно свежем состоянии, чему Кокель сначала не мог найти объяснения. В полости рта, в гортани и в сохранившейся части трахеи не удалось обнаружить ни сажи, ни копоти. В сердце было немного сгустившейся крови. Нижняя часть правого легкого хорошо сохранилась. Кокель собрал кровь из сердца и легкого в стеклянные баночки. Сохранившиеся кости были необычно слабы и напоминали своим строением скелет женщины, что вызвало некоторое сомнение у Кокеля. Удивление его возросло, когда он распилил сохранившийся сустав левого плеча. Без труда он обнаружил остаток хрящевого ремешка, наличие которого доказывало, что человеку менее двадцати лет, так как к двадцати годам, самое позднее к двадцати трем он исчезает. Кокель поинтересовался еще раз, сколько лет было Тецнеру. Ответом было: "Двадцать шесть".

А как он был сложен? Страховой агент посмотрел в свои бумаги и ответил: "Крепкого телосложения, рост 1,70, широкоплечий, приземистый, несколько полный".

У входа в капеллу уже раздавались приглушенные голоса собравшихся для траурной процессии людей, когда Кокель через заднюю дверь покинул капеллу. Идя через кладбище к выходу, Кокель невольно вспомнил один случай, которым с августа 1928 года занималась не только уголовная полиция Фульды, но и профессор Эрнст Гизе, директор института судебной медицины при Йенском университете. 1 января 1928 года тридцатидвухлетний торговец Генрих Альбердинг из Фульды, попрощавшись с женой, поехал во Франкфурт в театр. Домой он не возвратился. В начале февраля уголовная полиция в Фульде получила письмо, отправленное 7 февраля из Регенсбурга. Письмо было от Альбердинга. В нем было написано, что он выбросил это письмо из окна в надежде, что кто-нибудь его отправит. Сам он находился в руках двух своих конкурентов, которых он разоблачил как торговцев опиумом. Они захватили его, когда он ехал во Франкфурт. В случае, если когда-нибудь найдут его труп, пусть распорют подкладку правого рукава пиджака. Может быть, ему удастся таким образом передать некоторые сведения о насильниках. Спустя семь месяцев, 23 августа 1928 года, в зарослях леса под Заальфельдом был найден скелет мужчины. Череп свидетельствовал об огнестрельном ранении, кости ног были отрублены, одежда опалена. На безымянном пальце — обручальное кольцо с гравировкой "М.Т. 1920", в кармане жилетки — часы с надписью "Г. Альбердинг, Фульда". Под подкладкой правого рукава пиджака нашли написанную рукой Альбердинга записку: "Собираюсь в свой последний путь. Если со мной что-нибудь случится, то прошу тотчас сообщить в уголовную полицию Фульды. Мой адрес: Генрих Альбердинг, Фульда, Марктштрассе, 24".

Вдова Альбердинга, услышав о смерти мужа, тут же предъявила двум страховым компаниям требование о выплате ей страховой суммы за мужа в размере 60 000 марок. Тем временем профессор Гизе занимался в своем институте изучением останков найденного трупа. По степени развития позвоночного столба он установил, что здесь может идти речь о человеке в возрасте двадцати. максимум двадцати двух лет. Одновременно геттингенский анатом профессор Штадтмюллер новым методом тоже доказал, что пострадавший не может быть Альбердингом. Он использовал прижизненные фотографии Альбердинга для изготовления на прозрачной бумаге точного рисунка формы его черепа в натуральную величину и наложения его на рисунок найденного черепа. Различия в форме черепа были убедительными.

Хотя Альбердинг и не был еще найден, но никто больше не сомневался, что с целью получения страховых сумм было совершено убийство другого человека.

В 1934 году Альбердинга нашли под кроватью в его спальне в Фульде, когда он тайно посетил свою жену, а в 1935 году его приговорили к смертной казни за убийство. Убитого им человека так и не удалось идентифицировать.

Об этом в 1929 году еще не раскрытом деле и вспомнил Кокель. Покидая кладбище, он неожиданно спросил страхового агента, уверен ли тот, что пострадавший действительно Тецнер. Агент сначала даже не понял вопроса. Что, разве Кокель сомневается в этом?

Судебная медицина к тому времени уже в течение ста лет изучала различные формы сожжения и смерти от огня. Одним из сенсационнейших происшествий прошлого была смерть графини Гёрлиц в Дармштадте, когда ее нашли 13 июня 1847 сожженной в ее личных апартаментах. Кроме гессенского врача по фамилии Графф, таинственной смертью графини занимался знаменитый ученый-химик Юстус Либиг из Гисена. Этот случай породил дискуссии о возможности "самовозгорания". Под этим понимали воспламенение выдыхаемого воздуха после того, как человек употреблял алкогольные напитки. Подобное представление о самовозгорании было одной из сказок древней судебной медицины. Хотя Либиг и отклонил возможность самовозгорания, но ни он, ни другие эксперты не смогли научно доказать, что графиня была сначала задушена своим слугой, потом ради сокрытия следов преступления сожжена. Лишь признание слуги привело к раскрытию преступления.

Трагическая гибель многих людей во время пожара в венском театре в 1882 году послужила толчком для изучения Эдуардом фон Гофманном проблемы идентификации сгоревших людей и особенностей телесных повреждений, причиняемых огнем. С тех пор судебной медицине все чаще и чаще приходилось заниматься проблемами повреждений, причиненных огнем, с одной стороны, при экспертизах для учреждений социального страхования, а с другой стороны — во время расследования преступлений. Увеличилось число экспертиз, при помощи которых были установлены убийства путем сожжения, а также случайная гибель в огне. Наблюдались случаи, когда преступник сжигал труп, маскируя совершенное перед тем убийство. Главной задачей исследований стало умение различать все эти виды смерти.

Было установлено, что человек, попав в огонь живым, вдыхал копоть, которая обнаруживалась в гортани, трахее и в легочных пузырьках. Еще важней было то, что при горении вдыхался угарный газ и, следовательно, в крови заживо сгоревшего можно обнаружить окись углерода.

Колоссальное число несчастных случаев и самоубийств со времени введения в XIX веке осветительного газа, в состав которого входил угарный газ, научило судебную медицину определять наличие следов окиси углерода в крови пострадавшего. Между окисью углерода и гемоглобином существует необыкновенная "притягательная сила". Она гораздо сильнее, чем связь гемоглобина с необходимым для жизни кислородом. Окись углерода, если она достаточно долго воздействует на организм, вытесняет из гемоглобина кислород и приводит к смерти путем внутреннего удушения. На этом ее свойстве и основан метод судебной медицины, которым определяется наличие в крови окиси углерода. Красный цвет гемоглобина,

насыщенного окисью углерода, был более стойким, чем при насыщении его кислородом. Подвергая кровь обработке определенными химикалиями, можно было установить, что кровь, содержащая окись углерода, оставалась ярко-красной, в то время как кровь, насыщенная кислородом, быстро принимала коричневый цвет.

Однако большое значение приобрел метод спектрального анализа крови. Спектральный анализ давал безошибочный результат. Лишь одно условие было при этом необходимо: кровь должна содержать не меньше 20% окиси углерода. В 1921 году австрийцу В. Шварцахеру удалось определить при помощи спектрофотометрии и значительно более низкий процент окиси углерода в крови.

Все подобные исследования еще были на пути к достижению цели, когда 30 ноября 1929 года Кокель вернулся к себе в институт. Там он приступил к исследованию крови, извлеченной им из сердца пострадавшего, на содержание в ней окиси углерода. Все химические и спектроскопические методы исследования дали отрицательный результат. Кокель считал, что его подозрения подтверждаются. Труп, захороненный на кладбище Зюдфридхоф, не Эриха Тецнера. Так как в дыхательных путях не было копоти, а в крови — окиси углерода, то пострадавший вообще не мог быть живым и дышать, когда машина загорелась. Может быть, здесь случай, аналогичный делу Альбердинга? Может быть, Тецнер на самом деле убил кого-то в своей машине, чтобы, считаясь погибшим, с помощью жены получить страховку?

Чтобы лишний раз убедиться в правильности своих подозрений, Кокель решил заняться другим аспектом судебной медицины, который в 30-е годы стал предметом целенаправленного изучения многих судебных медиков. Целью исследования было выявление отличий между повреждениями, полученными при жизни, от повреждений, нанесенных уже мертвому. Препарировав под микроскопом принесенные с кладбища легкие пострадавшего, Кокель увидел, что мельчайшие сосуды легких заполнены прозрачными продолговатыми каплями жидкости. Другими словами, он наблюдал эмболию, закупорку кровеносных сосудов легким жиром. Уже много лет назад хирурги и патологи заметили, что в результате грубого насилия над человеком, при переломах костей, повреждениях черепа, при издевательствах и даже во время нервных потрясений жир из жировой ткани проникает в кровеносные сосуды. С потоком крови он попадает в правый желудочек сердца, а оттуда — в легкие. В результате получается закупорка маленьких легочных сосудов, что, как правило, приводит к нарушению кровообращения и к смерти. Если же кровообращение оказывается достаточно сильным, то оно гонит с кровью частицы жира в другие органы тела и частицы жира попадают в почки и мозг. Весь этот процесс протекает в течение нескольких секунд и всегда является следствием насилия.

Так Кокель окончательно пришел к выводу, что пострадавший, которого он обследовал на кладбище Зюдфридхоф, был убит до то-

го, как сгорел, и решил об этом немедленно сообщить в полицию Лейпцига. Кокель всегда работал в тесном контакте с полицией.

С наступлением вечера он отправился к заместителю начальника лейпцигской уголовной полиции, криминальрату Кригерну, которому изложил свои тезисы: 1. Пострадавший — не Тецнер. 2. Речь идет о неизвестном, который был убит и сожжен. 3. Убийцей является, по всей видимости, Тецнер, желавший получить страховые суммы. 4. Исключается возможность исчезновения некоторых частей тела в результате сгорания (верхняя часть головы, голени и стопы ног), которые не обнаружены на месте происшествия. Часть головы, вероятно, удалена, потому что на ней имеются повреждения, приведшие к смерти. Другие части тела убийца, возможно, отделил с целью сокрытия признаков, которые могли свидетельствовать, что это не Тецнер. Возможно, их удалось бы найти, если бы на месте происшествия находился судебный медик. Во всяком случае, необходимо еще раз тщательно осмотреть все место происшествия с целью обнаружения недостающих частей трупа. 5. Наверняка Тецнер где-то спрятался и попытается связаться с женой.

Выслушав доводы Кокеля, фон Кригерн в эту же ночь приказал взять под наблюдение квартиру Эммы Тецнер. Узнав 1 декабря, что Эмма Тецнер часто пользуется телефоном соседей, он приказал контролировать все разговоры по этому телефону. Одновременно на место происшествия была послана оперативная группа для поисков недостающих частей тела. Ее работа не увенчалась успехом. Они привезли только показания комиссара жандармерии Пфайфера, который первым прибыл на место происшествия. Он сообщил, что нашел хорошо сохранившуюся часть мозга в полутора метрах от машины, в стороне от трупа.

Через некоторое время фон Кригерн получил сообщение полиции Ингольштадта. С 22 ноября в больнице этого города лежал подмастерье Алоиз Ортнер, который рассказал, что 21 ноября, когда он шел по дороге в город Ингольштадт, его нагнал зеленый "опель". Водитель автомашины любезно предложил подвезти его. Не доезжая до города, водитель попросил парня залезть под машину и подтянуть несколько болтов, так как там что-то постукивало. Когда Ортнер вылезал из-под машины, на него обрушились удары: один по голове, другой по спине. Но ему удалось встать на ноги. Напал на него приветливый хозяин "опеля". Ортнер стал защищаться, а потом убежал в лес. Поскольку речь шла о водителе зеленого "опеля", то фон Кригерн подумал, не был ли это Тецнер. Может быть, он выбрал Ортнера своей жертвой, но потерпел неудачу, потому что Ортнер оказался сильным парнем?

4 декабря в 8 часов утра по телефону соседей вызвали Эмму Тецнер. Разговор был междугородний. Звонил некий Спанелли из Страсбурга. Контролировавший телефон сотрудник полиции включился и ответил, что фрау Тецнер дома сейчас нет, она будет лишь к 6 часам вечера, что к этому времени можно будет позвонить и поговорить с фрау Тецнер. Разговор происходил с главного почтамта

Страсбурга. Криминальрат Кригерн сам вылетел специальным самолетом в Страсбург. Он прибыл вовремя и арестовал Спанелли, когда тот около шести часов вошел в телефонную будку междугородной связи. От неожиданности арестованный сразу же признался, что он Тецнер. Вечером он давал показания. С сентября 1929 года у него появился план, как можно обманным путем получить крупную страховую сумму. Для этого он решил сжечь в своей машине вместо себя какого-нибудь другого человека, инсценировав аварию. После женитьбы в 1927 году у него было кафе в Ошаце. Но его мечта разбогатеть не сбылась.

В 1929 году кафе было продано. Тецнер поселился с женой в Лейпциге, растратил вскоре большую часть денег и придумал план обмана со страховкой. Застраховав свою жизнь в нескольких страховых обществах сразу, он стал подыскивать жертву. Тецнер признался, что 21 ноября заманил в машину Ортнера и пытался его убить. Отправляясь 26 ноября на поиски новой жертвы, он детально проинструктировал свою жену. В случае, если план на этот раз удастся, она получит телеграмму с описанием одежды жертвы, чтобы потом признать эту одежду как одежду мужа. Затем она должна будет получить страховку. Время от времени он будет звонить ей под чужими именами и назначит позднее встречу за границей. 27 ноября по дороге в Регенсбург он увидел идущего в направлении города мужчину. Его внешность мало напоминала Тецнера. Он был хрупкого телосложения и гораздо моложе Тецнера. Но после неудачи с Ортнером он предпочел, чтобы жертва была слабей его. По дороге в Регенсбург парень уснул. Тецнер осторожно сбил километровую отметку, облил машину бензином и поджег ее. Сам он убежал, как только машина загорелась ярким пламенем.

Криминальрат фон Кригерн обсудил показания с Кокелем. Тот заявил, что считает показания ложными. Кокель утверждал, что неизвестный погиб до того, как был сожжен. Не только его медицинские данные свидетельствуют об этом, но и материалы расследования. Как, например, пострадавший попал на место шофера?

Фон Кригерн все вновь и вновь допрашивал Тецнера. Но лишь в апреле 1930 года, когда Тецнеру предоставили возможность ознакомиться с результатами экспертизы Кокеля, он изменил свои первоначальные показания. Очевидно, Тецнер пришел к выводу, что экспертиза содержит веские доказательства против него, и в начале мая попросил отвести его на допрос к следователю. Здесь он заявил: "Мои прежние показания неправильны". И продолжал. Ночью он случайно сбил парня. Найдя его без сознания, положил в свою машину, где тот вскоре скончался. Ему пришла мысль использовать труп парня в качестве жертвы своего плана. Посадив его на место водителя, он поджег машину.

Новое признание Тецнера, бесспорно, было лучше им продумано. Оно объясняло некоторые противоречия его первого показания и снимало с него ответственность за преднамеренное убийство. Наезд на пешехода и умышленное убийство — не одно и то же.

Несколько растерявшись, не поставив Кокеля в известность, прокуратура Лейпцига обратилась к директору института судебной медицины Эрлангена Гансу Молитору, которого попросили дать заключение по всему этому делу. Не ознакомившись с делом лично, не обследовав дыхательные органы и не исследовав кровь из сердца потерпевшего, Молитор дал заключение, что, скорее всего, первое показание Тецнера соответствует действительности.

Услышав об этом, Кокель пришел в ярость. Три года спустя он писал: "Против такого заключения нельзя не бороться, так как суждение по такому сложному делу должно базироваться на тщательнейшем изучении всех обстоятельств дела, всех имеющихся частей трупа, на использовании всех достижений в области медицины и на обследовании места происшествия, как это и делают современные немецкие судебные медики..."

17 марта 1931 года в Регенсбурге начался процесс против Эриха и Эммы Тецнер. "Обвиняемый, — настаивал Кокель, — сжег убитого им сначала человека, удалив конечности и часть головы. Вероятно, этот человек погиб при обстоятельствах, которые еще тяжелее обвиняют Тецнера, чем сожжение человека заживо". Через несколько дней суд приговорил Тецнера за убийство к смертной казни. 2 июля, после отклонения прошения о помиловании, он дал более правдивые показания. Тецнер посадил в свою машину этого парня еще в Рейхенбахе. Недалеко от Нюрнберга парень пожаловался, что мерзнет, Тецнер дал ему одеяло и, когда тот укрывался, задушил его. В этом признании тоже была еще не вся правда. Но Тецнер кончил словами: "Профессор Кокель абсолютно прав. Так я думал на протяжении всего судебного процесса".

19 января 1934 года Кокель скончался от рака легких. В это время судебная медицина еще напряженнее, чем когда-либо, работала над созданием надежных способов определения, попал ли сгоревший человек в огонь живым или уже мертвым. При этом выяснилось, что наличие окиси углерода в крови пострадавшего не означало, что он попал в огонь живым. Окись углерода проникала в кровеносные сосуды через кожу. Только наличие окиси углерода в крови сердца имело силу доказательства. Кроме того, благодаря работам австрийца Брайтенекера в 1936-1937 годах был улучшен метод определения окиси углерода в крови путем спектрофотометрии и создана возможность различения несчастного случая от убийства. В 1941-1943 годах швед Вольф и американец Геттлер разработали очень чувствительные химические методы. Методом Вольфа можно было определить наличие окиси углерода даже в засохшей капле крови. Затем новые познания принесли с собой бомбардировки второй мировой войны. Выяснилось, что копоть даже у мертвых проникала глубоко в бронхи, но никогда не достигала их кончиков — альвеол. Если в альвеолах находили копоть, то, значит, человек дышал, то есть попал в огонь живым. С годами судебная медицина путем наблюдений установила, какие виды повреждений приводили к смерти и могли быть обнаружены даже после сожжения трупа.

Не прекращались исследования вопроса, насколько жировая эмболия может служить признаком примененного насилия до наступления смерти. Все новые и новые эксперименты ставили ученые, чтобы научиться отличать истинную эмболию от проникновения жира в кровеносные сосуды под влиянием высоких температур. Верным доказательством примененного до наступления смерти насилия служила закупорка мельчайших кровеносных сосудов легких мозговой субстанцией или клетками печени.

Через тридцать лет после смерти Кокеля судебная медицина все еще искала методы различения прижизненных и посмертных повреждений. Теперь изучалось состояние эластичных нитей, то есть той части связок, которые придают этой ткани эластичность. Эластичные ткани разрушаются сильней, если человек дышит, прежде чем умереть в огне.

Новые пути открывались перед судебной медициной, и рождались новые сомнения. Очень легко допустить ошибку, избежать которую можно только путем точности, осторожности и учета результатов всех медицинских и других исследований.

22. Комплексный метод работы – пример широкого использования достижений естественных наук и техники

В последующее десятилетие судебная медицина все чаще избирала "энциклопедический" метод работы, за который ратовали такие специалисты, как Кокель. Но, наверно, все же было мало примеров такого широкого использования достижений естественных наук и техники, такого тесного сотрудничества патологов, медиков, естествоиспытателей и техников-специалистов, каким является дело о детоубийстве в шотландском городе Абердине.

Ареной этой драмы явился трехэтажный доходный дом на Урквард-роуд. Неприветливый, бесцветный, мещанский быт, накладывающий свой отпечаток на мировоззрение людей.

По обе стороны лестницы располагались квартиры, каждая из которых состояла из кухни и спальни. Туалет находился в парадном подъезде. Во дворе тесно прижались друг к другу серое здание прачечной и сараи, где жильцы держали уголь.

В полдень 20 апреля 1934 года из этого дома исчез ребенок, восьмилетняя Елена Пристли, дочь Джона и Агнессы Пристли. Эта семья жила в квартире, расположенной на втором этаже дома, справа от лестницы. В 12. 15 Елена вернулась из школы, расположенной недалеко от дома. Около часа дня она обедала вместе со своей матерью. В 13. 30 она отправилась в булочную на углу Урквард-роуд и Хантер-Плейс за хлебом. Весь путь занимал несколько минут. Когда в 13. 50 Елена все еще не возвратилась, а время послеобеденных занятий в школе уже наступило, Агнесса Пристли заволновалась и поторопилась в булочную. Оказалось, что Елена купила хлеб, получила кассовый чек и ушла. В надежде, что девоч-

ка пошла в школу, мать бросилась туда. Но Елену там никто не видел. Сообщив о случившемся мужу и нескольким своим знакомым, Агнесса Пристли пошла в полицию.

В пять часов вечера сообщение о пропаже ребенка поступило к инспектору уголовной полиции Тэйлору. Он составил описание внешности Елены. На ней были саржевая юбочка, голубой шерстяной свитер, шапочка цвета морской волны, черные чулки, комбинашка и темно-синие штанишки. При первой попытке найти ребенка Тэйлор наткнулся на школьного товарища Елены, Рихарда Заттона, который рассказал, что видел в полдень Елену с каким-то бродягой. Из-за этого все поиски вначале пошли по ложному пути, пока Рихард не признался, что все это его выдумки. Во всяком случае, Тэйлор не спускал глаз с дома на Урквард-роуд. Несколько констеблей обыскали прачечную и сараи с углем. Родители Пристли объезжали на полицейской машине район в поисках дочери. Иногда их сменяли соседи. Ночь на 21 апреля была холодной и дождливой. Поиски, однако, не прекращались. Время от времени один из соседей возвращался домой, чтобы согреться чаем. При этом некоторые из них посещали также туалет на первом этаже. В 4.30, когда уже стало светать, вернулся Уильям Топп, живущий на первом этаже слева. А полчаса спустя другой сосед Пристли, по имени Портер, вернувшись с поисков девочки, увидел в углу лестничной клетки мешок. Он подошел к мешку, ощупал его и закричал на весь дом. В мешке лежала мертвая Елена Пристли.

Не прошло и 25 минут, как в дом прибыли инспектор Тэйлор, суперинтендент Гордон, констебли Коле и Уистлэнд, а также доктор Роберт Ричардс. Ричардс занимал пост полицейского врача в Абердине и читал в университете лекции по судебной медицине. Тесная лестничная клетка была полна народу. Констеблям пришлось расталкать присутствующих, чтобы Ричардс мог открыть мешок. Что Ричардсу сразу бросилось в глаза, так это то, что мешок был абсолютно сухой. Учитывая дождливую погоду, нельзя было предположить, чтобы его принесли с улицы. После того как мешок сфотографировали, Ричардс вынул маленький трупик. Елена лежала на правом боку. Уже после беглого осмотра Ричардс понял, что произошло что-то ужасное. Он шепнул Гордону: "Ребенок изнасилован". На комбинашке было не только много крови, но и какие-то желтые пятна, происхождение которых сразу определить было трудно. Тело остыло и окоченело. Трупные пятна находились на внешней стороне левого и внутренней стороне правого бедра. Елена, значит, сначала лежала на левом боку и лишь потом в другом положении. В правой руке она зажала обрывок кассового чека, полученного ею в булочной. В зубах Елены застряли частицы угольного шлака. Шлак обнаружили также в ее волосах. К губам прилипли остатки рвоты, смешанные с угольным пеплом.

Около 6. 00 Елену доставили в морг полиции Абердина. Гордон и Тэйлор остались в доме. Они занимались выяснением вопроса, каким образом мешок с ребенком мог появиться на лестничной клетке

с период с 4. 30 до 5. 00. Никто в доме не слышал, чтобы входная дверь открывалась. Перед домом не прекращалось движение. В 4.30 вблизи дома городские рабочие начали работу по очистке канала. В 4.45 из соседнего дома вышел на работу разносчик молока. Никто не видел, чтобы женщина или мужчина несли или везли мешок. Все больше напрашивалась мысль, что труп ребенка находился в доме, пока его в удобный момент не вынесли на лестницу, где он и был найден.

Замечание Ричардса, что Елена изнасилована, толкнуло на поиски преступника мужчины. И многое свидетельствовало о том, что речь идет о жильце этого дома. С утра Тэйлор приступил к осторожной проверке мужчин — жильцов этого дома. Кроме Пристли, в доме проживали еще пять мужчин — Топп и Дональд, живущие со своими женами на первом этаже, Митчел, Куль и Хант на верхних этажах. В полдень к Тэйлору обратился кровельщик Манро, который сообщил, что, работая 20 апреля в соседнем доме, он около двух часов дня слышал полный ужаса крик ребенка. Это сообщение утвердило Тэйлора во мнении, что убийство совершено в доме, где проживают Пристли.

Тем временем прокурор-фискал поручил шестидесятипятилетнему профессору патологии при Абердинском университете Теодору Шенану произвести вскрытие трупа девочки. Ричардс ассистировал. Главные вопросы, которые следовало установить: отчего Елена умерла? Время наступления смерти. Было ли изнасилование причиной смерти? Время наступления смерти было сравнительно легко установить. Желудок ребенка наполняла непереваренная пища. Небольшая часть ее поступила из желудка в двенадцатиперстную кишку. Лимфатические сосуды кишечника лишь начали расширяться. Шенан пришел к выводу, что девочка убита через час после принятия пищи. Так как Елена обедала в час дня, то убийство произошло около двух.

Легкие девочки свидетельствовали об удушении. На коже шеи имелось множество ссадин и синяков, что позволяло предполагать удушение руками. Глубоко в трахее Шенан обнаружил остатки рвоты, что тоже могло привести к удушению. Но патолог, обнажив зобную железу, неожиданно увидел, что она сильно увеличена, следовательно, у девочки была ослабленная сопротивляемость к инфекции и другим внешним влияниям. Такие дети подвержены обморокам; незначительный шок мог вызвать потерю сознания. Неожиданный результат дало обследование половых органов девочки. Они оказались в таком состоянии, какого ни один из обоих врачей ранее не наблюдал в случаях изнасилования. Сильное кровотечение из влагалища и из заднего прохода залило бедра и низ комбинашки. У обоих врачей сложилось впечатление, что половые органы девочки повреждены каким-то жестким предметом. Задняя стенка влагалища прорвана и имела отверстие, ведшее в прямую кишку. Подобные повреждения могли быть нанесены каким-нибудь инструментом. И Шенану, и Ричардсу были известны формы полового

извращения мужчин, которые могут привести к такой чудовищной мерзости. Но общая картина преступления показалась им исключительно странной. Они искали на теле ребенка, на его одежде следы спермы.

Исследования спермы давно известны судебной медицине. Родившийся в 1851 году француз Альберт Флоренс разработал первые приемы определения подобных следов. Они основывались на том, что сперма при обработке ее концентрированным раствором йодистого калия образует коричневатые игловидные и ромбовидные кристаллы. Позднее, после открытия ультрафиолетового облучения кварцевыми лампами, выяснилось, что пятна спермы при таком облучении начинают светиться голубоватым светом. Но со временем было установлено, что так же реагируют на облучение многие вещества, в частности крахмал. Поэтому флуоресцирующие при облучении ультрафиолетовыми лучами пятна следует дополнительно исследовать. Решающим здесь было открытие клеток семени под микроскопом. У мертвых они обнаруживаются даже через два-три дня после смерти, а иногда и через несколько недель.

Шенан и Ричардс производили исследования как с кварцевой лампой, так и с микроскопом. Им не удалось обнаружить ничего похожего на семя. Пока врачи пытались найти объяснение всему обнаруженному, Шенан вспомнил об одном странном деле, имевшем место несколько лет назад. Одна женщина, пытаясь скрыть убийство девочки, повредила ей половые органы, инсценируя изнасилование, чтобы преступника искали среди мужчин. Что было поразительным в деле Елены, так это прижизненный характер повреждений половых органов девочки. Вокруг ран сильное кровоизлияние в ткани, что, по мнению Шенана, не могло бы произойти, если бы повреждения причинялись после наступления смерти. С другой стороны, повреждения причинены перед самой смертью. К такому выводу пришел Шенан после микроскопического исследования поврежденных тканей тела. В них он не обнаружил никаких следов реакции на ранение. Итак, Шенан должен был предположить, что в момент нанесения повреждений ребенок был еще жив. Следовательно, нанесение их с целью маскировки убийства теряло свой смысл.

Вновь и вновь анализируя результаты своих исследований, Шенан и Ричардс наткнулись на тот факт, что комбинашка ребенка была пропитана мочой. Непроизвольное мочеиспускание часто сопровождает насильственное удушение. Моча же обнаружена только на оборванной и задранной части комбинашки. Кровь из ран, испачкавшая белье девочки, на эту часть рубашки уже не попала. Это позволяло с некоторой долей вероятности предположить, что неожиданное мочеиспускание в результате акта удушения произошло раньше, чем было порвано белье и нанесены повреждения половым органам девочки.

23 и 24 апреля Шенан и Ричардс составили два протокола. Важнейшими пунктами их выводов были довольно точное время наступ-

ления смерти и то, что убийцей был не обязательно мужчина. Суперинтендент Гордон и инспектор Тэйлор к этому времени имели уже точное представление о всех жильцах дома. Одного за другим им пришлось вычеркнуть из списка предполагаемых убийц всех мужчин дома. Только один мужчина и его семья все это время не показывались на глаза и не принимали участия в поисках девочки: парикмахер Александр Дональд, который жил со своей тридцативосьмилетней женой Дженни и десятилетней дочкой в квартире на первом этаже, справа от лестницы. Соседи видели свет на кухне Дональдов ночью в 4 или 5 часов, то есть в то время, когда был найден мешок с телом Елены Пристли. Александр Дональд появился в дверях своей квартиры лишь в 6. 30 утра. С безучастным видом он спросил констебля, что нового. Констебль ответил: "Они нашли ее в мешке". После этого Дональд снова скрылся за дверью своей квартиры.

Дональд был неразговорчивым человеком, занятым только своей работой, но это ни о чем еще не говорило. В замкнутых натурах часто скрываются самые мерзкие пороки. Жена Дональда раньше работала поваром в отеле. За ней укрепилась слава неуравновешенной, скандальной женщины. Рассказывают, что, работая в отеле, она свернула шею всем курам хозяина за то, что он сделал ей замечание. Эта женщина среднего роста с большими, сильными руками производила впечатление такого же замкнутого человека, как и ее муж. Казалось, она жила только одним — интересами своей десятилетней дочки Дженни. Она водила ее в балетную школу и сама шила ей многочисленные балетные платьица, в которых девочка выступала на различных концертах. С соседями Дженни Дональд почти не разговаривала, а с Пристли даже не здоровалась.

24 апреля инспектор Тэйлор побывал у Александра Дональда дома. Пользуясь отсутствием жены, Тэйлор допросил его. Может быть, из-за своей ограниченности Дональд в конце концов рассказал то, что вызвало у Тэйлора первые подозрения. Тэйлор спросил о ночи с 20 на 21 апреля. Он хотел знать, неужели Дональды не слышали того шума, который был в эту ночь на лестничной площадке. Медленно Дональд ответил: "Почему же не слышали". Они даже в постели слышали шум. Его жена попросила даже узнать, что там произошло. Но ему не хотелось вставать. Тогда она сказала: "Слышишь, это голос миссис Джос. Она кричит, что девочка изнасилована..." Но и после этого Дональд не шевельнулся, а только возразил: "Какой смысл туда идти".

И больше ничего. Но слова жены Дональда: "Слышишь, это голос миссис Джос. Она кричит, что девочка изнасилована..." — не давали Тэйлору покоя. В то время, о котором идет речь, он стоял на лестничной площадке около суперинтендента Гордона, когда доктор Ричардс прошептал, что ребенок изнасилован. Никто больше не слышал этих слов. Никто не мог кричать: "Девочка изнасилована..." — и никто этого и не сделал. Откуда же жена Дональда знала о состоянии ребенка? Узнав 24 апреля, что преступление могла совершить женщина, он стал подозревать Дженни Дональд.

Утром 25 апреля в квартиру Дональдов позвонили суперинтендент Гордон, инспектор Тэйлор и констебль Уистлэнд. Дженни Дональд была дома одна. Гордон объяснил, что речь идет об обычной беседе. Но эта беседа превратилась в тринадцатичасовой допрос. Дженни Дональд на протяжении всего этого времени оставалась хладнокровной и равнодушной. Отвечала она, не раздумывая, и рассказала, что 20 апреля утром ходила на рынок, где купила апельсины и яйца. После этого зашла в магазин ткани госпожи Раги Моррисон. Возвращаясь домой, видела на углу улицы Уркварт-роуд нескольких женщин, среди которых была заплаканная миссис Пристли. Дженни Дональд, не останавливаясь, прошла в дом. Дома стала гладить. Времени было десять или пятнадцать минут третьего. Только в четыре часа дня, когда кончила гладить, она узнала от дочери, что пропала Елена. В 17. 20 она пошла с дочерью на репетицию в Бич-павильон. Там они пробыли до 23. 00. Придя домой, тотчас легли спать.

Суперинтендент приказал сержанту проверить все ее показания. При этом выяснились подробности, которые давали повод сомневаться в правильности ее показаний. Например, она назвала неправильные цены на апельсины и яйца. 20 апреля эти продукты имели другие цены. Цены, названные миссис Дональд, совпадали с ценами прошлой недели. Магазин госпожи Моррисон в указанное Дональд время 20 апреля был закрыт. То, что плакавшая миссис Пристли стояла на углу улицы с женщинами, было правдой. Но ни Пристли, ни другие женщины не помнили, чтобы мимо проходила Дженни Дональд. Она могла видеть их на углу улицы, не покидая дома, так как это место хорошо просматривалось из окна квартиры Дональдов.

Гордон решил осмотреть квартиру Дональдов. Тэйлор и констебль осмотр квартиры начали с кухни. Под стоком раковины пол был покрыт линолеумом. На нем были отпечатки ножек большого ящика для угля. Дженни Дональд, однако, утверждала, что у нее не было ящика. Но ее дочка выболтала, что он там всегда стоял. Так как на трупе Елены обнаружили угольный шлак и пепел, то это усилило подозрения. Кроме этого, удалось еще обнаружить подозрительные пятна на линолеуме перед кухонным столом. Приглашенный доктор Ричардс на месте сделал пробу на кровь. Ответ был положительным, но он заявил, что окончательное заключение может дать только после лабораторного исследования. Собранных данных Гордону было достаточно, чтобы арестовать обоих Дональдов, что он и сделал в 12 часов ночи 25 апреля. Во время ареста Дженни Дональд спокойно заявила: "Я этого не делала".

Утром 26 апреля Ричардс установил в лаборатории, что обнаруженные пятна не содержат крови. Но все прочие обстоятельства позволяли держать Дональдов под арестом. Александра Дональда вскоре отпустили. Выяснилось, что весь день 20 апреля он был на работе и не мог участвовать в убийстве. Дженни Дональд осталась в тюрьме. Так как она не признавалась, а собранных доказательств

ее вины было недостаточно, то прокуратор-фискал обратился 30 апреля к профессору Сиднею Смиту в Эдинбург. Он просил Смита использовать все достижения медицины и естествознания для раскрытия убийства Елены Пристли.

За те шесть лет, что Сидней Смит руководил эдинбургской кафедрой судебной медицины, слава его шагнула далеко за границы Шотландии. Он был одним из тех, кто, отдавая должное заслугам Спилсбери, выступал против влияния его легендарного авторитета. Лишь несколько месяцев назад, в ноябре 1933 года, он вернулся с судебного процесса, происходившего на острове Джерси. Там обвинили врача Аварна в том, что он сделал аборт любовнице хозяина одного отеля. Обвиняемый объяснял, что ребенок умер в утробе матери и пришлось сделать операцию. Спилсбери был экспертом обвинения. Исследовав препараты ткани, он утверждал, что ребенок был живым. Смит и Алек Бёрн, один из ведущих гинекологов Лондона, доказали ему, в чем заключалось его заблуждение. Аварн был оправдан. По дороге домой Спилсбери ни словом не обмолвился со Смитом. Спилсбери в противоположность Смиту не хотел признавать, что ошибаться могут не только простые люди, но и судебные медики.

30 апреля Смит прибыл в Абердин. Елену Пристли тем временем уже похоронили. Но, подробно побеседовав с Гордоном, Шенаном и Ричардсом, а также изучив микроскопические препараты, Смит согласился с мнением Шенана, что в данном деле нельзя говорить об изнасиловании как таковом. Одно незначительное на первый взгляд обстоятельство в расследованиях Гордона позволило ему выдвинуть версию. Гордон узнал 29 апреля, что Елена Пристли придумала для Дженни Дональд прозвище Кокосовый Орех. Пробегая мимо квартиры Дональдов, девочка часто дразнилась: "Кокосовый Орех, Кокосовый Орех". Версия Сиднея Смита такова: в полдень 20 апреля, возвращаясь из булочной и пробегая мимо квартиры Дональдов, девочка снова крикнула: "Кокосовый Орех!" Дженни Дональд случайно находилась около двери, открыла ее и схватила Елену. Может быть, ничего и не случилось бы. Она потрясла бы ее за плечи — и все. Но от испуга ребенок, страдавший заболеванием щитовидной железы, упал в обморок. Миссис Дональд втащила безжизненного ребенка в квартиру. Считая, что ребенок умер, а ее, следовательно, будут считать убийцей, она стала искать выход из сложившегося положения. При этом ей пришла в голову мысль инсценировать изнасилование. Она подняла платье ребенка, разорвала штанишки и воткнула ручку какого-то кухонного предмета в тело ребенка. Боль вернула девочке сознание. Она закричала. Это тот крик, который слышал кровельщик. Теперь Дженни Дональд охватила паника. Она не видела другого выхода, как убить ребенка, и стала душить девочку. При этом не ясно, задохнулась ли Елена, вдохнув рвотную массу, или ее задушили. Потом мертвую Елену Дженни Дональд положила в ящик для угля. Ночью, когда дочь и муж спали, она сунула труп в мешок и вынесла его в удобный момент на лестничную клетку.

Версия Смита соответствовала материалам расследования. Но необходимы были веские доказательства. Если Сиднею Смиту удастся доказать, что Елена Пристли с середины дня 20 апреля находилась хоть какое-то время в квартире Дональдов, то задача будет решена. Для этого в квартире Дональдов надо найти какую-нибудь вещь, принадлежавшую девочке. Но так как Дженни Дональд (если она была убийцей) имела достаточно времени, то, видимо, тщательно убрала свою квартиру и было мало надежды что-либо обнаружить. Тем важнее становились поиски мелких следов, не замеченных Дженни Дональд: кровь ребенка, остатки рвотной массы, волосы, может быть, типичные волокна с ее одежды. Или же мешок, в котором нашли Елену, поможет обнаружить его владельца и привести в квартиру Дональдов. Но свою самую большую надежду Смит возлагал на обстоятельство, о котором в Абердине никто не подумал. Повреждения в паху девочки, приведшие к соединению влагалища и заднего прохода, должны привести к тому, что кровь была инфицирована бактериями. Имеется очень много видов кишечных бактерий. Может быть, среди них обнаружится и очень редкий их вид.

Исходя из предположения, что Дженни Дональд является убийцей, Смит был уверен, что она вынуждена была вытирать попавшую на пол кровь девочки. Таким образом, на одной из тряпок Дональдов могут оказаться кишечные бактерии.

Позднее Сидней Смит докладывал: "Мы не нашли ни вещей ребенка, ни предмета, которым были нанесены повреждения. Среди мусора в печке обнаружили кусочек бумаги, по структуре и микроскопическому составу совпадающий с кассовым чеком в руке ребенка; зеленая полоса на кусочке бумаги была продолжением зеленой линии на чеке. Мешок был обычным, джутовым с надписью "Босс". Мы установили, что в нем прибыло зерно из Канады. Можно было проследить его путь сначала в Лондон, затем к торговцам в Глазго и, наконец, в Абердин. По всей видимости, его приобрел какой-нибудь крестьянин, проживающий вблизи одного из братьев миссис Дональд. Выяснилось, что этот брат часто привозил ей в мешках картошку. Но это тоже было еще не доказательство... Внутри мешка мы обнаружили приблизительно две горсти шлака. Шлак из мешка и пробы шлака из квартир всего дома подверглись микроскопическому исследованию и сравнению. Я послал их в горный музей для обследования рентгеновскими лучами. Там они были превращены в пепел и подверглись спектроаналитическому и микроскопическому исследованию с целью обнаружения химических элементов или других составных частей, типичных для домашнего хозяйства Дональдов. Все безрезультатно".

Со времен Лакассаня судебная медицина старается кардинально решить проблему исследования волос, проблему идентификации при помощи волос и прежде всего проблему сравнения волос. Имелись различнейшие возможности исследования волос микроскопическим и химическим путем.

Весной 1934 года проблема еще не была разрешена, потому что на голове одного человека имеются волосы разной структуры. Научились только отличать волосы человека от волос животных и волосы ребенка от волос взрослого человека. Относительно надежно можно было идентифицировать человека, если его волосы были необычными или подвергались химическому воздействию. Горячая завивка, например, придавала волосам вид спирали, что могло оказаться важным при идентификации женских волос. Джон Глайстер посвятил многие годы судебно-медицинским исследованиям волос и в 1931 году опубликовал объемистый труд с описанием результатов своих исследований.

По настоянию Сиднея Смита все волосы, обнаруженные в мешке и найденные в квартире Дональдов, были посланы Глайстеру в Глазго. Дженни Дональд получила в тюрьме новую щетку для расчесывания, таким образом незаметно удалось взять образцы ее волос. 30 мая пришлось эксгумировать труп Елены Пристли, так как Глайстеру нужны были и ее волосы. Смит тоже несколько недель производил сравнение добытых волос. В своих воспоминаниях он писал: "Волосы из мешка не могли принадлежать ребенку. Они были грубее, другого цвета, имели неравномерный контур и носили следы завивки. Насколько я мог судить, волосы из мешка до мельчайших деталей совпадали с волосами миссис Дональд..."

Одновременно с этим Смит проводил исследования всех найденных в квартире Дональдов тряпок. На протяжении всего мая в квартире повторялись обыски. Поднимали часть пола, вырезали куски линолеума, изъяли все веники, половые тряпки, ведра, хозяйственные сосуды, щетки, матрацы, одеяла, кухонные полотенца, зубные щетки и щетки для рук, обследовали сточную трубу раковины.

"Материал тряпок, — продолжал Сидней Смит, — состоит большей частью из обычных тканей. На тряпках имеются волосы, характерные для каждого дома нитки от одежды, ковров и прочее. В тряпках и пробах из мешка находились различнейшие волокна шерсти, льна, джута. Всего мы обнаружили около двухсот различных типов волокон и сравнивали их с материалами из квартиры Дональдов. Мы сравнивали их длину, толщину и форму. Мы сравнивали строение их клеток, их цвет, состав их красителей, используя при этом спектральный анализ и химические реактивы. 25 различных волокон из мешка оказались идентичными с волокнами различных тряпок из квартиры Дональдов. Для сравнения были изъяты тряпки и из других квартир, но сравнение их дало почти стопроцентный отрицательный ответ..."

Чтобы застраховаться от ошибки, Смит пользовался постоянной помощью руководителя текстильной лаборатории в Брэдфорде Джозефа Барра. К концу июня Смит и его сотрудники были уверены, что они напали на верный след и путем сравнения волокон установили первую убедительную связь жертвы и квартиры Дональдов.

К этому времени подтвердилось основное предположение Смита: были получены веские доказательства при исследовании кишечных бактерий. Не полагаясь на свои познания в области бактериологии, Смит послал все белье Елены Пристли со следами крови в Эдинбург профессору бактериологии Эдинбургского университета Томасу Джону Мэйки. Сорокашестилетний Мэйки, столь же страстный, сколь и опытный микробиолог, с большим интересом приступил к выполнению этого задания. Пробы присланного материала были перенесены на питательную среду и дали характерные культуры. Вскоре выяснилось, что Смит был прав: кровь Елены Пристли содержала бактерии из ее кишечника. Однако решающим было то, что среди кишечных бактерий девочки Мэйки обнаружил чрезвычайно редкий вид. В предыдущие годы для своих научных целей он сто пятьдесят раз выращивал культуры кишечных бактерий и ни разу не встретил такого вида. Вторым решающим этапом явилось обнаружение этого вида бактерий на тряпке Дженни Дональд, в то время как на ее личных вещах подобных бактерий не было.

Когда 22 июня Смит получил заключение Мэйки, ему стало ясно, что связь между убитой и местом убийства неопровержимо доказана.

16 июля 1934 года Дженни Дональд предстала перед судом Эдинбурга. На протяжении всего судебного разбирательства она сидела с безразличным видом на скамье подсудимых. Только дважды можно было заметить некоторое внутреннеее волнение на ее лице. Первый раз, когда ее дочь заслушивали как свидетельницу, и второй, когда суд признал Дженни Дональд виновной в убийстве Елены Пристли и приговорил ее к смерти. Смертный приговор заменили пожизненным заключением, но через десять лет ее освободили.

Дело Дженни Дональд от начала до конца служит классическим примером того пути, по которому пошла судебная медицина за два десятилетия до второй мировой войны. Судебная медицина вышла за рамки патологии, токсикологии, судебной психиатрии и социальной медицины, шагнула в химию, физику, микробиологию и тесно переплелась с криминалистикой. Собственно, Сидней Смит, относившийся к самым разносторонним судебным медикам того времени, сделал первый шаг на этом пути. Как мы увидим в следующей части этой книги, для криминалистики откроются новые возможности не только в судебной медицине, но и в химических, и в технических лабораториях всех видов. Да и в рамках судебной медицины токсикология и исследования крови поднялись на такую ступень, что стали доступны только специалистам в этой области.

Сидней Смит, знавший токсикологию лучше многих химиков, в совершенстве владевший судебной баллистикой, чувствовал, что бурное развитие одной только медицины подарит судебной медицине много новых методов и создаст новые проблемы, которые потребуют всестороннего сотрудничества специалистов основных отраслей медицины и специальных ее областей. Скоро никто не будет в состоянии овладеть всеми областями медицины, не говоря уже

о естественно-научных и технических методах. Он видел задачу судебного медика в координации усилий узких специалистов для решения проблем криминалистики.

23. Проблема свертывания крови после смерти

Когда 21 октября 1949 года крестьянин Сидней Тиффин, отталкиваясь шестом, пробирался на своей лодке сквозь болотные заросли Эссекса под Тилингемом, он не подозревал, что благодаря ему полиция столкнется в необычным уголовным делом. В период стремительного развития медицины после второй мировой войны это дело служит примером, какие трудно разрешимые проблемы ставило это развитие перед судебной медициной.

В тот день взгляд Тиффина упал на плавающий в притоке реки Блэк-Ривер странный предмет. Это был большой сверток, завернутый в одеяло. Развязав его, Тиффин с ужасом увидел там человеческое тело без головы и ног. На теле болталась пропитанная кровью шелковая рубашка и остатки синих брюк.

Спустя час об этой находке узнал суперинтендент эссекской полиции Тотердель, который обратился за помощью в Скотланд-ярд. В Тилингем из Скотланд-ярда прибыл суперинтендент Макдуглл. Найденный труп перевезли в морг Челмсфорда лишь утром следующего дня, и Макдуглл, позвонив в Лондон, просил прислать судебного медика. Затем он направился к болоту и попытался найти недостающие голову и ноги. Безуспешно. Промокнув до нитки, он вернулся в Челмсфорд, где уже приступил к работе судебный медик. Это был Фрэнсис Кэмпс, относившийся к небольшой группе лондонских судебных медиков, пришедших на смену Спилсбери. Ведущим среди них в те дни был, безусловно, Кейт Симпсон — внешне хрупкий, нервозный, чрезвычайно подвижный и впечатлительный доцент судебной медицины при медицинской школе Гай-госпиталя и первый профессор судебной медицины при Лондонском университете. Славу ему принесла его роль в раскрытии необычных преступлений, таких, как дело Добкина в 1942 году, дело Вигвам — убийцы Сангрета тоже в 1942 году и дело убийцы Хайя весной 1944 года. Симпсону довелось еще испытать влияние авторитета Спилсбери. Как и Спилсбери, он работал в тесном контакте с полицией, но был также большим ученым. Он боролся за создание институтов судебной медицины, каких Лондон еще не знал. Сначала в 1942 году при Гай-госпитале, в маленькой комнатке, которую ему уступил химик и токсиколог Рифл, он стал создавать свой институт. Его сторонниками были Фрэнсис Кэмпс, доцент судебной медицины в лондонском госпитале, и Дональд Тир, известный лондонский судебный медик.

Покуривая свою трубку, солидный, спокойный Кэмпс докладывал Макдугллу о первых результатах своего обследования. Туловище должно было принадлежать тяжелому, весившему приблизительно 100 килограммов человеку, ростом 1,7 м. По состоя-

нию кожи и ногтей Кэмпс предположил, что тело пробыло в воде не менее трех недель. В воду оно попало приблизительно через 48 часов после смерти. На груди — шесть колотых ран. Кроме того, пострадавший имеет многочисленные переломы костей и ребер, правда, они посмертные. Кэмпс предложил снять кожу с рук и как можно скорей послать ее шеф-инспектору Чериллу в дактилоскопический отдел Скотланд-ярда. Суперинтендент Тотердель уехал в Лондон, и Кэмпс тем временем довел работу до конца. С помощью инъекции глицерина Чериллу удалось получить пригодные для идентификации отпечатки пальцев, и по картотеке Скотланд-ярда было установлено, что убитым является человек по имени Стэнли Сетти, судимый в 1928 году за ложное банкротство. Сетти было 47 лет, родом из Багдада, ранее он носил имя Султана Сетти. В Лондон приехал в 1903 году вместе с родителями, торговавшими коврами. Последние годы Сетти торговал подержанными машинами на рынке Варрен-стрит в Лондоне, но при этом совершал всякие темные сделки. Среди этих темных делишек, как подозревали, была торговля фальшивыми талонами на бензин, а также продажа старых самолетов в страны Ближнего Востока.

С 4 октября Сетти, которого все знали на рынке Варрен-стрит, исчез. На другой день его сестра, с семьей которой он занимал шикарные апартаменты у Ланкастерских ворот, заявила в полицейских участок на Альбени-стрит об его исчезновении. 4 октября Сетти продал автомашину и обменял в банке "Йоркшир пенни бэнк" чек на тысячу фунтов, получив двести пятифунтовых банкнот. Шеф-инспектору Джемисону, занимавшемуся поисками пропавшего, удалось установить номера банкнот. 5 октября утром была обнаружена машина Сетти перед его гаражом в Кэмбридж Реррасе Ньюз. Ключ зажигания торчал в машине. И больше никаких следов Сетти. С 6 октября лондонские газеты распространяли всевозможные сплетни о причинах его исчезновения.

Сегодня, вечером 22 октября, было уже не до сплетен. Сетти нашелся. Без сомнения, он стал жертвой убийства. Возник, однако, вопрос, как труп Сетти попал в болота Эссекса?

В тот же вечер труп Сетти был привезен в медицинскую школу Лондонского университета, где его ждал Кэмпс. Вскрытие показало, что орудием убийства было обоюдоострое холодное оружие не менее 10 см длины. Такие колотые раны могли быть нанесены лежавшему, сидевшему и стоявшему Сетти. Каналы ран имели такую странную форму, что можно было предположить, будто Сетти катали туда и сюда, нанося удары кинжалом. Один удар насквозь пронзил левое легкое, вызвав, видимо, сильное кровотечение, которое должно было привести к скорой смерти. Поражало, что руки Сетти не имели ранений, возникающих обычно в результате борьбы. Отделение ног и головы осуществлено при помощи мелкой пилы, зубцы которой обнаруживают дефекты. Кэмпс обратился к анатому Диксону Бойду за помощью. Лишь при помощи рентгеновских снимков удалось установить все переломы костей: все ребра, лобковая кость

и крестец были сломаны. Подтвердилось, что все повреждения носят посмертный характер и, казалось, произошли в результате падения с большой высоты.

Утром 23 октября, разговаривая с суперинтендентом Макдуглом, Кэмпс заметил: "Переломы костей напоминают такие, которые мне довелось видеть при вскрытиях, производимых во время войны летчикам и парашютистам, парашюты которых не раскрывались и которые с большой высоты падали в воду. Это звучит фантастически, но не избавились ли от трупа на этот раз с помощью самолета..." Макдуглл доложил об этом своему начальнику шеф-суперинтенденту Бевериджу, который ухватился за идею Кэмпса, и Макдуглл стал наводить справки на всех аэродромах Западной Англии. Уже на следующий день, 24 октября, поступило сообщение из Элстри, с частного аэродрома в Хартфордшире. Там 5 октября, то есть днем позже после исчезновения Сетти, молодой человек по имени Дональд Хьюм, из Лондона, взял напрокат спортивный самолет "Остер" для полета на юг страны. Хьюма знали в Элстри как бывшего военного летчика. В прошлом году он часто нанимал самолеты. Сторож аэродрома Дью вспомнил, что Хьюм вынул из автомашины и погрузил в самолет два громадных свертка. Больший сверток Хьюм поставил на сиденье второго пилота. Макдуглл тотчас поехал в Элстри, захватив с собой одеяло и шнур, служившие для упаковки трупа, и допросил там Дью. Одеяло сторож не узнал. Зато шнур ему был знаком. При осмотре самолета Макдуглл обнаружил на полу под сиденьем второго пилота много кровяных пятен.

Беверидж немедленно установил наблюдение за Дональдом Хьюмом и поручил проверить, что он делал с 4 октября. Это дало важные результаты. 5 октября, в пятом часу вечера, Хьюм вылетел из Элстри. Свою любимую собаку Тони вопреки своей привычке он оставил в машине в Элстри. При этом он сказал, что вернется до захода солнца. На самом же деле он не вернулся, а приземлился в Саузенде лишь в 6.30, когда было уже темно. В Элстри Хьюма считали неуверенным пилотом, особенно беспомощным в темноте. Поэтому никто не удивился, что он отложил обратный полет на другой день. Бросилось в глаза только то, что им на всю ночь и на половину следующего дня в машине была оставлена собака, которую он обычно очень баловал и нежил. Из Саузенда Хьюм около 7.30 поехал на такси в Лондон и прибыл домой в 8.30. На следующий день утром он на такси поехал в Элстри, чтобы забрать машину и собаку. При этом он сообщил, что вечером доставит самолет из Саузенда. Около 15.30 он появился в Саузенде. Главный инженер того аэродрома Йомен видел, как Хьюм погрузил в самолет очень тяжелый сверток, завернутый в армейское одеяло, который поставил на сиденье второго пилота, и улетел. Через три часа он приземлился, но не в Элстри, а на аэродроме в Грейвзенде, заявив, что заблудился. Оттуда Хьюм на такси поехал домой, заплатив пятифунтовой купюрой. На следующий день он позвонил на аэродром Элстри и попросил забрать самолет с аэродрома в Грейвзенде.

Все это вызвало подозрение. Замешан ли Хьюм в убийстве Сетти? Не заманил ли он Сетти к себе в квартиру, где убил его, запаковал труп и, использовав свое умение управлять самолетом, выбросил труп в болото? Сведения о прошлом Хьюма и его образе жизни усилили подозрения. Самым важным было то, что Дональд Хьюм был знаком с Сетти.

Вызывала сомнения и вся история жизни Хьюма. Ему тридцать лет, он внебрачный сын учительницы, рос в детском доме. С детства привык считать, что ему не везло. Он полагал, что имеет право мстить обществу и "брать от него все, что хочет, не давая ничего взамен". В семнадцать лет он угонял автомашины, разбивал их и бросал на дороге. В поисках приключений в 1939 году по фальшивым документам ему удалось устроиться в королевский воздушный флот. Правда, его через несколько месяцев уволили. Поводом тому послужил менингит, которым он заболел. Но еще раньше Хьюм оказался не в состоянии выполнять роль пилота или бортстрелка. Позднее он продавал на черном рынке ворованный медицинский спирт, разбавленный джином, выдавая его за английский джин. Когда источники спирта иссякли, он появился на авиационных предприятиях Нейпа в качестве диктора, объявляющего воздушную тревогу. Здесь он дал ложный сигнал воздушной тревоги и, пока весь персонал находился в бомбоубежище, обворовал столовую.

В 1942 году, раздобыв за пять фунтов форму летчика, он появлялся в различных военных авиационных мастерских и по фальшивым документам получал запчасти к моторам, которые затем продавал. Его арестовали, но добрый судья в Олд-Бейли дал ему два года условно. Хьюм использовал тяжелые военные и послевоенные годы. Он изготовлял тостеры и электроприборы, открыл мастерские в Лондоне и в других городах, подозревался в совершении грабежей, носил дорогие костюмы и ездил на лучших машинах. Он часто посещал шикарные ночные клубы, въехал в двухэтажную шестикомнатную квартиру, женился на элегантной Синсине, дочери банковского служащего. Она не спрашивала его, откуда у него деньги. В 1947 году, когда тяжелые годы остались позади и жизнь входила в нормальную колею, Хьюм снова оказался у разбитого корыта. В это время он познакомился с Сетти и продался ему как сподручный для выполнения всяких темных делишек, чтобы вести привычный образ жизни. Как было установлено, Хьюм переправлял для Сетти старые военные самолеты в Северную Африку.

Тем временем удалось найти шофера такси, который вез Хьюма вечером 5 октября из Саузенда в Лондон. Ему заплатили пятифунтовой банкнотой, которая была еще при нем. Номер ее серии совпадал с номером банкноты, полученной Сетти в банке перед его исчезновением.

Рано утром 27 октября Хьюма арестовали на его квартире. Это был сильный молодой человек с густыми черными волосами, скуластый, с насмешливо опущенными уголками рта и прозрачными холодными глазами. Шеф-суперинтендент Беверидж позднее писал: "Неприятно и страшно, когда тебя арестовывают за тяжкое пре-

ступление и ведут в полицейский участок. Мне доводилось видеть, как самые дерзкие люди теряют при этом самообладание. Хьюм же был абсолютно спокоен..."

После первых попыток все отрицать Хьюм наконец сказал: "Хорошо, я его знал". Да, он грузил свертки в самолет. Он согласен все рассказать. Итак, протокол гласит: "Я женат и живу со своей женой Синсиной и трехмесячным сыном в Голдерс-Грин. Во время войны служил восемнадцать месяцев в королевском воздушном флоте, имею права вождения самолета и уже девять месяцев являюсь членом объединенного клуба летчиков. В последние годы я имел дела с торговцами автомашин с Варрен-стрит. Там познакомился с мистером Сальвадори. Многим я рассказывал, что умею летать. Иногда меня спрашивали, не могу ли я доставить самолетом пассажиров в Италию или Бельгию". Далее Хьюм продолжал, что 30 сентября, когда он находился в бюро Сальвадори, к нему обратились двое мужчин, назвавшиеся именами Мак и Гри. Хьюм со всеми подробностями описал обоих. Мак спросил Хьюма, не хочет ли он заработать. Хьюм ответил положительно и дал Маку свой номер телефона. В воскресенье 2 октября Мак позвонил и спросил, может ли Хьюм взять напрокат самолет. Хьюм снова ответил положительно. Спустя три дня, 5 октября, Мак опять позвонил и сказал, чтобы Хьюм держал самолет наготове и что он, Мак, зайдет к нему с "поручением". Хьюм заказал самолет и нанял машину для поездки в Элстри. В полдень в квартире Хьюма появились Мак, Гри и незнакомец по имени Рой. Гри и Рой внесли два свертка. Мак что-то говорил о шрифте для подделки талонов на бензин, который упакован в свертках. Хьюм должен сбросить их с самолета в море. При этом в руках у него был пистолет. Хьюм получил шесть пятифунтовых купюр. Остальные пятьдесят фунтов ему принесли вечером в 8 часов. Хьюм описал размеры свертков. Все совпадало. Тюки Хьюм поставил в помещение для угля за кухней. Около 15. 30 он погрузил их в машину и поехал на аэродром, взяв с собой собаку. Дальнейший рассказ тоже совпадал с сообщением из Элстри. Новым было только его показание, что он повел самолет над каналом на высоте 300 метров и приблизительно в четырех или пяти милях от Саузенда выбросил свертки за борт. Так как, нанимая самолет, Хьюм указал место посадки — Саузенд, то он там и приземлился, а затем поехал в Лондон на такси. Шоферу он заплатил одной из пятифунтовых купюр, полученных от Мака. Перед дверью своего дома он неожиданно повстречал Мака. Выразив недовольство поздним возвращением Хьюма, тот потребовал, чтобы Хьюм этой же ночью сбросил с самолета еще один сверток. Они договорились в конце концов, что Хьюм сделает это на другой день.

Сверток был в машине, которая стояла на другой стороне улицы. Мак и Рой отнесли его в квартиру Хьюма и поставили в помещение для угля. Хьюм продолжал: "На следующий день, приблизительно в 11 часов, с помощью служащего гаража я отнес груз в машину. Когда его несли по лестнице, в нем что-то булькнуло. Я подумал, уж не человеческое ли это тело? Утром я прочитал, что исчез Сетти. И

вдруг меня пронзила мысль: а вдруг это Сетти? Сверток был завернут в армейское одеяло и перевязан шнуром".

Последующая часть рассказа Хьюма тоже совпадала с расследованиями в Саузенде, Грейвзенде и Элстри. Новыми были лишь подробности, как Хьюм выбросил груз с самолета. Утром 7 октября Хьюм узнал из газеты номера банкнот, которые были у Сетти. К своему ужасу, он установил, что полученные им банкноты имеют номера этой серии. Свои показания он закончил словами: "23 октября я прочитал, что в Эссексе найдены части трупа Сетти. Вскоре позвонил телефон... Мужчина, назвавший себя Роем, спросил, читал ли я газеты? Он пригрозил: "Надеюсь, что не будешь болтать? У тебя ведь жена и ребенок". С тех пор я ничего больше не слышал об этих людях".

Беверидж и Макдуглл, несмотря на "признание" Хьюма, которое точно совпадало с результатами расследования, не доверяли ему, но им ничего не оставалось делать, как потребовать еще раз подробно описать трех незнакомцев. Хьюм описал их во всех подробностях и посоветовал: "Поищите их на Варрен-стрит".

Хьюма оставили под арестом. Джемисон и большая группа сотрудников полиции в тот же день приступила к поискам Мака, Гри и Роя. Они нашли Сальвадори, в бюро которого Хьюм якобы познакомился с Маком. Сальвадори заявил, что никогда не видел людей, похожих на Мака, Гри или Роя. Во всем квартале Варрен-стрит ни один человек не знал, кто это такие. Проверка всех баров и ночных клубов, где обычно бывают темные личности, не дала результатов. Макдуглл пришел к выводу, что никаких маков, гри и роев никогда не было, что это умно рассчитанный прием Хьюма.

Несколько сотрудников поселились в квартире Хьюма под предлогом защитить Синсину от репрессий таинственных незнакомцев. Они сделали все, чтобы обнаружить какие-нибудь следы отпечатков пальцев Сетти. Они допросили всех, кто в дни с 4 по 6 октября бывал в доме Хьюма или встречался с ним. Следов Сетти они не нашли. Синсина заявила, что никогда не видела Сетти в своем доме и не заметила ничего особенного ни 4, ни 5 октября. 5 октября она была все время наверху со своим ребенком и отвезла его в полдень в больницу. 6 октября она почти весь день провела в больнице. А вообще-то она никогда не интересовалась делами мужа. И все же вряд ли в ее доме могло произойти убийство, расчленен труп и упакован так, чтобы она ничего не заметила. Всем соседям показали фотокарточку Сетти. Никто не помнил, чтобы этот человек появлялся у Хьюма дома. Правда, никто не видел людей типа Мака, Гри или Роя. Тут, однако, Джемисон наткнулся на первую зацепочку. Он выявил нового свидетеля, миссис Страйд, приходящую домработницу, которая по средам убирала квартиру Хьюмов. Она приходила обычно к двум часам и работала до пяти. 5 октября она, как всегда, пришла в квартиру Хьюмов. К своему удивлению, в гостиной она не нашла ковра. Хьюм объяснил, что отдал ковер в чистку и окраску. Он хотел также проциклевать пол во всех комнатах. Затем он поручил миссис Страйд купить новые тряпки для уборки, старые, мол, уже износились. После этого он на час заперся в кухне, вышел отту-

да с двумя тяжелыми свертками и покинул квартиру. Миссис Страйд не видела никаких мужчин, которые бы, как утверждал Хьюм, принесли свертки в его дом.

Был найден рабочий по имени Стаден, который 6 октября циклевал пол в квартире Хьюма. Стаден начал работу в полдень. Вскоре Хьюм попросил его помочь отнести в машину большой тюк. Хьюм попробовал было сам отнести его, но дотащил только до лестницы, так как груз был очень тяжелым. Хьюм не разрешил взять его иначе как за шнур, которым он был перевязан. Чтобы сократить расстояние до машины, пришлось подогнать ее к самому дому. И, что странно, Хьюм велел Стадену сесть за руль машины, как будто боялся оставить его одного с грузом на лестнице.

Никакого другого обвинительного материала Макдугллу и Джемисону собрать не удалось. Но и этого было достаточно, чтобы утвердить их подозрения, что Хьюм сам убил Сетти и прикрывается теперь хорошо придуманной историей.

29 октября Фрэнсис Кэмпс получил задание осмотреть всю квартиру Хьюма с целью обнаружения следов крови и костной муки, которая возникает при распилке костей. Часть работы взял на себя доктор Генри Смит Холден, директор лаборатории судебных экспертиз при Скотланд-ярде. Историей этой лаборатории и ее отношения к судебной медицине мы займемся позднее. Здесь следует только заметить, что Холден был химиком и имел большой опыт в области судебно-медицинского исследования крови. Со времен Уленгута исследование крови в судебно-медицинских целях выдвинуло много проблем, так что образовало специальный отдел судебной медицины — судебную серологию. Очень важным было открытие, что кровь крови рознь, что имеются различные группы крови. Деление групп крови на А, В, АВ и О, а также открытие многих свойств крови превратило следы крови в важный фактор судебной медицины. Основным было установление группы крови жертвы преступления. Так, вскрытие Сетти показало, что у него группа крови О.

Холден и Кэмпс тщательно осмотрели квартиру Хьюма. Холден обнаружил пятно размером 30 на 22 см на левой стороне вычищенного и покрашенного ковра в комнате. Это было кровяное пятно. Но вследствие чистки и крашения ковра не удалось установить ни вид, ни группу крови. Другие следы крови Холден обнаружил на паркетных дощечках около самого порога комнаты. Теперь удалось установить, что это кровь человека. Другие следы крови были на линолеуме в прихожей. Они вели из гостиной в столовую. Пол в столовой только что циклевали, и на его поверхности не было никаких следов. Зато в щелях между дощечками паркета их было предостаточно. В шести щелях обнаружили кровь человека группы О. Кэмпс приказал поднять весь пол. Там оказалась по меньшей мере чашка свернувшейся крови группы О. В кухне и в помещении для угля следов не было, а на стене у лестницы и на полу в ванной комнате следы были так малы, что не удалось установить, идет ли в данном случае речь о крови человека. Давно ли эта кровь попала сюда, точно установить не удалось, но можно было по ряду причин полагать, что недавно.

Бесспорно, в помещениях первого этажа квартиры было пролито много крови и сделано все, чтобы эту кровь устранить. На гладких поверхностях пола кухни и помещения для угля следы удалось уничтожить. На линолеуме прихожей, несмотря на усилия, следы все же остались. Отсюда можно сделать вывод, что размер кровяных луж и пятен был первоначально значительно больше.

Кэмпс и Холден попытались установить количество пролитой крови по количеству свернувшейся крови, найденной под полом в столовой. На пол, соответствующий по размеру и типу столовой Хьюма, они вылили пол-литра свежей крови и через разные промежутки времени контролировали, сколько крови попало под пол и свернулось. После длительного эксперимента они пришли к выводу, что по крайней мере полтора литра крови нужно было пролить на пол, чтобы под полом скопилось обнаруженное количество свернувшейся крови. При этом не учитывается кровь, попавшая на ковер гостиной, на пол прихожей и ванной комнаты. Все это сводило на нет возможную попытку Хьюма объяснить наличие крови случайными причинами, как, например, носовым кровотечением. Кэмпс исследовал также одеяло, в которое был завернут торс Сетти. Одеяло свободно пропускало налитую на него кровь.

Если и было какое-то объяснение для следов крови в квартире Хьюма, то только то, что кровь просочилась из свертков, в которых, как он сам предполагал, был запакован труп Сетти. Но если предположить, что так много крови просочилось сквозь упаковку, то она должна быть вся в крови. Но об этом Хьюм не сказал ни слова. Этого также не заметили ни миссис Страйд, ни Стаден. Далее пришлось бы предположить, что груз находился то в гостиной, то в коридоре, то в столовой. Об этом тоже во время допроса Хьюм ничего не говорил. В тысячу раз вероятнее было предположение, что Хьюм убил Сетти в своей квартире и, волоча тяжелый труп через коридор, столовую и кухню, оставил повсюду следы крови.

Беверидж подозревал, что во время первого допроса, когда о следах крови им еще ничего не было известно, Хьюм ловко прощупал, что они уже знают, и, исходя из этого, построил свою версию. Поэтому решили держать в тайне все, что узнали о следах крови, чтобы не дать Хьюму возможности придумать объяснение следам, не признаваясь в убийстве. Единственная возможность запутать его в противоречиях заключалась в том, чтобы как можно неожиданней сказать ему об обнаруженных в его квартире следах крови.

Хамфрис спросил Кэмпса и Холдена, нельзя ли по следам крови сделать дальнейший вывод о том, что убийство могло произойти только в квартире Хьюма — и нигде больше. Не поможет ли здесь наука о свертывании крови? Он, например, читал в одной книге по судебной медицине, что трупная кровь теряет способность к свертыванию. Возможно ли, учитывая это, что кровь, попавшая под пол столовой Хьюма из свертков с трупом человека, убитого какое-то время назад, могла свернуться? Согласно показаниям Хьюма, сверток, где находился торс Сетти, был доставлен ему домой по крайней мере спустя десять, а может быть, и двадцать четыре часа после убийства. Следовательно, его кровь потеряла уже способность свер-

тываться. Не является ли это доказательством того, что версия Хьюма — выдумка, что свернувшаяся кровь, обнаруженная под полом, свидетельствует об убийстве Сетти в квартире Хьюма?

Два-три десятилетия назад Кэмпс и Холден с чистой совестью могли бы ответить, что этот факт подтверждает вину Хьюма. В 1935-1938 годах немец Вальхер и француз Пиделье, а также и другие ученые констатировали, что через несколько часов после смерти кровь трупа теряет свою способность к свертыванию. Но то, что тогда казалось простым и ясным, вызывало теперь, в 1949 году, большие сомнения. Результаты новых исследований опровергали старые представления о способностях крови к свертыванию. Все более тщательное исследование биологических и химических процессов в человеческом теле показало, что свертывание крови даже в теле живого человека представляет собой очень сложный процесс со многими еще неизвестными факторами. И Бертольт Мюллер, один из ведущих немецких судебных медиков, жаловался в 1953 году: "Процессы эти с расширением наших знаний становятся скорей загадочнее, чем понятнее".

Еще во много раз сложней была проблема способности крови трупа к свертыванию. В результате медленной смерти после длительной болезни в трупе находили как жидкую, так и свернувшуюся кровь. При мгновенной смерти, то есть при насильственной смерти, в трупе находили, как правило, жидкую кровь. Бруардель писал в 1897 году, что кровь повешенных свертывалась в первый час после смерти, а потом снова становилась жидкой. Об этом одно время забыли, но после второй мировой войны снова открыли упомянутое обстоятельство и начали исследование многих, еще более запутанных подробностей этого явления. Немецкие ученые Шлайер, Берг, Клайн и русские ученые Юдин, Багдасаров и Гуляев обнаружили много новых факторов. С середины 30-х годов XX века в ныне распавшемся Советском Союзе исследования крови приняли очень широкий размах. Ученые научились использовать для переливания кровь трупов. Эти переливания проходили очень успешно.

Выяснилось, что кровь у скоропостижно скончавшихся действительно в большинстве случаев на протяжении более или менее короткого времени свертывается, а затем снова становится жидкой. Во всяком случае, кровь трупа менее подвержена свертыванию, чем кровь живого человека. Но не удавалось установить закономерность этих процессов во времени. Разжижение свернувшейся крови трупа могло произойти, согласно наблюдениям советских ученых, за тридцать минут, но в некоторых случаях также и через три дня. Свертываемость и несвертываемость крови, по всей вероятности, зависела от того, в какой части тела находилась кровь. На них также влияли многочисленные физические и биологические процессы, которые происходили до, во время и после смерти и происходили поразному в каждом случае смерти. Было не понятно, почему в случае быстро наступившей смерти кровь сердца не свертывалась, а при медленной смерти — свертывалась. Существовало много трактовок этого явления; предполагали, что предотвращает свертывание крови избыток углекислоты, а, например, в случае удушения кровь не свертывается от недостатка кислорода или, возможно, некоторые

химико-биологические процессы при внезапной смерти сразу не прекращались, в то время как при медленной смерти они прекращались еще до ее наступления. Если немец Клайн путем ряда опытов ограничил время, в течение которого кровь после смерти свертывается, двумя часами, то, согласно данным советских ученых, кровь сохраняет способность к свертыванию пять, шесть и больше дней. Скорее всего, оба вывода правильны, потому что исследования проводились в разных условиях. Немец Шлайер нашел, что периферийная кровь, то есть кровь внешних частей тела, имеет совершенно разные фазы способности к свертыванию. Из своих наблюдений он сделал вывод, что в случае быстрой смерти кровь, хотя и имела способность свертываться, но не свертывалась, а оставалась жидкой. В противоположность ему немец Берг считал доказанным, что кровь сначала свертывается, а потом снова становится жидкой. Все это были предварительные выводы. Судебные медики и серологи искали пути разгадки тайны процесса свертывания крови.

В те времена, когда Кэмпс и Холден задавались вопросом, можно ли построить обвинение Хьюма на основании теории о свертываемости крови, многое из перечисленного выше еще не было известно. Оба знали, однако, о работах англичанина Макфэрлена 1946-1948 годов и о результатах исследований советских ученых. Они также проверяли на практике все, что узнавали из опубликованных работ. Все они единодушно доказывали, что кровь быстро умершего человека оставалась жидкой или снова становилась жидкой. Все это позволяло Хьюму найти объяснение, почему в его квартире оказалась кровь Сетти. И хотя многие исследования говорили о том, что кровь трупа сохраняла способность к свертыванию лишь в первые после смерти часы, что было бы доказательством вины Хьюма — а Кэмпс и Холден в его вине не сомневались, — все же они понимали, что с этим аргументом нет смысла выступать в суде. Каждый опытный защитник использует отсутствие окончательного решения этого вопроса и опровергнет утверждения судебных медиков.

18, 19 и 20 января 1950 года Христмас Хамфрис выступал в качестве обвинителя Дональда Хьюма перед первым судом в Олд-Бейли. Он обвинял Хьюма в том, что тот убил Стэнли Сетти вечером 4 октября или в ночь на 5 октября с своей квартире, расчленил труп, упаковал его части и сбросил их с самолета в канал 5 и 6 октября. "Благодаря пышным черным волосам и круглому свежему лицу Хьюм казался моложе своих тридцати лет, — так описывал обвиняемого английский журналист Джон Уильямс. — И хотя холодное выражение его глаз в эти дни было смягчено, зато рот и линии густых бровей свидетельствовали о его жестокости и твердости". Ждать долго не пришлось, чтобы Хьюм продемонстрировал, как он тверд и какой обладает фантазией. На протяжении трех дней Хамфрис вызывал своих свидетелей, начиная со сторожа аэродрома в Элстри, миссис Страйд и кончая различными представителями Варрен-стрит, которые отрицали существование каких-то Мака, Гри и Роя. Но главным козырем обвинения, без сомнения, было появление в суде Фрэнсиса Кэмпса и Генри Холдена и их исследования обнаруженных следов крови. Это была абсолютная неожиданность.

"Хьюм сидел на скамье подсудимых, — писал Джон Уильямс, — положив руки на перила. Он был собранным, как всегда, но чувствовалось его внутреннее напряжение. Это было триумфом обвинения..." Но напряжение обвинителя было ничуть не меньше. Он буквально чувствовал на себе тяжесть решающего момента. Удастся ли Хьюму так изобразить все события, чтобы обнаруженные следы крови нашли свое объяснение, а он сам при этом остался бы в стороне от убийства Сетти?

Хамфрису, Кэмпсу и Холдену не пришлось долго ждать, чтобы с захватывающим волнением и разочарованием убедиться, что Хьюму этот трюк удался. Когда защитник Леви попросил его объяснить все, он повторил сначала всю историю вплоть до вечера 5 октября, когда Мак, Гри и Рой принесли большой сверток в его квартиру, в помещение для угля. До этого места он ничего не изменил в своих показаниях, но только до этого места.

"Что вы сделали со свертком, — спросил защитник. — Что с ним вы сделали, когда ушли эти люди?"

"Я пошел в помещение для угля, — ответил Хьюм, — чтобы переставить сверток к стенке. Когда я его поднял, послышался какой-то булькающий звук, и я увидел на полу лужу крови".

Хамфрис на мгновение закрыл глаза, затем подался весь вперед, чтобы не упустить ни слова, не пропустить в показаниях Хьюма ничего, за что можно было бы зацепиться. Спокойно и хладнокровно Хьюм рассказывал, что в этот момент его охватил ужас. Он нашел кровь также в гостиной, где сначала находился сверток, и стер ее. На следующее утро он попытался убрать сверток из дома и понес его сначала к кухонному столу, а затем в столовую. При этом сверток развязался, и на пол хлынула кровь, которая протекла даже в коридор. Он вытер кругом кровь, перевязал груз и завернул его в одеяло. Затем снова замыл везде следы крови. Лишь потом появился рабочий гаража, чтобы циклевать пол, и он попросил помочь донести груз до машины. Затем шла известная уже история поездки на аэродром в Саузенд.

Хамфрис чувствовал трезво рассчитанную ложь. Взволнованно он пытался перекрестным допросом запутать Хьюма в противоречиях. Напрасно. Он использовал единственный пробел в рассказе Хьюма: как могла попасть кровь на ковер в гостиной. Но Хьюма нельзя было ничем смутить. Равнодушно он заявил, что сам этого не может понять. Разве нельзя и в других квартирах на коврах найти следы крови, происхождение которых никто не может объяснить? Насколько ему известно, не было даже установлено, человеческая ли это кровь. Во всяком случае, ни Кэмпс, ни Холден ничего подобного не доказали. С каждым словом Хьюма в Хамфрисе росло убеждение, что он лжет. Но он не мог опровергнуть эту ложь, Кэмпс и Холден ничем не могли ему помочь. Кончив перекрестный допрос, Хамфрис понял, что проиграл. Все, что было потом, уже не играло большой роли. Адвокат представил нескольких свидетелей из Парижа, которые знали Мака, Роя и Гри. Не очень важным было также утверждение Дональда Тьера, выступавшего свидетелем защиты, что невозможно распилить кости пилой так, чтобы не при-

влечь внимания соседей. Все это второстепенные вещи. Решающим было, как выразился один корреспондент, что "единственное доказательство, кровь убитого, не могло внести ясность в дело".

На шестой день суда, 23 января, присяжные удалились на совещание. Когда они вернулись в зал, один из них заявил, что они не могут прийти к единодушному решению. Голос говорившего свидетельствовал о его убеждении в том, что Хьюм виновен, но его просто не удалось уличить во лжи. Хамфрис потребовал создания нового состава суда, но в иной исход дела уже не верил. Однако он все же решил не дать Хьюму возможности уйти от ответственности. Использовав его показания о том, что из свертка лилась кровь, он обвинил его в соучастии по устранению трупа, то есть в содействии сокрытию убийства. На вопрос, считает ли он себя виновным в содействии сокрытию убийства, Хьюму пришлось ответить — "да, считаю". Судья Зеллерс осудил его на 12 лет каторги. На следующий день Хьюма отправили в Дартмур.

"Вся Англия, — писал позднее корреспондент газеты "Санди пикториель" Виктор Симс, — чувствовала, что Хьюм лгал ради спасения своей головы". Раздавались голоса, признававшие, что Кэмпс и Холден смогли бы доказать вину Хьюма, если бы наука предоставила в их распоряжение более надежную точку опоры. Были минуты, когда Кэмпс с большой горечью говорил об ограниченных возможностях судебной медицины после ста лет ее развития. Особенно ярко эта мысль прозвучала в его реферате от 23 ноября 1950 года, с которым он выступил в Лондонском обществе судебных медиков и где он говорил о деле Хьюма. При всей объективности ученого чувствовались его убежденность в виновности Хьюма и признание собственной беспомощности. В заключение он сказал: "Вопрос о том, кто убил Сетти, так и остался темой для размышлений". Он и не подозревал в тот момент, что пройдет лишь несколько лет — и одно из циничнейших признаний в истории криминалистики еще раз поставит в центр внимания дело Сетти и ответит на вопрос, кто был убийцей.

1 февраля 1958 года Хьюм был досрочно освобожден из Дартмура. Спустя четыре месяца, 1 июня 1958 года, английская воскресная газета "Санди пикториель" вышла с заголовком: "Сенсационное признание Дональда Хьюма. "Я убил Сетти и избежал смертной казни!" В это было трудно поверить, но это было так. Не желая вести трудовую жизнь, руководимый цинизмом и жаждой наживы, Хьюм продал газете за 2000 фунтов стерлингов истинную историю убийства Стэнли Сетти. Он хорошо знал, что ни один английский суд не будет судить его за преступление, которое уже разбиралось в суде.

Признание Хьюма, подвергшееся перед опубликованием тщательной проверке, подтвердило точную картину хода преступления, как ее представляли себе следователи в результате судебно-медицинских и криминалистических экспертиз. После крушения всех послевоенных коммерческих дел Хьюм стал компаньоном Сетти в его темных операциях. Он воровал автомашины, вывозил оружие за границу. Сетти ему хорошо платил, но смотрел на него как на ублюдка, на хвастливого лжеца. К 1949 году ненависть Хьюма к свое-

му высокомерному работодателю достигла предела. Когда вечером 4 октября 1949 года Сетти тайком посетил Хьюма, чтобы дать ему новое поручение, они поссорились. В бешенстве Хьюм схватил кинжал и всадил его в Сетти. Сетти не успел защититься и рухнул на ковер. Здесь Хьюм добил его. Все произошло в течение нескольких минут. Даже занавески на окнах не были опущены. Затем Хьюм потащил тяжелый труп через коридор в столовую, а оттуда в кухню и, наконец, в помещение для угля, куда его жена из-за страха перед мышами никогда не входила. При этом на пол и ковер в гостиной пролилось много крови. Хьюм тщательно вытер всю кровь и попытался отчистить ковер, но это ему не удалось. Затем он вытер все предметы, которых мог касаться Сетти, и таким образом ликвидировал его отпечатки пальцев. После вышел на улицу, сел в "Ситроен" Сетти и отогнал его в Кембридж Терраса Ньюз. Там он оставил машину, взял такси, проехал часть пути, вышел и пешком вернулся домой. Никто не видел, как он вернулся домой. Ночью при помощи кухонного ножа и старой пилы Хьюм отделил голову и ноги от трупа Сетти. Занятие это отняло меньше времени, чем он предполагал. Голову он упаковал в пустую консервную банку фабрики Хайнц, ноги — в коробку, торс и руки сначала обернул войлоком, потом одеялом.

Когда в полдень следующего дня появилась домработница миссис Страйд, работа Хьюма была уже давно завершена. Кухня и помещение для угля были тщательно убраны, ковер сдан в чистку и крашение, а пол было приказано процикленать. Ни из пакетов, ни из свертка кровь не просочилась. Так как у него было мало времени, труп он выбросил с самолета не очень далеко, до канала. Только эта его ошибка привела к тому, что труп всплыл у берегов Эссекса. Три недели до его ареста Хьюм использовал для проведения работ по дальнейшей очистке квартиры. Наконец он решил, что устранил абсолютно все следы убийства. Лишь когда были опубликованы номера банкнот Сетти, Хьюм понял, что ему не удастся избежать ареста. Тогда он стал придумывать свою первую версию — историю с Маком, Гри и Роем. Обнаружение следов крови было для него ужасной неожиданностью. Но это заставило придумать продолжение. "А разве оно мне не удалось?" — спрашивал он.

Ко времени опубликования беспримерно циничного признания Хьюм уже покинул Англию. Он появился в Цюрихе, выдавая себя за канадского летчика Бирда. В 1959 году его поймали при налете на банк, где он ранил кассира и застрелил шофера такси. Суд приговорил его к пожизненному заключению.

Признание Хьюма в июне 1958 года было запоздалым оправданием для Хамфриса, Бевериджа и его сотрудников. Для Кэмпса и Холдена оно имело тоже большое значение, так как показало, что их исследования и выводы были правильными.

24. Судебная медицина мира

В 1840 году один из первых судебно-медицинских журналов "Хенкес цайтшрифт фюр ди штаатсарцнайкунде" опубликовал

список лиц, посвятивших себя судебной медицине. Он включал двадцать два имени; то были французы, немцы, итальянцы, австрийцы и шотландцы. Все они жили в Европе, в центре научного мира тех лет. Спустя сто лет, на пороге второй половины XX столетия, многие судебно-медицинские журналы публиковали новые списки, в которых они пытались перечислять институты судебной медицины и судебных медиков мира. Им это уже не удавалось сделать. Их списки состояли из тысяч имен, и мир не ограничивался больше Европой, а охватывал всю Землю. Пусть страны, где зародилась судебная медицина, все еще проводили большую часть всех исследований и практических работ, пусть Париж, Лион, Лилль, Берлин, Лейпциг, Мюнхен, Гейдельберг, Кёльн, Эрланген, Гамбург, Вена, Грац, Инсбрук, Милан, Рим, Неаполь, Палермо, Эдинбург, Глазго считаются международными центрами научной работы судебной медицины, все же они только часть большой армии судебных медиков. За последнее время даже в Европе появилось много новых научных центров судебной медицины, которые подчас отличались более современными взглядами и оборудованием. Они находятся в Цюрихе, Базеле, Берне и Женеве, а также в Брюсселе, Льеже, в Мадриде, Валенсии, Барселоне, в Афинах, Любляне, а также в Бухаресте, Будапеште, Кракове, Лодзи. Они имеются в Хельсинки, Копенгагене, Осло и Стокгольме, в Москве и Санкт-Петербурге, Лондоне и Лидсе. Истинное распространение судебной медицины станет понятным лишь тогда, когда бросишь взгляд на другие континенты, на институты судебной медицины в Тегеране, Пекине, Шанхае, Токио, Фудзияме, Хиросиме, на Хоккайдо, в Осаке, Нагасаки, в Брисбене в Австралии и в Окленде в Новой Зеландии, в Маниле на Филиппинах, Каире и Иоганнесбурге в Африке. Пришлось бы заглянуть также в Южную Америку — от Буэнос-Айреса до Ла-Платы в Аргентине, в Монтевидео в Уругвае, в Сантьяго в Чили, в Каракас в Венесуэле, в Боготу в Колумбии, в Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Белу-Оризонти и Санта-Катарину в Бразилии. Наш взгляд проследовал бы в Квебек и Монреаль в Канаде и, наконец, в Бостон, Кливленд, Нью-Йорк, Балтимору Сан-Франциско и Лос-Анджелес в Соединенных Штатах Америки.

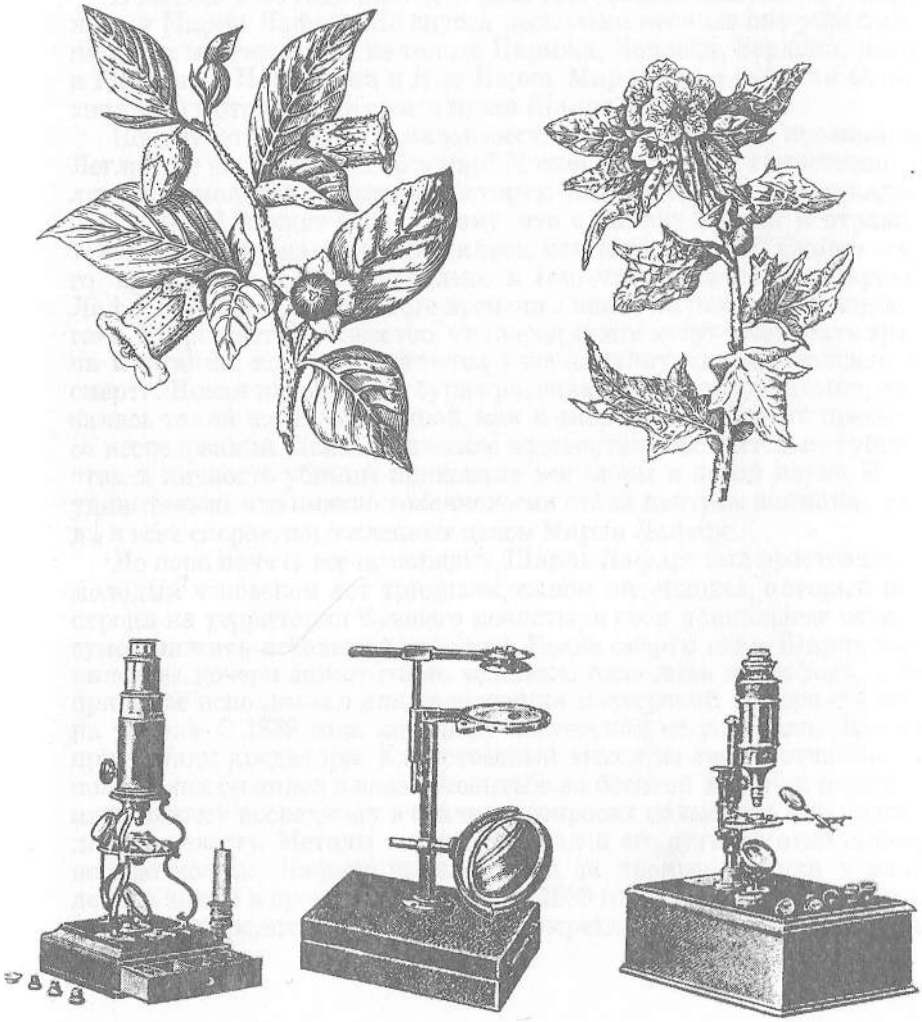
Но до сих пор именно США составляли исключение. Ровно тридцать лет после смерти Чарлза Норриса продолжалась борьба между медицинскими инспекторами и коронерами, между признанием значения судебной медицины для криминалистики и представлением, что любой врач может выполнять криминалистические экспертизы. Только семь американских штатов переняли тысячи раз проверенную систему судебных инспекторов Нью-Йорка. Только пять штатов отменили выборность коронеров и четыре ввели закон, что коронером может быть только медик. В преобладающей же части страны лицо судебной медицины представляли коронеры.

Еще в 1950 году из 70 коронеров в Висконсине 33 являлись хозяевами похоронных бюро, то есть так же, как и в годы "десятилетия бесправия". И все же коронеры уже были не те, что раньше. Растущее влияние последователей Норриса заставило провести некоторые реформы системы коронеров. Некоторые коронеры стали

настоящими судебными медиками. Например, Генри Туркель владел судебной медициной не хуже судебных медиков Старого Света. То же можно сказать о коронере Лос-Анджелеса, как и о Консалесе или Хельперне в Нью-Йорке, которые читали лекции студентам-медикам. Сюда следует отнести также бывших коронеров из Сан-Франциско и Лос-Анджелеса, как Ньюбарр, Мирс или Карр, которые основали преподавание судебной медицины в университетах Калифорнии. Аллан Мориц, основавший Институт судебной медицины при Гарвардском университете, преподавал судебную патологию в университете Кливленда вместе с коронером С. Гербером. Рихард Форд продолжил дело Морица в Гарварде и ежемесячно собирал в Бостоне полицейских со всей страны, чтобы продемонстрировать им значение судебной медицины. Такие же цели преследовали Рассел Фишер в Балтиморе и Тео Курфи на Лонг-Ислэнд. Они знали, что страна не будет копировать развитие судебной медицины Старого Света, а пойдет своим путем. С присущим этой стране оптимизмом они верили, что судебная медицина США рано или поздно внесет свой вклад в судебную медицину мира, как это случилось с общей медициной Америки, вклад которой во всемирную медицину увеличивается из года в год.

Нет сомнения, за сто лет судебная медицина стала всемирной наукой. Но это только одна сторона вопроса. Есть и другая сторона: с самого своего зарождения она научилась бороться и изменяться. На протяжении целой эпохи судебная медицина боролась, чтобы доказать своей "матери" — медицине, что у нее другое содержание и другие цели: стать мостом между медициной, с одной стороны, и юстицией, криминалистикой — с другой. В следующую эпоху она не без успеха объединила в себе все знания медицины, естествознания и, наконец, также техники, которые были ей необходимы для решения задач, поставленных криминалистикой, исследовала и развила их. Но к середине столетия она оказалась перед новыми требованиями криминалистики, которые не шли ни в какое сравнение с тем, что было когда-либо известно. Криминалистика требовала таких широких познаний в медицине, естествознании и технике, что, казалось, это требование разорвет рамки судебной медицины. То, что вызвало к жизни такие дела, как дело Дженни Дональд или Хьюма, — применение различнейших методов расследования с привлечением разных дисциплин, — принесло также и разочарование от несовершенства знаний, осветило современную картину состояния судебной медицины. Судебная медицина все больше стремилась к координации действий различных наук в интересах криминалистики, как этого хотел в 1934 году Сидней Смит. Правильный путь избрал датчанин Кнут Санд, который создал при Институте судебной медицины в Копенгагене "большой судебно-медицинский совет", куда входили специалисты всех отраслей медицины и естествознания. Этот совет собирался под председательством Санда каждый раз, когда возникала трудная криминалистическая проблема.

III. "Раскройте тайну яда!", или триумфы и заблуждения судебной токсикологии



1. Начальные представления о токсикологии. Дело Марии Лафарг

В начале 1840 года мало кто знал имя двадцатилетней француженки Марии Лафарг. Но спустя несколько месяцев оно уже было на устах многих людей не только Парижа, Лондона, Берлина, Вены и Рима, но и Петербурга и Нью-Йорка. Мир узнал о ней, как об обвиняемой в отравлении своего мужа Шарля Лафарга.

Почему эта смерть в малоизвестной французской провинции Легландье всколыхнула весь мир? Может быть, из-за таинственной личности молодой женщины, которую Лафарг привез в Легландье из Парижа? Может быть, потому что с давних времен к отравительницам окружающие относились, как к колдуньям? Скорее всего, причину надо искать только в том, что процесс над Марией Лафарг познакомил мир того времени с новой наукой — токсикологией. Впервые стало известно, что перед судом могут выступать врачи и химики, которые пытаются узнать тайну яда, приведшего к смерти. Новая наука, дитя бурно развивающейся общей химии, казалась такой же таинственной, как и смертельно опасный предмет ее исследований. Психологическое воздействие обстоятельств убийства и личность убийцы приковали все взоры к новой науке. И не удивительно, что именно токсикология стала центром внимания суда и всех споров, порожденных делом Марии Лафарг.

Но пора начать все по порядку. Шарль Лафарг был простоватым молодым человеком лет тридцати, сыном литейщика, который построил на территории бывшего монастыря свои плавильные печи и сумел нажить небольшой капитал. После смерти отца Шарль женился на дочери зажиточного человека, господина де Бофора, а ее приданое использовал для расширения мастерской. Вскоре его жена умерла. С 1839 года литейная мастерская не работала. Шарля притесняли кредиторы. Единственный выход из своего отчаянного положения он видел в новой женитьбе на богатой. И вот он поручил парижскому посреднику в брачных вопросах подыскать ему подходящую невесту. Методы сватовства, как и его суть, не отличались порядочностью. Лафарг выдавал себя за промышленника и владельца замка в провинции. В августе 1839 года он установил связь с приемными родителями двадцатичетырехлетней сироты по имени Мария Капель.

Мария Фортюнэ Капель была дочерью бедного, но болезненно гордого и честолюбивого полковника, служившего когда-то при Наполеоне. После его смерти и смерти его жены приемные родители Марии, зажиточные, но далеко не богатые парижские буржуа, воспитывали девочку в лучших школах, где она встречалась с дочерьми аристократов и богачей. Унаследовав болезненную гордость и честолюбие своего отца, она изображала из себя дочь богатых и знатных родителей. После окончания школы она продолжала жить в выдуманном ею мире. А так как она была слишком некрасива и бедна, чтобы найти в Париже блестящую партию, то со всевозрастающим озлоблением наблюдала, как ее подружки выходили замуж за дворян и переезжали в замки. Незадолго до появления в Париже Шарля Лафарга она сопровождала свою школьную подружку в замок виконта де Лото, с которым та была обручена. Во время их пребывания в замке у невесты исчезли драгоценности, и виконт просил шефа Сюртэ, Аллара, произвести расследование. Аллар пришел к выводу, что воровкой могла быть только Мария Капель. Но виконту такое подозрение показалось невероятным, он удержал Аллара от ареста Марии и дал ей возможность уехать в Париж. Там приемные родители встретили ее известием, что нашелся богатый жених.

Когда Мария увидела Шарля Лафарга, он показался ей отвратительным. Но сообщения о том, что он владеет замком, было достаточно, чтобы она подавила свои истинные чувства. Без колебаний она дала согласие на немедленную свадьбу. И сразу же супружеская чета покинула Париж. Марию сопровождала ее служанка Клементина. По дороге в Легландье Мария мечтала о том, как она наконец станет хозяйкой замка и сможет принимать у себя своих подруг.

Разочарование было беспредельным: Легландье — это печальный ландшафт, грязные улицы, вместо замка — полуразрушенное здание монастыря, мрачное, сырое, грязное, запущенное, полное крыс, которые шныряли по комнатам среди бела дня. Новые родственники Марии, внушавшие ей отвращение своей бескультурностью, встретили парижанку с глубоким недоверием. Вместо ожидаемого богатства на нее обрушилась тяжесть долгов. В первую же ночь по прибытии в Легландье Мария заперлась с Клементиной в одной из жалких спален и написала своему мужу письмо, в котором она заклинала его немедленно дать ей развод. Если он на это не согласен, то она выпьет мышьяк. Письмо было результатом столкновения мира ее мечты с действительностью. Но со временем она, видимо, успокоилась. Лафарг был готов на все, только не на развод. Он обещал Марии восстановить дом, купить ей верховую лошадь и нанять слуг.

Вскоре Мария написала своим родным и подругам письма, которые могли бы вызвать удивление у каждого, кто знал истинное положение вещей. Она хвасталась счастьем, которое нашла в Легландье. Казалось, она смирилась со своей судьбой и продолжала играть в обман и самообман. Неожиданно она перевела на имя Ла-

фарга часть своего небольшого капитала и написала рекомендательные письма, с которыми он поехал в Париж, чтобы собрать деньги для восстановления своего пришедшего в упадок хозяйства. Перед отъездом мужа в декабре 1839 года Мария неожиданно и без видимых на то причин написала завещание на случай своей смерти, завещая все свое имущество мужу, и потребовала, чтобы он сделал то же самое. Лафарг исполнил ее просьбу, но втайне от нее одновременно написал второе завещание, в котором завещал свое имущество матери.

В то время как Шарль находился в Париже, она писала ему полные страстной любви письма. В знак любви она послала ему свой портрет, нарисованный молодой, проживавшей у них художницей Анной Брён. Наконец, она попросила свою свекровь испечь для Шарля праздничные пирожки, чтобы он не остался в Париже без домашних сладостей. В письме сообщила ему, что к Новому году он получит пироги и в знак их тесной дружбы она тоже будет есть такие же пироги.

18 декабря в отель "Универ" Шарлю Лафаргу прибыла посылка. Но в ней были не обещанные пирожки, испеченные матерью Лафарга, а один большой пирог. Лафарг не обратил на это внимания и съел кусок. Вскоре у него начались страшные боли в животе, рвота и понос. Целый день он пролежал в постели, чувствуя страшную слабость. Так как похожие на холеру явления холерины в те времена были повседневным явлением, Лафарг отказался от врача. Испорченный пирог он просто выбросил.

3 января Шарль возвратился домой, но чувствовал себя все еще слабым и больным. Собранные им 28 000 франков и мысль, что он сможет оплатить самые неотложные долги, заставили его забыть о всех своих недомоганиях. Мария встретила его сердечно, уложила в постель, угостила дичью и трюфелями. Тотчас после еды у него повторились все явления "парижской болезни". Его рвало, он корчился от боли в животе. Ночью вызвали домашнего врача Барду, который тоже нашел холеру. Врач ничего не заподозрил, когда Мария попросила его выписать ей рецепт на мышьяк, объяснив это тем, что яд ей нужен для уничтожения мышей.

На следующий день Лафаргу стало хуже. У него сводило ноги, мучила страшная жажда, но любые напитки, которые ему давали, вызывали рвоту. Все члены семьи и многие родственники собрались у кровати больного. Мария давала мужу лекарства и напитки. Особенно часто она давала ему лекарство гуммиарабикум, которое якобы сама принимала и носила всегда с собой в маленькой малахитовой коробочке. Но и теперь никто ничего не подозревал, хотя силы покидали Лафарга. 10 января вызвали другого врача, Масена. Он также нашел, что у больного холера, и для поддержания организма прописал давать молоко с яйцами. Когда Мария готовила напиток, художница Анна Брён заметила, что она положила в него порошок из малахитовой коробочки. Спросив Марию, какое это лекарство, она услышала в ответ, что это сахар. После того как боль-

ной выпил несколько глотков, Анна Брён взяла стакан и увидела белые хлопья какого-то вещества, плавающего на поверхности молока. Ей показалось странным, что сахар не растворился в молоке.

С чувством еще не осознанного подозрения она показала стакан с хлопьями доктору Барду. Тот положил их на язык и почувствовал что-то жгучее, но объяснил, что это, наверно, известка, упавшая в молоко с потолка. Это объяснение показалось Анне странным, и она спрятала стакан с молоком с шкаф. С этого момента она наблюдала за Марией, где только могла. Вскоре она заметила, что Мария снова добавила в суп, который сварила мать Лафарга, какой-то белый порошок. После первого же глотка больной воскликнул: "О Мария, чем ты меня кормишь? Суп жжет как огонь!" Анна Брён спрятала также остаток супа и наконец поделилась своими подозрениями с матерью Лафарга, его сестрами и кузиной Эммой, которая одна из всей семьи питала симпатию к Марии и даже восторгалась ею.

Вечером 12 января у старых стен Легландье бушевала буря. Выли волки. Дождь лил как из ведра. Очень трудно представить себе настроение, царившее в это время в старом доме, когда к опасениям за жизнь больного прибавилось подозрение, что он является жертвой собственной жены. Мать Лафарга сидела с его сестрами в комнате больного, а кузина Эмма побежала к Марии, чтобы сказать ей о невероятном подозрении. Подозрение возросло, когда слуга Лафарга Дени сообщил женщинам, что Мария посылала 5 января садовника Альфреда, а 8 января его самого в Люберсак к аптекарю Эссартье за мышьяком для борьбы с крысами. Альфреду она дала рецепт доктора Барду. Ему же удалось получить без рецепта 64 грана мышьяка. Яд он передал Марии. Мать Лафарга опустилась на колени перед постелью сына и, молясь, заклинала его ничего не есть из рук своей жены.

Единственной, кто среди страхов и сомнений, казалось, не потерял самообладания, была Мария Лафарг. С высоко поднятой головой она вошла в комнату больного и велела позвать садовника Альфреда. Он подтвердил, что Мария передала ему мышьяк, купленный им, и мышьяк, купленный Дени, для изготовления ядовитой пасты против мышей, что он и сделал. Подозрения утихли. Но когда сестра Лафарга, Амена, на следующий день в стакане с сахарной водой, приготовленной Марией, обнаружила осадок, подозрения вспыхнули с новой силой. В ночь на 14 января в Легландье прибыл третий врач — Леспинас. Описание симптомов болезни Лафарга убедило его, что больной отравлен мышьяком. Но было уже поздно, и спасти больного не удалось. На рассвете 14 января Шарль Лафарг скончался.

Волнение, охватившее Легландье, не поддается описанию. И снова только Мария Лафарг сохраняла спокойствие и достоинство. В то время как повсюду распространялся слух, что Мария отравила мужа, она наедине со своей служанкой Клементиной готовила для себя траурный туалет. Одевшись во все черное и приведя в порядок свои бумаги, она направила нотариусу Лафарга завещание (не

зная, что оно недействительно). Кузина Эмма была единственной из всей семьи, кто желал и получил возможность встретиться с Марией. Мучаясь от сомнений, девушка сообщила, что деверь Лафарга поехал в Брив, чтобы заявить на нее в полицию и мировому судье. Все еще симпатизируя Марии и в то же время опасаясь, что в обвинениях есть доля правды, она, улучив момент, спрятала у себя малахитовую коробочку, опасаясь, что если там действительно мышьяк, то это может быть использовано против Марии. Она сделала это, не задумываясь, из любви к Марии. В это же время садовник Альфред, охваченный паникой, закопал в саду остаток мышьяка.

Такую ситуацию застал мировой судья Брива, Моран, прибывший вместе со своим секретарем Виканом и тремя жандармами 15 января в Легландье. Мария Лафарг предстала перед судьей в таком глубоком трауре, что в первый момент его охватило чувство сострадания к напрасно обвиненной. Неохотно он слушал жалобы семьи и механически упаковывал собранные Анной Брён вещественные доказательства: молоко, суп, сахарную воду и рвотную массу больного. Альфред после короткого допроса показал, где закопал остатки мышьяка. Кроме того, он дал дополнительные показания о том, что первый раз получил от Марии мышьяк для приготовления пасты не 5 января, как говорил раньше, а еще в середине декабря, после ее поездки в Люберсак. Крысы, однако, не ели его пасты, и она до сих пор была разбросана по всему дому. Моран велел собрать пасту и послал одного жандарма допросить аптекаря Эссартье. Жандарм вернулся с сообщением, под влиянием которого отношение Морана к Марии Лафарг полностью изменилось. Было установлено, что Мария действительно купила большое количество мышьяка 12 декабря, то есть накануне отправки посылки с пирогом, после получения которого Лафарг так неожиданно заболел в Париже. Затем 2 января Мария снова появилась в Люберсаке и снова купила мышьяк "против крыс". 2 января! Накануне возвращения Лафарга из Парижа домой!

Моран вызвал к себе лечивших больного врачей, которым поручил произвести вскрытие трупа и установить причину смерти. При этом он заявил им, что ему стало известно о возможности обнаружения яда не только в пище, но и в трупе отравленного мышьяком. Больших успехов в этой области достигли парижские профессора Девержи и Орфила. Моран спросил врачей, известно ли им об этом и в состоянии ли они применить соответствующим образом химический способ для обнаружения яда в трупе. Барду, Масена и Леспинас ничего не знали о достижениях парижских профессоров, но тщеславие не позволило им признаться в своей неосведомленности. Посовещавшись, они согласились произвести все необходимые исследования. Им только хотелось бы привлечь на помощь коллег Лафоса и д'Альбэя, так как они имеют большой опыт химических исследований.

2. Состояние науки о ядах в XIX веке. Аппарат Марша

Вернемся немного назад и посмотрим, что представляла собой в тот исторический момент токсикология как наука.

"Раскройте тайну яда, покажите ее, и отравительница будет повешена!" — воскликнул сто лет назад Генри Филдинг, организатор лондонской криминальной полиции боу-стрит-раннер. Он сказал это тогда, когда соседи обвинили одну вдову в отравлении своего мужа. Но боу-стрит-раннеры не нашли в доме вдовы яда и не доказали, что она когда-либо приобретала его. Имелась только одна возможность — обнаружить яд в трупе ее мужа. Но ни один из врачей, к которым обращался Филдинг, не был в состоянии это сделать.

Уже прошло тридцать лет с тех пор, когда знаменитый голландский криминалист Герман Бёрхав считал установленным, что различные яды, сгорая или испаряясь, "дают типичный для каждого яда запах". Поэтому он предложил класть на горячий уголь вещества, в которых предполагается наличие яда, и контролировать их запах. Бёрхав первым пытался разрешить проблему обнаружения яда химическим способом. Если до него и предпринимались попытки подобного рода, то только судебными медиками при вскрытии трупов. Они были еще далеки от печального опыта XIX и XX веков, доказавшего, что, за редким исключением, невозможно путем осмотра трупа установить отравление.

Со времен Древнего Рима врачи и юристы имели весьма смутные представления о симптомах отравления. Считалось отравлением, если тело имело "сине-черный оттенок или было покрыто пятнами" или же "плохо пахло". Обычные трупные явления древние квалифицировали как признаки отравления. Суеверием было предположение, что сердце отравленного не горит в огне.

С древних времен через всю историю идет поток отравлений, случайных и умышленных. Аристотель в Греции и Цельс из Рима знали несколько растительных ядов, таких, как цикута и белена. Но лучше всего они были знакомы с металлическим ядом — мышьяком, который на протяжении последующих столетий превратился в яд ядов. Хотя сурьма (антимон и антимонил), ртуть и фосфор собрали свой ужасный урожай смерти, все же изобретенный алхимиком арабом Гебером в его дьявольской кухне в VIII веке белый, не имеющий ни запаха, ни вкуса мышьяковистый ангидрид стал беспримерным орудием смерти. Сколько убийств, совершенных с его помощью, остались тайной! Отравления при дворе французского короля и в княжеских замках XIV века, среди князей итальянского Ренессанса и в папствах той же эпохи были повседневным явлением. В памяти людей продолжали жить такие убийцы-отравители, как папа римский Александр VI и его сын, а также мрачная личность XVII века Теофания ди Адамо, которая не только сама убивала своей водой "аква тофана", представлявшей собой раствор белого мышьяка, но и продавала этот смертельный напиток много-

численным убийцам. Белый мышьяк получил такое распространение, что его называли "наследственным порошком".

Все знали, что мышьяк не имеет ни запаха, ни вкуса и что его легко подмешать в суп, печенье и напитки. Почти каждый знал также, что симптомы отравления мышьяком мало отличались от очень распространенной в те времена болезни холера нострас и что у полиции и судьи не было возможности неопровержимо доказать, имело ли место отравление мышьяком, пока преступник сам не выдавал себя, слишком открыто приобретая яд или имея свидетелей отравления.

В начале XIX столетия Георг Адольф Вельпер, физик из Берлина, полагал, что труп отравленного мышьяком человека не подвержен разложению. Иоганн Даниель Метцгер, с 1779 года профессор медицины и судебной медицины в Кёнигсберге, описал синие пятна на коже трупа как типичный признак отравления мышьяком, приняв естественные трупные пятна за признак отравления. И все же именно в это время зародились первые признаки влияния приближающейся великой эпохи естествознания и в особенности химии на токсикологию.

Приблизительно в 1775 году первое основополагающее наблюдение сделал аптекарь шведского местечка Кёпинг Карл Вильгельм Шееле. Он установил, что белый мышьяк превращается в мышьяковистый ангидрид при добавлении к нему хлора или царской водки. Если эта кислота вступала в соприкосновение с металлическим цинком, то получался крайне ядовитый, пахнувший чесноком газ. Таким образом Шееле открыл газ — мышьяковистый водород, которому суждено было сыграть решающую роль в токсикологии. Через десять лет после этого прославившийся впоследствии создатель гомеопатии Самуил Ханеманн сделал открытие, что в подозреваемых жидких субстанциях, следовательно, и в содержимом желудка отравленного, мышьяк дает желтоватый осадок, если добавить немного соляной кислоты и сероводорода. Сероводород стал неотъемлемым реактивом для обнаружения металлических ядов.

В 1787 году Иоганн Метцгер, который так ошибался относительно трупных пятен, натолкнулся на примечательное явление. Когда он подогревал на углях субстанции, в которых подозревал наличие мышьяка, и держал над возникавшими при этом парами медную пластинку, то на ней оседал белый слой мышьяковистого ангидрида. Если же собрать белый мышьяковистый ангидрид в пробирку, добавить древесный уголь и нагреть пробирку, пока не загорится уголь, то пары ангидрида, проходя через уголь, превратятся снова в мышьяк, который осядет на более холодных стенках пробирки черными, черно-коричневыми металлическими пятнышками, так называемыми бляшками.

В 1806 году немец Валентин Розе, асессор медицинского коллегиума в Берлине, сделал серьезную попытку доказать наличие мышьяка в органах человека, если содержимое желудка уже не обнаруживало мышьяка, так как он был "резорбирован стенками

желудка". Розе разрезал желудок отравленного на куски и варил в дистиллированной воде. Полученную кашицу он многократно фильтровал. Затем он обрабатывал ее азотной кислотой, чтобы разрушить "органическую материю", то есть сам желудок, и получить чистую субстанцию самого яда. При этом Розе получал с помощью калия и раствора извести осадок, который высушивал и по примеру Иоганна Метцгера помещал в пробирку с древесным углем. Если имело место отравление, то мышьяковистый ангидрид при постепенном нагревании превращался в мышьяк в виде металлических бляшек.

Дальнейший путь развития токсикологии приводит нас из Германии во Францию. Здесь почетное звание родоначальника токсикологии завоевал Матье Жозеф Бонавантюр Орфила, прославившийся своими экспериментами и открытиями. Когда 26-летний Орфила опубликовал в 1813 году первую часть своего двухтомного труда "Яды и общая токсикология", к нему стали прислушиваться в Европе все врачи, юристы и полицейские, которым приходилось заниматься вопросом о ядах. Здесь речь идет о первой книге международного значения, в которой нашло отражение все, что в те дни было известно о ядах.

Орфила, родившийся в 1787 году на острове Минорка, должен был, согласно желанию его отца, стать служащим торгового флота Испании, но в молодости увлекся химией и медициной и учился вначале в Валенсии, а затем в Барселоне. Самостоятельно изучая публикации таких людей, как Лавуазье и Бертолле, он вскоре превзошел своих испанских учителей, продолжавших провозглашать давно устаревшие тезисы о четырех основных элементах мира: огне, земле, воздухе и воде. Его влекло в Париж. В 1811 году в Париже он стал доктором медицинских наук. В своей квартире на улице Круа-де-Пети-Шан Орфила оборудовал лабораторию и стал все больше и больше заниматься изучением ядов. В двадцать четыре года он открыл частные курсы по изучению ядов. Эти курсы произвели сенсацию своими экспериментами на животных. Такую же сенсацию вызвала его упомянутая выше книга, вторая часть которой была издана в 1815 году. А в 1817 году появилась вторая его книга — "Элементы прикладной химии в медицине и искусствах". В 1819 году Орфила был уже профессором медицинской (позднее судебно-медицинской) химии при университете Парижа. В 1821-1823 годах вышла в свет еще одна его книга — "Судебная медицина". С тех пор, помимо того, что он занимался судебной медициной и, как уже говорилось, был одним из величайших ее основоположников, он считался первым экспертом по ядам в Европе. В 1831 году он стал деканом парижского медицинского факультета.

Большая часть исследований Орфилы посвящена мышьяку. Он собрал и проверил на опыте все, что было известно уже во Франции и за ее пределами. На отравленных собаках он показал, что мышьяк из желудка и кишечника проникает в печень, селезенку, почки и даже в нервы. Следовательно, если в желудке не удавалось уже об-

наружить яд, нужно было искать его в других органах. Орфила усовершенствовал метод Валентина Розе. Он обрабатывал азотом ткань человека или животного до полного обугливания. Чем полнее разрушалась материя, впитавшая в себя яд, тем легче и убедительнее удавалось доказать наличие мышьяка. Это относилось также к исследованию содержания желудка и кишечника, в котором подчас было так много составных частей белка и жира, что они не позволяли выделить мышьяк. Методом Ханеманна здесь ничего нельзя было сделать. Сероводород мешал выделению мышьяка в виде желтого осадка. Больше того, имеются составные части желчи, которые под действием сероводорода дают желтый, растворимый в аммиаке осадок, который легко можно было принять за мышьяк, хотя его там не было.

Так давала о себе знать то возрастающая, то утихающая волна ошибок, которая сопровождала развитие как токсикологии, так и судебной медицины в целом. Орфила требовал, чтобы при доказательстве наличия мышьяка каждый желтый осадок, если он даже и растворялся в аммиаке, подвергался дополнительной проверке. Он считал мышьяк обнаруженным только в тех случаях, когда желтый осадок в подогретой колбе образовывал металлическую бляшку и когда с помощью реактивов удавалось доказать, что бляшка действительно состоит из мышьяка.

Но как ни велики были успехи Орфилы, он все время натыкался на препятствия, которые не мог преодолеть, и на проблемы, которые не мог разрешить. У некоторых животных, которым он на глазах учеников давал мышьяк, ему не удавалось обнаружить яд даже в самых отдаленных органах, несмотря на все его усилия. Почему? В чем причина? Подвергался ли яд в организме изменениям или выходил из организма с рвотной массой и поносом почти полностью, так что оставшиеся незначительные его следы невозможно было обнаружить существовавшим методом? Значит, нужно искать новые методы исследований, которые позволили бы обнаружить даже мельчайшие следы мышьяка.

Орфила был великим компилятором и экспериментатором, но не первооткрывателем, и новый метод был открыт неизвестным до тех пор химиком Королевского британского арсенала в Вулвиче, под Лондоном, Джеймсом Маршем.

Джеймсу Маршу было сорок два года, когда в 1832 году ему пришлось разбирать дело об умышленном отравлении. Вблизи Вулвича, в Плумстеде, при странных обстоятельствах умер зажиточный фермер по имени Джордж Бодл. Смерти предшествовали рвота, понос, слабость, боли в животе. Первые симптомы заболевания появились вскоре после того, как он выпил свой утренний кофе. У его жены, дочери, глухонемой внучки и у служанки Софии Тэйлор тоже начались боли в животе, но все обошлось благополучно.

У мирового судьи Слейка и местного констебля Морриса сразу возникли подозрения. Они знали семью Джорджа Бодла. Пострадавший — восьмидесятилетний старик — тиранил родных. Его сын

Джон Бодл (прозванный средним Джоном), живший у отца со своей семьей как батрак, ждал с нетерпением кончины старика. А внук умершего, молодой Джон, тунеядец, был постоянно стеснен в деньгах.

Когда служанка София Тэйлор рассказала, что молодой Джон неожиданно появился утром на ферме в день заболевания старого Бодла и изъявил желание (чего раньше никогда не было) набрать из колодца воду для кофе, подозрения мирового судьи усилились. Подозрения усилились еще более, когда Слейку рассказали о разговоре молодого Джона с матерью. Были сказаны такие слова: "Лучше бы старик умер. Тогда мы имели бы пару тысяч фунтов в год". Вскоре стало известно, что накануне молодой Джон дважды покупал в аптеке мышьяк "для борьбы с мышами".

Слейк приказал упаковать кофейник и распорядился произвести вскрытие трупа хирургу Батлеру, который кофе и внутренние органы старого Бодла передал химику Джеймсу Маршу. Неохотно взялся Марш за дело. Он изучил методы доказательства наличия мышьяка, которые были выработаны в Германии. В кофе и в содержимом желудка он наткнулся на следы мышьяковистого ангидрида: желтый осадок, растворимый в аммиаке. Ему удалось доказать, что речь идет об умышленном отравлении, и молодого Джона обвинили в убийстве. Но во время суда в Медистоуне, который начался 12 декабря 1832 года, победило уже известное нам недоверие английской общественности к полиции и к научным доказательствам.

Для присяжных "желтый осадок", "сероводород" и "аммиак" были непонятными вещами, от которых несло дьявольской кухней. Они хотели "видеть" мышьяк. Под истерическое торжество зрителей они вынесли обвиняемому оправдательный приговор. Спустя десять лет оправданный, будучи осужден за жульничество и вымогательство на семь лет тюремного заключения, признался в убийстве деда. Гордость Джеймса Марша была так уязвлена оправдательным приговором, что он уже в декабре 1833 года приступил к поискам метода, с помощью которого можно было бы показать наличие мышьяка.

В библиотеке арсенала Марш наткнулся на работы аптекаря из Кёпинга Карла Вильгельма Шееле, умершего сорок семь лет назад, и познакомился с процессом возникновения мышьяковистого водорода. Выводы, к которым пришел Марш, были поразительно просты. Если содержащая мышьяк жидкость, в которую добавили серную или соляную кислоту, приходила в соприкосновение с цинком, то цинк превращал воду этой жидкости в водород. Мышьяк, соединяясь с водородом, давал мышьяковистый водород, который поднимался в виде газа. Если этот газ пропускать по трубке и нагревать, то он снова распадался на водород и мышьяк и металлический мышьяк можно было уловить и собрать.

Марш изготовил стеклянную трубку дугообразной формы, один конец которой был открыт, а второй кончался остроконечной форсункой. В той части трубки, которая кончалась форсункой, он укре-

пил кусочек цинка, а в другую, открытую часть наливал испытываемую жидкость (подозрительный раствор или экстракт из содержимого желудка), обогащенную кислотой.

Когда жидкость достигала цинка, то достаточно было даже невероятно малых следов мышьяковистого ангидрида, чтобы образовался мышьяковистый водород, который покидал трубку через форсунку. Марш поджигал газ, держа над пламенем холодную фарфоровую чашечку. Металлический мышьяк оседал на фарфоре в виде черных пятнышек. Этот процесс можно было продолжать до тех пор, пока весь мышьяк из исследуемой жидкости не будет собран в фарфоровую чашечку. Данный способ оказался столь чувствительным, что самые незначительные количества мышьяковистого ангидрида, растворенного в жидкости, давали видимый невооруженным глазом мышьяк в форме бляшек.

Когда в октябре 1836 года Марш опубликовал в "Эдинбургском философском журнале" статью о своем изобретении, он не мог и предполагать, что обессмертил свое имя как автор метода обнаружения мышьяка, как автор решения самой жгучей проблемы токсикологии. Орфила был достаточно дальновидным, чтобы, несмотря на свое высокомерие и тщеславие, первым признать большое значение аппарата Марша. В Париже разгорелось соревнование за открытие новых тайн мышьяковистого ангидрида с помощью аппарата Марша. Врачи и химики, такие, как Девержи, Оливье, Барруэль и Распай, соревновались с Орфилой, которому первым удалось устранить некоторые трудности применения аппарата Марша для иследования экстрактов желудка, печени, селезенки и других органов. Экстракты этих органов, не освобожденные от белка, жира и "других материй", пенились и препятствовали образованию газа. Орфила дополнил метод обугливанием при помощи азотной кислоты, которая разрушала абсолютно все "животные материи" и полностью очищала исследуемый материал.

Всеобщее беспокойство охватило химиков Парижа, когда в 1838 году выяснилось, что аппарат Марша показывал мышьяк даже тогда, когда исследованию подвергались свободные от мышьяка растворы. Распай и Орфила сумели найти объяснение этому явлению. Они установили, что в цинке и в серной кислоте, с которыми они экспериментировали, имелись примеси мышьяка. Невероятное распространение мышьяка в природе, которое еще не раз будет ставить в тупик токсикологов, предостерегающе давало о себе знать. Очевидно, следовало прежде всего проверять, не содержат ли в себе мышьяк реактивы, с помощью которых производились поиски яда, иначе можно было допустить роковую ошибку. Пришлось пережить еще немало драматических минут, когда эксперименты с аппаратом Марша все чаще обнаруживали мышьяк там, где его меньше всего ожидали. Химик Куэрбэ исследовал кости трупов, где не могло быть отравления мышьяком, и нашел его. Он сделал вызвавшее тревогу заявление, что мышьяк так распространен в природе, что какая-то часть его содержится даже в организме человека. Орфила

согласился с этим утверждением. Речь шла о следах мышьяка в костях человека, что не влияло на обнаружение яда в других органах. Являлся ли мышьяк естественной составной частью костей или появлялся в них в результате посмертных процессов?

Не меньшие проблемы возникали при исследовании земли на мышьяк. Аппарат Марша показал, что во многих местах земля содержит мышьяк, и прежде всего на кладбищах Парижа. А если земля кладбища содержит мышьяк, то не может ли он оттуда попасть в трупы, а следовательно, при подозрении в отравлении эксгумация трупа может привести к неправильным выводам. Не приводил ли созданный для обнаружения убийц-отравителей аппарат Марша все к новым и новым заблуждениям? Не давал ли он, наконец, в руки убийц и их адвокатов возможность оспаривать правильность токсикологической экспертизы, обнаружившей яд в их жертвах?

Орфила употребил всю свою энергию и все свои возможности для разрешения этой проблемы. Он исследовал кости трупов и убедился, что Куэрбэ прав. Существовал, так сказать, "естественный" мышьяк. Но был ли он составной частью организма?

Орфила добыл кости трупов из департамента Сомм, в земле которого содержался мышьяк, и предпринял многочисленные эксперименты. Им были подвергнуты изучению земли кладбищ. В процессе исследований Орфила обнаружил мышьяк в земле кладбища Монпарнас, на полях, где высевалась обработанная мышьяковистым ангидридом пшеница. Но везде мышьяк превращался в окисленную мышьяком известь, нерастворимую в воде, так что вряд ли он мог попасть в трупы из сырой земли кладбища. Орфила пришел к выводу, что мышьяк кладбищенской земли не может быть занесен в труп, тем более если гроб не имеет повреждений. Он не мог знать, что проблема эта и столетием позже все еще не будет окончательно разрешена. Однако, учитывая загадки, которые повсеместно ставит перед человеком природа, он рекомендовал в каждом отдельном случае исследовать на мышьяк землю, окружающую могилу.

Таково было состояние токсикологии к 16 января 1840 года, когда мировой судья Моран поручил исследовать на мышьяк труп умершего два дня назад Шарля Лафарга.

Настал час, когда открытие Марша достигло мировой известности, а токсикология заняла умы мировой общественности.

3. Методы определения яда в теле потерпевшего. Орфила

В архивах не сохранились материалы, из которых было бы видно, при каких обстоятельствах врачи д'Альбэй, Масена, Барду, Лафос и Лесшинас приступили в Бриве к поискам яда. Но доклад, переданный ими следователю 22 января 1840 года, освещает всю эту историю.

Врачи ограничились тем, что изъяли из трупа желудок и перевязали оба его конца грубым шнуром, чтобы не вытекло содержимое. Останки трупа они захоронили на кладбище Рэйнак. Кроме желудка, врачи исследовали все вещественные доказательства, изъятые Мораном в Легландье.

Хотя со дня открытия Джеймса Марша прошло уже четыре года, известие о нем еще не достигло французской провинции. Все, что врачам удалось найти в старых книгах о мышьяке, было описанием методов обнаружения мышьяка, сделанного много десятилетий назад Ханеманном и Розе.

При добавлении в молоко, суп и сахарную воду раствора сероводорода образовался большой желтый осадок, который растворился в аммиаке. Итак, сделали вывод врачи, здесь содержится мышьяк в больших количествах. Часть содержимого желудка и часть размельченного желудка Леспинас и Масена обработали азотной кислотой, добавили раствор сероводорода и снова получили известный желтый осадок. Они положили его в пробирку с углем и стали нагревать. Но их отчет об этом эксперименте кончался словами: "...получился взрыв, потому что по неосторожности пробирка оказалась герметически закупоренной, и мы не смогли получить никакого результата". И все же они утверждали, что содержимое желудка и сам желудок "показывали мышьяковую кислоту" и "смерть Шарля Лафарга наступила в результате отравления мышьяковой кислотой". Исследование противокрысиной пасты и мышьяка, который был спрятан садовником Альфредом, привело к неожиданным результатам. В обоих случаях не удалось обнаружить мышьяк. Это был тоже белый, но безвредный порошок каустической соды.

У следователя было столько оснований подозревать Марию Лафарг, что доклад врачей легко убедил его в ее вине, особенно отсутствие мышьяка в пасте для крыс. Само собой напрашивалось предположение, что Мария Лафарг использовала мышьяк для убийства мужа, а ничего не подозревавшему садовнику дала для пасты каустическую соду и муку. Если у Морана и были кое-какие сомнения, то 24 января они рассеялись. В этот день в его руки попала малахитовая коробочка, в которой Мария Лафарг держала якобы безвредное лекарство. Леспинас нагрел часть порошка из коробочки на горячих углях. Появился резкий запах чеснока. В коробочке был мышьяк.

25 января в Легландье появились жандармы и препроводили Марию и ее служанку Клементину в тюрьму Брива. На следующий день все газеты уже были полны сообщений об умышленном отравлении-убийстве в Легландье. Родители Марии наняли самого знаменитого парижского адвоката, мэтра Пайе, чтобы он любым способом защитил Марию.

Но прежде чем Пайе приступил к своей работе, произошла еще одна неожиданность. Виконт де Лото, прочитав газеты, вспомнил о пропаже бриллиантов в его замке. Подозрение, которое высказал шеф Сюртэ Аллар, не казалось ему теперь таким абсурдным. Он по-

требовал обыскать дом в Легландье, и там сразу обнаружили пропавшие бриллианты.

Но Мария заявила, что ее подруга сама отдала ей бриллианты для продажи, так как нуждалась в деньгах, чтобы откупиться от шантажировавшего ее тайного любовника по имени Клавэ. Вся эта история была одной из тех выдумок, которые уже с давних пор стали ее второй натурой. Пока шли приготовления к процессу по обвинению ее в убийстве мужа, Мария в начале июля предстала перед судом в Бриве за воровство. Она так ловко притворялась невинно преследуемой, что многие газеты встали на ее сторону и обвиняли во всем графиню де Лото. Суд, однако, не поддался влиянию игры подсудимой и приговорил ее за кражу к двум годам тюрьмы. Это событие, собственно не играющее большой роли, послужило тому, что дело Лафарг стало известно далеко за пределами Франции и задолго до начала процесса по делу об убийстве, который должен был состояться не в Бриве, а в Тюле, все комнаты в гостиницах этого города и его окрестностей были уже сданы. Со всей Европы сюда съехались журналисты и любопытные, чтобы увидеть, как будут судить Марию Лафарг.

3 сентября 1840 года, в жаркий солнечный день, целая рота солдат окружила здание суда, чтобы сдерживать натиск толпы. Те, кому удалось попасть в зал, с любопытством взирали на обвиняемую, появившуюся на скамье подсудимых, несмотря на жару, во всем черном. На первый взгляд она производила на зрителей впечатление святой невинности, и присутствующие разделились на два лагеря.

Речь прокурора Деку раскрыла большую драму. Мотивы, побудившие Марию Лафарг убить своего мужа, были у прокурора как на ладони. Муж Марии, простоватый человек, еще в Париже произвел на нее отталкивающее впечатление и стал совершенно невыносимым, когда она познакомилась с его хозяйством в Легландье. Если она не хотела всю жизнь влачить жалкое существование и отказаться от своей гордой мечты, то должна была избавиться от мужа. Мария сразу стала готовить все для убийства. Она стала изображать перед мужем и окружающими растущую в ней любовь к нему, чтобы его смерть не вызвала против нее подозрений. Двустороннее завещание — это ход конем, чтобы после смерти Шарля завладеть Легландье, превратить его в состоятельное поместье и подыскать для себя подходящего мужа.

Поездка Шарля в Париж предоставила возможность для нанесения первого удара. Испеченные матерью Лафарга пирожки Мария заменила отравленным пирогом и отправила в Париж. Помимо Марии в упаковке пирога принимала участие только Клементина, а она была полностью предана своей госпоже. Достаточно было попробовать пирог, чтобы заболеть, притом симптомы болезни типичны при отравлении мышьяком. К сожалению, пирог выбросили.

Попытка убийства в Париже не увенчалась успехом, потому что Лафарг съел слишком мало пирога. Тогда обвиняемая снова попыталась приобрести мышьяк, но безуспешно. Правда, у нее еще было

достаточно мышьяка, чтобы отравить обед вернувшегося домой мужа. Он снова заболел. 4 января ей удалось получить рецепт на четыре гарана мышьяка, а несколько дней спустя через слугу Дениса она стала обладательницей еще большего количества яда. Садовнику она поручила приготовить из мышьяка пасту для крыс, вручив ему порошок каустической соды, а настоящий мышьяк спрятала в своей малахитовой коробочке, которую носила все время с собой, и подмешивала яд в напитки для мужа, пока тот после десяти дней борьбы со смертью не умер. "К счастью, — сказал в заключение Деку, — химическая наука пришла на помощь следствию и предоставила возможность доказать преступление, обнаружив яд в самой жертве. Наступило новое время, когда преступление не останется безнаказанным. Представители этого нового времени, врачи из Брива, предстанут перед господами судьями и присяжными и помогут восторжествовать справедливости".

Несмотря на эти слова прокурора, делу Марии Лафарг, может быть, и не пришлось бы стать драматической премьерой токсикологии, но свою роковую роль сыграл случай. Он заключался в том, что мэтр Пайе, защитник Марии, в то же время был адвокатом "короля токсикологии" Орфилы.

Пайе сразу понял, что против его подзащитной имеется достаточно много улик, но самая большая опасность заключалась в том, что в теле Шарля Лафарга может быть обнаружен яд. Если в наличии яда удастся убедить судей и присяжных, то мало надежды на оправдание Марии Лафарг. Но если удастся поколебать убедительность доказательств наличия яда, то Мария Лафарг еще может быть спасена.

Как только Пайе получил данные о химических исследованиях в Бриве, он отправился к Орфиле за советом. И Орфила вооружил его для борьбы с провинциальными врачами.

Недостаточность знаний и небрежность врачей из Брива чувствовались в каждой строке их заключения. Желтый, растворимый в аммиаке осадок? Орфила повел Пайе в свою лабораторию и показал ему желтые осадки, в которых не было и следа мышьяка. Он показал ему, что даже осаждение металлических бляшек в колбах еще ни о чем не свидетельствует, если их не подвергнуть дальнейшему исследованию на мышьяк. В Бриве колба взорвалась, прежде чем образовались бляшки мышьяка. Кто при таких обстоятельствах осмелился утверждать наличие мышьяка? Подобное могло бы еще иметь место до изобретения Маршем аппарата, но теперь, в 1840 году, ничего не знать об аппарате Марша и без него пытаться доказать наличие мышьяка — это по крайней мере наглость. Позднее Орфила в письменной форме раскритиковал исследования, осуществленные в Бриве, и предоставил этот документ в распоряжение Пайе.

Так подготовился Пайе к встрече 3 сентября 1840 года с врачами д'Альбэем и Масеной, пришедшими в зал суда, чтобы ознакомить суд со своими исследованиями. Незадолго до начала разбора дела

случай привел к защитнику свидетеля, который наблюдал крайнюю небрежность, проявленную врачами из Брива в обращении с материалом исследования трупа Лафарга. Они даже не нашли нужным хранить желудок Лафарга в чистом сосуде. Секретарь следователя несколько дней держал его просто в ящике стола, прежде чем врачи приступили к исследованиям.

Д'Альбэю и Масене недолго пришлось наслаждаться вниманием публики, которая не без содрогания впервые слышала, как желудок был разрезан и из него выделен яд.

Пайе слушал их, предвкушая удовольствие. Не успели они закончить, как он поднялся и стал забрасывать остолбеневших от неожиданностей врачей вопросами, слышали ли они об Орфиле. Конечно, они читали произведения Орфилы. Так, воскликнул Пайе, какие произведения? Может быть, вышедшие двадцать лет назад? Может быть, господам врачам не известно, что с тех пор многое изменилось? Может быть, господа когда-нибудь слышали о Джеймсе Марше и его аппарате, с помощью которого осуществляется выделение мышьяка?

Судьи, присяжные и публика с удивлением смотрели на бледного Масену, когда тот признался, что имя Марша ему не знакомо. Тут Пайе зачитал заключение Орфилы, где он обвинял врачей Брива в невежестве и небрежности. Пайе потребовал, чтобы в суд был приглашен Орфила.

Какое-то мгновение царила полная тишина, а затем раздался гром аплодисментов. Председатель суда де Барни с трудом восстановил порядок. Сбылось то, что предсказывал прокурор Деку: проблема научного доказательства отравления стала центральным вопросом судебного процесса, правда, несколько не в том плане. Бледный и взволнованный Деку предложил сделать перерыв. Когда судебное разбирательство возобновилось, он уже снова пришел в себя и заявил, что обвинение нисколько не сомневается в виновности Марии Лафарг и не возражает, чтобы были проведены химические исследования по методам Орфилы и Марша. Однако обвинение не считает необходимым беспокоить ученого из Парижа. Прокурор пригласил двух аптекарей Дюбуа (отца и сына) и химика Дюпюитрена из Лиможа. Все трое готовы повторить исследования новыми методами.

Пайе протестовал, но безуспешно. Он снова требовал пригласить Орфилу. Провинция уже доказала свою несостоятельность. Суд, однако, принял предложение прокурора.

Процесс продолжался. Внимание всех было обращено на дальнейшее развитие химического исследования. Присутствующие с нетерпением ожидали результатов новых экспериментов.

Наконец 5 февраля в зале суда появились оба Дюбуа и Дюпюитрен. Когда все трое вошли в зал, никто не подозревал, что они, как писала одна газета, "принесли с собой сенсацию". Первым выступил Дюбуа-отец и передал суду половину исследуемого материала "на случай, если потребуются дополнительные исследования". Затем он

представил свой отчет. Внимание исследователей было сконцентрировано на желудке и его содержимом. Дюбуа прочитал целый доклад об аппарате Марша, расхваливая его достоинства, но умолчав при этом, что он и его коллеги сами сделали аппарат и впервые, не имея ни малейшего опыта, использовали его.

После такого вступления Дюбуа торжественно и многообещающе обратился к присяжным: "Мы применили различные способы и главным образом те, что указаны в трудах Орфилы". Он подробно рассказал, как проходил эксперимент. Затем торжественным голосом закончил: "Мы пришли к выводу, что представленный нам материал не содержит ни капельки мышьяка!"

Судебный протокол отмечал: "Последние слова привели аудиторию в неописуемое волнение... Мадам Лафарг поднялась со своего места, сложила руки и подняла глаза к небу". Посыльные поспешили с известием о результатах исследования на ближайший телеграф в Бордо. Заголовки всех газет были посвящены токсикологии. Пайе "плакал от радости и триумфа".

Однако триумф его был преждевременным. Хотя для прокурора такой результат был неожиданностью, он все же не терял времени зря и сам попытался разобраться в работах Орфилы и Девержи, чтобы на всякий случай не оказаться безоружным. Он теперь знал, что иногда не удается обнаружить яд в желудке, зато его можно найти в печени и других органах. Прежде чем торжествующий победу Пайе сообразил, что происходит в зале суда, прокурор Деку несколькими вопросами втянул в жаркий спор старого Дюбуа и врачей из Брива, осуществивших первую экспертизу и профессиональная честь которых была затронута. Некоторые замечания Дюбуа задели Масену, и наоборот. Для прокурора этого было достаточно, чтобы заявить: "Мы здесь ищем истину, а не удовлетворения самолюбия. Нам нужна наука исключительно ради торжества справедливости..." Известно ли экспертам, что при отсутствии яда в желудке и его содержимом парижские специалисты исследуют печень и другие органы? Было ли это известно Дюбуа и Масене или нет? Оба в один голос заявили, что известно, и сразу же согласились на предложение прокурора Деку совместными усилиями произвести третью экспертизу, попытаться обнаружить яд в других органах Шарля Лафарга.

Адвокат Пайе протестовал, но бесполезно.

"Лавина новых наук обрушилась на суд, — писал в тот день корреспондент из Парижа. — Ее не остановить, пока не будет установлена истина..."

Пока эксперты отправились в Легландье, процесс буквально черепашьими шагами продвигался вперед.

Суд пытался выяснить, как отравленный пирог попал в посылку, отправленную в Париж, почему в малахитовой шкатулочке обвиняемой находился мышьяковистый ангидрид. Мария Лафарг клялась в своей невиновности, но это уже не имело значения, так как все ждали результата третьей экспертизы.

Врачи из Брива сделали для себя выводы из прошлых ошибок. Каждый извлеченный из тела Шарля Лафарга орган они поместили в отдельный "чистый сосуд", поспешно изучили последние публикации Орфилы, не забыли взять пробы земли кладбища и описать состояние гроба.

8 сентября врачи возвратились в Тюль и принесли два запакованных ящика в зал суда, "чтобы суд убедился в правильности хранения материалов исследования". Результаты анализов ожидали 9 сентября.

Еще день и ночь! Что они принесут с собой?! Наконец утром 9 сентября в зале суда появились врачи и аптекари в сопровождении химика Дюпюитрена. Все взоры устремились на мадам Лафарг, но она сохраняла спокойствие. Докладывал господин Дюпюитрен. Он долго и подробно объяснял весь процесс исследования и наконец заключил: "Мы не обнаружили никаких следов мышьяка". Масена добавил: "Сегодня я впервые работал с аппаратом Марша и, как и мои коллеги, совершенно убежден, что яда нет..."

Адвокат Пайе с неописуемым удовлетворением воскликнул: "Весь труп подвергся анализу, и не найден ни один атом мышьяка! К этому можно было бы прийти несколько месяцев назад, и не было бы никакого дела Лафарг".

Новость сразу же стала известна на улице. Повсюду слышались возгласы одобрения. Все, в том числе и Пайе, находясь под впечатлением результатов исследований, забыли о яде, который был обнаружен в напитках, приготовленных Марией Лафарг для мужа. Но прокурор об этом не забыл. Он потребовал, чтобы напитки и содержимое малахитовой коробочки Марии Лафарг тоже подверглись анализу в аппарате Марша. Пайе не возражал. Он был уверен, что врачи, признавшие свои ошибки, и на этот раз не обнаружат яда. Ведь они уже однажды нашли мышьяк, где его не было! Так как для этого эксперимента не нужны были какие-либо приготовления, его можно было сделать за несколько часов. За работу взялись оба Дюбуа.

Заседание суда было прервано, и протокол отмечал: "Мадам Лафарг удалилась, благодаря всех присутствующих очаровательной улыбкой за проявленную к ней симпатию".

Снова росло напряжение. Но его нельзя было сравнить с напряжением прошлых дней. Лафаргисты чувствовали какое-то опьянение от победы. После обеда суд заслушал экспертов.

Они появились в зале с мрачными лицами, и Дюбуа медлил с докладом. Затем неуверенным голосом он сказал, что везде он и его коллеги обнаружили мышьяковистый ангидрид. В одном молоке было так много мышьяка, что им "можно было отравить десять человек".

Прокурор вскочил со своего стула. "Этот результат, — воскликнул он, — доказывает правильность моей настойчивости. Я уверен, что эта женщина отравила своего мужа". Он потребовал приглашения Орфилы, чтобы тот сделал свое заключение, ведь защита неод-

нократно требовала привлечения к экспертизе Орфилы. Его мнение для защиты имеет решающее значение.

Пайе действительно ничего не оставалось, как согласиться. Он был глубоко убежден, что Орфила, чьим методом пользовались врачи, не обнаружившие мышьяка в трупе Лафарга, также не обнаружит яда. Он даже надеялся, что Орфила докажет ошибочность анализа напитков, в которых обнаружен яд.

Утром 13 сентября в Тюль из Парижа прибыл Орфила. Он потребовал, чтобы все участники прежних исследований присутствовали в качестве свидетелей его работы, и пользовался материалами исследований и реактивами прежних экспертов, чтобы никто не заподозрил, что он привез из Парижа реактивы, содержащие мышьяк. Пока он работал в одном из залов Дворца юстиции, все двери были закрыты и охранялись. Орфила экспериментировал всю ночь с 13 на 14 сентября. О ходе эксперимента не поступало никаких сообщений. Напряжение вылилось в протесты у здания суда. Но лишь вечером 14 сентября Орфила появился в зале суда. Оба Дюбуа, Дюпюитрен и врачи из Брива следовали за ним с опущенными головами.

"Мы пришли, — заявил Орфила, — отчитаться перед судом". Затем после небольшого вступления он произнес слова, которые заставили остолбенеть весь зал: "Мы докажем, во-первых, что в теле Лафарга имеется мышьяк; во-вторых, что он не мог попасть туда ни из реактивов, которыми мы пользовались, ни из земли, окружавшей гроб; в-третьих, что найденный нами мышьяк не является естественной составной частью любого организма".

Адвокат Пайе, обхватив обеими руками голову, не в силах был постичь, как мог Орфила, "его" Орфила, нанести ему этот неожиданный удар. С трудом он слушал его дальнейшие показания. Орфила, производя исследования, превратил в экстракт все, что еще осталось от желудка и его содержимого, обрабатывая его в аппарате Марша. Вскоре появились бляшки мышьяка. Проба с окисью серебра подтвердила, что это действительно мышьяк. Затем из всех остальных органов от печени до мозга был изготовлен и исследован другой экстракт. Аппарат Марша и здесь дал хотя и в небольших количествах, но, несомненно, мышьяк. Наконец Орфила с помощью азотной кислоты обуглил все осадки, оставшиеся в фильтрах при изготовлении экстрактов. Из получившегося нового экстракта он снова выделил мышьяк, притом в двенадцать раз больше, чем в предыдущих экспериментах.

Исследование проб земли не обнаружило мышьяка. Мышьяк, следовательно, не мог попасть в труп из земли кладбища.

Так как естественный для человеческого организма мышьяк обнаруживается только в костях, то и о нем здесь не может идти речь.

И наконец, Орфила дал свое заключение в отношении ошибочных результатов предыдущих экспертиз. Первая экспертиза проводилась устаревшим способом, а вторая неумело. Аппарат Марша очень чуткий, и нужно уметь с ним работать.

Председатель суда задал Орфиле только один вопрос: считает ли он, что обнаруженного мышьяка достаточно для убийства человека? Орфила ответил, что этот вопрос можно решить только с учетом всех обстоятельств: симптомов заболевания, фактов приобретения яда и наличия отравленных напитков.

Было около семи часов вечера, когда Орфила покинул зал суда. Де Барни, опасаясь нападения на Орфилу лафаргистов, приказал двум жандармам проводить его в Париж. Объяснения Орфилы вызвали шок у всех присутствующих. Пайе ничего не мог сказать. В первый раз Мария потеряла выдержку. Ее отвели в тюрьму, где она, обессиленная, разболелась так, что пришлось на два дня прервать судебное разбирательство.

Адвокат Пайе в своей речи перед судом пытался доказать, что Мария Лафарг слишком благородная натура, чтобы в ее душе могла зародится мысль об убийстве мужа. 19 сентября присяжные удалились на совещание. Спустя час они объявили, что признают Марию Лафарг виновной. Вскоре был оглашен приговор: "Пожизненные каторжные работы". Король Луи-Филипп заменил их пожизненным заключением. В октябре 1841 года мадам Лафарг была доставлена в тюрьму Монпелье, где она провела десять лет. Затем ее, заболевшую туберкулезом, освободили, и через несколько месяцев она умерла, так и не признав своей вины.

В первые годы после процесса далеко не все верили в объективность приговора. Между лафаргистами и антилафаргистами продолжалась упорная борьба. Во Франции и в других странах Европы раздавались протесты и издавались на эту тему книги. Их заглавия свидетельствовали о том, с какой страстностью боролись эти два лагеря. Например: "Лукавая воровка и коварная отравительница" или "Мария Лафарг невиновна!"

Но так как в центре судебного процесса стоял вопрос о доказательстве наличия яда и новая наука токсикология, то именно они стали центром последовавших за процессом споров. Там, где важность проблемы не дошла до сознания общественности, она обратила на себя внимание в результате этих ожесточенных споров. В дни великих поисков неизвестного и неисследованного, которыми характеризуется первая половина XIX столетия, взоры многих врачей, химиков и фармацевтов были прикованы к предмету жарких споров, к науке о ядах. Молодые химики устремились в Париж, чтобы стать учениками Орфилы и других французских токсикологов.

Настал век научной судебной токсикологии.

4. Открытие ядовитых растительных алкалоидов

Уже с момента зарождения судебной токсикологии исследователи ядов чувствовали неумолимость закона, который преследовал и будет еще сто лет преследовать развитие судебной медицины. Они уже поняли, что каждый шаг вперед хотя и приносит успех, но в то

же время ставит перед учеными новые проблемы. Ведь пока они раскрывали тайны одной группы ядов, их собственный учитель, естествознание, обнаруживал все новые яды или даже создавал их.

Еще Орфила, изучая главным образом металлические и минеральные яды, обратил внимание на некоторые растительные яды, известные человеку уже много веков. В то время как борьба за раскрытие тайн мышьяка и параллельно раскрытие тайн антимона (сурьмы), свинца, ртути, фосфора, серы и многих других металло-минералогических ядов увенчалась успехом, маленькая группа известных растительных ядов превратилась в необъятный таинственный мир.

Начало изучению этих ядов положил немецкий аптекарь Зертюрнер, когда в 1803 году он выделил из опиума морфий. В последующие годы естествоиспытатели и фармацевты выделяли прежде всего из экзотических растений все большее и большее число ядов. Так как все эти яды имели общие черты, то есть были щелочеподобны, они и получили название "алкалоиды". Все растительные алкалоиды действуют на нервную систему человека и животных. В малых дозах они действуют как лекарство, а в значительных дозах — как смертельный яд. В 1818 году Каванту и Пелётье выделили из рвотного ореха смертельный яд — стрихнин. В 1820 году Десоссе нашел в хинном дереве хинин, а Рунге — кофеин в кофе. В 1826 году Гизеке открыл кониин в кониуме (болиголове). Поссель и Райман в 1828 году выделили из табака никотин. В 1831 году Майн получил из красавки атропин. Приблизительно две тысячи различных растительных алкалоидов — от кокаина, гиосциамина, гиосцина и колхицина до аконитина — ожидали своих первооткрывателей. Прошло некоторое время, и первые алкалоиды покинули маленькие лаборатории ученых и нашли путь к врачам, химикам, аптекарям и, наконец, попали в руки более широкому кругу людей. Само собой получилось так, что в первое время не только их целебными, но и ядовитыми качествами воспользовались врачи. Вскоре эти яды попали в преступные руки, следствием чего явилось все увеличивающееся число убийств, совершенных при их помощи. С каждым убийством и самоубийством становилось яснее и яснее, что растительные яды приводят к смерти, не оставляя в своей жертве следов, так как их невозможно обнаружить подобно мышьяку и другим металло-минералогическим ядам.

15 ноября 1823 года перед судом присяжных выступал генеральный прокурор Франции де Брое. Это была его обвинительная речь против молодого парижского доктора Эдмэ Кастэна, сидевшего на скамье подсудимых с самоуверенным видом и обвинявшегося в убийстве при помощи морфия двух своих друзей.

"Если, — воскликнул де Брое возмущенно, — закон считает невозможным доказать наличие смертельного яда в деле об умышленном отравлении, то следовало бы ввести новый параграф в уголовный закон! Этот параграф должен быть сформулирован так: "Так как растительные яды не оставляют следов, то убийство при их помощи не подлежит наказанию..." Нам следовало бы на будущее

предупредить убийц: вы, убийцы, не пользуйтесь мышьяком и другими металлическими ядами. Они оставляют следы. Используйте растительные яды! Травите своих отцов, травите своих матерей, травите всех своих родственников, и наследство будет вашим. Ничего не бойтесь! Вам не придется за это нести кару. Нет никакого состава преступления, потому что его невозможно установить..." И взволнованный де Брое продолжал: "Никто не будет застрахован от отравления, если такое жуткое убийство при помощи растительного яда останется безнаказанным..."

С 10 по 14 ноября 1823 года выступило много врачей в качестве экспертов обвинения в процессе по делу доктора Эдмэ Кастэна. Среди них были знаменитости парижской медицины, такие, как профессор Мажандье и профессор Леанек, вошедший в историю медицины как изобретатель стетоскопа. Все они занимались вопросом, убил ли доктор Эдмэ Кастэн своих друзей, братьев Ипполита и Огюста Балле, прописывая им большие дозы нового лекарства морфина, ради овладения их состоянием?

Было доказано, что Ипполит скончался на своей парижской квартире на руках Кастэна 5 октября 1822 года, будучи совершенно здоровым человеком. Установлено, что погрязший в долгах Кастэн 14 октября вдруг расплатился со всеми долгами, одолжил своей матери 30 000 франков и на 10 000 франков приобрел акции.

Было доказано, что брат Ипполита, Огюст, скончался тоже на руках у Кастэна в гостинице "Тэт нуар" в Сен-Клу 2 июня 1823 года после неожиданно начавшейся рвоты, парализующей слабости, с едва прослушиваемым пульсом и странно суженными зрачками.

Все попытки парижских врачей и химиков, таких, как Шосье Пельтан, Лермье, Сегал, Мажандье, Вокелин и Барруэль, обнаружить морфий в содержимом желудка Огюста Балле, не дали положительных результатов. Представленный ими 15 июля 1823 года доклад был доказательством их полной неспособности обнаружить растительный алкалоид. Путем выпаривания, фильтрования, насыщения магнезией, при помощи спиртового раствора они пытались получить экстракт содержимого желудка, который пробовали языком, пытаясь на вкус установить горький яд. Горечь морфия казалась им лучшим критерием доказательства. Для сравнения вкуса они изготовили раствор морфия, воды и спирта. Горечь им установить так и не удалось, о чем они и доложили 15 июля.

Генеральный прокурор де Брое смирился с тем, что химическое доказательство морфия невозможно. Но когда начался суд над Кастэном, он надеялся, что медицинские эксперты по крайней мере сообщат о том, как морфий действует на человека, какая его доза является смертельной, какие симптомы характерны для отравления морфием и не совпадают ли они с симптомами предсмертной болезни Огюста Балле. Кроме вышеназванных врачей и химиков, он пригласил поэтому в качестве экспертов также докторов и профессоров Леанека, Пигаша, Мишеля, Пети и Бальзака — воистину весь цвет медицины Парижа! Но их появление перед судом привело

только к тому, что все воочию убедились во всеобщей беспомощности перед феноменом растительных алкалоидов.

В будущем будет установлено, что, несмотря на индивидуальные особенности, 1 гран морфия смертелен для человека. Смерть при отравлении морфием обычно наступает, как и у Огюста Балле, при рвоте, слабости, тяжести в мышцах, потере сознания, параличе центральной нервной системы, иногда сопровождаемыми сильными судорогами. Верным признаком отравления морфием будет считаться определенное сужение зрачков.

Но на судебном процессе по обвинению Кастэна профессор Леанек заявил, что некоторые люди переносят 100 гран морфия, в то время как другие умирают от 10 гран. Сегал считал 8 гран смертельной дозой. Пигаш указывал на сужение зрачков как на признак отравления. Его поддерживал Мажандье. Шосье и его сторонники, напротив, утверждали, что отравление морфием вызывает расширение зрачков. Когда же де Брое обратил его внимание на то, что Пигаш и Мажандье придерживаются другого мнения, Шосье небрежно ответил: "Может быть, но у меня больше опыта. Я не интересуюсь, что говорят мои коллеги, я руководствуюсь своими знаниями".

Этот жалкий двухдневный спекталь заблуждений, неведения и беспомощности вселял все больше надежд в Кастэна и его защиту. Не удивительно, что прокурор де Брое страстно заклинал присяжных не поддаваться влиянию противоречивых заявлений врачей и химиков. "Подумайте о довлеющей тяжести другого обвинительного материала и не вдохновляйте своим оправдательным приговором других убийц последовать примеру Кастэна".

Де Брое победил. Вечером 17 ноября 1823 года Эдмэ Кастэн был признан присяжными виновным в убийстве Огюста Балле.

Но смертный приговор Кастэну не помешал тому, что беспомощность врачей и химиков перед растительными ядами, продемонстрированная на разборе этого дела, стала известна сначала в Париже, затем во всей Франции, а вскоре и во всей Европе. Не известно число жертв растительных ядов, погибших или по неопытности врачей, или от рук убийц, более ловко, чем Кастэн, скрывших следы своих преступлений.

Правда, к 1850 году токсикологам удалось найти несколько химических реактивов, при помощи которых можно было доказать наличие алкалоидов, если они были в чистом виде или в относительно чистых растворах. Дубильная кислота, сулема и другие реактивы образовывали в подобных растворах осадок или вызывали помутнение. Путем большого количества опытов были обнаружены некоторые реактивы, вызывавшие при наличии определенных алкалоидов характерные изменения в цвете. Стоило, например, добавить к раствору морфия несколько капель азотной кислоты, как он принимал красноватый оттенок. Но кто, где и когда в сомнительных случаях смерти сталкивался с чистыми субстанциями (веществами) примененного растительного яда? Где и когда удавалось еще

застать яд в напитках или подобных растворах? Почти всегда растительные алкалоиды спрятаны глубоко в теле трупа, в его органах, впитавшись в "животную материю", как любил говорить Орфила. И каждый раз приходилось убеждаться в невозможности выделить растительные яды из этой материи, как это удавалось сделать при отравлении мышьяком и другими металлическими или минеральными ядами. С разрушением "животной материи" разрушались и алкалоиды.

В 1847 году, после бесчисленных экспериментов над животными, отравленными растительными алкалоидами, Орфила жаловался, что, видимо, никогда не удастся разгадать тайны причин смерти жертв растительных ядов. Он не знал, что лишь три года отделяют его и его современников от открытия, которое революционизирует токсикологию больше, чем аппарат Марша, и тем самым войдет в историю.

5. Метод Стаса по выделению растительных алкалоидов из органов человека и животных

Поздним вечером 21 ноября 1850 года пастора общины Бури, что расположена между бельгийскими городами Монс и Турнэ, посетили три девушки и молодой человек. Это были кучер Жиль, горничная Эммеранс Брикур и две няни: Жюстин Тибо и Вирджини Шавалье. Все они работали в близлежащем замке Битремон. Замученные угрызениями совести, они решили обратиться к пастору за советом. Накануне, 20 ноября вечером, в огражденном от мира каменными стенами и рвами замке произошли события, которые заставили их содрогнуться.

То, что сообщила Эммеранс Брикур, говоря от имени всех, было достаточно странным, странным даже для замка Битремон, который уже давно имел худую славу у населения Эннегю. Многие в округе верили в рассказ, будто тридцатилетний хозяин замка, граф Ипполит Визар де Бокармэ, в детстве был вскормлен львицей и с молоком львицы всосал в себя всю злость своей жестокой кормилицы.

Бокармэ был сыном голландского наместника на Яве и его жены-бельгийки. После прибытия в Старый Свет он заинтересовался естественными науками, сельским хозяйством и взялся за управление замком Битремон.

В 1843 году Бокармэ женился на горожанке Лиди Фугни, предполагая, что она богата. Отец Лиди, аптекарь в Перувелз, имел двоих детей, Лиди и болезненного сына Гюстава. Лишь после женитьбы Бокармэ на Лиди выяснилось, что состояние Фугни было в значительной мере переоценено. Итак, теперешняя графиня получала лишь ежегодную ренту в 2000 франков, которых было слишком мало для больших запросов молодоженов.

За несколько лет Битремон стал местом беспримерной хозяйственной запущенности, а дикие кутежи, оргии, охота и множество слуг привели графскую чету к огромным долгам. После смерти старого Фугни ежегодная рента графини поднялась до 5000 франков, но этих денег супругам не хватало. Чтобы не потерять владения, нужно было немедленно покрыть самые срочные долги. В 1849 году такой возможности уже не было. Ситуация была столь отчаянной, что Бокармэ брал взаймы даже у своих слуг. Последней надеждой графской четы была смерть брата Лиди, Гюстава, главного наследника Фугни. Если он умрет холостым, то наследницей его состояния станет графиня.

Гюстав, перенесший ампутацию голени, был очень болезненным. Передвигался он только на костылях. Расчет на его скорый конец имел под собой почву. Но с весны 1850 года вдруг распространился слух, что Гюстав собирается жениться. И действительно, выяснилось, что он купил родовой замок обедневшей дворянской семьи и помолвлен с его хозяйкой мадемуазель де Дюдзеш. С ноября 1850 года стало точно известно, что вскоре состоится их бракосочетание, а следовательно, наступит крах всем надеждам супругов Бокармэ на наследство Гюстава Фугни.

В тот вечер 21 ноября, когда пастор слушал рассказ горничной Эммеранс Брикур о невероятных ужасах, происходящих в замке, Гюстава Фугни уже больше суток не было в живых. Он не смог жениться. Он был мертв.

С вечера 20 ноября голый труп его лежал в комнате Эммеранс, с ранами на щеках и с черным, сожженным ртом.

Эммеранс, однако, рассказывала так: утром 20 ноября пришло известие, что в полдень в замке появился Гюстав, чтобы сообщить родственникам о предстоящей свадьбе. После этого произошло что-то странное. Графских детей покормили не в большой столовой, как обычно, а на кухне. По прибытии Гюстава графиня сама подавала на стол. С наступлением темноты Эммеранс услышала в столовой какой-то шум, как будто что-то упало на пол. Сразу же после этого раздался приглушенный голос Гюстава Фугни: "Ах-ах, пардон, Ипполит..." Эммеранс бросилась в столовую, но ей навстречу выскочила графиня и закрыла перед ней дверь. Графиня побежала на кухню и вернулась в зал с сосудами, наполненными горячей водой. Тут же она стала звать на помощь Эммеранс и кучера Жиля. Она объяснила: "Гюставу плохо. Идите помогите нам. Мне кажется, он умер. Его хватил удар".

Слуги застали Гюстава лежащим на полу столовой. Он был мертв. Граф Бокармэ находился в состоянии наивысшего возбуждения. Вымыв окровавленные руки, он приказал Жилю принести из подвала винный уксус и снять одежду с умершего. Стаканами он лил в рот Гюстава уксус и велел, чтобы уксусом полили также весь труп. Графиня отнесла одежду брата на кухню и бросила ее в кипящую мыльную воду. Жиля заставили еще несколько раз полить труп уксусом и затем отнести его в комнату Эммеранс на кровать. До полуночи графиня мыла пол в столовой, где умер Гюстав, его ко-

стыли сначала промыли, а затем сожгли. Рано утром граф появился с ножом и стал скоблить доски пола. Эта работа продолжалась до полудня. Лишь затем, обессилев от усталости, супруги улеглись спать, а слуги, собравшись с духом, отправились в Бури. И вот они пришли и спрашивают пастора: "Ради бога, что нам делать?"

Пастору не пришлось отвечать на этот вопрос. Не успела Эммеранс закончить свой рассказ, как появился общинный писарь и сообщил, что завтра из Турнэ приедет следователь. Даже до Турнэ дошли слухи, что Гюстав Фугни умер странной смертью.

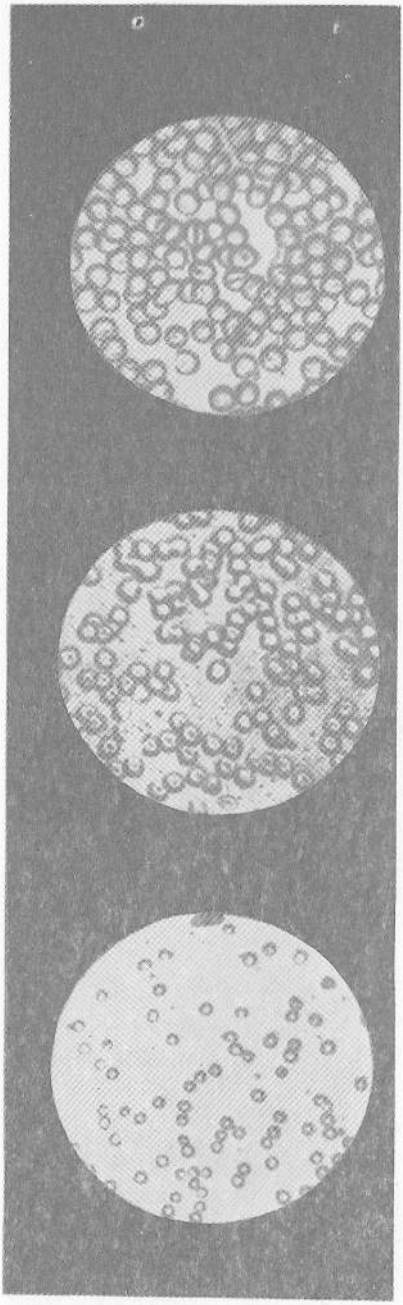
Поздним вечером 22 ноября прибыли следователь Эжебаер, три жандарма, хирурги Марузэ, Цуд и Косс, а также писарь общины Бури. Эжебаер так мало верил слухам, что оставил жандармов в Бури и отправился в замок лишь с писарем и врачами. Однако его сомнения очень скоро сменились подозрениями. Бокармэ долго не принимал следователя, и прошло много времени, прежде чем он появился. Камин столовой был забит пеплом, в котором виднелись остатки сожженной бумаги и книг. Тут же лежали ободранные с досок пола стружки. Неохотно показали умершего. Графиня отказалась открыть занавески, затемнявшие комнату. Следователь зажег свет и сразу увидел раны на лице Гюстава Фугни. Бокармэ безуспешно пытался скрыть повреждения на своих руках. Следователь приказал врачам тут же вскрыть труп и установить, умер ли этот человек естественной смертью.

Через два часа врачи доложили о результатах своего обследования. Мозг пострадавшего был совершенно здоров. О каком-либо приступе не могло быть и речи. Рот, язык, горло и желудок умершего свидетельствовали об ожоге химическим веществом, так что врачи пришли к заключению, что Гюстав Фугни скончался от едкой жидкости, залитой ему в рот. Они допускали, что могла быть применена серная кислота. "Смерть наступила в результате ожога рта и пищевода", — заключили они.

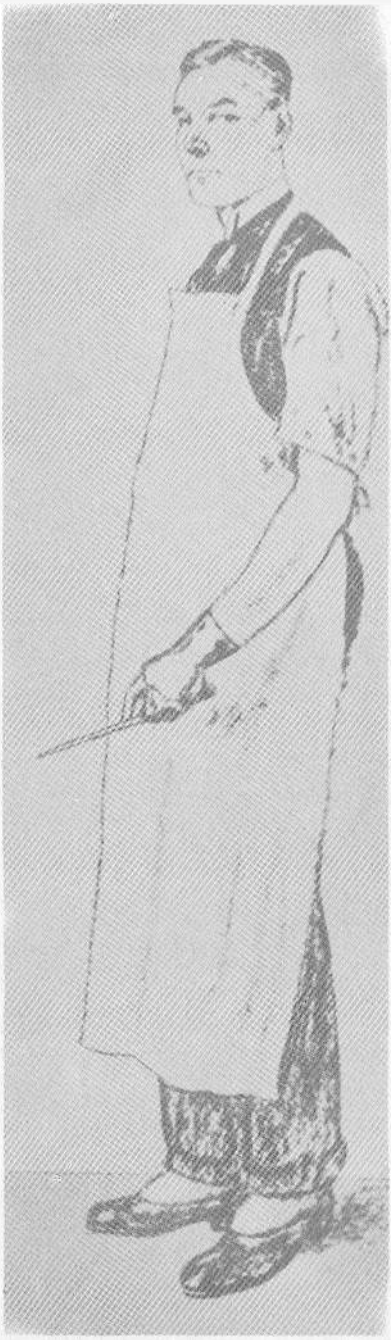
Следователь Эжебаер распорядился, чтобы все необходимые для химического исследования органы трупа были изъяты. Он сам присутствовал при изъятии языка, пищевода, желудка, кишечника вместе с их содержимым, печени и легких. Все было уложено в сосуды, залито спиртом и запечатано. Секретарь суда и жандарм должны были тотчас доставить эти сосуды в Турнэ. Два других жандарма арестовали графа и графиню Бокармэ.

Сразу же по возвращении в Турнэ Эжебаер нанял карету, погрузил в нее собранный для исследования материал и поспешил в Брюссель в Военную школу, где с 1840 года работал профессор химии, имя которого стало известно следователю при случайном изучении одного химического журнала. Это был Жан Серве Стас.

Стасу было тридцать семь лет, когда Эжебаер поручил ему экспертизу, выполнение которой принесло химику всеобщую известность. Фламандец по рождению, Стас изучал медицину и химию сначала в своем родном городе Лёвене. На чердаке дома своих родителей Стас построил маленькую лабораторию, приборы для которой

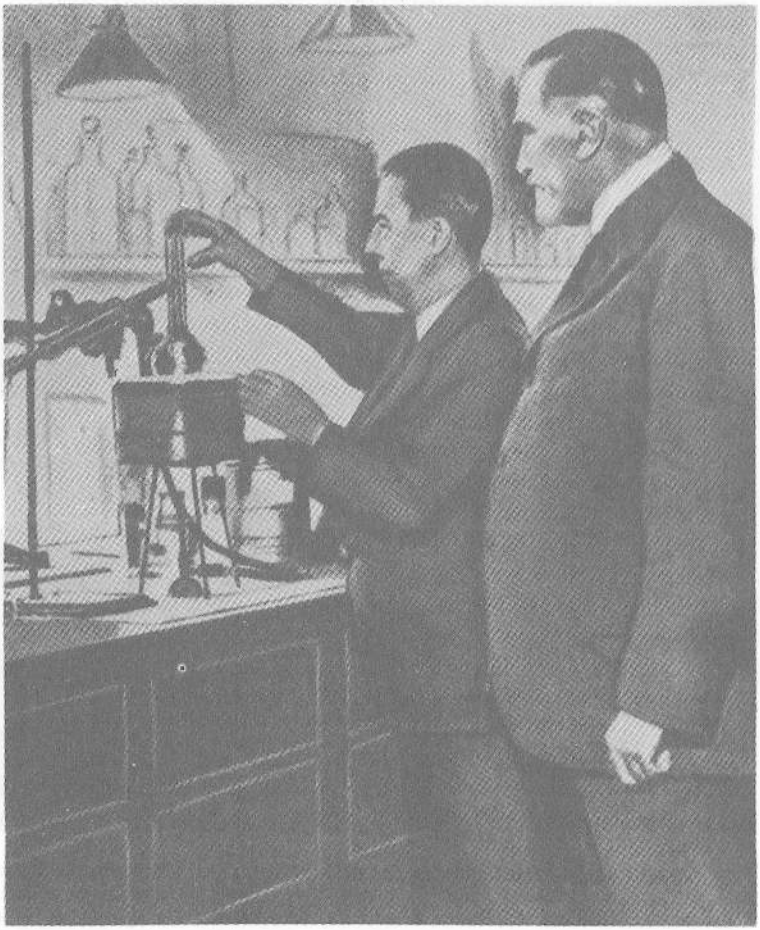


В 1901 году исполнилось сто лет с тех пор, как судебные медики начали бороться за криминалистическую оценку следов крови, обнаруженных на месте происшествия. Им удалось выработать методы, при помощи которых можно установить, являются ли пятна кровью, если даже речь шла о старых, засохших и изменивших цвет пятнах. Но отличить кровь человека от крови животного они не умели. Теоретически красные кровяные тельца животного можно под микроскопом отличить от человеческих по их форме и размеру (справа: увеличенные в тысячу раз кровяные тельца крови, снизу вверх — человека, свиньи, козы). На практике же засохшие кровяные тельца теряют свои характерные признаки. Поэтому открытие возможности отличать не только кровь человека от крови животного, но даже устанавливать, какому животному принадлежит данная кровь, сделанное немецким ученым Паулем Уленгутом (вверху) в 1901 году, имело большое значение для судебной медицины.

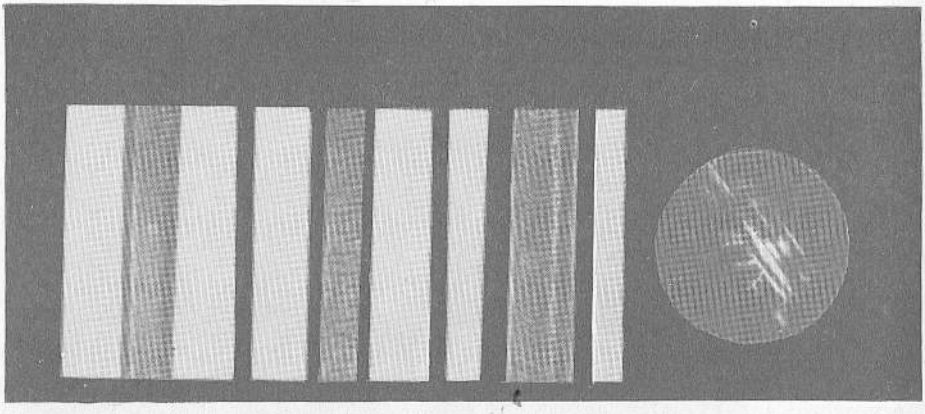


Уильям Уилсокс (вверху) и Бернард Спилсбери, патологоанатомы госпиталя святой Марии в Лондоне, своими исследованиями внесли ясность по делу об убийстве Коры Криппен. Уилсокс доказал наличие яда гиосцина в останках трупа, обнаруженного в подвале дома. А Спилсбери при помощи тончайшего микроскопического исследования операционного шрама на кусочке кожи доказал, что речь идет о трупе Коры Криппен. Эти исследования сделали Бернарда Спилсбери звездой английской судебной медицины.

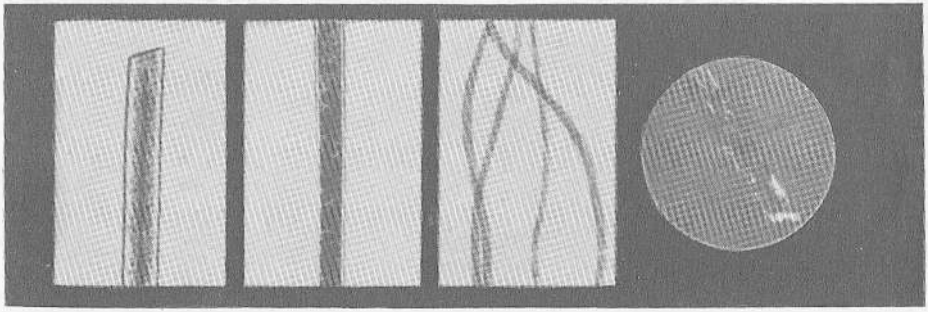
В 1929 году житель Лейпцига некий Эрих Тецнер (внизу слева) убил встретившегося ему на дороге ремесленника, поместил труп на место водителя своей машины и поджег ее (вверху: машина, в которой совершено преступление, и обвиняемые супруги Тецнер). Инсценируя свою смерть как результат несчастного случая, Тецнер хотел получить страховую сумму. Решающую роль в раскрытии преступления сыграл профессор Рихард Кокель (1865—1934), который был одним из ведущих немецких судебных медиков в период между двумя мировыми войнами. Он боролся за более тесное сотрудничество судебных медиков с полицией и за применение новых естественно-научных и технических методов.



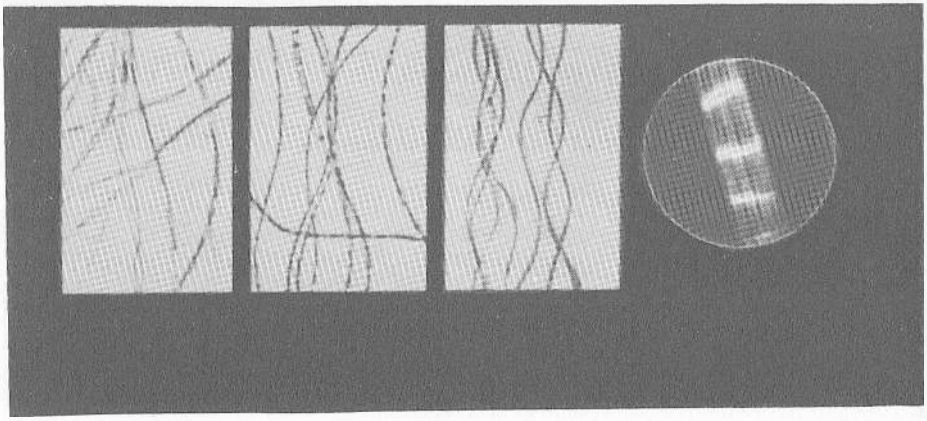
Судебная медицина зародилась в Европе. Лишь после первой мировой войны Соединенные Штаты Америки сделали первые скромные шаги в этой области. Переселенцы из Англии привезли с собой в Новый Свет старую английскую систему коронеров. Заключение о причине скоропостижной смерти — убийство ли это, самоубийство или естественная смерть — было делом избранного местным населением коронера и нескольких присяжных. Медицинских познаний от них не требовалось. Нераскрытыми оставались тысячи убийств. Причиной тому были некомпетентность коронеров и нажим политиков. После того как в 1877 году в Бостоне коронеров заменили имевшими медицинское образование медицинскими инспекторами, этому примеру последовал в 1918 году Нью-Йорк (где за год совершалось по 6000 убийств). Первым начальником медицинских инспекторов Нью-Йорка был Чарлз Норрис (1867—1934), которого мы видим на иллюстрации справа. Рядом с ним — один из его первых сотрудников, токсиколог Александр О. Геттлер. Норрис заложил основы развития судебной медицины в Соединенных Штатах.



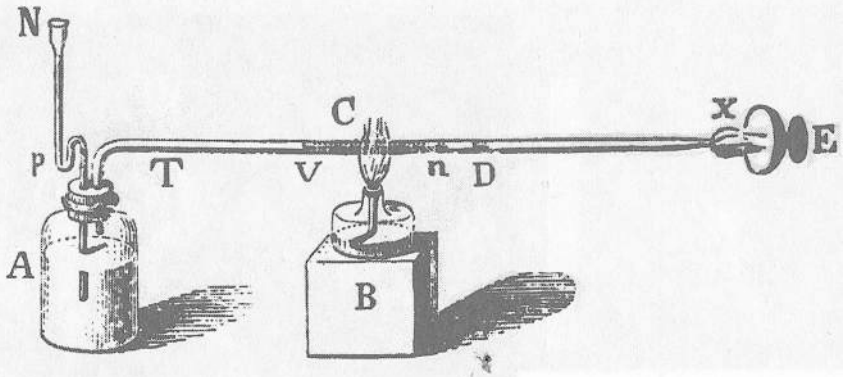
Исследование волос, найденных на месте преступления, может о многом сообщить следователю. На иллюстрации изображены волосы человека, кошки и кролика, а также джутовая нить (справа в кружочке) под микроскопом.



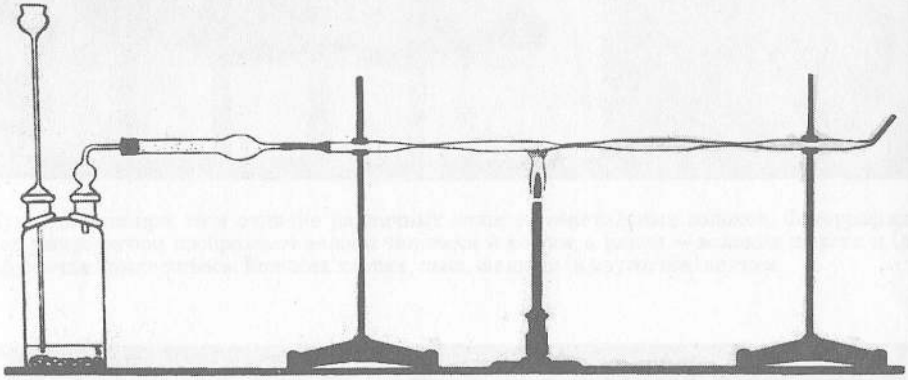
Существенно при этом отличие различных волос от текстильных волокон. Фотографии под микроскопом изображают волосы человека и кошки, а рядом — волокна шерсти и (в кружочке) лыко кокоса. Волокна хлопка, льна, шелка и (в кружочке) пеньки.



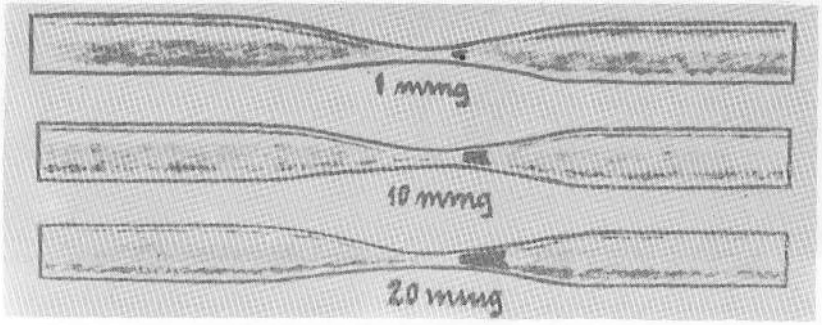
Одним из выдающихся основоположников токсикологии в истории криминалистики стал парижский судебный медик и хирург Орфила (1787—1853). На протяжении многих десятилетий он работал над созданием химических методов определения наличия яда в теле отравленного и умел доказать отравление даже через много лет после смерти потерпевшего. Его исследования доказали виновность Марии Лафарг.



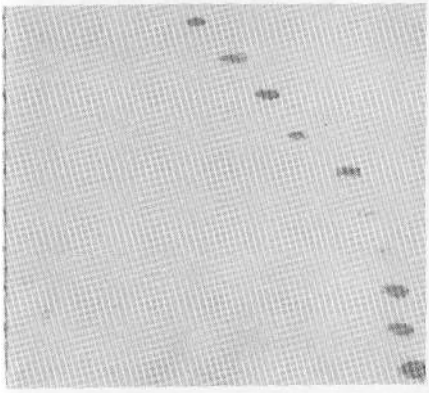
Первым эпохальным открытием в области токсикологии стало открытие английского химика Джеймса Марша в 1836 году. На иллюстрации – первый аппарат Марша. При его помощи можно было обнаружить мышьяк в жидкости тела и в экстрактах из тканей пострадавшего. Мышьяк выпадал в конце аппарата в фарфоровую чашечку в виде бляшек.



При помощи дальнейших усовершенствований аппарат позволял также определить количество введенного в организм мышьяка (внизу).

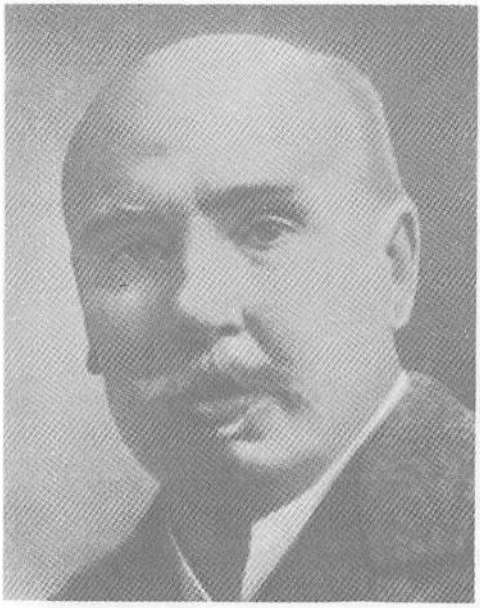


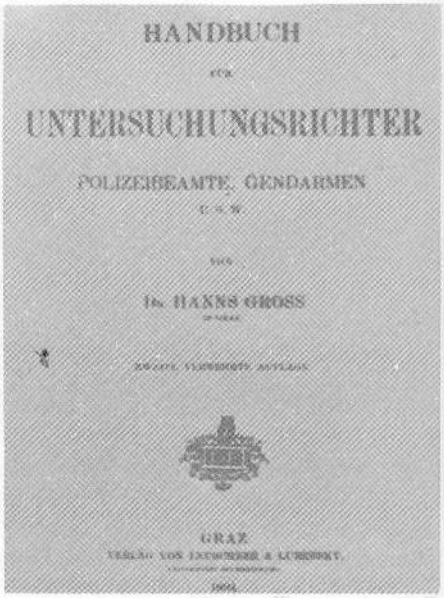
Выдающимся нововведением в области токсикологии после второй мировой войны стало применение бумажной хроматографии для выделения и определения ядов. Хроматограмма (внизу) показывает сверху вниз отчетливо выделенные из раствора снотворные: люминал, веронал, диал, сонерил, проминал и еще пять других препаратов барбитуровой кислоты.



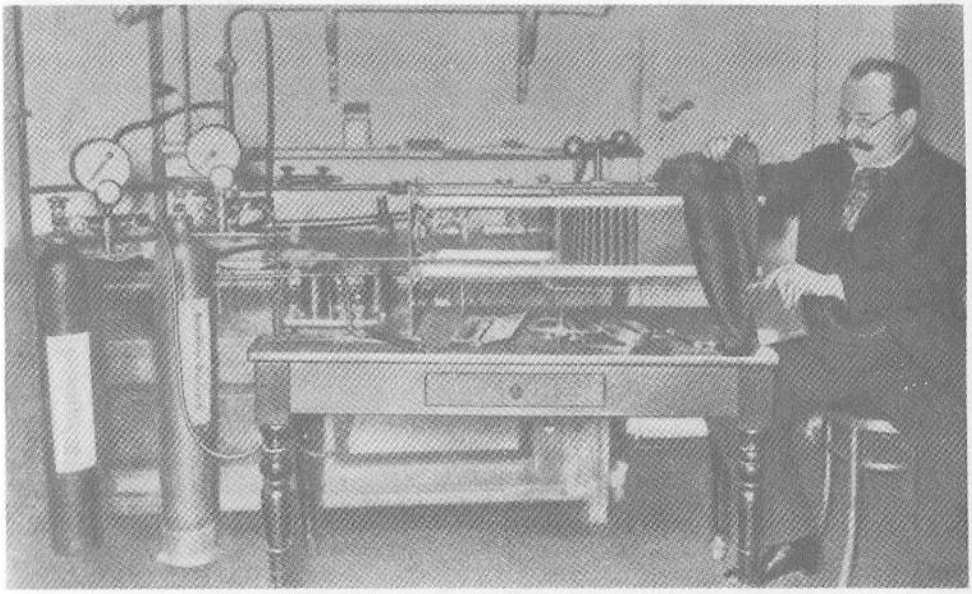
Подобная картина наблюдается при определении ядов при помощи кристаллов, которые имеют, как правило, типичную форму. Токсикологические лаборатории составляли коллекции иллюстраций с характерными формами кристаллов для сравнения их с кристаллами неизвестных еще ядов. Сравнительные микроскопы со вставками, на которых видны формы кристаллов (вверху), облегчали и ускоряли процесс сравнения и идентификации. На иллюстрациях внизу изображены кристаллы снотворных — нембутала (слева) и фанодорма (справа).

Рудольф Арчибальд Райс в Лозанне, Роберт Гейндл в Мюнхене, Дрездене и Берлине и Эдмонд Локар в Лионе (вверху, слева направо) являются самыми первыми борцами за создание полицейских лабораторий, в которых нашли бы свое применение при расследовании преступлений все достижения науки и техники, где осуществлялось бы непосредственное сотрудничество ученых и полиции. Другими инициаторами этой борьбы были: Марк Бишоф в Лозанне (внизу первый ряд, первый слева), Георг Попп во Франкфурте (первый ряд, четвертый слева), Ледден Гульзебош в Амстердаме (первый ряд, пятый слева), Август Брюнинг в Берлине (второй ряд, третий слева) и Гарри Зёдерман в Стокгольме (второй ряд, шестой слева).

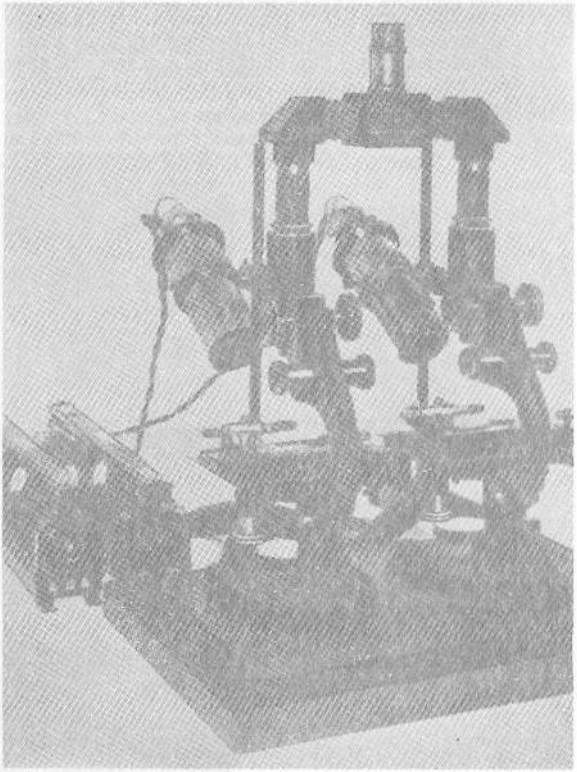




Австрийский следователь Ганс Гросс считается первым, кто в изданной в 1893 году "Настольной книге криминалиста" поставил на службу раскрытия преступлений все достижения науки и техники своего времени. В это же время берлинский судебный химик доктор Пауль Езерих фотографировал пули, найденные на месте происшествия, и сравнивал их с микрофотографиями пуль, выстреленных из оружия, принадлежавшего подозреваемому в убийстве.

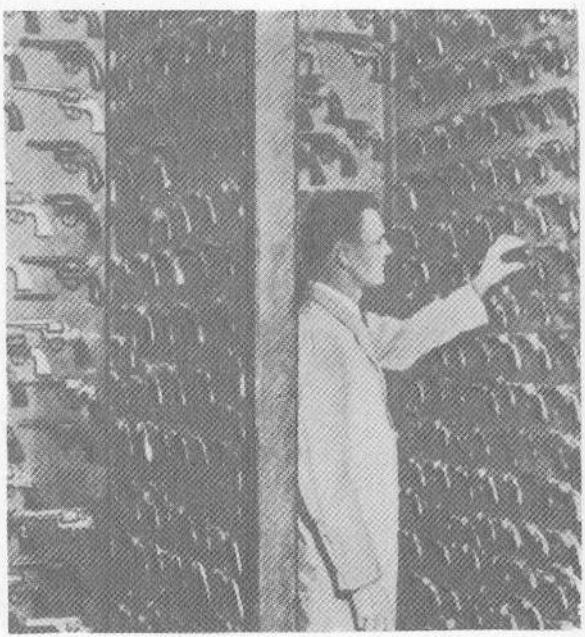


США считаются родиной судебной баллистики, несмотря на то, что в Европе имеются предшественники основателей этой науки в США. Выдающимся баллистом был Колвин Годдард (1891–1955), который изображен на иллюстрации во время обследования канала ствола пистолета.



Продолжая работу своих предшественников Уайта и Крэвелла, Годдард сконструировал сравнительный микроскоп, который превратился в важнейший прибор судебной баллистики.

В феврале 1929 года в Чикаго четыре гангстера застрелили в гараже семерых бандитов из банды противника (вверху). При помощи пуль и гильз Годдард смог указать путь к оружию, использованному при убийстве, а затем и к предполагаемым убийцам. Его работа привела к созданию баллистического отдела ФБР с самой большой коллекцией оружия в мире (внизу).



Путь сравнительного микроскопа Годдарда в Европу шел через Египет. Сидней Смит, глава судебно-медицинского отдела министерства юстиции в Каире, позднее профессор судебной медицины в Эдинбурге (внизу слева), сам сконструировал сравнительный микроскоп, когда услышал о существовании микроскопа Годдарда. В 1925 году он разоблачил участников убийства главнокомандующего египетской армии, который был застрелен среди бела дня в автомашине на улице (вверху: следственный эксперимент по делу). Статьи Смита побудили Роберта Черчилля (внизу справа), самого известного лондонского эксперта по огнестрельному оружию, ввести в Англии сравнительный микроскоп. Приблизительно в это же время стали применять сравнительные микроскопы также и в Германии.

он изготовлял сам. Среди них были также примитивные весы из металла, стекла и сургуча, на которых можно было отвешивать миллиграммы. Стас хранил эти весы до самого конца своей долгой жизни как талисман. В той чердачной лаборатории он стал первооткрывателем флорхицина. Это достижение побудило великого шведского химика Берцелиуса сделать такое заявление: "Химик, дебютирующий такой работой, заслуживает внимания". В 1835 году Стас, подобно многим своим современникам, отправился в Париж к таким ученым, как Гей-Люссак, Араго, Дюма и Орфила. Он заинтересовался Дюма, и именно ему не имеющий средств Стас должен быть благодарен за то, что почти четыре года он имел возможность работать в лабораториях, где познал чудесный мир химии. Здесь он осмелился поправить Берцелиуса, неправильно определившего вначале атомный вес углерода.

Стас, с ранних лет болезненный молодой человек, нервозный и впечатлительный, совсем подорвал свое здоровье в Париже. Заболевание желудка, видимо, результат недоедания и нерегулярного питания, мучило его до последних дней жизни. Но когда в 1840 году Стас с помощью Дюма вернулся в Брюссель профессором химии, то вряд ли другой бельгийский химик тех дней владел такими знаниями, как он. Лаборатория Военной школы бельгийской столицы была недостаточно оборудована, и немецкий химик Либих добивался, чтобы Стаса пригласили в Германию. Однако Стас остался верен своей родине и во второй раз оборудовал частную лабораторию сначала на улице де-Шан-ин-Иксель, затем переехал в Сен-Жиль на улицу де-Жонкур в маленький домик, представлявший собой сплошную лабораторию. Здесь он прожил скромную жизнь до самой смерти в 1891 году.

В тот день, когда Эжебаер прибыл в Брюссель, Стас работал еще на улице де-Шан. Здесь с декабря 1850 года по февраль 1851 года он сделал второе эпохальное открытие токсикологии: разработал метод доказательства наличия растительных ядов — алкалоидов в самом теле пострадавшего.

Когда Стас получил необходимые материалы для производства анализов по делу об убийстве Гюстава Фугни, никто не подозревал, что убийство совершено при помощи растительного алкалоида. Эжебаер предупредил Стаса, что убийство могло быть совершено при помощи серной кислоты.

Разъедающие яды к тому времени были достаточно хорошо изучены, и Стас без труда установил, что об отравлении серной кислотой здесь не может быть и речи. Как и большинство его коллег-современников, из-за отсутствия других методов определения химикалиев Стас много раз перепробовал их на запах и вкус. Если положиться на обоняние, то он мог предположить наличие только уксусной кислоты. Узнав об этом предположении Стаса, Эжебаер сообщил ему, что труп обмывали и поливали винным уксусом. Тогда исследователь заподозрил, что большое количество уксуса должно было замаскировать признаки действия какого-то

другого яда. И все же он начал с того, что пытался обнаружить во рту и в органах пищеварения трупа уксусную кислоту. Подозрение, которое у него возникло, заставило его действовать чрезвычайно осторожно. Он слишком часто убеждался, что яды легко разлагаются под действием тепла и воздуха, прежде чем их удается обнаружить. Чтобы не утратить и случайно не разрушить все имеющиеся вещества, он осуществил все выпаривания и фильтрования в основном в сложных закрытых аппаратах.

Содержимое желудка, кишечника и мочевого пузыря, переданное ему в смешанном со спиртом состоянии, состояло из черно-серой кислой кашицы. Одну половину Стас отложил для возможных последующих экспериментов, а другую смешал с водой, которую использовал для промывания желудочно-кишечного тракта, несколько раз профильтровал раствор, подогрел и дистиллировал его. Таким образом он получил красновато-коричневую жидкость, которую разделил на несколько проб. Одну из них выпарил до состояния сиропа. При этом образовался уксусный запах. Подмешав в две другие пробы едкое кали, Стас получил жидкость, которая имела запах, напоминающий запах мышиной мочи. Но этот запах был знаком многим химикам, когда они занимались кониином, ядовитым алкалоидом цикуты. Подозрение Стаса, что уксусная кислота послужила маскировкой убийства при помощи более таинственного яда, получило первое подтверждение.

Как быть, если Гюстав Фугни убит с помощью растительного яда? Как быть, если в трупе один из тех ядов, которые еще никогда не удавалось обнаружить в мертвом теле, не удавалось обнаружить даже в содержимом кишечника, смешанном с "живой материей"? Как быть, если случай навел его на след алкалоида?

С этого момента Стас ни днем ни ночью не покидал своей лаборатории и наблюдал за своими ретортами, пробирками и реактивами.

Следующую пробу он разбавил большим количеством спирта, профильтровал, слил, добавил воды, снова профильтровал и дал фильтрату испариться, пока раствор не превратился в клейкую массу. Эту массу он смешал с раствором едкого кали, и вдруг снова появился тот особый, ни с чем не сравнимый, быстро проходящий запах. На этот раз, однако, запах был более резким, устойчивым и наркотическим. Были известны только два так называемых растительных алкалоида, которые можно определить по запаху: кониин и никотин — чрезвычайно ядовитый компонент табака, пятидесяти миллиграммов которого достаточно, чтобы убить человека за несколько минут. А запах, который уловил Стас, — разве он не напоминает запах никотина?

Итак, не никотин ли это? Не отравлен ли Гюстав Фугни никотином?

Стас наполнил бутылочку полученным экстрактом и добавил в нее чистого эфира. Смешав экстракт с эфиром, дал эмульсии отстояться. Затем взял половину отделившегося эфира, который вскоре

испарился. На дне чашечки осталось прозрачное, коричневатое колечко с резким, вполне определенным запахом табака. Образовавшееся вещество Стас попробовал на язык и почувствовал жгучий вкус табака, охвативший весь рот и ощущавшийся в течение нескольких часов. После повторных "взбалтываний" частей исследуемого вещества с эфиром, дававших все время тот же результат, он смешивал первоначальный раствор массы из желудка, кишечника и мочевого пузыря с едким кали. В этот ставший щелочным раствор он добавил такое же количество эфира и взбалтывал, пока не образовалась эмульсия. Но на этот раз эфир не хотел отделяться. Лишь освободив раствор от "живой материи" путем многократного промывания водой и спиртом, многократного фильтрования, он добился отделения эфира. Так как, по всей видимости, именно эфир абсорбировал вещество со жгучим вкусом табака, то Стас повторил взбалтывание с эфиром шесть раз, чтобы наверняка получить предполагаемый алкалоид и тем самым обнаружить яд. Каждый раз путем испарения он получал маслянистое вещество с типичным запахом и вкусом никотина.

Чтобы удостовериться, что получен действительно никотин, Стас испытал маслянистое вещество при помощи химических реактивов, опробованных со времен открытия никотина многими фармакологами на чистом веществе алкалоида. Если, например, приблизить к никотину стеклянную палочку, смоченную в соляной кислоте, то образовывались сильные белые пары. Если никотин соприкасался с азотной кислотой, то превращался в густую желтую массу. Стас не ограничился известными реагентами. Он смешивал чистый никотин с различными химикалиями, наблюдал появление осадков, кристаллизацию и изменение в цвете и сравнивал их с действием этих химикалиев на маслянистое вещество, полученное им из внутренних органов Гюстава Фугни. Все абсолютно совпадало.

Лишь теперь Стас наполнил маслянистым веществом реторту и надписал ее: "Никотин из органов Гюстава Фугни". Реторту он отправил Эжебаеру в Турнэ, сопроводив ее письмом, где рекомендовал следователю поинтересоваться, не имели ли граф и графиня Бокармэ когда-либо дела с никотином или не приобретали ли они никотин, и просил сообщить ему о результатах расследования.

Следователь Эжебаер получил посылку Стаса 30 ноября. Взяв с собой группу жандармов, он тотчас поспешил в Битремон, приказал обыскать все помещения замка и приступил к новому допросу слуг. При этом садовник Деблики сообщил, что все лето и осень 1850 года помогал графу Бокармэ в изготовлении одеколона. Для этой цели Бокармэ приобрел большое количество листьев табака и обрабатывал их в аппаратах лаборатории, оборудованной в бане замка.

"Табак для изготовления одеколона?" — переспросил Эжебаер. "Да, табак, — заверил его Деблики, — много листьев табака". Выяснилось, что граф главным образом с 28 октября по 10 ноября изо дня в день, а иногда и по ночам работал в бане, чтобы из табачного соуса экстрагировать одеколон. 10 ноября он закрыл одеколон в шкафу

столовой. На другой день из бани исчезли все аппараты и стеклянные колбы, которыми он пользовался во время работы. Граф, должно быть, сам увез все куда-то, так как никому из слуг это не поручалось.

Обыск всего замка не навел Эжебаера на след каких-либо лабораторных приборов. Зато он узнал от кучера Жиля, что в феврале 1850 года Бокармэ ездил в Гент к одному профессору химии. Эжебаер тотчас поехал в Гент и побывал у всех проживавших здесь химиков. Наконец он нашел некоего профессора Лоппера, преподававшего в Промышленной школе Гента. Лоппер вспомнил, что с февраля текущего года его несколько раз навещал господин из Бури, описание внешности которого совпадало с Бокармэ. Однако он представился как Беран и под этим именем писал ему письма. Во всех письмах Беран интересовался исключительно вопросом извлечения никотина из листьев табака.

Появившись впервые в феврале, Бокармэ-Беран объяснил Лопперу, что приехал из Америки. Проживающие там родственники Берана очень страдают от нападения индейцев, которые отравляют свои стрелы растительными ядами. Он, Беран, хочет изучить все известные растительные яды, чтобы как-нибудь помочь своим родственникам. При этом он интересовался, действительно ли растительные яды не оставляют следов в своей жертве. Когда Лоппер подтвердил это, Беран попрощался, но в том же месяце еще раз приезжал в Гент.

В этот раз он заявил Лопперу, что индейцы изготовляют экстракт из листьев табака, который за несколько минут приводит к смерти. В Европе этот экстракт называется никотином. Он хотел предпринять попытку создать экстракт самостоятельно, чтобы изучить его действие. Лоппер показал ему метод получения никотина и порекомендовал заказать необходимые сосуды и аппараты у медика Ванденберга и аптекаря Ванбенкелера в Брюсселе. Ванденберг и Ванбенкелер подтвердили следователю, что до ноября они отправили в Бури сто двадцать различных химических сосудов. В мае Бокармэ в третий раз поехал в Гент, чтобы показать Лопперу первую полученную им пробу никотина. До октября Бокармэ достиг уже таких успехов, что показал в Генте первые граммы чистого никотина и сообщил, что ему удалось отравить им кошек и уток.

Пока Эжебаер устанавливал эти факты, Стас не терял ни одной минуты даром. Он уяснил себе принцип метода, с помощью которого ему впервые удалось обнаружить растительный алкалоид в организме убитого. Одновременно он попробовал найти никотин также и в самих органах Фугни, а именно в печени, языке и гортани. Метод Стаса можно теперь, когда он уже открыт, легко объяснить.

Все растительные яды, которые "ведут себя как основания", растворимы как в воде, так и в спирте. В противоположность этому почти все вещества человеческого организма, начиная с белка, жиров и кончая целлюлозой содержимого желудка и кишечника, не растворяются ни в воде, ни в спирте. Если смешать размельченные и

превращенные в кашицу органы тела или их содержимое с большим количеством спирта, добавив кислоту, то такой спирт проникает в массу исследуемого материала, растворяет растительные яды, алкалоиды, и впитывает их.

К началу декабря 1850 года, когда Стас осмысливал результаты своих исследований, он еще не мог знать, что его метод даст токсикологии возможность выделять и доказывать все основные растительные алкалоиды (а позднее и другие яды), начиная с атропина, белладонны до дельфинина шпорника.

Когда 2 декабря Эжебаер прибыл с новыми важными известиями к Стасу, последнему как раз только что удалось обнаружить яд никотина в печени и языке Гюстава Фугни. Здесь было так много никотина, что его хватило бы для убийства многих людей.

Все, что следователь узнал об изготовлении никотина графом Бокармэ, было подтверждением успеха Стаса.

Эжебаер передал Стасу одежду убитого и семь досок пола, на которые упал отравленный Гюстав Фугни. Обследование одежды не дало результатов, потому что она была тщательно выстирана. На досках пола, без сомнения, были следы никотина. 7 декабря Стас обследовал брюки садовника Деблики, в которых он помогал графу Бокармэ изготовлять так называемый одеколон. На них были пятна никотина. 8 декабря Эжебаер и жандармы наткнулись в саду на захороненные останки кошек и уток, на которых Бокармэ испытывал ядовитое свойство никотина. Исследование останков доказало наличие "улетучивающегося алкалоида со всеми признаками никотина". 27 февраля 1851 года Стас предпринял последнюю серию экспериментов. Он отравил собаку, налив ей в пасть никотина. Убив точно таким же способом другую собаку, Стас налил ей в пасть уксусную кислоту. Первый эксперимент показал, что никотин не дал ожогов. Второй эксперимент дал такие же черные ожоги, как у Гюстава Фугни. Граф, видимо, свалил Гюстава на пол и держал его, в то время как графиня лила в рот брата яд. Так как Гюстав оказал отчаянное сопротивление, никотин разбрызгали. Это обстоятельство вынудило Бокармэ снять и выстирать одежду пострадавшего и использовать уксусную кислоту, чтобы скрыть видимые следы яда.

После тщательных поисков Эжебаер и жандармы нашли наконец замурованные аппараты, которыми граф пользовался при изготовлении никотина.

Когда спустя три месяца, 27 мая, в суде Монса начался суд над графом и графиней Бокармэ, прокурор де Марбэз имел такие веские доказательства вины подсудимых, что дело их было заранее проиграно. Перед лицом имеющихся доказательств ни один из них не мог отрицать, что они отравили Гюстава Фугни при помощи никотина. Графиня призналась, что помогала подготовить и осуществить убийство своего брата. Но всю вину она свалила на мужа, жестокости и требованию которого она вынуждена была покориться. Граф признал, что добывал никотин, но, оправдываясь, утверждал, что собрал никотин в винную бутылку, чтобы взять ее с собой,

когда поедет в Северную Америку. Его жена перепутала бутылки и 20 ноября за обедом угостила брата не вином, а никотином.

Но все эти попытки оправдаться были безуспешны. Присяжным потребовался всего один час, чтобы признать графа виновным. Если графине, ко всеобщему возмущению, и удалось избежать казни, то только из-за того, что присяжные не решились подвергнуть казни "даму". Вечером 19 июля 1851 года при свете факелов на эшафоте в Монсе лишился головы Ипполит Визар де Бокармэ. Дело Бокармэ кончилось. А Жан Серве Стас методом обнаружения никотина обессмертил свое имя в мире химии и токсикологии.

6. Схватка ученых с растительными алкалоидами. Реакции окрашивания. Первый мост между полицейским расследованием и токсикологией. Амбруаз Тардьё

Бессмертие? Да, Жан Серве Стас действительно достиг бессмертия. Пусть его способ подвергся усовершенствованию, пусть впоследствии немец Фридрих Юлиус Отто, профессор химии из Брауншвейга, расширил возможности применения метода, все равно и в середине XIX столетия способ Стаса был основным методом отыскивания ядовитых алкалоидов.

Возможность обнаружения алкалоидов поставила новую задачу разработки метода, с помощью которого можно было бы наверняка определить, какой конкретно яд находится в экстракте, полученном способом Стаса. Химики Германии, Франции, Англии, России, Швеции, Италии принялись за поиски типичных химических реактивов для отдельных растительных ядов. На протяжении десятилетий в результате многих тысяч экспериментов было обнаружено большое число химических реагентов, которые при соприкосновении с определенными алкалоидами давали определенные, для каждого алкалоида типичные оттенки цвета.

Пионерами этих открытий были Драгендорф, Хуземанн, Маркиз, Фрёде, Оливье, Мэке, Майер, Вагнер, Зонненшайн, Эрдманн, Келлер, Мэрк, Витали и Пелагри.

Некоторые из этих имен связывают с определенными реактивами или пробами. Так, например, стали говорить "реактив Мэке", "реактив Маркиза", "реактив Фрёде" или "манделиновые реактивы", подразумевая при этом селен с добавлением серной кислоты, формалин с добавлением серной кислоты, молибден с добавлением серной кислоты, ванадий с добавлением серной кислоты.

Если, например, добавить реактив Мэке к полученному методом Стаса экстракту, содержащему морфий, то смесь окрасится вначале в оливковый, затем в голубовато-фиолетовый цвет, а позднее примет опять оливковый цвет с красным обрамлением. Обработка экстракта, содержащего героин, реактивом Мэке дает светло-голубую окраску с зеленым обрамлением, переходящую позднее в оливковую. Реактив Маркиза давал при наличии морфия, героина и

кодеина фиолетовую окраску, то есть характеризовал целую группу растительных ядов. Другая группа ядов обнаруживала свое присутствие при пробе, вошедшей в историю токсикологии под названием "проба Витали". Экстракт смешивали с серной кислотой, выпаривали, и сухое вещество смешивали с карбонатом калия. Если при этом появлялся голубоватый оттенок, то с уверенностью можно было утверждать, что имеется атропин, гиосциамин или гиосцин. Для определения отдельных алкалоидов этой группы появились специальные пробы. Лаборатории стали местом великолепной игры красок. Для определения морфия существовала добрая дюжина реактивов. Важнейшая из них носила имя ее автора Пелагри. При этой пробе морфий обнаруживал себя ярко-красным цветом, когда исследуемое вещество растворяли в дымящейся соляной кислоте, добавляли несколько капель концентрированной серной кислоты и выпаривали. Когда же затем добавляли разбавленную соляную кислоту, карбонат натрия и настойку йода, то красный цвет превращался в зеленый.

Все эти изменения красок сначала не могли объяснить. Лишь спустя сто лет, когда была изучена сложная структура отдельных алкалоидов, появилась надежда на объяснение этих процессов. Только несколько алкалоидов не поддавались идентификации с помощью цветовых реакций. К ним относится аконитин. Невозможность идентификации подобных алкалоидов и других растительных ядов толкала на поиски новых методов. Через тринадцать лет после открытия Стаса, в 1863 году, ареной первого большого процесса об отравлении, в котором растительный яд был обнаружен при помощи нового метода, стал Париж времен императора Наполеона III. Тут начинается новый драматический раздел нашей истории.

Имена молодой француженки вдовы де Пов и молодого врача Кути де ла Поммерэ, жертвы и убийцы, с декабря 1863 года по июнь 1864 года были во Франции у всех на устах. А вместе с ними и имя профессора судебной медицины в Париже Амбруаза Тардьё.

"У меня лишь легкий приступ холеры. Но доктор де ла Поммерэ сказал, что через сутки я снова буду здорова". Это были последние слова, которые утром 17 ноября произнесла мадам де Пов. Через несколько часов она была уже мертва. Смерть наступила после короткой болезни, неожиданно начавшейся в ночь на 17 ноября. Вначале мадам де Пов почувствовала боль в области желудка, которая сопровождалась рвотой. Затем последовала "сильная слабость во всем теле". Застав больную в холодном поту, соседи вызвали местных врачей Бласа и Жодино. Прежде всего они обратили внимание на сердце больной, которое билось неравномерно. Жодино заподозрил прободение желудка. Больная отказалась от услуг пришедших врачей и просила позвать доктора де ла Поммерэ.

Вскоре появился Поммерэ, который остался наедине с больной. Соседи и любопытные собрались перед домом. Большинство из них знали молодого врача. Некоторое время назад, приблизительно до

1861 года, он часто бывал в доме вдовы. В то время, приехав из Орлеана, он обосновался в Париже и, будучи гомеопатом, лечил смертельно больного мужа мадам де Пов. После смерти мужа вдова стала любовницей Поммерэ. Позднее Поммерэ из материальных соображений женился на Дюбиши и оставил вдову. Но с некоторых пор его снова часто видели у нее. В общем, весьма обычная история. Мужчина имел любовницу, женился на зажиточной даме и через некоторое время вернулся к своей возлюбленной. Накануне несчастья Поммерэ долго находился в квартире вдовы. Она в хорошем настроении проводила его до дверей дома.

Около трех часов дня Поммерэ с опущенной головой появился на улице и сообщил собравшимся перед домом, что мадам де Пов только что скончалась от холеры. Он составил свидетельство о смерти и объявил, что позаботится о похоронах.

Никогда мадам де Пов и Поммерэ не стали бы центром всеобщего внимания, если бы шеф парижской полиции Клод не получил 20 ноября анонимное письмо. Неизвестный автор письма посоветовал Клоду заняться вопросом, не был ли доктор заинтересован в смерти вдовы де Пов из материальных соображений.

Клод поручил своему сотруднику навести справки о Поммерэ. Это было сделано чисто формально. Однако результаты проверки заинтересовали Клода. Умершая была застрахована в парижских страховых компаниях на необычно высокую сумму в 550 000 франков. Больше того, де ла Поммерэ только что предъявил страховым компаниям завещание умершей, которое гласило, что в случае ее смерти страховые суммы должны быть выплачены молодому врачу, так как он будет заботиться о ее детях. Что же касается личных дел де ла Поммерэ, то он за короткое время стал владельцем прекрасного врачебного кабинета, хотя слыл очковтирателем, легкомысленным человеком и игроком, который постоянно нуждается в деньгах. "Де ла" перед именем он присвоил себе сам. Его теща, мадам Дюбиши, так мало доверяла ему, что держала под контролем принадлежащую ее дочери часть состояния. Однако через два месяца после женитьбы Поммерэ мадам Дюбиши неожиданно заболела после ужина у зятя и через несколько часов умерла. Вышедшее благодаря смерти мадам Дюбиши из-под контроля состояние его жены спасло Поммерэ от банкротства. Но с середины 1863 года он снова испытывал нужду в деньгах и возобновил связь со своей бывшей любовницей. Через некоторое время были оформлены страховые полисы вдовы де Пов, по которым в случае ее смерти все страховые суммы должны быть выплачены только Поммерэ.

Среди врачей, которые обследовали состояние здоровья мадам де Пов в связи со страхованием, были такие известные специалисты, как Нелатон и Вельпо. Еще в конце лета они засвидетельствовали прекрасное здоровье застрахованной. Но сразу же после оформления страхового полиса соседи услышали ночью, как мадам де Пов упала на лестнице. Утром следующего дня вдова не могла подняться и жаловалась на боли "внутри". Были вызваны Нелатон

и Вельпо, но они не смогли обнаружить, как они выразились, "никаких повреждений". Здесь они познакомились с де ла Поммерэ, который обратил внимание Нелатона на то, что следует подготовить страховое общество к тому, что у мадам де Пов развивается тяжелое заболевание внутренних органов. Нелатон отнес эти слова за счет юношеской неопытности Поммерэ. Вскоре мадам де Пов поправилась и была совершенно здорова вплоть до той ночи с 16 на 17 ноября.

Шефа полиции Клода заинтересовал столь странный случай, и он решил взять на себя его дальнейшее расследование. Но прежде чем он принял это решение, его посетила 26 ноября некая мадам Риттер. Она представилась как сестра умершей и заявила, что не может больше скрывать то, что ей известно. После того как мадам Пов упала на лестнице, ее посетила взволнованная сестра. Но к великому удивлению гостьи, больная призналась ей, что она совсем здорова. Ее друг Поммерэ сбросил с лестницы набитый мешок, чтобы соседи могли услышать шум падения. Поммерэ придумал гениальный план, который освободит ее до конца дней от всех денежных забот. Он помог ей заключить несколько крупных страховых договоров. Теперь с его помощью она симулирует серьезные, опасные для жизни болезни. Как только страховые общества убедятся, что она страдает неизлечимой болезнью, они согласятся заменить посмертную выплату страховой суммы пожизненной рентой, которая будет гарантировать ей 500 франков в месяц.

Мадам Риттер заявила, что безуспешно пыталась отговорить свою сестру от подобных действий. А когда она узнала о завещании страховых договоров, то в отчаянии просила свою сестру одуматься: ведь Поммерэ может не только сделать ее больной, но и умертвить ее, чтобы завладеть страховыми суммами. Но сестра находилась под влиянием любовника.

В ноябре 1863 года Клод был еще далек от мысли, что токсикология когда-нибудь станет неотъемлемой помощницей повседневной работы криминалистов, столь важной, что 50 лет спустя в Париже будет создана одна из первых в мире химических лабораторий полиции. Но в деле де ла Поммерэ он оказался, подобно Эжебаеру, предвестником будущего тесного сотрудничества криминалистов и науки. Сразу же после беседы с мадам Риттер он убедил следователя Гонэ в необходимости эксгумировать труп умершей и установить, не умерла ли она от яда (отравления). Исследование поручили Амбруазу Тардьё.

Тардьё и его ассистент Русен приступили к исследованию 30 ноября 1863 года, то есть спустя тринадцать дней после смерти вдовы Пов. Они не обнаружили никаких повреждений внутренних органов. Все органы, особенно сердце, были совершенно здоровы. Ни холера, ни другое расстройство желудка не могли привести ее к смерти. И Тардьё принялся за поиски яда. Тем временем Клод неожиданно для Поммерэ приказал его арестовать и обыскать дом. Во время обыска были обнаружены странные любовные письма вдовы

к врачу и прежде всего необычная для гомеопата богатая коллекция ядов и ядовитых медикаментов: большое количество мышьяка, сублимата, стрихнина, аконитина, атропина и других ядовитых алкалоидов, а также цианистый калий, синильная кислота, дигиталис и превращенные в порошок листья дигиталиса.

Клод передал Тардьё 10 декабря личную коллекцию ядов Поммерэ и конфискованные письма. Десять дней он уже ждал результатов по обнаружению яда — и напрасно. Он стал беспокоиться и отправился в лабораторию Парижского университета, где застал Тардьё и его ассистентов среди дымящихся сосудов и колб. Они были в удрученном состоянии, так как применили все методы определения минеральных и металлических ядов, и все безуспешно. Уже несколько дней они занимались поисками растительных алкалоидов. Тардьё изготовил множество экстрактов по методу Стаса и подверг их всем известным реакциям на цвет. Вытяжки были подозрительно горькими на вкус. Но реакции не указывали на какой-то определенный растительный яд. Только горечь была столь явной, что Тардьё не оставляла мысль, что он имеет дело с растительным ядом, может быть с таким, для которого еще не найден реагент. Тардьё высказал Клоду недовольство тем, что уголовная полиция, не говоря уже о полиции вообще, не имеет ни малейшего представления о токсикологии. Иначе она не ограничивалась бы передачей токсикологам только трупов и не ждала бы от них чуда. Необходимо тщательнее осматривать место преступления в поисках следов, необходимых для токсикологических исследований. Работа эксперта была бы в тысячу раз легче, если бы в его распоряжении всегда были рвотные массы пострадавших или их следы на полу. Они содержат всегда больше яда, чем можно экстрагировать из трупа.

Когда Клод, еще больше расстроившись из-за безрезультатности всех анализов, покидал лабораторию, Тардьё еще не знал, что ему предпринять. Первое обследование коллекции ядов де ла Поммерэ ему не особенно помогло. В ней было так много алкалоидов, что это вызывало определенные затруднения. Любовные письма вначале не заинтересовали Тардьё, потому что он считал их маловажными для своей работы, а удрученный неудачами Клод забыл обратить его внимание на некоторые имеющиеся там места, которые могли бы вызвать интерес токсиколога.

После всех неудач Тардьё решил полученные экстракты различных органов трупа ввести, как он после выразился, "прямо в кровь подопытной собаки и посмотреть, произойдет ли вообще какое-нибудь отравление".

Тардьё вспомнил, что еще Стас производил подобные эксперименты, правда, только для подтверждения идентификации алкалоидов, установленных уже другим способом. Смешав различные экстракты, он сделал из пяти гран этой смеси инъекцию собаке, у которой вскоре открылась рвота, и, обессиленная, она свалилась на пол. Сердце билось неровно и временами останавливалось. Через

шесть с половиной часов число ударов пульса дошло до сорока пяти. Дыхание стало неглубоким и затрудненным. Это состояние длилось двенадцать часов. Затем собака стала приходить в себя.

Итак, действие экстракта не было смертельным. Но Тардьё не сомневался, что здесь был яд — яд, действующий на сердце. Что его больше всего взволновало, так это совпадение симптомов болезни, от которой скончалась вдова Пов.

Тардьё вновь проверил аптеку де ла Поммерэ. Перечитывая список содержимого аптеки, он обратил внимание на дигиталис. Речь шла здесь об экстракте из листьев красной наперстянки, лекарственное действие которой было открыто английским врачом Уитрингом в 1775 году. Использование лекарства допускалось в очень малых дозах. При употреблении завышенных доз дигиталиса после небольшого возбуждения сердечной деятельности наступал паралич сердечной мышцы и смерть. Снова наблюдалась параллель с явлениями болезни умершей вдовы. К этому времени было установлено, что Поммерэ приобрел 11 июня 1863 года целый грамм, а 19 июня — еще два грамма дигиталиса. В день обыска были обнаружены лишь пятнадцать сантиграммов, то есть одна двадцатая часть. Когда Тардьё прочитал письма, у него появилась уверенность. Он понял, почему Клод передал их ему. В письмах шла речь о дигиталисе. В последние недели перед смертью вдова де Пов как бы между прочим сообщала своему возлюбленному, что по советам своих знакомых она принимает дигиталис, чтобы "возбудить" себя. Это звучало странно.

Тардьё решил сделать из оставшегося в аптеке дигиталиса инъекцию второй собаке. После инъекции примерно через двенадцать часов собака сдохла. Симптомы: рвота, возбуждение, слабость, неритмичность и полный паралич сердца. Теперь Тардьё был уверен, что вдова де Пов скончалась от отравления дигиталисом. Де ла Поммерэ, видимо, знал, что обнаружить дигиталис невозможно, и поэтому выбрал именно его. Кроме того, Тардьё заподозрил, что Поммерэ сам побудил свою любовницу написать ему под каким-либо предлогом о принимаемом ею дигиталисе. Возможно, он решил на всякий случай подстраховаться. Письма должны были доказать, что мадам де Пов легкомысленно и без его ведома принимала ядовитые медикаменты.

Но Тардьё понимал, что его личные убеждения не являются еще доказательством. Экстракты из органов пострадавшей не убили первой собаки. "Итак, — будет аргументировать де ла Поммерэ, — яд не смог бы убить также и мадам де ла Пов". Тардьё решил повторить свои эксперименты на лягушках, потому что фармакологи установили, что для испытания сердечных лекарств и получения результатов об их действии на сердце человека лучше всего подходит сердце лягушки.

Вечером 12 декабря в лаборатории Тардьё появился служащий Сюртэ и по поручению Клода передал ему несколько опечатанных коробок. Вскрыв их, Тардьё обнаружил там: 1) доски пола из спаль-

ни мадам де Пов, где остались следы ее рвоты; 2) соскобы следов рвотной массы в других местах пола.

Шеф полиции Клод отреагировал на недовольство эксперта Тардьё в отношении поверхностного осмотра полицией места происшествия. Он еще раз обследовал комнату, где умерла пострадавшая, изъяв дополнительные предметы для исследований.

В тот же день Тардьё принялся за исследование новых вещественных доказательств. Он надеялся, что даже высохшие остатки рвотной массы содержат более высокую концентрацию яда, чем полученные им экстракты органов трупа. Эксперты тщательно соскоблили остатки рвотной массы с досок, особенно с их краев, так как все нечистоты попадают обычно в щели пола. Из соскоба путем прибавления чистого спирта, фильтрования, промывания и выпаривания Тардьё получил жидкий экстракт.

Затем он вскрыл сердца трех лягушек. Число ударов сердца всех животных было почти одинаково. Оно составляло 40-42 удара. С первой лягушкой он ничего не делал, оставив ее как контрольную. Второй ввел шесть капель раствора, состоящего из одного сантиграмма чистого дигиталиса на 5 гран воды. Третья лягушка подобным же образом получила 5 гран экстракта из рвотной массы.

Опыт показал, что в то время, как сердце контрольной лягушки еще добрых полчаса работало нормально, состояние сердца других двух лягушек было абсолютно одинаково: через шесть минут биение сердец замедлилось до 20,3 удара, через десять минут сердца стали биться нерегулярно. Пульс снизился до 15,2 удара. Через тридцать одну минуту оба сердца остановились.

Чтобы быть совсем уверенным, Тардьё повторил эксперименты. Он работал над ними еще две недели. Наконец 29 декабря 1863 года попросил Клода достать для него еще материал из спальни пострадавшей для дальнейших исследований. На этот раз речь шла о тех частях пола, на которые "не могла попасть рвотная масса". Это были доски пола из-под кровати. Из соскоба с этих досок он тоже изготовил экстракт. Его целью было предупредить любой возможный повод утверждать, что, мол, краска пола может содержать смертельный яд, действующий, как дигиталис. Экстракты не подействовали на лягушек. После этого Тардьё передал следователю Гонэ свое заключение, в котором утверждал, что вдова де Пов скончалась от отравления дигиталисом.

Тардьё догадывался, что его заключение даст повод защитнику де ла Поммерэ, мэтру Лашо, поставить под сомнение физиологическое доказательство наличия действия растительного яда на животных. Если бы Тардьё мог заглянуть вперед лет на семьдесят, он не опасался бы нападок Лашо, потому что опыт трех четвертей столетия подтвердил правильность его метода.

В 1938 году в Брюсселе состоялся процесс, в котором пятидесятидевятилетняя вдова Мария Александрина Бекер обвинялась в отравлении дигиталисом одиннадцати человек и была приговорена к пожизненному заключению. Анализы на яд в трупах ее многочис-

ленных жертв осуществляли известные токсикологи, фармакологи и физиологи под руководством брюссельского судебного медика Фирги. Они использовали все имевшиеся к тому времени достижения. Такие люди, как Генрих Калиани, который в 1863 году был еще ребенком, посвятили почти всю свою жизнь изучению тайн дигиталиса. Быстрый процесс разложения очень затруднял выделение дигиталиса в теле отравленного, и единственным методом идентификации яда было исследование рвотной массы, то есть метод, который помог Тардьё достичь успеха. Именем Калиани названа открытая им химическая цветная реакция. Но ее синий и сине-зеленый цвет появлялся лишь тогда, когда речь шла о больших дозах дигиталиса, что из-за его сильного действия почти никогда не наблюдалось даже в случаях убийств. Поэтому когда эксперты давали заключения суду, то они опирались не на химические анализы, а на результаты таких же "физиологических экспериментов на сердце лягушек", какие предпринял Тардьё еще в декабре 1863 года.

Весной 1864 года, когда начался процесс над доктором Кути де ла Поммерэ, Тардьё был в одиночестве. Он не ошибся, ожидая нападок защиты. Лашо с яростью нападал на метод Тардьё. Где же яд, который якобы убил мадам де Пов? Где его можно увидеть, почувствовать? Где можно увидеть хоть одну из тех цветовых реакций, известных токсикологам как средство обнаружения растительных ядов? Ничего нет. Тардьё знает, заявил Лашо, что не может предъявить суду ни одной цветной реакции. Но честолюбие не дает ему покоя. Просто страшно подумать, на какой путь встал Тардьё в вопросах, где речь идет о виновности или невиновности, о жизни и смерти. Какую нужно иметь дерзость, чтобы из экспериментов с лягушками делать выводы о человеческом организме! Какое презрение к многообразию и различию натур! Тардьё может использовать тысячи подопытных животных, но ни одно мыслящее существо ему не убедить в том, что можно приравнять сердцу человека сердце лягушки. Пусть он изготовляет хоть сотни "экстрактов" умерших и делает из них инъекции лягушкам. И тогда он не сможет убедить судей и присяжных, что в тех трупах имеется такой яд, как таинственный дигиталис. И тут Лашо, повысив голос, сказал: "Наука придерживается мнения, если я правильно информирован, что растительные яды возникают при распаде растительного белка. Не допускает ли господин Тардьё хоть на секунду мысль, что в трупах, как и в трупе мадам де Пов, происходит распад белка, в результате которого может появиться яд, ничего общего не имеющий с дигиталисом, но убивающий лягушек. Об этом, видимо, Тардьё недосуг было подумать. Но суд и присяжные подумают за него".

Шумная атака Лашо не спасла де ла Поммерэ от обвинительного приговора и казни 9 июня 1864 года. Лашо не имел успеха, потому что Тардьё получил смертоносный яд не из трупа, а из рвотной массы. Гениальнейшая мысль об образовании в трупе ядов, подобных растительным, в то время казалась столь нелепой, что не произвела

ни на кого впечатления. Она казалась досужей выдумкой адвоката, отчаянно ищущего какое нибудь оправдание для своего подзащитного. Но как покажет будущее, сама по себе эта мысль была правильной.

7. Как отличить трупный алкалоид от растительного?

13 марта 1882 года в лондонском суде Олд-Бейли адвокат Монтено Уильямс произнес одну из самых выдающихся своих речей. Внимание присяжных, прокурора сэра Хершеля, судьи сэра Генри Хавкинса, массы зрителей было приковано к тридцатилетнему подсудимому, чье обрамленное темными волосами лицо было смертельно бледным. Это был врач Джордж Генри Ламсон, обвиняемый в том, что 3 декабря 1881 года он отравил аконитином своего парализованного восемнадцатилетнего шурина Перси Джона. Адвокат Уильямс привлек к себе взоры и обоих экспертов, доктора Томаса Стивенсона, профессора химии и судебной медицины при госпитале Гайя, и доктора Августа Дюпрэ из Вестминстерского госпиталя, которые утверждали, что при обследовании трупа ими был обнаружен алкалоид, имеющий все свойства аконитина.

За долгие годы ни один лондонский процесс об убийстве не привлекал такого множества зрителей, особенно женщин. Может быть, это зависело от того, что в убийстве таинственным ядом снова обвинялся врач, а может быть, из-за своеобразной личности самого Ламсона. Сын английского пастора, он в 1876 году в качестве хирурга принимал участие в сербско-турецкой войне на Балканах, где стал морфинистом. В 1878 году Ламсон возвратился в Англию, женился на младшей из сирот, родители которых оставили им небольшое состояние. Некоторое время Ламсон имел врачебную практику в Борнмуте. Затем последовал финансовый крах в 1881 году, и Ламсон уехал в Америку. Каждый знал историю его возвращения, знал о его вечной погоне за морфием, о его второй поездке в Америку и возвращении в Лондон, где не было пристанища ни ему, ни его жене.

Суд проследил шаг за шагом всю жизнь Ламсона, вплоть до 3 декабря 1881 года, когда неожиданно скончался его шурин Перси.

Безусловно, имелся корыстный мотив для убийства: отчаянное финансовое положение. У Ламсона была только одна возможность — смерть шурина, который, имея паралич обеих ног, был прикован к креслу на колесах и проживал в школе-интернате в Уимблдоне. В случае смерти Перси часть его состояния переходила к сестрам, то есть половина доставалась жене Ламсона. На процессе уже много раз обсуждались обстоятельства смерти Перси. Все началось с неожиданного письма Ламсона к шурину, в котором он в начале декабря 1881 года сообщал, что собирается поехать с женой в Париж и перед отъездом посетить Перси.

Вечером 3 декабря Ламсон появился в Уимблдоне, бледный, худой, изнуренный. Руководитель школы мистер Бэдбрук проводил

его к Перси и присутствовал при их свидании. Бэдбрук угостил Ламсона хересом. Ламсон попросил дать ему к хересу сахар и вытащил из сумки уже нарезанный пирог, протянув по куску пирога Перси и Бэдбруку и взяв себе третий. Остальные куски пирога он положил на стол. Во время еды Ламсон, рассказывая о своей последней поездке в Америку, достал из кармана несколько капсул, которые назвал "американским открытием для облегчения приема лекарств", и, протянув одну из капсул Бэдбруку, сказал, что привез их исключительно для него на случай, если ученикам придется глотать горькие лекарства.

Затем Ламсон открыл одну из капсул, насыпал в нее сахар, снова закрыл и, смеясь, протянул ее Перси с предложением показать Бэдбруку, как легко проглотить такую капсулу. Перси с удовольствием выполнил желание Ламсона. Сразу вслед за этим Ламсон стал прощаться, сказав, что не хотел бы опоздать на следующий поезд, идущий в Лондон.

Не прошло и десяти минут после ухода Ламсона, как Перси буквально свалился. Его рвало, ему казалось, что его душат. Периодами он находился в таком возбужденном состоянии, что несколько учеников едва удерживали больного в постели. Врачи Берри и Литтл ничего не могли поделать. В 9.30 боли усилились. Мальчика бил озноб, появилось ощущение, что с него сдирают кожу. Страдания ребенка были так ужасны, что доктор Литтл несколько раз вводил ему морфий. В 11.20 после неописуемых мучений Перси скончался.

Вскрытие, осуществленное врачами Бондом, Берри и Литтлом, кроме малозаметного кровоизлияния в легкое, не обнаружило никакой аномалии, которая могла бы объяснить кончину Перси. Доктор Бонд пришел в конце концов к выводу: отравление растительным алкалоидом. Подозрение пало на Ламсона. Слишком быстро после его ухода заболел Перси. Подозрительными были манипуляции Ламсона с лекарственной капсулой.

4 декабря в школу прибыл инспектор полиции Фуллер, он обследовал комнату пострадавшего и взял с собой остатки пирога, хереса и сахара. Инспектор Скотланд-ярда Бутчер стал разыскивать Ламсона. Но тот уехал во Францию. Это усилило подозрение, а подозрение перешло почти в уверенность, когда после первых сообщений прессы в полицию явился продавец одной аптеки, который заявил, что 24 ноября продал Ламсону 2 грана атропина. Инспектор Бутчер сообщил об этом шеф-суперинтенденту Уильямсону. В Париж тотчас был направлен сержант Мозер для задержания Ламсона. Но прежде чем Мозер добрался до Парижа, в Лондон вернулся Ламсон и неожиданно, к удивлению Бутчера, появился в Скотланд-ярде. Ламсон заявил, что потрясен ужасной смертью шурина, потрясен, что его подозревают, но он абсолютно невиновен. Он, мол, только для того и вернулся, чтобы доказать свою невиновность. Было заметно, что Ламсон принял морфий и был в возбужденном состоянии. Арестовав его, инспектор Бутчер обнаружил у него книгу с описанием действия растительных ядов.

В те дни в Лондоне токсикологические исследования назначал (как, впрочем, и все судебно-медицинские экспертизы) министр внутренних дел по просьбе прокуратуры. Речь шла почти всегда об отдельных поручениях судебным медикам или профессорам химии, занимавшихся ядами. На этот раз экспертизу поручили доктору Томасу Стивенсону и доктору Дюпрэ. Томас Стивенсон в 1878 году сменил профессора Альфреда Тэйлора в госпитале Гайя. Стивенсон, сын фермера, не стремился к новому и был скорее сверхконсервативным человеком. Но он доказал свое добросовестное отношение к делу уже во многих процессах об отравлении и в последние десятилетия участвовал в разрешении сложных вопросов, используя свою устаревшую лабораторию.

8 декабря Стивенсон и Дюпрэ получили для исследований остатки хереса, пирога, сахара, запечатанные банки с желудком, содержимым желудка, печенью, селезенкой, почками и мочевым пузырем пострадавшего. Доктор Стивенсон способом Стаса получил экстракты, которые дали сильные осадки при проверке их общеалкалоидными реактивами. Специальные реактивы на морфий показали незначительные следы этого яда. Это были следы инъекций доктора Литтла, которые никак не объясняли смерть Перси. Стивенсон продолжал искать. Не удалось обнаружить и следа атропина, приобретенного Ламсоном в аптеке. Но Стивенсон за время своей работы развил у себя исключительную (и опасную) способность различать яды на язык. Он "попробовал" приблизительно пятьдесят растительных ядов и настолько хорошо знал вкус отдельных алкалоидов, что часто устанавливал их наличие до цветной реакции. Это соответствовало его склонности к устаревшим методам прошлых лет, когда еще не было никаких цветных реакций. В деле Ламсона эта склонность пошла ему на пользу. Когда он на языке почувствовал аконитин, то еще не знал, что служащий фирмы "Аллен Ганбури" уточнил свои показания. При проверке книг выяснилось, что Ламсону был продан 24 ноября не атропин, а аконитин.

Стивенсон перепробовал все алкалоидные реактивы, но безрезультатно. Тогда для определения аконитина, для которого в 1881 году не было реактива (и никогда не будет), Стивенсон последовал примеру Тардьё, сделав опыт на животных. Он ввел белым мышам чистый аконитин, используемый некоторыми врачами для обезболивающих втираний при невралгии, и также часть экстрактов из трупа, содержащего алкалоиды. Мыши сдохли через 30 минут при похожих симптомах. При этом наблюдалось чрезмерное возбуждение животных. К этому времени Стивенсон узнал о новых показаниях служащего аптеки. Так как в продаже бывали разные виды аконитина, он предпринял новые опыты, используя теперь подлинную тинктуру фирмы "Аллен Ганбури". Теперь действие экстрактов и чистого аконитина оказалось совершенно идентичным при опытах с различными животными. И наконец, Стивенсон сделал опыт, показавший, как легко можно было несколько миллиграммов аконитина, достаточных для убийства, поместить в капсулу и потом на

глазах у всех досыпать в нее сахар, чтобы не чувствовался привкус яда. О результатах своих исследований Стивенсон и Дюпрэ доложили на четвертый день процесса над Ламсоном.

Наплыв публики в тот день, казалось, сорвет двери здания суда. Все жаждали узнать, что предпримет Монтегю Уильямс, защитник Ламсона, в перекрестном допросе, чтобы развеять все сильнее сгущающиеся над его подзащитным тучи обвинения, последней каплей которых были результаты анализов Стивенсона.

Защитник обвиняемого Уильямс не разочаровал зрителей, хотя они и не сразу поняли, куда он клонит. После длительного допроса Стивенсона защитник спросил: Стивенсон твердо уверен, что нашел в теле Перси Джона ядовитый растительный алкалоид и что Перси умер от отравления аконитином? Стивенсон подтвердил. Уильямс продолжал: Стивенсону, конечно, известны новые научные положения. Наверняка ему известны также открытия, которые недавно были опубликованы итальянскими токсикологами. Они вызывали такую сенсацию, что ни один токсиколог не мог пройти мимо них, и Стивенсон, несомненно, тоже. Но очевидно, Стивенсон не обратил внимания на публикации? Разве ему не известно, что доказали упомянутые токсикологи? А то, что в трупах, которые никогда не соприкасались с растительными алкалоидами, под действием разложения развиваются щелочные субстанции, то есть алкалоиды, которые так же, как и растительные алкалоиды, реагируют на реактивы. Разве Стивенсону не известны факты, вскрытые недавно в Италии, когда токсикологи нерастительные алкалоиды принимали за растительные, из-за чего выносились обвинительные приговоры, а на самом деле никто не совершал убийства?

С каждым словом становилось все яснее, куда клонит Уильямс. В его руках было новое и неожиданное оружие. Видя, как угрожающе растет обвинительный материал против Ламсона, Уильямс решил во что бы то ни стало вызвать сомнения в достоверности результатов токсикологического исследования. С этой целью он обратился за советом к профессору Тилди, лондонскому токсикологу, правда, не такому знаменитому, как Стивенсон. Тилди, к которому часто обращались адвокаты, специально следил за развитием научной мысли и публикациями, за которыми привыкшие к успеху крупные ученые не всегда тщательно следили. Он знал, что Стивенсон не интересовался подробно новым феноменом трупных алкалоидов и при неожиданной атаке проявит неуверенность, вызвав тем самым сомнения присяжных. И вообще он был убежден, что новый феномен свидетельствует о ненадежности прежних методов обнаружения растительных ядов. Обо всем этом Тилди подробно проинформировал Уильямса.

Еще в 1865 году химик Маркар выделял из трупов людей, умерших естественной смертью, щелочные экстракты, которые были очень родственны растительному алкалоиду кониину, яду цикуты. Вещества пахли мышиной мочой. Под действием фосфорномолибденовой кислоты они давали осадок, образуя кристаллы, похожие

своим желтоватым цветом на кристаллы, которые образуются при наличии кониина. С тех пор различные химики занимались этим феноменом и назвали его трупным алкалоидом.

Решающий толчок к исследованию этих алкалоидов дал Франческо Сельми, вначале работавший аптекарем и ставший впоследствии профессором фармокологической химии при университете в Болонье. В 1878 году он опубликовал работу "О растительных и трупных алкалоидах и их значении в токсикологии", которая касалась всестороннего исследования только в этой области.

В книге Сельми описывает два итальянских дела об отравлении, где новые алкалоиды совершенно сбили с толку экспертов. Первое дело касалось неожиданной смерти генерала Гиббонэ в Южной Италии. Химики, которым была поручена экспертиза на яд, заявили, что обнаружили дельфинин, ядовитый алкалоид шпорника. В убийстве генерала заподозрили его слугу. Только отсутствие мотива преступления заставило суд поручить проведение повторной химической экспертизы Сельми. Сельми получил из трупа генерала экстракты, которые действительно реагировали как дельфинин. Но когда он ввел лягушкам чистый дельфинин и полученный им экстракт, то получил абсолютно разные результаты. Хотя экстракт и вызвал остановку сердца, но не в той фазе сердечной деятельности, как при дельфинине. Это побудило Сельми повторить все пробы сначала, перепроверить и искать новые, типичные для дельфинина реакции, чтобы испробовать их на экстракте из трупа. Он обнаружил, что дельфинин реагирует на некоторые химикалии, образуя определенный осадок. Когда же он испытал те же реагенты на экстракте из трупа, то ничего подобного не произошло. Сельми пришел к выводу, что в трупе образовались животные алкалоиды и генерал Гиббонэ наверняка не был отравлен дельфинином. Этот алкалоид может при проверке привести к катастрофическим ошибкам, так как похож на дельфинин.

Еще значительнее было другое уголовное дело, где речь шла о смерти вдовы по имени Сонцогно из Кремоны. Здесь тоже предполагали отравление. Прокуратура поручила химикам в Кремоне обследовать труп через двенадцать дней после смерти. Химики утверждали, что обнаружили морфий. Но так как и на этот раз не было улик, то назначили повторную экспертизу, поручив ее химикам из Милана и Бресции, которые установили, что, безусловно, имеется алкалоид, но наверняка не морфий. Окончательное заключение сделал Сельми. Сначала он тоже столкнулся с фактом, что экстракты из органов умершей действительно давали цветовые реакции, свойственные морфию. Однако, когда Сельми применил тест Пелагри, то получил отрицательный результат. Ни следа морфия. Эксперимент на лягушках тоже убедительно показал, что в "отравленной" нет ни капли морфия, а ошибку породил снова животный алкалоид. Позднее Сельми выяснил, что самым подходящим для определения морфия является тест Пелагри.

Так или иначе, Сельми благодаря тщательности своей работы вскрыл ошибки. Но в каждом токсикологическом исследовании на растительные алкалоиды таилась опасность подобных заблуждений. Под впечатлением работ Сельми итальянское министерство юстиции создало в 1880 году специальную комиссию и поручило ей научно исследовать проблему трупных алкалоидов и устранить возникающие недоразумения. Тем временем эти недоразумения оказали свое влияние на европейских токсикологов и вызвали панику.

Именно это обстоятельство позволило адвокату Монтегю Уильямсу 11 мая 1882 года бросить в лицо Стивенсону перед судом Олд-Бейли свой вопрос. В результате непродолжительного допроса выяснилось, что Стивенсон если вообще что-нибудь знал о работах на континенте по вопросу о животных алкалоидах, то в высшей степени поверхностно. Весьма неуверенно он подтвердил, что некоторые европейские токсикологи утверждают, будто трупные алкалоиды дают одинаковые с растительными алкалоидами реакции. Сельми ему незнаком. Итальянского языка он не знает, и в результате Стивенсон вынужден был признать, что не может назвать утверждения европейских токсикологов об обманчивом сходстве трупных и растительных алкалоидов ложными. Он признал также, что не может заявить, будто нет такого трупного алкалоида, вкус которого напоминал бы вкус аконитина. Стивенсону пришлось повторить заключение. На протяжении всей своей работы он исследовал много трупов и ни разу не столкнулся с ядовитым трупным алкалоидом. В конце он заявил, что не собирается оспаривать результаты работ в Европе.

Монтегю Уильямс мог быть доволен результатами 11 мая. Ему удалось внести в зал суда Олд-Бейли возникшую в мире токсикологии неуверенность и дать своему клиенту, дело которого казалось проигранным, хоть небольшой шанс на спасение. Это и было причиной того напряженного внимания, с каким ожидалась его защитная речь по делу Ламсона 13 мая.

Уильямс говорил почти два дня, 13 и 14 мая. Но, помимо токсикологической экспертизы, было достаточно улик причастности Ламсона к смерти Перси.

14 мая после сорокапятиминутного совещания суд сообщил свое решение. Он признал Ламсона виновным и приговорил его к смерти. Суд поступил правильно, что подтвердило также признание Ламсона за четыре дня до его казни.

Значение дела Ламсона для истории токсикологии заключается в том, что, благодаря сенсационному процессу, стали видны те сомнения и неуверенность, которые угрожали токсикологии и ее достижениям. Спустя десять лет после процесса над Ламсоном одно из уголовных дел в Америке еще раз ярко продемонстрирует все эти сомнения, но в то же время даст толчок усилиям, которые положат конец неуверенности.

8. Маскировка отравления

Нью-йоркскому врачу Роберту Буханану, проживающему в Гринвич-Виледж, 267, Вест-Элевен-стрит, едва исполнилось 30 лет, когда в 1892 году он стал главным действующим лицом необычного уголовного дела.

В мае этого года репортер нью-йоркской газеты "Уорлд" Ик Уайт заинтересовал своих читателей первыми сенсационными сообщениями о таинственном отравлении, жертвой которого 23 апреля 1892 года стала жена доктора Буханана, Анни. Анни была намного старше своего мужа. Детектив Артур Карэй арестовал доктора Буханана 7 июня в одном нью-йоркском кафе. В 1908 году Артур Карэй будет возглавлять нью-йоркскую комиссию по расследованию убийств. В этом же деле его участие было второстепенным. Большое влияние на раскрытие преступления оказал репортер Уайт, чем продемонстрировал, какую необычную роль играли американские журналисты в области криминалистики.

В начале мая 1892 года в погоне за новостями Уайт задержался в бюро нью-йоркского коронера Луиза Шульце. Здесь он стал свидетелем визита пожилого, малопривлекательного человека, назвавшегося Смитом, который прибыл из Ньюарка, чтобы заявить о своих подозрениях в отношении доктора Буханана, совершившего, по его словам, убийство своей жены.

Из заявления стало известно, что Смит до конца 1890 года "опекал" девушек одного увеселительного заведения в Ньюарке, принадлежавшего пятидесятилетней даме по имени Анни Зутерланд. Доктор Буханан, интересовавшийся женщинами и вином больше, чем своей работой, с 1889 года стал постоянным посетителем этого заведения. С середины 1890 года он вдруг стал ухаживать за старой, отцветшей и (как сказал Смит) "ординарной" хозяйкой дома. Смит почувствовал, что может потерять работу, и стал наводить о докторе Буханане справки. Согласно собранным сведениям, Буханан приехал из Галифакса, чтобы открыть в Нью-Йорке врачебную практику. С ним приехала его молодая жена Елена, на которой он женился в Галифаксе. Первое время практика Буханана в Гринвич-Виледж процветала. Но распутство молодого доктора привело сначала к упадку его практики, а затем и к разводу с женой. Елена Буханан вернулась в Галифакс.

В недоверчивой душе Смита зародилось подозрение, что Буханан, испытывая финансовые трудности, решил заманить в свои сети Анни Зутерланд, у которой, кроме ее заведения, было еще наличными 10 000 долларов. Опасения Смита оправдались, ибо осенью 1890 года Анни продала публичный дом (и Смит действительно остался без работы). Потом она вышла замуж за доктора Буханана, сделав его единственным своим наследником, и уехала с ним в Нью-Йорк. Безусловно, парадоксальная пара и парадоксальная история. Смит заявил, что имеет свидетелей. Речь шла о двух собутыльниках доктора Буханана, о Михаиле Макомбере, владель-

це ресторанчика, постоянным посетителем которого был Буханан, и об авантюристе Дория, тоже постоянном посетителе ресторанчика Макомбера. Они оба проводили жену Буханана 26 апреля 1892 года в последний путь на кладбище Гринвуд в Бруклине.

Смит посоветовал коронеру послушать, что расскажут о супружеской жизни доктора Буханана его собутыльники Макомбер и Дория, если их подпоить. Супружество было сплошным скандалом. Анни постоянно угрожала Буханану, что не даст ему больше ни цента, если он не будет "уважать ее, как настоящую супругу". Через некоторое время Буханан стал жаловаться своим друзьям, что его жена — морфинистка и вскоре умрет, если не избавится от этого порока. Смит был готов поклясться, что Анни Зутерланд никогда не употребляла морфия, и утверждал, что она умерла не от сердечного приступа, а Буханан отравил ее, чтобы единолично распоряжаться ее состоянием.

Доктор Макинтир, лечивший Анни Буханан, когда она 22 апреля неожиданно заболела и через сутки скончалась, указал причиной смерти "сердечный приступ", но врачи часто ошибаются.

Ненависть Смита к Буханану была столь очевидной, что коронер Шульце не придал большого значения его заявлению. Зато репортера Уайта заинтересовал рассказ Смита, потому что слово "морфий" напоминало ему дело об умышленном отравлении, которое он в 1891 году распутал вопреки сопротивлению полиции и прокуратуры.

Речь шла об отравлении морфием, совершенном двадцатитрехлетним нью-йоркским студентом-медиком Карлилем Гаррисом. 1 февраля 1891 года он отравил девятнадцатилетнюю школьницу Елену Поттс, с которой был тайно обвенчан. Прошло всего несколько недель после вынесения смертного приговора Карлилю Гаррису, когда в мае 1892 года Уайт начал свои наблюдения за Бухананом. Уайт вначале не предполагал, что дело Гарриса тесно связано с делом доктора Буханана.

Гаррис, внук уважаемого нью-йоркского профессора медицины Вениамина Макреди, молодой интеллигент, смог добиться благосклонности хорошенькой, выросшей в строгой буржуазной семье Елены Поттс лишь тем, что женился на ней. Он скрывал свою женитьбу, потому что боялся гнева своего деда. Узнав о замужестве Елены и о всех его обстоятельствах, ее мать, заботясь о репутации дочери, потребовала от Гарриса официально объявить о женитьбе. Когда в начале 1891 года требования госпожи Поттс стали категоричнее, Гаррис решил избавиться от своей молодой жены, прелестями которой он успел уже пресытиться. Он воспользовался тем, что она жаловалась на бессоницу, выписал ей сам рецепт на шесть капсул, каждая из которых должна была содержать 4,16 грана хинина, 0,16 грана морфия. Это был обычный рецепт, и аптека изготовила капсулы.

Четыре из них он 20 января отдал жене с указанием принимать по одной капсуле перед сном, а две другие оставил у себя якобы по-

тому, что не хотел давать в руки жене слишком много лекарств. Вечером 31 января Елена проснулась в половине одиннадцатого и пожаловалась на головокружение и слабость. Через час она была уже без сознания. Школьный врач Е.Фовлер, пришедший около двенадцати часов, изумился, увидев сузившиеся до булавочной головки зрачки Елены. К тому времени было уже известно, что это признак отравления морфием. Все попытки сохранить Елене жизнь с помощью атропина и кофеина не дали результата. 1 февраля в 11 часов утра Елена скончалась.

Труп осмотрел коронер Луиз Шульце. Течение болезни и контракция зрачков слишком явно указывали на отравление морфием, чтобы Шульце мог этого не заметить. Но истинная подоплека событий была не известна, а распространенное в Новом Свете стремление коронеров, прокуроров и адвокатов экономить средства общественных касс на химических анализах и судах привело к тому, что сначала отказались вообще от какого-либо расследования. Правда, здесь сыграло свою роль и то обстоятельство, что мать пострадавшей, желая скрыть интимные отношения Елены и Гарриса, заявила, что у ее дочери с детства было больное сердце. Лишь позже выяснилось, что это было ложью, так как мать Елены стремилась избежать расследования, которое могло "запятнать гражданскую честь" дочери. Своей ложью она дала коронеру возможность объяснить случившееся несчастным случаем. Либо аптекарь при изготовлении лекарства ошибся, и доза морфия была слишком большой, либо Елена вопреки предписанию Гарриса вместо одной приняла две капсулы, и сердце не выдержало двойной дозы морфия. 7 февраля 1891 года Елена Поттс была похоронена.

Но спустя несколько месяцев, 21 мая, репортер Ик Уайт сообщил ньюйоркцам через газету "Уорлд" сенсацию дня. Он напал на след тайной подоплеки дела, заставил мать Елены Поттс признаться в ее ложных показаниях, выявил любовные похождения Гарриса, описал во всех подробностях симптомы предсмертной болезни Елены, потребовал от атторнея района Николя и его представителя Фрэнсиса Уэллмэна, чтобы труп эксгумировали и поручили исследовать его на яд единственному крупному токсикологу Нью-Йорка тех лет доктору Рудольфу Уитхаусу. Уитхаус во всех предоставленных ему для исследования органах обнаружил морфий. Тогда Гарриса арестовали и обвинили в отравлении жены. Он, мол, передал ей в одной из капсул снотворного смертельную дозу морфия, достать который для него, студента-медика, не представляло трудностей.

Изготовление капсул он сознательно поручил аптеке, чтобы иметь свидетелей их безвредности. Но одну из капсул он наполнил смертельной дозой яда и передал ее с тремя безвредными капсулами своей жене. Он рассчитывал, что когда Елена примет капсулу с ядом, то оставшиеся докажут свою безвредность. Если же Елена примет капсулу с ядом последней, то две предусмотрительно оставленные Гаррисом капсулы и добровольно переданные им прокурору докажут невинность его намерений.

4 января 1892 года судья Смит начал судебный процесс, который после длительных споров закончился смертным приговором для Гарриса.

С тех пор прошло всего несколько недель, и репортер Уайт помнил все подробности сенсационного процесса, когда 3 мая 1892 года он занялся доктором Бухананом. Очень скоро он нашел подтверждение рассказам Смита. В суде по вопросам о наследстве он познакомился с завещанием Анни Буханан. Макомбер и Дория быстро разговорились, когда Уайт угостил их виски. Они сообщили, что Буханан покинул Нью-Йорк, чтобы отдохнуть от тягот своей супружеской жизни. Куда он поехал, этого ни один из них не знал. Когда же Уайт попросил одного коллегу в Галифаксе навести справки о прежней жизни Буханана, то получил известие, от которого у него сначала захватило дух: Буханан находился в Новой Шотландии и 15 мая снова женился на своей бывшей жене Елене. Оба собирались вернуться в Нью-Йорк, где, как сообщили из Галифакса, "Буханана ожидает значительное наследство".

С этого момента Уайт был убежден, что у него впереди большая сенсация. Убеждение стало еще глубже, когда он вторично побеседовал с Макомбером и Дория. Дория вспомнил об одном произведшем на него большое впечатление событии, истинного значения которого он, однако, не понял. В июле, в ночь после осуждения Карлиля Гарриса, Буханан появился в ресторанчике Макомбера. Он хвастался и назвал Гарриса дураком, потому что тот дал себя "уличить". "Доктор говорил, — рассказывал Дория, — что при убийстве морфием можно избежать наказания. Каждой кислоте противостоит основание, и для каждой реакции имеется антиреакция".

Теперь Уайт отправился к врачу Макинтиру, лечившему Анни Буханан перед ее смертью. Макинтир, естественно, насторожился, когда Уайт стал настаивать на том, чтобы он подумал, правилен ли его диагноз относительно кровоизлияния и не наблюдал ли он симптомы отравления морфием. Но врач стал приветливее, услышав высказывание Буханана о Гаррисе. Он признался, что определенные симптомы отравления морфием он действительно наблюдал. Но главный признак — сужение зрачков — ему не довелось наблюдать ни одной минуты. Поэтому был поставлен диагноз "кровоизлияние в мозг". Такие кровоизлияния часто вызывали симптомы, похожие на отравление морфием. При кровоизлиянии в определенную область мозга может наблюдаться даже сужение зрачков. Может быть, Уайт помнит, что этот необычный феномен сыграл также определенную роль в процессе против Гарриса.

Уайт помнил. Защитник Гарриса, тридцатитрехлетний адвокат Уильям Траверс Джером, старался доказать, что Елена Поттс умерла, возможно, и не от отравления морфием. В суд явились знаменитые врачи Нью-Йорка и Филадельфии — доктор Вуд и доктор Рузвельт, чтобы доказать, что сужение зрачков, которое доктор Фовлер наблюдал у Елены Поттс, может быть также вызвано изменением в определенной области мозга.

Адвокат Джером не сумел опровергнуть этим того, что в организме скончавшейся был обнаружен морфий, но у присяжных появились сомнения, и заместителю прокурора стоило многих усилий рассеять их.

Репортер Уайт хорошо помнил этот факт. А доктор Макинтир продолжал: "Имеется другое объяснение даже для сужения зрачков, зато нет никакого объяснения отсутствию сужения зрачков при настоящем отравлении морфием". Макинтиру также не было известно такое средство, которое могло бы предотвратить или замаскировать сужение зрачков при отравлении морфием. Заявления Буханана были ему непонятны.

Это было вечером 18 мая. Поздно вечером Уайт снова отправился в ресторанчик Макомбера, где увидел Буханана сидящим за стойкой бара.

Первая встреча Уайта с человеком, которого он подозревал в отравлении, разочаровала его. Буханан был маленьким невидным человеком с дряблой кожей и воспаленными глазами за стеклами очков в золотой оправе. Уайт стал угощать его в надежде, что, опьянев, тот расскажет что-либо разоблачающее его. Но ничего подобного не произошло. Зато Уайт заметил сильно расширенные зрачки Буханана, и он вспомнил своего школьного друга, у которого были больные глаза. Тот часто посещал окулистов и возвращался от них с неестественно расширенными зрачками. Врачи закапывали в его глаза атропин, чтобы облегчить обследование глазного дна.

Возникшая в связи с этим мысль показалась Уайту сначала невероятной и фантастической. Но он уже не мог отделаться от нее. Не нашел ли он объяснение мистическим словам Буханана? Не закапал ли Буханан в глаза своей отравленной морфием жене атропин, чтобы помешать сужению зрачков? Не в этом ли заключается его тайна?

Уайт под каким-то предлогом попрощался и поспешил к некой миссис Кроуч, ухаживавшей за Анни Буханан во время ее непродолжительной болезни. Он уже беседовал с этой женщиной, но ничего не смог узнать от нее полезного. Теперь ему нужен был ответ на один определенный вопрос, и миссис Кроуч, ничего не подозревая, рассказала, что Буханан несколько раз приходил в комнату больной и капал ей в глаза какое-то лекарство.

Восход солнца застал Уайта в бюро коронера Луиза Шульце. Урок, извлеченный из дела Гарриса, заставил Шульце сразу отреагировать на сообщение Уайта. Шеф-инспектор полиции Нью-Йорка Бернс организовал наблюдение за Бухананом, а 22 мая умершую эксгумировали для исследования. В тот же день исчез доктор Буханан. Видимо, он что-то заподозрил и скрылся. Детектив Карэй напал на его след лишь тогда, когда он обратил внимание на человека по имени Худ, который с 18 мая часто появлялся на кладбище Гринвуд около могилы Анни Буханан. Когда Худа арестовали, он рассказал, что Буханан поручил предупредить его, если кто-нибудь вскроет могилу жены. Худ знал убежище Буханана, где тот скры-

вался от полиции. Карэй шел по пятам за Бухананом, а в это время был представлен отчет о первых результатах вскрытия.

Вскрытие показало, что Анни Буханан умерла не от кровоизлияния. Как и в деле Карлиля Гарриса, токсикологическое исследование поручили доктору Рудольфу Уитхаусу. Когда 7 июня он доложил о своих анализах, подтвердивших наличие морфия в опасных для жизни количествах, и признал возможным использование атропина для обработки глаз, Буханана арестовали и доставили в "Томбз", самую большую тюрьму Нью-Йорка. Как ни казалась вина Буханана уже доказанной, на самом деле все, что произошло, было лишь прелюдией к "спектаклю токсикологии", который навсегда остался связан с именем Буханана.

"Нью-Йорк затаил дыхание", — писала "Уорлд", когда утром 20 марта 1893 года начался процесс Буханана. Делансей, Николь, Осборн и Уэллмэн представляли обвинение. Главный судья по уголовным делам Смит сидел за судейским столом. Защитниками Буханана были Чарлз Брукс и Уильям О'Суливен. Немногие знали О'Суливена. Спустя пять недель, 26 апреля, когда процесс шел к концу, его имя было у всех на устах. Дело Буханана сделало ему карьеру, и все это благодаря тому "спектаклю токсикологии", который он разыграл с артистическим мастерством.

Ранее О'Суливен был врачом. Став адвокатом, он полгода изучал всю имеющуюся литературу об алкалоидах и методах их обнаружения. Его интересовали в первую очередь произведения Франческо Сельми из Италии. О'Суливен был полон решимости ради своего подзащитного использовать как козырь против обнаруженного экспертом обвинения доктором Уитхаусом морфия историю с трупными алкалоидами. Он надеялся "разрушить" обвинение, зная, что присяжные очень восприимчивы к таким наивным и драматическим спектаклям.

Оружие О'Суливена было готово еще до начала процесса. Случай помог ему найти помощника, профессора химии Мичиганского университета Виктора Вогана. Воган тоже ухватился за исследования Сельми и больше ради славы, чем из добросовестности, предпринял многочисленные эксперименты с разложившимися органами животных, чтобы выявить еще какие-нибудь трупные алкалоиды. И действительно, он обнаружил в поджелудочной железе трупный алкалоид, дающий почти такие же реакции, как морфий даже на тест Пелагри.

О'Суливен был не только знаком с работами Сельми, согласно которым тест Пелагри считался самым важным и самым надежным при определении морфия, но и знал показания доктора Рудольфа Уитхауса, выступившего в качестве эксперта в процессе против Гарриса. Ему был известен способ, которым Уитхаус определял морфий. Защитник Гарриса тоже пытался поколебать веру в результаты анализов определения яда Уитхаусом. Он тоже делал упор на трупные алкалоиды, дав понять слушателям, что имеется бесконечное разнообразие ядов, а в связи с этим и ловушек, которых должны

опасаться токсикологи. Но Уитхаус был на высоте. Он применил все пробы, какие только существуют для определения морфия, и предпринял также физиологические опыты на лягушках. Ни один ученый не нашел еще такой трупный алкалоид, который реагировал бы больше, чем на три или четыре из всех известных реагентов морфия. Однако Уитхаус выдвинул на передний план тест Пелагри и заявил, что он является самым надежным методом, которым можно отличить морфий от других трупных алкалоидов.

О'Суливен мог быть уверен, что Уитхаус и в предстоящем процессе Буханана применит все известные пробы и подчеркнет особую надежность теста Пелагри. В этот момент (так он планировал) он начнет атаку, вызовет Вогана в качестве свидетеля надежности теста Пелагри и опровергнет доводы Уитхауса.

Уитхаус тоже сделал свои выводы из процесса над Гаррисом и подготовился лучше, чем обычно. Доказательство наличия морфия во всех органах трупа Анни Буханан, точно и всеобъемлюще выполненное как химическими, так и физиологическими методами, вообще не вызвало бы у токсикологов более позднего времени сомнения в том, что потерпевшая умерла именно от отравления морфием. Но Уитхаус ничего еще не знал об открытии, которое сделал якобы Воган. В своих показаниях на процессе Буханана он делал упор на результаты исследований с тестом Пелагри. Поэтому, ничего не подозревая, он стал участником спектакля, столь тщательно запланированного О'Суливеном.

Адвокат О'Суливен умышленно приурочил этот спектакль к концу заслушивания экспертов и перекрестных допросов. Он ловко вел дело, акцентируя все время внимание на трупных алкалоидах, которые можно по ошибке принять за морфий. Этот вопрос затрагивался им так часто и так подробно, что даже самый ограниченный присяжный мог понять, о чем шла речь. Затем О'Суливен поднялся и обратился с казалось бы невинными вопросами о видах различных тестов, примененных Уитхаусом: тест хлорное железо; тест Гуземана; тест Фреде; тест йодистая кислота; тест азотная кислота, но прежде всего тест Пелагри.

Присяжные, конечно, слышали, сказал О'Суливен, что так называемый тест Пелагри играет особую роль в доказательстве наличия морфия, и спросил, может ли Уитхаус это подтвердить. Уитхаус подтвердил.

Итак, все слышали, что именно при помощи теста Пелагри было установлено, что в трупе обнаружен морфий.

Уитхаус заметил, что в каждом случае речь идет о многих тестах, но подтвердил, что найден морфий.

— Прекрасно, — сказал О'Суливен, — если я правильно понял, то при тесте Пелагри возникает ярко-пурпурная окраска, переходящая в вишневый цвет. — Он спросил Уитхауса, так ли это. Уитхаус снова подтвердил.

— И реакция происходит, — допытывался О'Суливен, — если имеется настоящий морфий?

Уитхаус поправил, что она возникает также при кодеине. Но кодеин можно выделить методом Стаса только при помощи эфира, в то время как морфий выделяется хлороформом или амиловым спиртом. Ошибка невозможна. В этом смысле тест Пелагри типичен для морфия.

— Только для морфия?

— Да, для морфия.

— А не возможно, чтобы какой-нибудь трупный алкалоид давал такую же реакцию?

— Подобное явление еще нигде в мире не наблюдалось.

И тут О'Суливен пригласил в качестве свидетеля профессора Виктора Вогана.

Появление Вогана произвело впечатление неожиданной атаки, и все, что затем последовало, было необычным спектаклем. Воган водворил на стол свои склянки с реагентами и бутылки с экстрактами. Когда он закончил приготовление, О'Суливен спросил его, можно ли с уверенностью утверждать, что проделанные экспертом обвинения исследования дали морфий, и не введен ли эксперт в заблуждение присутствием животного алкалоида.

Воган ответил отрицательно на первый и положительно на второй вопрос.

О'Суливен продолжал: придерживается ли Воган того мнения, что особенно тест Пелагри гарантирует точное определение морфия и никакой трупный алкалоид не может дать похожей реакции?

Воган возразил: такой уверенности не может быть.

— Значит, и тест Пелагри может привести к трагической ошибке?

— Да, конечно, может.

— В состоянии ли Вы доказать возможные ошибки экспертам обвинения?

— Да, могу.

Редко в зале суда царила такая тишина, как в тот момент, когда Воган показал щелочной экстракт, полученный из поджелудочной железы, которая уже несколько недель подвергалась процессу разложения.

При этом Воган пояснил, что добавит в свой экстракт из поджелудочной железы человека, никогда не соприкасавшегося с морфием, пять миллиграммов морфия и подвергнет его пробам, которые использовало обвинение, особенно тесту Пелагри. Для сравнения он подвергнет тем же пробам экстракт, полученный из разложившейся поджелудочной железы, не добавляя морфий. Воган начал с теста хлорное железо, который, как известно каждому опытному токсикологу, при наличии морфия дает чисто-голубой цвет. У Вогана получился голубовато-зеленый. Но Воган стал уверять, что цвет реакции в специальной литературе называется то голубой, то голубовато-зеленый. Присяжным он пояснил, что цвет в обоих случаях одинаковый. Это, мол, самое главное. При тесте Гуземана предписывалось смешать исследуемое вещество с концентрированной серной

кислотой и за пять минут довести до температуры 100—105 градусов, а затем обработать азотной кислотой. Тогда должен образоваться темно-фиолетовый цвет, который перейдет в красный и оранжевый. Воган смешал сравниваемые растворы с серной кислотой и сказал: "Собственно, исследуемый материал нужно подогреть, но это не обязательно. У нас нет здесь нужных для этого устройств". И, не долго думая, налил туда азотную кислоту. В обоих сосудах появился голубовато-зеленый оттенок, но ничего похожего на фиолетовый. Воган спас положение, заявив, что при тесте Гуземана цвет быстро исчезает. Он говорил о "быстро исчезнувшем фиолетовом цвете" и подчеркнул, что в обоих сосудах цвет одинаковый. Реакция Фреде не дала предписанной игры цвета от фиолетового к голубому и желтому, а дала грязно-оранжевый. Но Воган заявил, что грязный цвет и есть фиолетовый. И так как он не хотел слышать возражений, Уэллмэн вскочил и воскликнул: "Я, кажется, становлюсь дальтоником!" Воган настаивал на фиолетовом и, видя колебания присяжных из-за сходства цветов в обоих сравниваемых сосудах, был уверен в успехе. Он подорвал их веру в доказательство при помощи цветных реакций. Имело ли для их нетренированных глаз какое-то значение, что при пробе азотной кислотой вместо красно-оранжевого, переходящего в желтый, появился неопределенный грязно-желтый цвет? Так была подготовлена почва для главной атаки на тест Пелагри.

Прежде чем Воган начал, О'Суливен еще раз обратил внимание присяжных на то, что тест Пелагри, по утверждению обвинения, выдает наличие морфия, образуя ярко-пурпурную окраску, переходящую в вишневый цвет. Воган покажет, что его экстракт из разложившейся материи, не содержащий ни капли морфия, тоже даст точно такую же окраску.

И на глазах растерянного и удивленного Уитхауса Воган осуществил пробу Пелагри, но без учета имеющегося опыта. Согласно предписанию, следовало обработать исследуемый экстракт соляной кислотой и выпарить. Воган же ограничился обработкой соляной кислотой и пренебрег выпариванием. Но возражать и объясняться было уже поздно.

Через некоторое время из зала выбежали первые репортеры, чтобы сообщить в свои газеты о сенсации дня. Свободный от растительных алкалоидов экстракт из разложившейся поджелудочной железы дал ярко-красную окраску на тест Пелагри, такую же, как морфий в экстракте для сравнения. Не может быть сомнений! Трупные алкалоиды дают ту же реакцию, что и морфий! Надежность теста Пелагри была превращена в абсурд. Были поколеблены авторитет Уитхауса и вера в методы определения ядов. Представители прессы, присяжные и зрители видели собственными глазами: красный, ярко-красный цвет.

Вечером этого дня мало кто верил в успех обвинения доктора Буханана. Защитники Брукс и О'Суливен ликовали. Может, они и одержали бы полную победу, если бы в последующие дни не совер-

шили одной ошибки. После процесса Гарриса в Нью-Йорке распространилось мнение, что он был осужден, так как отказался по совету защиты выступить свидетелем в своем деле. Создалось впечатление, что Гаррис боится перекрестного допроса прокурора. Ослепленный триумфом и желая избежать подобного впечатления, О'Суливен рекомендовал Буханану выступить свидетелем. Какая это была ошибка, он понял слишком поздно. Отталкивающая, жалкая внешность Буханана не способна была вызвать к нему симпатию. Но прежде всего он не выдержал натиска беспощадного перекрестного допроса, которому его подверг обвинитель Фрэнсис Уэллмэн. Буханан запутался в противоречиях и во лжи и свел на нет весь успех предшествующего "научного спектакля". И все же присяжным понадобилось двадцать восемь часов, чтобы вынести обвинительный приговор.

Защитники Буханана еще два года сражались в разных инстанциях за его жизнь, и не раз еще звучал тезис о провалившейся токсикологической экспертизе обвинения. По заданию защиты на кладбище Гринвуд закопали на несколько месяцев кролика. Снова пытались доказать, что при гниении образуются вещества, похожие на морфий. Но на этот раз все усилия не привели к положительному результату. Этого и не могло больше случиться, так как Уитхаус, возмущенный спектаклем, который устроил О'Суливен, нашел ошибку и доказал поверхностность исследований Вогана. Последний использовал при получении экстракта загрязненный амиловый спирт, что и вызвало ошибочную игру цвета.

2 июля 1895 года смертный приговор Роберту Буханану был приведен в исполнение.

9. Наука на службе токсикологии. Спектральный анализ. Кристаллы и точки плавления. Структурный анализ рентгеном. Хроматография

Тем временем события, происшедшие на процессе против Буханана, стали известны во всем мире. При всем уважении к американской науке тех лет эти события послужили решающим толчком к усилиям разрешить окончательно вопрос определения алкалоидов и ликвидировать оставшиеся сомнения. В последние два десятилетия XIX века выяснилось, что большинство сообщений об ошибках, вызванных трупными алкалоидами, нужно отнести за счет нечисто проведенного анализа или поверхностного наблюдения за цветом реакции. К тому же исключается присутствие животных алкалоидов в экстрактах, полученных в результате точного применения метода Стаса. И наконец, если это даже и случилось, то использование по меньшей мере шести цветных реакций и в случае необходимости физиологической пробы абсолютно исключает ошибки.

Важнее, однако, было то, что токсикология сделала уже первые шаги на пути к достижению своей цели в создании абсолютно безупречных методов определения алкалоидов, что приведет во второй четверти XX века к поразительным результатам.

20 октября 1910 года, в один из решающих дней процесса против доктора Криппена, свидетелем выступил доктор Уильям Генри Уилсокс, чтобы дать показания о яде, обнаруженном в останках Коры Криппен. Это имя мы уже встречали в разделе о судебной медицине. Речь шла о гиосцине, одном из трех растительных алкалоидов (атропин, гиосцин, гиосциамин), которые, будучи введенными в глаза кошки, вызывают очевидное расширение зрачков и при так называемом тесте Витали дают фиолетовый цвет. Занимаясь многие недели поисками таинственного яда в останках Коры Криппен, Уилсокс применил сначала давно испытанные реакции. Но, достигнув кульминационного пункта своих показаний, этот человек, которому суждено было в судебной токсикологии сыграть значительно большую роль, чем Стивенсону, стал говорить о вещах, которые по крайней мере в Лондоне были еще совершенно не известны. Он говорил о кристаллизации и о точках плавления алкалоидов.

Уилсокс не был таким "блестящим" свидетелем, как Спилсбери. В преклонные годы он говорил, иронизируя над самим собой, что его успехи перед судом нужно отнести за счет того, что он походил на простака, не будучи им. И теперь эти впервые появившиеся понятия он облек в такие невыразительные фразы, что трудно было оценить, какие перспективы эти открытия будут иметь в будущем.

После опыта с глазами кошки Уилсокс обработал полученные методом Стаса экстракты, содержащие алкалоиды, раствором бромистого калия. Большинство алкалоидов после этого давало осадки и образовывало кристаллы типичной для каждого алкалоида формы, что можно было наблюдать в микроскоп. Атропин и гиосциамин образовывали иглоподобные кристаллы, гиосцин же принимал форму капель.

Таким образом, Уилсоксу удавалось идентифицировать в своих экстрактах яд гиосцин.

Определение яда по кристаллам было первым шагом на новом пути. Правда, уже Стас пытался идентифицировать никотин с помощью кристаллизации, и американец Вормлей сообщал о подобных опытах, но только теперь этот метод обратил на себя всеобщее внимание.

Но это не все. Впервые все интересующиеся этим вопросом узнали еще об одном новом методе. Он основан на том, что после кристаллизации при нагревании алкалоиды плавятся. Притом процесс плавления наступает у разных алкалоидов при совершенно разных температурах. Поэтому можно различать яды по точке их плавления.

Так во время перекрестного допроса Уилсокса защитником Криппена Тобином все узнали, что точка плавления обработанного хлоридом золота атропина — 148° С, точка плавления гиосциамина — 160° С и точка плавления гиосцина — 190° С.

Работа последующих пяти десятилетий породила такие методы определения алкалоидов, о которых не могли мечтать не только первые изобретатели цветных реакций, но и преемники Уильяма Генри Уилсокса.

Их возникновение происходило на фоне развития химико-фармацевтической промышленности, начавшегося во второй четверти XX века с того, что путем выделения естественных растительных алкалоидов стали создавать искусственные синтетические продукты, которые походили по своему терапевтическому, а также ядовитому действию на соответствующие растительные алкалоиды или даже превосходили их.

В 1939 году фармакологи Айслеб и Шауманн открыли синтетическое вещество долантин, которое объединяло в себе свойства естественных алкалоидов атропина и морфия. Под названием "демерол", "петидин", "долозал", "меперидин", "пиридозал" совершил свое победное шествие вокруг света долатин, будучи медицинским средством, но в то же время средством случайных, добровольных или намеренных отравлений. Во время второй мировой войны химики Эргарт и Бокмюль обнаружили синтетический продукт поламидон, болеутоляющее действие которого во много раз превосходит морфий. Он так же быстро нашел применение во всем мире, как амидон, адалон, долофин, физептон, миадон, гиптальгин, бутальгин, петальгин и др. Но долантин и поламидон — только два из многочисленных синтетических лечебных и ядовитых веществ, которые оказывают действие как алкалоиды и дают реакцию как алкалоиды.

К старым растительным ядам прибавилось множество синтетических алкалоидов. Число их продолжало расти, когда в 1937 году во Франции было выпущено первое искусственное лекарство антигистамин против аллергических заболеваний всех видов — от астмы до экземы. За несколько лет число их перевалило за две тысячи, среди них по крайней мере несколько дюжин являлось лечебными (и потенциально ядовитыми) веществами. Все это были искусственные алкалоиды.

Новые средства вынудили судебных токсикологов принять участие в соревновании между изготовлением ранее не известных ядов и выработкой методов их определения.

Метод Стаса не утратил своего значения. Он был лишь усовершенствован, но при этом требовалась большая чистота экстрактов. Требование это превысило степень, известную во времена Уилсокса. Не потеряли своего значения и цветные реакции. Их число возросло во много раз вместе с ростом числа ядов. В 1955 году имелось уже тридцать различных тестов определения морфия. В области разработки новых цветных реакций работали главным образом англичане, канадцы, американцы, немцы, французы, шведы и китайцы. Это были: Фултон, Томис, Шу Синг-чен, Ц.Формило, К.Вэнтли и П.Беснард.

Идентификация алкалоидов по точке их плавления получила дальнейшее развитие в трудах ученых Австрии Фишера, Бранд-

штеттера и Раймерса, а также в трудах профессора фармакологии в Инсбруке Людвига Кофлера, умершего в 1951 году. Кофлер изобрел специальный микроскоп, под которым можно было плавить исследуемые вещества, фиксировать начало плавления и сверять по термометру, вмонтированному в микроскоп, температуру плавления.

В это же время бурно развивался метод идентификации алкалоидов по их кристаллизации. Англичанин Е.Кларк создал в Лондоне коллекцию по меньшей мере пятисот форм кристаллов различных алкалоидов, чтобы сделать возможным быстрое сравнение кристаллов исследуемого объекта под микроскопом. Были испытаны почти двести химических реагентов, с помощью которых образуются кристаллы в растворах, содержащих алкалоиды. Пионерами этой работы были: В.Уитмор, И.Тревелл, П.Дюкенуаз, Л.Леви, Ф.Тенгер, А.Хавкинс, Г.Бахман, Г.Вагенаар, А.Марсико и Г.Ваксмут. Теперь достаточно было иметь несколько капель экстракта. Микрокапли в 0,05 миллилитра было достаточно, чтобы проделать пятьсот различных проб.

Больших успехов в области токсикологии удалось достичь к середине XX века благодаря физике. С тех пор, как немецкие исследователи Роберт Бунзен и Густав Кирхгоф в 1859 году создали предпосылки применения спектрального анализа для нужд судебной медицины, прошло ровно сто лет. В 1895 году, благодаря открытию рентгеновских лучей, появился еще один вид лучей, также образующих спектры. В 1912 году немецкий физик, лауреат Нобелевской премии фон Лауэ указал на то, что кристаллы химических веществ могут служить призмами для преломления рентгеновских лучей. Если пропускать рентгеновские лучи через подобный кристалл, то он преломляет часть лучей таким специфическим образом, что по виду преломления можно судить о происхождении соответствующего кристалла. Английский ученый, лауреат Нобелевской премии У.Брэгг, голландский ученый, лауреат Нобелевской премии П.Добье, работавший в Цюрихе, в Берлине и позднее в США, а также его швейцарский коллега П.Шеррер разработали в годы, предшествовавшие первой мировой войне, и после 1914 года метод рентгеновского структурного анализа кристаллов. Позже подверглись регистрации особые свойства тысяч кристаллизированных химических веществ, отмеченных при рентгеновском структурном анализе. Но лишь в 1949, 1950, 1952 и 1955 годах токсикологи Л.Андерсон, Розенблюм, Марион, Гублей, Л.Леви и Г.Фармило распознали значение ультрафиолетовой и инфракрасной спектроскопии для идентификации многих алкалоидов из экстрактов Стаса. В это время на чрезвычайное значение рентгеновского структурного анализа для токсикологии обратили внимание такие токсикологи, как датчанин Т.Гуанг и бельгиец Г.Лакруа. Этот анализ позволял просто и быстро определять кристаллы различных алкалоидов, а тем самым и сами алкалоиды. Американские ученые Варнс, Марвин, Габарино и Шепард возглавили работу по систематизации характерных при-

знаков, способствуя идентификации с помощью рентгеновского спектрального анализа большого числа алкалоидов.

Но может быть, все это было не самым важным. Более важное открытие носит странно звучащее название "хроматография". Прежде всего англичанин А.Карри обеспечил этому методу анализа триумфальное шествие в токсикологию.

В 1903 году русский ботаник Цвет изучал водные растительные экстракты, которые содержали натуральные красящие вещества. Один из этих экстрактов он наливал в стеклянную трубку-колонку, наполненную порошком мела. При этом мел впитывал красящее вещество из экстракта. В головной части меловой колонки возникал слой, в котором оседали все красящие вещества, а с нижнего конца колонки стекал чистый водяной раствор растительного экстракта. Далее происходило неожиданное. Когда ученый сверху снова заливал воду в трубку-колонку, то цветная зона опускалась, но не целиком. Красящие вещества отделялись друг от друга и повисали на различной высоте колонки с четкими границами между цветами. Если снова наливали воду, то они опускались, стекая одно за другим.

Цвет открыл способ разделения смесей различных веществ и разложения их на составные части. Этот способ разделения получил название "хроматографический анализ", по названию краски (хрома) и письма (графия) на греческом языке. Способ этот был забыт и в начале 30-х годов вновь открыт немцем Рихардом Кюном в Гейдельберге. Выяснилось, что с помощью хроматографии можно разлагать на составные части различные химические вещества и таким образом идентифицировать их составные части. Если составные части были бесцветными, то их положение в колонке определялось с помощью ультрафиолетовых лучей или реактивов, которые, как и при токсикологических анализах, давали определенные цвета.

Наконец выяснилось, что мел можно заменить фильтровальной бумагой, которая давала тот же результат. С 1950 по 1960 год токсикологи овладевали новым методом. Бумажная хроматография стала для определения алкалоидов самым великим достижением со времен Стаса. В разработке этого метода принимали участие многие ученые: англичанин Карри, немцы Цандер и Зиммер, бразильцы Морес и Пальма, американец Генест, швейцарцы Бюхи, Шумахер и другие ученые. Созданные на протяжении столетия цветные реактивы стали средством, которое делает видимым бесцветные алкалоиды, в мельчайших количествах оседающие раздельно на фильтровальной бумаге.

С введением хроматографического анализа в систему токсикологии закончилась столетняя история охоты за растительными алкалоидами и за их синтетическими родственниками. И все же это был лишь один акт из драмы человеческих усилий, заблуждений, триумфов, новых заблуждений и новых триумфов. Правда, речь идет об акте, определившем ход дальнейшего развития всей судебной токсикологии.

Борясь с алкалоидами, токсикология попутно научилась распознавать действие большого числа других ядов и определять их. Вместо когда-то известного небольшого ряда металлических и минеральных ядов эпоха химии и индустрии породила необозримое количество ядов и расширила круг их распространения. Их ряд протянулся от соединений марганца, железа, никеля и меди до таллия. В виде стиральных порошков, ядохимикатов для борьбы с насекомыми и медикаментов они попали в руки миллионов людей. Маленький ручеек газообразных ядов, как, например, газ синильной кислоты, также превратился в необозримый поток. Возглавлял ряд ядовитых газов по-прежнему углекислый газ. За ним следовали сероводородные и сероуглеродные соединения, вплоть до трихлорэтилена. Все эти ядовитые вещества попадали в руки людей. То же самое относится к множеству кислот и щелочей, от метилсульфата до салициловой кислоты, компонента жаропонижающего и болеутоляющего аспирина, завоевавшей весь мир и уже много десятилетий занимающей третье место среди ядов самоубийц после углекислого газа и барбитуратов.

Ни один наблюдатель не мог бы оспаривать факта, что из первых усилий шедших на ощупь пионеров выросла целая наука. И все же, несмотря на все триумфы, все успехи, уже в XIX веке встал вопрос: достаточно ли доказать наличие яда в выделениях, в крови и в тканях тела живых или мертвых, чтобы установить, идет ли здесь речь о жертве умышленного отравления, самоубийства или о медицинском и профессиональном отравлении? Достаточно ли, как это иногда случалось, приблизительного определения количества обнаруженного яда и сделанных на этом основании приблизительных выводов о количестве принятого жертвой яда? Не следовало бы найти методы точного определения количества обнаруженных ядов? Не в этом ли заключается главная цель, венец всех усилий?

10. Снова мышьяк! Атомное исследование и радиоактивное измерение мышьяка в волосах человека. Лондон, 1911 год

Арестовывая 4 декабря 1911 года лондонского страхового агента Фредерика Генри Седдона около его дома на Толлингтон-парк, 63, шеф-инспектор Скотланд-ярда Альфред Уорд заявил: "Я арестовываю вас за умышленное отравление мышьяком Элизы Мэри Барроу".

Еще раз, спустя семьдесят лет, на арене нашей истории появился мышьяк. С тех пор, как за Марией Лафарг захлопнулись ворота тюрьмы, ни на минуту не затихала борьба с отравлениями мышьяком.

В 1842 году немецкий химик Гуго Райнш из Цвейбрюккена опубликовал новый метод обнаружения мышьяка. Он заключался в следующем: раствор, в котором предполагалось наличие мышьяка, смешивали с соляной кислотой и доводили до кипения. Затем туда помещали медную проволоку. Находящийся в растворе мышьяк осе-

дал на меди в виде серого налета. Когда в 1859 году при подозрительных обстоятельствах скончалась вторая жена английского врача Смэтхерста, Тэйлор подверг анализу методом Райнша рвотную массу пострадавшей и во время предварительного следствия утверждал, что нашел мышьяк. Но еще до начала процесса он был вынужден признать свою ошибку. Согласно правилам, он проверил использованную им соляную кислоту, не содержит ли она мышьяк, но никому, в том числе и Райншу, не пришло в голову, что мышьяк может содержаться также в меди. К своему ужасу, Тэйлор установил, что обнаруженный им мышьяк был занесен в исследуемое вещество вместе с медной проволокой. Двумя десятилетиями позже такую же ошибку допустил Франц Леопольд Зонненшайн, профессор химии в Берлине и автор нашумевшего учебника по судебной химии.

6 мая 1875 года в Бомсте, маленьком городке Пруссии, скончалась молодая жена аптекаря Шпайхерта. Аптекаря подозревали в отравлении жены. Зонненшайн установил "вполне определенные следы мышьяка" и тем самым способствовал смертному приговору для Шпайхерта, который, впрочем, потом заменили пожизненной каторгой. И лишь спустя много лет, когда Зонненшайна уже не было в живых, выяснилось, что на этот раз мышьяк проник в исследуемое вещество вместе с сероводородом, которым пользовались во время исследования. Считалось, что сероводород несовместим с мышьяковистым водородом. Однако в 1879 году немецкий химик Р.Отто доказал, что сероводород может содержать мышьяк, а в 1886 году О.Якобсон показал метод очистки сероводорода от таких примесей.

Сомнения при определении алкалоидов, мучившие ученых десятки лет, появлялись также и при определении металлических ядов. Вновь актуальными стали проблемы, которые пытался разрешить еще Орфила. Может быть, натуральный мышьяк содержится также в организме человека? Не попадает ли он ежедневно в организм человека из тысячи неизвестных источников, "накапливается" в организме и при расследовании причин смерти может привести к ошибочным результатам?

В 1898 году врач по кожным болезням Эдуард Шиф обратил внимание на то, что в волосах человека очень часто встречается мышьяк. Поэтому он рекомендовал при расследовании случаев отравлений иметь в виду и волосы.

Когда на рубеже столетий в Манчестере пострадали от отравления мышьяком почти 6000 человек, специальная королевская британская комиссия установила, что при изготовлении глюкозы, применяемой в пивоварении, в нее проник мышьяк. Комиссия обнаружила еще множество других продуктов, в которых содержался мышьяк: искусственные дрожжи, солод, уксус, мармелад, хлеб и сладости, покрытые веществом, содержащим мышьяк. Она нашла мышьяк в зеленой клеевой краске и в обоях. Такие обои в квартирах вызывали симптомы отравления мышьяком. Комиссия нашла

подтверждение тому, что даже незначительные следы мышьяка накапливаются в волосах, к тому же мышьяк поступает в волосы через некоторое время (тогда полагали — через три недели) после начала отравления. Сначала его можно было обнаружить у самых корней волос. Так как волосы за месяц отрастали на полтора сантиметра, то и мышьяк в волосах удалялся от кожи головы. Чем дальше от корня в волосах находили мышьяк, тем раньше началось отравление. Если обнаруживали мышьяк только на кончиках волос, это означало, что поступление мышьяка в организм произошло в какое-то время в прошлом. Если в волосах встречалось несколько отдельных отрезков, содержащих мышьяк, это говорило о том, что отравление мышьяком осуществлялось с перерывами.

Все вновь и вновь вставал вопрос о наличии мышьяка в земле кладбищ. Со временем распространилось мнение Орфилы, считавшего, что мышьяк находится в земле в виде мышьяковокислого кальция, который не растворяется ни в дождевой воде, ни от "влажности земли", вследствие чего вряд ли мышьяк может проникнуть в трупы, тем более через доски гроба. Лишь спустя долгое время, когда останки трупа входят в непосредственное соприкосновение с землей, содержащей мышьяк, нельзя исключить возможность проникновения его в эти останки.

Чтобы во всяком случае избежать ошибки, стало правилом при эксгумировании брать пробы земли, расположенной справа, слева, под и над гробом. Если при пробе Марша оказывалось, что в земле, прежде всего над гробом, больше мышьяка, чем в самом трупе, то нельзя было полностью исключить возможность его попадания в труп извне. Если же, напротив, в земле не было мышьяка или было лишь незначительное количество, а в трупе — очень много, то можно утверждать, что имеешь дело с отравлением, и больше того: мышьяк попал в почву из трупа.

Но что значит "много"? Что значит "мало"? Можно ли безошибочно измерить? Не зависит ли измерение от остроты глаз и чувства каждого отдельного химика?

В этом мире, где, казалось, повсюду был мышьяк, все чаще вставал вопрос о создании более точных методов определения этого яда, методов, которые позволили бы установить с точностью до мельчайших долей миллиграмма, какое количество проникшего в организм мышьяка является безвредным; сколько мышьяка содержит кладбищенская земля, похороненный в ней труп или его волосы. За решением вопроса: "какой яд?", следовал вопрос: "сколько?".

Именно так обстояло дело, когда 4 декабря 1911 года шеф-инспектор Уорд арестовал Фредерика Генри Седдона. Элизе Барроу, в убийстве которой обвинялся Седдон, было сорок восемь лет. Благодаря полученному наследству она сумела сколотить небольшое состояние, включающее дом, ценные бумаги, наличные деньги и драгоценности. До июля 1910 года она вместе с семилетним племянником Эрнестом Грантом жила в доме кузена Вандерэя недалеко от Тиллингтон-парка и занималась преимущественно тем, что обере-

гала свои деньги и обвиняла Вандерэя в вымогательстве наследства. Все это приводило к частым скандалам. Услышав летом 1910 года о том, что за 12 шиллингов в неделю можно снять верхний этаж в доме Фредерика Седдона, Элиза Барроу покинула кузена и 25 июля поселилась со своим племянником у Седдона.

Сорокалетнего Фредерика Седдона, маленького лысого человека с холодными глазами, характеризовала неудержимая страсть к наживе. Работая инспектором в Лондонско-Манчестерской промышленной страховой компании, он нажил за двадцать лет капитал в 400 фунтов, и его самым большим желанием было увеличить свое состояние.

В этом между ним и Элизой Барроу существовало, несомненно, духовное родство. Во всяком случае, страсть к деньгам породила странные отношения между ними. Уже 14 октября мисс Барроу передала Седдону ценные бумаги на сумму 1600 фунтов в обмен на еженедельную пожизненную ренту. Такая рента казалась ей более выгодной и надежной, чем ценные бумаги. 9 июня следующего года Седдон овладел уже доходным домом, принадлежавшим раньше Элизе Барроу. В качестве компенсации он увеличил ее еженедельную ренту на 3 фунта. Когда летом 1911 года "Биркбэкбэнк", в котором Элиза Барроу держала свои деньги, переживал трудности, она под влиянием Седдона сняла с книжки все имевшиеся у нее наличные деньги в размере 400 фунтов и спрятала их в своей спальне вместе с драгоценностями. Итак, к этому времени все ее состояние находилось либо в руках Седдона, либо в его доме. Спустя некоторое время, 26 августа 1911 года, дочь Седдона покупает пакет мышьяковой бумаги от мух. А через несколько дней заболевает Элиза Барроу — рвота, рези в животе, понос. Доктор Сварн ставит диагноз: "эпидемическая диарея" — и предлагает больной лечь в госпиталь. Но из скупости она это отклоняет и поручает уход за собой мистеру Седдону. 12 дней пролежала она, медленно умирая, в своей постели. В ночь с 13 на 14 сентября Элиза Барроу умерла, и Седдон тотчас принялся обыскивать ее комнату. Позже он утверждал, что нашел всего 10 фунтов. Но его служащие видели, как он рано утром считал деньги. Седдон посетил ювелира с кольцом умершей и просил удалить выгравированные на нем инициалы матери Элизы Барроу. Он положил большие суммы в банки и отправился к доктору Сварну, который, не осмотрев труп, выписал ему свидетельство о смерти. Причиной смерти была указана эпидемическая диарея. И наконец, Седдон сам позаботился о похоронах Элизы Барроу, не сообщив даже ее родственникам, Вандерэям. Он заказал самый дешевый гроб и получил от предпринимателя похоронного бюро 12 шиллингов комиссионных за организацию похорон.

16 сентября 1911 года на кладбище Финчлей состоялось погребение Элизы Барроу, а спустя шесть дней Седдоны отправились в путешествие к морю.

Тем временем о смерти своей родственницы узнал Вандерэй и в надежде получить наследство явился к дому Седдона. Дом был за-

перт. Только 9 октября ему наконец удалось застать Седдона. Седдон сообщил ему, что наследство Элизы Барроу составляет 10 фунтов. Он же, Седдон, потратил на похороны и заботы о ее племяннике 11 фунтов 1 шиллинг и 10,5 пенса, так что наследник должен ему больше фунта. Правда, остались еще несколько платьев и мебель стоимостью примерно 16 фунтов. Когда Вандерэй поинтересовался ее домом, акциями и счетом в банке, то Седдон объяснил ему, что дом и акции законным путем перешли теперь в его собственность, он же, согласно условиям, выплачивал Элизе Барроу ренту до самой ее смерти. Что же касается наличных денег, то это была легенда.

Не веря ни одному слову Седдона, Вандерэй поехал 10 октября в Скотланд-ярд. Шеф-инспектор Уордли сержанты уголовной полиции Купер и Гауман получили задание произвести расследование. За месяц работы они столкнулись с таким количеством подозрительных обстоятельств, что уже 15 ноября по поручению министерства внутренних дел Спилсбери произвел эксгумацию трупа Элизы Барроу. Не обнаружив признаков естественной смерти, он передал дальнейшее расследование на яд в руки Уилсокса, имя которого после дела Криппена было широко известно. Уилсокс при помощи аппарата Марша установил, что в теле и волосах пострадавшей в смертельных количествах содержится мышьяк. Было совершенно ясно, что Элиза Барроу скончалась от острого отравления мышьяком. К этому времени Уилсокс занимался вопросами установления точного количества яда в организме пострадавшего.

29 ноября он отправился в помещение, где находились останки Элизы Барроу, и взвесил их как можно точнее, а в своей лаборатории взвесил все доставленные ему для анализов органы пострадавшей. Было установлено, что вес эксгумированного трупа Элизы Барроу составлял 60 фунтов, в то время как в последние годы ее жизни она весила 140 фунтов.

До сих пор считалось невозможным определение веса мышьяка, который оседал в виде бляшек в аппарате Марша. Уилсоксу казалось, что он нашел способ количественного определения мышьяка. Нужно было пропустить через аппарат Марша много различных доз чистого мышьяка и получить соответственно каждой дозе бляшку мышьяка. Запаяв стеклянную трубочку с образовавшимися в ней бляшками мышьяка, можно получить весовой эталон, по которому путем сравнения определяется количество мышьяка, полученного при токсикологических анализах. Для этого необходимо создать эталоны для веса от одного миллиграмма до 0,005 миллиграмма мышьяка.

Уилсокс изготовил несколько сотен сравнительных бляшек и приступил к исследованию органов Элизы Барроу.

От желудка, весившего 105 граммов, он взял 0,525 грамма, что составило одну двухсотую его часть, подверг исследованию в аппарате Марша, получил бляшку мышьяка и установил по эталону его вес. Полученное число он умножил на 200 и установил, что во всем

желудке было 7,3 миллиграмма мышьяка. Так он исследовал все органы. Выяснилось: кишки содержали 41 миллиграмм мышьяка, печень — 11,13 миллиграмма и т.д. Трудней было определить вес мышьяка в коже, костях и мышцах. Уилсоксу не хотелось разрушать все тело пострадавшей, препарировать все части тела и взвешивать каждую из них отдельно. Он подверг сравнительному анализу, например, только 6 граммов мышц и установил, что в них содержится 1,3 миллиграмма мышьяка. Но так как общий вес мышц не был установлен, отсутствовало точное число множителя. Уилсокс использовал для установления этого числа известное положение, что вес мышц человека составляет две пятых общего веса тела. Итак, он выяснил, что мышцы содержат 67,2 миллиграмма мышьяка. Уилсокс решил не включать в общий баланс количество мышьяка в волосах, коже и костях, так как и без них вес мышьяка в теле составил 131,57 миллиграмма, что свидетельствовало об отравлении. Неучтенные количества мышьяка Уилсокс решил использовать в качестве своеобразного резерва в случае, если защита Седдона обнаружит в его анализе какие-либо просчеты.

Уилсокс не ошибся, ожидая борьбу. С того момента, как 4 марта 1912 года на скамье подсудимых в Олд-Бейли появились Седдон и его жена, подозреваемая в соучастии, началось одно из самых ожесточенных судебно-токсикологических сражений, происходивших когда-либо в Лондоне. Защитником Седдона был Эдвард Марчелл Холл, самый опытный в области медицины адвокат того времени. Взяв на себя защиту Седдона, он заметил: "Это самое темное дело из всех, которые мне довелось вести". Против обыкновения, он на этот раз не верил в невиновность своего подзащитного. И все же он сражался так, будто защищал невиновного. Уилсокс стал мишенью его умной и целенаправленной тактики.

7 и 8 марта 1912 года начался перекрестный допрос Уилсокса. У Холла были наготове две стрелы. Уилсокс позднее признался, что обе явились для него неожиданностью, а вторая чуть не погубила его. Холл был достаточно умен, чтобы не отрицать подсчеты Уилсокса, но он нашел слабые места, которые Уилсокс, как ни странно, проглядел. "Хорошо, — начал Холл, — так, из показаний Уилсокса мы знаем, как он вычислил общее количество мышьяка в теле пострадавшей. Он умножил результаты своих анализов отдельных частиц, притом на довольно большие числа, в почках на 60, в желудке на 200, в мышцах на 2000". Марчелл Холл обратился к Уилсоксу, спрашивая, правильно ли он говорит.

Уилсокс подтвердил.

Марчелл Холл продолжал: "Уилсокс понимает, что малейшая ошибка в определении веса может при умножении стать большой и привести к роковым заблуждениям. Не так ли?"

Уилсокс снова подтвердил.

Ну, продолжал Холл, тогда он хочет поговорить о мышцах. Уилсокс умножил здесь определенное им в шести граммах мышц количество яда на 2000, потому что общий вес трупа Элизы Барроу

составлял 60 фунтов. Он применил здесь положение, что вес мышц составляет две пятых общего веса тела.

— Да, это так.

Хорошо. Но Уилсокс недоучел здесь кое-что очень важное. Элиза Барроу весила 140 фунтов, теперь она весит 60. Потеря веса вызвана испарением влаги из человеческой ткани. Но мышцы содержат значительно больше влаги, чем другие органы тела.

Уилсокс кивнул: "Правильно".

Значит, они потеряли также больше влаги, чем другие органы. Разве это не нарушит правило, что они составляют две пятых веса тела? Разве умножение на 2000 не приведет его к ошибочному результату?

Уилсоксу ничего не оставалось, как признать свою ошибку. Но это еще не сводило на нет всю проделанную им работу, потому что разница соотношения веса мышц и всего тела была не так уж велика, да и в запасе у него еще оставались неучтенные части тела, содержащие яд. Но это был один из тех моментов в истории токсикологии, когда умные и грамотные адвокаты давали токсикологам незабываемые уроки и тем самым побуждали их к дальнейшей работе на благо прогресса, даже если их целью было лишь вызвать недоверие присяжных к показаниям свидетелей обвинения. Но Марчелл Холл еще не кончил. Он сменил тему. Он повел теперь речь о весовом количестве мышьяка в волосах Элизы Барроу. Холл тщательно изучил отчет манчестерской комиссии от 1906 года. Он помнил все подробности отчета, в то время как Уилсокс не имел их теперь под рукой.

"В той части волос, которая ближе всего к коже головы, вы обнаружили восьмисотую часть миллиграмма мышьяка".

Уилсокс ответил: "Так точно".

"А сколько вы нашли в той части волос, которая больше всего удалена от кожи головы?"

"...приблизительно четверть этого количества!"

И тут Холл преподнес результаты манчестерской комиссии. Уилсокс утверждает, что Элиза Барроу умерла от острого отравления мышьяком, то есть от яда, который она получала в последние две недели перед смертью. Как же сочетается диагноз "острое отравление" с выводами комиссии от 1906 года, если даже кончики волос Элизы Барроу содержали мышьяк? Если при отравлении мышьяком нужны были недели для того, чтобы мышьяк появился в корнях волос, и десять месяцев, чтобы он проник в волосы пятнадцатисантиметровой длины, то как он мог за четырнадцать дней оказаться в кончиках волос? Холл поинтересовался, нельзя ли при таких обстоятельствах предположить, что Элиза Барроу приняла мышьяк уже год назад?

Уилсокс онемел от удивления. Затем он пролепетал: "Год назад..." Но, отвечая на вопросы Холла, продолжавшего свой допрос, он думал о возникшем недоразумении и понял, в чем причина ошибки. Волосы Элизы Барроу были в крови и впитали в себя мышьяк.

Сразу же после заседания суда Уилсокс поспешил в госпиталь святой Марии. Там он взял пучок не содержащих мышьяка волос и положил его в жидкость из гроба Элизы Барроу. На следующий день, 11 марта, он проконтролировал содержание мышьяка в волосах. Да, мышьяк впитался в волосы, и только с помощью ацетона удалось избавиться от яда.

Итак, Уилсокс прав. Мышьяк в волосах Элизы Барроу проник извне. Из тела он не мог проникнуть в волосы из-за слишком короткого срока между отравлением и наступлением смерти.

12 марта Уилсокс снова выступил как свидетель обвинения и окончательно отразил атаку Марчелла Холла.

Выступление Седдона в качестве свидетеля по своему делу окончательно разоблачило его холодную и, если речь шла о деньгах, ни перед чем не останавливавшуюся натуру. Суд признал его виновным. 18 апреля 1912 года Седдон был повешен в тюрьме Пентонвиль.

Со времени процесса над Седдоном борьба за создание надежных методов количественного определения яда в подозреваемых субстанциях не прекращалась ни на минуту. После исследований по количественному определению мышьяка начались исследования количественного определения всех известных и вновь открытых ядов.

Любой метод количественного или весового определения элементов и веществ, имевшийся уже или изобретенный в ближайшие пятьдесят лет в химии или физической химии, рано или поздно находил свой путь в токсикологию.

Началось с колориметрии. Она исходила из того, что многие органические и неорганические вещества либо образовывали цветные растворы, либо их можно было, как алкалоиды, превратить в более или менее окрашенные растворы. Интенсивность их окраски зависела от процента красящего вещества. Были изготовлены из известных веществ в различных количествах и с различной концентрацией растворы-образцы. Тон их окраски сравнивали с окраской раствора, концентрация которого не была известна. Такое сравнение (сначала на глаз, затем с помощью аппаратов) позволяло установить концентрацию исследуемого вещества.

Вскоре появилась титрометрия. Она базировалась на том факте, что для определенной реакции растворенного вещества, например, для образования осадка, необходимо определенное количество химического реагента. Момент наступления реакции становился видимым, если добавляли несколько капель красящего вещества: в момент реакции наступало также изменение цвета раствора. При установлении концентрации раствора исследуемого вещества реактив вводился малыми дозами, под конец каплями, пока не наступало изменение цвета. Количеством реактива измерялась и вычислялась концентрация исследуемого раствора. Этот метод также оправдал себя на службе токсикологии. Он оправдал себя при количественном определении мышьяка. Можно было определить количество яда в бляшках мышьяка, если растворить их в йодистом

калии или в йод-монохлориде и рассчитывать с помощью титрометрии.

Определение количества металлических ядов, таких, как антимон (сурьма), часто удается с помощью электролиза. Оно исходит из того, что металлические соли распадаются в водном растворе, притом распадаются на положительно заряженные металлические ионы и отрицательно заряженные ионы остатка кислоты. Если опустить в такой раствор два электрода из платины и пропустить постоянный ток, то положительно заряженные металлические ионы устремятся к отрицательному электроду (катоду), в то время как отрицательно заряженные ионы остатка кислоты направятся к положительно заряженному электроду (аноду). Таким образом, можно выделить из соляного раствора металл и собрать его на катоде. Количество его можно точно установить, высчитав разницу в весе катода до и после опыта.

Для количественного определения ядов успешно используется и спектральный анализ. Произведя в определении вида яда революцию, метод спектрального анализа сыграл не менее важную роль и для определения его количества. Типичные для ядовитых веществ линии видимого, ультрафиолетового и инфракрасного спектров можно измерить по их интенсивности, а отсюда сделать вывод о концентрации или количестве яда.

Уилсокс не дожил до того времени, когда стало возможным определение даже самых малых количеств ядов с помощью спектрофотометра, колориметра или фотоэлементов.

Возможность измерить даже незначительные следы вещества решила наконец спорную проблему о естественном нахождении мышьяка в человеческом организме. Его действительно обнаружили. Мышьяк существует не только в костях. Он существует в крови, мозгу, сердце, легких, печени, почках, селезенке и в молоке матери. Он существует в волосах и ногтях каждого человека, даже если он не соприкасался с мышьяком никогда в жизни. Но естественного количества мышьяка в организме так мало, что во времена Орфилы даже не существовало обозначения для столь малых количеств: гамма, миллионная часть грамма. В результате многочисленных вычислений установлено нормальное содержание мышьяка в организме человека: одна десятимиллионная часть веса тела. Естественное содержание мышьяка в волосах колеблется между 0,24 и 3,8 гаммы на грамм волос. Люди, которые имеют дело с мышьяком, например виноградари, обрабатывающие виноград противонасекомными химикалиями, содержащими мышьяк, а также люди, питающиеся морскими животными, например омарами, имеют в организме больше мышьяка. Вместо обычных от 67 до 102 гамм мышьяка в моче у них обнаруживают 285 гамм.

Возможность измерения мельчайших количеств мышьяка в волосах отравленных или скончавшихся при подозрительных обстоятельствах показала, что уже через пять дней после введения большого количества мышьяка яд можно обнаружить в корнях во-

лос. Путем многочисленных экспериментов на животных, которым с промежутками времени давали определенные дозы мышьяка и затем точно определяли количество найденного в волосах яда, установили, что волосы действительно являются своеобразной шкалой, по которой можно определить дозировку яда. Условием использования этой шкалы является предварительная очистка волос соляной кислотой, спиртом и ацетоном, чтобы исключить возможность попадания яда извне. После такой процедуры в волосах оставался всегда только проникнувший туда из организма яд, по которому определялся способ, продолжительность и степень отравления.

Исследование почвы новыми методами показало, что в земле мышьяка больше, чем предполагали раньше. 50 процентов земли содержит от 5 до 10 миллиграммов на каждый килограмм, 20 процентов — больше 10 миллиграммов, 30 процентов — меньше 5 миллиграммов на килограмм земли. Итак, земля содержит мышьяк, и его становится в земле все больше и больше из-за применения искусственных удобрений и содержащих мышьяк химикалиев против насекомых.

Хотя результаты многочисленных опытов не подтверждают теорию о попадании мышьяка в захороненные трупы из земли, все же при эксгумации трупов нужно тщательно следить за тем, чтобы содержащая мышьяк земля не соприкасалась с материалом исследования и не повлияла тем самым на результаты анализов.

К середине XX столетия возможность качественного определения ядов достигла такой степени, о которой токсикологи времен Уилсокса не могли и мечтать.

И все же появлялись все новые и новые методы. Результаты исследования атома, нашедшие применение почти во всех отраслях народного хозяйства, заинтересовали также судебных токсикологов. Некоторые токсикологи, прежде всего во Франции, предприняли первые попытки определения металлических ядов и их количества при помощи радиоактивных элементов. Их эксперименты касались прежде всего мышьяка в волосах; они делали его радиоактивным с помощью нейтронов, измеряли затем его излучение и по степени этого излучения судили о количестве мышьяка.

Решение вопроса, явился ли человек жертвой отравления мышьяком, казалось, было освобождено от всех сомнений. На фоне столь благополучного положения дел весной 1952 года произошло одно из тех событий, которые много раз на протяжении истории делали токсикологию центром внимания всей общественности, подвергая ее тяжким испытаниям и побуждая к достижению новых вершин науки. Событие разыгралось на юго-западе Франции, в Пуатье.

По делу обвинялась женщина, обвинялась в отравлении мышьяком по крайней мере двенадцати человек. Ее имя было Мария Беснар, урожденная Девайан.

Ее прозвали Черная вдова из Лудёна.

11. Черная вдова из Лудёна. Новое о мышьяке, 1961 год

21 июля 1949 года, в день ареста, Марии Беснар было 53 года. Землевладелица, рантье из города Лудёна. Среднего роста, старообразная, с провинциальной косметикой на лице, бегающими глазками за круглыми стеклами очков и тонкими губами. В общем, типичная женщина французской провинции Вьенн, местности с деревушками и городками, с раздробленными поместьями, мелкими крестьянскими хозяйствами, арендаторами, ремесленниками, где все друг друга знали, где деньги хранили еще в чулках и скрашивали досуг вином, едой, любовью и сплетнями.

И именно сплетни породили дело Марии Беснар, дело, затянувшееся на много лет.

Когда 25 октября 1947 года после непродолжительной болезни скончался Леон Беснар, муж Марии, мадам Пенту сообщила одному из своих "друзей", помещику Августу Массип, будто Леон Беснар сказал ей незадолго до своей кончины, что жена хочет отравить его. Август Массип, проживавший с двумя слабоумными братьями в разоренном поместье, передал слова Пенту в уголовную полицию Пуатье. Там это сообщение попало в руки двадцатипятилетнего следователя Пьера Рожэ. Он и инспектора Сюртэ — Нокэ, Шомье и Норман, дали толчок делу Беснар, остановить которое не смогли потом в течение 14 лет.

Первые расследования далеко не пошли, потому что мадам Пенту стала отрицать, будто подозревала Марию Беснар в убийстве. Но нашлись другие жители Лудёна, у которых Мария Беснар вызвала подозрение. В хозяйстве Беснаров в мае 1947 года работал двадцатилетний немецкий военнопленный по имени Диц. Его считали любовником Марии Беснар. По слухам, Леон Беснар говорил однажды, что он-де не хозяин в своем доме, а раб своего слуги. До появления молодого немца жители Лудёна были обеспокоены целым потоком анонимных писем непристойного содержания. Графологический анализ этих писем, осуществленный доктором Эдмондом Локардом, известным пионером научной криминалистики в Лионе, показал, что они написаны Марией Беснар и вызваны, как свидетельствуют многочисленные примеры истории криминалистики, сексуальными извращениями. Мария Беснар решительно отрицала свою причастность к сомнительным письмам. Но против нее свидетельствовал тот факт, что поток писем прекратился с момента появления в ее доме молодого немца. Инспектор Нокэ убедился в том, что мотивом отравления Леона Беснара могло быть желание жадной до любовных утех женщины устранить старика мужа и иметь возможность без помех жить с молодым немцем. После смерти мужа она предприняла несколько длительных автопутешествий вместе со своим слугой, а когда в мае 1948 года Диц вернулся на родину, она продолжала переписываться с ним и добилась того, что он в 1949 году снова появился в Лудёне, где он якобы с ее помощью собирался обосноваться, так как дома не нашел для себя подходящей работы.

Таковы были результаты расследования, когда 16 января 1949 года умерла восьмидесятисемилетняя мать Марии Беснар, проживавшая в доме дочери с 1940 года. Доктор Галлуа, считавший причиной смерти Леона Беснара сначала приступ печени, потом грудную жабу, а затем на основании анализа мочи — уремию, теперь лечил также мать Марии Беснар. В январе 1949 года в Лудёне свирепствовала эпидемия гриппа. Когда больная потеряла сознание и у нее развился односторонний паралич, врач решил, что грипп вызвал кровоизлияние в мозг. Но смерть старухи явилась той искрой, которая превратила тлеющее подозрение в яркий пожар. Инспектору Нокэ стало известно, что скончавшаяся упрекала дочь за ее интимные отношения с немцем и была против его возвращения. Нокэ заподозрил Марию Беснар в убийстве матери. Ему также удалось уговорить мадам Пенту рассказать все, что она знает. Пенту описала очень убедительно последние часы жизни Леона Беснара: его боль в желудке, рвоту и диалог между умирающим и ею.

— О, ну что же они мне дали!

— Кто, немец?

— Нет, Мария... Мы собирались есть суп. На моей тарелке было что-то жидкое. Мария налила туда суп. Я стал есть и меня сразу вырвало.

Когда Нокэ узнал, что Мария Беснар наняла пользовавшегося дурной славой частного детектива из Парижа, некоего Локсидана, который пытался запугать мадам Пенту, то имевшиеся у него сомнения сразу рассеялись.

9 мая в Пуатье было решено эксгумировать труп Леона Беснара и провести токсикологическое исследование. Эксгумацию поручили врачам Сета и Гуйллону, а токсикологическую экспертизу — Джорджу Беру, директору полицейской лаборатории в Марселе, пользовавшемуся уже десятки лет заслуженной славой на юге и юго-западе Франции. После опубликования им в 1938 году книги "Очерк по криминологии и научной полиции" его имя стало известным далеко за пределами Франции. Части трупа, пролежавшего в земле уже больше полутора лет, были упакованы в стеклянные сосуды, обозначены и отправлены в Марсель. Доктор Беру сообщил о результатах своих исследований в Пуатье. При качественном и количественном определении яда он установил, что в теле Леона Беснара имеется 39 миллиграммов мышьяка на килограмм веса тела, то есть такое количество, которое должно рассматриваться как доказательство отравления мышьяком, приведшее к смерти. Тогда следователь Рожэ распорядился также об эксгумации трупа матери Марии Беснар. Исследование Беру имело результат: не менее 58 миллиграммов мышьяка на килограмм веса тела.

21 июля 1949 года в Лудён прибыли инспектора полиции Нокэ и Норман. Они доставили Марию Беснар и Дица в Пуатье к следователю Рожэ.

Вид крестьянки из Лудёна и ее отталкивающее хладнокровие не вызывали симпатии. После продолжительного допроса Рожэ велел

отвести ее как подследственную в тюрьму Пьер-Леве. Дица он тоже подверг строгому допросу. Но так как немец категорически отрицал, что между ним и Марией Беснар были любовные отношения, то его пока отпустили. Последующее поведение Дица легко можно было объяснить, но оно не способствовало тому, чтобы развеять сгустившиеся над Марией Беснар тучи подозрения в убийстве. Он не стал ждать, пока прибудут из Парижа его документы, и скрылся.

Расследования Рожэ привели прямо-таки к мистическим результатам. Им был установлен целый ряд весьма подозрительных смертельных случаев в семье Беснар, а также среди их соседей и приятелей. По мере расследования приходилось касаться все более далекого времени, пришлось вернуться к 1927 году. Вскоре после первой мировой войны двадцатитрехлетняя Мария Беснар (дочь мелкого крестьянина Пьера Евгения Девайана в Сен-Пьер-де-Майэ) вышла замуж за своего кузена Огюста Антигю, сельскохозяйственного рабочего. Оба в качестве домоправителей поселились в поместье Мартена. Огюст Антигю скончался в 1929 году, как тогда определили, от туберкулеза. Но анализы Беру после эксгумации показали, несмотря на прошедшие с тех пор 22 года, 60 миллиграммов мышьяка на килограмм веса тела, то есть смерть от отравления мышьяком.

В 1929 году Мария Беснар вышла замуж вторично, за Леона Беснара, и тем самым поднялась на новую ступеньку социальной лестницы. Беснар владел домом в Лудёне, магазинчиком и земельным участком в деревне. Мария не родила ему детей, но оказалась хорошей, а также целеустремленной и расчетливой хозяйкой. Беснар жил, открыто враждуя со своими по соседству проживающими родителями. Он не мог простить им, что они всегда больше любили его сестру Люси. Свою вражду он перенес также и на других родственников. Но Мария Беснар преодолела враждебность родственников и добилась даже того, что сестра бабушки ее мужа, вдова Луиза Леконт, оставила ей наследство. Вскоре после оформления завещания, 22 августа 1938 года, Луиза Леконт умерла. Ей было тогда за восемьдесят. О симптомах отравления мышьяком ничего не было известно. Но токсикологическое исследование ее трупа доктором Беру обнаружило 35 миллиграммов мышьяка на килограмм. Было установлено, что при ее смерти присутствовала Мария Беснар, которая перед этим часто присылала ей вино.

Через два года, 2 сентября 1940 года, умерла бабушка Леона Беснара, вдова Гуэн. Это была родственница, от которой, как говорил Леон, он видел добро. Он был ее единственным наследником. Мария Беснар с мужем посетила уже старенькую женщину незадолго до ее смерти. 23 августа 1949 года труп ее тоже эксгумировали, но обнаружили лишь следы мышьяка, не позволившие инкриминировать убийство. Зато весьма подозрительной казалась в свете токсикологического исследования смерть отца Марии Беснар, Пьера Девайана, последовавшая 15 мая 1940 года. Причиной его смерти считали сердечный приступ. Мария Беснар не присутст-

вовала при кончине отца, но анализ показал наличие 30 миллиграммов мышьяка на килограмм. Мария Беснар унаследовала земельный участок отца, а ее мать переехала в дом Беснаров в Лудён.

19 ноября 1940 года скончался свекор Марии Беснар, Марселен Беснар, которого она часто посещала, несмотря на вражду между мужем и его отцом. Доктор Деларош указал причиной смерти старческую слабость и сердечный приступ. Беру, однако, обнаружил в трупе 38 миллиграммов мышьяка на килограмм. Супруги унаследовали в результате смерти Марселена Беснара 227 734 франка.

Через несколько недель, 16 января 1941 года, умерла свекровь Марии Беснар, шестидесятишестилетняя Мария Луиза Беснар. Болезнь, приведшая к смерти, длилась девять дней. Доктор Деларош диагностировал воспаление легких. За больной ухаживала Мария Беснар. После этой смерти Беснары унаследовали еще 262 325 франков. Следователь Рожэ в каждом из этих случаев подозревал умышленное отравление и велел эксгумировать также труп Марии Луизы Беснар. Беру обнаружил в нем 60 миллиграммов мышьяка на килограмм.

Еще через несколько недель, 27 марта 1941 года, нашли повесившейся в доме родителей сорокапятилетнюю сестру Леона, Люси Беснар. Тщательному расследованию этот случай не подвергался. Посчитали его самоубийством, хотя далеко не все здесь было ясно. Люси была глубоко верующая католичка, что исключало возможность самоубийства. А с другой стороны, она очень тяжело переживала одиночество после смерти матери. Когда Беру обнаружил в останках 30 миллиграммов мышьяка на килограмм, то самоубийство стало казаться еще более странным, чем в 1941 году. У Рожэ появилось подозрение, что Леон Беснар участвовал в отравлении сначала родителей, а затем сестры и повесил ее, инсценируя самоубийство. Позднее Беснар сам стал жертвой своей жены, когда мотив убийства изменился и из убийцы ради наживы Мария стала убийцей на сексуальной почве.

Списку подозрительных случаев смерти не было видно конца. 14 июля 1939 года скончался сосед Беснаров, шестидесятипятилетний кондитер Туссен Ривэ. Причиной смерти зарегистрирована "чахотка". Жена его обратилась за помощью к Беснарам, поручив им ведение хозяйства в ее небольшом имении. В конце концов она переехала к Беснарам, передав в их собственность свой дом в обмен на маленькую пожизненную ренту. Но уже 27 декабря 1941 года она умерла. Причиной смерти также указан туберкулез. Мария Беснар ухаживала за больной. Эксгумированные трупы супругов Ривэ при токсикологическом анализе показали в обоих случаях по 18 миллиграммов мышьяка на килограмм.

Но и на этом серия смертей не кончается. В мае 1941 года в доме Беснаров нашли убежище две пожилые кузины Леона Беснара, Паулина и Виргиния Лаллэрон. Они вынуждены были покинуть свой дом из-за оккупации Франции немецкими войсками. Паулина хранила свои деньги в поясе, который никогда не снимала. Когда

1 июля 1941 года Паулина скончалась (как установил врач Галлуа, от "старческой уремии"), то ее сестра пообещала сделать Марию наследницей всего их совместного имущества. И уже 9 июля 1941 года она последовала за Паулиной в могилу.

Токсикологические исследования Беру дали результаты: 48 миллиграммов мышьяка на килограмм у Паулины и 24-30 миллиграммов мышьяка на килограмм у Виргинии Лаллэрон. Опять речь шла о таких количествах мышьяка, при которых Рожэ мог предположить только умышленное отравление мышьяком.

В пользу Марии Беснар было то, что, кроме мадам Пенту (а она сама тоже ничего не видела, только слышала), не было свидетелей, которые могли бы подтвердить, что она покупала и подмешивала яд в пищу, давая ее хотя бы одной из жертв. Кроме того, ни в одном из случаев не наблюдалось острого или хронического отравления мышьяком. Против первого аргумента можно было возразить то, что Мария Беснар не первая отравительница в истории, действовавшая с такой осмотрительностью, что не имелось ни одного свидетеля. Против второго аргумента свидетельствовал тот факт, что из-за неопытности или недобросовестности домашних врачей большое число случаев умышленного отравления оставалось нераскрытым. Но все это были косвенные улики. А следователь Рожэ стремился построить обвинение не на одних косвенных уликах.

За два года предварительного следствия он сделал все, чтобы побудить Марию Беснар к признанию, использовав при этом даже такие методы, которые во времена Горона считались классическими и самыми действенными средствами Сюртэ. (Надо сказать, от этих средств полностью не отказались и теперь). Так, в камеру Марии Беснар Рожэ подсаживал своего агента-женщину. Но недоверчивость и выдержка арестованной, а может быть, и невиновность удерживали ее от неосторожных высказываний. Вскоре после ареста Мария обеспечила себе помощь признанных адвокатов Рене Эйо и Дюклюзо. Благодаря растущему интересу, который вызвало ее дело, на женщину из провинции обратили внимание лучшие адвокаты Парижа, постоянно охотившиеся за сенсационными процессами. И наконец, Рене Эйо сам привез в Пуатье звезду адвокатуры, шестидесятичетырехлетнего кавалера ордена Почетного легиона Альберта Готра. Готра целый день разговаривал с арестованной.

Он понял, что обвинение будет в основном построено на токсикологических косвенных уликах, и знал из опыта, что нет ничего легче, как выиграть такой процесс, если удастся поколебать доверие присяжных к токсикологическим анализам. Готра уже навел справки в Марселе о работе Беру и полагал, что ему удастся "выбить Беру из седла". Насколько подробно он был информирован, можно заключить из его высказывания в ответ на возмущение Марии Беснар марсельским токсикологом: "Не говорите так плохо о своих врагах. Ваши враги спасут вас".

Когда Готра взял на себя защиту Марии Беснар, сила ее сопротивления и воля удвоились. Либо она решила до последнего момен-

та отрицать свою вину, либо доказать свою невиновность, то есть размотать клубок почти невероятного стечения случайных обстоятельств, недоразумений, лжи и сплетен.

20 февраля 1952 года во Дворце юстиции Пуатье начался суд над Марией Беснар. Красные мантии президента суда Вивара и судей произвели на Марию Беснар, как она сама потом говорила, впечатление "кровавых", когда она появилась в зале суда в черном, отделанном мехом пальто, в испанском платке на голове. Стоя, с замершей улыбкой на устах, выслушала она обвинительный акт. Как и в деле Лафарг, сначала Марию Беснар осудили за то, что она незаконно получала пенсию за одну из умерших родственниц, подделывая подпись на квитанциях. Приговор гласил: два года тюрьмы и 50 000 франков штрафа. Это, как говорится, было прологом, но не случайно включенным в спектакль суда. Он бросал тень на характер подсудимой. А на второй день началась сама борьба. Она началась с выступления свидетелей прокурора Жиро.

Каждый внимательный наблюдатель вскоре понял, что все высказывания свидетелей, кроме, пожалуй, мадам Пенту, не имели большого значения. Безусловно, из нагромождения болтовни и сплетен возник образ обвиняемой, в котором можно было при желании найти черты хитрой, холодной, расчетливой убийцы. У многих, однако, возникало сомнение, имела ли подсудимая чисто техническую возможность осуществить некоторые из убийств. Как только возникали подобные сомнения, то прокурор и президент суда сразу ссылались на доктора Джорджа Беру. Он-де обнаружил яд. Он был одним из известнейших токсикологов юга Франции. Как мог оказаться яд в трупе, если не из рук убийцы-отравителя? А если это отравление, то кто же, кроме Марии Беснар, мог это сделать? Ведь это она во всех случаях жаждала обогащения или любовных утех.

22 февраля все вновь и вновь звучало имя: Беру, Беру, Беру. Еще до того, как он переступил порог зала суда, его имя приобрело большой вес. Все с нетерпением ожидали 23 февраля, когда Беру должен был выступить как свидетель.

Пассивное поведение Готра и Эйо в первые два дня вызвало определенное удивление. Можно было сделать только два вывода: либо авдокаты из столицы свысока относились к провинциальному суду, либо не придавали никакого значения всей этой игре со слухами и предположениями и ждали основного свидетеля-токсиколога, чтобы скрестить с ним клинки. Что вводило в заблуждение наблюдателей в Пуатье, так это та беспечность, с которой Готра ожидал 23 февраля.

Осталось неясным, каким образом в руки Готра попала переписка Рожэ и Беру от 1949 года, а также определенные документы из лаборатории в Марселе. Но так или иначе, они были в руках Готра. То, как он использовал их, показало, что, будучи образованным и деловым адвокатом, Готра был не очень щепетилен в выборе средств, не чурался дешевых эффектов, даже смаковал их.

Пробравшись сквозь нетерпеливо ожидавшую толпу, утром 23 февраля Беру вошел в зал суда. Это был темноволосый, широкоплечий, грузный и, казалось, малоподвижный человек, о котором Мария Беснар со злостью писала: "Он выглядел неинтеллигентно, но по сравнению со всеми его ошибками и глупостью довольно респектабельно". Беру принадлежал старшему поколению и провел жизнь на юге Франции. Кроме токсикологии, он занимался различнейшими областями естествознания и техники в приложении их к криминалистике, вплоть до графологии.

Но в его выступлении на суде, в изображении колоссальной работы, проделанной им, не хватало необходимого для суда блеска. Сухо он изобразил картину затянувшихся на месяцы событий, вызвавших одну эксгумацию за другой, анализы сотен частей органов раньше или позже похороненных людей. Все исследования на мышьяк Беру производил с аппаратом Марша, а количественный анализ мышьяка — по методу Уилсокса. Он также использовал для этого колориметрию. За последние тридцать лет подобные анализы осуществлялись в его лаборатории тысячи раз, и Беру нисколько не сомневался в правильности определенных им количеств мышьяка в трупах, в рамках, конечно, допустимых отклонений, которых невозможно избежать. Он брал также многочисленные пробы почвы вокруг могил и исследовал их на мышьяк, но добытые дозы были столь малы, что не могли объяснить наличия больших количеств мышьяка в трупах. Беру доказал, что он не легкомысленный очковтиратель, а эксперт, делающий только те выводы, которые лежат в рамках его компетенции. На вопрос президента суда: "Можете ли вы утверждать, что здесь речь идет об умышленном отравлении мышьяком?" — он ответил: "О, нет. Этого я не могу утверждать. Мои показания ограничиваются лишь тем, что я нашел в трупах мышьяк".

Беру и не подозревал, что через несколько минут станет жертвой целого ряда судебных трюков, которые с дьявольским мастерством будут разыграны Готра. Они, как топор, удар за ударом разрушат все здание токсикологических исследований. Вообще-то Беру станет жертвой не только этих трюков, но и ошибок, допущенных им самим или его сотрудниками. Его упрекали в том, что он пользовался старыми методами работы. Но, может быть, это было не так уж плохо, что он использовал хорошо знакомые методы. Как впоследствии выяснилось, результаты Беру были подтверждены также при исследовании новыми методами. Ошибка, которую он не мог себе простить, была совсем в другом: он не следил за точностью и аккуратностью записей лабораторных работ и запустил систему регистрации и контроля.

Допрос врачей Сета и Гуйллона, которые эксгумировали трупы на кладбище Лудёна, Готра начал с того, что спросил их: "Я уверен, что вы работали со всеми необходимыми предосторожностями. Вы пересчитали и зарегистрировали все, прежде чем послать в Марсель. Не правда ли?"

"Конечно, — ответил Сета. — Мы работали очень тщательно. Не-

обходимо, чтобы в лабораторию попали нужные объекты исследования", — добавил он.

Готра взял со своего стола несколько списков и роздал их судьям, присяжным и журналистам.

"Я просто уж и не знаю, как объяснить то, о чем я сейчас хотел бы поговорить. Очевидно, произошло что-то таинственное. Если господа сравнят списки, составленные доктором Сета у вскрытых могил, со списками объектов исследований доктора Беру, то легко установить, что в Марсель прибыло значительно больше сосудов с частями трупов по делу Беснар, чем было отправлено из Лудёна. Если исключить возможность размножения сосудов по дороге в Марсель, то придется сделать вывод, что в лаборатории доктора Беру сосуды спутали и, так сказать, присовокупили к делу Беснар объекты исследования других уголовных дел. Возможно, доктор Беру сможет дать объяснение этой мистерии?"

Беру от неожиданности не мог произнести ни слова.

"Успокойтесь, доктор, — продолжал Готра с наигранной благожелательностью, за которой притаились когти льва, — в таком большом институте, как ваш, подобное может произойти. Вы ежедневно получаете много сосудов с объектами для исследований. Сосуды ставят на полки и, конечно, могут перепутать. Стоит только хоть раз одному из ассистентов допустить ошибку. Если, — и голос Готра вдруг стал резким, — в списках из Лудёна упомянута, например, как объект исследования только ткань мышц мадам Гуэн, а не внутренности, в то время как ваш отчет содержит результат исследования внутренностей мадам Гуэн, то, следовательно, речь идет о частях какого-то другого трупа".

Беру еще больше растерялся, он снял очки и вытер глаза своим желтым шарфом. Но Готра не намерен был давать ему возможность прийти в себя. "В вашем отчете, — сказал он еще громче и угрожающе, — имеются данные о количестве мышьяка в волосах Туссена Ривэ. Однако Туссен Ривэ был лысым. Это мне кажется еще одной мистерией. Здесь, видимо, присовокупили к нашему делу голову незнакомого нам мертвеца из вашего института. И наконец, в отчете есть протокол об исследовании глаза вдовы Луизы Леконт. В списках, составленных при эксгумации трупа этой дамы, нигде не упоминается о глазе. Да и вряд ли может идти о нем речь. Вдова пролежала в могиле одиннадцать лет, еще надо найти такой человеческий глаз, который бы мог сохраняться столь длительное время..."

Атака Готра была не так уж значительна, как может показаться на первый взгляд. Ему бросились в глаза некоторые неточности списков, которые, однако, на фоне сотен отдельных объектов исследования не могли играть большой роли для общего вывода. Но он так выдвинул их на первый план, что в зале суда они создали впечатление, будто вся работа Беру проходила в условиях беспорядка и дезорганизации, будто под видом трупов из Лудёна исследованию подвергались посторонние трупы, содержащие яд. Готра понимал,

что он не должен дать своему сбитому с толку противнику возможности рассеять это впечатление. И он продолжал наступать. Учитывая все изображенные обстоятельства, он позволит себе вопрос: имеет ли обнаруженный мышьяк вообще какое-либо отношение к трупам? Не происходит ли он из стеклянных сосудов, предоставленных Беру для транспортировки объектов исследования? "Другими словами, я спрашиваю, были ли сосуды чистыми, не было ли в них мышьяка?"

Беру уже взял себя в руки и, искренне возмущаясь, протестовал против подобных подозрений.

"Итак, — спросил Готра, — сосуды каждый раз перед отправкой в Лудён подвергались чистке и стерилизации?.."

"Само собой разумеется!" — воскликнул Беру.

"Ага, — сказал Готра, — ну, тогда я должен вам сказать, что я располагаю другой информацией..."

Готра в качестве свидетеля пригласил кладбищенского сторожа Морина. Морин заявил, что многие сосуды прибывали из Марселя запачканными и не очищались также в Лудёне. Можно было только удивляться, почему Готра предпочел Морина более подходящему свидетелю — врачу Сета, которого он только что назвал примером точности и аккуратности. Не менее удивительным было и то, что Беру со своей стороны не потребовал допросить Сета и, как выразился один журналист, "позволил загнать себя в угол". Беспокойство в зале росло. Сверкали вспышки фотоаппаратов. Беру совершенно растерялся.

Готра лучше всех в зале знал, по какому тонкому льду он идет. Он понимал также, что должен наступать, иначе все провалится, и, взяв копии писем, раздал их присутствующим.

Здесь, заявил он, у него несколько интересных писем доктора Беру к следователю Рожэ. Легким движением руки Готра вынул письмо, как будто это был лишь один пример из многих. Затем потребовал, чтобы Беру ответил ему, писал ли он следующую фразу Рожэ, и прочитал: "Если Вас не удовлетворит мой отчет об анализах, то прошу сообщить мне об этом, чтобы я мог внести необходимые изменения..."

Было ясно, что он ставил теперь под удар не аккуратность Беру, а его порядочность. Он обвинял Беру в том, что тот шел на поводу желаний следователя. Глубокое возмущение помогло Беру в один момент преодолеть смущение. Дрожащим от волнения голосом он спросил, как подобная переписка могла попасть в руки защиты и воскликнул: "Я не фальсифицирую свои отчеты!" Он имел в виду только стилистические изменения, и ничего больше, стилистические изменения, которые сделали бы для суда более понятным сложный материал. Но расчетливо посеянное Готра подозрение, что Беру действовал по указке следователя, нельзя было рассеять никакими объяснениями, как бы искренни они ни были. Готра настаивал: "Мне достаточно одной фразы... и я думаю, всем другим тоже". И тут же им был нанесен следующий удар. Он спросил, признает ли Беру,

что написал следователю такую фразу, в которой утверждал, что благодаря своему многолетнему опыту в состоянии на глаз отличить образовавшиеся в аппарате Марша бляшки, содержащие мышьяк, от бляшек, содержащих другой яд, антимон. Да или нет?

Беру подтвердил и попытался объяснить это утверждение. Но Готра прервал его: "Беру и сейчас в этом уверен?"

Не понятно, что толкнуло Беру на подобные заявления. В годы учебы Беру некоторые опытные токсикологи действительно умели на глаз отличать мышьяк от антимона и при случае забавлялись тем, что демонстрировали перед студентами свое искусство. Но никогда никто из них не делал заключения, от которого зависела жизнь человека, на основании подобного определения на глазок. Без сомнения, Беру тоже этого не делал. А его фраза в письме была не чем иным, как выражением человеческой слабости, желанием подчеркнуть свою опытность перед следователем, который по возрасту мог быть его учеником.

Беру подтвердил, что написал эту фразу. Он хотел уже объяснить смысл своих слов, но, как фокусник, Готра держал уже в руках шесть запечатанных стеклянных пробирок и предложил Беру определить, в которых из них мышьяк, а в которых антимон.

Скорее всего, этот придуманный Готра спектакль провалился бы, не будь Беру таким провинциалом. Другой на его месте отклонил бы это предложение и объяснил бы процитированную фразу, но для этого на месте Беру должен был быть другой человек, способный парировать Готра. Беру же был медленно реагирующим человеком, честь и гордость которого задеты. И он попал в ловко расставленные Готра сети. Возможно, в другое время, спокойно сосредоточившись, он действительно на глаз смог бы отличить мышьяк от антимона, но сейчас, в момент большого волнения, на глазах у всего зала?..

С выступившими на лбу каплями пота напряженно рассматривал Беру пробирки. Затем три из них он возвратил Готра, заявив, что в них мышьяк, в остальных — антимон.

Глаза Готра засияли от радости. "Доктор Беру, — прогремел его голос на весь зал, — я хочу сказать вам кое-что по секрету. Ни в одной из этих пробирок нет мышьяка. Во всех только антимон". Широко разведя руки в стороны, он обратился к судьям и присяжным: "Вот вам доказательство, что доктор Беру специалист, анализам которого можно доверять!"

Какое-то мгновение царила тишина. Затем раздался смех. Доктор Беру медленно сел на стул. Президент суда безуспешно призывал к спокойствию. Заседание пришлось прервать. Покидая зал суда, Беру упал от волнения и так поранился, что на следующих заседаниях его замещал один из его ассистентов, доктор Медай.

Несомненно, сам Готра лучше всех понимал, что его спектакль меньше всего касался существа вопроса о действительном наличии или отсутствии мышьяка в анализах Беру. Несомненно, он понимал, что отдельные ошибки в регистрации так же мало изменяли поло-

жение вещей, как и показания, что несколько сосудов из сотен оказались нестерилизованными. Победа Готра была победой интеллекта парижанина. Несколько растерявшийся суд предложил назначить новых экспертов. Готра не возражал. Он лучше суда в Пуатье знал, что повторная эксгумация трупов, большинство из которых много лет пролежало под землей, только при очень благоприятных условиях предоставит материал для исследования, на котором можно произвести безошибочные анализы. Неудачу первых анализов или дисквалификацию их, как это сделал Готра, очень редко в истории судебной токсикологии удавалось поправить. Готра надеялся, что в новых анализах он также обнаружит слабые места и ошибки, которые позволят ему подорвать их авторитет.

Фабр, Кон-Абрест, Гриффон и Педелье — это имена новых экспертов, назначенных судом в Пуатье. Все четверо были знаменитыми судебными медиками и токсикологами Парижа 1952 года.

Имя Педелье мы уже встречали: как судебный медик он известен далеко за пределами Франции. Рене Фабр, начавший свою карьеру в 1919 году главным аптекарем знаменитого госпиталя Некар, с 1931 года был профессором токсикологии при Парижском университете и с 1946 года деканом фармацевтического факультета. Кон-Абрест, худощавый, бородатый человек, почти старик, всю жизнь работал токсикологом. И наконец, Генри Гриффон, самый молодой из них, возглавлял токсикологическое отделение лаборатории префектуры парижской полиции. Его имя связано с первыми попытками использования достижений науки об атоме для качественного и количественного определения мышьяка. Чтобы произвести эксгумацию всех трупов в Лудёне и осуществить необходимые анализы, группе потребовалось почти два года.

На этот раз Педелье сам следил за эксгумацией трупов. Почтенный, седовласый семидесятилетний кавалер ордена Почетного легиона расположился в центральной часовне кладбища в Лудёне. Каждая частичка, предназначенная для исследования, доставлялась Педелье и им регистрировалась. Он старался не допустить ни малейшей ошибки. К его сожалению (и к радости Готра), захоронение трупов после первой эксгумации было выполнено небрежно. Никто не думал о возможности повторной эксгумации. Бедра нескольких трупов были сложены в один гроб. Невозможно было определить, кому принадлежат отдельные кости. То же самое произошло и с останками органов. Они так тесно соприкасались с землей, что в некоторых случаях были неотделимы от нее. Педелье слишком хорошо знал, что тут Готра тотчас прибегнет к аргументу, что обнаруженный мышьяк происходит от земли. Он взял большое количество проб почвы из разных мест кладбища Лудёна, чтобы еще раз проверить растворимость мышьяка.

Педелье привык к зачастую отвратительному миру судебной медицины, и он любил этот мир. Но ему никогда раньше не приходилось сталкиваться с таким делом, по которому проходило бы так много трупов, пролежавших десятки лет в земле, от которых оста-

лись лишь жалкие останки. И только некоторые трупы можно было исследовать на мышьяк. У остальных же анализу можно было подвергнуть только волосы, то есть ту кладовую мышьяка, которая, согласно положениям токсикологии, является важнейшим источником определения вида, степени и длительности отравления мышьяком.

Останки органов и часть проб почвы были доставлены в лабораторию профессора Кон-Абреста. Кожа головы, волосы и другая часть проб почвы — в лабораторию Генри Гриффона в Париж. Готра с надеждой следил за состоянием материала и ходом исследований. Однако уже вскоре после начала исследований он узнал, что результаты, несмотря на все трудности, свидетельствуют не в пользу Марии Беснар. Кон-Абрест, работая с аппаратом Марша и более современным способом спектрального анализа, получил в конечном результате 20 миллиграммов на килограмм, что, учитывая малое количество исследуемой субстанции, подтверждало результат Беру. Еще более убедительными были результаты, полученные в лаборатории Гриффона. Гриффон установил в волосах Леона Беснара мышьяк, в сорок четыре раза превышающий норму.

Это поколебало уверенность Готра. Как кошмар его преследовала мысль, что Кон-Абрест, Фабр и Гриффон обнаружат в "мертвецах Марии Беснар" большие количества мышьяка и на возобновленном процессе всем весом своего авторитета лишат его возможности повторить столь успешно примененную к Беру тактику. Он узнал, что Гриффон при определении мышьяка в волосах применяет метод атомных исследований, но еще не догадывался, что именно это обстоятельство поможет ему еще раз повторить свой спектакль. Он не терял надежды найти слабые места и решил на этот раз признать наличие мышьяка. выработав другую тактику защиты. Он приготовился утверждать, что мышьяк попал в трупы из земли кладбища, а не из рук отравительницы.

Правда, Готра узнал, что эксперты на этот раз так тщательно работали, что выбивали из его рук любое возможное оружие. Гриффон исследовал огромное количество проб почвы кладбища и установил, что в этой земле, бесспорно, имеется мышьяк, но нерастворимый или минимально растворимый. Рене Трухаут, профессор фармакологии и токсикологии в Париже, ученик и сотрудник Фабра, закопал пучок волос с нормальным содержанием мышьяка на кладбище в Лудёне, там, где были похоронены "мертвецы Марии Беснар", и оставил его под присмотром полиции на один год. Через год проверка показала, что в контрольном пучке волос количество мышьяка практически не изменилось.

Принимая во внимание эти исследования, защита едва ли могла рассчитывать на успех, опираясь на утверждение, что мышьяк попал в трупы из почвы кладбища в Лудёне. Однако адвокат Готра не сдавался. Он принялся за изучение специальной литературы о токсикологическом значении мышьяка в почвах и к концу 1953 года нашел кое-что для себя интересное. Готра ознакомился с работами

нескольких ученых, область деятельности которых лишь соприкасалась с токсикологией. Один из них — Генри Оливье — пятидесятисемилетний врач, руководитель лабораторий медицинского факультета Парижского университета и преподаватель биологии. Другой, Лепэнтр, руководитель лаборатории, контролирующей питьевую воду столицы Франции.

Изучая содержимое мышьяка в воде, они оба пришли к выводу, что в почве происходят пока еще неизвестные процессы, благодаря которым мышьяк земли растворяется в больших количествах, чем считают токсикологи. Это зависит, очевидно, не от чисто химических процессов, которые имеют в виду токсикологи, исследуя растворимость мышьяка. Эти процессы биологического характера, и зависят они непосредственно от деятельности почвенных микроорганизмов. Готра узнал, что существуют различные почвенные микроорганизмы, которые по обмену веществ можно разделить на две большие группы: на те, которым для жизнедеятельности, как и человеку, необходим кислород (аэробные), и те, которые могут существовать без кислорода (анаэробные), они получают необходимую для жизнедеятельности энергию из процессов брожения, для которых решающую роль играет водород.

Оливье и Лепэнтр провели поучительные эксперименты. Когда они помещали анаэробные микробы в содержащую мышьяк почву, которая при обычных токсикологических контрольных анализах не показывала наличие растворимого мышьяка, мышьяк растворялся большими количествами и уносился водой. Если же в почву помещали аэробные микробы, то мышьяк оставался нерастворимым. Повсюду, где в почве происходило гниение и брожение, вызванные деятельностью анаэробных микробов, имелись предпосылки для растворения большого количества мышьяка. Но где еще и быть гниению и брожению, как не в почве кладбищ?

Готра обрадовался еще больше, когда прочитал далее, что между анаэробными микробами и человеческими волосами имеется особая связь, потому что анаэробные бактерии на кладбищах иногда необходимый для их жизни водород получают из волос трупов, содержащих серные соединения. Там, где происходят эти сложные процессы, мышьяк в качестве обмена проникает непосредственно в волосы так, как и из тела отравленного — через корни волос, и не поддается удалению при мытье. Все идеи, за которые ратовали Оливье и Лепэнтр, принадлежали не токсикологам. Исследователи также не утверждали, что разработали затронутые проблемы. Но одно было очевидным: в результате деятельности почвенных микроорганизмов увеличивалась растворимость мышьяка и создавались условия для его проникновения в волосы трупов. Установить же наличие или отсутствие этих процессов было невозможно. Они могли иметь место в одной могиле и отсутствовать в соседней.

Но для адвоката Готра все это имело большое значение. Здесь он нашел материал, с помощью которого собирался поколебать основы

официальной токсикологии, вызвать недоверие к выводам Фабра, Кон-Абреста и Гриффона. А больше ему ничего и не надо.

Адвокат Готра встретился с Оливье и Лепэнтром. Через них он познакомился еще в двумя врачами и биологами. Они тоже наблюдали подобные явления, были готовы провести соответствующие опыты и выступить свидетелями защиты. Это были профессор Жан Кайлинг из французского Национального института почвоведения и профессор Поль Трюффер, который в свои шестьдесят пять лет был вдохновенным и неподкупным исследователем в новой области. Его слава клинициста и кавалера ордена Почетного легиона делала его важнейшим из новых союзников Готра.

Для Готра наступила полоса везения. После первого разговора с Полем Трюффером в его руки попало то, чего он безуспешно добивался долгое время, а именно точная информация о методе, которым Генри Гриффон пользовался для определения количества мышьяка в волосах "мертвецов Марии Беснар".

Для Готра мир атомной физики был в тот момент книгой за семью печатями, как, впрочем, для многих его современников. И он стал искать ученых-атомщиков в надежде узнать от них, не могут ли эксперименты Гриффона дать ошибочные результаты. Если ему удастся узнать истоки ошибок (а он не терял на это надежды), то он "запутает" Гриффона в его "собственных сетях". Он нашел двух физиков-консультантов, Лебретона и Деробера. От них Готра узнал, что метод определения мышьяка в костях и волосах с помощью радиоактивных элементов, безусловно, имеет большое будущее, и понял, о чем вообще идет речь.

В нормальном состоянии мышьяк не радиоактивен, он не дает излучения. Но его можно сделать радиоактивным, поместив в атомный реактор и обстреляв нейтронами. Нейтроны поглощаются атомами мышьяка и превращают их в радиоактивный элемент, излучение которого можно измерить счетчиком Гейгера — Мюллера. Если хотят исследовать на мышьяк волосы, то их нужно положить в атомный реактор. Весь имеющийся в них мышьяк станет радиоактивным, и его излучение можно измерить. Чтобы установить количество мышьяка, имеющегося в волосах, в тот же реактор одновременно кладут определенное количество мышьяка для сравнения. Путем сравнения результатов измерения излучения устанавливается количество мышьяка в волосах. Если, например, определенное контрольное количество мышьяка показало на счетчике Гейгера — Мюллера 1000 единиц, а измеряемое количество мышьяка дало 1500 единиц, то, значит, измеряемое количество в полтора раза больше определенного контрольного количества.

Затруднение вызывал вопрос, сколько времени исследуемое вещество следует подвергать обстрелу нейтронами в атомном реакторе. Свечение каждого радиоактивного элемента возникает в результате распада его атомов. Процесс распада у разных элементов происходит в разные сроки. Он может произойти в считанные минуты, но может также и растянуться на годы и тысячелетия.

Для постороннего в этих вопросах человека, а следовательно, и для Готра самым удивительным была единица измерения скорости распада — полураспад. Имеется в виду время, в течение которого распадается половина всех атомов какого-нибудь вещества. У радиоактивного мышьяка, например, оно составляет 26,5 часа, то есть за 26,5 часа распадается половина его атомов. Одна вторая часть оставшейся половины тоже распадается за 26,5 часа и т.д., до полного превращения в неизлучающий элемент.

Чтобы сделать вещество радиоактивным и "зарядить" его в атомном реакторе, нужно с помощью единицы полураспада высчитать самое благоприятное количество времени, необходимое для этого. Время полураспада мышьяка было установлено одним из первых, следовательно, для дальнейшего измерения достаточно держать его в реакторе столько времени, сколько требуется для полураспада, то есть 26,5 часа.

Но тогда возникала другая проблема. Человеческие волосы, исследуемые на мышьяк, имеют целый ряд других элементов, которые в результате пребывания в атомном реакторе тоже становятся радиоактивными. Их излучение, видимо, помешает измерению количества мышьяка и приведет к неправильным результатам. Волосы содержат углерод, кислород, водород и следы многих других элементов, таких, как кальций, медь, серебро, калий, магний и натрий. Их радиоактивное излучение не влияет на измерение мышьяка, если время их полураспада резко отличается от времени полураспада мышьяка. Магний, например, распадается так быстро, что через два часа уже не дает никакого излучения. У кальция же время полураспада равно 164 дням, то есть гораздо больше периода времени измерения излучения мышьяка. Однако опасны были элементы, время полураспада которых близко ко времени полураспада мышьяка, например натрий (18 часов) или калий (12,5 часа). Угроза ошибки здесь не была еще преодолена. Ее только пытались избежать, подбирая самое благоприятное количество времени пребывания в атомном реакторе. Но прежде всего предпринимались попытки удалить из волос химическим путем мешающие элементы перед измерением излучения мышьяка. Извлеченные из атомного реактора волосы обрабатывали химическими реактивами, такими, как соляная кислота и сероводород, так как было известно, что они выделяют натрий, калий и другие вещества.

Для Готра знание этих основ, как бы интересны они ни были, имело только одно значение. Раз на сегодняшний день радиоактивный анализ мышьяка имел свои трудности и неразрешенные проблемы, значит, он мог надеяться поймать Гриффона на каком-нибудь упущении, какой-нибудь ошибке, поспешном выводе и т.п. И его надежды вскоре оправдались.

Лебретон и Деробер обратили внимание Готра на то, что Гриффон, безусловно, допустил ошибку, одну из грубейших ошибок токсикологов. Безразлично, что явилось тому причиной — легкомыслие, или честолюбие, или желание связать развитие радиоактивного ме-

тода со своим именем, использовав дело Беснар, — но, так или иначе, он не стал ждать, пока закончат испытание нового метода. В результате он допустил ошибку, очевидную для любого специалиста. Он подверг волосы Леона Беснара лишь пятнадцатичасовой обработке нейтронами в атомном реакторе вместо необходимых 26,5 часа. Из-за этого правильности измерения существенно мешало излучение натрия. Если оно и не приводило к ошибке, то вызывало сомнение в точности такого измерения.

Адвокат Готра ликовал. Для уверенности в конце 1953 года он обратился за консультацией к английским физикам-атомщикам и судебным медикам. Они подтвердили то, что ему уже было известно.

15 марта 1954 года возобновился процесс над Марией Беснар. Готра был подготовлен к нему и чувствовал себя уверенно. Он не сомневался, что выиграет новое сражение.

Обвинителем на этот раз выступал прокурор Штек, а президентом суда был Поргери де Буассерен, черствый, но уравновешенный по характеру человек. Штек целиком полагался на своих экспертов, которые доказали наличие смертельного количества мышьяка в двенадцати трупах. Они констатировали также, что мышьяк из почвы кладбища никак не мог попасть в трупы.

Интерес общественности к делу Марии Беснар, усиленно подогреваемый с 1952 года прессой, превратил Бордо, где началось второе судебное разбирательство, в место, куда съехались любопытные и журналисты из многих стран.

В течение двух дней на суде допрашивали свидетелей обвинения из провинции Вьенн. Их показания, как и во время первого суда, не содержали обоснованных доказательств, а представляли собой снова поток слухов и сплетен, которые характеризовали Марию Беснар как несимпатичного, корыстного, расчетливого человека, но совсем не как убийцу.

Готра, Эйо и мадам Коломбье (адвокат из Бордо) вели споры с этими свидетелями. Но все эти споры, как и в 1952 году, были лишь бесплодной прелюдией к решающему акту, когда бледная и больная из-за длительного пребывания в тюрьме Мария Беснар отошла на задний план, а в борьбу между собой вступили эксперты сторон.

Готра не решился серьезно выступать против обнаруживших в трупах яд Кон-Абреста и Фабра, потому что их авторитет и простота доказательств не сулили ему победы. Его выступление было направлено исключительно против Генри Гриффона.

И Гриффон потерпел поражение. Бессмысленность его поступка стала очевидной, когда выяснилось, что вообще не было нужды пользоваться еще не разработанным радиологическим методом. К счастью, однако, правильность результата его не очень тщательной работы, то есть утверждение, что волосы исследуемых трупов содержат смертельные дозы мышьяка, подтвердилась. Но к этим результатам можно было прийти, используя проверенные методы. Самоуверенный, движимый желанием первым блеснуть знаниями в

такой сложной области, как атомная физика, он не допускал мысли, что адвокат сможет вскрыть его ошибки.

Как бы там ни было, но адвокат очень тщательно подготовился к процессу. Суду и присяжным он прочитал целый курс по атомной физике и радиоанализу мышьяка. Сам он был в этой области дилетантом, но сумел присутствующим очень доходчиво все объяснить.

Убедившись в понимании присяжными понятия "время полураспада" и разницы между 15 и 26,5 часа времени полураспада, он обвинил Гриффона в неточном выборе времени обстрела нейтронами в реакторе, что должно было дать неправильный результат.

Неожиданность его атаки была столь очевидна, что прокурор, побледнев, уставился на Гриффона. Президент суда, судьи и присяжные слушали адвоката с большим вниманием, боясь пропустить хоть одно слово.

В первый момент, несмотря на волнение, Гриффон отвечал с превосходством ученого, который не допускает вмешательства в свою область науки. Но Готра не обратил внимания на его тон и продолжал бить в одну точку: "Сколько времени волосы подвергались облучению в атомном реакторе, 15 или 26,5 часа? Правильно выбрано время или нет? Возможна при этом ошибка или нет?" Гриффон вынужден был заявить, что метод нов, еще имеются разногласия среди экспертов, существуют различные мнения по поводу отдельных процедур исследования.

Готра почувствовал, как в этот момент в зале суда зародилось столь желанное для него сомнение. Он чувствовал нарастающее волнение Гриффона и наступал: "Так, значит, 15 часов облучения были неправильно выбранным временем?"

Едва сдерживая себя, Гриффон ответил, что нет ничего неправильного, что имеются лишь различные мнения по поводу того, что правильно и что неправильно. Но уже в следующее мгновение он не выдержал, начал бить кулаками по столу и кричать: "Вы хотите меня поучать! Хотите разыгрывать из себя специалиста!"

"Нет, — спокойно ответил Готра. — Но господа Лебретон и Деробер действительно специалисты". Он ознакомит Гриффона с тем, что они думают о надежности его метода работы и, помахав в воздухе заключением французских физиков, огласил его содержание. "Они эксперты!" — заключил Готра. Затем он прочитал заключение ученых английского атомного центра, в котором тоже критиковали поспешные выводы Гриффона.

"Англичане, — бросил возмущенно Гриффон, — не авторитетны в этом вопросе. У них нет опыта в области радиоанализа мышьяка".

"Тогда я рекомендую вам поехать в Англию и поучить англичан!" — съязвил Готра.

Прокурор сидел бледный и растерянно взирал на разыгравшуюся перед ним дуэль. Два года работали эксперты, и он надеялся, что их работа не будет иметь слабых мест, к которым мог бы придраться адвокат. А теперь, теперь он беспомощно взирал на то, как безза-

ботность и невыдержанность одного человека дали повод Готра посеять сомнение, которое уже парализовало обвинение 1952 года.

Готра, вызвав у суда и присяжных недоверие к результатам анализов на яд, продолжал атаковать доводы обвинения. "Яд в трупах, много или мало, да или нет, что все это такое?" Так он начал свое главное наступление. Никто никогда не видел у Марии Беснар мышьяка, никто никогда не замечал, чтобы она кому-нибудь давала яд. Эксперты обвинения утверждают, что яд мог попасть в организм пострадавших только из рук Марии Беснар. Но уже больше ста лет токсикологи занимаются вопросом, не попадает ли в трупы мышьяк, имеющийся в почве и воде. Уже более ста лет они отрицают такую возможность. Но они отрицают ее только потому, что забыли о жизни в почве, забыли, что в ней происходят тысячи процессов, о которых никто еще не знает. Два года эксперты измеряли растворимость мышьяка в дождевой воде на кладбище Лудёна. Но они игнорируют открытия других наук, например науки о жизнедеятельности микроорганизмов в почве. Может быть, он первый призывает в качестве свидетелей представителей этой науки в зал суда. Но он уверен, что в будущем ни один подобный процесс не обойдется без их участия. Он просит заслушать господ Оливье, Лепэнтра, Кайлинга и Трюффера.

Готра действовал исключительно осторожно. Он знал, что его эксперты, хотя и уважаемые люди, но не известны ни суду, ни присяжным. Они должны были лишь подготовить почву для выступления Поля Трюффера, которому как члену Академии наук и кавалеру ордена Почетного легиона предстояло обеспечить Готра победу. Высказывания Оливье, Лепэнтра и Кайлинга о значении микроорганизмов для растворяемости мышьяка в почве стали сенсацией.

"Их эксперименты вызывали интерес в каждом, — писал английский корреспондент Арманд Стиль, — кто стремился разгадать тайны мира. Кроме того, своими утверждениями они могли разрушить представления токсикологов целого столетия". И они действительно разрушили их.

После выступлений Оливье, Лепэнтра и Кайлинга в зале суда появился Трюффер. В напряженном молчании весь зал следил за его спокойным, деловым и сдержанным сообщением.

Если подвести итог сказанному, то можно сделать следующий вывод: да, на основании опытов Трюффера можно утверждать, что почвенные микроорганизмы, особенно находящиеся в почве кладбища, безусловно, оказывают влияние на растворимость мышьяка и проникновение его в трупы и в волосы трупов. Из-за воздействия микробов мышьяк мог так глубоко проникнуть в волосы, что его невозможно удалить в процессе промывания, на которое полагаются обычно токсикологи. Более того, некоторые его эксперименты показали, что мышьяк под воздействием микробов проникал из почвы и сосредоточивался в отдельных частях волос трупа, как будто это мышьяк, проникший в волосы из тела. Тем самым утверждение о

том, что мышьяк, проникший извне, пропитывал весь волос и отличим от мышьяка из тела, теряло свое значение. И наконец, в результате проникновения микробов в труп количество мышьяка в нем и в его волосах может во много раз превышать количество мышьяка в окружающей почве. Из-за этого возникали сомнения в правильности существовавшего до сих пор положения, исключавшего возможность проникновения мышьяка в труп из окружающей среды, если в трупе мышьяка было больше, чем в почве.

В заключение своего выступления Трюффер сказал, что его опыты еще не закончены. Это лишь начало исследования новой области науки, позволяющей уже сейчас констатировать, что существовавшие до сих пор теории о растворимости и нерастворимости мышьяка в почве нельзя считать незыблемыми. А следовательно, уже сейчас нельзя отрицать возможность проникновения мышьяка в трупы из почвы кладбища Лудёна. Он подчеркнул, что говорит о возможности, которая, как бы мала она ни была, должна учитываться.

После выступления Трюффера прокурор с надеждой посмотрел на Кон-Абреста и Фабра. Его взгляд выражал требование высказаться и разоблачить теорию Трюффера как несостоятельную, подрывающую фундамент обвинения. Но Фабр и Кон-Абрест были опытными токсикологами и понимали, что исключить возможность ошибки нельзя. Они сомневались, были скептически настроены, но, когда суд попросил их высказать свое мнение, оба заявили, что не могут просто так отрицать "тщательность и точность экспериментов и исследований Трюффера". Кон-Абрест предложил подвергнуть вновь возникшую проблему, которая, по всей очевидности, имеет большое значение для токсикологии, тщательному научному исследованию.

31 марта 1954 года процесс над Марией Беснар зашел в тот же тупик, что и в первый раз: сомнения и неуверенность. Учитывая сложившуюся обстановку, адвокат, не теряя ни минуты, обратился к судьям и присяжным. Он ничего не имеет против предложения профессора Кон-Абреста тщательно исследовать возникшую проблему. Но сколько времени это продлится? Опять два года или даже больше? По уже имеющимся данным, такую возможность нельзя исключить. Он апеллирует к совести французской юстиции. Ни один судья, ни один присяжный не может взять на себя ответственность заставить Марию Беснар еще два года провести в тюрьме в ожидании, когда наука придет к единому мнению. Он требует освободить Марию Беснар из тюрьмы, пока не будет доказана ее вина.

Суд совещался больше часа и решил, что новая группа экспертов должна проверить возражения Трюффера и других свидетелей защиты. Мария Беснар была освобождена под залог в 1 200 000 франков до третьего процесса, к которому будет готово новое заключение экспертов.

Это было самое сенсационное решение, которое когда-либо принимал французский суд. 12 апреля Мария Беснар покинула Бордо.

Она вернулась в Лудён, в свой старый, за это время разграбленный дом. Лишь немногие здоровались с ней, но она упорно боролась за свои права. Мария Беснар производила разное впечатление на журналистов и любопытных, периодически посещавших Лудён. Но большинству из них она казалась человеком, уверенным в том, что после стольких лет, стольких сомнений ни один суд не отважится осудить ее, даже если будет сомневаться в ее невиновности. В ней видели убийцу, который своей свободой был обязан ошибкам прокуроров, заблуждениям и человеческим слабостям экспертов и бессовестному использованию этих ошибок и слабостей ее защитником.

Тем временем новый прокурор Гийемэн занялся делом Марии Беснар, стремясь уличить ее и опровергнуть новые биологические тезисы, с помощью которых Готра сорвал второй процесс. Первой его целью было поправить то, что испортил Гриффон. Он считал большим успехом, что ему удалось привлечь знаменитого французского физика Фредерика Жолио-Кюри к проверке работы Гриффона.

Фредерик Жолио-Кюри, лауреат Нобелевской премии, родился в 1900 году. В 1948 году он создал первый атомный реактор во Франции, основал центр ядерных исследований, разработал метод искусственной радиоактивности, которым пользовался Гриффон при определении мышьяка. Жолио-Кюри медлил, ему не хотелось принимать участие в скандальном, сомнительном процессе над Марией Беснар. Но в конце концов он все же приступил к работе, чтобы разобраться с процессом определения мышьяка методом радиоактивного анализа и устранить причины возможных ошибок. Он работал несколько лет и подтвердил, что Гриффон допустил неточности в работе, но, несмотря на это, его утверждения о наличии смертельных доз мышьяка правильны.

После смерти Жолио-Кюри в 1958 году работу продолжил его ученик Пьер Савель. Он усовершенствовал метод и доказал, что волосы трупов из Лудёна, несомненно, содержат смертельные дозы яда. Жолио-Кюри и Савель не оставили Готра ни одного шанса на успех.

Однако прокурор Гийемэн знал, что одного доказательства наличия яда еще недостаточно для решения вопроса. Если не удастся опровергнуть тезис Готра, что мышьяк проник в трупы из почвы, то дело проиграно. После стольких лет, стольких ошибок ни один присяжный не произнесет "виновен", если у него будет хоть малейшее сомнение.

Временами кажется непостижимым, что более семи лет, с 1954 по 1961 год, шла борьба за решение проблемы содержания мышьяка в почве кладбища Лудёна, его растворимости и роли почвенных микроорганизмов в этом процессе. Суд поручил проведение исследований и экспериментов ученым с мировым именем: профессору Рене Трюо, токсикологу Парижского университета, профессору Альберту Демолону и семидесятилетнему профессору Мирису Лемуаню из Института Пастера в Париже. Демолон и Лемуань были микробиологами и специалистами в области исследования почв. Лемуань ру-

ководил в Институте Пастера отделом по исследованию ферментов. Кладбище Лудёна не оставляли в покое. Не только Трюо и Лемуань появлялись там систематически для проведения экспериментов. Не теряли времени и искали подтверждения своего тезиса также эксперты Готра, начиная от Трюффера и кончая Оливье. Эксгумировали и подвергали исследованиям трупы, которые не имели отношения к делу Беснар и умерли не от отравления мышьяком. Большая модель кладбища, точная копия кладбища Лудёна, служила средством изучения течений подземных вод.

Наконец, в ноябре 1961 года начался третий, и последний, процесс. 17 ноября жандармы доставили Марию Беснар из Лудёна в Бордо и поместили ее в больничное отделение тюрьмы. 21 ноября постаревшая, но по-прежнему решительная, она появилась на скамье подсудимых. В третий раз перед судом прошли столь же необходимые, сколь и бесполезные свидетели обвинения: от мадам Пенту до инспекторов Нокэ и Нормана. Весь этот спектакль был так же бессмыслен, как и предыдущие два раза, но его продолжали играть, как будто в этом последнем процессе речь шла не о решении единственного вопроса, попал ли обнаруженный в трупах яд из почвы кладбища Лудёна или такая возможность абсолютно исключается. Не имело значения и то, что обвинение заставило снова выступить не только профессора Савеля, но и Кон-Абреста и Педелье, чтобы они еще раз подтвердили наличие смертельных доз яда в трупах. Готра же ничего не мог предложить нового, он повторил несколько старых трюков, которые помогли ему много лет назад разбить доводы Беру. Но его страсть к театрализации процесса и к судебным трюкам была, видимо, столь велика, что он никак не мог от них отказаться. Снова он оперировал сравнением списков, составленных во время эксгумации и при лабораторных исследованиях.

Решающими же были дни с 23 ноября по 1 декабря, когда на суде выступили эксперты обвинения Трюо и Лемуань и эксперты защиты Трюффер, Оливье, Лепэнтр и доктор Бастис. Мария Беснар отошла на задний план, хотя решалась ее судьба, но еще в большей степени решалась судьба основной проблемы токсикологии, проблемы исследования трупов, долгое время пролежавших в земле.

Рене Шарль Трюо защищал мнение о невозможности проникновения мышьяка из почвы, по крайней мере в тех количествах, которые обнаружены в трупах. Он опирался на многочисленные эксперименты в Лудёне. Бесспорно, почва кладбища Лудёна содержала мышьяк, но его количество на килограмм земли было значительно меньше, чем в трупах. Трюо утверждал, что большое количество мышьяка в трупах не может происходить из его незначительного количества в почве. В трупах, похороненных на кладбище в Лудёне, но не относящихся к делу Беснар, мышьяк не был обнаружен. Марселен Беснар, Луиза Леконт и Мария Луиза Гуэн, три предполагаемые жертвы Марии Беснар, похоронены рядом в одном склепе. Все они пролежали в могиле одиннадцать лет. Если мышьяк проник в их трупы извне, то они должны были бы получить

равные количества яда. Но это не так. В то время, как в трупе Марселена Беснара обнаружено большое количество мышьяка, в трупе Марии Луизы Гуэн — лишь его следы. Нет, не может быть и речи о проникновении яда извне. Все его опыты отрицают такую возможность.

После Трюо появились Оливье, Лепэнтр, Кайлинг, Бастис и, конечно, Трюффер. Они рассказали о результатах своих новых экспериментов, подтвердивших, что не учтены вызванные микробами и их ферментами процессы в почве и что не может быть закономерности, которую искал Трюо. Они тоже закапывали волосы и исследовали трупы и могут доказать, что в трупах, похороненных рядом в одной земле, в одном случае имела место деятельность микробов, вызывающая растворение мышьяка и его проникновение в труп, а в другом нет. На одном и том же кладбище в одном месте мышьяк растворялся, в другом нет. Трюффер же утверждал, ссылаясь на самые последние эксперименты американских ученых и результаты их опытов за 1952-1954 годы, что вообще нет прямой связи между количеством мышьяка в почве и в трупе. Из воды, в которой были растворены 0,01 миллиграмма мышьяка, волосы поглотили при благоприятных микробиологических условиях до 50 миллиграммов на килограмм веса трупа, то есть, по существующим на сегодняшний день представлениям, немыслимое количество. Его эксперименты также подтвердили, что волосы способны аккумулировать в себе мышьяк не только из тела, но и извне, притом так, что его можно обнаружить в отдельных отрезках волос, особенно у корней. При этом определенную роль играло проникновение в кожу головы микробов. Ошибка существующих представлений заключается в том, что не учитывается бесконечное многообразие природы. Микробиология теперь в состоянии лучше разобраться в этом многообразии, хотя она все еще сталкивается с множеством кажущихся противоречий. Объяснить их — задача будущего. Наконец, Трюффер обратился к Трюо и попросил его ответить на один вопрос.

Каждый понимал, что этот вопрос будет иметь особое значение. Трюффер спросил: "Вы не забыли сделать выводы из проведенного вами в 1952 году опыта?"

Оказалось, что Трюо в 1952 году отравил собаку и закопал ее на кладбище Лудёне. Когда собаку выкопали спустя два года и исследовали, то Трюо был озадачен тем, что в собаке не обнаружили яда, которым она была отравлена.

"Ну, — сказал Трюффер, — вы знаете, как это объянить? Где яд? Вы его не нашли ни в животном, ни в окружающей его почве. Куда же он исчез?"

Трюо заявил, что он этого не знает.

"Тогда, — сказал Трюффер, — мы должны признаться, что стоим перед неизведанным еще миром, когда речь идет о воздействии мышьяка на почву и трупы". Он продолжал: при определении вопроса, мог ли мышьяк проникнуть в труп из почвы или нет, токсикологи не имеют теперь права исходить из существовавших до сих пор

положений. Они должны признаться, что достигли границы, которую не положено переходить, пока не изучат лучше то, что за ней лежит.

Если семь лет назад именно выступление Трюффера определило решение второго процесса в пользу обвиняемой, то и теперь оно сыграло такую же роль. Однако решающие слова на этот раз произнес профессор Лемуань, которому, как биологу, обвинение поручило проверить утверждения Трюффера. После длинного выступления об исследованиях в Лудёне и в Институте Пастера он заявил: "Нужно доказать, что бактерии гниения способствуют растворимости мышьяка. Но мы не можем пока судить о том, имеет ли место процесс растворения мышьяка в данной почве или нет, так как этот процесс зависит от слишком многих неизвестных нам обстоятельств..."

Этим заявлением Лемуань подтвердил правоту Трюффера, Оливье, Лепэнтра, Кайлинга и Бастиса, что нельзя исключить возможность проникновения мышьяка в трупы из почвы. А раз такая возможность не исключается, как бы мала она ни была, нужно решать дело в пользу обвиняемой независимо от того, что думают о ее виновности или невиновности.

Адвокат Готра, ловивший, затаив дыхание, каждое слово эксперта, вскочил и воскликнул: "Вот и конец делу Беснар!.."

И действительно, драма, длившаяся больше десяти лет, подходила к концу. 12 декабря 1961 года за отсутствием доказательств суд снял с Марии Беснар обвинение в убийстве двенадцати человек.

12. Барбитураты — поток ядов. Дело Армстронга

Осознание и признание того факта, что возможности токсикологии на сегодняшний день ограничены, — важный урок, вынесенный из дела Беснар. Это дело было необычным. Но история нуждается в таких делах, чтобы обратить внимание на то или иное явление. И может быть, урок, извлеченный из дела Беснар, был своевременным.

Стремительное развитие химико-фармацевтической промышленности к середине XX века, изготовление большого числа новых синтетических ядов и лекарств воспринималось токсикологами как угроза растущей опасности. Это была опасность того, что в руки многих миллионов людей попадали все новые яды, новые средства убийств, самоубийств или случайных отравлений, которые буквально ускользали от судебных токсикологов.

Когда в 1863 году Адольф Байер, в то время профессор органической химии при Берлинской промышленной академии, получил барбитуровую кислоту, он и не догадывался, что положил начало созданию целого ряда ядовитых медикаментов. Через сто лет они станут кошмаром для токсикологов. Лирически настроенный профессор назвал полученную им кислоту именем предмета своего юношеского увлечения — Барбара. Спустя сорок лет, в 1904 году, два

других немецких ученых, Эмиль Фишер и Иосиф Меринг установили, что производные барбитуровой кислоты — барбитал и фенобарбитал — могут быть использованы как снотворное. Находясь в Северной Италии, проездом в городе Верона, Эмиль Фишер назвал барбитал вероналом. Фенобарбитал стал называться люминалом.

В первое же десятилетие после появления веронала и люминала они стали служить средством самоубийства. Эмиль Фишер пытался доказать отравление барбитуратами, как назывались новые средства, обнаруживая их в волосах пострадавших. Но когда в период с 1924 по 1931 год отравления барбитуратами участились, пришлось вплотную заняться методами их обнаружения.

Сначала, как и для алкалоидов, появились цветные реакции, которые носили имена своих исследователей: итальянца Парри, голландца Цвиккера, немца Бодендорфа, американца Коппани.

В конце 30-х годов еще не было известно, какой размах примет изготовление снотворных и успокоительных средств двумя десятилетиями позже. Вторая мировая война и тяжелые послевоенные годы, растущая нагрузка на человека, вызванная сложной политической и экономической обстановкой атомного века, — все это подготовило почву для того, чтобы неизмеримо выросла потребность в средствах, успокаивающих взвинченные нервы. Появилось множество производных барбитуровой кислоты: от альфенала, амитала, дельвинала, дормина и эвипана до мабарала, нембутала, ноктала, фанодорма, зандоптала и зеконала. Все это множество барбитуратов комбинировали с меньшим числом других, не менее ядовитых медикаментов. Когда токсикологи Англии, Америки и Западной Германии составили списки барбитуратных препаратов и описали внешний вид некоторых из них, то Эмиль Вайнинг, директор Института судебной медицины в Эрлангене, насчитал 265 наименований только немецких препаратов. В 1948 году мировое производство барбитуратных препаратов достигло 300 тонн. В такой малекой стране, как Дания, с населением в 4,5 миллиона человек, в 1957 году потребление барбитуратных препаратов составило около 9 тонн. В Англии число самоубийств барбитуратами к 1954 году выросло в двенадцать раз по сравнению с 1938 годом. Раскрытое в Англии летом 1955 года дело об отравлении детей заставило сделать вывод, что барбитураты являются средством не только самоубийств, но и убийств.

Ареной событий стал прибрежный город Госпорт. 22 июля 1955 года во втором часу дня доктор Бернард Джонсон и дежуривший с ним доктор Бьюкенэн получили телефонограмму из госпиталя в Гасларе. Звонил санитар Джон Армстронг. Он сообщил, что его пятимесячный сын Теренс тяжело заболел и лежит дома. Если доктор Джонсон не поторопится, то будет уже поздно. Джонсон немедленно выехал по вызову.

Армстронги были знакомы врачу. Речь шла о молодой супружеской паре, проживавшей в его районе с февраля 1954 года. Джону Армстронгу было лет двадцать шесть, а Жанет, его супруге, не боль-

лше девятнадцати. Оба были ограниченными людьми, часто ссорились, дрались, расходились и сходились вновь. И в такой обстановке Жанет родила трех детей: Стефана, Памелу и Теренса. Стефан умер в марте 1954 года. Все это было известно доктору Джонсону. По дороге он думал о том, что уже прошлой ночью Джон Армстронг звонил ему и сообщал о болезни Теренса. Так как там не было ничего срочного, Армстронгов в 9 часов утра посетил коллега Джонсона, Бьюкенэн, который застал ребенка здоровым и жизнерадостным.

Через десять минут после вызова доктор Джонсон был уже в доме Армстронгов, подошел к стоявшей в спальне коляске и констатировал, что Теренс только что скончался. Жанет Армстронг была взволнована, но ее круглое лицо с чувственными губами не выражало ни страха, ни печали. Джонсон попросил рассказать, что было с ребенком. После длительных расспросов ему удалось узнать, что Теренс и Памела уже вчера плохо себя чувствовали. Часа в 4 или 5 дети съели печенье с молоком и их вырвало. В 7 часов, когда Джон Армстронг вернулся с работы, оба чувствовали себя снова хорошо. В 11 часов вечера Жанет заметила, что Теренс задыхается. Он покрылся холодным потом, и его невозможно было разбудить. Джон Армстронг вызвал у ребенка рвоту, но он не проснулся. В первом часу ночи Джон обложил ребенка грелками. Когда лицо Теренса посинело, он позвонил доктору Бьюкенэну. Но Бьюкенэн, как утверждала Жанет, был так недоволен ночным звонком, что Джон не осмелился попросить его тотчас приехать. Настало утро, и Теренсу стало лучше. Но днем, около 12 часов, когда Джон пришел обедать, лицо ребенка снова имело синеватый оттенок. У него было нарушено дыхание, и его опять не могли разбудить. Тогда отец решил еще раз позвонить врачу. Вот и все. "Но почему же Джон не позвонил из ближайшей телефонной будки, а поехал на велосипеде за шесть километров к месту работы в Гаслар, откуда и звонил?" — поинтересовался Джонсон. Жанет Армстронг пожала плечами. Она этого не знала. Она вообще ничего не знала.

Таких семей, как Армстронги, у доктора Джонсона было много среди его пациентов, необразованных, ограниченных, многодетных. Их не очень расстраивала смерть ребенка. Но так как он не мог установить причину смерти, он поставил об этом в известность коронера Госпорта, который послал в дом Армстронгов своих ассистентов Балли и Эджа. Они забрали молочную бутылочку ребенка, его подушку со следами рвотной массы и доставили маленький труп в морг. Во второй половине дня доктору Гарольду Миллеру, патологу больницы, поручили произвести вскрытие.

Миллер не обнаружил причин, вызвавших смерть. В гортани он нашел смятую красную кожицу, напоминающую кожицу волчьей ягоды. Несколько таких же кожиц лежало в покрасневшем содержимом желудка. На всякий случай он положил кожицу, обнаруженную в гортани, в баночку с формалином. Содержимое желудка он собрал в другой сосуд и поставил в холодильник. Миллер подозревал отравление продуктами питания. Балли и Эдж вечером сно-

ва посетили Армстронгов, чтобы установить, могли ли волчьи ягоды попасть к ребенку. Они застали Джона и Жанет Армстронгов перед экраном телевизора, как будто ничего не случилось. Балли и Эдж увидели в саду около дома плодоносящий куст волчьих ягод, и Джон Армстронг заявил, что коляска Теренса часто стояла под кустом. Конечно, не исключена возможность, что грязные, немытые ягоды попали Теренсу в рот. Да, возможно. Кроме того, волчьи ягоды очень ядовиты.

Получив такое сообщение, доктор Миллер считал, что проблема решена. Однако утром 23 июля, открыв холодильник, он обнаружил, что красная кожица ягоды растворилась в формалине и окрасила его в красный цвет. Кожицы ягод из содержимого желудка также исчезли, а цвет его стал более интенсивным. Тогда доктор Миллер послал оба сосуда, молочную бутылочку в химическую лабораторию, выполнявшую для коронера токсикологические исследования. Из лаборатории сообщили, что какие-либо известные отравляющие вещества не обнаружены. Предполагаемых волчьих ягод также не было. В желудке находилось лишь незначительное количество маисового крахмала и красное красящее вещество эозин. Причину смерти Теренса установить не удалось. На всякий случай инспектор Гейтс из полиции в Госпорте 28 июля еще раз побывал в квартире Армстронгов. Он задал несколько вопросов супругам. Джон произвел на него неприятное впечатление человека хотя примитивного, но хитрого. Ни Жанет, ни Джон не дали противоречивых показаний. Но у Гейтса возникли подозрения.

В начале августа он посетил госпиталь, где работал Джон Армстронг. Там он опросил сослуживцев Армстронга, и полученные от них сведения не уменьшили его подозрений. Вот некоторые высказывания о Джоне Армстронге: "Ненадежный, грязный, неаккуратный, несообразительный...", "Недалекий, грызущий ногти парень...", "...больше мешает, чем помогает в госпитале. Держат его только из-за недостатка санитаров".

Вернувшись в Госпорт, инспектор Гейтс направился к доктору Миллеру, от которого узнал, что предполагаемые кожицы от ягод напоминают капсулы красно-оранжевого цвета, в которых продается снотворное (зеконал). Он положил несколько капсул зеконала в желудочную кислоту и установил, что, растворяясь, они вызвали такую же окраску, какая была обнаружена в желудке Теренса Армстронга. Гейтс подавил в себе возмущение по поводу безрезультатного исследования трупа ребенка и спросил, какое действие оказывает законал.

Он узнал, что речь идет о сильнодействующем снотворном, которое оказывает быстрое, но непродолжительное действие.

Несколько гран зеконала могут убить ребенка. Но это только предположение. Доктор Миллер заявил, что ему еще ни разу не приходилось слышать об убийстве с помощью барбитурата. Тем не менее Гейтс не мог успокоиться. Он доложил своему начальнику, суперинтенденту Джонсону, а тот уже на следующий день разгова-

ривал по телефону с Л.Никольсом, руководителем научно-технической лаборатории Скотланд-ярда. Никольс затребовал весь материал исследования. Гейтс получил соответствующее задание, но, к своему ужасу, установил, что после химического исследования от препаратов доктора Миллера сохранились жалкие остатки. Лучше всего сохранилась подушка ребенка со следами рвотной массы. 23 августа, спустя ровно четыре недели после смерти Теренса Армстронга, Гейтс лично отправился в Лондон.

В те дни Никольс работал над книгой, которая должна была выйти в свет в 1956 году. Она называлась "Научное исследование преступления" и содержала важную, основанную на личном опыте главу о токсикологии. "Опыт последних лет, — писал он, — свидетельствует о том, что средства отравления меняются с изменением привычек населения и с изготовлением новых медикаментов". В связи с этим оказались недостаточными имеющиеся в распоряжении токсикологии средства определения ядов. Никольс особое внимание уделил снотворным средствам; основная часть главы о токсикологии посвящена борьбе с барбитуратами. Способ Стаса — Отто и в этой борьбе оказал большую услугу. Но новые яды во многих случаях так мало отличались от веществ самого организма, что плохо поддавались выделению относительно грубым способом. Еще в 1946 году П.Валов разработал метод выделения барбитуратов и их продуктов обмена, разрушая вещества самого организма вольфрамовой кислотой. Согласно опыту Никольса, этот метод давал хороший результат, но только при сравнительно больших количествах барбитуратов. Японец Кавахара предпринял попытку устранить вещества самого организма, прежде всего белок и жир, в которых пытались обнаружить барбитураты, тем, что растворял их в большом количестве ферментов пищеварения, которые, как соки поджелудочной железы, расщепляли белки и жиры. И наконец, Никольс сам разработал способ устранения белка и жира при помощи едкого натра. Он получил довольно чистые экстракты, кроме тех случаев, когда исследовались сильно разложившиеся организмы. Здесь необходимы были фильтрование и добавление угля, ацетата свинца и других веществ.

Что касается последующей идентификации отдельных барбитуратов, то Никольс тоже принимал участие в поисках. Старые цветные реакции были усовершенствованы. Имелись ванилиновая реакция, диметиламинобенцалдеидовая реакция. Но все они не были абсолютно надежными, так как помимо барбитуратов, часто другие вещества вызывали с этими тестами подобные цветовые реакции. Кроме того, нужно было иметь большой опыт, чтобы отличать оттенки цветов отдельных барбитуратов. Они были мало различимы между собой. Зеконал давал с диметиламинобенцалдеидовым тестом коричневую окраску с пурпурными полосами, которая при добавлении спирта переходит в фиолетовый цвет. Почти то же самое наблюдается и с другими снотворными средствами — нембуталом и пентоталом. Как и с алкалоидами, при их определении

пытались использовать точки плавления различных барбитуратов. Но и здесь столкнулись с трудностями. Точки плавления пентотала и амитала — от 155 до 158 и от 156 до 157 градусов так близки, что едва ли возможно отличить их друг от друга. С зеконалом дела обстояли лучше: его точка плавления (95 градусов) довольно резко отличалась от других. Чтобы уточнить способ определения барбитуратов по точке их плавления, выработали "смешанное определение", надежность которого Никольс проверял уже несколько лет.

Кроме того, как и с алкалоидами, для определения барбитуратов использовали кристаллы. Англичанин Турфитт с 1948 года небезуспешно занимался изучением форм кристаллообразования различных барбитуратов и установлением закономерностей их различия. Датчане Т.Гуанг, Е.Йолк Хансен, Б.Жерстев применили для кристаллов рентгеновский структурный анализ. Пользу принесла также и хроматография благодаря работам англичанина Карри, финнов Тамминена и Лепэнена, чехов Вецерека и Шундела, немца Георга Шмидта и американцев Альгери и Купера. Хроматография помогла определению целого ряда барбитуратов. Однако в некоторых случаях она оказалась бессильной, так как барбитураты (например, зеконал, нембутал, амитал и зенорил) слишком близко располагались на фильтровальной бумаге и их нельзя было точно различить. В смесях барбитуратов, которые часто встречались как успокоительные средства, путем кристаллизации удавалось выделить отдельные из них. Но еще существовали препараты (смесь зеконала и амитала), разделить которые пока не удавалось.

На собственном опыте Никольс убедился, что обнаружение барбитуратов было сложной криминалистической работой, требующей больших знаний, опыта и хорошо оборудованной лаборатории. Поэтому проводимые химиками в 1955 году в маленьких лабораториях исследования по обнаружению яда часто кончались неудачей. Если в присланном инспектором Гейтсе материале будет действительно обнаружен зеконал, то это явится доказательством того, что еще имеются возможности для безнаказанного совершения убийств путем отравления снотворными, потому что большинство лабораторий не в состоянии успешно решать проблему обнаружения барбитуратов.

С 23 по 28 августа Никольс исследовал полученные материалы: формалин, содержимое желудка, рвотную массу. Многие способы не дали результата, потому что химик в Госпорте истратил большую часть имевшихся материалов. Но к 28 августа ему удалось из рвотной массы на подушке выделить более одного миллиграмма зеконала. Из остатков содержимого желудка Никольс выделил 20 миллиграммов. Чтобы выяснить, сколько зеконала дали Теренсу Армстронгу, Никольс предложил эксгумировать труп ребенка.

После эксгумации Никольс приступил к анализу изъятых органов, подвергшихся уже процессу гниения. Из опыта он знал, что барбитураты очень быстро расщепляются и выделяются из организ-

ма человека, поэтому можно было надеяться на обнаружение в лучшем случае лишь нескольких миллиграммов зеконала. Малейшая неосторожность в процессе выделения зеконала могла привести к его утрате.

В то время как Никольс проводил свои исследования, в госпиталь Гаслара снова приехал инспектор Гейтс. Он решил установить, могло ли попасть в руки Армстронга снотворное. Само собой рождалось предположение, что он воспользовался запасами медикаментов госпиталя. Гейтс нашел врача, который вспомнил, что у Армстронга несколько недель были ночные дежурства и он имел доступ к снотворным лекарствам, которые раздавал больным. Медсестра, ведающая медикаментами в том отделении, где работает Армстронг, заявила Гейтсу, что в марте 1955 года она обнаружила шкаф с ядовитыми медикаментами со взломанным замком. Из шкафа исчезла коробочка с 50 капсулами зеконала. Установить, кто совершил кражу, не удалось. Но одно было ясно: Армстронг имел доступ в помещение, где стоял шкаф с медикаментами. Это хотя и не доказывало, что он украл зеконал, но все же...

Сентябрьские дни тянулись для инспектора невыносимо медленно. Никольс не торопился. Но Гейтс не сидел без дела. Его теперь интересовал другой ребенок Армстронгов, Стефан, который умер в марте 1954 года. К удивлению Гейтса, свидетельство о смерти было составлено восьмидесятидвухлетним врачом, который никогда не лечил Армстронгов. Гейтсу это напомнило о случаях умышленного отравления, когда преступники обращаются к старым, отсталым, неспособным определить истинную причину смерти врачам, чтобы получить свидетельство о естественной смерти. Инспектор выяснил, что Стефан скончался при таких же обстоятельствах, как и его брат Теренс: наблюдалось посинение лица, сонливость, затрудненное дыхание и скорая смерть. Не менее примечательным был следующий факт. В мае 1954 года заболела также Памела Армстронг (ей было тогда два года). Симптомы болезни те же: сонливость, посинение лица и затрудненное дыхание. Лечащий врач забрал ее в больницу, где она вскоре поправилась.

Все это Гейтсу стало известно к моменту, когда в середине сентября в Госпорт прибыло заключение Никольса. Из органов тела ребенка, несмотря на неблагоприятные условия, Никольсу удалось выделить 3 миллиграмма зеконала. Его богатый опыт позволял утверждать, что ребенок должен был получить от 3 до 5 капсул зеконала по 80 миллиграммов каждая, чтобы в его организме осталось обнаруженное количество зеконала. Это была абсолютно смертельная доза.

В тот же день, 16 сентября, к Армстронгам явились суперинтендент Джонс и инспектор Гейтс. Они вновь допросили Армстронгов и установили сначала точное течение событий в день смерти Теренса и лишь потом заговорили о зеконале. Как все это произошло? 21 июля в 4.30 Теренс съел печенье с молоком и его вырвало. (В следах рвотной массы на подушке обнаружен законал). Кто был в это вре-

мя около ребенка? Жанет Армстронг. Больше никого. В тот же день, в 7 часов вечера, Джон Армстронг пришел домой. Ребенку стало лучше. 11 часов вечера: Теренс задыхается, покрывается холодным потом, и его невозможно разбудить. Ночь, 0.20: лицо Теренса страшно посинело. Джон звонит врачу Бьюкенэну, но согласен, чтобы врач пришел утром следующего дня. 22 июля, 7 часов утра: Джон уезжает на работу в Гаслар. 8.40: доктор Бьюкенэн застает ребенка нормальным и здоровым. 12.15: Джон Армстронг возвращается обедать домой. Ребенок опять тяжело дышит, крепко спит, его не удается разбудить. В час или около часа дня Джон снова решает вызвать врача. Но он не спешит и едет на велосипеде шесть миль до Гаслара. И лишь оттуда в 13.20 звонит доктору Джонсону. А через десять минут доктор Джонсон застает Теренса мертвым.

Таков был ход событий. "Точно?" — спросил Джонс. " — Да, точно!" — "Никаких возражений?" — "Нет!" — "Никто больше не приходил в дом? Никто не подходил к Теренсу?" — "Нет, никто!" И тогда Джонс задал решающий вопрос. Как Армстронги объяснят тот факт, что в теле Теренса обнаружено смертельное количество зеконала? Джонс напряженно следит за реакцией на его вопрос. Но супруги тупо уставились на него. Жанет вообще сказала, что не знает, что такое зеконал. Джон, будучи санитаром, не мог утверждать, что не знает этого. Но, несмотря на свою ограниченность, он все же знал свои права и отказался отвечать на вопросы, "пока он не посоветуется с адвокатом".

Джонс и Гейтс покинули дом с уверенностью, что оставили в нем преступников. Они добились предписания об эксгумации трупа Стефана Армстронга, хотя Никольс выразил сомнение в возможности обнаружить следы яда после такого длительного времени. 17 сентября Гейтс привез на кладбище Джона Армстронга, который, согласно предписаниям, должен был присутствовать при эксгумации. У кладбищенских ворот Армстронг несколько замедлил шаг и сказал Гейтсу с надеждой в голосе: "За все это время мало что осталось от малыша... правда?" Гейтс почувствовал, что у стоящего рядом с ним человека с тупым лицом совесть нечиста. Но, к сожалению, Армстронг оказался прав. Никольс предпринял все возможное, чтобы обнаружить яд аналитическим путем, но безуспешно. Если Стефана и отравили зеконалом, то от лекарства не осталось и малейшего следа. Следствие сконцентрировало свое внимание на смерти Теренса.

И Джонс и Гейтс были глубоко уверены, что супруги Армстронг договорились отравить ребенка, чтобы избавиться от лишнего рта. Это предположение реально, если учесть, что у них было много долгов. Но кто же из них дал ребенку смертельную капсулу? Джонсу пришла в голову мысль, нельзя ли "зафиксировать" вину того или другого, использовав время действия зеконала. Было известно, что зеконал очень быстро начинал действовать, но его действие было непродолжительным. Нужно учитывать также время, пока капсула растворится в желудке. Итак, если симптомы болезни, приведшие к смерти Теренса, проявились уже в 12.15, то Джон Армстронг мог

лично дать яд только в том случае, если яд начал действовать через несколько минут. А он к этому времени только прибыл домой. Значит, если зеконал не мог оказать свое действие за несколько минут, то непосредственным убийцей могла быть только Жанет.

Никольс снова принялся за работу. Он поставил многочисленные опыты, помещая капсулы зеконала в такие же условия, которые соответствовали условиям детского желудка. Капсулы состояли из желатина, быстро растворялись и никогда не оставляли красноватых кожиц, подобных тем, какие были обнаружены в желудке Теренса доктором Миллером. Никольс пытался узнать, нет ли других препаратов зеконала в красных капсулах. Он навел справки в фирме изготовителя и выяснил, что "из экономических соображений" фирма длительное время применяла для изготовления капсул другой материал, не поставив об этом в известность ни аптеки, ни врачей. Речь идет о метилцеллюлозе, окрашенной эозином. Изготовленные из нее капсулы, кроме зеконала, содержали также немного маиса. Метилцеллюлоза всасывала внутрь желудочный сок, маис набухал и разрывал капсулу на две половинки. Таким образом зеконал попадал в желудок. Капсула же растворялась позднее и обесцвечивалась. Теперь стало ясно, почему химик в Госпорте обнаружил в желудке ребенка маис. Никольс начал новые опыты, на этот раз с капсулами из метилцеллюлозы. Полученные им результаты объяснили, почему фирма через некоторое время отказалась от применения этих капсул. Они были ненадежны. В очень немногих случаях они открывались быстро, но в другой раз ждать приходилось по полтора часа. В основном же действие зеконала наступало через 30 минут.

Полученные Никольсом с таким трудом результаты, как бы интересны они ни были, помочь следствию не смогли. Больше того, они сделали невозможным выделение одного из Армстронгов как непосредственного исполнителя преступления. Если исходить из показаний Армстронгов, зеконал начал действовать в 12.15, тогда убийцей могла быть, скорее всего, Жанет. Учитывая же возможность того, что капсула может открыться за несколько минут, нельзя с уверенностью утверждать ее вину.

Джонс отложил доклад из Лондона с чувством полной бесполезности. Он знал, что при такой неопределенности будет очень трудно убедить прокуратуру направить дело в суд. По меньшей мере присяжные потребуют доказательства того, что в день убийства в доме Армстронгов был зеконал. Но в этом вопросе расследования Гейтса в Гасларе давали право лишь подозревать.

Гейтс держал Армстронгов под наблюдением. Спустя год он уже был готов махнуть на все рукой, но вдруг 24 июня 1956 года у мирового судьи Госпорта появилась Жанет Армстронг и потребовала развести ее с мужем. Кроме развода, она требовала, чтобы Джона обязали содержать ее и оставшегося в живых ребенка. Причиной развода она указала постоянное избиение ее мужем. По всей видимости, во время одной из ссор он особенно досадил ей. Во всяком

случае, она была полна ненависти к нему. Когда суд отклонил ее просьбу, она появилась у инспектора Гейтса и заявила, что хочет дать показания.

Гейтс догадывался, что сейчас будет. И Жанет Армстронг рассказала, что в июле 1955 года она лгала. В доме был, видимо, зеконал. Джон привез из госпиталя так много капсул. Через три дня после смерти Теренса он велел ей их выбросить. С другой стороны, можно ее обвинить в отравлении Теренса. Она делала все, что велел муж. Несколько штук она выбросила в мусорную яму, другие — в мусорное ведро. 16 сентября, когда суперинтендент Джонс и инспектор Гейтс были у них в квартире и ушли ни с чем, муж сказал ей усмехаясь: "Теперь ты видишь, как хорошо, что мы выбросили капсулы. Это был зеконал". Лишь в этот момент, как утверждала Жанет, она поняла, что произошло у них в доме. "Ты дал малышу зеконал?" — спросила она. Джон ответил с издевкой: "Я не уверен, что это сделала не ты". Она не пошла в полицию только из боязни, что Джон убьет ее. А теперь ей абсолютно все равно.

Гейтс понимал, что ею движет чувство мести, но не сомневался в правдивости ее слов относительно зеконала. У него теперь было признание. В день смерти в доме Армстронгов был зеконал. Спустя четыре месяца, 3 декабря 1956 года, генеральный прокурор Великобритании сэр Реджинальд Маннигхэм Буллер лично возбудил дело против Джона и Жанет Армстронг по обвинению их в совместно подготовленном и осуществленном отравлении своего сына Теренса. Последовавший судебный процесс представлял собой мрачный, отвратительный спектакль обоюдных обвинений со стороны мужа и жены. Обвинения, ложь, подозрения и ненависть. Присяжные признают Джона Армстронга виновным. Ко всеобщему удивлению, Жанет Армстронг признана невиновной. Этим она обязана своему адвокату Норману Скелхорну, сумевшему так ловко использовать результаты экспертизы Никольса, что его подзащитная осталась в стороне от преступления.

Участвовала ли Жанет в убийстве или нет? Суду виднее. Важен был сам факт убийства при помощи барбитурата. Этот судебный процесс ясно показал, как неотложна проблема овладения токсикологами методом распознания хлынувших широким потоком ядов. Тот факт, что зеконал не был обнаружен при токсикологическом исследовании в Госпорте, что, без сомнения, произошло бы и во многих других лабораториях, свидетельствовал о том, как велика лазейка для барбитуратов. Снова появились новые проблемы, снова появились возможности для тайных отравлений.

13. Криста Леман из Вормса. Яд Е-605. 1954 год

Когда токсикологи достигли своей цели — научились обнаруживать барбитураты или продукты распада, оставляемые ими в организме человека, — то перед ними открылся мир новых ядов, мир

транквилизирующих (успокоительных) средств, новых медикаментов, оказывающих успокаивающее действие на чрезмерно раздраженного человека и освобождающих его от подавленного состояния. Но успешное познание тайн барбитуратов неоднократно прерывалось непредвиденным появлением новых ядов, становившихся дополнительным средством убийств. Самой большой неожиданностью в единоборстве между токсикологами и ядами было дело об убийстве, имевшее место в начале 1954 года в Вормсе.

О преступлении в Вормсе, "преступлении века", стало известно в понедельник 15 февраля 1954 года.

Сначала это был незаметный "случай в среде бедняков", происшедший в маленьком, одноэтажном, непривлекательном доме в одном из переулков старого района города. В доме проживала семидесятипятилетняя вдова Ева Ру с сыном Вальтером, дочерью Анни Хаман, тоже вдовой (ее муж погиб на фронте), и девятилетней дочерью Анни Уши. В общем-то, семья как семья, в те годы таких семей было много: пожилые родители, которые давали приют дочерям, выбитым войной из колеи и не сумевшим устроить свою жизнь, воспитывались внуки, в то время как дочери старались наверстать упущенное в жизни. Анни Хаман тоже была одной из таких дочерей. Вечером 15 февраля Анни Хаман вернулась с гулянья, захотела поесть, открыла кухонный шкаф и нашла на тарелке конфету — наполненный кремом шоколадный гриб. Как потом выяснилось, этот шоколадный гриб положила Ева Ру для внучки, которая была в гостях у родственников.

Анни Хаман взяла конфету, откусила кусочек и выплюнула с отвращением на пол. "Она же горькая!" — воскликнула Анни, увидев, как домашняя собачка, белый шпиц, набросилась на сладость и съела ее. Последующие события разыгрались с такой быстротой, что сидевшая у плиты Ева Ру потом даже не смогла подробно обо всем рассказать. Анни Хаман побледнела, оперлась о стол и крикнула: "Мама, я ничего не вижу!.." Она с трудом дошла до спальни, упала на кровать, скорчилась в судорогах и потеряла сознание. Прежде чем матери удалось позвать на помощь, Анни была мертва. Вызванный соседями врач обратил внимание на то, что в кухне, на полу, лежал сдохший белый шпиц. Сама собой напрашивалась мысль о яде, который, по всей видимости, был в шоколадном грибке. Врач сообщил о случившемся в полицию.

Старший инспектор уголовной полиции Вормса Дамен и еще два сотрудника, Штайнбах и Эрхард, за годы своей работы не сталкивались с серьезными уголовными преступлениями. Они даже не предполагали, какие масштабы примет дело Анни Хаман. Не предполагало этого и их начальство.

Во всяком случае, труп доставили в морг института судебной медицины в Майнце. Директором института был известный нам из истории судебной медицины профессор Курт Вагнер, которому было поручено произвести вскрытие и установить причину смерти.

На следующий день утром Вагнер совместно с ассистентом про-

извел вскрытие. Причин естественной смерти обнаружено не было. Скопление крови и застойные явления во многих органах, особенно в мозгу и легких, говорили об общих симптомах отравления.

Вагнер имел обширные познания в области токсикологии. Но так как единственная свидетельница скоропостижной смерти пострадавшей, ее мать, не могла вразумительно рассказать о симптомах, сопровождавших смерть дочери, то было трудно правильно избрать путь токсикологических исследований. Однако один симптом был очевиден. Это судороги. Значит, речь шла о яде, вызывающем судороги.

Пока производились токсикологические исследования, служащие уголовной полиции Вормса довольно быстро восстановили цепь событий.

На почве своих любовных похождений Анни Хаман очень сблизилась с другой молодой вдовой, Кристой Леман, матерью троих детей. Муж Кристы, Карл Франц Леман, тридцатишестилетний каменщик, неожиданно скончался в 1952 году. За день до смерти Анни, в воскресенье, Криста Леман посетила дом вдовы Ру, которая вместе с сыном, дочерью и соседкой сидела на кухне. Они рассматривали платье, сшитое Анни для карнавала. Криста подсела к ним, вытащила пакетик с конфетами в виде шоколадных грибков, которыми всех угостила. Все, кроме Евы Ру, съели конфеты. А старушка положила свою конфету в сторону и, несмотря на уговоры Кристы Леман, не стала ее есть, сказав, что съест ее вечером перед сном. На самом же деле она хотела оставить конфету внучке Уши. Потом Ева Ру положила гриб в кухонный шкаф на тарелку, где его на другой день и обнаружила Анни Хаман.

Никто, ни Анни Хаман, ни ее брат, ни сама Криста Леман, ни соседка, не почувствовали в воскресенье ничего неприятного. Значит, конфеты, которые они съели, были безвредными. Что же случилось с конфетой, которую старушка отложила для своей внучки? Была ли она уже заранее отравлена? Или пока лежала на кухне, в нее ввели яд для того, чтобы отравить ребенка?

Кто мог быть заинтересован в устранении этого ребенка? Бабушка? Абсурдная мысль. Мать? Может быть, ребенок был препятствием в ее любовной связи? Тоже абсурдная мысль. Если бы виновной была Анни Хаман, то она не стала бы пробовать конфету.

Чьей же хотели смерти? Анни Хаман? Кто же? Брат? Брат и сестра были друзьями. Может быть, мать? Вдова Ру, тихая мещаночка, страдала из-за поведения своей дочери. Но это не значит, что она должна была за это убить свою собственную дочь. Не было ли кого-нибудь, кто питал бы неприязнь к Анни Хаман или к семье Ру? Но после того воскресенья никто не приходил в их дом. Никто не имел возможности отравить шоколадный гриб после того, как он попал в кухонный шкаф. Лишь Криста Леман ненадолго заходила в понедельник и потом вышла вместе с Анни. Но при этом посещении присутствовала вдова Ру.

Дамен допросил также Кристу Леман, поскольку она была сви-

детельницей предыстории происшествия. Сотрудники уголовного розыска навестили Кристу Леман в ее доме, где увидели женщину среднего роста, белокурую, с серыми глазами, слишком острым носом на мягком лице и маленькими зубками. В общем-то, не красавица и, уж во всяком случае, не обольстительна. Она производила впечатление огорченной смертью подруги.

Криста подтвердила, что принесла конфеты в дом, где произошло несчастье. Она купила сладости вместе с Анни Хаман накануне, вечером 13 февраля. Где? В магазине Вортмана. Потом они с подругой расстались, ей нужно было покормить детей. А в воскресенье она отправилась со сладостями домой к Анни. Все остальное было известно. Она утверждала, что не перестает думать о том, почему четыре шоколадных гриба не причинили никому вреда, а пятый убил ее подругу. Не может ли быть, чтобы часть конфет, которые продавались в магазине Вортмана, были ядовитыми и одна из них благодаря ей попала в дом подруги?

Криста Леман говорила так убежденно, что криминалисты вначале исключили ее из числа подозреваемых. Если же она виновна, то объектом отравления должна быть вдова Ру. Ей она дала отравленную конфету. Но что могло побудить Кристу Леман к убийству старухи? Скорее можно было предположить, что при массовом производстве шоколадных конфет в часть продукции проник яд. Это мог быть просто несчастный случай или же поступок какого-нибудь психопата, причастного к изготовлению, упаковке или транспортировке конфет. В истории известны случаи, когда коварно замаскировавшийся убийца-садист получает удовольствие от того, что где-то умирают люди, а полиция идет по ложному следу и невинные попадают под подозрение.

Дамен решил провести проверку сладостей в магазине Вортмана. Фирма предложила для продажи всего 140 шоколадных грибков, все они были заказаны у одного изготовителя. 133 из них уже проданы. Оставшиеся семь Дамен конфисковал и отправил в институт в Майнц для исследований на яд. Вечером по радио населению предложили воздержаться от потребления шоколадных грибков, приобретенных в магазине Вортмана.

В тот вечер казалось, что расследование зашло в тупик. Если в одной из конфет будет обнаружен яд, то ничего не останется, как заняться проверкой сначала продавцов, затем транспортировщиков и изготовителей, то есть такой проверкой, которая выйдет далеко за границы Вормса. Если же яд не обнаружат, то можно с уверенностью предположить, что попал он в конфету по пути из магазина в кухонный шкаф вдовы Ру.

Ареной главных событий стала университетская клиника в Майнце, где Курт Вагнер и его ассистенты в поисках яда, вызывающего судороги, производили сначала анализы на стрихнин, затем на другие алкалоиды. Но все анализы дали абсолютно отрицательные результаты.

В это время лишь немногие токсикологи занимались препаратом

под названием Е-605. Относился он к химическим средствам защиты растений от насекомых.

Между 1934 и 1945 годами немецкий химик Герхард Шрадер выделил на предприятиях Байера в Леверкузене органические соединения фосфора, которые в экспериментах биолога Кюкенталя обнаружили чрезвычайно сильные ядовитые свойства в отношении вредителей растений. Исследования закончились к началу 1945 года. Препарат получил название Е-605. Опробирование препарата в полевых условиях началось как раз к моменту вступления американских войск в Германию. Препарат конфисковали, и он был сначала применен в США. Там он получил название паратион (тиофос). Через несколько лет производство паратиона достигло невероятного размаха. Только в 1950 году во Флориде для очистки апельсиновых плантаций от вредителей было израсходовано несколько тысяч тонн препарата. Под различными названиями — от фолидола до тиофоса-3423 — средство это распространилось по всему миру и в 1948 году возвратилось в Германию. Здесь его производили в больших количествах и свободно продавали во всех аптеках и москательных магазинах. Он снова назывался Е-605, и на нем была этикетка, предупреждавшая об опасности отравления "при неумелом пользовании".

До 1953 года в США было известно всего 168 случаев отравления, 159 из них протекали легко. Причиной отравления каждый раз являлось небрежное обращение с ядом. Американцы установили смертельные дозы препарата Е-605 и симптомы отравления им. Они совпадали с симптомами отравления синильной кислотой: наблюдались судороги и паралич органов дыхания. Никогда яд не применялся в качестве средства убийства или самоубийства. Поэтому не было судебно-медицинского метода определения отравления препаратом Е-605. Американцы Аверелл и Норрис в 1948 году выработали тест для определения Е-605, но он годился только для растительного материала. Путем различных химических процессов преобразования и соединения со смоляной краской получали сине-фиолетовую реакцию, если в исследуемом материале содержался Е-605. В 1951 году появился тест, при помощи которого удавалось обнаружить препарат в моче отравленных. Им пользовались для проверки состояния здоровья рабочих, которые соприкасались по роду работы с Е-605.

Курт Вагнер, вспомнив некоторые публикации о Е-605, особенно описания предсмертных судорог, вызываемых отравлением Е-605, по наитию напал на след этого яда. Так как Е-605 еще никогда не использовали в качестве яда при умышленном убийстве, то даже сам Вагнер не питал больших надежд на успех. Часть содержимого желудка Анни Хаман подверглась дистилляции, и вскоре Вагнер и его ассистенты получили неожиданный сюрприз. Описанные в специальной литературе методы тестов и реагенты привели к цветовым оттенкам, которые, согласно существовавшему до сих пор опыту, свидетельствовали о наличии Е-605.

В первый момент Вагнер засомневался в правильности результата и продолжил анализы на яд, чтобы проверить, не имеет ли он дело еще с каким-нибудь ядом. Но все анализы указывали на наличие яда Е-605. Вагнер подверг проверке конфеты, конфискованные в магазине, но в них яда не оказалось.

Вагнер все же сомневался. Если речь шла об убийстве с помощью Е-605, то это было первое убийство такого рода. Можно ли в самом начале изучения судебной медициной Е-605 обнародовать результат исследований, который должен послужить научной уликой обвинения в умышленном отравлении? Решив в конце концов сообщить прокуратуре и уголовной полиции о результатах своих исследований, он подчеркивал лишь "вероятность" наличия Е-605 и говорил о необходимости подкрепить это предположение результатами дальнейшего расследования.

Когда с таким нетерпением ожидаемое известие о результатах токсикологического исследования прибыло в полицию Вормса, Дамен, Штайнбах и Эрхард не сидели сложа руки. Они решили проверить версию о причастности Кристы Леман к смерти подруги.

Криста Леман выросла в тяжелой обстановке и, по существу, без родителей. Мать, душевнобольная, уже много лет находилась в психиатрической больнице, отец — Карл Амбруаз, столяр, был несчастлив и со второй женой. Окончив школу, Криста Леман работала сначала на кожевенной, потом на красильной фабрике Хёхста. За совершенное там воровство она была осуждена условно. В Хёхсте она встретилась с Карлом Францем Леманом, хромым, страдавшим заболеванием желудка и поэтому во время второй мировой войны освобожденным от военной службы. В 1944 году она вышла за него замуж и переехала к его родителям в Вормс. Леман открыл частную мастерскую по облицовочным работам, процветавшую с 1945 по 1948 год, в годы нужды и голода. Денежная реформа в Западной Германии положила конец временам легкой наживы. Но Кристе Леман не хотелось расставаться с веселой жизнью времен "черного рынка". Начались дикие скандалы и драки с мужем, конфликты с родителями мужа, многочисленные непродолжительные связи с американскими солдатами и другими мужчинами. Леман спился. Драки с мужем становились все ожесточеннее, но вдруг 27 сентября 1952 года он скоропостижно скончался.

Эта неожиданная смерть Карла Лемана после получасовой болезни и озадачила Дамена и его коллег. 27 сентября утром Леман был у парикмахера, а вернувшись домой, скончался в жестоких судорогах. Вызванный доктор Ваттрин считал причиной смерти прободение желудка в результате язвы, что было вполне логичным, если учесть заболевание желудка пострадавшего и его пристрастие к спиртному. Но так ли это? Не напоминают ли судороги обстоятельства, при которых скончалась Анни Хаман?

Криста никогда не отрицала, что смерть мужа была для нее облегчением. Ее квартира превратилась в притон. Скандалы с мужем сменились скандалами со свекром Валентином Леманом. И тут Да-

мен узнал, что 14 октября 1953 года, через полчаса после завтрака, Валентин Леман замертво упал со своего велосипеда во время поездки по городу. Врач поставил диагноз: смерть от сердечного приступа. Этот диагноз соответствовал обстоятельствам. А может быть, в этом случае имелась другая причина? Смерть Валентина Лемана освободила Кристу Леман от последнего препятствия в ее собственной квартире. После его смерти Криста со своей подружкой Анни Хаман беспрепятственно наслаждалась жизнью, как она это понимала.

Дамену было трудно найти у Кристы Леман мотив убийства Евы Ру, зато у нее было предостаточно мотивов убийства своего мужа и свекра: оба стояли на пути к ее любовным утехам. Когда Дамен с сотрудниками изучили все дело, перед ними встал вопрос, не была ли вдова Ру тоже препятствием для Кристы Леман?

Тот факт, что яд Е-605 изготовлялся на предприятиях Байера в Хёхсте, невольно снова ставил под подозрение Кристу Леман. Она работала в Хёхсте на красильной фабрике. Может быть, она там слышала о смертельном действии Е-605 на человека?

Когда 19 февраля хоронили Анни Хаман, по всему Вормсу уже распространился слух, что здесь имело место умышленное отравление сильным ядовитым средством для защиты растений от насекомых. Во время похорон было много любопытных. Среди них удалось остаться незамеченным и Дамену, который наблюдал за Кристой Леман, стоявшей с заплаканным лицом перед открытым гробом своей подружки. Он арестовал ее, как только она покинула кладбище.

Дамен, Штайнбах и Эрхард два дня почти непрерывно допрашивали арестованную. Е-605? Она утверждала, что не знает такого яда. Так же непоколебимо она встретила обвинение в том, что отравила Анни Хаман, желая, однако, отравить ее мать, и заявила: "Это не я". На обвинение в отравлении мужа и свекра она ответила иронической усмешкой.

Обыск в ее квартире не дал доказательств того, что у нее имелся когда-либо яд Е-605. Необходима была эксгумация трупов Карла Франца и Валентина Леманов, так как это единственная возможность путем токсикологического анализа получить дополнительный обвинительный материал. Но решить этот вопрос было совсем не просто. Оба трупа уже долгое время пролежали в земле. Еще не было известно, можно ли после этого обнаружить в трупе яд Е-605. Профессор Вагнер не мог сообщить ничего определенного о шансах на успех токсикологического анализа. И все же эксгумация была необходима.

Но во вторник 23 февраля произошла первая неожиданность. В 10 часов утра Криста Леман потребовала позвать к ней в камеру отца, Карла Амбруаза, и священника, которым неожиданно рассказала, что действительно начинила шоколадный гриб ядом Е-605. Она призналась в этом и следователю, к которому ее сразу же отвели. Да, она хотела отравить вдову Ру, но только для того, чтобы та

заболела. Она утверждала, что в ее беспорядочной жизни виновата Анни Хаман. Поэтому ей в голову пришла мысль сделать мать Анни больной, вынудив тем самым Анни ухаживать за матерью и оставить ее, Кристу, в покое. Она не знала, что Е-605 смертельный яд.

Этими показаниями Криста пыталась спастись от обвинения в убийстве. Но Дамен, допрашивая арестованную в течение нескольких часов, вынудил ее рассказать всю правду. Она призналась, что Ева Ру была препятствием, от которого она хотела избавиться. Вдова Ру называла ее злым гением своей дочери и делала все, чтобы Анни порвала с ней. После этого предварительного признания сотрудники уголовной полиции до позднего вечера допрашивали ее об обстоятельствах скоропостижной смерти ее свекра 14 октября 1953 года. Но все их усилия казались напрасными, пока не произошла вторая неожиданность. Кристу Леман повели в камеру после допроса, но тут, уже стоя в дверях, она обернулась и сказала: "Вообще-то свекра я тоже отравила".

Итак, она призналась. В кефир, который ел во время завтрака свекр, она влила целую ампулу Е-605 и добавила сахару. Валентин Леман съел кефир, сел на свой велосипед и через двадцать минут из-за паралича органов дыхания умер.

Но показания Кристы Леман все еще были неполными. Дальнейшие допросы проходили в бесплодной попытке побудить арестованную к признанию в отравлении мужа, но она оставалась хладнокровной и насмешливой. После окончания очередного допроса, открыв дверь в коридор, Криста Леман задержалась на несколько секунд, посмотрела на полицейских и мимоходом бросила: "Мужа я тоже отравила".

Карл Франц Леман получил яд в молоке, которое он выпил за завтраком. Но откуда она брала яд? В 1952 году в витрине москательного магазина Майера в Вормсе ей бросилась в глаза коробочка с надписью: "Яд". Она купила коробочку с несколькими ампулами Е-605. Никто не воспрепятствовал этой покупке. Действие яда она испытала на собаке.

Вот и вся история. Она казалась столь невероятной из-за обыденности, возможности легко приобрести яд, совершить убийства, обмануть двух врачей, что прокуратура не хотела и не могла поверить в это без специальной проверки.

12 марта были эксгумированы останки Карла Франца и Валентина Леманов, взяты необходимые для анализов на яд Е-605 части тела и отправлены в Майнц. Тот факт, что в трупе Валентина Лемана удалось обнаружить остатки содержимого желудка, а в трупе Карла Франца Лемана — части стенки желудка, вселяло в профессора Вагнера надежду найти следы яда. Через день надежды профессора оправдались. Удалось в обоих трупах обнаружить яд Е-605 и тем самым замкнуть цепочку доказательств.

История знает много периодов, когда в качестве средств убийства или самоубийства "в моду" входили те или иные яды. Они распространялись как бактерии инфекционного заболевания. Но что

произошло с Е-605, начиная с февраля 1954 года, когда он впервые был упомянут в связи с делом Кристы Леман, трудно себе представить. Уже в том же месяце в Западной Германии, да и в Австрии, началась целая серия самоубийств при помощи яда Е-605. Один газетный заголовок следовал за другим: "Вормский яд унес еще одну человеческую жизнь", "Еще пять самоубийств ядом Е-605", "Шесть новых самоубийств средством защиты от вредителей растений", "Семья из четырех человек отравилась Е-605".

Когда 20 сентября 1954 года Криста Леман предстала перед судом, подтвердила свои показания и без малейшего раскаяния и печали выслушала приговор к пожизненному заключению, по стране прокатилась новая волна самоубийств.

Судебно-медицинским институтам и химико-токсикологическим лабораториям пришлось иметь дело с обнаружением яда Е-605. Не обошлось при этом без сюрпризов и ошибок. Снова сомнению подверглись методы, которые еще совсем недавно считались абсолютно надежными. Особенно это коснулось метода Аверелла и Норриса. Фиолетовая окраска при этом методе возникала благодаря тому, что, как выражаются химики, "ароматические нитротела" яда Е-605 переводятся в "ароматические амины и подвергаются диазотированию и проявлению анилинового красителя". Теперь же выяснилось, что и другие ароматические нитротела и ароматические амины производят такую же краску. Не только барбитураты, но прежде всего сульфонамиды (те медикаменты против бактериальных инфекций, которые получили с времен второй мировой войны колоссальное распространение) могли быть приняты при токсикологическом исследовании за яд Е-605, если потерпевшие перед смертью лечились этими лекарствами.

Токсикологи вспомнили времена разногласий по вопросам трупных алкалоидов, когда Ф.Фретвурст и Г.Кайзер обратили внимание на то, что продукт гниения трупной крови, в которой нет и следа Е-605, может при реакции Аверелла — Норриса привести к ошибочным результатам, дав яду подобную окраску.

Снова прилагались все усилия для выработки надежных методов. Они привели к методу, которым яд Е-605 можно было установить путем спектрофотометрии в ультрафиолетовых лучах, измерив притом его количество.

Токсикология превратилась в не знающее границ между отдельными странами и континентами здание, фундамент которого заложило не одно поколение. Но для судебной токсикологии еще в большей степени, чем для судебной медицины, была законом постоянная готовность к самоусовершенствованию и к решению поставленных перед ней задач. Она должна была идти в ногу с химией и фармакологией, которые не переставали создавать новые вещества, необходимые для человечества в эпоху развития индустрии, но дающие в руки широких масс различные яды в таких количествах, которые не могли даже прийти в голову Орфиле или Стасу.

Если говорить о криминалистическом значении судебной токсикологии, то прежде всего нужно сказать о возникшем в начале XX столетия сотрудничестве между криминалистической и уголовной полицией, с одной стороны, и токсикологией, выросшей на базе судебной медицины, химии и фармакологии, — с другой.

Это был союз, который не только породил более или менее тесное сотрудничество уголовной полиции с токсикологическими лабораториями и институтами, но и привел к тому, что почти во всех странах мира токсикологические лаборатории стали неотъемлемой частью отделов уголовной полиции, слились с ними.

14. Химико-технические лаборатории полиции

Еще раз мы вернемся на несколько десятилетий назад, во времена и в мир пионеров и одиночек, прокладывавших первые тропы, как Бертильон, или открывших путь криминалистике к науке.

По всей вероятности, Рудольфу Арчибальду Райсу принадлежит идея придать уголовной полиции естественно-научные лаборатории, а ученых-естествоиспытателей сделать криминалистами. Райс не был токсикологом. Но так как наука о ядах, как часть естествознания, вросла в криминалистику, то основание общих естественно-научных криминалистических лабораторий означало также начало ее полного слияния с криминалистикой.

То, что Альфонс Бертильон называл криминалистической лабораторией, было лишь мастерской, в которой он изготовлял фотографические приборы, чтобы испытывать и улучшать возможности фотографии в целях идентификации. Райс так же в первую очередь был заинтересован в фотографии и научной идентификации. Но он был слишком разносторонним и изобретательным человеком, чтобы не понять значения для полиции общенаучной химической лаборатории.

Райс был высоким человеком с чертами лица, напоминающими героя романа Конан Дойла — Шерлока Холмса. Он родился в Германии. В 1895 году девятнадцатилетним молодым человеком он начал свои занятия химией в Лозанне. Рассказывали, что уже в годы учебы с ним происходили странные явления. Из-за врожденного дефекта кровообращения с Райсом случился однажды глубокий обморок. Его сочли мертвым, собирались уже хоронить, но, когда гроб поставили на катафалк, он проснулся и пережил шок, который так и не смог преодолеть всю жизнь. Однако болезнь не помешала ему сделаться страстным курильщиком. Он выкуривал каждый день столько сигар, что, если их сложить, образовалась бы линия в несколько метров. В 1900 году он ездил в Париж, чтобы познакомиться с Бертильоном, и вернулся в Лозанну убежденным поклонником идеи превращения криминалистики в науку. В тесном сотрудничестве с уголовной полицией швейцарского кантона Ваад и кантональным правительством он на свои личные деньги основал в Лозанне Институт научной полиции и добился, чтобы его институт

при университете Лозанны был признан научным учреждением еще новой, не совсем ясно ограниченной области научной криминалистики. Он всего себя отдавал своей идее. Однажды, будучи приглашенным в гости, он прочитал хозяйке дома такой длинный доклад о полицейских проблемах, что его больше никогда в этот дом не приглашали. Вскоре его институт стали посещать русские, сербские, южноамериканские криминалисты. Он тоже ездил в Санкт-Петербург и в Рио-де-Жанейро, где оборудовал полицейские лаборатории. После первой мировой войны он снова появился в Лозанне и передал своему двадцативосьмилетнему ассистенту, ставшему впоследствии профессором научной криминалистики, Марку Бишофу руководство местным институтом. А сам он переехал в Сербию и до конца своих дней жил в Белграде, в доме, который ему в знак благодарности подарил якобы король Югославии Петр. Для многих было загадкой, почему он стал жить в Белграде.

В 1928 году Райс умер от сердечного приступа. Сколь бы странным он ни был в жизни, его работа, и особенно основание Института научной полиции в Лозанне, обеспечили ему место в истории криминалистики.

Почти в те же годы на юге Франции, в Лионе, работал доктор Эдмонд Локар. Лионец по происхождению, он родился в 1877 году и изучал в своем родном городе медицину и право. Долгие годы он работал ассистентом Лакассаня; за это время ему стало ясно, что криминалистические возможности прежде всего гарантируют химия, микроскопия и биология и что патологу, каким бы разносторонним он ни был, не под силу овладеть всеми этими науками. Его не удовлетворяло, что химические институты университета проводят исследования ядов в судебных целях. Он мечтал об объединении криминалистических и научных методов исследований под одной крышей, а именно под крышей полиции. Как и Райс, он встречался с Бертильоном. Затем он посетил Вену, Берлин, Нью-Йорк, Чикаго, где знакомился с состоянием уголовной полиции, устанавливая, в каких масштабах используются там научные методы. В 1910 году он основал полицейскую лабораторию Лиона, которая размещалась в двух жалких чердачных комнатах здания юстиции. В центре внимания полиции все еще стояла борьба за улучшение методов идентификации. Но Локар, который давно уже стал приверженцем дактилоскопии, не терял из виду своей основной цели. Он начал с химических исследований следов пыли и распространил свою работу на всю область судебной химии и техники. Исследуя химическим путем чернила и бумагу, он охватил также область экспертных заключений по документам, что с годами его интересовало все больше и больше.

Изящный, почти хрупкий в молодые годы, среднего роста, с черными усами, орлиным носом и блестящими светлыми глазами Локар был, видимо, первым, кто объединил в своей лаборатории химиков и патологов для обеспечения быстрого решения всех вопросов совместными усилиями разных ученых. Его преподавательская

деятельность во французской полицейской школе способствовала в значительной мере тому, что в Сюртэ впервые стали проявлять большой интерес к естественным наукам.

Но не только во Франции и в Швейцарии работали новаторы естественно-научной криминалистики. Они трудились во многих странах. Почти всегда это были одиночки. В противоположность большинству знаменитых химиков, токсикологов и фармацевтов, работа которых для нужд криминалистики составляла лишь незначительную часть их деятельности, эти энтузиасты посвящали криминалистике большую часть своей жизни. Чаще всего они работали в тесных вспомогательных лабораториях и интересовались всеми вопросами, которые впоследствии станут называться судебными науками, — от токсикологии и определения крови до графологии и баллистики. Наиболее заслуженные из них пользовались большим авторитетом.

Одного из самых оригинальных ученых дала Голландия накануне XX столетия. Ван Ледден Гульзебош жил и работал в Амстердаме. Многие поколения Ледденов были аптекарями, проживавшими в старом, хорошо сохранившемся здании больницы, первый этаж которого занимала аптека. От отца сын унаследовал жажду познания и талант аналитика. Еще молодым химиком ван Ледден Гульзебош столкнулся с несколькими уголовными делами и понял, какую большую роль в раскрытии преступления играют химические анализы. Услышав о Локаре и Райсе, он поехал в Лион и Лозанну и вернулся с твердым намерением посвятить свою жизнь задаче оказания помощи уголовной полиции в применении ею химии для раскрытия уголовных дел. Вскоре его лаборатория была завалена поручениями.

Известной и своенравной фигурой среди так называемых судебных химиков был на рубеже столетий Пауль Езерих из Берлина.

В германской столице и ее окрестностях не проходило ни одного более или менее крупного процесса, в котором в качестве эксперта-химика не выступал бы Езерих. Он основательно изучил судебную химию и токсикологию у профессора Зонненшайна, после смерти которого унаследовал его лабораторию. Позднее он работал в своем собственном доме в Берлине на Фазанен-штрассе. Это было многоэтажное здание, на первом этаже которого располагалась лаборатория, а второй занимала семья Езериха. Вскоре Езериху стали помогать ассистенты. Езерих работал в основном с аппаратами, созданными своими руками. Ассерваты, получаемые им для токсикологических исследований, хранились в задней комнате у вытяжного шкафа; холодильных установок в то время еще не было. В жаркие дни трупный запах распространялся по всему дому, достигая даже верхних этажей.

Но в этой с точки зрения более поздних времен примитивной обстановке он выполнял работу, которая сделала его среди служащих уголовной полиции, прокуроров и судей большим авторитетом, а среди берлинцев — очень популярной личностью. Особенно большое

внимание он уделял применению фотографии в судебной химии. Кроме лаборатории, его интересовали только яхты и моторные лодки. У него были своя яхта и моторная лодка; он был членом Королевского клуба яхтсменов. Хотя уже перед первой мировой войной Езерих мог считаться миллионером и был женат на дочери богатого берлинского коммерсанта, им с годами все больше овладевала жадность, а характер становился все более деспотичным. К концу жизни он встал на пути прогресса даже в той области науки, пионером которой в свое время являлся. Однако после его смерти в 1927 году он остался в памяти людей как личность, которая установила необходимую взаимосвязь между криминалистикой, химией и естественными науками.

К тому же поколению относится и доктор Георг Попп из Франкфурта-на-Майне. Родился он в 1861 году. Годы изучения им химии тоже падают на вторую половину XIX столетия. Он учился в Марбурге, Лейпциге и Цюрихе. В 1888 году он основал в Висбадене химическую лабораторию. Одним из объектов его исследований был табак. Когда же уголовная полиция южных областей Германии стала обращаться к нему с просьбами исследовать различные вещества, подозревая в них яд, он проявил интерес к судебной химии и токсикологии. По своей инициативе основал во Франкфурте новую лабораторию, в которой занимался преимущественно токсикологическими и родственными ей научными исследованиями в интересах уголовной полиции. Это он предпринял первую в истории попытку обнаружить яд в пепле сожженных трупов, выступая в нашумевшем в 1913 году во Франкфурте деле Хопфа. Хопфа обвиняли в отравлении мышьяком двух жен, родителей и двух детей и в попытке отравить мышьяком третью жену. В пепле матери Хопфа Попп обнаружил приблизительно "0,075 миллиграмма мышьяка на 100 граммов субстанции" и попытался установить опытами на животных, какое количество мышьяка нужно принять, чтобы после смерти остались в пепле на 100 граммов вещества 0,075 миллиграмма яда. Попп был одним из первых, если не первым, немецким судебным медиком, которого в 1924 году официально назначили профессором судебной химии во Франкфурте-на-Майне.

На этом назначении настоял Роберт Гейндл, известный нам по истории создания службы идентификации, ставший врачом министерства иностранных дел в Берлине. Сорокалетний Гейндл, энергичный человек, полный идей, предвидел необходимость сотрудничества уголовной полиции с химиками и представителями других естественных наук в целях использования возможностей науки для раскрытия преступлений. Он был убежден, что токсикология и прочие естественные науки, особенно химия, со временем выработают такие способы доказательств, что рано или поздно просто невозможно будет обойтись без значительного числа химиков, химиков-пищевиков в государственных учреждениях, институтах судебной медицины, занимающихся токсикологическими и другими исследованиями в судебных целях. Он видел, что приближается мо-

мент, когда использование достижений естественных наук при расследовании станет повседневным явлением и потребностью полиции. В первые годы после первой мировой войны много убийств осталось нераскрытыми, потому что не было возможности основательно расследовать их. Тысячи дел вообще не расследовались, потому что неопытные врачи не ставили в известность полицию, а полицейские и сотрудники уголовной полиции не имели подчас представления о достижениях токсикологии и химии; они успели лишь понять ценность отпечатков пальцев и сохранения следов на месте преступления. Они лишь начали разбираться, какое значение имеет участие судебно-медицинских экспертов при осмотре мест преступлений. Химия же и токсикология были для большинства полицейских служащих, вплоть до самых высоких рангов, чуждыми понятиями. Тем более, считал Гейндл, сама полиция нуждается в химиках, которые круглые сутки были бы готовы не только произвести нужные исследования, но могли бы также обучать приемам работы служащих полиции, а в некоторых случаях даже выезжать с ними на место происшествия, чтобы обеспечить сохранность необходимых для их исследований субстанций.

Став в 1911 году начальником уголовной полиции Дрездена, Гейндл оборудовал там химическую лабораторию. Начало первой мировой войны парализовало ее работу.

Не лучше обстояло дело и с другой лабораторией в рамках полицей-президиума в Берлине, носившей название: "Химик для нужд уголовной полиции". Ее возглавлял ученик Георга Поппа из Франкфурта-на-Майне, двадцатипятилетний химик Август Брюнинг. Двадцать лет спустя Брюнинг станет одним из самых выдающихся естествоиспытателей на службе немецкой уголовной полиции.

Лишь после первой мировой войны Гейндлу удалось вновь создать полицейскую лабораторию. Волна преступлений, захлестнувшая всю Германию после окончания войны, заставила германское министерство внутренних дел подумать о реорганизации уголовной полиции. Министерство внутренних дел обратилось к Гейндлу, который и разработал в 1919 году Имперский закон об уголовной полиции. Он не ограничился объединением полиции отдельных земель и городов в единую общегерманскую уголовную полицию, а продолжал бороться за привлечение естественных наук на службу криминалистике. Он считал, что центральное управление германской уголовной полиции должно иметь свою большую лабораторию, в которой химики и другие ученые могли бы применять для расследования все имеющиеся в науке и технике достижения. Специалисты в постоянном контакте с уголовной полицией должны были скорейшим образом осуществлять все необходимые исследования, которые раньше, если и предпринимались, поручались отдельным лицам, частным или общественным институтам, имевшим или не имевшим достаточной квалификации. В подчинении этой лаборатории должны были находиться, как представлял себе Гейндл, множество более мелких лабораторий, разбросанных по всей территории

государства. В их задачу входило: обеспечение на месте происшествия сбора и хранения подлежащих исследованию субстанций, производство простых анализов и исследований на месте и отправка в Берлин материалов для более сложных исследований.

Однако планам Гейндла не суждено было осуществиться. Хотя под впечатлением от убийства министра иностранных дел Германии Вальтера Ратенау 22 июня 1922 года Имперский закон об уголовной полиции и был одобрен германским рейхстагом, провести его в жизнь не удалось. Этому препятствовали отдельные германские земли, в первую очередь Бавария и Саксония.

Но жизнь остановить было невозможно; предсказанная Гейндлом тенденция развития брала свое. Быстро росло число поручений уголовной полиции судебным химикам, химикам-токсикологам, работавшим в судебно-медицинских и фармакологических институтах, а в маленьких местечках — отдельным судебным медикам или аптекарям.

Криминалистика, а вместе с ней и токсикология представляли собой печальную картину. Не было сотрудничества, постоянно допускались ошибки, потому что в маленьких лабораториях не следили за развитием науки. Но были и исключения. Так, в 1930 году Август Брюнинг возглавил довольно солидную лабораторию в Берлине. Он получал от своей работы большое удовлетворение. К нему обращались за помощью сотрудники полиции не только Берлина.

И все-таки самые надежные результаты токсикологических исследований давали, как и прежде, институты судебной медицины. Среди фармакологов и токсикологов немецких университетов особый авторитет как эксперт полиции и прокуратуры в большом количестве трудных дел об умышленном отравлении завоевал Герман Георг Фюнер, работавший в Лейпцигском, а позднее (с 1925 года) в Боннском университете.

Такая картина наблюдалась вплоть до 1937 года, когда вторично, и на этот раз успешно, была предпринята попытка организовать большую естественно-научную и техническую лабораторию. Предпосылкой этому была идея, изложенная Гейндлом два десятилетия назад в его проекте Имперского закона об уголовной полиции. Гейндл давно уже не был одиноким в своих требованиях. Когда с 1923 по 1929 год в Дюссельдорфе действовал убийца на сексуальной почве, который насиловал, калечил и убивал женщин (число их так и не удалось установить), то многие служащие криминальной полиции стали бороться за централизацию уголовной полиции. В том, что этого убийцу, Петера Кюртена, долгие годы не могли задержать, виновата и раздробленность полицейских учреждений Германии. И то, что его все же задержали 29 мая 1930 года, можно отнести за счет случайности, а не планомерности работы. Во всяком случае, берлинскому криминальрату Эрнсту Геннату в феврале 1926 года удалось, пока только в Берлине, объединить раздробленные комиссии в центральную берлинскую инспекцию по расследованию убийств. А дело Кюртена привело к созданию центральной комис-

сии по расследованию убийств в Рурской области. Но в остальном все осталось по-прежнему. Чтобы иметь возможность объединиться, германской уголовной полиции пришлось пережить уничтожение Веймарской республики в Германии и крушение нацистского режима.

В октябре 1938 года был создан центральный Уголовно-криминалистический институт, превратившийся вскоре в самую большую и самую технически оснащенную полицейскую лабораторию мира.

В дни поражения фашистской Германии в мае 1945 года погибло также Имперское управление уголовной полиции, а вместе с ним и просуществовавший семь лет Уголовно-криминалистический институт на площади Вердера в Берлине.

После 1945 года появились новые естественно-научные и технические лаборатории уголовной полиции. В Германской Демократической Республике возникла централизованная лаборатория с периферическими лабораториями на местах. В Федеративной Республике Германия — нечто среднее между централизованным порядком и автономией полиции отдельных земель и городов, входящих в Федерацию, что привело к созданию самостоятельных управлений уголовной полиции в землях и городах ФРГ, например в Мюнхене, Киле, Бремене, Дюссельдорфе, Гамбурге, Ганновере, Кобленце, Саарбрюккене и Штутгарте.

Когда в 1951 году сначала в Гамбурге, а затем в Висбадене возникло Управление федеративной уголовной полиции, оно фактически не имело исполнительной власти, так как отдельные земли отстояли самостоятельность полиции в расследовании уголовных дел. Но нас интересует лишь тот факт, что созданные этим управлением научно-криминалистические лаборатории по подбору научных кадров и своей технической оснащенности вскоре стали одними из лучших в мире. Они были, однако, разрознены и не всегда принимали участие в раскрытии сложных уголовных дел, потому что земли и города строили свои лаборатории — большие или малые, оснащенные или нет — с претензией на самостоятельность.

Шестидесятитрехлетнему Роберту Гейндлу, который всю жизнь боролся за единую централизованную уголовную полицию, было поручено заняться созданием в Мюнхене Управления идентификации, полицейской техники и связи Баварии. Еще полный энергии седовласый старик взял на себя это поручение. В 1946 году создание такой лаборатории казалось ему большим прогрессом. Гейндл начал оборудование лаборатории в старом доме разрушенного бомбардировками Мюнхена, а когда в 1949 году лаборатория переехала в свое бывшее здание, она уже имела два аппарата для спектрального анализа — по тем годам большую ценность.

С годами росла роль научно-технической криминалистики в Западной Германии. Но долгое время успешной работе мешали недостатки организации, текучесть кадров полиции, соперничество и бессмысленное дублирование в работе. Нужно было вырастить новое поколение криминалистов. Долгие годы работу уголовной по-

лиции усложняли неправильные или поверхностные экспертизы, ставившие под сомнение престиж научной криминалистики, но жизнь все больше толкала к необходимости централизованной лаборатории, и все чаще полиция отдельных земель обращалась за помощью в центральную лабораторию в Висбадене.

Плохая организация работы в эти годы приводила к тому, что прокуратура и полицейские учреждения стали снова обращаться в судебно-медицинские, химические и фармацевтические институты университетов, в промышленные лаборатории и к химикам-пищевикам. Не умерла еще идея включения в институты судебной медицины научно-технической криминалистики. Что же касается токсикологии, то судебная медицина была так близка к естественно-научной криминалистике, что действительно возникал вопрос, не лучше ли включить токсикологию в судебную медицину, чем отдать ее на попечение полицейской лаборатории. В институте судебной медицины ею будут заниматься специалисты-токсикологи, но медики смогут рассматривать каждый отдельный случай в его совокупности с медицинской точки зрения. В перспективе появилось такое решение проблемы: полицейские лаборатории должны осуществлять все токсикологические исследования в той области, где имеются уже надежные методы, а университетские институты будут в первую очередь заниматься дальнейшим исследованием ядов и разработкой методов их определения. Кроме того, их можно будет использовать в качестве высшей инстанции в тех особых случаях, когда полицейская лаборатория сама не сможет обеспечить надежность результата исследования или когда во время работы или в суде возникают сомнения в правильности результатов.

Однако нельзя обойти молчанием тот факт, что в полицейских лабораториях работало теперь все больше и больше ученых, которые, преследуя научные цели, подчас благодаря своей всесторонней образованности, вносили существенный вклад в развитие токсикологии. Во многих полицейских лабораториях работали теперь судебные медики или даже возглавляли их.

В 1924 и 1925 годах в Лондоне пришли к выводу, что среди имеющихся преподавателей университетов, среди судебных медиков, химиков, физиков и биологов как государственных, так и частных институтов невозможно найти достаточное число лиц, которые были бы в состоянии выполнять постоянно растущие задания уголовной полиции и прокуратуры.

В Англии тоже кончились времена судебных медиков-энциклопедистов типа Стивенсона, Линча или Уилсокса, времена аналитиков Министерства внутренних дел. В полицейской лаборатории Скотланд-ярда постоянно ощущалась нехватка экспертов. Некоторые полицейские управления страны обходились собственными средствами. В Ноттингеме Этельстен Попкесс создал свою лабораторию. В Шеффилде постоянную лабораторию под руководством молодого патолога и токсиколога Джеймса Вебстера создал шеф-констебль Перси Силлитоу.

Франция со своей знаменитой полицейской лабораторией в Париже, а именно со множеством полицейских криминалистических лабораторий в Тулузе, Лилле, Марселе и многих других городах играла ведущую роль. В Италии тоже, помимо многочисленных институтов судебной медицины, работала полицейская лаборатория в Риме. Она называлась Высшая школа научной полиции. В Швейцарии возникли научно-криминалистические службы (как, например, при полиции Цюриха, Женевы) или технические криминалистические отделы (как при прокуратуре Базеля). Швеция создала техническую полицейскую лабораторию и государственную лабораторию судебной медицины в Стокгольме. В Дании существовала полицейская техническая лаборатория в Копенгагене. В Финляндии имелась центральная полицейская лаборатория в Хельсинки.

В 1928 году заместитель президента лондонской полиции Арче Бай и профессор Сидней Смит из Эдинбурга пытались убедить министерство внутренних дел Британии в необходимости полицейской лаборатории. Но враждебное отношение к науке большинства полицейских служащих, так мешавшее введению научных методов идентификации, не было еще изжито. Прошло немало времени, пока двум выдающимся личностям удалось устранить сопротивление. Это были лорд Трэнчард, президент лондонской полиции тех лет, и сэр Артур Диксон, заместитель помощника государственного секретаря министерства внутренних дел. Трэнчард основал полицейский колледж, и в 1936 году — школу для служащих уголовной полиции, в которой систематически преподавалась методика полицейского расследования и постоянно подчеркивалось значение научно-технических и вспомогательных средств.

Наконец Трэнчарду удалось добиться создания большой химико-физической лаборатории и привлечь к сотрудничеству ученых, которые всегда были в распоряжении полиции.

Первая английская полицейская лаборатория получила название Государственной полицейской лаборатории, резиденцией которой стал Скотланд-ярд. Уже в 1935 году возникло еще шесть крупных лабораторий. Их назвали региональными лабораториями Министерства внутренних дел. Они находились в Ноттингеме, Бирмингеме, Бристоле, Кардиффе и в Вакефилде. Людям, создавшим эти лаборатории, предстояли тяжелые годы испытаний, так как им не доверяло старое поколение криминалистов, которые по-прежнему придерживались мнения, что их молодые коллеги потеряют всякое криминалистическое чутье, потому что полагаются только на естественные науки. Как и в Германии, перед ними возникла проблема взаимодействия с токсикологами университетов, с судебными медиками и частными химическими и токсикологическими лабораториями. Однако необходимость крупных лабораторий была очевидна, и понадобилось немного времени, чтобы наладить тесное сотрудничество.

Но что означали трудности Старого Света по сравнению с борьбой, которую пришлось выдержать судебному естествознанию по ту

сторону Атлантики? Как и дактилоскопия, которая значительно позднее появилась в США и утвердилась лишь в результате преодоления жестокого сопротивления, так и пионеры судебного естествознания столкнулись на своем пути с непредвиденными трудностями. На рубеже столетий, то есть в годы, когда в Европе уже насчитывалось много крупных токсикологов, в США таких людей, как Рудольф Уитхаус из Нью-Йорка, были единицы. Да и тридцать лет спустя Александр Отто Геттлер был еще одиночкой, значение деятельности которого не способны были оценить ни общественность, ни служащие полиции от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса. И все же после второй мировой войны выросло поколение, обеспечившее во многих областях естествознания прогресс, и в борьбе за введение научной криминалистики появились яркие личности, но были и авантюристы, какие в Европе встречались редко.

Из известных криминалистов США начала XX века можно назвать Августа Вольмера и Эдварда Оскара Гейнриха. Вольмер был вначале почтальоном в Беркли, где позднее разместился знаменитый Калифорнийский университет. В 1905 году Вольмера на улице остановил Ричардсон, издатель газеты "Газетте", который сказал: "Слушай, Гус, мы хотели бы, чтобы ты выдвинул свою кандидатуру на пост шефа полиции и вывел на чистую воду всех мерзавцев, приезжающих сюда из Сан-Франциско". В том же году Вольмер действительно стал шефом полиции Беркли и занял маленькое бюро позади пожарной каланчи. Документы полицейского бюро состояли из записной книжки с некоторыми данными об известных в городе бандитах.

Вольмер был таким же шефом полиции, как и тысячи других в те годы, — без образования, обязанный своим избирателям и зависимый от их благосклонности. Но он был полицейским по натуре. Через два года после его избрания в Беркли было зарегистрировано преступлений меньше, чем в любом из городов Калифорнии.

С токсикологией Вольмер столкнулся впервые, когда в 1908 году в Беркли был найден труп с бутылкой синильной кислоты в руке. Один из полицейских доложил Вольмеру, что речь идет о самоубийстве. Вольмер же от своего приятеля химика, некоего Лёба, случайно узнал, что здесь самоубийство исключается. "Синильная кислота вызывает моментальную смерть. Мускулы расслабляются, и бутылка не могла остаться в руке. Кто-то вложил ее в руку потерпевшего", — разъяснил Лёб. Позднее Вольмер рассказывал: "Убийце удалось скрыться, и я понял, что мы в полиции представляем собой кучу дураков".

Вольмер попросил Лёба прочитать несколько лекций о способах обнаружения и фиксации ядов. Вскоре Вольмер стал приглашать для докладов и других специалистов: химиков, биологов и физиков. Некоторые из них стали штатными преподавателями в его полиции, которая тем временем переехала в собственное здание. Так, видимо, началась история первой химической полицейской лаборатории и первой школы судебного естествознания в Америке.

Вольмер нашел последователей и учеников, они сами приезжали к нему с Запада и Северо-Запада: шерифы, шефы полиции, студенты-юристы. Это были представители той новой Америки, которая стала чувствовать ответственность за все происходящее и была недовольна ни состоянием американской полиции, ни американской юстицией, которая в силу догматического, схоластического мировоззрения больше всего придавала значение свидетельским показаниям и с трудом признавала объективность научных доказательств. В июне 1916 года в Беркли начался первый курс лекций. Брошенные Вольмером семена упали на невозделанную почву, но вскоре все же дали первые всходы. В 1919 году городское правление Левисвилля попросило Вольмера реорганизовать полицию города и оборудовать лабораторию. В 1925 году этому примеру последовал Лос-Анджелес, в 1927 году — Детройт.

В 1918 году в Беркли появился еще один человек, сделавший целью своей жизни применение достижений естествознания в криминалистике, — Эдвард Оскар Гейнрих. Ему было тридцать семь лет, и родом он был из маленького городка Клинтонвилль (штат Висконсин). Его отец, по происхождению немец, так и не нажил состояния, и Гейнрих зарабатывал свои первые деньги, собирая бутылки из-под виски. В 1895 году материальное положение семьи стало столь катастрофическим, что Гейнрих был вынужден оставить школу. Он жил тем, что работал кассиром и мальчиком на побегушках в аптеке городка Такома (штат Вашингтон). Здесь он познакомился с основами химии и токсикологии. Во время русско-японской войны ему удалась небольшая спекуляция пшеницей. Заработав 18 долларов, он отправился в Беркли изучать "настоящую химию". В 1908 году он вернулся в Такому городским химиком санитарных учреждений. Наступил перелом в его жизни. Он стал другом шерифа, и соприкосновение с уголовными делами показало ему, какую большую услугу в раскрытии преступлений может сыграть химия. В его первом деле фигурировал отравленный торт, подаренный сторожу, чтобы убрать его с дороги. Гейнриху удалось довести яд до кристаллизации и определить его под микроскопом. Спустя несколько лет он уже стал шефом полиции в Альмеда, на реке Бай, в Сан-Франциско. Прослужив затем некоторое время в штате Колорадо, он осел в Беркли, где оборудовал лабораторию, ставшую вскоре Меккой для шефов полиции и детективов всего американского Запада. Многие уголовные дела, раскрытые с помощью Гейнриха, сделали его знаменитым. Среди них — прежде всего дело Чарлза Шварца. Гейнриху удалось одними химическими исследованиями доказать, что Чарлз Генри Шварц поджег 30 июня 1925 года свою химическую фабрику, которой угрожала гибель, вызванная конкуренцией, инсценировал гибель во время пожара, чтобы жена могла получить большую страховую сумму. Чарлз Генри Шварц убил похожего на него по комплекции своего нового ассистента Барбэ и оставил его в здании горящей фабрики.

Как эксперты по дактилоскопии, подобно грибам, появились вдруг, словно из-под земли, и за солидное вознаграждение стали предлагать свои услуги полицейским учреждениям и судам, так и присвоившие себе звание экспертов "специалисты по химии, токсикологии и научному расследованию уголовных дел" вдруг наводнили всю Америку. Среди них были способные люди, которые по мере своих возможностей добросовестно занимались работой, но были также шарлатаны и жулики, преследовавшие только личные корыстные цели. Если в Европе химия и токсикология не избежали ошибок, то в Америке деятельность этих "экспертов" из-за их наглости и беспардонности приводила к потрясающе несправедливым приговорам. Одну из таких наглых личностей, "доктора" Альберта Гамильтона, мы еще встретим, когда познакомимся с историей судебной баллистики. По меньшей мере два десятилетия их деятельность не встречала препятствий. Многие из них продолжали работать и после второй мировой войны.

В 1929 году заместитель шефа нью-йоркской полиции Джон О'Коннел создал при Высшей полицейской школе лабораторию с современным химико-физическим оборудованием. В том же году появилась полицейская лаборатория научных методов расследования преступлений в Чикаго. Как мы еще увидим, развитие этой лаборатории обязано в первую очередь крупному американскому специалисту по баллистике Кальвину Годдарду. Многие другие лаборатории также были основаны экспертами по огнестрельному оружию тех лет, такими, как Томас Левис, Чарлз Гунтер, Джулиан Хачер. Но так же как и в области идентификации, лишь появление ФБР в Вашингтоне дало решительный толчок осуществлению тех планов, о которых в Европе мечтали такие люди, как Гейндл. Приблизительно в одно время с возникновением в Берлине Института криминалистической техники Эдгар Гувер создал в Вашингтоне научно-техническую лабораторию.

Задачей созданной лаборатории, оборудованной всеми современными аппаратами, было оказание помощи полиции отдельных штатов и городов США в научной обработке вещественных доказательств. Пришлось вести борьбу с местничеством и ограниченностью в отдельных штатах, с плохо оборудованными лабораториями, с частными институтами, которые "породнились" с политиканами, шефами полиции и делили с ними свои доходы.

К середине столетия эта борьба еще не была закончена. Но химики, физики и биологи ФБР своей работой вынуждали штаты и города либо обращаться в Вашингтон, либо реорганизовывать свои лаборатории. Этому способствовали также достижения американских ученых после 1945 года, обеспечивших развитие естественных наук и завоевавших международное признание. Однако в это время американские полицейские лаборатории представляли собой картину чрезвычайной территориальной разобщенности и по своей структуре были разнолики. Рядом с современными лабораториями в одних городах существовали весьма примитивные лаборатории в

других. Продолжали существовать химико-токсикологические лаборатории при некоторых медицинских инспекторах и коронерах. Все еще продолжали мешать работе раздробленность, соперничество и влияние политиков. Но уровень деятельности даже маленьких лабораторий нельзя было сравнить с отсталостью 30-х годов. Все чаще и чаще появлялись люди с широким кругозором, подчас более дальновидные, чем криминалисты Старого Света. И когда Калифорнийский университет в Беркли основал в 1950 году свой собственный факультет естественно-научной криминалистики, то это был, может, самый значительный факультет такого рода во всем мире. Там работали шесть штатных, девять внештатных профессоров и несколько приват-доцентов. Наиболее выдающимся среди них, известным далеко за пределами Америки, был профессор Пауль Лилэнд Кирк.

Так выглядели главные станции того пути, по которому естествознание шло в криминалистику. Характерно, что государства, получившие свою независимость после второй мировой войны, при организации полиции избрали путь непосредственного использования достижений естествознания в криминалистике. Индия основала научно-криминалистические лаборатории в Агре, Бомбее, Калькутте, Джайпуре, Лакхнау, Мадрасе, Патне. Бирма имеет научно-технические полицейские лаборатории в Рангуне и Инзии. То же можно наблюдать в Таиланде, на Филиппинах и во многих других государствах.

Япония была одной из немногих стран, которая возложила всю научно-криминалистическую работу на институты судебной медицины. Но в Токио тоже появился научно-исследовательский институт полиции.

15. Сенсационное открытие: инсулин не только лечебное средство, но и яд. 1957 год

Детектив-сержант Найлон из следственного отдела уголовной полиции английского города Брэдфорда не мог предвидеть, какое необычное дело предстояло ему разбирать, когда он в ночь с 3 на 4 мая 1957 года был послан в один из домов на Торнберн-Крисент.

Найлон был одним из рядовых служащих большого аппарата уголовной полиции с множеством отделов и отделений. Но он получил современное образование, которое теперь требовалось даже рядовому криминалисту. Сержанту предстояло расследование преступления, раскрытие которого явилось образцом и примером того, каких высоких результатов могли достичь полицейские лаборатории, если в них сотрудничали патологи и токсикологи, представлявшие себе пределы своих возможностей и не чуравшиеся привлечения лучших экспертов извне.

Около полуночи в следственный отдел уголовной полиции Брэдфорда по телефону поступило сообщение врача. В 11.30 его пригласили в дом на Торнберн-Крисент, где проживали супруги Скиннер,

которые сообщили, что с соседкой Элизабет Барлоу случился приступ, когда она принимала ванну. Врач застал ее мертвой, но странные обстоятельства кончины этой женщины заставили его поставить полицию в известность.

Дом, в который прибыл Найлон, был типовым строением с жилым помещением и кухней на первом этаже, спальней и ванной на втором. На лестнице его ожидали врач, супруг скончавшейся, мужчина лет тридцати восьми, представившийся как Кеннет Барлоу — санитар госпиталя св. Луки, расположенного в местечке Хаддерсфилд.

Молча Барлоу следил за тем, как врач повел сержанта в ванную комнату. Вода была спущена. В ванне находилась тридцатилетняя Элизабет Барлоу. Она лежала на боку, руки согнуты, будто спит. По всей видимости, пока пострадавшая сидела или лежала в ванне, ее вырвало, затем охватила слабость, голова ушла под воду, и она захлебнулась. На трупе не было никаких следов насилия. Сержант заметил, что зрачки пострадавшей необычно расширены. "Я предполагаю, — сказал врач, — что потерпевшая приняла какое-то лекарство. Но это лишь предположение. Послушайте, что скажет мистер Барлоу. Вот мой адрес. Меня ждут..."

Согласно рассказу Барлоу, у него и жены был свободный день. В пять часов Элизабет пила чай, потом легла в постель и попросила мужа разбудить ее в 7.30, потому что ее интересовала какая-то телепередача. Во время передачи она снова легла, так как плохо себя чувствовала.

Ее мучила тошнота. Барлоу сменил постельное белье и тоже лег спать. Спустя некоторое время жена захотела принять ванну. Затем Барлоу уснул. Когда он проснулся в начале двенадцатого, постель рядом с ним была пуста. В ванной комнате горел свет. Барлоу поспешил в ванну и застал там утонувшую жену. Сначала он пытался вытащить ее из воды, но тело оказалось слишком тяжелым. Тогда он спустил воду и попробовал сделать искусственное дыхание. Но все было напрасно.

Найлон осмотрел дом. В спальне ему бросилось в глаза, что пижама, в которой Барлоу спасал жену, была абсолютна суха. Все остальное не противоречило его рассказу.

Сержант по телефону доложил обо всем своему начальнику констеблю Прайсу и предложил поставить в известность "людей из Херроугейта" (имелась в виду полицейская лаборатория в Херроугейте). Прайс прибыл минут через десять, и подробности, которые он узнал, его тоже озадачили. Например, в ванной комнате не было следов от брызг воды. Трудно было себе представить, что Барлоу не пролил бы на пол воду, пытаясь вытащить тело из ванны. В 3.30 ночи на место происшествия из полицейской лаборатории прибыли шеф-инспектор Коффи и судебный эксперт Дэвид Прайс.

Дэвид Прайс заметил, что в сгибах рук пострадавшей была вода. Это противоречило заявлению Барлоу, что он делал жене искусственное дыхание. Шеф-инспектор Коффи тем временем обнаружил в

углу кухни два шприца. Один шприц был влажным. Барлоу без смущения объяснил, что шприцы принадлежат ему как санитару и он вводил себе пенициллин, так как у него карбункул. В ту же ночь труп доставили в морг.

Ранним утром Прайс приступил к вскрытию. Он не обнаружил ничего, что могло бы вызвать приступ слабости в ванне. Сердце, как и все другие органы, было здоровым. Бактериологическое исследование внутренних органов не дало повода предполагать наличие инфекционного заболевания. Пострадавшая ждала ребенка. Прайс определил восьминедельную беременность, которая протекала нормально и едва ли могла быть причиной слабости, приведшей к тому, что женщина утонула.

Химики и токсикологи провели анализы с целью обнаружения в организме потерпевшей яда. Они исследовали весь пищеварительный тракт, рвотную массу, мочу, кровь, печень, селезенку, легкие и мозг. Были испробованы все известные тесты на многие сотни лекарств и ядовитых веществ, а также все биохимические методы исследования, которые позволили бы установить какое-нибудь заболевание крови или нарушение обмена веществ. Результат был отрицательным. Не удалось обнаружить ни следы яда, ни нарушения обмена веществ, способного вызвать потерю сознания. Обследование обнаруженных у Барлоу шприцев выявило незначительные следы пенициллина, что подтверждало его объяснение.

Утром 8 мая Прайс раздобыл мощную лампу и еще раз с лупой осмотрел всю кожную поверхность пострадавшей. После двухчасовой работы он увидел два точкообразных следа от уколов на левой ягодице. Два таких же следа удалось обнаружить в складке кожи и на правой ягодице. Со всеми предосторожностями Прайс проник в ткани жира и мышц в местах предполагаемых уколов. Там он наткнулся на маленькие воспалительные изменения, какие обычно оставляют свежие уколы инъекций. Более того, уколы в левую ягодицу были сделаны за несколько часов до смерти. Итак, Барлоу лгал. Он инъецировал своей жене какое-то вещество, которое, может быть, явилось причиной ее смерти.

Прайс вырезал кусочки ткани с уколами из ягодиц пострадавшей. Изготовив три препарата, он положил их сначала в холодильник. Если были введены вещества, которые не удалось обнаружить при вскрытии трупа, то оставалась еще надежда обнаружить их в местах уколов. Однако полученные препараты были слишком малы, чтобы рисковать ими для первой же пробы. Нужно было тщательно взвесить, какие анализы могли обеспечить наибольший успех.

Эксперты советовались со многими специалистами. Их интересовали медикаменты, вызвавшие симптомы, которые, по всей видимости, привели к смерти Элизабет Барлоу: чувство усталости, рвота, потливость, приступы слабости, потеря сознания, сильное расширение зрачков. Все это напоминало гипогликемию, болезненное уменьшение необходимого для жизни содержания сахара в крови. Гипогликемия вызывает состояние, противоположное тому, которое

бывает при известной сахарной болезни. Так как при сахарной болезни поджелудочная железа перестает вырабатывать инсулин, имеющий решающее значение для регулирования количества сахара в крови человека, возникает так называемая гипергликемия, то есть перенасыщение крови сахаром. Эта болезнь была смертельной, пока в 1921 году не научились добывать этот гормон из поджелудочной железы животных и вводить его систематически в организм больных. При этом выяснилось, что слишком большая доза инсулина приводит к смерти. В то время как здоровая поджелудочная железа регулировала необходимое количество инсулина в зависимости от количества сахара в крови, при искусственном введении инсулина такого регулирования не происходило. Поэтому, если инсулина вводилось больше, чем нужно, содержание сахара в крови опускалось ниже нормы. Возникала гипогликемия. Больной испытывал чувство страха, его знобило, тошнило, бросало в жар, появлялась потливость, и он терял сознание в гипогликемической коме, если ему тотчас не вводили сахар. Очень часто при таком состоянии у больного наблюдалось расширение зрачков. Эксперименты на животных и ошибочные инъекции инсулина людям показали, что здоровый человек впадал в состояние гипогликемического шока и умирал, если ему инъецировали обычную для больного диабетом норму инсулина. Итак, введенный в здоровый организм инсулин вызывает смерть. Элизабет Барлоу не болела сахарной болезнью. Это было уже известно из исследования мочи после вскрытия. Эксперт Карри, как обычно, взял для биохимического исследования так называемую смешанную сердечную кровь из обоих желудочков сердца и сделал анализ на сахар. Он обнаружил при этом 210 миллиграммов сахара на 100 миллилитров крови, что даже превышало обычную норму.

В результате этого мысль о гипогликемии как причине смерти Элизабет Барлоу исключалась. Но она не давала покоя экспертам.

Снова и снова вставал вопрос, не произошло ли здесь чего-нибудь, с чем криминалистика еще никогда не встречалась? Не пришла ли Барлоу, которому известно действие инсулина, мысль ввести его своей жене? Не рассчитал ли он так свои действия, что неизбежная потеря сознания настигла его жену во время купания, из-за чего та утонула? Сначала это были слишком смелые предположения. Но ситуация приняла более драматическую окраску, когда 23 мая судебный эксперт Прайс появился в Херроугейте.

"Барлоу, кажется, довольно странная личность, — сообщил он. — Пострадавшая — это его вторая жена. Его первая жена умерла в 1956 году в возрасте тридцати трех лет. Причину смерти установить не удалось. Из показаний медсестры Алисы Лодж следует, что в госпитале св. Луки на Барлоу возлагалась обязанность делать инъекции инсулина".

Токсикологи едва сдерживали свое волнение, которое возросло, когда Дэвид Прайс сказал: "Имеются странные обстоятельства. Раньше Барлоу работал в Нортфилдском санатории. Там, разгова-

ривая с одним пациентом об инсулине, он заявил, что если кому-нибудь ввести достаточную дозу инсулина, то это верный путь на тот свет. А во время рождества 1955 года, — продолжал Прайс, — Барлоу рассказывал своему коллеге Гарри Штоку, что при помощи инсулина можно совершить великолепное убийство". Инсулин нельзя, мол, обнаружить, потому что он бесследно растворяется в крови. "Вам это что-нибудь дает?" — спросил Прайс у экспертов.

В тот же день препараты тканей были извлечены из холодильника. Если Барлоу ввел инсулин, то именно здесь надо попытаться его обнаружить.

Главный вопрос заключался в том, как это сделать. Сотрудники лаборатории изучили имевшуюся в их распоряжении судебно-медицинскую, токсикологическую и биохимическую литературу, но, видимо, еще ни один токсиколог не ставил перед собой задачу обнаружения инсулина в тканях человека. Наконец эксперту Карри удалось узнать, что в 1940 году Гамильтон-Петерсон и Джонсон опубликовали доклад об экспериментах в области определения количества сахара в крови трупов. Они пришли к выводу, что, независимо от действительного количества сахара в крови, смешанная кровь сердца обнаруживает большой процент сахара. У 38 человек, не болевших сахарной болезнью, но умерших насильственной смертью от удушения, утопления и других причин, в крови правого желудочка сердца было обнаружено высокое содержание сахара, в то время как кровь других частей тела имела абсолютно недостаточное количество сахара. Объяснение этому очень простое. Незадолго до наступления смерти печень мобилизует все имеющиеся резервы сахара, который успевает попасть в правый желудочек сердца. Там он и остается. Вот объяснение того, что в смешанной крови сердца мертвой Элизабет Барлоу было так много сахара. Все это не противоречило предположению, что Барлоу мог покончить с женой, применив инсулин.

Химическая структура инсулина как белкового вещества была известна с 1955 года. Но это еще не значит, что известен химический метод его обнаружения. Карри не оставалось ничего другого, как прибегнуть к биолого-физиологическому эксперименту на животных. Эксперимент этот со времен Тардьё очень часто применялся в токсикологии. Из трех частей ткани пострадавшей, где находились места инъекций, изготовили экстракты. Затем группа подопытных мышей получила инъекции инсулина в различных дозах. Наблюдения за животными показали, что, в зависимости от дозы инсулина, животные дрожали, подергивались, проявляли беспокойство, испытывали слабость, впадая в состояние комы.

Вся лаборатория Херроугейта жила в атмосфере ожидания, когда Карри стал вводить другим подопытным мышам экстракт, изготовленный из препаратов пострадавшей. Результат был тот же, что и при введении натурального инсулина. Они впали в состояние комы и сдохли. При этом экстракты из разных препаратов оказывали различное действие. Когда Прайс обнаружил места уколов, то,

как известно, он считал, что уколы на левой ягодице были сделаны за несколько часов до смерти Элизабет Барлоу. Теперь эксперты наблюдали, что экстракт из этого препарата оказывал более сильное действие на подопытных животных, чем экстракт из препарата правой ягодицы. Инъекции с левой стороны были действительно последними. Они оставили большее количество нерезорбированного инсулина.

Методом сравнения удалось установить, что экстракт из всех трех препаратов потерпевшей содержал 84 единицы инсулина. Естественно, пострадавшая получила во много раз большую дозу инсулина, если это лишь нерезорбированный остаток инъекций.

Для большей уверенности эксперименты повторили на морских свинках и крысах. Результат был тот же. Но и этим эксперты не ограничились. Если нельзя было ни химическим, ни физическим путем доказать, что именно инсулин, и ничто другое, вызвал смерть Элизабет Барлоу, то нужно было попытаться поточнее охарактеризовать обнаруженное вещество.

Известны препараты, разрушающие инсулин. К ним относятся аминокислота цистеин и фермент пепсин, имеющийся в каждом нормально функционирующем желудке. Наличие этого фермента является как раз причиной невозможности введения инсулина больным сахарной болезнью через рот. Он разрушается в желудке пепсином. Карри обработал экстракты из тела потерпевшей цистеином и пепсином. Тотчас исчезло их действие на мышей, морских свинок и крыс. Известно также, что в организме морских свинок, которым длительное время делают вливания раствора инсулина в масле, вырабатывается иммунитет, способный разрушать инсулин. Экстракты из тела потерпевшей обработали этой антисывороткой, и они утратили силу действия.

Можно ли было после всего этого еще сомневаться, что Барлоу ввел своей жене инсулин с целью убийства? Имеется ли у Барлоу какая-нибудь отговорка? Не существуют ли, кроме инсулина, еще какие-нибудь вещества, способные резко снижать количество сахара в крови и вызывать симптомы гипогликемии?

Сотрудник лаборатории С.Рэндолл предпринял целый ряд экспериментов. Через специалистов химико-фармацевтической промышленности и диабетологов он выявил наличие других веществ, способных снижать сахар в крови: синталина, гарбутамида и толбутамида. Но эксперименты Рэндолла с этими веществами показали, что они способны снижать процент содержания сахара в крови, но не вызывают симптомов, которые порождает инсулин. Наконец, существовала еще одна маловероятная возможность, которую следовало исключить. Известны случаи, когда угрожающее жизни исчезновение сахара в крови происходит по другой причине, без введения инсулина, а именно при опухоле внутри поджелудочной железы. Это заболевание могло привести к моментальному смертельному выделению инсулина. Но исключить такую возможность не представляло труда. Во-первых, обследование поджелудочной

железы Элизабет Барлоу не обнаружило признаков такого заболевания, а во-вторых, в случаях подобного самопроизвольного выделения инсулина его можно было бы обнаружить в равных дозах по всему организму, чего не наблюдалось у потерпевшей.

Только после всех этих исследований Прайс и Карри пришли к окончательному выводу, что Барлоу ввел своей жене инсулин, чтобы утопить ее в бессознательном состоянии и симулировать утопление из-за потери сознания во время купания.

И все же теперь, после почти двухмесячной работы, у Карри возник вопрос, вызвавший новые сомнения.

Если Барлоу несколько лет назад говорил, что убийство при помощи инсулина невозможно доказать, так как инсулин полностью исчезает в потоке крови, то он выражал этим мнение современной медицины. И если теперь в Херроугейте удалось получить экстракты инсулина из тела пострадавшей через много дней после ее смерти, то это положение было ложным. Карри смог найти ответ на этот вопрос, лишь вникнув в сложнейшие процессы, происходящие в человеческом организме. Инсулин сохранялся в "кислых" тканях тела, и в то время, как ткани внутренних органов, прежде всего органов пищеварения, после смерти под действием ферментов, расщепляющих белок, попадали в щелочную среду, мышцы вырабатывали молочную кислоту. Молочная кислота образовалась также в мышцах ягодиц и явилась причиной того, что введенный инсулин сохранился так долго и его смогли обнаружить и выделить.

29 июля 1957 года, через день после окончательных исследований в Херроугейте, Кеннета Барлоу арестовали. Он не мог скрыть своего испуга, когда суперинтендент Чешир из Скотланд-ярда, который тем временем подключился к расследованию, заявил ему при аресте, что он убил свою жену при помощи инсулина. Сначала Барлоу отрицал свою вину и продолжал утверждать, что никогда не делал никаких инъекций. Лишь спустя несколько дней он дал показания, что делал своей жене инъекции, но не инсулина, а эргометрина. Элизабет не хотела иметь ребенка, а он слышал, что эргометрин вызывает сокращение матки и может привести к выкидышу. Последнюю инъекцию он сделал в день смерти жены.

Чешир сообщил все это в Херроугейт. Но здесь признание Барлоу не вызвало замешательства. Эргометрин относился к ядовитым медикаментам, поисками которых и началось токсикологическое исследование этого дела. Если бы в день смерти потерпевшей вводили эргометрин, то, как свидетельствует многократный опыт, его обнаружили бы в моче пострадавшей. Но Карри решил все же еще раз проверить. Он ввел эргометрин в ткань, вырезанную из спины одной умершей женщины, которой не вводили раньше ни инсулина, ни эргометрина, и получил экстракт. Затем повторил свои эксперименты на мышах, морских свинках и крысах. Экстракт не дал ни одного, хотя бы отдаленно напоминавшего симптома, которые наблюдались при инъекциях инсулина. Хотя Карри знал, что эргометрин не влияет на содержание сахара в крови и никогда не вызывает расшире-

ния зрачков, он все же обратился за консультацией к гинекологам Расселу и Дину. Они придерживались того же мнения. Эргометрин не влияет на содержание сахара в крови и не вызывает расширения зрачков. Не оставалось сомнения в том, что запоздалое признание Барлоу было лишь попыткой избежать обвинения в преднамеренном убийстве.

В декабре 1957 года сэр Гарри Хилтон Фостер выдвинул против Кеннета Барлоу обвинение в убийстве Элизабет Барлоу путем инъекции инсулина. В те времена, когда токсикологический анализ стал повседневным явлением при криминалогическом расследовании и в судебной практике, такое всестороннее научное доказательство, какое представило обвинение, не являлось исключением. И несмотря на это, процесс над Кеннетом Барлоу привлек большое внимание, потому что он особенно ярко продемонстрировал, каких результатов может достичь сотрудничество токсикологов и судебных медиков со специалистами разных областей науки, если работа проводится тщательно и добросовестно.

Обвинительный материал против Барлоу был достаточно убедительным, а работа института в Херроугейте играла роль фундамента обвинения. Сколько бы Барлоу ни отрицал свою вину, сколько бы ни делал попыток представить, что здесь имел место несчастный случай, анализы из Херроугейта опровергнуть не удавалось. Единственный медицинский эксперт, которого удалось представить защите — доктор Гобсон из госпиталя св. Луки в Лондоне, ограничился тем, что преподнес теорию, развитую им накануне процесса после изучения некоторых публикаций.

В ней говорилось, что в моменты большого волнения или страха в организме часто вырабатывается адреналин. А это вызывает увеличение количества сахара в крови. При подобных обстоятельствах может произойти также выделение организмом большого количества инсулина. Может быть, Элизабет Барлоу в тот момент, когда она в результате охватившей ее слабости оказалась под водой, и пережила такую фазу испуга. Ее поджелудочная железа выделила большое количество инсулина, что и решило судьбу женщины. Для Прайса и Карри не представляло большого труда опровергнуть подобное предположение.

"Этот процесс, — заявил судья Диплок, — был очень поучительным... Никто не допускает мысли, чтобы Барлоу было неизвестно о смертельном исходе инъекции инсулина. Если вы убеждены, что он ввел своей жене инсулин, то нетрудно сделать вывод, что сделано это с одним лишь намерением — убить жену". Присяжным понадобилось для совещания всего несколько минут. Затем они вернулись и объявили Барлоу виновным. Диплок приготовил Барлоу к пожизненным каторжным работам. Произнося приговор, он сказал: "Вы признаны виновным в совершении холодного, жестокого, тщательно подготовленного убийства, которое никогда нельзя было бы раскрыть без чрезвычайно высокого уровня научной криминалистической работы..."

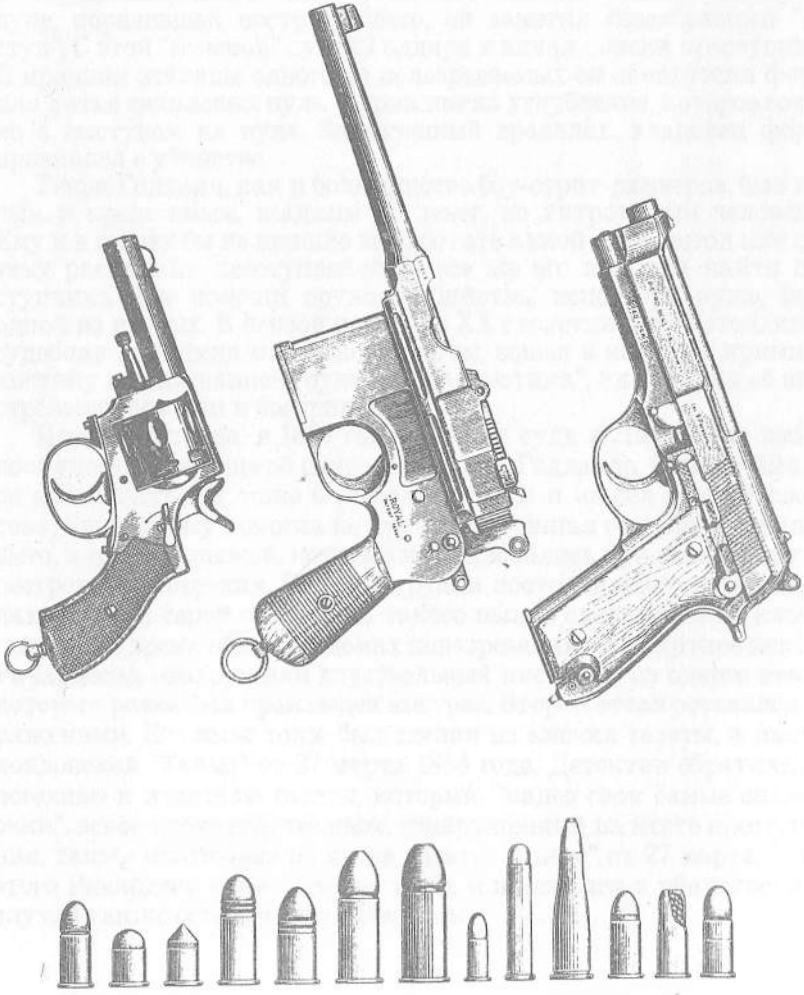
16. Заключение

К середине XX века возникло грандиозное здание судебной токсикологии, опиравшееся на фундамент более чем столетнего опыта. Опыт научил судебную токсикологию не останавливаться на достигнутом. Далеко позади остались времена, когда ее участие считалось необходимым лишь при рассмотрении отдельных умышленных отравлений. Поле ее деятельности распространилось теперь на убийства, самоубийства, на сомнительные случаи смерти, касалось социальных проблем с повседневной возможностью отравления миллионов людей на производстве. Более того, она проникла в проблемы современного транспорта: научилась доказывать наличие алкоголя как причину множества несчастных случаев на транспорте со смертельным исходом. Без нее не обходилась повседневная деятельность сотен тысяч врачей, которые не умели распознавать отравления и умышленные отравления.

Токсикологи знали, что их ждут новые споры, встречи с новыми явлениями, новыми формами применения яда, своеобразие которого может быть охарактеризовано словами немецкого токсиколога Герберта Шрайбера: "Отравление — это явление, при котором какое-то вещество вступает во взаимодействие с каким-то организмом, в результате чего страдает организм". Опыт научил токсикологов, что даже знакомое и понятное чревато заблуждениями. Им стало ясно, что мост между наукой и уголовной полицией еще не достроен, что он должен становиться все шире и шире. С одной стороны, полицейские уголовной полиции поняли, как велики возможности науки, с другой стороны, задача токсикологов — глубже вникать в атмосферу криминалистики и изучать ее опыт.

Если посмотреть на столетнюю историю судебной токсикологии и на все более тесные узы, связывающие ее с уголовной полицией, если взвесить все положительное и все отрицательное, то чаша весов с положительным, с завоеванным и достигнутым значительно перетянет чашу весов с ошибками и промахами, которые рождали разочарование и неуверенность.

IV. Баллада о пуле убийцы, или пути к судебной баллистике



1. Предыстория

В 1835 году Генри Годдард, один из последних и самых знаменитых боу-стрит-раннеров, с которыми мы встречались в самом начале зарождения лондонской уголовной полиции, уличил убийцу. На пуле, поразившей пострадавшего, он заметил своеобразный "выступ". С этой "меченой" пулей Годдард и начал поиски преступника. В мрачном жилище одного из подозреваемых он обнаружил форму для литья свинцовых пуль. Форма имела углубление, которое совпало с выступом на пуле. Захваченный врасплох, владелец формы признался в убийстве.

Генри Годдард, как и большинство боу-стрит-раннеров, был грубым и продажным, жадным до денег, но хитроумным человеком. Ему и в голову бы не пришло выработать какой-либо метод или систему раскрытия преступлений. И все же его попытка найти преступника при помощи оружия убийства, используя пулю, была одной из первых. В первой половине XX столетия этот метод, как и судебная медицина или токсикология, вошел в научную криминалистику под названием "судебная баллистика", или "наука об огнестрельном оружии и боеприпасах".

После Годдарда, в 1860 году, в делах суда в Линкольне появилось упоминание еще об одном лице типа Годдарда. Однако имя его не называлось. Он тоже был полицейским и нашел убийцу своего товарища. Но ему помогла не пуля, извлеченная из тела пострадавшего, а один из пыжей, которые использовались при заряжании огнестрельного оружия. Рядом с трупом пострадавшего ветер играл пахнувшими серой остатками такого пыжа, сделанного из клочка газеты. Во время обыска в домах подозреваемых в квартире некоего Ричардсона обнаружили двуствольный пистолет, из одного ствола которого ранее был произведен выстрел. Второй ствол оставался заряженным. Его пыж тоже был сделан из клочка газеты, а именно лондонской "Таймс" от 27 марта 1854 года. Детектив обратился за помощью к издателю газеты, который, "надев свои самые сильные очки", вскоре доказал, что пыж, обнаруженный на месте преступления, также изготовлен из куска газеты "Таймс" от 27 марта. После этого Ричардсон понял, что попался, и признался в убийстве. Этот случай также остался лишь эпизодом.

Спустя еще 20 лет произошло опять нечто подобное. В 1879 году в США перед судом стоял человек по имени Мауон, обвинявшийся в убийстве. Судьей был, как писали газеты тех лет, "прогрессивно мыслящий" человек. У Мауона был обнаружен пистолет. Его обвиняли в том, что он двумя выстрелами из этого пистолета убил человека. Обвиняемый в отчаянии клялся, что не пользовался оружием уже много лет. Тогда судья приказал позвать оружейника, мастерская которого была расположена недалеко от здания суда. Оружейник обследовал ствол пистолета. Он нашел его внутри "заплесневелым" и "совершенно ржавым" и присягнул, что из этого пистолета не стреляли по крайней мере месяцев восемнадцать. С точки зрения экспертов более позднего времени, его показания показались бы слишком смелыми, но тогда они спасли обвиняемому жизнь.

В то же время приходилось слышать, что по ту и по эту сторону океана суды все чаще и чаще стали обращаться к помощи оружейников, которые считались "экспертами по огнестрельному оружию". Они умели изготовлять винтовки и пистолеты, разбирались в тонкостях стрельбы и давали заключения по таким вопросам: как, из какого вида оружия был произведен выстрел, можно ли вести прицельный огонь из данного оружия на большом расстоянии, можно ли из него выстрелить дробью, какова площадь ее рассеивания.

Прошло еще 10 лет. Наконец сказал свое слово уже известный нам профессор Лакассань из Лиона. Это было весной 1889 года; из тела убитого Лакассань извлек пулю, на которой при тщательном обследовании он обнаружил продольные полосы, или бороздки. Пуля имела тот же калибр, что и револьвер, обнаруженный под полом в квартире подозреваемого. Значит, убийца мог стрелять из этого револьвера. Мог, но так ли это было? И Лакассань стал изучать бороздки.

В течение XIX столетия ствол огнестрельного оружия претерпел значительные изменения. Собственно говоря, оружейники уже по меньшей мере триста лет назад обнаружили, что дальность и прицельность огнестрельного оружия можно значительно увеличить, если нарезать внутри ствола бороздки в виде спирали. Пули, проходя по такому стволу, начинают вращаться и поражают цель, которая была бы недостижимой для пули, выпущенной из гладкого канала ствола. Но пока огнестрельное оружие заряжалось со ствола, осуществить стрельбу из нарезного оружия было трудно. Сначала предстояло изобрести оружие, в котором пуля вместе с гильзой, содержащей порох, заряжалась бы через его казенную часть. Сила порохового взрыва легко гнала бы пулю по нарезному каналу ствола, придавая ей вращательное движение.

Каждый фабрикант оружия изготовлял свои модели. Один делал пять, другой — шесть нарезов. Одна модель отличалась от другой шириной нарезов и расстоянием между ними. Неодинаковым было направление спиралей: в одних видах оружия слева направо, в других наоборот. Каждому изготовителю казалось, что он нашел наилучшее решение.

Когда в 1889 году профессор Лакассань держал в руках пулю убийцы, еще никто не имел представления обо всех этих различиях.

Лакассань решил, что продольные полосы на пуле — это не что иное, как следы нарезов канала ствола револьвера. Когда некоторое время спустя ему передали револьверы нескольких подозреваемых, он нашел среди них один с семью нарезами. До сих пор он никогда не встречал такого револьвера. На основании совпадения числа нарезов ствола и числа полос на пуле владелец оружия был осужден как убийца. Теперь можно только предполагать, что он был действительно убийцей, так как не исключена возможность, что подобных пистолетов было изготовлено несколько.

Снова прошло 10 лет. В 1898 году подобное известие пришло из маленького немецкого городка Нёйруппина. Автором известия был Пауль Езерих, опытный судебный медик из Берлина. Его пригласили в суд Нёйруппина как эксперта.

В суде ему дали пулю, извлеченную из тела убитого, и револьвер обвиняемого. Езерих был очень изобретателен. Он выстрелил из револьвера обвиняемого, а затем сфотографировал обе пули (пробную пулю и пулю, извлеченную из тела пострадавшего) под микроскопом. Если обе пули выстрелены из одного револьвера, то, видимо, обе они должны иметь одинаковые следы от канала ствола. При сравнении фотографий Езерих отчетливо увидел следы нарезов ствола и промежутков между ними. Они показались ему "неестественными" по причине его небольшого опыта. Но "неестественность" отразилась на обеих пулях. Это и явилось решающим при осуждении обвиняемого. Круг интересов Езериха был слишком широк, чтобы он мог посвятить много времени науке об огнестрельном оружии; она занимала лишь незначительную часть его работы.

Все, что незадолго до начала нового столетия было известно о научных методах обследования огнестрельного оружия, опубликовано в первых изданиях известной "Настольной книги для следователя" Ганса Гросса. Огнестрельному оружию в ней посвящен целый раздел. Гросс рекомендовал следователям приобретать необходимые знания в области огнестрельного оружия. Кто владеет такими знаниями, может больше сделать, чем любой "так называемый эксперт по стрельбе", считал он. Гросс высмеивал некоторые высказывания, которые фиксировались в судебных актах: "Ружье передано эксперту, чтобы тот его разрядил. Эксперт констатировал, что ружье заряжено довольно большим количеством дроби". Однако сам Гросс ограничился лишь более или менее точным описанием известных ему типов оружия, возможностями исследования их стволов при помощи "экрана" из белой бумаги, определением направления выстрела, качества и силы действия пороха. Он подчеркивал также необходимость осторожного обращения с каждым обнаруженным оружием, чтобы не уничтожить имеющиеся на нем следы.

События снова переносят нас за океан, в Массачусетс, где Оливер Уэнделл Холмс, один из выдающихся представителей американской юстиции, в 1902 году судил обвиняемого по фамилии Бест. Оливер Уэнделл Холмс не был в стороне от научных новшеств в криминалистике. Он также приглашал в качестве экспертов оружейников, "умеющих пользоваться микроскопом". Снова речь шла о пуле, сразившей пострадавшего, и нужно было установить, выстре-

лена ли она из оружия обвиняемого. Эксперт сделал то же самое, что в свое время сделал Езерих: произвел выстрел из пистолета Беста. Он выстрелил в корзину с хлопком и вытащил пулю неповрежденной. Затем он сравнил ее на глазах присяжных с помощью увеличительного стекла и микроскопа с пулей убийцы и пришел к выводу, что она могла быть выстрелена из пистолета Беста.

"Мы не знаем другого пути, — обратился Холмс к присяжным, — которым юстиция с большей очевидностью могла бы определить, какой след на пуле оставляет канал ствола оружия".

Но и здесь мы имеем дело с беспомощной попыткой ответить на нерешенный вопрос, что же действительно характеризует канал ствола оружия. Слишком мал был еще опыт и слишком велико недоверие суда и полиции.

Как-то само собой получилось, что судебные медики Европы, которые уже давно занимались изучением особенностей канала ствола огнестрельного оружия, направления полета пули и расстояния, с которого произведен выстрел, обратились к решению этого вопроса. В первую очередь это относилось к тем, кто стремился расширить предмет судебной медицины и чистой патологии. Этой проблемой занимался также Рихард Кокель, руководитель института судебной медицины при Лейпцигском университете и упорный борец за "универсальное направление" в судебной медицине. Он требовал снимать слепки с "пули преступника" и "пробной пули", используя пластинки из воска и цинковые белила. Восковые пластинки подогревали теплой водой, а пулю перед снятием слепка клали на лед. На восковых пластинках получались негативы всей поверхности пули. Такие отпечатки казались Кокелю более надежными, чем фотографии, нередко искаженные из-за круглой формы пули. Действительно ли на восковых пластинках отражались все мельчайшие особенности поверхности пули? Не оставались ли мелкие, тонкие отличительные признаки незаметными?

Спустя еще 10 лет в судебной баллистике появилась новая фигура. Слово взял парижский профессор судебной медицины Бальтазар. В декабре 1913 года он опубликовал статью, в которой утверждал, что курок каждого огнестрельного оружия при стрельбе оставляет на донышке гильзы своеобразный след. Остается след от ударника и затвора. Передний срез затвора задерживает патрон в задней части ствола оружия, донышко гильзы при стрельбе с большой силой прижимается к срезу затвора. Швы и другие неровности затвора, как утверждал Бальтазар, оставляют следы на гильзах. Но это еще не все. Даже зацеп выбрасывателя, который выбрасывает гильзу стреляной пули у самозарядного оружия, оставляет следы. В зависимости от вида оружия эти следы различны. Однако опыт Бальтазара был еще слишком мал, чтобы можно было сделать окончательные выводы.

Когда французский исследователь опубликовал свою статью, над Европой уже сгущались грозные тучи первой мировой войны. Голос Бальтазара (его услышали лишь во Франции и Бельгии) прозвучал как последнее выступление новаторов, серьезно пытавшихся

разобраться в вопросах судебной баллистики. До этого времени они лишь коснулись поверхности проблемы, предвидя наличие закономерностей. Но на их пути было много сомнений и неуверенности. Во всяком случае, научная криминалистика обратилась к новой области исследований.

Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что сомнительная компания профессионалов-экспертов, возникшая на благоприятной почве американского либерализма, с большим рвением бросилась разрешать проблемы баллистики. Обладая духом предпринимательства, эти люди поняли те возможности, которые несла с собой эра судебной баллистики, и действовали по принципу: "Купи себе увеличительное стекло и стань экспертом по оружию: 50 долларов в день тебе обеспечены!"

И все же интересно отметить, что именно бессовестность одного американского шарлатана подстегнула развитие судебной баллистики.

2. Авантюристы, или "эксперты по баллистике из любви к искусству"

В ночь с 21 на 22 марта 1915 года в местечке Уэст-Шелби, в штате Нью-Йорк, было совершено убийство двух человек. Уэст-Шелби (скопление нескольких довольно далеко друг от друга расположенных ферм) находилось в западной части штата. В ту ночь все местечко утопало в выпавшем с вечера снегу.

На рассвете, около 6 часов, из теплой постели вылез Чарлз Стилоу, батрак семидесятилетнего фермера Чарлза Фелпса. Слегка сполоснув лицо, он открыл дверь дома и решил пойти на скотный двор. Полусонный, он страшно испугался, споткнувшись об окровавленное тело женщины в ночной рубашке, лежавшее на пороге дома. Стилоу узнал Маргарет Уолкотт, экономку хозяина. Кровавый след вел к кухонной двери. В кухне на полу в луже крови лежал сам Чарлз Фелпс, тоже в ночной рубашке. Ящик его конторского стола был взломан, и (как потом выяснилось) все деньги украдены.

В то страшное утро Стилоу было 37 лет. Немец по происхождению, с силой быка и умственным развитием ребенка, он так и не научился ни читать, ни писать и понимал лишь простейшие английские фразы. С тех пор как Стилоу стал работать, он кочевал с одной фермы на другую, волоча за собой тещу, шурина и жену, которая во время описываемых событий ждала ребенка. На ферме Фелпса он работал уже год. Занимая дом для батраков с отоплением, получая 400 долларов в год и бесплатное сено для коровы, он считал, что достиг предела своих мечтаний.

Стилоу был настолько туп, что не сразу понял, что произошло. Вернувшись домой, он разбудил шурина Нельсона Грина и послал его в Шелби, чтобы тот сообщил о случившемся шерифу Честеру Бартлетту в Альбион. Грин, еще более глупый, чем Стилоу, отправился в путь.

Спустя полчаса на ферме Фелпса собралась толпа возбужденных людей. Никогда раньше в этих местах не слышали о преступлениях, не говоря уже об убийстве. Любопытство, страх и жажда мести наполнили сердца съехавшихся со всех сторон соседей. Возбужденные, они бегали взад и вперед, затаптывая следы, возможно оставленные убийцей или убийцами. Шериф Бартлетт (избранный, как и большинство его коллег, на этот пост из политических соображений, а не благодаря его криминалистическим способностям) впервые в жизни столкнулся с расследованием преступления. Неумело, но с важным видом принялся он за расследование. Во всяком случае, удалось установить, что Фелпс еще жив. Шериф приказал отвезти его в госпиталь в Альбион, где старик вскоре и скончался, не произнеся ни слова. Розыскная собака следа не взяла. Единственной зацепкой при расследовании могли быть только три пули, которые дежурный врач госпиталя извлек из тела Фелпса. Пули были 22-го калибра.

Когда 26 марта следователь по делам об убийствах из Орлеанс-Кантри приступил к дознанию, то каждый имевший огнестрельное оружие 22-го калибра был взят под подозрение. Стилоу и его шурин клялись, что у них нет и никогда не было никакого огнестрельного оружия. Бартлетт нашел типичный для того времени выход — с согласия общественного обвинителя избирательного округа он нанял частного детектива с поденной оплатой и премией в случае успеха.

Из Буффало прибыл детектив по имени Ньютон. Он был полон решимости как можно скорее получить свою премию. Его метод, который в неразберихе полицейских и судебных дел того времени часто оправдывал себя, заключался в следующем: среди подозреваемых нужно было арестовать самого малоразвитого и неимущего человека, противозаконно держать его под стражей, подвергать длительным допросам и измотать его так, что признание покажется арестованному избавлением.

Узнав, что шурин Стилоу еще более слабоумен, чем сам Стилоу, Ньютон приказал арестовать Грина. Перепугавшись, Грин вскоре сознался, что у Стилоу было оружие: дешевый револьвер, винтовка и дробовик. Грин указал место, куда он по поручению Стилоу спрятал оружие. Револьвер, винтовка и дробовик были 22-го калибра. Еще один ночной допрос, и Грин признался, что Стилоу и он убили Фелпса.

Ньютон и Бартлетт праздновали победу. Они арестовали Стилоу, доставили его в Альбион и "обрабатывали" на протяжении двух дней: не давали ему ни есть, ни спать, круглосуточно допрашивали. Стилоу, едва умевший говорить по-английски, привыкший к жизни на свободе, производил впечатление загнанного в клетку животного. Он признался, что оружие принадлежит ему. Да, из страха он скрыл это, когда стали искать оружие 22-го калибра. Но Фелпса он не убивал и вообще никогда никого не убивал. Конечно, в ночь убийства он слышал, как женский голос звал на помощь. Но теща уговорила его не открывать дверь, потому что жена ждала ребенка и ей нельзя было волноваться. Все это так, но убийство? Нет, нет и нет! Ньютон же не останавливался ни перед чем, будь то уговоры или обман. Он, например, ласково говорил, что Стилоу спосо-

бен на большее, чем уход за скотом, что ему следовало бы быть шерифом, носить звезду и бриллианты. Если он признается, то ему дадут звезду шерифа. И, кроме того, он смог бы пойти к своей жене домой.

На второй день Стилоу, страшно скучавший по жене, сдался и сознался, что убил Фелпса. Стилоу заявил, что в ночь убийства вместе с Грином он отправился в дом Фелпса, чтобы украсть деньги из письменного стола. Согласно признанию, произошло следующее: оба постучались в дверь кухни. Фелпс встал с постели и со свечой в руке пошел на кухню, чтобы открыть дверь. Как только он открыл дверь, они его застрелили. Затем Стилоу и Грин пошли в спальню, чтобы открыть стол. В это время из своей спальни выбежала экономка Уолкотт и бросилась через кухню на улицу, взывая о помощи. Они выстрелили ей вдогонку через стекло закрывшейся за ней кухонной двери. Украв из стола 200 долларов, они пошли домой. При этом они слышали, как лежавшая в снегу экономка просила о помощи. Не обратив на это внимания, они вошли через двор в дом и легли спать.

Стилоу не подписал это признание. С трудом подбирая слова, он отказался от него и перед судом. Уже тогда должно было броситься в глаза, что события, описанные в признании, не совпадали с обнаруженным на месте происшествия. Но обвинителя удовлетворило признание, потому что в его руках было еще одно доказательство. И тут мы снова обращаемся к судебной баллистике. Доказательством были пули, которыми был убит Фелпс, и дешевенький револьвер Стилоу.

На сцене появляется "доктор" Альберт Гамильтон, один из ярких представителей "самозваных экспертов", использовавший в своих корыстных целях, как и другие "эксперты" США, достижения научной криминалистики.

Гамильтон был опытнее и хитрее многих других "экспертов" по огнестрельному оружию, подвизавшихся в судах.

Следуя американским обычаям, судьи не требовали от них никаких свидетельств и довольствовались лишь заявлением эксперта, что он является "экспертом". Многие из них разоблачали сами себя, заявляя на перекрестных допросах, что микроскопические исследования они осуществляют при помощи дешевого увеличительного стекла. Другие на просьбу объяснить суду процесс изготовления пистолета отвечали, что "пистолеты изготовляются при помощи литейных форм".

"Доктор" Гамильтон был сделан из другого теста. Карьеру он начал с изготовления патентованных лекарств в Аубурне и Нью-Йорке. Степень доктора он присвоил себе сам. Карьера профессионального эксперта (с 50 долларами в день и суточными) неудержимо влекла его. Долгое время он называл себя "следователем-микрохимиком". С 1908 года в своей пропагандистской брошюрке "Человек из Аубурна" он рекламировал себя как эксперта по вопросам химии, микроскопии, графологии, сравнения шрифтов печатных машинок, фотографии, токсикологии, причин смерти, кровяных пятен, бальзамирования и анатомии. Не удовлетворенный этим впечатляющим перечнем специальностей, он добавил, что является также экспертом по огнестрельным ранениям, огнестрельно-

му оружию и патронам, идентификации пуль, пороху и взрывчатым веществам. Позднее некоторые наблюдатели сообщали, что он интересовался европейскими сообщениями о произведенных опытах в области идентификации боеприпасов и приобрел себе микроскоп и фотоаппарат. Гамильтон знал, что присяжным импонируют увеличенные, таинственные фотографии.

Итак, Гамильтон появился в Альбионе, осмотрел револьвер и положил извлеченные из тела Фелпса пули под свой микроскоп. "Доктор" с потрясающей быстротой сделал заключение. В канале ствола оружия Стилоу он обнаружил "анормальный выступ", царапину от которого можно видеть на пуле. Заключение гласило: "Пуля убийцы выстрелена из револьвера Чарлза Стилоу! Она не могла быть выстрелена ни из какого другого оружия". Затем Гамильтон сфотографировал пули, чтобы произвести впечатление на судей и присяжных.

12 июля начался процесс над Стилоу. Признания Стилоу и Грина показались странными даже судье, поэтому во время совещания с присяжными он выразил свои сомнения. Сомнения вызывало и то, что ни у Стилоу, ни у его родственника не удалось обнаружить украденных денег. Теща Стилоу была даже вынуждена продать единственную корову, чтобы заплатить врачу, помогавшему при рождении второго ребенка ее дочери.

Все с нетерпением ждали выступления "доктора" Гамильтона, который наслаждался всеобщим вниманием, не испытывая угрызений совести. Продемонстрировав перед судом фотографии пуль, он повторил заключение экспертизы. Прежде всего Гамильтон произнес роковую фразу: "Пуля убийцы не могла быть выстрелена ни из какого другого оружия, кроме револьвера обвиняемого". Защитник Стилоу — молодой адвокат, назначенный судом, Дэвид Уайт — не имел никакого опыта. Это был его первый процесс об убийстве. К тому же у него не имелось средств, чтобы пригласить своего эксперта. Однако Уайту все же удалось доказать, что на фотографиях пуль, которые предъявил Гамильтон, нет никаких следов царапин от выступа в канале ствола револьвера. Но Гамильтон не растерялся. "О, — заявил он, — это не те фотографии. Здесь изображена другая сторона пули". Сила убеждения Гамильтона была столь велика, что никто не задумался о заявлении Уайта.

Граждане Орлеанс-Кантри, присяжные суда были полны решимости представить общественности как можно скорей виновного и сэкономить налогоплательщикам дальнейшие судебные издержки. Доказательства Гамильтона их вполне удовлетворяли. 23 июля 1915 года суд признал Стилоу виновным в "убийстве первой степени" и приговорил его к смертной казни на электрическом стуле. Казнь была назначена на начало декабря. Стилоу доставили в Синг-Синг, где ему предстояло ожидать исполнения приговора.

Вероятно, судьба его была решена, но директор тюрьмы Спенсер Миллер проявил интерес к абсолютно беспомощному смертнику. Спенсер Миллер был идеалистом, мечтавшим о реформе в уголовном праве. Поэтому он обратился в нью-йоркскую организацию "Humanitarian Cdt", женское общество, выступавшее за отмену смер-

гных приговоров. Три представительницы общества: Ирэна Леб, миссис Хьюмистон и Инец Мильхолланд Буасван ринулись в бой за оправдание Стилоу. Требование нового суда было отклонено, но казнь неоднократно откладывалась. В июле 1916 года, когда Стилоу уже сидел на электрическом стуле, поступило сообщение, что казнь вновь откладывается. Организованное "Humanitarian Cult" расследование привело к очень важному открытию: бродяги Кинг и О'Конелл, уже приговоренные к длительному тюремному заключению за воровство и ложные показания, находились, как выяснилось, в ночь убийства Фелпса в Уэст-Шелби, и на следующее утро они болтали об убийстве задолго до того, как стало известно о нем из официальных источников.

Миссис Хьюмистон удалось поговорить в тюрьме с Кингом. Больше того: ей удалось убедить его, чтобы он хоть раз в жизни сделал доброе дело. И Кинг действительно признался. Он добровольно рассказал судье Георгу Ларкину, что вместе со своим приятелем О'Конеллом убил и ограбил фермера Фелпса. Он так детально описал ход событий, что все сомнительные вопросы, которые возникали во время рассказа Стилоу, теперь нашли свое объяснение.

Признание Кинга вызвало в Орлеанс-Кантри дикое волнение. Если все, что рассказал Кинг, правда, округу предстояло новое судебное разбирательство, а следовательно, новые расходы. Прокурор, шериф Бартлетт и детектив Ньютон поспешили в тюрьму Литл-Вэли, где отбывал наказание Кинг, чтобы забрать его в столицу своего округа для допроса. Уезжая с ними, Кинг заверял, что его показания — чистая правда. Но, возвратившись через несколько дней, он отказался от сделанного им ранее признания. Нетрудно догадаться, что его "обработали" в Альбионе. Однако губернатор штата Нью-Йорк Уитмен, узнав об этом, созвал в 1917 году независимую комиссию, которой предстояло проконтролировать дело Стилоу. Возглавил комиссию Джордж Бонд, адвокат из Сиракуз. Бонд выбрал себе в ассистенты служащего бюро генерального прокурора Нью-Йорка Чарлза Уайта.

Уайт был уже немолод. Он многим занимался в жизни, но раскрытие преступлений всегда было его хобби. Поэтому он и стал работать в бюро генерального прокурора. Когда Уайт присоединился к Бонду, он и не предполагал, что вступает на путь, который сделает его пионером судебной баллистики и принесет ему бессмертную славу.

Бонд и Уайт допросили Стилоу. Кинга и О'Конелла. Уже после первых допросов у них сложилось мнение, что Стилоу невиновен, а убийство совершили Кинг и О'Конелли. Против Стилоу свидетельствовало лишь заключение "эксперта" — "доктора" Гамильтона о пуле убийцы и револьвере Стилоу. Пули и револьвер, тщательно упакованные, находились в архиве дела. Ранее Уайт никогда не имел дела с огнестрельным оружием. Но ему было известно, что в отделе детективов Нью-Йорка некий капитан Джонс уже давно занимается пистолетами, револьверами и патронами. Уайт обратился за помощью к капитану Джонсу и инспектору Фауроту, который, как нам уже известно, имел опыт работы с отпечатками пальцев.

Сначала Джонса попросили определить, когда из револьвера Стилоу стреляли в последний раз. Джонс тоже еще не владел совершенными методами исследования. Он делал заключения, опираясь на личный опыт, и не был обманщиком и авантюристом, как Гамильтон. После проверки револьвера Джонс заявил, что из него стреляли года три-четыре назад, то есть это не то оружие, из которого был убит Фелпс. Мнение Джонса подтверждали ржавчина и грязь в канале ствола. Однако это было мнение, а не доказательство. Поэтому из револьвера Стилоу произвели пробные выстрелы, первый — в ящик с хлопком, второй — в сосуд с водой. Обе пули сравнили с пулей убийцы. Даже невооруженным глазом было видно, что эти пули и пуля, убившая Фелпса, не могли быть выстрелены из одного револьвера. Пуля убийцы была чистой, а пробные — грязными и изменившими цвет.

Поскольку у Джонса не было микроскопа, пули доставили в Рочестер, где на предприятиях "Бош ломб оптикел компани" работал известный специалист по прикладной оптике и микроскопии Макс Позер. Ему и поручили найти царапину, которую якобы обнаружил Гамильтон на пуле убийцы. Если она образовалась от выступа в канале ствола револьвера Стилоу, то подобные царапины должны быть и на пробных пулях. Позер приложил максимум усилий, но даже под самым сильным микроскопом не обнаружил никакой царапины. Он не нашел ее ни на пуле убийцы, ни на пробных пулях. Царапина была, видимо, вымыслом Гамильтона. Все это были только "отрицательные доказательства".

Но тут Позер сделал открытие, которое доказывало прямо-таки преступное легкомыслие Гамильтона. На пуле убийцы остался след от пяти нарезов и промежутков между ними. Револьвер Стилоу тоже имел пять нарезов, но все они были равномерно расположены. Пуля же убийцы носила след необычно широкого промежутка между нарезами. Он равнялся одному промежутку и двум нарезам. Оружие убийцы имело дефект, оружие Стилоу дефекта не имело.

Это был просто счастливый случай. Но он доказал, что пуля, убившая фермера, не могла быть выстрелена из револьвера Стилоу. Это уже было доказательство, а не мнение. Оно и явилось основанием для окончательного заключения Бонда и Уайта. Оба объявили Стилоу невиновным.

Отсидевшего три года в тюрьме, ни в чем не повинного Стилоу наконец оправдали и освободили. Подозреваемый Кинг снова повторил свое признание. Никто не сомневался в том, что он виновен в убийстве, хотя Верховный суд Орлеанс-Кантри отказался выдвинуть против него обвинение в убийстве Фелпса. Суд охранял округ от лишних судебных издержек и пожертвовал ради экономии средств справедливостью. Но это уже не меняло дела. История судебной баллистики извлекла из ложного приговора и неправильной экспертизы "эксперта по баллистике" хороший урок.

Для Чарлза Уайта дело Стилоу явилось поворотным пунктом в его жизни. Тот факт, что из-за неправильной экспертизы невиновный человек был приговорен к смерти, не давал ему покоя. Уайт был

глубоко убежден, что необходимо найти средство избежать подобных ошибок. Его преследовал вопрос, как научно обоснованно определить, из какого оружия выстрелена пуля? Как сделать так, чтобы исключить возможность ошибки? Как?..

На один год Уайт попал в круговорот первой мировой войны. Но с 1919 года, сразу же после возвращения домой, он полностью посвятил себя решению этой проблемы.

3. Открытие величайшей тайны: каждое оружие оставляет на пуле неизгладимый след

В начале 1920 года на всемирно известных предприятиях "Смит-Вессон" в Спрингфилде появился человек из Нью-Йорка. Цель его приезда показалась сначала странной. "Мы регистрируем, — заявил он, — в нашей стране от двадцати до тридцати убийств в день, в пятнадцать-двадцать раз больше, чем, например, в Англии. Преобладающее большинство этих убийств совершается при помощи огнестрельного оружия. После войны в руках преступников стало оружия больше, чем когда-либо. На местах убийств чаще всего мы находим пули и гильзы. Нужны верные средства определения по пуле, из какого вида оружия она выстрелена. Это поможет нам найти убийцу. Я предпринял это путешествие, чтобы собрать все виды огнестрельного оружия, которые когда-либо производились в нашей стране и могут быть использованы теперь преступниками. Для этого мне нужны точные данные о конструктивных особенностях, о времени выпуска, о калибре, численности, о количестве нарезов и промежутков между ними, а также о виде применяемых боеприпасов. Мне известно, что на стреляных пулях остаются следы, позволяющие различать количество нарезов и ширину промежутков между ними. Можно определить угол и направление нарезов, а также точный калибр. Если я буду знать соответствующие характерные признаки всех видов оружия, то можно будет точно установить, какой вид оружия был применен при данном убийстве. Для этого мне нужна ваша помощь".

Этим человеком из Нью-Йорка был Чарлз Уайт.

После первых затруднений он вскоре встретил полное понимание и готовность оказать ему помощь. Правда, одного этого было мало.

Фирма "Смит-Вессон", например, имела документацию лишь своих последних моделей. Многие типы оружия, изготовленные ею за период с 1857 года, были распространены на территории всей Америки. Но их технические данные не были зарегистрированы, отсутствовали также данные о многочисленных изменениях, внесенных в изготовляемые типы оружия в то или иное время.

Когда Уайт уже подумывал о том, чтобы отказаться от задуманного, один пожилой рабочий вспомнил о старой, пожелтевшей записной книжке с записями вычислений и конструкторских данных. Книжку нашли. Это был просто клад. Там значились размеры моделей различного типа оружия предприятий "Смит-Вессона", начиная с модели

№ 1. Затем удалось найти и других оружейников, имевших подобные записи, часть которых досталась им еще от отцов.

Уайт покинул Спрингфилд с ящиком ценной документации.

С 1873 по 1878 год Самуил Кольт производил свой знаменитый "Сикс-Шотер" (шестизарядный револьвер), оружие покорителей Запада, пяти различных калибров. Как и другие, еще более древние типы "Кольтов", все эти "Сикс-Шотер" были в ходу по всей Америке. Но сама фирма не имела в своей коллекции образцов старых моделей.

Потребовались длительные и мучительные поиски, прежде чем удалось собрать характеристики всех "Кольтов".

В 1922 году, после трех лет упорного труда, Уайт обладал точными данными о всех типах оружия, изготовленного в США с середины XIX века, за исключением небольшого числа оружия, изготовленного неизвестными оружейниками на маленьких, давно уже закрытых заводах. Стимулом создания коллекции было его глубокое убеждение в том, что нет двух моделей оружия, которые были бы абсолютно идентичны. Подчас различия в размерах борозд и промежутков между ними были столь незначительны, что лежали в пределах так называемого допуска, то есть отклонения, допускаемого даже лучшими фирмами при обеспечении конструкторских размеров. Однако в таких случаях имелись другие различия, единственные в своем роде, например угол нарезов. Когда Уайт обследовал пулю, то прежде всего он с точностью до мельчайших долей миллиметра измерял ее калибр, затем устанавливал направление нарезов. Если речь шла о 35-м калибре с левыми нарезами, то все виды оружия с другим калибром или с правыми нарезами исключались. Затем Уайт измерял нарезы и промежутки между ними и находил соответствующую модель оружия, за исключением тех случаев, когда различия были в рамках уже упомянутого допуска. Если в этих случаях измерить угол нарезов, то можно обнаружить "нужное" оружие. В середине 1922 года Уайт был в состоянии довольно быстро ответить полицейскому учреждению, приславшему ему пулю американского изготовления, выстрелена ли она из кольта 35-го калибра модели "X" или из винчестера модели "Y". Его метод не приводил к ошибкам, разве что в случаях, когда пуля разбивалась на кусочки или полностью деформировалась. Но в момент, казалось бы, полного триумфа Уайту суждено было пережить разочарование, и он понял, как еще далек от цели.

Осенью 1922 года Уайт посетил главную резиденцию нью-йоркской полиции. Он появился там в тот момент, когда все конфискованное в Нью-Йорке за год оружие собирались погрузить на лодки, отправить в океан и утопить. Нью-йоркская полиция вела отчаянную, но безнадежную борьбу со спрятанным оружием. В 1922 году она конфисковала не менее 3000 пистолетов, револьверов, пулеметов и ружей. Осмотрев всю эту добычу, Уайт с тревогой констатировал, что минимум две трети оружия было не американского происхождения, а привезено из Германии, Англии, Франции, Австралии, Бельгии и Испании. Большинство оружия было не знакомо Уайту.

С плохими предчувствиями он отправился в таможенное управление, где у него были друзья. Каково же было отчаяние Уайта, когда они подсчитали, что только за прошлый год через нью-йоркский порт было импортировано 559 000 экземпляров иностранного огнестрельного оружия, а в 1921 году — 205 000. Преимущественно это было дешевое испанское оружие, часто плохие копии американских моделей. Во многих каталогах американских торговых фирм их предлагали по цене в 3 или 4 доллара. Таким образом, каждый американец мог осуществить свое право на ношение оружия, не производя слишком больших затрат.

Все это ввергло Уайта в отчаяние. Если две трети всех используемых видов огнестрельного оружия имеют иностранное происхождение, то вся его с таким трудом созданная коллекция американских моделей теряла свою ценность. Уайт понял, что нужно принять окончательное решение. Он мог, конечно, поставить на этом точку. Но если он захочет продолжать начатое дело, то ему придется поехать в Европу и попытаться там собрать данные о всех видах огнестрельного оружия, изготовленного за последние семьдесят или восемьдесят лет. Однажды в минуту слабости он заявил: "Если бы я мог предположить, что меня ждет, я передал бы всю свою работу кому-нибудь из молодых". Но Уайт решил продолжить начатое дело. Он получил рекомендательные письма к американским военным атташе в Европе и в полицейские учреждения важнейших европейских стран. В конце 1922 года он отправился за океан.

Его поездка длилась год. Это была утомительная и напряженная поездка. Уайт не знал, кроме английского, никакого европейского языка. Он часто болел. Но ему нигде не отказывали в помощи, начиная с Нодэна, префекта парижской полиции тех лет, и кончая Хулианом Эчеверианом, директором испанской оружейной школы в Эйбаре. Уайт побывал на всех европейских оружейных заводах. Здесь он сталкивался с теми же трудностями, что и в Америке. Устаревшие модели отсутствовали, их конструктивные данные — также. Но Уайт делал невозможное. В конце 1923 года он снова ступил на американскую землю, привезя с собой ящики, полные моделей оружия, чертежей их конструкций и записи. Его коллекция охватывала теперь около 1500 моделей огнестрельного оружия. Уайт верил, что собрал все виды оружия, которые фигурировали как оружие убийства далеко за пределами Америки. В период, когда он осматривал привезенные модели и вел перерасчеты европейских мер в американские, ему удалось сыграть решающую роль в раскрытии убийства.

Один шериф, случайно встретившись с ним, показал ему пулю убийцы. По виду пули Уайт определил, что убийца стрелял из бельгийского револьвера фирмы "Николас Пипер" в Льеже модели 1895 года. Шериф в своем расследовании топтался на одном месте, но уже давно подозревал в убийстве одного бельгийца.

Но как раз этот, казалось бы, принесший успех случай вызвал у Уайта новое разочарование. Хотя он и определил, что пуля выстрелена из бельгийского револьвера, но ведь, несомненно, фирма "Пипер" произвела десятки тысяч экземпляров подобного типа. Если бы

бельгиец случайно не попал под подозрение и не сознался, никто не смог бы доказать, что убившая человека пуля выстрелена именно из того экземпляра серийной продукции Пипера, который принадлежал ему. Снова Уайт убедился в том, что еще далек от цели, что проделал лишь половину пути.

Ему оставалось всего несколько лет жизни. Он догадывался об этом. Но теперь уже было сделано слишком много, чтобы отступать.

Если вообще можно было по пуле убийцы определить, из какого оружия она выстрелена, то нужно найти такие признаки, которые были бы присущи только конкретному экземляру оружия. Конечно, это только смелая мечта, но эти признаки должны обеспечить точность идентификации оружия, как отпечатки пальцев человека. Сотни раз Уайт наблюдал процесс изготовления огнестрельного оружия: в цилиндрической заготовке высверливается канал ствола будущего оружия и шлифуется. Затем специальным инструментом делаются нарезы. Резец работает в масле и толкает впереди себя стружку, вырезанную из стенки канала ствола. Если рассматривать резец под микроскопом, то видна неровность его режущей поверхности. Поверхность же состоит из многочисленных зубцов, расположение и вид которых не имеют никакой закономерности. Кроме того, приходится несколько раз прерывать работу, чтобы наточить инструмент. Уайт вспомнил слова одного австрийского инженера-оружейника: "Мы пользуемся лучшими инструментами и все же не можем сделать двух абсолютно одинаковых экземпляров оружия. Хоть небольшое отличие, да имеется. Посмотрите под микроскопом лезвие для бритья! Вы увидите, что его край состоит из множества зубцов. Их число и расположение у разных лезвий совершенно различно. Та же картина наблюдается и у режущих инструментов. Кроме того, подточка инструментов приводит к тому, что каждый нарез имеет какие-либо отклонения, царапины и т.п. Практически это, конечно, не имеет значения, но все же очень интересно".

Увлеченный своей первоначальной идеей создания большой коллекции оружия, Уайт не сразу осознал значение этого высказывания. Лишь теперь он понял его. А что, если австриец прав и процесс изготовления оружия, несмотря на всю точность, все же оставляет свой след, притом различный на каждом экземпляре, что должно накладывать также и отпечаток на пулю?

Уайт тогда еще не занимался микроскопией. Его до сих пор вполне устраивали точные измерительные инструменты. То, что он теперь мечтал обнаружить, можно было увидеть только под микроскопом. Уайт поспешил в Рочестер к Максу Позеру. Он хотел приобрести самый лучший микроскоп. Его энтузиазм произвел на оптика такое громадное впечатление, что он в кратчайший срок создал для него специальный микроскоп, который был снабжен держателем для пули и шкалой, позволявшей производить наблюдения и измерять мельчайшие царапины и изменения на ее поверхности. Но Уайт чувствовал, что ему не под силу работа с микроскопом. У него было плохое зрение и дрожала правая рука. Поэтому он стал искать себе помощника-специалиста. Поиски были не просты, потому что Уайт не имел

средств для оплаты этой работы. Ему нужен был энтузиаст, способный, как и он, загореться идеей и поверить в ее будущее.

Это был последний случай, когда Уайту повезло в жизни. Он действительно нашел людей, поверивших в его идею и готовых принести себя в жертву. Первым среди них был Джон Фишер, физик, долго проработавший в приборной палате, но всегда интересовавшийся огнестрельным оружием. Вторым был Филипп Крэвелл. Будучи студентом химического факультета Колумбийского университета, он по ночам занимался микроскопией и фотографией. Микрофотография стала его страстью; в своей лаборатории в Саут-Орэндж он делал видимым на фотопластинке то, что в ботанике, минералогии и металлургии в обычных условиях было невидимым. Крэвеллу было сорок пять лет. Лондонское общество микрофотографов наградило его незадолго до этого Золотой медалью Бернарда. Услышав об идее Уайта, он охотно стал его союзником. В Нью-Йорке появилось Бюро судебной баллистики, первый институт такого рода во всем мире.

Началась кропотливая работа. Фишер сконструировал геликсометр — разновидность медицинского цистоскопа. Если цистоскоп служит тому, чтобы вводить тончайшие трубочки и лампы в мочевой пузырь и почки для их визуального обследования, то геликсометр позволял обследовать канал ствола любого пистолета и любой винтовки. Фишер разработал также микроскоп, при помощи которого можно было измерять расстояние между нарезами с невиданной до тех пор точностью. Крэвелл тем временем изучал и фотографировал тысячи пуль, выстреленных из разных экземпляров оружия одной модели в улавливатель, наполненный хлопком. Он сравнивал их и каждый раз устанавливал, что пули, отстрелянные одним и тем же оружием, имели своеобразные, только им свойственные признаки. Трудно было поверить, но инструменты, степень их изношенности, царапины от стальной стружки придавали каналу ствола каждого оружия характерные только для него признаки. Уж не являлось ли это "отпечатком пальцев" каждого отдельного оружия на выстреленной из него пуле?

Число наблюдений было еще не столь велико, чтобы делать подобные смелые выводы. Прежде всего Крэвелл не доверял восприятию человека. Пока в микроскопе можно наблюдать только одну пулю, и человек должен запомнить ее вид, чтобы сравнить с положенной под микроскоп другой пулей, нельзя достигнуть абсолютной точности. Многое зависело и от способности восприятия каждого отдельного наблюдателя.

Неудовлетворенность таким положением дел и натолкнула Крэвелла на открытие, ставшее для судебной баллистики надежной опорой.

В начале 1925 года Крэвелл создал свой сравнительный микроскоп — инструмент, позволявший одновременно рассматривать две сравниваемые пули при многократном увеличении. При помощи сконструированного им оптического прибора он одновременно видел сравниваемые пули, лежащие под микроскопом (каждая пуля

под отдельным микроскопом). Ошибки из-за несовершенства человеческой памяти были исключены. Перед глазами Крэвелла были обе пули, и он мог вертеть их, пока не убеждался в их идентичности или неидентичности.

Таковы были достижения, когда тяжелобольному Уайту удалось найти третьего помощника, которому было суждено довести до конца начатое Уайтом дело и поставить Америку во главе развития одной из областей криминалистической науки. Это был Колвин Годдард, тридцатичетырехлетний, высокий, сильный мужчина с густыми черными волосами, родом из Балтиморы. Сначала он был врачом-кардиологом. В 1915 году получил звание доктора медицинских наук и некоторое время работал ассистентом в знаменитом госпитале Джонса Гопкинса. В 1916 году служил в американской армии, стал майором санитарной службы, был во Франции, Бельгии, Германии и Польше. В 1920 году Годдард возвратился в Америку. Еще в армии он занимался экспертизами. Произошло это не случайно. У него сохранилась фотография, на которой он изображен четырехлетним мальчиком с громадной винтовкой в маленькой руке. С пятнадцати лет он занимался револьверами и сам мастерил оружие, которое осталось его страстью на всю жизнь. Работа эксперта предоставляла ему возможность бывать в арсеналах и на оружейных заводах. Год спустя, правда, он еще раз возвратится к медицине и станет даже заместителем директора госпиталя Джонса Гопкинса. Но уже в 1924 году страсть к оружию возьмет над ним верх и он обратится к "доктору" Гамильтону, которому при помощи рекламных трюков удалось преодолеть провал в деле Стилоу без ущерба для его карьеры. Годдард обратился к Гамильтону за советом, как стать "судебным экспертом по баллистике". К счастью, он вскоре понял, что Гамильтон — шарлатан. Познакомившись в 1925 году с Уайтом, он окончательно оставил медицину и поступил в бюро Уайта. Когда 14 ноября 1926 года в отеле Саммервилла от сердечного приступа скончался Уайт, который выступал экспертом на проходившем там процессе Холла — Миллза, то Годдард стал во главе "баллистической троицы": Джон Фишер, Филипп Крэвелл и Колвин Годдард.

Через несколько недель после появления в бюро Уайта Годдард уже в совершенстве владел сравнительным микроскопом. Он мог определить, из какого из десяти пистолетов одного типа была выстрелена та или иная пуля. Теперь уже не было сомнения, что каждая выстреленная пуля, помимо сведений о калибре и нарезке, носит отпечаток, по которому, как по отпечатку пальцев, можно безошибочно определить, из какого оружия она выстрелена. Даже на донышке гильзы Годдард обнаруживал своеобразные следы инструмента, которым изготовлялся конкретный экземпляр оружия. Ответ на вопрос, можно ли и как установить, что определенный патрон использован при стрельбе из определенного оружия, был найден.

Уверенно Годдард отправился в полицию и суды с предложением перевести экспертизу по судебной баллистике на научную основу.

Ему повезло. Судьба уготовила ему сенсационный процесс, который обнаружил со всей очевидностью все несовершенство, порой просто шарлатанство существовавшей ранее судебной баллистики. Этот процесс дал Годдарду возможность выступить перед общественностью и продемонстрировать новые научные методы судебно-баллистической экспертизы.

4. Чикаго. Годдард устанавливает оружие убийцы

В 1929 году Годдарда пригласили в Чикаго, в город, где совершалось одно преступление за другим. Он должен был оказать помощь в раскрытии группового убийства, известного в истории криминалистики как "Резня в день святого Валентина".

Утром 14 февраля 1929 года в гараже на Норт-Кларк-стрит в Чикаго собрались семь человек. Большинство из них принадлежало к банде Морана, которых называли "баге", то есть "клопы". Они занимались спекуляцией алкогольными напитками в Чикаго. Собравшиеся ожидали своего босса Морана, который должен был в это утро получить партию вина.

Однако Моран опаздывал. Это спасло ему жизнь. В половине одиннадцатого в гараж ворвались два человека в форме чикагской полиции с пистолетами в руках и приказали: "Всем к стене!" Вслед за ними вошли двое в гражданской одежде, вытащили из-под пальто автоматы и расстреляли всех стоявших у стены. Затем они покинули гараж, сели в машину и исчезли.

Коронер доктор Герман Бандисен, один из немногих "неподкупных" в управлении города Чикаго, обнаружил на месте преступления шесть трупов, одного смертельно раненного и около семидесяти гильз автоматных патронов.

Вскоре стало ясно, что за дерзким нападением стоит "покрытое шрамами" лицо Аль Капоне, пресловутого босса чикагских гангстеров. По всей видимости, Капоне хотел убрать с дороги своего конкурента Морана вместе с его "лучшими людьми". Конечно, Аль Капоне не было в Чикаго в момент совершения преступления. Но некоторых его людей — Джека Макгорна, Фреда Бёка и Фрэдди Гётца — видели вблизи гаража. Доказательств против них, правда, не было. Коронер слишком хорошо знал, что от полиции не приходится ждать помощи. Едва ли в каком-нибудь другом городе так тесно переплелись между собой политика, полиция и преступления, как в те времена в Чикаго. Бандисен создал свой суд присяжных из зажиточных и независимых граждан, чтобы расследовать убийство. Этот суд решил пригласить в Чикаго Годдарда.

Покидая Нью-Йорк, Годдард не предполагал, что едет навстречу осуществлению мечты своей жизни — основанию большой национальной лаборатории научной криминалистики. Тем временем он уже понял, что только такое учреждение будет в состоянии положить конец деятельности беспомощных экспертов по огнестрельному оружию. Изучив все пули и гильзы, найденные на месте преступления, он дал свое заключение.

Преступление было совершено при помощи двух автоматов системы "Томпсон" 45-го калибра. Один из них — с двадцатизарядным магазином коробчатого типа, другой — с пятидесятизарядным магазином барабанного типа.

14 декабря 1929 года в Сан-Жозефе, в Мичигане, шофером был застрелен регулировщик, задержавший машину за нарушение правила уличного движения. Преступник скрылся. Но по номеру машины был установлен его адрес. Указанная в адресе квартира принадлежала некоему Дейну. Во время обыска квартиры полицейские открыли стенной шкаф и остолбенели от удивления: перед ними был целый арсенал оружия, среди которого находились также два автомата системы "Томпсон". Их тотчас же доставили Годдарду. Экспериментальные пули полетели в пулеуловитель, и Годдард снова склонился над своим микроскопом. Заключение гласило: "Найденные автоматы являются тем оружием, которым было совершено убийство в день святого Валентина".

Спустя несколько дней удалось обнаружить и самого беглеца. Это был Фред Бёк, один из гангстеров Аль Капоне, которого и подозревали в преступлении. Он жил под фальшивым именем. Приговоренный к пожизненному заключению, он исчез за решеткой тюрьмы. Может быть, только благодаря этому он избежал судьбы, которую уготовила банда Морана двум другим подозреваемым. Вскоре Фрэдди Гётц и Джек Макгорн были найдены застреленными. Определить, где следует искать убийц, не представляло большого труда.

Работа Годдарда произвела такое большое впечатление на влиятельные круги, что они решили основать при университете научную криминалистическую лабораторию. В ее задачу входила организация научных методов борьбы с преступлениями и обучение судебной баллистике молодых неподкупных полицейских. Директором института был назначен Колвин Годдард. Он прекрасно понимал, что лишает себя источника доходов, а свою лабораторию в Нью-Йорке — ее прежнего значения, передавая свой опыт и знания множеству молодых людей. Он, кто до сих пор был единственным специалистом в этой области, станет вскоре одним из многих. Но это его не беспокоило.

В пригороде Ивэнстона, в студенческом городке Северо-западного университета, Годдард постоил здание своей лаборатории. Он всегда имел при себе револьвер, даже работая с микроскопом. Поблизости находился вооруженный телохранитель, который тотчас появлялся, стоило только раздаться выстрелу, даже если выстрел был экспериментальным. "Все в порядке, я произвожу экспериментальный выстрел", — говорил Годдард в таких случаях. Не было гарантий, что чикагские бандиты не попытаются уничтожить институт и его директора. Лаборатория Годдарда стала одним из первых крупных учебных заведений научной криминалистики в Америке. За четыре года Годдард принимал участие в расследовании 1400 дел, связанных с применением огнестрельного оружия. Ученики распространяли его опыт. Когда экономический кризис лишил институт средств, то Годдард целый год работал без зарплаты. Его новой мечтой было создание большой центральной лаборатории судебной баллистики в Вашингтоне, которая работала бы на всю Америку, где мог бы найти помощь и поддержку любой шеф полиции. Когда в 1934 году Годдард покидал свой пост, он уже видел осуществление своей мечты: в это время Эдгар Гувер оборудовал свой собственный Институт судебной баллистики при ФБР. "Впервые Америка возглавила развитие одной из областей научной криминалистики! — воскликнул Годдард, узнав об этом. Его голос дрогнул, когда он проникновенно повторил: — Впервые".

5. Торжественное шествие сравнительного микроскопа по всему миру

Но прав ли Годдард? Действительно ли США благодаря Уайту, Крэвеллу и Годдарду обогнали Старый Свет?

Первая мировая война изменила лицо преступности в Европе. Было явным преувеличением, когда пацифисты 20-х годов провозгласили тезис, что убийцы потому и стали убийцами, что война научила их убивать и что убийство стало орудием политики отечества. Но несомненно то, что из-за массового производства винтовок и пистолетов, а также массового обучения стрельбе война способствовала превращению огнестрельного оружия в орудие преступления, используемого в большем масштабе, чем ранее. В Европе все чаще приходилось иметь дело с раскрытием преступлений, совершенных при помощи огнестрельного оружия, а для этого пришлось вплотную заняться судебной баллистикой. И в судебно-медицинских институтах при университетах и в судебно-химических и в первых полицейских лабораториях ученые возобновляли прерванную войной работу, имея очень скромные средства.

В 1919 году в Люксембурге исследования следов на гильзах патронов возобновил Пьер Медингер. В Европе первыми в этой области были доктор Рехтер, возглавивший основанную в 1920 году бельгийскую школу криминальных и полицейских наук, и старший лейтенант Маже, профессор военной бельгийской школы. Год за годом они делали отпечатки гильз патронов, фотографировали их, рассматривали под микроскопом, покрывали золотом свинцовые пули, чтобы получить более четкие фотографии. Их усилия способствовали тому, что при идентификации огнестрельного оружия в Европе уделялось большое внимание патронной гильзе, чем это имело место в Америке. В Париже за работу снова принялся профессор Бальтазар. Локар из Лиона шел собственным путем. В Голландии о своих опытах сообщали криминалисты и химики, такие, как Гульст и фон Ледден-Гульзебош. В Афинах экспериментировал Георгиадес. Своими многочисленными научными работами по исследованию огнестрельного оружия выделялись русские ученые Матвеев и Зускин, а также польский ученый Соболевский. Швед Гарри Зедерман, работавший в Лионе ассистентом Локара, написал диссертацию по огнестрельному оружию. В Германии вели научные изыскания и

экспериментировали Август Брюнинг в Берлине, полицейрат Вайценеггер из полицей-президиума в Штутгарте, Фридрих Петруски из судебно-медицинского института при университете в Бреслау, доктор Крафт из прусского земельного министерства продовольствия, лекарственных средств и судебной химии в Берлине, а также Отто Мецгер, директор химического исследовательского отдела Штутгарта. Отто Мецгер был страстным охотником. Любовь к оружию и натолкнула его на мысль заняться судебной баллистикой. Он изобретал аппараты и изготовлял их в мастерских своего друга, знаменитого Роберта Боша.

Шаг за шагом эти люди постигали новую науку. Они снимали отпечатки пуль пластилином, копировальной бумагой, оловянной фольгой и на свинцовые пластинки. Они делали слепки внутренних стенок канала ствола, снимали оболочки пуль, выпрямляя их, чтобы получить более хороший снимок поверхности пули. Они создали аппараты, как сейсмографы, при помощи чувствительных игл ощупывали поверхность вращающейся пули, и все неровности графически отображались на бумаге. Для того чтобы найти лучшие способы улавливания пуль, они производили экспериментальные выстрелы: в опилки, в восковые пластинки, в ящики с ватой, в наполненные тряпьем и землей корзины, в толстые книги и в трубы, наполненные водой. Они фотографировали пули и гильзы с микроскопом и без него, при искусственном освещении и при дневном свете, с изогнутыми кассетами, чтобы лучше проявилась круглая поверхность пуль и гильз. Для сравнения они наклеивали микрофотографии рядом. Отто Мецгер и его сотрудники Геес и Гасслахер с 1923 года начали делать то, что за четыре года до них делал Уайт: они собирали всевозможные виды огнестрельного оружия и боеприпасов, измеряли и каталогизировали характерные их признаки. И наконец, ими был создан "Атлас пистолетов", охвативший, в отличие от коллекции Уайта, не 1500, а только 100 видов оружия. Но для сравнительно небольшой территории Европы этот атлас имел большое значение.

Но в одном Америка опередила европейцев: она создала сравнительный микроскоп. Отто Мецгер, правда, обращался к фирме "Лейтц" с вопросом, нельзя ли разработать аппаратуру, которая позволила бы рассматривать две пули одновременно. Но прежде чем его идее было суждено осуществиться, изобретение Крэвелла пришло из-за океана.

Странное, не поддающееся контролю явление, которое так часто встречается в международных контактах, заставило сравнительный микроскоп на его пути в Европу сделать большой крюк через Средиземное море и Каир в Египте.

С 1917 года во главе судебно-медицинского отдела египетского министерства юстиции стоял Сидней Смит. Работа по раскрытию всех более или менее крупных преступлений, совершенных на берегах Нила, прошла через умелые руки Смита. Он с гордостью писал в своих мемуарах: "За несколько лет нам удалось создать, пожалуй, самые лучшие судебно-медицинские лаборатории в мире". Почти никто об этом не знал. Лондон, Париж, Берлин, Рим — вот извест-

ные всем центры криминалистики, но Каир? Когда Харви Литлджон однажды посетил своего ученика Смита в Каире, то его взгляд упал на длинный ряд аппаратов, в которых одновременно производились анализы Марша на мышьяк.

"Зачем вам нужно так много аппаратов?" — спросил Литлджон.

"Сплошь одни убийства, — ответил Смит. — Много отравлений". Литлджон покачал головой: такое количество материала для исследований было для него в его тесном мире Эдинбурга просто непостижимым.

С 1905 года Египет повел борьбу против господства англичан. С 1919 года начались революционные выступления. "Когда борьба достигла своего апогея, — вспоминал позднее Смит, — мой морг стал слишком мал". Не только англичан, но и египтян расстреливали без разбора. Желавших выступить свидетелем найти было почти невозможно. Эта ситуация заставила Сиднея Смита, как, впрочем, и многих его коллег в Европе, заняться совершенно новой для него областью — идентификацией огнестрельного оружия. Если свидетели не хотели говорить, то изобличить убийц и в Египте приходилось при помощи пуль и гильз.

Приступая к работе, Смит знал столько же, сколько Уайт или Колвин Годдард в начале своего пути. Но число трупов, патронов и пуль, попадавших в институт, способствовало глубокому и успешному изучению им новой проблемы. У Смита появились противники. Однако он продолжал делать свое дело. В 1924 году он случайно прочитал небольшую статью о том, что в Нью-Йорке Уайтом и Крэвеллом создан спаренный микроскоп, позволяющий сравнивать пули. Смит тотчас принялся за дело и смастерил свой первый сравнительный микроскоп. Спустя несколько недель произошло событие, которое подвергло серьезному испытанию знания Смита.

19 ноября 1924 года на улице Каира был застрелен британский сирдар (верховный главнокомандующий египетской армией). В центре города его машина пересекала трамвайные линии. Когда автомобиль на миг замедлил ход, тут же несколько покушавшихся открыли огонь. Затем они "бесследно" скрылись на поджидавшем их такси. Сирдар скончался от внутреннего кровоизлияния, а сопровождавшие его лица получили ранения.

Сидней Смит поспешил на место происшествия. Там он обнаружил девять гильз от патронов. Из жертв нападения извлекли шесть пуль. В это время Смит был уже достаточно опытен и довольно скоро установил, что все гильзы были от автоматического пистолета 32-го калибра, но пистолеты — трех различных систем. Три гильзы были от "Кольта". Пули тоже все 32-го калибра (пять из них — пули дум-дум) от трех разных систем пистолетов: от упомянутого "Кольта" с шестью левыми нарезами, от "Маузера" с четырьмя правыми нарезами и от "Браунинга" с шестью правыми нарезами. "Кольт", по всей видимости, был в плохом состоянии, так как следы от нарезов едва просматривались. Кроме того, на пуле была странная канавка. Она свидетельствовала о наличии дефекта в канале его ствола.

Смит думал о канавке. Он где-то уже ее видел. И видел ее не один раз, а довольно часто. Он обратился к своей коллекции пуль, ранее извлеченных из тел пострадавших. Коллекция насчитывала тысячи пуль. Одну за другой Смит сравнивал пули коллекции с пулями, выстреленными из "Кольта" в сирдара. Да, сомнений быть не могло: этот "Кольт" уже не раз был орудием убийства и покушений.

Тем временем египетская полиция искала преступников старыми, проверенными методами — с помощью сыщиков. Наконец сыщики сообщили, что преступниками являются члены группы националистов, руководимых адвокатом Хафиком Мансуром. Спустя некоторое время стали известны имена двух участников покушения. Речь шла о братьях Енайат. Однако против них не было никаких доказательств. Смит пообещал дать доказательства, если ему достанут оружие преступников.

Изобретательность Смита помогла ему самому заполучить оружие. Через одного из полицейских сыщиков подозреваемых братьев предупредили об угрожающей им опасности. Их уговорили бежать в Триполитанию поездом через пустыню. В пустыне полиция остановила поезд, арестовала братьев Енайат и обыскала их. В корзине с фруктами были обнаружены четыре пистолета.

С нетерпением ожидал Смит, когда ему доставят изъятое оружие. Два пистолета не могли быть оружием нападения, так как были 25-го калибра. Два других имели как раз калибр 32-й. Это были "Браунинг" и "Кольт". Громко прозвучали экспериментальные выстрелы в тихом дворе института Смита. И из корзин-уловителей пули попали под сравнительный микроскоп. Если бы у Смита было больше опыта, он достиг бы более значительных результатов. Но тогда он не смог доказать идентичность пуль от "Браунинга". И лишь сравнение гильз и пуль позволило ему утверждать, что данный "Браунинг" был использован как оружие при нападении на сирдара. Окончательную уверенность в правильности своего вывода Смит почувствовал при обследовании "Кольта". Вот та канавка, которая так часто встречалась ему. Но так как Смит боялся поспешных выводов, он обследовал еще несколько дюжин "Кольтов", прежде чем дать заключение. Убедившись, что ни один другой пистолет не оставляет подобного следа на пуле, он сообщил с нетерпением ожидавшему шефу полиции Каира, что сирдар был убит из "Кольта" братьев Енайат.

Впервые политические убийцы в Египте столкнулись с немыми, но красноречивыми свидетелями преступления — с пулями их собственных пистолетов. Сначала они не хотели ничему верить, затем растерялись и признали свою вину. Они также назвали и своих сообщников — Хафика Мансура и Махмуда Рашида. В доме Рашида обнаружили пилы, напильники и тиски с цинковой облицовкой, на которой остались следы, позволившие Смиту утверждать, что тисками зажимали круглые предметы, по размеру соответствующие патрону 32-го калибра. В шарнирах тисков было много металлической пыли — свинец, медь и никель. Металлическая пыль оказалась идентичной с металлом напильников и пуль убийц. Таким образом,

удалось доказать, что пули убийц превращались в пули дум-дум в доме Рашида.

В конце мая 1925 года Сидней Смит стоял в характерной для него позе с "Кольтом" убийцы в одной руке и с моноклем — в другой в качестве эксперта перед судом. Он был последним свидетелем обвинения. На него были устремлены все взоры как на человека, показания которого сыграли решающую роль в вынесении приговора.

6. Британская увертюра к сравнительному микроскопу

Из Каира сравнительный микроскоп проделал свой путь в Европу. Однако и теперь он не нашел прямого применения на континенте, а проник сначала в Лондон.

В 1925 году, когда в Каире закончился процесс над убийцами сирдара, в Англии и Шотландии появилась уже упомянутая нами ранее книга Сиднея Смита "Судебная медицина и токсикология", в которой рассматривались также и огнестрельные ранения.

Однако внимание к сравнительному микроскопу привлекла статья Смита о деле сирдара, опубликованная в 1926 году в "Британском медицинском журнале" в Лондоне. Статью прочитал человек, который уже много лет занимался исследованием огнестрельного оружия, — Роберт Черчилль из Лондона.

Роберт Черчилль, лет пятидесяти, широкоплечий, с несколько напоминающим бульдога лицом, не был ни ученым, ни криминалистом. Он был, что называется, оригиналом. Оружейник по профессии, он превратил свою маленькую мастерскую, изготовлявшую ружья для охоты на голубей, в признанную британскую мастерскую по созданию и изготовлению ценнейшего ручного огнестрельного оружия, которое теперь носило его имя. Помещения предприятия Черчилля на углу Оранж-стрит, около Лейсестер-сквера в западной части города, по царившей в них атмосфере напоминали скорее один из английских клубов. На стенах висели экспонаты дорогой коллекции оружия. Тут же громоздились приготовленные к отправке во все концы британской империи посылки с оружием. Здесь же Черчилль принимал своих клиентов и друзей из Англии, Индии и Южной Африки. Отсюда он отправлялся с ними на охоту.

В 1910 году английский суд в связи с одним убийством впервые пригласил его в качестве эксперта по огнестрельному оружию. С тех пор стало само собой разумеющимся по вопросам судебной баллистики обращаться к Роберту Черчиллю. Будучи, безусловно, большим знатоком огнестрельного оружия, хорошим экспериментатором, но все же не имевшим надежных методов исследования, как, впрочем, и другие эксперты тех дней (не говоря уже о шарлатанах), он слыл лучшим специалистом по судебной баллистике в Великобритании. Прокуроры ценили его авторитет, приглашая в качестве специалиста всякий раз, когда нужно было убедить присяжных.

О большом авторитете Черчилля можно судить по тому факту, что он нередко выступал в суде вместе с Бернардом Спилсбери. Сид-

ней Смит скажет позже о нем со свойственным ему темпераментом и прямолинейностью: "Со Спилсбери пришел Роберт Черчилль, эксперт по баллистике, знаменитый и, бесспорно, отличный оружейник, но такой же, как Спилсбери, твердолобый и догматичный. В делах, где речь шла о применении огнестрельного оружия, они часто появлялись вместе. Они действительно были страшной парой, просто ужасно, если... они ошибутся..."

Такая оценка Смита имела под собой почву. Как раз в то время, когда Черчилль читал статью в "Британском медицинском журнале", он вместе со Спилсбери выступал по делу Меррета и совершил самую большую ошибку за всю свою карьеру.

Роберт Черчилль нарушил правило быть осторожным и в высшей степени ответственным за свои заключения. И позднее, в 1932 году, он снова чуть было не сделал поспешного суждения. В Олд-Бейли в Лондоне слушалось дело по обвинению двадцатишестилетней женщины легкого поведения Эльвиры Барней в убийстве своего молодого любовника Майкла. Свидетелей не было, и Эльвира утверждала, что произошел просто несчастный случай. Приревновав своего любовника, она стала грозить ему, что застрелится. Майкл попытался отобрать у нее пистолет. При этом произошел случайный выстрел, убивший Майкла.

Выступая экспертом обвинения, Роберт Черчилль заявил, что этот пистолет является надежнейшим оружием, что выстрелить из него можно, только применив значительное усилие. Это означает, что оружие выстрелить случайно не могло.

В зале суда воцарилось молчание, когда Патрик Хастингс, один из самых знаменитых британских защитников тридцатых годов, выступая по делу Эльвиры Барней, поднял в руке ее пистолет. Допрашивая Черчилля, он играючи пощелкивал курком пистолета: клик, клик, клик... И с каждым "клик" присяжные все больше убеждались, что стрельба из этого оружия совсем не требовала больших усилий. Неудача Черчилля лишний раз доказывала, что и ему, как всем экспертам периода становления новой науки, были присущи ошибки и заблуждения.

Однако это не помешало связывать появление сравнительного микроскопа и научной баллистики в Англии с именем Роберта Черчилля.

Не успел Черчилль прочитать статью Смита о процессе сирдара, как заказал себе сравнительный микроскоп. Он даже поехал в Нью-Йорк и лично познакомился с Годдардом. Микроскоп Черчилля не был совершенным, но оправдывал свое назначение. Случай помог Черчиллю внедрить сравнительный микроскоп для судебной баллистики в Великобритании. Речь идет об убийстве констебля Гаттериджа в ночь с 26 на 27 ноября 1927 года.

То раннее утро 27 ноября было туманным и мрачным. Проезжая по улице в Эссексе, почтальон увидел полицейского, лежащего в луже крови у обочины дороги. Недалеко от упавшего с его головы шлема на земле лежала записная книжка. В левой руке полицейский держал карандаш, собирался, должно быть, что-то записать. Не

было никаких признаков борьбы. На левой щеке полицейского было два входных отверстия пулевых ранений. Одна пуля вышла через затылок, другая — через правую щеку. Необычным и жутким было то, что убийца сделал еще два выстрела в оба глаза констебля. Казалось, что преступник не смог вынести обвиняющего взгляда умирающего. Почтальон остолбенел от ужаса. Он узнал пострадавшего. Это был констебль Гаттеридж.

Шеф полиции Эссекса обратился за помощью в Скотланд-ярд. Из Лондона прибыл шеф-инспектор Берретт. Этот крупный, широкоплечий человек из Скотланд-ярда с окладистой бородой уже тогда пользовался большим авторитетом. Но дело Гаттериджа стало самым ярким в его жизни, и он впоследствии в своих мемуарах посвятил ему целую главу. Берретт не принадлежал к старой полицейской гвардии, отрицавшей роль технических и научных достижений.

Осмотрев место происшествия, он нашел отпечаток колеса автомашины на обочине дороги и довольно легко представил себе ход событий. Улица ночью не освещалась. Однако фонарь Гаттериджа лежал в кармане брюк. Если Гаттеридж собирался что-то записать, то ему нужен был свет. Может быть, он собирался писать при освещении фар? Может быть, он хотел записать номер подозрительной машины?

Вскоре поступило сообщение, что в прошлую ночь в Биллрикай угнали машину врача Поуэлла. Берретт видел в этом подтверждение своей правоты. Украденную машину вскоре нашли. Преступники бросили ее на одной из отдаленных улиц, действовали они, по всей видимости, очень поспешно. К машине прилипли земля и трава. На подножке около места водителя виднелись пятна крови. За передним левым сиденьем удалось обнаружить гильзу патрона. Так как Берретт принадлежал к современному направлению в криминалистике и кое-что о возможностях судебной баллистики ему было известно, он решил подвергнуть баллистическому исследованию обнаруженную гильзу, пули, извлеченные из пострадавшего и найденные около него. Исследование поручили в первую очередь Роберту Черчиллю, а также Генри Иббитсону, Уильяму Фоксу и Генри Перри — инспекторам королевского арсенала по оружию и королевского завода ручного изготовления оружия в Инфилд-Локке.

Инспектора арсенала смогли установить лишь то, что пули, поразившие глаза Гаттериджа, производились несколько десятилетий назад. В лицо пострадавшего стреляли современными бездымными патронами. Найденные гильзы тоже удалось без труда идентифицировать. Они были от служебного револьвера "Кольт", "Уэбли" или "Смит-Вессон". О какой из систем оружия шла речь в каждом отдельном случае, сказать они не могли. И тут, именно тут Черчилль впервые выступил со своим сравнительным микроскопом. Хотя пули убийцы из-за удара о кости черепа сильно деформировались, все же они имели вполне характерный вид и их можно было сравнить с экспериментальными пулями от "Кольта", "Уэбли" и "Смит-Вессона". Сравнительный микроскоп позволил сделал заключение: все пули были выстрелены из "Уэбли".

Берретт и еще несколько десятков детективов разыскивали этот револьвер. В Хаммерсмите был обнаружен кем-то выброшенный "Уэбли". То один, то другой из инспекторов по оружию были склонны предполагать, что найденная в машине гильза принадлежит выстреленной из этого револьвера пуле. Казалось, имеются совпадения между линиями на дне гильзы и ударником затвора револьвера. Увеличенные фотографии (как часто они вводили в заблуждение!) подтвердили это предположение. Но Черчилль сделал из найденного револьвера экспериментальные выстрелы. Пули положили вместе с пулями убийцы под сравнительный микроскоп, и все убедились в их различии. "Уэбли" из Хаммерсмита не мог быть оружием этого убийства. Не только Черчилль склонился над микроскопом, но и инспектора по оружию, которым пришлось признать свою ошибку.

Снова начались поиски. Берретта преследовала мысль о пустых глазных впадинах Гаттериджа. Тот, кто это сделал, должен быть жестоким и бесчувственным человеком. В списках преступников-садистов он остановился на имени Фредерика Гай-Брауна. Браун — рецидивист, только что вышел из заключения. Время от времени он занимался сомнительной торговлей автомашинами недалеко от места происшествия. Теперь он содержал небольшую ремонтную мастерскую в Баттерси. Берретт приказал взять его под наблюдение. Но арестовать Брауна или обыскать его мастерскую не было оснований до тех пор, пока Браун в конце января 1928 года не попался на продаже краденого автомобиля. Теперь Берретт действовал. Когда он вошел в мастерскую, то увидел там еще одну машину. В ней лежали не только украденный у доктора Поуэлла медицинский чемоданчик, но и заряженный "Уэбли" с большим количеством патронов.

"Гаттеридж?" — спросил Берретт. "Не знаю его, никогда не слышал", — ответил Браун, утверждая при этом, что купил револьвер в апреле прошлого года и еще не стрелял из него.

На следующее утро Черчилль и инспектора по оружию занялись находкой. Сравнительный микроскоп Черчилля быстро помог решить вопрос. Пули убийцы полностью совпадали с экспериментальными пулями, выстреленными из револьвера, изъятого у Брауна. Но так как пули были деформированы, Черчилль предпочел не представлять их присяжным в качестве вещественного доказательства. "Когда присяжные впервые имеют дело со сравнительным микроскопом, — заявил он, — то не могут ничего возразить и не дают возможности убедить их".

В нем говорил опыт судебного эксперта. Убедительным вещественным доказательством послужило сравнение патронных гильз от "Уэбли" и из машины убийцы. Рельеф ударника на донышке гильзы полностью совпадал. То, что новое доказательство еще вызывало сомнения, подтвердил Уильям Фокс, инспектор по оружию из Инфилд-Локка. Он обследовал донышко гильз всех 1374 штук ручного оружия, находившегося в королевских мастерских в ремонте. Лишь не найдя ни одного отпечатка, похожего на представленные суду отпечатки ударника на донышке гильзы, он признал доказательства убедительными.

Еще в процессе расследования Берретт арестовал одного человека по имени Кеннеди, которого часто видели в обществе Брауна. В момент ареста Кеннеди пытался стрелять в полицейских, но его оружие дало осечку. При проверке выяснилось, что оно не имеет ничего общего с оружием убийцы. Но это уже не играло никакой роли, потому что Кеннеди неожиданно сознался, что он вместе с Брауном угнал машину доктора Поуэлла. Констебль Гаттеридж остановил их, и Браун застрелил ничего не подозревавшего полицейского из машины.

23 апреля 1928 года судья Эвори открыл суд над Брауном и Кеннеди в Олд-Бейли. Впервые старый, придерживающийся традиций суд столкнулся с современной судебной баллистикой. В заголовках всех газет упоминался сравнительный микроскоп. О нем еще долго продолжали говорить, после того как оба обвиняемых 31 мая 1928 года были приговорены к смертной казни и повешены в Пентонвилле. Правда, после этого еще оставались люди, питавшие недоверие к микроскопу. К ним относится Г.Шо, очень любивший выступать публично. В одном открытом письме он говорил о "сфабрикованных царапинах на пистолетах и патронах, которые должны были произвести впечатление на присяжных". Но действительность опровергла его высказывания. На этот раз Черчилль не ошибся, и он по праву считается человеком, проложившим путь судебной баллистике в Великобритании.

7. Последний шаг сравнительного микроскопа на пути к признанию

После Великобритании сравнительный микроскоп стал применяться и в других странах.

Следующим после Черчилля был швед Зёдерман. Вернувшись из Лиона на родину, он соорудил свой сравнительный микроскоп. За ним последовали Локар из Лиона, Мецгер из Штутгарта, Крафт из Берлина.

К 1930 году в Европе сравнительный микроскоп нашел более широкое распространение, чем в Америке, где он был изобретен, что свидетельствует о более высоком научном уровне криминалистики в Европе. Еще долгое время дискутировался вопрос, является ли баллистика частью судебной медицины или она должна стать областью технических специалистов, в то время как огнестрельные ранения по-прежнему останутся за судебной медициной. Все эти споры напоминали разногласия по вопросу о месте токсикологии в криминалистике. В конце концов победило мнение, что новая область требует такой тщательности и ответственности, что не может быть поручена людям, одновременно занятым другими исследованиями. Со временем большинство стран создали собственные баллистические отделения (обычно при полицейских криминалистических лабораториях). После окончания эпохи ученых-"всезнаек" главенствующую роль стало играть сотрудничество узких специалистов. Оно и образовало прочный фундамент для будущего прогресса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Неизгладимая печать...

История Сюрте от Видока до Масе

Encyclopédie Nationale de Police, Paris, 1955.
Scott Harold, The Concise Encyclopedia of Crime and Criminals, New York, 1961.
Buisson H., La police, son histoire, Vichy, 1949.
Du Parq G., Secrets of the French Police, London, 1934.
Le Clere Marcel, Histoire de la Police, Paris, 1947.
Stead Philip John, The Police of Paris, London, 1951.
Stead Philip John, Vidocq, London, 1953 (Deutsche Ausgabe: Stuttgart, 1944).
Canler L., Memoires, Brüssel, 1862.
Gisquet H. J., Memoires, Paris, 1840.

Об Альфонсе Бертильоне

Bertillon Suzanne, Vie d'Alphonse Bertillon, Paris, 1940.
Rhodes, Henry T. F., Alphonse Bertillon, New York, 1956.
Stockis Eugène, Alphonse Bertillon, Arch. Intern. de Méd. Légale, Liège, 1914.

Методы идентификации

Rhodes, Henry T. E., Alphonse Bertillon.
Spearman, Edmund R., Known to the Police. The Nineteenth Century, September 1894.
Ashton-Wolfe H., The forgotten Clue, London o. J.

Первые шаги фотографии в полиции

Tetzner, Heinrich, Die Photographie in der Kriminalistik, Berlin, 1949.
Julier, Maximilian, 50 Jahre Kriminaltechnik, III: Photographie. Kriminalistik, 1952, S. 28.
Robinson, Henry Morton, Science catches the Criminal, New York, 1935.
Borgerhoff, Th., Les premières Photographies judiciaires, Brüssel, 1921.
Borgenhoff, Th., Die ältesten polizeilichen Verbrecherphotographien, Archiv für Kriminologie, Bd. 68, S. 170.

Начало криминологии, научные исследования причин преступности

Scott Harold, The Concise Encyclopedia of Crime and Criminals.
Mannheim Hermann, Pioneers in Criminology, Chicago, 1960.
Mezger Edmund, Kriminalpolitik, Stuttgart, 1942.
Hankins F. H., Adolphe Quetelet as Statistician, New York, 1908.
Quételet Adolphe, Sur l'homme et le développement de ses facultes, ou essai de physique sociale, Paris, 1835.
Quételet Adolphe, Du systeme social et des lois qui le regissent, Paris, 1848.
Lombroso Gina, Cesare Lombroso, Storia della Vita e delle opere, Bologna, 1914.
Simson Gerhard, Fünf Kämpfer für Gerechtigkeit, München, 1951.

Kurella Hans, Zu Lombrosos Gedächtnis, Monatsschrift für Kriminalpsychologie, 7/1910-1911.

Появление идеи идентификации при помощи антропометрии

Bertillon Suzanne, Vie d'Alphonse Bertillon.
Rhodes, Henry T. F., Alphonse Bertillon.
Lacassagne A., Alphonse Bertillon, L'homme, le savant, la pensée philosophique.
Locard Edmund, L'oeuvre d'Alphonse Bertillon. Beides in: Archives d'Anthropologie criminelle, de Médecine légale et de Psychologie normale et pathologique, № 243, 15. März 1914.
Heindl Robert, System und Praxis der Daktyloskopie, Berlin u. Leipzig, 1927. Louis Andrieux und die erste Ablehnung von Bertillons Ideen.
Stead Philip John, The Police of Paris.

Г. Мае и А. Бертильон

Heindl Robert, System und Praxis der Daktyloskopie.
Mace G., Mon musée criminel, Paris, 1890.
Mace G., Le service de Sûreté, Paris, 1885.
Mace G., Un Joli Monde, Paris, 1887.
Rhodes, Henry T. F., In the Tracks of Crime.
Gribble Leonard R., Famous Feats of Detection and Deduction, New York, 1934.

Хершель и открытие отпечатка пальцев в Индии

Cherrill Frederick R., The Fingerprint System at Scotland Yard, London, 1954.
Cherrill Fred., Fingerprints Never Lie, New York, 1954.
Herschel W. J., The Origin of Fingerprinting, London, 1916.
Heindl Robert, System and Praxis der Daktyloskopie.
Godwin George, Criminal Men, New York, 1957.
Heindl Robert, Sir Willian James Herschel, Archiv für Kriminologie, Bd. 70, S. 139-142.

Доктор Генри Фулдс в Токио

Browne Douglas G. und Alan Brock, Fingerprints, London, 1953.
Wilton G. W., Fingerprints, London u. Edinburgh, 1938.
Wilton Sheriff, Two Pioneers of Fingerprinting: Faulds and Herschel (mit einem Nachwort von Robert Heindl), Archiv für Kriminologie, Bd. 118, S. 50-52 (deutsche Übersetzung, S. 47-49).
Rhodes Henry T. F., In the Tracks of Crime.
Heindl Robert, System und Praxis der Daktyloskopie.
Kubo, Dr. Takeshi, Zur Geschichte des Fingerabdruckverfahrens, Archiv für Kriminologie, Bd. 75, S. 56-58.

Камекас. Первый успех атропометрии в деле Дюпона. Фотография на службе полиции. Первая криминалистическая лаборатория

Stead Philip John, The Police of Paris.
Bertillon Suzanne, Vie d'Alphonse Bertillon.
Rhodes Henry T. F., Alphonse Bertillon.
Bertillon Alphonse, Identificatio n Anthropométrique, Ann. de Demographie, 1882.
Bertillon Alphonse, L'Anthropométrie Judiciaire à Paris en 1889, Paris u. Lyon, 1890.
Bertillon Alphonse, Notice sur le Fonctionnement du Servie d'Identification; Erschienen im Annuaire Statistique de la Ville de Paris, 1887.
Bertillon Alphonse, La Couleur de l'Iris, Rev. Sci., July 1885.
Bertillon Alphonse, Instructions Signaleetiques, Melun, 1893.
Bertillon Alphonse, La Photographie Judiciaire, Paris, 1890.
Reiss R. A., Le portrait parlé, Paris, 1905.

Ф. Гальтон

Browne Doublas G. und Alan Brock, Fingerprints.
Galton Francis, Fingerprints, London, 1892.
Galton Francis, Memories of my Lite, London, 1908.
Cherrill Frederick R., The Fingerprint System at Scotland Yard.
Heindl Robert, System und Praxis der Daktyloskopie.
Rhodes Henry' T. F., In the Tracks of Crime.
Roscher G., Der Altmeister der Daktyloskopie, Archiv für Kriminologie, Bd. 22, S. 326.

Скотланд-ярд, история его создания

Scott Harold, The Concise Encyclopedia of Crime and Criminals.
Hart J. M., The British Police, London, 1951.
Reith C., A new Study of Police History, Edinburgh, 1956.
Dilnot George, The Story of Scotland Yard, London, 1926.
Adam Hargrave L., The Police Encyclopedia (8 Bände), London o. J.
Armitage Gilbert, The History of the Bow Street Runners 1729-1829, London o. J.
Fitzgerald Percy, Chronicles of Bow Street Police Office, London, 1888.
Leslie-Melville R., The Life and Work of Sir John Fielding, London o. J.
Quennell Peter, London's Underworld, London o. J.
Moylan J. F., Scotland Yard and the Metropolitan Police, London, 1929.
Gollomb Joseph, Scotland Yard, London o. J.
Woodhall Edwin T., Secrets of Scotland Yard, London, 1936.

Создание отдела детективов. Уичер

Bridges Yseult, The Tragedy at Road Hill House, New York, 1955.
Stapleton J. W., The Great Crime of 1860, London, 1861.
Jesse F. T., Murder and its Motives, London, 1924.
Rhode J., The Case of Constance Kent, London, 1928.
Gribble Leonard, Famous Manhunts, London, 1953.
Birmingham George A., Murder Most Foul, London, 1929.
Matters Leonard, The Mystery of Jack the Ripper, London, 1928.
Griffith A., Mysteries of Police and Crime, London, 1898.
Kingston Charles, A Gallery of Rogues, London, 1924.

Состояние идентификации преступников в Лондоне. Бертильонаж, или дактилоскопия. Комиссия Труна

Dilnot George, Scotland Yard.
Spearman Edmund R., Known to the Police.
Galton Francis, Memories of my Life.
Heindl Robert, System und Praxis der Daktyloskopie.
Browne Douglas G. und Alan Brock, Fingerprints.
Adam H. L., CID. Behind the Scenes at Scotland Yard, London, 1931.
Stead Philip John, The Police of Paris.
Lépine L., Mes Souvenirs, Paris, 1929.
Belin J., My Work at the Sûreté, London, 1950.
Macnaghten Melville, Days of my Years, London, 1914.

Победное шествие антропометрии по Европе

Heindl Robert, System und Praxis der Daktyloskopie.
Feigell, Die Entwicklung des Königlichen Polizeipräsidiums zu Berlin in der Zeit von 1809-1909.
Lindenberg Paul, Berliner Polizei und Verbrechertum, Leipzig, 1892.
Paul G., Berliner Kriminalstudien. 5 Bd. Berlin, 1886-1887.
Waters C., Erinnerungen eines Criminal-Polizisten, Leipzig, 1857. Die Polizei in Preußen, ihre Befugnisse und deren Grenzen, Breslau, 1898. Unser Polizeiwesen, Stuttgart, 1905.

Hitzig J. E., Häring (Willibald Alexis), A. Vollert, Der Neue Pitaval, 60 Bd., Leipzig, 1842 ff.
Auerbach Leopold, Denkwürdigkeiten des Geheimen Regierungsrates Dr. Stieber, Berlin, 1884.
Salman Ef., Aphorismen über polizeiliche Verbesserungen in München, München, 1848.
Heckel F. E., Sachsens Polizei, Dresden/Leipzig, 1840.
Ullrich Wolfgang, Verbrechensbekämpfung, Neuwied, 1961.
Arnau Frank, Das Auge des Gesetzes, Düsseldorf, 1962.

Ганс Гросс

Mannheim Hermann, Pioneers in Criminology.
Seelig Ernst, Hanns Gross, Zeitschrift des historischen Vereins für Steiermark, Jahrg. 36, S. 1.
Grassberger Roland, Hanns Gross, Fondateur de la Criminalistique, Revue Internationale de Criminologie et de Police Technique, Bd. VII, S. 194.
Lenz Adolf, Hanns Gross, Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft, Bd. 37, S. 595.
Gross Hanns, Handbuch für Untersuchungsrichter, München, 1893 (In zahlreichen Auflagen bis zur Gegenwart erschienen, zuletzt unter dem Titel Gross-Seelig: Handbuch der Kriminalistik, 2 Bd., Berlin, 1954).

Жуан Вучетич

Scott Harold, The Concise Encyclopedia of Crime and Criminals.
Browne Douglas G. und Alan Brock, Fingerprints Juan Vucetich, Kriminalistik, 1955, S. 34-35.
Da Silva, Rodolfo Xavier, Juan Vucetich, Revista de Criminologia, Paiquiatria y Medicina Legal, Buenos Aires, Jahrg. XIII, N 77.
Almandos Luis, Dactiloscopia Argentina, La Plata, 1906.
Almandos Luis, Documentacion del Museo Vucetich, La Plata, 1928.
Vucetich Juan, Dactiloscopia Comparada. El nuevo Sistema Argentino, La Plata, 1904.

Генри и созданная им система дактилоскопии

Browne Douglas G. und Alan Brock, Fingerprints.
Heindl Robert, System und Praxis der Daktyloskopie.
Heindl Robert, Sir Edward Henry, Archiv für Kriminologie, Bd. 88, S. 231-232.
Henry Edward, Classification and Uses of Fingerprints, London, 1900.

Дактилоскопия в Англии

Cherrill Frederick R., The Fingerprint-System at Scotland Yard.
Cherrill Fred., Fingerprints never lie.
Adam H. L., Behind the Scenes at Scotland Yard.
Macnaghten Melville, Days of my Years.
Felstead Sidney Theodore, Sir Richard Muir, A Memoir of a Public Prosecutor, London, 1927.

Скандальное дело Адольфа Бека

Watson Eric R., Adolf Beck, Notable British Trials Series, London/Edinburgh, 1924.
Hyde H. Montgomery, Cases that changed the Law, London, 1951.
Macnaghten Melville, Days of my Years.
Dilnot George, Great Detectives and their Methods, Boston/New York, 1928.
Kingston Charles, Famous Judges and Famous Trials, London o. J.
Kingston Charles, Dramatic Days at the Old Bailey, London o. J.
Anderson Robert, Criminals & Crime, London, 1907.
Lang Gordon, Mr. Justice Avory, London, 1935.

Убийство в Дептфорде. Впервые отпечаток пальцев в качестве доказательства вины в процессе об убийстве

Browne Douglas G. und Alan Brock, Fingerprints.
Felstead Sidney Theodore, Sir Richard Muir.
Cherrill Fred., Fingerprints never lie.
Rhodes Henry T. F., In the Tracks of Crime.
Faulds Henry, The Hidden Hand, Handley, 1917.
Adam H. L, CID. Behind the Scenes at Scotland Yard.

Поражение бертильонажа. Исчезновение портрета Моны Лизы из Лувра

Reiner Silcain, Le Roman vrai des 80 ans dont nous avons berite (Le vol de la "Jaconde"), Paris-Presse/L'Intransigeant, 14.12.56 ff.
Heindl Robert, Mona Lisa und die Daktyloskopie, Die Woche, Berlin, 17.1.1914.

Джордж Уэллинг и полиция Нью-Йорка

Walling George W., Recollections of a New York Chief of Police, New York, 1887.

Пинкертоны

Horan James D., The Pinkerton Story, New York, 1951.
Rowan Richard Wilmer, The Pinkertons, A Detective Dynasty, Boston, 1931.
Horan James D., Desperate Men, New York, 1949.
Block E. B., Great Train Robberies of the West, New York, 1955.
Shirley G., Law West of Fort Smith, New York, 1957.
Cook D. J., Hands up! A condensed Criminal History of the Ear West, Norman, Okla, 1958.
Pinkerton Allan, The Spy of the Rebellion, Hartford, Conn., 1883.
Pinkerton Allan, Professional Thieves and the Detectives, New York, 1880.
Pinkerton Allan, The Somnambulist and Detectives, New York, 1875.
Pinkerton Allan, Criminal Reminiscences and Detective Sketches, New York, 1878.
Pinkerton Allan, Strikers, Communists, Tramps and Detectives, New York, 1878.

Нью-йоркская полиция

Walling George W., Recollections of a New York Chief of Police.
Carey Arthur A., Memoirs of a Murder Man, New York, 1930.
Dictionary of American Biography, New York, 1928.
Costello Augustine E., Our Police Protectors. History of the New York Police, New York, 1885.
Werner W. R., It happened in New York, New York, 1957.
Werner W. R., Tammany Hall, New York, 1928.
Asbury Herbert, The Gangs of New York, New York, 1927.
Root Jonathan, The Life and Bad Times of Charles Becker, London, 1961.
Rovere Richard H., Howe & Hummel. Their True and Scandalous History, New York, 1947.

И.Фаурот. Отпечаток пальца в Нью-Йорке

Miles Willian E., Historic Fingerprints, The New York Times Magazine, 22. April 1956.
Police Lesson from India, Evening Post, 2. Mai 1906.
Stout Wesley W., Fingerprinting Bullets, The Saturday Evening Post, 20. Juni 1925.

Гангстеризм в Америке (1920-1930 гг.). Попытки преступников избавиться от неизгладимой печати отпечатков пальцев

Asbury Herbert, The Great Illusion, New York, 1950.
Bloch Herbert A., Crime in America, New York, 1961.
Lyle John H., The Dry and Lawless Years, Englewood Cliffs, NY, 1960.

Peterson Virgil W., Barbarians in our Midst, Boston, 1952.
Kefauver Estes, Crime in America, New York, 1951.
Cooper Courtney Ryley, Ten Thousand Public Enemies, New York, 1935.
Collins Frederick L, The FBI in Peace and War, New York, 1943.
Look, The Ditors of, The Story of the FBI. New York, 1947.
Browne Douglas G. und Alan Brock, Fingerprints.
Towland John, The Dilinger Days, New York, 1963.
Cromie Robert and Joseph Pinkston, Dillinger, New York, 1962.
New York Times, Berichte vom 27. Juli 1934, 28 Juli 1934, 29. Juli 1934, 2. Sept. 1934, 3. Sept. 1934.

Убийство в Блэкбурне. Обнаружение преступника благодаря дактилоскопированию всего населения города

Godwin George, The Trial of Peter Criffith, London/Edinburgh, 1950.
Jacobs T. C. H., Cavalcade of Murder, London, 1955.
Shew E. Spencer, A Second Companion to Murder, New York, 1962.
Browne Douglas G. and Alan Brock, Fingerprints.

Дальнейшее развитие дактилоскопии

Kr., Dr., Elektronen im Dienste der schnellen Identifizierung von Einzelfingerabdrücken. Kriminalistik, 1957, S. 70.
Angst E., Absichtlich und zufällig verursachte Vernarbungen von Papillarlinien, Kriminalistik, 1958, S. 367.
Takeuchi T., H. Ohata, M. Sakaguchi, Y. Nakamoto, Sichtbarmachung von latenten Fingerabdruckspuren durch Autoradiographie, Kriminalistik, 1960, S. 62.
Angst E., Untersuchungen zur Bestimmung des Alters von daktyloskopischen, Spuren auf Papier.
Quecknare A., Das Ninhydrin-Verfahren zur Sichtbarmachung von Fingerabdrücken, Archiv für Kriminologie, Bd. 115, S. 84.
Corr J., Das Flammenverfahren zur Sicherung latenter Fingerspuren (nebst Erwiderung von Robert Heindl), Archiv für Kriminologie, Bd. 119, S. 1.
Cooke T. G., Praktische Winke für die Anwendung der Jodine-Silber-Transfer-Methode (nebst Erwiderung von Robert Heindl), Archiv für Kriminologie, Bd. 119, S. 27.
Cooke T. G., Eine neue Methode zur Sichtbarmachung latenter Fingerabdruckspuren mit Hilfe radioaktiver Isotope, Archiv für Kriminologie, Bd. 122, S. 195.

II. О чем рассказывают мертвые...

Дело Гуфе

Delarue Jacques, Le Roman vrai des 80 ans dont nous avons berite. L'enigme de la malle a Gouffe, L'Intransigeant, 14, 3. 1957 ff.
Bataille, Causes criminelles et mondaines, Paris, 1890.
Irving H. B., A Book of Remarkable Criminals, New York, 1918.
Gribble Leonard R., Famous Feats of Detection and Deduction, New York, 1934.
Delarue Jacques, Le Roman vrai des 80 ans dont nous avons berite.
Morley Christoffer, The Red and White Girale. Fifth Avenue Bus. New York, 1928.
Locard E., La malle sanglante de Millery. Paris, 1934.

Развитие истории судебной медицины до 1889 г.

Diepgen Paul, Geschichte der Medizin, Bd. II, 1. u. 2. Halfte, Berlin, 1955, 1959.
Oesterlein Otto, Über die früheste Entwicklung der gerichtlichen Medizin, в: Schmidt's Jahrbuch 1877, Bd. 176, S. 166.

Janovsky Victor, Die geschichtliche Entwicklung der gerichtlichen Medizin, в: Maschka's Handbuch der gerichtlichen Medizin, Bd. 1, Tübingen, 1881.
Kopp J. H., Skizze einer Geschichte der gerichtlichen Arzneykunde, в: Kopps в: Jahrbuch der Staatsarzneikunde, 1838.
Placzek S., Geschichte der gerichtlichen Medizin, ß: Neuburger-Pagels: Handbuch der Geschichte der Medizin, Bd. 3, Jena, 1905.
Smith Sydney, The History and Development of Forensic Medicine, British Medical Journal, London, März 1951.
Schwarzacher Walther, Aufgaben und Arbeitsweise der gerichtlichen Medizin (Historischer Teil) Wiener Klinische Wochenschrift, 41. Jg., N 30, Juli 1928.
Vorkastner W., Über Werden und Wesen der gerichtlichen Medizin, Klinische Wochenschrift, № 748, 1931.

Естествознание и его влияние на развитие судебной медицины

Placzek S., Geschichte der gerichtlichen Medizin.
Smith Sydney, The History and Development of Forensic Medicine.
Procop O., Lehrbuch der gerichtlichen Medizin (Historische Einleitung), Berlin, 1960.
Liman Carl, Nachruf auf Johann Ludwig Casper, Vierteljahresschrift für gerichtliche und öffentliche Medizin, Bd. 25, Berlin, 1864.
Casper Johann Ludwig, Praktisches Handbuch der gerichtlichen Medizin nach eigenen Erfahrungen, Berlin, 1856-1858.
Haberda A., Geschichte der Wiener Lehrkanzel für gerichtliche Medizin, Beiträge zur gerichtlichen Medizin, Bd. 1, Wien, 1911.
Bernt Josef, Beiträge zur gerichtlichen Arzneikunde, Bd. 1-6, Wien, 1818-1823.
Ortolan, Debuts de la médecine légale en Europa, Annales d'hygiene T. 38. Paris, 1872.
Duvoir, Maurice, Orfila. — In: Die berühmten Ärzte, Genf, 1947.
Devergie A., Médecine légale, Paris, 1840.
Briand et Chaudé, Manuel complet de médecine légale, Paris, 1880.
Lutaud A., Manuel de médecine légale et de jurisprudence médicale, Paris, 1892.

А.Лакассань

Rhodes Henry T. F., Alphonse Betillon, New York, 1956.
Griffith Arthur, Mysteries of Police and Crime, Bd. I, II, London, 1898.
Locard E., La malle sanglante de Millery.
Lacassagne A., L'affaire Gouffe, Lyon/Paris, 1891.
Mueller Berthold, Exhumation von Leichen, в: v. Neureiter, Pietrusky, Schütt: Handwörterbuch der gerichtlichen Medizin und Kriminalistik, Berlin, 1940.
Rollet Etienne, De la mensuration des os longs des membres dans ses rapports avec l'anthropologie, la clinique et la médecine judiciaire, Lyon, 1889.
Polson Cyril John, The Essentials of Forensic Medicine, Oxford, 1962.
Lockte Th., Die Identifikationsmethoden, в: Gerichtsärztliche und Polizeiärztliche Technik, Wiesbaden, 1914.
Stewart T. D., Evaluation of Evidence from the Skeleton, в: R. B. H. Gradwohl, Legal Medicine, St. Louis, 1954.
Boyd J. D. u. J. C. Trevor, Race, Age and Stature from Skeletal Material, в: Keith Simpson, Modern Trends in Forensic Medicine, London, 1953.
Krogman Milton Marion, The Human Skeleton in Forensic Medicine, Springfield, 1962.
Mueller Berthold, Gerichtliche Medizin (Untersuchung von Haaren), Berlin, 1953.

Э.Гофмани и судебная медицина в Австрии

Haberda Albin, Geschichte der Wiener Lehrkanzel für gerichtliche Medizin, Beiträge zur gerichtlichen Medizin, Bd. 1, 1911.
Haberda Albin, Nachruf für Eduard v. Hofmann, Wiener Klinische Wochenschrift, 1897.
Hofmann Eduard, Lehrbuch der gerichtlichen Medizin, Wien/Leipzig, 1878.
Reuter Fritz, Geschichte der Wiener Lehrkanzel für gerichtliche Medizin von 1804-1954, Beiträge zur Gerichtlichen Medizin, Bd. 19 (Sullement), 1954.

Reuter Fritz, Alte und neue Wege in der gerichtlichen Medizin, Deutsche Zeit-schrift für die gesamte gerichtliche Medizin, Bd. II, 1928.
Reuter Fritz, Ed. v. Hofmanns Erbe, Nova Acta Leopoldina, Bd. 9, 1940.
Hofmann E., Die gerichtsärztliche Aufgabe bei der Sicherstellung der Identität von Leichen, Wiener Medizinische Wochenschrift, N 3 bis N 12, 1882.
Reuter Fritz, Albin Haberdas Wirken am Institut für gerichtliche Medizin in Wien, Deutsche Zeitschrift für die gesamte gerichtliche Medizin, Bd. 1, 1922.
Reuter Fritz, Alexander Kolisko, Verhandlungen der deutschen pathologischen Gesellschaft, Breslau, September 1936.
Schwarzacher W., Alte Probleme und neue Wege in der gerichtlich en Medizin, Wiener Klinische Wochenschrift, 1958.

П.Уленгут

Uhlenhuth Paul, Eine Methode zur Unterscheidung der verschiedenen Blutarten, im besonderen zum differentialdiagnostischen Nachweis des Menschenblutes, Deutsche Medizinische Wochenschrift, № 6, 7. Februar 1901.
Albert, Unterscheidung von Blutflecken und rothen Färbeflecken in Kleidungsstücken, Henkes Zeitschrift für Staatsarzneikunde, Jahrg. 35, 1855.
Däubler C., Über die Untersuchung menschlichen und thierischen Blutes durch Messung von Größenunterschieden rother Blutkörperchen, Vierteljahresschrift für Gerichtliche Medizin, Heft 4, 1899.
Kratter Julius, Lehrbuch der Gerichtlichen Medizin (Die forensischen Untersuchungen: Blut), Stuttgart, 1912.
Magnanini Roberto, Sulle macchie di sangue e sulla possibilita di differenziareil sangue imano da quelle degli animali domestici, в: Estratto dal Bulletion della Societa Lancisiana degli ospidali di Roma, Fascicolo II, Rom 1898.
Ritter Bernhard, Zur Geschichte der gerichtsärztlichen Ausmittelung der Blutflecken, Henkes Zeitschrift für Staarsarzneikunde, Bd. 30, 1860.
Wedekind Erh. v., Wie ist in gerichtlichen Fällen das Menschenblut vom Thierblute zu unterscheiden?, Henkes Zeitschrift für Staarsarzneykunde, Bd. 13, 1830 (Ergänzungsband).
Ziemke Ernst, Die Untersuchung von Blutspuren. In: Gerichtsärztliche und Polizeiärztliche Technik, Neuere Arbeiten zur gerichtsäztlichenBlutuntersuchung (Sammelbericht). Ärztliche Sachverständigen-Zeitung, Jg. 1900, № 15.
Uhlenhuth Paul, Biographischer Abriss in: Kürschners Deutscher Gelehrtenkalender 1954.
Uhlenhuth Paul, Über die Entwicklung des biologischen Eiweissdifferenzierungsverfahrens im Dienste der gerichtlichen Medizin unter besonderer Berücksichtigung eigener Forschungsergebnisse (Persönliche Erinnerungen), Zeitschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 39, 1948.
Möller, Berhard, Robert Koch., Hannover, 1950.
Uhlenhuth Paul, Das biologische Verfahren zur Erkennung und Unterscheidung von Menschen- und Tierblut, Jena, 1905.

Проблема возможных ошибок при определении следов крови

Kratter Julius, Über den forensischen Werth der biologischen Methode zur Unterscheidung von Tier- und Menschenblut, Archiv für Kriminologie, Bd. 10, 1902.
Fritz Erich, Eine Irrtumsmöglichk eit bei der Uhlenhuthschen Präzipitinprobe, Archiv für Kriminologie, Bd. 106, 1940.
Uhlenhuth Paul, Über die Entwicklung des biologischen Eiweissdifferenzierungsverfahrens im Dienste der gerichtlichen Medizin.

Судебная медицина в Германии от Штрасманна до Кокеля

Ungar E., Die Bedeutung der gerichtlichen Medizin und deren Stellung auf deutschen Hochschulen, Vierteljahresschrift für gerichtliche Medizin, 50/48, 1889.
Müller-Hess V., Geleitwort zum 80. Geburtstag E. Ungars, Deutsche Zeitschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 14, 1929.
Strassmann F., Ungar zum Gruss, Deutsche Zeitschrift für gerichtliche Medizin,

Bd. 14, 1929. Nachruf auf Karl Liman, Vierteljahresschrift für gerichtliche Medizin, Jg. 1892.
Liman Carl, Das neue Leichenschauhaus in Berlin, Vierteljahresschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 44, 1886.
Müller-Hess V., Fritz Strassmann zum hundertsten Geburtstag, Deutsche Zeitschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 48, 1959.
Mueller Berthold, Nachruf für Martin Nippe, Deutsche Zeitschrift für die gesamte gerichtliche Medizin, Bd. 33, 1940.
Strassmann F., Georg Puppe, Deutsche Zeitschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 6, 1925.
Fischer Herwart, Adolf Lesser, Deutsche Zeitschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 8, 1926.
Timm Friedrich, Ernst Giese, Deutsche Zeitschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 46, 1957.
Schütt, Professor Dr. Karl Berg, Deutsche Zeitschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 27, 1936.

Туано, Бруардель и судебно-медицинское исследование смерти от удушения и повешения

Brouardel Paul Camille Hippolyte, Cours de médecine légale. 11 Folgen, Paris, 1895-1902.
Thoinot Leon-Henry, Cours de l'hygiene, Paris, 1889.
Tardieu Ambroise, La Pendaison, la strangulation et la suffocation, Paris, 1878.
Brouardel P., La Pendaison, la strangulation, la suffocation, la submersion, Paris, 1897.
Simonin G., Médicine légale judiciaire, Paris, 1947.
Martin E., Precis de médecine légale, Paris, 1950.
Ziemke Ernst, Tod durch Erstickung, в: Schmidtmann, Handbuch der gerichtlichen Medizin, Berlin, 1907.

Дело Жанны Вебер

Graeme Bruce, Passion, Murder and Mystery, New York, 1928.
O'Donnell Bernard, The World's Worst Women, London, 1953 (deutschsprachige Ausgabe unter dem Titel: Mußten sie morden?, Rüschlikon, 1956).
Wilson Colin u. Patricia Pitman, Encyclopedia of Murder, New York, 1962.
Brouardel P. u. L. Thoinot, L'Affaire Jeanne Weber. Inculpation des Meurtres, Annales d'Hygiene Publique et de Médecine Légale, Paris, Januar, 1906.
Jacobs T. C. H., Cavalcade of Murder, London, 1955.
Mereaux Désiré, Histoire d'un duel entre deux mentalités. A propos d'un procés récent, Société de Médecine Légale, Jg. 21, Nr. 149.

Судебно-медицинское исследование смерти от удушения в первой половине XX столетия

Martin E., Précis de médecine légale, Paris, 1950.
Mueller Berthold, Gerichtliche Medizin (Erstickung), Heidelberg, 1953.
Ponsold Albert, Lehrbuch der gerichtliche n Medizin (Ersticken im allgemeinen Erstickungsarten), Stuttgart, 1957.
Taylors Principle and Practice of Medical Jurisprudence, Vol. I (Death from Asphyxia, Suboxia, Anoxia), London, 1956.
Keith, MacRae, Bowden, Forensic Medicine, Brisbane, 1962.
Palmieri Vincenzo Mario, Medicina Forense, Neapel, 1957.

Дело Криппена. Пеппер и Спилсбери. Судебная медицина в Англии

Felstead Sidney Theodore, Sir Richard Muir, London, 1927.
Young Filson, Dr. Crippen, в: Famous Trials, Penguin Books, London, 1954.
Marjoribanks Edward, The Life of Sir Edward Marshall Hall, London, 1929.
Dewes Simon, Dorcotrs of Murder, London, 1962.
Havard J. D. J., The Detection of Secret Homicide, London, 1960.
Kerr Douglas J. A., Forensic Medicine (historisches Schlußwort), London, 1954.

Hunnisett R. F., The Origins of the Office of Coroner, Translations of the Royal Historical Society (5th Series), 8/85, 1958.
Gardner J. C., Inquiry into Sudden Death in England and Scotland. Juridical Review, 58/209, 1946.

Дело Смита. Естественная смерть или утопление в ванне?

Bolitho William, Murder for Profit, London, 1926.
Douthwaite L. C., Mass-Murder, London, 1928.
Moiseiwitsch Maurice, Five Famous Trials, Greenwich, 1962.
Engelhardt Leopold, Der Heiratsschwindler, Mörder und Versicherungsbetrüger G.J. Smith, Archiv für Kriminologie, Bd. 96. Schmidtmanns Handbuch der gerichtlichen Medizin (Der Tod durch Ertrinken), Berlin, 1907.
Revensdorf, Über den Tod durch Ertrinken und konkurrierende Todesursachen, Münchner Medizinische Wochenschrift, N 2, 1906.
Fagerlunce, Über das Eindringen von Ertränkungsflüssigkeit in die Gedärme, Vierteljahresschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 52, 1890.
Wachholz Leo und Stefan Horosakiewicz, Experimentelle Studien zur Lehre vom Ertrinkunstod, Vierteljahresschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 28, 1904.
Carrara Mario, Untersuchungen über den osmotischen Druck und die spezifische elektrische Leitfähigkeit des Blutes bei der gerichtsärztlichen Diagnose des Ertrinkungstodes und bei der Fäulnis, Virteljahresschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 24, 1902.
Barker Dudley, Lord Darling's Famour Cases, London, 1936.
Humphreys Sir Travers, A Book of Trials, London, 1953.

Судебная медицина о смерти в воде

Böhmer, Tod durch Ertrinken, в: v. Neureiter, Pietrusky, Schütt, Handwörterbuch der gerichtlichen Medizin und Kriminalistik.
Taylors Principles and Practice of Medical Jurisprudence. Ed. Sidney Smith and Keith Simpson, London, 1956.
Carrara Mario, Medicina Legale, Turin, 1937.
Derobert L. und G. Hausser, La pratique medicolegale, Paris, 1937.
Prokop O., Lehrbuch der gerichtlichen Medizin (Ertrinken und Tod im Wasser).
Ponsold Albert, Lehrbuch der gerichtlichen Medizin (Ertrinken).
Mueller Berthold, Gerichtliche Medizin (Ertrinken).
Thomas F., Van Hecke, J. Timperman, The Detection of Diatoms in the Bone Marrow as Evidence of Dedth by Drowning, Journal of Forensic Medicine, Bd. 8, № 3, Juli — Sept, 1961.
Gonzales, Thomas A. und Charles J. Umberger, Legal Medicine, New York, 1954.
Gettler, Alexander O., A Method for the Determination of Death by Drowning, Journal of the American Medical Association, 77/1650, 1921.

Наивность первых полицейских расследований в Америке тридцатых годов. Дело Холла – Миллз

Sann Paul, The Lawless Decade, New York, 1957.
Churchill Allan, A Pictorial History of American Crime, New York, 1964.
Allen Frederick Lewis, Only Yesterday, New York, 1959.
Beckhofer und Roberts, Famous American Trials, London, 1947.
Hall Mills Murder Case, Life, New York, 2. Januar 1950.
Kunstler William M., The Minister and the Choir-Singer, New York, 1964.
Busch Frances X., They escaped the Hangman, New York, 1953.
Pearson Edmund, Instigation of the Devil, New York, 1930.
Havard J. P. J., The Detection of Secret Homicide, London, 1960.
Marten M. Edward, The Doctor looks at Murder, New York, 1937.

Институт медицинских инспекторов вместо системы коронеров в США

Lande Kurt E., Forensic Medicine in Europe — Legal Medicine in America, New England Journal of Medicine, Vol. 215, № 18, 29. Oct. 1936.

Schultz Oscar T., Possibilities and Need for Development of Legal Medicine in the United States. National Research Council Bulletin, N 87, Oct. 1932.
Vance B. M., Fundamental Characteristics of the Different Medico-legal Systems in the United States, New York State Medical Journal, 1944.
Magrath George Burgess, Medical Science in the Service of the State, Annals of the American Academy of Political and Social Science, Nov. 1929.

Георг Маргрет

May Luke S., Crime's Nemesis, New York, 1936.

Борьба за создание системы медицинских инспекторов в Нью-Йорке. Чарлз Норрис

Marten M. Edward, The Doctor looks at Murder.
Radin Edward D., 12 against Crime, New York, 1961.
Jirka Frank J., American Doctors of Destiny, Chicago, 1940.
Willemse Cornelius W., Behind the Green Lights, New York, 1931.
Schwarz Benjamin (as told to Fred McCormick), The Man, Who Made Dead Men Tell Tales, Sunday Mirror, Magazine Section, 20. October — 8. Dezember 1935.
Sparling Earl, The Strange Case of Bessie Troy, in which Dr. Charles Norris visits a Graveyard at Midnight. (Sechs Berichte über besonders interessante Fälle aus der Tätigkeit Charles Norris' als Chief Medical Examiner von New York), New York World Telegram, 17. Oktober — 22. Oktober 1932.
Norris Charles, The Medical Examiner Versus the Coroner, National Municipal Review, Vol. IX, N 8, August 1920.
Norris Charles, The Office of Chief Medical Examiner. Its Relation to the Public, the District Attorneys Office and the Medical Profession, New York State Journal of Medicine, Mai 1919.
Alexander O. Gettler.
Bendiner R., The Man who Reads Corpses, Harper's Magazine, Februar 1955.
Biskop Jim, Test Tube Detective?, Colliers Magazine, 6. Oktober 1945.
Pawley E., Cause of Death: Ask Gettler, American Mercury, Sept. 1924.

Борьба за создание системы судебной медицины в США после Норриса

Flynn John L, The Office of Coroners or The Medical Examiner System, Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science, Bd. 46, Chicago, 1955.
Snider, Is the Coroner-System behind the Time?, Chicago Daily News, 9. August 1954.
Gradwohl R. B. H., The Office of Coroner — its Past, its Present and the Advisability of its Abolishment in the Commonwealth of Missouri, The Laboratory Digest, № 1/1950.
Turkel Henry W., Merits of the Present Coroner-System, Journal of American Medical Association, 21. November 1953.
Regan L J., Forensic Medicine as a Speciality, Annals Western Medicine and Surgery, September 1950.
Snyder Le Moine, Homicide Investigation, Springfield, 1950.
Cares Reuben M., The Medico-legal Autopsy in Suburbia, Journal of Forensic Science, Bd. 6, N 2, April 1961.
Gerber S. R., Significance of Membership in American Academy of Forensic Sciences, Journal of the Forensic Science, Bd. 7, N 3, 1962.
Simpson Keith, Some Impressions of American Legal Medicine on a Visit in 1952, Medico-Legal Journal, 1953.
Obersteg Jürg im, Die gerichtliche Medizin in den USA, Beiträge zur gerichtlichen Medizin, Bd. 18, 1949.
Wolkart Norbert, Was versteht man unter Gerichtsmedizin in den USA?, Kriminalistik, 1954.

Дело Дональда Мерретта. Смит, Литтлджон и Спилсбери как эксперты

Roughead William, Enjoiment of Murder, New York, 1938.
Jacobs T. C. H., Cavalcade of Murder.

Shew E. Spencer, A Companion to Murder, New York, 1961.
Roughead William, Trial of John Donald Merrett, Notable British Trial Series, London, 1929.
Littlejohn Harvey, Forensic Medicine, London, 1925.
Littlejohn Harvey, в: The British Medical Journal, 27. April 1927.

Сидней Смит

Smith Sydney, Mostly Murder, New York, 1959 (deutsche Ausgabe: Meistens Mord, Stuttgart, 1961).
Lustgarten Edgar, The Murder and the Trial, New York, 1958.
Gribble Leonard, Famous Judges and Their Trials, London, 1957.
Tullett Tom, Portrait of a Bad Man, London, 1956.
Teare Donald R., The Chesney Case, Medico-legal Journal, 1955, Pt. II.
Smith Sydney, Mostly Murder.
Smith Sydney, Forensic Medicine — A Textbook for Students and Practitioners (zahlreiche Ausgaben von 1925-1955, zuletzt mit Frederick Smith Fiddes).
Higgins Robert, In the Mane of the Law, London, 1958.
Humphreys Travers, Criminal Days, London, 1946.

Судебная медицина и раны от огнестрельного оружия

Puppe Georg, Die Schußverletzungen, в: Gerichtsärztliche und Polizeiärztliche Technik.
Taylor's Principles and Practice of Medical Jurisprudence. Bd. I, 7. Aufl. 1920; 8. Aufl. (Editor Sydney Smith), 1928.
Glaister John, Medical Jurisprudence and Toxicology, 4. Aufl., Edinburgh, 1925.
Aitchison Robertson W. G., Manual of Medical Jurisprudence and Toxicology, London, 1925.
Mueller Berthold, Macht die Einführung der Sinoxidmunition eine Änderung unserer Methoden zur Entfernungsbestimmung von Schüssen notwendig?, Deutsche Zeitschrift für gerichtliche Medizin, 28/197/1937.
Mueller Berthold, Schußverletzungen, в: v. Neureiter, Pietrusky, Schütt, Handwörterbuch der gerichtlichen Medizin und Kriminalistik.
Mueller Berthold, Gerichtliche Medizin (Schußverletzungen).
Piédelievré R. u. H. Desoille, Blessures par coups de feu, Paris, 1939.
Rojas Nerio, Medicina Legal, Buenos Aires, 1936.
Smith Sydney, Forensic Medicine, London, 1955.
Sannié Charles, La recherche scientifique du criminel, Paris, 1954.
Bowden Keith Marc Rae, Forensic Medicine, Brisbane, 1962.
Schöntag A. u. Robert Heindl, Entwicklung der Methoden zur Bestimmung der Schußentfernung, Archiv für Kriminologie, Bd. 118.
Elbel Herbert, Bleinachweis im Schußfeld bei Verwendung der Sinoxidmunition, в: Bericht über den I. Internationalen Kongreß für gerichtliche und soziale Medizin, Bonn, 1938.
Guarischi G., Der Nachweis des Quecksilbers bei Schußverletzungen, Deutsche Zeitschrift für die gesamte gerichtliche Medizin, 23/89/1934.
Walker J. T., Bullet Holes and Chemical Residues in Shotting Cases, Journal of Criminal Law and Criminology, 31/497/1940.
Schöntag A., Neue Methode: Bestimmung der Schußentfernung durchspektrographische Spurenanalyse der "Schmauchelemente" Antimon, Blei ode rBarium, Archiv für Kriminologie, Berlin, 120/48/1957.

Рихард Кокель и его сотрудничество с криминальной полицией. Геннат, Штраух, Вейманн

Kockel Richard, Das erweiterte Institut für gerichtliche Medizin der Universität Leipzig.
Kockel Richard, Überraschende Sektionsergebnisse.
Kockel Richard, Identifizierung von Werkzeugabdrücken, Archiv für Kriminologie, 3/9 Heft, Oktober 1928.

Kockel Richard, Alte und neue Wege in der gerichtlichen Medizin, Deutsche Zeischrift für die gesamte gerichtliche Medizin, Bd. 11, 1928.
Vorkastner W., Ein Nachwort zu Albin Haberdas Vorwort, Deitsche Zeitschrift für die gesamte gerichtliche Medizin, Bd. 27.
Meixner Karl, Umfang und Aufgaben der gerichtlichen Medizin, Wiener Klinische Wochenschrift, Jg. 41, 12. Janur 1928.
Gennat Ernst, Mord, в: Elster/Lingemann, Handwörterbuch der Kriminologie, Berlin, 1936.
Gennat Ernst, Bearbeitung von Mord-(Todesermittlungs-) Sachen, Kriminalistische Monatshefte, Januar 1936 und folgende Hefte.
Elwensspoek Curt, Mord und Totschlag, Stuttgart, 1931.
Kiaulehn Walter, Berlin — Schicksale einer Weltstadt, München, 1958.
Das Spiel ist aus — Glanz und Elend der deutschen Kriminalpolizei, Der Spiegel, Hamburg, Sept. 1949 bis April 1950.
Waldemar Weimann, Biographisches, в: Kriminalistik, Jg. 1952 (über Weimanns zahlreiche wissenschaftliche Veröffentlichungen siehe u. a. Prokop, Lehrbuch der gerichtlichen Medizin).
Weimann W. u. O. Prokop, Atlas der gerichtlichen Medizin, Berlin, 1963.

Дело Тецнера

Liebermann v. Sonnenberg, E. u. O. Trettin, Kriminalfälle, Berlin, 1934.
Wilson, Colin u. Patricia Pitman, Encyclopedia of Murder.
Kockel R., Eine neue Methode des Versicherungsbetrugs: Der Fall Tetzner, Deutsche Zeitschrift für die gesamte gerichtliche Medizin, Jg. 1933, Bd. 21.
Frauendorfer Otto, Zur Kasuistik der Fettembolie, Beiträge zur gerichtlichen Medizin, Bd. VI, 1924.
Weimann Waldemar, Diagnose: Mord, "Quick", München, № 2-46, 1963.

Проблема смерти от пожара

Glaister John, Medical Jurisprudence and Toxicology, Edinburgh, 1931. Der neue Pitaval, 17. Teil, Neue Folge, 5. Teil, Leipzig, 1851.
Zeiss Alexander, Die Katastrophe im Ringtheater, Wien, 1882.
Zillner Eduard, Beitrag zur Lehre von der Verbrennung, Vierteljahresschrift für gerichtliche Medizin, Neue Folge XXXVII.
Darmstaedter Ernst, Kritisch-historische Bemerkungen über "Selbstverbrennung des menschlichen Körpers", Deutsche Zeitschrift für die gesamte gerichtliche Medizin, Bd. 18, 1932.
Merkel Hermann, Diagnostische Feststellungsmöglichkeiten bei verbrannten und verkohlten menschlichen Leichen, Deutsche Zeitschrift für die gesamte gerichtliche Medizin, Bd. 18, 1932.
Reuter Fritz, Mord durch Erdrosseln und nachträgliches Verbrennen der Leiche, Vierteljahresschrift für gerichtliche Medizin, 3. Folge, Bd. 57.
Franke Walter, Über Ergebnisse quantitativer spek trophotometrischer Untersuchun gen bei Kohlenoxydgasvergiftung, Beiträge zur gerichtlichen Medizin, Bd. XVIII, 1949.
Raestrup Gottfried, Richard Kockel, Deutsche Zeitschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 23, 1934.
Zink K. H., Pathologische Anatomie der Verbrennung. Jena, 1940.
Winkler Hans, Mord durch Verbrennen bzw. Mord und Verbrennen. Beiträge zur gerichtlichen Medizin, Bd. 17, 1943.
Walcher Kurt, Die vitale Reaktion bei der Beurteilung des gewaltsamen Todes, Zeitschrift für die gesamte gerichtliche Medizin, Bd. 26, 1935.
Mueller Berthold, Gerichtliche Medizin (Schäden durch Hitze und Strahlen).

Дело Дженни Дональд. Идентификация шлака, пепла, волос, пряжи и пр.

Wilson John G., The Trial of Jeannie Donald, Notable British Trials Series, London, 1953.
Shew, E. Spencer, A Companion to Murder, Knoph, 1961.
Smith Sydney, Mostly Murder.

Glaister John, Medical Jurisprudence and Toxicology (Hairs and fibers).
Glaister John, A Study of Haris and Wools Belonging to the Mammalian Group of Animals, Including a Special Study of Human Hair. Considered from the Medico-legal Aspect, Cairo, 1931.
Schwarzacher W., Über die Grundlagen der vergleichenden Haaruntersuchung, Archiv für Kriminologie. Bd. 113, 1943.
Smith Sydney u. John Glaister, Recent Advances in Forensic Medicine, London, 1939.
David u. Piringer, Bakteriologische Untersuchungen in der gerichtlichen Medizin, в: v. Neureiter, Pietrusky, Schütt, Hand wörterbuch der gerichtlichen Medizin und Kriminalistik.

Дело Хъюма. Проблема свертывания крови

Simpson Keith, Forensic Medicine, London, 1955.
Simpson Keith, The Development of Scientific Methods in Crime Investigation, Journal of Forensic Medicine, Bd. 8, 1961.
Simpson Keith, R., v. Dobkin — The Baptist Church Cellar Murder, Police Journal, 16/270/1943.
Lefebure Molly, Evidence for the Crown, London, 1955.
Camps Francis E., Medical and Scientific Investigations in the Christie Case, London, 1953.
Teare R. Donald, The Chesney Case, Medico-Legal Journal, 1955, Pt. II.
Cuthbert C. R. M., Science and the Detection of Crime. Camps vorläufige Feststellungen.
Camps F. E. u. H. S. Holden, The Case of Stanley Setty, Medico-Legal Journal, Bd. 19, 1951.
Settys Fingerabdrücke. Settys Vergangenheit. Die Umstände seines Verschwindens.
Beveridge Peter, Inside the C. I. D., London, 1957.
Scott Sir Harold, Scotland Yard, München, 1955.
Gonzales Thomas A., Morgan Vance, Milton Helpern, Charles J. Umberger, Legal Medicine, Pathology and Toxicology (The Human Blood Groups), New York, 1954.
Bagdassarow A. A. u. A. W. Guljajew, Bluttransfusion, Berlin, 1958.
Schleyer F., Quantitative Untersuchungen über den Fibrinogenschwund imLeichenblut, Archiv für experimentelle Pathologie, 211/292, 1950.

III. "Раскройте тайну яда..."

Дело Лафарг

Griffiths Arthur, Mysteries of Police and Crime, London, 1898.
Lafarge M. C., Denkwürdigkeiten, von ihr selbst geschrieben, Leipzig, 1841.
De Passilé Guy, Marie Lafarge, Paris o. J.
Saunders Edith, The Mystery of Marie Lafarge, London, 1951.
Marie Lafarge, die schlaue Diamanten-Diebin und fürchterliche Giftmischerin. Criminalgeschichte der neuesten Zeit, Leipzig, 1841.
Fritz U., Chemisch-Pharmazeutisches Bio- und Bibliographikon, Mittenwald, 1937.
Orfila M. J. B., Recherches sur l'empoissonnement par l'acide arsenieux, Paris, 1841.
Orfila M. J. B., Zwölf Vorlesungen über die Lehre von den Vergiftungen im allgemeinen und über die mit Arsenik insbesondere, Weimar, 1858.
Orfila M. J. B., Vorlesungen über die Arsenik-Vergiftung in chemischer, gerichtlicher und therapeutischer Hinsicht mit Bezugnahme auf den bekannten Lafargeschen Rechtsfall, Leipzig, 1843.
Oppen A. v., Die Memoiren der Lafarge für Richter und Ärzte. Ein Beitrag zur Gesetzrevision, Berlin, 1842.
Temme J. D. H. und G. A. Noerner, Der Prozeß Lafarge beleuchtet nach Preussischem Strafrechte, Berlin, 1841.

Woringen F. A. M. v., Gegen Temmes und Noerners Beleuchtung des Prozesses Lafarge nach preussischem Strafrechte, Berlin, 1841.

Токсикология времен процесса над Марией Лафарг

Bandlin O., Die Gifte und ihre Gegengifte, 1. Bd. (Geschichtlicher Überblick der Toxikologie von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart), Basel, 1869.
Buchner A., Toxikologie. Ein Handbuch für Ärzte und Apotheker sowie auch für Polizei- und Criminalbeamte, Nürnberg, 1822.
Christison R., Abhandlung über die Gifte, in bezug auf die gerichtliche Arzneikunde, Physiologie und praktische Medizin, Weimar, 1831.
Gmelin J. F., Allgemeine Geschichte der tierischen und mineralischen Gifte, Leipzig, 1776.
Göppert H. R., Einige Beiträge zur Kenntnis der Arsenik-Vergiftungen, Adolph Henke's Zeitschrift für die Staatsarzneikunde, 12, Jahrg. 1832, S. 16.
Hahnemann S., Über die Arsenikvergiftung, ihre Hülfe und gerichtliche Ausmittelung, Leipzig, 1786.
Lewin L., Die Gifte in der Weltgeschichte, Berlin, 1920.
Meister J. C. F., Leitfaden zu Vorlesungen über Gifte und Verbrechen der Vergiftung, Breslau, 1817.
Metzger J. D., Annalen der Staatsarzneikunde und Jurisprudenz, Königsberg, 1792-1795.
Metzger J. D., Kurzgefaßtes System der gerichtlichen Arzneywissenschaft, Königsberg, 1814.
Thompson C. J. S., Poisons and Poisoners, New York, 1931.
Wagner Hans-Joachim, Der Giftmord und sein Nachweis in der Zeit vomletzten Drittel des 18, bis zur ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts, Dissertation, Mainz, 18.12.1951.
Wiggers A., Die Trennung und Prüfung metallischer Gifte aus verdächtigenorganischen Substanzen, Göttingen, 1835.
Orfila M. J. B., Traité des poisons ou Toxicologie generale — 2 Bd., Paris, 1813 — 5. Aufl. 1852.

Орфила

Orfila M. J. B., Leçons de chimie légale — 3 Bd., Paris, 1823 — 4. Aufl. 1856.
Orfila M. J. B., Rapport sur les moyvens de constater la présence de l'arsenic dans les empoisonnements par le toxique, Paris, 1841.
Orfila M. J. B., Lehrbuch der gerichtlichen Medicin. Aus dem französischen übersetzt und mit Anmerkungen begleitet von J. Hergenröther, Leipzig, 1829.
Orfila M. J. B., Lehrbuch der Toxikologie. Aus dem Französischen mit selbständigen Zusätzen bearbeitet von G.Krupp, 2. Bd., Braunschweig, 1853.
Orfila M. J. B., Denkschrift über den in dem menschlichen Körper von Naturenthaltenen Arsenik. Adolph Henke's Zeitschrift für die Staatsarzneikunde, Jahrg. 1840, S. 180.

Джеймс Марш

Biographie Marsh, в: The Dictionary of National Biography, Oxford, 1917.
Bericht über den Fall Bodle, в: Plumstead, Records of the Woolwich District 1700-1883.
Marsh James, The Test for Arsenic, Edinburgh Philosophical Journal, Okt. 1863. Gutachten über die von Marsh angewendete Methode, Arsenik zu entdecken, Adolph Henke's Zeitschrift für die Staatsarzneikunde, 1842, 32, Erg.-Heft, S. 304.

Беспомощность токсикологии в борьбе с растительными ядами

Henry Th. A., The Plant Alcaloids, London, 1949.
Lewin Louis, Gifte und Vergiftungen. Lehrbuch der Toxikologie, Ulm, 1962.
Römpp Hermann, Chemie-Lexikon, Stuttgart, 1962.
Wagner Hans-Joachim, Der Giftmord und sein Nach weis in der Zeit vom letzten Drittel des 18. bis zur ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts.
Trier-Wintewstein, Alkaloide, Bd. 1-2, Berlin, 1927 bis 1931.

Дело Кастэна. Морфий как средство убийства и безуспешные попытки токсикологов тех лет доказать это

Auerbach Siegmund, Der Tod durch Morphiumvergiftung in gerichtlichmedicinischer Beziehung, Vierteljahresheft für gerichtliche Medizin, 3. Folge, XI Bd., Berlin, 1896.
Proces Complet d'Edme Samuel Castaing, Paris, 1823.
Affaire Castaing, Paris, 1823.
Irving H. B., A Book of Remakkable Criminals, New York, 1918.
Parry Leonard A., Some Famous Medical Trials, New York, 1928.
Hofmann L., Castaing, der zweifache Giftmischer. Nach franz. Aktenstücken bearbeitet, Berlin, 1825.
Merkwürdige Criminaluntersuchung zu Paris über Vergiftung durch essigsaures Morphium, Adolph Henke's Zeitschrift für die Staatsarzneikunde, Jahrg. 1823, S. 473.
Über den Criminalprozess gegen den wegen Giftmordes in Paris hingerichteten Dr. Castaing, Adolph Henke's Zeitschrift für die Staatsarzneikunde, Jahrg. 1824, 2. Erg.-Heft, S. 1-128.
Auch eine Stimme Castaing betreffend, Adolph Hehke's Zeitschrift für die Staatsarznei kunde, Jahrg. 1825, S. 210.

Дело Бокарме. Никотин как средство убийства. Стас и его способ обнаружения растительных алкалоидов

Der Neue Pitaval. Neunzehnter Theil. Neue Folge, Siebenter Theil, Leipzig, 1852.
Procés du comte et de la comtesse de Bocarme devant la cour d'assises de Hainaut, Mons, 1851.
Der Prozess Bocarmé und die Arbeiten von Stas und Orfila über Nicotin und Conicin, Adolph Henke's Zeitschrift für die Staatsarzneikunde, 44, Erg.-Heft, Erlangen, 1853.
Dennstedt M., Die Chemie in der Rechtspflege (Nachweis der nicht flüchtigen Gifte), Leipzig, 1910.
Husemann Th., Die Vergiftungen, в: Maschka's Handbuch der gerichtlichen Medizin, 2. Bd. (Casuistik. Giftmord durch Nicotin. Prozess Bocarme), Tübingen, 1882, S. 464.
Kippenberger Carl, Grundlagen für den Nachweis von Giftstoffen (Methode Stas — Otto), Berlin, 1897.
Otto Fr. J., Anleitung zur Ausmittelung der Gifte, Braunschweig, 1856.
Sonnenschein F. L., Handbuch der gerichtlichen Chemie (Nicotiana Tabacum. Tabak. Solanaccen-Nicotin. $C_{10}H_{14}N_2$), Berlin, 1881.
Tardieu Ambroise, Die Vergiftungen in gerichtsmedizinischer und klinischer Besiehung (Beobachtungen. Tödliche Nicotinvergiftung. Bericht von Stas über den Bocarme'schen Fall), Erlangen, 1868.

Дальнейшее развитие методов обнаружения алкалоидов. Ограниченные возможности цветных реакций

Dixonmann J., Forensic Medicine and Toxicology, London, 1893.
Falk August, Lehrbuch der präktischen Toxicologie, Stuttgart, 1880.
Kippenberger Carl, Grundlagen für den Nachweis von Giftstoffen, Berlin, 1897.
Taylor A. S., Die Gifte in gerichtlich-medizinischer Beziehung, Köln, 1862/63.

Отравление вдовы де Пов. Токсиколог Тардьё. Трупные алкалоиды

Macé G., Mon Musée Criminel, Paris, 1890.
Wilson, Colin, and Patricia Pitman, Encyclopedia of Murder, New York, 1962.
Hofmann E., Ambroise Tardieu, Wiener Medizinische Wochenschrift, № 4/1879.
Biographie Tardieu, в: Grand Dictionaire Universel du XIX Siecle, Paris, 1875.
Ambroise Tardieu, Vierteljahresschrift für Gerichtliche Medizin, 1879, S. 404.
Husemann Th., Vergiftungen, в: J.Maschka's Handbuch der Gerichtlichen Medizin (Casuistik, Giftmord durch Diditalin, Prozess Couty de la Pommerais), Tübingen, 1882.
Ambroise Tardieu, Die Vergiftungen in gerichtsärztlicher und klinischer Beziehung (Criminelle Vergiftung durch Digitalin. Bericht von A.Tardieu und Z.Roussin), Erlangen, 1868.

Kippenberger Carl, Grundlagen für den Nachweis von Giftstoffen (Digitalin).
Sonnenschein F. L., Handbuch der gerichtlichen Chemie (Digitalis purpurea — Digitalin).
Anders N. J., Soziale Gebrechen und Kapitalverbrechen (Betr. den Giftmischer de la Pommerais), Berlin, 1864.
Griffith Arthur, Mysteries of Police and Crime.
Liman, Die neuesten Leistungen der Gerichtsarzneikunde (Schlußteil), Allgemeine Deutsche Strafrechtszeitung, 7. Jahrg. 18€7, S. 622.
Louwage F. E., Die Witwe Becker aus Lüttich, Kriminalistik, Jahrg. 13, Heft 2 u. 3, Berlin, 1939.

Дело Ламсона. Аконитин

Eaton Harold, Famous Poison Trials, London, 1923.
Parry Leonard A., Some famous Medical Trials, New York, 1928.
Dewes Simon, Doctors of Murder, London, 1962.
Hopkins F. Gowland, Sir Thomas Stevenson, The Analyst. Vol. XXXIII, № 391, 1908.
Adam Hargrave L., Trial of George Henry Lamson, Edinburgh/London, 1913.
Williams Montagu, Leaves of a Life, London, 1893.
Craham Evelyn, Fifty Years of Famous Judges, London o. J.

Проблема трупных алкалоидов. Сельми

Husemann Th., Die Ptomaine und ihre Bedeutung für die gerichtliche Chemie und Toxikologie, Archiv der Pharmacie, N 217, 1880. S. 327-346.
Leichenalkaloide, Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft, Jahrg. 11, 1878, S. 1838.
Biographie Francesco Selmi, в: Enciclopedia Italiana, Bd. XXXI.
Provenzal, Commermorazione di Selmi, La Chimica, 1932, p. 178.
Selmi Francesco, Sulle ptomaine e alcaloidi cadaverici e loro importanza in tossicologia, Bologna, 1878.
Selmi Francesco, Alcuni criteri per la ricerca di alcaloidi vegetali in differenza della ptomaine, Bologna, 1880.
Adam Hargrave L., Trial of George Henry Lamson.
Parry Leonard A., Some famous Medical Trials.

Дело доктора Буханана и дело Карлиля Гарриса. Токсикологические экспертизы

Boswell Charles and Lewis Thompson, Practitioners of Murder, New York, 1962.
Furneaux Rupert, The Medical Murderer, London, 1957.
Hynd Alan, Prescription Murder, New York, 1962.
The Buchaman Case, Harpers Weekly, 8. Juni, 1895.
Boswell Charles, and Lewis Thompson, The Carlyle Harris Case, New York, 1955.
O'Connor Richard, Courtroom Warrior, Boston, 1963.
Smith Edward H., Famous Poison Mysteries, New York, 1925.
Pearson Edmund, More Studies in Murder, New York, 1936.
Carey Arthur A., Memoirs of a Murder Man, New York, 1930.
Biographie über Rudolph August Withaus, в: American Medical Biolgraphics 1920; Who is Who in America 1914/15, Journal of the American Medical Association, 8. Januar 1916; Science, 14. April 1916.
Taylor Alfred Swaine, A Manuel of Medical Jurisprudence (American Edition by Clark Bell), Philadelphia, New York, 1897.
Vaughan and Novy, Ptomains, Leucomains etc. o.O., April 1896.
Witthaus Rudolph August, Researches of the Loomis Laboratory, o.O. 1892.
Witthaus and Becker, Medical Jurisprudence, Forensic Medicine and Toxicology, Vol. IV, o.O. 1896 (Hierin die ausführliche Darstellung von Vaughans Experimenten vor Gericht).

Новые методы определения алкалоидов. Кристаллизация, точка плавления. Уилсокс в деле Криппена

Bamford Frank, Poisons, their Isolation and Identification, London, 1940.
Biographie Sir William H. Willox, в: British Medical Journal, 19. Juni 1941.
Smith Sydney, Mostly Murder, London, 1959 (Deutsche Ausgabe, Meistens Mord, Stuttgart, 1961).
Young Wilson, The trial of Hawley Harvey Crippen, London/Edinburgh 1920.
Engelhard L., Der Fall der Sängerin "Belle Elmore" und des Dr. Crippen, London, Archiv für Kriminologie, Bd. 117, 1956, Heft 5/6.

Развитие токсикологии к середине XX столетия

Autenrieth W., Detection of Poisons, London, 1928.
Gadamer J., Lehrbuch der chemischen Toxikologie, Göttingen, 1924.
v. Neureiter, Pietrusky, Schütt, Handwörterbuch der gerichtlichen Medizin und Kriminalistik, Berlin, 1940.
Autenrieth W., H. Bauer, Die Auffindung der Gifte und stark wirkenden Arzneistoffe, Dresden u. Leipzig, 1943.
Kofler L und A., Mikromethoden zur Kennzeichnung organischer Stoffe und Stoffgemische, Weinheim, 1945.
Müller Berthold, Gerichtliche Medizin (Forensische Toxikologie), Berlin, Göttingen, Heidelberg, 1953.
Weil Herbert u. Trevor I. Williams, Der Ursprung der Papierchromatographie, Die Naturwissenschaften, Jahrg. 40, 1953, Heft 1.
Lipson and Cochran, The Determination of Crystal Structures, London, 1953.
Michel P., La Spectroscopie d'emission, Paris, 1953.
Ullmanns Enzyklopädie der technischen Chemie (Anwendung physikalischer und physikalisch-chemischer Methoden im Laboratorium), Kopenhagen, 1954 (Deutsche Ausgabe 1960).
Trey und Legat, Einführung in die Untersuchung der Kristallgitter und Röntgenstrahlen, Wien, 1954.
Klug and Alexander, X-Ray-Diffraction Procedures, New York, 1954.
Gonzales Thomas A., Morgan Vance, Milton Helpern, Charles J. Umberger, Legal Medicine, Pathology and Toxikology, New York, 1954.
Nickolls L. C., The Scientific Investigation of Crime (Toxikology), London, 1956.
Seith W. und K. Ruthardt, Chemische Spektralanalyse, 1958.
Stewart C. P. and A. Stolman, Toxicology, Vol. I/II, New York/London, 1960/1961.
Prokop Otto und Alfred Bernt, Vergiftungen, в: Otto Prokop, Lehrbuch der Gerichtlichen Medizin, Berlin, 1960.
Scheller H., Einführung in die angewandte spektrochemische Analyse, Berlin, 1960.
Clarke E. G. L., Isolation and Identification of Alkaloids, в: Methods of Forensic Science Ed. Frank Lundquist, Vol. 1, New York/London 1962.
Römpp Hermann, Chemie-Lexikon, Bd. I-III.
Cramer Friedrich, Papierchromatographie, Weinheim, 1962.

Дело Седдона. Проблема наличия мышьяка в почве кладбища

Taylor Alfred Swaine, Die Gifte in gerichtlich-medizinischer Beziehung.
Taylor Alfred Swaine, The Principles and Practices of Medical Jurisprudence, Vol. I u. II, London, 1873.
Zaaijer T., Das Verhalten der Leichen nach Arsenikvergiftung. Vierteljahresschrift für gerichtliche Medizin u. öffentl. Sanitätswesen, Jahrg. 1886, Neue Folge, Bd. 44.
Schumburg, Über Arsenikvergiftungen in gerichtsärztlicher Beziehung. Vierteljahresschrift für gerichtliche Medizin und öffentliches Sanitätswesen, Jahrg. 1893, 3. Folge, Bd. VI.
Parry Leonard A., Trial of Dr. Smethurst, Edinburgh/London, 1931.
Wagner Hans-Joachim, Die Verwendung von Arsen zum Giftmord unter besonderer Berücksichtigung des Problems der arsenikhaltigen Friedhofserde, Pro Medico, 1. Jahrg., 1952, Heft 5.

Young Filson, Trial of the Seddons, Edinburgh/London, 1914.
Felstead Sidney Theodore, Sir Richard Muir. A Memoir of a Public Prosecutor, London, 1927.
Humphreys Travers, Criminal Days, London, 1946.
Browne Dougals and E. V. Tullet, Bernard Spilsbury, London, 1951.
Jacta Maximilian, Berühmte Strafprozesse, München, 1963.

Первые попытки определения количества мышьяка в трупе. Уилсокс

Young Filson, Trial of the Seddons.
Majoribanks Edward, The Life of Sir Edward Marshall Hall, London, 1929.
Roberts Bechhofer, Sir Travers Humphreys, London, 1936.
Taylors Principles and Practice of Medical Jurisprudence (Neubearbeitung von Sidney Smith und G.P.Stewart), London, 1948.
Rufus Isaacs, First Marquess of Reading, by his Son, London, 1950.
Glaister John, The Power of Poison, London, 1954.

Дальнейшее развитие определения количества яда. Калориметрия, титрометрия, электролиз, спектрофотометрия и пр.

Bamford Frank, Poisons, their Isolation and Identification.
Lieb Hans, Der gerichtlich-chemische Nachweis von Giften, в: Handbuch der biologischen Arbeitsmethoden, Avt. IV, Teil 12, 1. Hälfte, Bd. 2, Berlin/Wien, 1938.
Stewart G. P. and A. Stolman, Toxicology, Vol. I u. II.
Römpp Hermann, Chemie-Lexikon.
Biltz H. u. W., Ausführung quantitativer Analysen, o.O. 1960.
Uport, A. and Keyser, Colorimetric Analysis, London, 1957.
Rödicker H., Maßanalyse, Leipzig, 1959.
Kortüm, Kolorimetrie, Photometrie und Spektrometrie, Berlin, 1955.
Schuhknecht W., Die Flammenspektralanalyse, Stuttgart, 1960.
Milner G. W. C. and Randles, Polarography, New York, 1956.
Autenrieth u. Keller, Quantitative Chemische Analyse, Dresden, 1954.
Berl W. G., Physical Methods in Chemical Analysis, New York, 1960.

Решение проблемы о наличии мышьяка в организме человека, значение наличия мышьяка в волосах. Мышьяк в трупе и в почве кладбища. Дело Беснар

Stewart G. P. und A. Stolman. Toxicology, Vol. I.
Muller Berthold, Gerichtliche Medizine (Arsen und seine Verbindungen), Berlin, Göttingen, Heidelberg, 1953.
Besnard Marie, The Trial of Marie Besnard, London, 1963.
Stewart G. P. and A. Stolman, Toxicology (Radioactive Isotopes and Courpounds by Robert E, Zipf and Richard Grove), Vol. II, New York, 1961.
Michon R., Les procédés d'analyse par radioactivation et leur intérêt en médecine légal, Acta Méd. Lég. et Soc. Liège 11/1958, S. 119-128.
Greendale and Law, Rapid Radiochemical Procedure for Antimony and Arsenic, Analytical Chemistry, 5/1963.
Smith Hamilton, Estimation of Mercury in Biological Material by Neutron-Activation-Analysis, Analytical Chemistry, 5/1963.
Oliver H. R., Grenzen der gerichtsmedizinischen Expertise bei kriminellen Arsenvergiftungen, Archiv für Toxikologie, 15/1955, S. 415.
Weinig Emil, Die Nachweisbarkeit von Giften in exhumierten Leichen, Deutsche Zeitschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 47, 1958, S. 397-416.
Piédelièvre R. et L. Dérobert, Les limites de l'expertise toxicologique, Annales Méd. Lég. 33, 1953, S. 148.

Барбитураты

Nickolls L. C., The Scientific Investigation of Crime, London, 1956.
Römpp Hermann, Chemie-Lexicon.
Bodendorf K., Über den toxikologischen Nachweis von Barbitursäurederivaten, Archiv für Pharmazie, 270, 1932, S. 290.

Hussmann Friedrich, Über tödliche Veronalvergiftungen, Vierteljahresschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 50, S. 43.
Oettel H., Luminal-Vergiftungen und Luminal-Nachweis, в: Fühner-Behrens Sammlung von Vergiftungsfällen, Bd. VI, 1935, A 483.
Bendiner Robert, The Man Who Reads Corpses, Harper's Magazine, Febr. 1955.
Wilson Colin and Patricia Pitman, Encyclopedia of Murder.
Weinig Emil und Georg Schmidt, Zusammenstellung der in Deutschland im Handel befindlichen barbitursäurehaltigen Arzneimitteltabletten und Dragees (Tablettenidentifizierung barbiturhaltiger Arzneimittel als Hilfe zur Aufklärung fraglicher Vergiftungen), Archiv für Kriminologie, Bd. 125, 1960, Heft. 3/4, S. 90, Heft 5/6, S. 121.
Schmidt Georg, Detection and Estimation of Barbituric Acid Derivatives, в: Methods of Forensic Science, Edited by Frank Lundquist.
Gonzales Thomas A., Morgan Vance, Milton Helpern, Charles J. Umberger, Legal Medicine, Pathology and Toxicology (The Nonvolatite Organic Poisons, Isolation and Extraction).
Stewart C.P. and A. Stolman, Toxicology, Vol. II (Barbiturates by A. S. Curry).

Дело Леман. Яд Е-605

Prozessberichterstattung der Zeitungen: Süddeutsche Zeitung, Frankfurter Rundschau, Hamburger Abendblatt, Die Welt, Münchner Illustrierte Zeitung, № 11, 12, 13, 1954.
Schwerd W. und G. Schmidt, Einfache Schnellreaktion im Blut zum Nachweis von Vergiftungen mit dem Schädlingsbekämpfungsmittel E-605, Deutsche Medizinische Wochenschrift, N 77, 1952, S. 372.
Pribilla O., Vergiftungen mit E-605, Archiv für Toxikologie, Bd. 15, 1955, S. 210-281.
Taschen Benedikt u. Kurt Veldenz, Vegiftungen durch E-605, Kriminalistik, April 1954, S. 102.
Weinig Emil, Helga Schmitt, Georg Schmidt, Zum Beweiswert der Reaktion von Averell und Norris beim Nachweis von E-605, Archiv für Toxikologie, Bd. XV, 1955, S. 423.
Prokop Otto, Lehrbuch der gerichtlichen Medizin (Die Vergiftung mit Schädlingsbekämpfungsmitteln, E-605 und verwandte Präparate), Berlin, 1960.
Burger E., Beiträge zum Nachweis von E-605. Untersuchung über die Dauer der Nachweisbarkeit bei Anwendung spektrometrischer Methoden, Archiv für Toxikologie, 16, 1957, S. 401.
Fiori A., M. Marigo, Sei omicidi medicante E-605 compiuti da un minore, Minerva Medico legale, Turin, März/April 1961.

История возникновения естественно-научных полицейских лабораторий

Biographie: Prof. Dr. R. A. Reiss, Kriminalistik, Jahrg. 4, 1950, Heft 13/14.
Bischoff M. A., Le Professeur R. A. Reiss, Lyon, 1929. Les trente and d'enseignement universitaire du Professeur Bischoff, Revue de Criminologie et de Police technique, Vol. IV, N 4, Oct. — Dec. 1950.
Locard, Das Polizeilaboratorium in Lyon, Kriminalistik, Jahrg. 3, 1949, Heft 9/10.
Söderman Harry, Auf der Spur des Verbrechens, Köln, 1957.

Езерих, Ледден, Гюльзебош, Попп

Erinnerungen an Paul Jeserich, von seiner Schwiegertochter (Manuskript).
Jeserich Paul, Die Mikrophotographie auf Bromsilbergelantine bei natürlichem und künstlichem Licht unter ganz besonderer Berücksichtigung des Kalklichtes, Berlin, 1888.
Jeserich Paul, Über forensisch-chemische Untersuchungen, Tagesblatt der 55. Versammlung deutscher Naturforscher und Ärzte in Eisenach, 1882, N 7, S. 157-161.
Söderman Harry, Auf der Spur des Verbrechens.
Van Ledden Hulsebosch C. J., Die sieben "goldenen W" des Kriminalisten, Archiv für Kriminologie, 115, 1955, S. 8.
Popp Georg, Nachweis von Arsen in Leichenaschen, Zeitschrift für angewandte Chemie, 1928, S. 856.

Полицейские лаборатории в Германии. Роберт Гейндл

Präsident Robert Heindl zum 70. Geburtstag. Kriminalistik, 1953, Heft 15/16, S. 188.
Geheimrat Dr. Heindl, Deutsche Polizei, 1958, № 11.
Meinert Franz, Geheimrat Dr. Robert Heindl, Archiv für Kriminologie, Bd. 123, 1959, Heft 1/2.
Heindi Robert, Naturwissenschaftliche Kriminalistik, Arhiv für Kriminologie. Bd. 118, 1956, Heft 1/2.
Prof. Dr. August Brüning, Kriminalistik, 1950, S. 186.
Brüning August, Überblick über die historische Entwicklung der naturwissenschaftlichen Kriminalistik, Archiv für Kriminologie, Bd. 119. 1957, Heft 3/4.
Ulrich Wolfgang, Verbrechensbekämpfung, Neuwied, 1961.
Becker H., Kriminaltechnik als Hilfsmittel der kriminalpolizeilichen Ermittlungstatigkeit. Schriftenreihe des Bundeskriminalamtes "Kriminaltechnik", Wiesbaden, 1955.
Harder Alexander, Kriminalzenrtale Werderscher Markt, Bayreuth, 1963.
Haensch Walter, Der organisatiorische Weg zur einheitlichen Reichspolizei seit 1933, Berlin, 1939.
Hein Udo A., Die Reorganisation der Polizei in der Britischen Besatzungszone Deutschlands unter besonderer Berücksichtigung des englischen Polizeirechts, o.O., 1948.
Arnau Frank, Das Auge des Gesetzes, Düsseldorf, 1962.

Полицейские лаборатории в Англии

Cuthbert C. R. M., Science and the Detection of Crime, London, 1958.
Smith Sydney, Mostly Murder.
Scott Harold, Scotland Yard, London, 1954.
Sillitoe Percy, Cloak without Dagger, London, 1955.
Allgemeine Weltentwicklung. World list of Forensic Science Laboratories, London, 1963.

Развитие естественно-научной криминалистики в США

The Concise Encyclopedia of Crime and Criminals, New York, 1961.
Brasol Boris, Die Entwicklung der naturwissenschaftlichen Kriminaluntersuchung in den Vereinigten Staaten, Achiv für Kriminologie, Bd. 104, 1939, Heft 3/4.
Jennings Dean, Father of the modern Cop, The Progressive, Madison 31, März 1947.
Block Eugene B., The Wizzard of Berkeley, New York, 1951.
Whitehead Don, The FBI-Story, New York, 1956.

Дело Барлоу

Wilson Colin and Patricia Pitman, Encyclopedia of Murder.
Furneaux Rupert, Famous Criminal Cases II, New York o.D.
Birkenshaw V.J., M.R.Gurd, S.S.Randall, A.S.Curry, D.E.Price, P.H. Wright, Investigation in a Case of Murder by Insulin Poisoning, British Medical Journal, 23, August 1958.
Bathurst, Maurice E. and D.E.Price, Regina versus Kenneth Barlow, Medico-Legal Journal, N 26, 1958, S. 58-70.
Janitzki U., W.Ploch, F.Schleyer, H.Ditschuneit, E.Pfeiffer, Über den Insulin-Nachweis in der Leiche bei Insulin-Vergiftung, I. Kasuistischer Teil, II. Experimenteller Teil (Institut für Gerichtliche Medizin, Universität Bonn, und I. Medizinische Klinik, Universität Frankfurt a. M.), Med. exp. (Basel) 3, 1960, S. 17-32 (?).
Schreiber, Probleme der Kriminaltechnik vom Standpunkt der Gifte aus, в: Grundfragen der Kriminaltechnik, Wiesbaden, 1958, S. 147 ff.
Wagner Kurt, Verschleierte Tatbestände bei Todesfällen, в: Grundfragen der Kriminaltechnik, Wiesbaden, 1958, S. 157 ff.

Литература по судебной баллистике

Gross-Seelig, Handbuch der Kriminalistik, Bd. II, Berlin, 1954 (Kapitel: "Die Waffen, ihr Gebrauch und ihre Spuren", S. 215-296).
Morland Nigel, Science in Crime Detection, New York, 1958 (Kapitel: "Forensic Ballistics", S. 34-50).
Cuthbert C. B. M., Science and the Detection of Crime, London, 1958 (Kapitel: "The Ballistic Expert", S. 159-170).
Balleisen, The Principles of Firearms, New York, 1945.
Braverman, The Firearm-Directory, New York, 1951.
Söderman Harry, (John O'Connell): Modern Criminal Investigation, New York, 1955 (Kapitel: "Problems of Attacks with Firearms", S. 196-229).

Генри Годдард

Smith Sydney, Mostly Murder, New York, 1959 (Deutsche Ausgabe: Mord, Stuttgart, 1961).
Goddard Calvin, Forensic Ballistics.
Goddard Calvin, Firearms as Evidence, American Journal of Police Science, 1931.
Robinson H. M., Science Catches the Criminal, New York, 1935.
Lyle John H., The Dry and Lawless Years Englewood Cliffs, N. Y., 1960.
Goddard Calvin, The Valentine's Day Massacre, The American Journal of Police Science, 1929.
Lyle John H., The Dry and Lawless Years.
Ness Elliot (with Oscar Fraley), The Untouchables, New York, 1957.

Дело Ричардсона

Morland Nigel, An Outline of Scientific Criminology, London, 1950.

Пауль Езерих

Jeserich Paul, Mikrophotographien zum Schußwaffenvergleich, Neuruppin, 1898 (aus dem Besitz Paul Knorr, Berlin-Charlottenburg).

Гросс

Gross Hanns, Handbuch für Untersuchungsrichter, Erste Ausgaben 1893/94.

Кокель

Kraft B., Kritisches zur gerichtlichen Schußuntersuchung, Archiv für Kriminalistik, Bd. 87 (1930), S. 133.

Бальтазар

Balthazard, Précis de médecine légal, Paris, 1921. Außerdem: Archives d'Anthropologie Criminelle et de Médecine Légale, Bd. XXVIII (1913), S. 240.

Дело Стилоу

Stout Wesley W., Fingerprinting Bullets, The Saturday Evening Post, 13. Juni/20. Juni 1925.
White Frank Marshall, Where there are Women there is a Way, Good Housekeeping, August 1918.

Чарлз Уайт

Robinson H. M., Science Catches the Criminal.

Stout Wesley W., Fingerprinting Bullets.
Goddard Calvin, Forensic Ballistics, Army Ordnance, 1925, S. 196.

Фишер и геликсометр

Robinson H. M., Science Catches the Criminal.
Stout Wesley W., Fingerprinting Bullets.

Судебная баллистика в США

Goddard Calvin, Scientific Crime Detection Laboratories in Europe, American Journal of Police Science.
Whitehead Don, The F. B. I.-Story, New York, 1956 (Deutsche Ausgabe: Die FBI-Story, München, 1959).

Судебная баллистика после первой мировой войны

Kraft B., Kritisches zur gerichtlichen Schußuntersuchung, Archiv für Kriminologie, Bd. 87 (1930), S. 133.
Medinger Pierre, Bemerkungen über seine Schußwaffenexperimente im Archiv für Kriminologie, Bd. 88 (1931), S. 207.
Constant Jean, L'enseignement de la Criminologie en Belgique, Revue de Droit Penal et de Criminologie, Publication Jubilaire 1907-1957, Brüssel, 1957.
De Rechter G., Identification des domilles et des projectiles, Revue de Droit Penal et de Criminologie 1925, S. 126.
Brüning August, Beiträge zur Untersuchung und Beurteilung von Geschossen, Waffen und Einschüssen, Archiv für Kriminologie, Bd. 77 (1925), S. 81.
Pietrusky, Zur Identifizierung abgeschossener Patronenhülsen, Archiv für Kriminologie, Bd. 77 (1925), S. 95.
Raestrup, Die kriminaltechnische Untersuchung von Patronenhülsen und Geschossen, Deutsche Zeitschrift für gesamte gerichtliche Medizin, 1926, S. 242.
Waizenegger, Ein weiterer Beitrag zur Untersuchung von Patronenhülsen, Archiv für Kriminologie, 1926, S. 10.
Mezger Otto, Über die Entwicklung schießtechnischer Untersuchungen im Dienste der Justiz, Deutsche Zeitschrift für die gesamte gerichtliche Medizin, Bd. 13 (1929), S. 377.
Mezger Otto, Walter Hees, Fritz Hasslacher, Die Bestimmung des Pistolensystems aus verfeuerten Hülsen und Geschossen, Archiv für Kriminologie, Bd. 89 (1931), S. 3 und S. 93.
Klaiber, Otto Mezger, Archiv für Kriminologie, Bd. 95 (1934), S. 169.
Söderman Harry, L'Expertise des Armes a Feu Courtes, Lyon, 1928.
Cordonnier, Beschreibung seiner Kugelprüfmethode, в: Annales de Medecine Légale, 1926.
Balthazard, Précis de police scientifique, Paris, 1934.
Balthazard, Bericht über seine Methode der Geschoßabrollung auf Zinnfolien, в: Annales de Médecine Légale, Bd. 2 (1922), S. 345.
Locard, Manuel de Technique Policière, Paris, 1923/Paris, 1948.
Matwejeff, Zur Identifizierung der Selbstladepistolen, Deutsche Zeitschrift für die gesamte gerichtliche Medizin, Bd. 13 (1929), S. 377.
Sydney Smith, Das Vergleichsmikroskop in Kairo. Die Ermordung des Sirdar. Bericht nach London.
Smith Sydney, Mostly Murder.
Smith Sydney, Identification of Firearms and Projectiles, British Medical Journal, Januar 1926, The Police Journal, Bd. 1 (1929), S. 411.
Smith Sydney, Forensic Medicine and Toxicology, London, 1925.

Роберт Черчилль

Churchill Robert, Churchills Shotgun-Book, New York, 1955.
Churchill Robert, Forensic Examination of Firearms, Police Journal, London, July 1929.

Churchill Robert, Examination of Firearms and Ammunition, Transactions of Medico-Legal Society, London, 1934.
Churchill Robert, Firearms, Crime and Detection, London, 1934.
Smith Sydney, Mostly Murder.
Browne, Dougals G. and E. V. Tullet, Bernard Spilsbury, London, 1951.
Roughead William, Trial of John Donald Merrett, Edinburgh, 1929.
Tullet Tom, Portrait of a Bad Man, London, 1956.
Cuthbert C. R. M., Science and the Detection of Crime.
Hastings Patrick, Cases in Court, London, 1953.
Der Fall Gutteridge. Churchill und das Vergleichsmikroskop.
Berrett James, When I was at Scotland Yard, London o.J.
Morland Nigel, Science in Crime Detection.
Shore W. Teignmouth, Trial of Frederick Guy Browne and William Henry Kennedy, Edinburgh, 1930.
Crew Albert, The Old Bailey, London, 1933.

СОДЕРЖАНИЕ

I. НЕИЗГЛАДИМАЯ ПЕЧАТЬ, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ С ИДЕНТИФИКАЦИЕЙ

II. О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ МЕРТВЫЕ, ИЛИ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ

III. "РАСКРОЙТЕ ТАЙНУ ЯДА!", ИЛИ ТРИУМФЫ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ТОКСИКОЛОГИИ

IV. БАЛЛАДА О ПУЛЕ УБИЙЦЫ, ИЛИ ПУТИ К СУДЕБНОЙ БАЛЛИСТИКЕ